

ПРОТОИЕРЕИ
ГЕОРГИЙ МИТРОФАНОВ

**ОЧЕРКИ ПО ИСТОРИИ
РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ
XX ВЕКА**

**Церковь в гонении
Церковь в пленении**

ББК 86.372.24-36
УДК 271.2(470+571)(091)"19"(042.4)
М 67

Автор:

Протоиерей Георгий Николаевич Митрофанов — профессор, доктор богословия, кандидат философских наук, заведующий кафедрой церковной истории Санкт-Петербургской Духовной Академии, настоятель храма святых апостолов Петра и Павла при Санкт-Петербургской академии постдипломного педагогического образования.

Рецензенты:

Священник Гордей Эдуардович Щеглов — доктор церковной истории, профессор Минской Духовной Академии.

Сергей Львович Фирсов — доктор исторических наук, профессор кафедры ЮНЕСКО Санкт-Петербургского государственного педагогического университета имени А. И. Герцена, профессор Санкт-Петербургской Духовной Академии.

Редактор Е. Ю. Дорман

Художники А. Ю. Ващенко, И. Ю. Ващенко

Технический редактор В. Ю. Кознов

Корректоры В. А. Алексеев, И. М. Харитонова

Издательский дом «Практика»

110048, Москва, а/я 421. Тел. (495) 921-22-04

Электронная почта: practica@practica.ru. Сайт: www.practica.ru

Подписано в печать 31.08.2020. Формат 60×90/16

Тираж 2000 экз. Заказ №6354.

Отпечатано в ОАО «Можайский полиграфический комбинат»

143200, Россия, г. Можайск, ул. Мира, 93

www.oaomprk.ru, тел. (495) 745-84-28, (49638) 20-685

Протоиерей Георгий Митрофанов. Очерки по истории Русской Православной Церкви XX века. Церковь в гонении. Церковь в пленении. — М.: Практика, 2021. — 528 с.

М 67 Эта книга — курс лекций, который автор читает более тридцати лет в Санкт-Петербургской духовной семинарии. Книга охватывает два периода — с 1917 по 1927 год («Церковь в гонении») и с 1927 по 1958 год («Церковь в пленении»). Будучи «живым» курсом лекций, книга сохраняет полемически острый, зачастую эмоциональный и публицистически резкий стиль подачи материала. Она призывает читателя к размышлению и сопереживанию с автором.

Книга адресована студентам духовных семинарий, священникам и мирянам, а также всем интересующимся отечественной историей.

ISBN 978-5-89816-177-4

© Текст: протоиерей Георгий Митрофанов, 2021

© Оформление: Издательский дом «Практика», 2021

Содержание

От редакции	6
Предисловие	9
Церковь в гонении	11
Вступление	13
Русская Православная Церковь и Февральская революция	15
Русская Православная Церковь и Временное правительство	22
Поместный Собор 1917–1918 годов. Первая сессия	35
Религиозная политика большевистского режима на рубеже 1917–1918 годов	51
Св. Патриарх Тихон. Жизнь и труды до вступления на Патриарший Престол	56
Поместный Собор 1917–1918 годов. Вторая и третья сессии	67
Русская Православная Церковь в период Гражданской войны 1918–1922 годов	89
Русская Православная Церковь в период новых гонений начала 1920-х годов. Св. Патриарх Тихон и кампания по изъятию церковных ценностей	106
Св. Патриарх Тихон в 1922 году и начало обновленческого раскола	114
Священноисповедник Местоблюститель Патриаршего Престола митрополит Ярославский Агафангел (Преображенский). Жизнь и труды до вступления в должность Местоблюстителя	126
Св. Патриарх Тихон в 1923 году и борьба с обновленческим расколом	133
Св. Патриарх Тихон в 1923–1925 годах. «Новый курс»	144
Священномученик Местоблюститель Патриаршего Престола митрополит Крутицкий Петр (Полянский). Жизнь и труды до заключения в узы в 1925 году	172
Заместитель Местоблюстителя Патриаршего Престола митрополит Нижегородский Сергей (Страгородский). Жизнь и труды до вступления в должность Заместителя Патриаршего Местоблюстителя	180

Русская Православная Церковь в 1926 году. Послание соловецких епископов 1926 года	190
Русская Православная Церковь в 1927 году. Декларация митрополита Сергия	217
Русская Православная Церковь Заграницей. Церковный Собор 1921 года в г. Сремски Карловцы	232
Русская Православная Церковь Заграницей в 1922–1925 годах	238
Русская Православная Церковь Заграницей и митрополит Евлогий (Георгиевский) в 1926–1927 годах	252
Церковная жизнь русского зарубежья в 1927–1930 годах. Образование Западноевропейского экзархата Константинопольского Патриархата	261
Церковная жизнь русского зарубежья в 1930–1940 годах	270
Заключение	279
Церковь в пленении	281
Вступление	283
Русская Православная Церковь в 1927–1932 годах. Заместитель Патриаршего Местоблюстителя митрополит Сергий (Страгородский) и его борьба с церковной оппозицией. Заместитель Патриаршего Местоблюстителя митрополит Иосиф (Петровых)	285
Русская Православная Церковь в 1927–1932 годах. Заместитель Патриаршего Местоблюстителя митрополит Сергий (Страгородский) и его борьба с церковной оппозицией. Священноисповедник Патриарший Местоблюститель митрополит Ярославский Агафангел (Преображенский)	303
Священномученик Местоблюститель Патриаршего Престола митрополит Казанский Кирилл (Смирнов). Жизнь и труды до 1927 года	319
Русская Православная Церковь в 1927–1932 годах. Заместитель Патриаршего Местоблюстителя митрополит Сергий (Страгородский) и его борьба с церковной оппозицией. Священномученик Патриарший Местоблюститель митрополит Казанский Кирилл (Смирнов)	329

Русская Православная Церковь в 1927–1932 годах. Заместитель Патриаршего Местоблюстителя митрополит Сергий (Страгородский) и его борьба с церковной оппозицией. Священномученик Патриарший Местоблюститель митрополит Крутицкий Петр (Полянский)	351
Русская Православная Церковь в 1930-х годах. Заместитель Патриаршего Местоблюстителя митрополит Сергей во главе Московской Патриархии	368
Русская Православная Церковь в начале Второй мировой войны. 1939–1941 годы	392
Русская Православная Церковь на оккупированной территории в период Второй мировой войны	405
Русская Православная Церковь и советские военнопленные в годы Второй мировой войны	417
Русская Православная Церковь на территории СССР, не подвергавшейся немецко-фашистской оккупации в 1941–1943 годах	425
Архиерейский Собор 1943 года. Патриарх Сергей (Страгородский) и митрополит Сергей (Воскресенский)	444
Патриарх Алексей I. Жизнь и труды до вступления на Патриарший Престол	457
Поместный Собор 1945 года	469
Патриарх Алексей I в 1945–1948 годах	477
Русская Православная Церковь в период позднесталинских гонений 1948–1953 годов	495
Русская Православная Церковь и «церковная оттепель» 1954–1957 годов	511
Русская Православная Церковь накануне хрущевских гонений в 1957–1958 годах	522
Заключение	527

От редакции

Предлагаемая читателям книга «Очерки по истории Русской Православной Церкви XX века. Церковь в гонении. Церковь в пленении» представляет собой отредактированный для печати курс лекций, который его автор протоиерей Георгий Митрофанов, профессор Санкт-Петербургской Духовной Академии, читает на протяжении более чем тридцати лет в Санкт-Петербургской духовной семинарии. Разделение курса лекций на две части, охватывающие два хронологически следующие друг за другом периода в истории Русской Православной Церкви XX века с 1917 по 1927 год и с 1927 по 1958 год, связано с убеждением автора в том, что именно события 1927 года обусловили глубокую качественную перемену в истории Русской Православной Церкви, которая последовательно проявляла себя в последующие десятилетия во многих сторонах русской церковной жизни.

Первая часть книги «Церковь в гонении» показывает, как период между февралем и октябрём 1917 года, обычно рассматривающийся как период глубочайшего кризиса и даже развала русской церковной и государственной жизни, стал временем пусть еще до революции подготовленного, но начавшегося именно тогда церковного возрождения в контексте собравшегося в Москве Поместного Собора 1917–1918 годов. Именно тогда в Русской Православной Церкви впервые в ее истории принципы соборного управления были реально и формально положены в основу развития всех основных сторон церковной жизни, выдвинулись представители церковной иерархии, готовые осуществлять свою деятельность на их основе. Именно тогда опыт проведения Поместного Собора обозначил даже среди некоторых церковных иерархов тенденцию отказа от многовековой традиции государственного сервилизма, парализовавшей церковную жизнь в самых разнообразных исторических обстоятельствах, в которых оказывалась Православная Церковь со времен Византии.

Однако гонения на Церковь со стороны большевистского государства уже в период 1918–1927 годов сделали невозможным реа-

лизацию в церковной жизни в полной мере судьбоносных определений Поместного Собора 1917–1918 годов. Именно в это время среди представителей русской церковной иерархии началось формирование двух различных тенденций понимания дальнейших перспектив церковной жизни в Советской России вообще и дальнейшего развития церковно-государственных отношений в особенности, которые нашли свое первоначальное, вербально сформулированное выражение в Послании соловецких епископов 1926 года и Декларации митрополита Сергия 1927 года.

Книга «Церковь в пленении» рассматривает установление в Русской Православной Церкви единоличного правления Заместителя Патриаршего Местоблюстителя митрополита Сергия (Страгородского) как веху окончательного отказа поддерживавших митрополита Сергия представителей епископской иерархии от принципов церковного устройства, которые были провозглашены на Поместном Соборе 1917–1918 годов. Попытка сохранить в условиях беспрецедентных в русской истории антицерковных репрессий систему высшего церковного управления пусть даже ценой отторжения от церковной жизни всех не согласных с политикой митрополита Сергия представителей духовенства и готовности идти на любые компромиссы с представителями богоборческих властей определяется автором как победа в высшем церковном руководстве «обновленчества без обновленцев».

В книге показано, как антицерковные гонения в 1930-х годах привели к практически полному уничтожению внутри русского духовенства представителей «непоминающих» и сделали возможными расправы по политическим мотивам над русским православным духовенством не только карательными органами государства, но и постановлениями высшей церковной власти. При этом значительная и наиболее влиятельная часть новомучеников из числа епископата, в том числе и все три Патриарших Местоблюстителя, отвергли политику митрополита Сергия по существу и тем самым явили своей мученической кровью образ Православной Церкви в СССР как Церкви не только плененной, но и свободной и отнюдь не исключительно «сергианской».

Автор описывает сложное и противоречивое положение Русской Православной Церкви в годы Второй мировой войны как на подвергавшихся, так и не подвергавшихся немецко-фашистской оккупации территориях СССР и обоснованно констатирует, что являвшаяся одинаково построенной на компромиссах с действующей властью политика митрополита Сергия (Страгородского) в Москве

и политика митрополита Сергия (Воскресенского) на оккупированной территории позволила последнему достичь значительно больших успехов в возрождении церковной жизни в годы войны.

Рассматривая историю взаимоотношений Русской Православной Церкви и советского государства после 1943 года, когда вслед за пятилетним периодом политического и пропагандистского использования Церкви Сталиным наступил такой же пятилетний, названный автором «позднесталинским», период церковных гонений, автор делает вывод о перманентно присущей как коммунистической идеологии, так и коммунистической системе ненависти к христианству.

В первой части книги «Церковь в гонении» содержится лаконичный и содержательный очерк истории Православной Церкви в русском зарубежье в 1920–1950-х годах, помещенный именно в эту часть книги на том основании, что, испытав гонения в период Гражданской войны, представители православного духовенства русского зарубежья после ее завершения оказались в изгнании и, таким образом, были избавлены от пленения своей Церкви тоталитарным коммунистическим режимом, в отличие от своих собратьев, оставшихся в большевистской России.

«Очерки по истории Русской Православной Церкви XX века. Церковь в гонении. Церковь в пленении» — не учебник и даже не учебное пособие. Этот «живой» курс лекций, многие годы читавшийся в семинарской аудитории, а значит, и развивавшийся вместе с русской церковно-исторической наукой последних десятилетий, отличается эмоциональным, иногда публицистически резким стилем подачи материала, полемически заостренными, призывающими читателя к соразмышлению с автором характеристиками и выводами. Именно такой стиль подачи материала, рассчитанный на «слушание», объясняет и многочисленные пространные цитаты из документов, которые большинство студентов не будет читать за стенами аудитории, и «облегченный» справочный аппарат, ограниченный лишь ссылками на источники цитат.

Предисловие

Последние тридцать лет история Русской Православной Церкви в XX веке проделала путь своего становления от своеобразного *terra incognita* до одного из самых серьезно изученных церковно-исторических направлений. Заниматься восстановлением еще не написанных страниц этой истории тем легче сегодняшним историкам, поскольку они всегда могут опираться на «плечи» своих старших коллег и учителей, которым довелось писать в ней первые страницы. К числу именно таких первопроходцев принадлежит автор представленных читателям «Очерков по истории Русской Православной Церкви XX века. Церковь в гонении. Церковь в пленении». Протоиерей Георгий Митрофанов стоял у истоков церковно-исторической науки, начавшей изучать историю Русской Церкви в кровавое столетие. Уже одно это обстоятельство должно вызвать интерес у читателя к данной книге.

Однако вдумчивый читатель, как профессионал собрат-историк, так и просто мыслящий человек, скажет, что просто коллекционирование фактов (к которому часто сводится представление об истории) и даже построение из них сюжетов — это только поддела. Более того, заниматься таким коллекционированием или конструированием может и человек, не только не имеющий специальных знаний, но и не обладающий тонким чувством, ярким талантом или глубоким умом. Анализ дошедших источников с целью понять глубинный смысл, который они содержат, — куда более тонкая и серьезная работа. Но и это не все. Вдохновение у читателя вызывает такой писатель-историк, который способен как оживить прошлое перед глазами читателя, так и приоткрыть смыслы, которые ускользают при поверхностном знакомстве с прошлым, приподнять читателя над привычным ему горизонтом мышления и показать ему новые дали, доселе недоступные. Все это по силам только художнику-мыслителю, которого читатель вправе назвать философом. И когда философ берется постигать прошлое, он пишет Историю.

Автор курса лекций, положенных в основу данных «Очерков», протоиерей Георгий Митрофанов, известен именно как философ,

постигающий настоящее и прошлое, способный вдумчиво и глубоко проникнуть в их ткань и свою мысль донести до слушателя или читателя, вводя его в новое прочтение действительности, бывшей или настоящей. Сочетание двух качеств — первопроходца и философствующего историка — являются залогом того, что эта книга не сгинет на полках магазинов или библиотек среди многих иных, а будет одной из самых читаемых и обсуждаемых книг о тернистом пути Русской Церкви в XX веке. Да, в ней много личных и личностных оценок. Да, некоторые из этих оценок кажутся порой слишком категоричными, побуждающими вступить с автором в полемику. Но именно личностный подход историка и философа оправдывает и оценочно-осмыслительный подход автора, и личностный характер оценок. Куда интереснее и познавательнее читать книгу, в которой авторское начало выражено максимально лично. Тогда и оценки приобретают иной вес и качество, провоцируя мысль, вызывая интерес, заставляя задуматься над тем, что хорошо изучено, но еще так мало осмыслено, — историческими перипетиями Русской Православной Церкви в XX веке.

От себя добавлю: как ученик и теперь как младший коллега автора, слушавший курс по истории Русской Православной Церкви почти двадцать лет назад, я от всей души рад за своего наставника, который представляет свои размышления последних тридцати лет работы на суд читателя. Надеюсь, что читатели отнесутся к книге благосклонно.

*Протоиерей Константин Костромин,
кандидат исторических наук, кандидат богословия,
проректор по научно-богословской работе
Санкт-Петербургской Духовной Академии*

Церковь
в гонении

Вступление

На всем протяжении тысячелетней русской церковной истории основополагающей парадигмой, определявшей взгляд Русской Православной Церкви на мир, была почерпнутая из несметного богатства культурно-цивилизационного наследия Византии идея «симфонии церковной и государственной власти». Изначально интуитивно воспринятая и первые пять веков неосознанно присутствовавшая в церковной жизни Руси, эта идея определяла отношение представителей русской церковной иерархии к возглавителям государственной власти, которые утверждались в стране, от беспрерывно сменявших друг друга на киевском престоле удельных князей до раздававших потом ярлыки на великое княжение их потомкам ордынских ханов — сначала язычников, а потом мусульман. По существу, лишь во второй половине XV века, в правление великого князя Ивана III, эта идея была мировоззренчески отрафлексирована в кельях Елеазарова монастыря и церковно-политически манифестирована в новопостроенном Успенском соборе Москвы Третьего Рима с тем, чтобы еще почти пятьсот лет определять взаимоотношения Церкви и государства в Московском царстве и Российской империи при всех культурно-политических метаморфозах, переживавшихся обоими этими институтами.

Уже в Византии идея симфонии церковной и государственной власти подспудно предполагала онтологическую равновеликость и равноценность Церкви и государства, ибо симфония есть созвучие, и уже в Византии стала складываться традиция церковно-государственных отношений, предполагавшая невмешательство Церкви в деятельность государства, государей и даже государственных мужей даже во имя воцерковления их жизни и деятельности, которые продолжали следовать ложным ценностям языческого прошлого и даже антихристианского настоящего. Церковная иерархия практически снимала с себя ответственность за действия государства, тем более если это государство обеспечивало Церкви «тихое и безмолвное житие» обильными внешними привилегиями. Со своей стороны, государственная власть ощущала себя свободной от каких-ли-

бо, и прежде всего духовно-нравственных, обязательств перед Церковью, формально сохраняя обрядово-ритуальный статус симфонии властей. Со временем уже не в рухнувшей Византии, а в истории стран, претендовавших на государственно-культурное преэмоство по отношению к Византии, не воцерковленная внутренне, а лишь оцерковленная внешне государственная власть постепенно начинала окончательно расцерковляться в своей политической практике, а потом и в своей идеологии, а церковная иерархия причалась не столько симфонически сосуществовать, сколько какофонически приспособляться уже к любой форме государственной власти.

Но в начале XX века у Русской Православной Церкви появился уникальный шанс преобразить духовно-исторически изжившую себя парадигму симфонии церковной и государственной власти в парадигму симфонии свободной церковной и свободной общественной жизни или, как определяли эту формулу тогда как ее сторонники, так, чаще, и ее противники, «свободной Церкви в свободном государстве» (*libera chiesa in stato libero*). И шанс этот был связан с созывом Поместного Собора Православной Российской Церкви в условиях обрушившейся на страну революции.

Русская Православная Церковь и Февральская революция

Русская церковная история в XX веке может быть обозначена событиями Поместного Собора, в контексте которых следует рассматривать и оценивать ее дальнейший путь на протяжении последующих десятилетий. Ожидавшийся два века Поместный Собор был созван в условиях, которые, казалось, менее всего располагали и страну в целом, и Церковь в частности к проведению столь важного церковного мероприятия. Но между тем Богу было угодно сделать именно так, чтобы в канун радикальнейшего исторического перелома в жизни России Церкви дана была возможность высказать то, что на протяжении нескольких веков она вынашивала в сердцах своих архиереев, священнослужителей и мирян, которые были глубоко обеспокоены проблемами русской церковной жизни.

Именно Февральская революция стала прологом будущего Поместного Собора, и, может быть, одним из самых главных событий Февральской революции, имевшим отношение к Церкви и происшедшим уже в первые дни после ее начала, стало отречение императора Николая II от престола. Исполненный глубокого убеждения в том, что его отречение необходимо для предотвращения гражданской междоусобицы в России во время кровопролитной войны с внешним врагом, убежденный многими из тех, кому он доверял, что именно его отречение от власти умиротворит страну, понимавший, что в стране должны произойти реформы конституционного типа, и не желавший их далее осуществлять, поскольку это противоречило его глубоким внутренним принципам, император Николай II отрекся от престола 2 марта 1917 года.

По своему существу отречение стало одним из самых противоречивых эпизодов российской истории как с правовой, так и с политической точки зрения. Связано это было с тем, что основные законы Российской империи не предусматривали вообще процедуры отречения императора от власти. Тем более ничего не говорилось в них о возможности отречения императора как за себя, так и за

своего сына, который после отречения становился законным наследником престола вплоть до своей кончины. Однако акт об отречении, написанный императором Николаем II, предполагал именно отречение за себя и за сына.

Государь был искренним православным христианином, который немало сделал как для Русской Церкви, так и для Российского государства. Но случилось так, что акт об отречении весьма противоречиво отозвался как в судьбе русской государственности, так и в судьбе Русской Церкви. Связано это было именно с тем, что вся сложившаяся к тому времени система синодального управления ставила императора в положение, когда именно он, являясь верховным хранителем и защитником догматов православной веры, формально возглавлял церковную иерархию. Поэтому, решившись отречься от власти государственной, Государь так или иначе должен был отречься и от власти церковной. Разрешение этой трудной, мучительной для него проблемы требовало, наверное, глубоких раздумий, молитвенных переживаний. Но времени не было. И в таких очень сложных условиях появился — написанный буквально в считанные часы — документ, который во многом определил дальнейшую судьбу Российского государства и Русской Православной Церкви.

Вот что мы читаем в акте об отречении, написанном из лучших побуждений, но объективно создавшем тогда в стране очень сложную ситуацию как в государственной, так и в церковной жизни:

В дни великой борьбы с внешним врагом, стремящимся почти три года поработить нашу Родину, Господу Богу угодно было ниспослать России новое тяжкое испытание. Начавшиеся внутренние народные волнения грозят бедственно отразиться на дальнейшем ведении упорной войны. Судьба России, честь героической нашей армии, благо народа, все будущее дорогого нашего отечества требуют доведения войны во что бы то ни стало до победного конца. Жестокий враг напрягает последние силы, и уже близок час, когда доблестная армия наша совместно со славными нашими союзниками сможет окончательно сломить врага. В эти решительные дни в жизни России почли мы долгом совести облегчить народу нашему тесное единение и сплочение всех сил народных для скорейшего достижения победы и в согласии с Государственной думою признали мы за благо отречься от престола государства Российского и сложить с себя верховную власть. Не желая расстаться с любимым сыном нашим, мы пере-

даем наследие наше брату нашему великому князю Михаилу Александровичу и благословляем его на вступление на престол государства Российского. Заповедуем брату нашему править делами государственными в полном и ненарушимом единении с представителями народа в законодательных учреждениях на тех началах, кои будут ими установлены, принеся в том ненарушимую присягу. Во имя горячо любимой Родины призываем всех верных сынов Отечества к исполнению своего святого долга пред ним повиновением царю в тяжелую минуту всенародных испытаний и помочь ему вместе с представителями народа вывести государство Российское на путь победы, благоденствия и славы. Да поможет Господь Бог России.

Николай¹

В этом документе не сказано ни слова о дальнейшей судьбе Церкви, тем более не указана возможность созыва Поместного Собора. И связано это было не столько с тем, что император, в силу сложнейших обстоятельств, которые тогда складывались вокруг него, не мог в полной мере продумать все последствия акта об отречении, сколько с тем, что институт монархии в России, по мнению императора Николая II, сохранялся и верховную власть должен был принять на себя великий князь Михаил Александрович. Теперь вся дальнейшая судьба русской государственности, а значит, и церковной жизни во многом зависела от решения брата отрекшегося императора.

Другим своим распоряжением император Николай II назначил нового главу правительства — князя Г. Е. Львова, кандидатуру которого выдвигали многие представители либеральной оппозиции, с именем которого связывали надежду на то, что возглавленное им правительство сможет получить полное доверие Государственной думы, а значит, как казалось тогда, и всей страны в целом. Но уже в это время в Петрограде появился новый, не имевший никаких законных полномочий орган — Совет рабочих и солдатских депутатов, и началось очень опасное противостояние между ним и Временным правительством, среди членов которого далеко не все были готовы вести с этим самозванным органом достаточно последовательную борьбу. Колебания Временного правительства перешли и великому князю Михаилу Александровичу.

На исторической и во многом роковой для дальнейших судеб России встрече великого князя Михаила Александровича с члена-

¹ Церковные ведомости. 1917. № 9—15. С. 55—56.

ми Временного правительства только два министра — военный и морской министр А. И. Гучков и министр иностранных дел П. Н. Милюков — настойчиво требовали от великого князя вступления на престол и укрепления начал Российской государственности. Все остальные члены Временного правительства, напротив, убеждали его в необходимости воздержаться от немедленного вступления на престол и доверить решение вопроса о сохранении монархии Учредительному собранию. К сожалению, великий князь Михаил Александрович прислушался к мнению именно второй части членов Временного правительства и подписал манифест об условиях принятия им верховной власти, составленный для него ведущими правоведами конституционно-демократической партии В. Д. Набоковым и бароном Б. Э. Нольде. В этом документе говорилось следующее:

Тяжкое бремя возложено на Меня волею Брата Моего, передавшего Мне Императорский Всероссийский Престол в годину беспримерной войны и волнений народных. Одушевленный единою со всем народом мыслью, что выше всего благо Родины нашей, принял твердое решение в том лишь случае воспринять Верховную власть, если такова будет воля великого народа нашего, которому надлежит всенародным голосованием, чрез представителей своих в Учредительном собрании, установить образ правления и новые основные Законы Государства Российского. Посему, призывая благословение Божие, прошу всех граждан Державы Российской подчиниться Временному правительству, по почину Государственной Думы возникшему впредь до того, как, созванное в возможно кратчайший срок, на основании всеобщего, прямого, равного и тайного голосования, Учредительное собрание своим решением об образе правления выразит волю народа.

Михаил¹

Этот акт уже имел качественно иное значение, нежели акт об отречении императора Николая II от престола. Теперь дальнейшее сохранение традиционной монархической формы государственности в России ставилось в зависимость от решения Учредительного собрания, которое должно было со временем определить будущий государственный строй России. Допускалась возможность и ликвидации монархии, если такова будет воля Учредительного собрания. И с этой точки зрения еще более остро ставился вопрос о

¹ Церковные ведомости. 1917. № 9–15. С. 55–56.

дальнейшей судьбе Церкви, ибо изменение государственной власти в России, превращение ее в республику кардинально меняло все сложившиеся в условиях синодальной системы формы взаимоотношения Церкви и государства. К сожалению, о Церкви в данном документе не было сказано ни слова, и получавшее на неопределенное время всю полноту законодательной, исполнительной и судебной власти в России Временное правительство тем самым становилось на место главы Российского государства, то есть по существу формально оказывалось хранителем и защитником догматов господствующей веры.

Важным обстоятельством, определившим начало диалога между Временным правительством и священноначалием Русской Православной Церкви, явилось во многом присущее как членам Временного правительства, так и членам Святейшего Синода, как, впрочем, и многим представителям церковной иерархии, глубокое разочарование в личности отрекшегося императора Николая II и различных аспектах его политики. Данное обстоятельство проявилось уже при первой встрече назначенного Временным правительством обер-прокурора В. Н. Львова 4 марта 1917 года с членами Святейшего Синода, прошедшей в весьма благоприятной атмосфере и завершившейся выносом из зала заседаний Святейшего Синода императорского кресла.

В эти же дни правящие архиереи, находившиеся в епархиях в разных концах России и не являвшиеся в тот период членами Святейшего Синода, весьма активно и во вполне определенной тональности отзывались на смену власти в стране. Будущий священномученик архиепископ Тамбовский и Шацкий Кирилл (Смирнов) уже 4 марта 1917 года в своей проповеди подчеркивал:

Освобожденные Самим Государем от присяги Ему, мы имеем в лице Временного Правительства, Государственной Думой учрежденного, вполне законную власть, которой Государь и следом за ним Великий Князь Михаил Александрович передали свои Верховные права. Посему должны мы теперь повиноваться Временному своему Правительству, как повиновались не за страх, а за совесть Государю своему, отрекшемуся ныне от управления нами¹.

Весьма созвучно с достаточно аполитичным архиепископом Кириллом (Смирновым) один из главных руководителей крайне правого монархического движения из числа архиереев архиепископ

¹ Тамбовские епархиальные ведомости. 1917. № 10–11. Отдел неофиц. С. 248.

Харьковский и Ахтырский Антоний (Храповицкий) 5 марта 1917 года в своем поучении так разъяснял пастве происшедшие в России события:

Новый Государь (Великий князь Михаил Александрович. — *Г. М.*) повелел повиноваться Временному правительству, состав которого, возглавляемый кн. Львовым, г. Родзянко, вам известен из газет. С этого момента означенное правительство стало законным в глазах монархистов, то есть повинующихся своим государям русских граждан. И я, пастырь Церкви, обязанный всегда увещевать народ свой повиноваться предержавшим властям, призываю вас к исполнению сего долга теперь, то есть к послушанию Комитету новых министров и его главе — князю Львову и г. Родзянке, как временной главе государства, а равно и всем вместе властям, которые были и будут утверждены упомянутым комитетом и его уполномоченными... Почему не молимся за царей? Потому, что царя у нас теперь нет — и нет потому, что оба царя от управления Россией отказались сами, а насильно их невозможно именовать тем наименованием, которое они с себя сложили. Если бы царь наш не отказался от власти и хотя бы томился в темнице, то я бы увещевал стоять за него и умирать за него, но теперь ради послушания ему и его брату мы уже не можем возносить имя его как Всероссийского Государя. От вас зависит, если желаете, устроить снова царскую власть в России, но законным порядком, чрез разумные выборы представителей своих в Учредительное Собрание. А какой это будет законный порядок выборов, о том решат уже не мы, духовные, а Временное Правительство¹.

Одним из самых верноподданнических по отношению к новой власти оказалось обращение к членам духовной консистории и благочинным епархии еще одного видного деятеля крайне правого монархического движения, будущего священномученика архиепископа Тверского и Кашинского Серафима (Чичагова) 7 марта 1917 года:

Милостию Божиею, народное восстание против старых, бедственных порядков в государстве, приведших Россию на край гибели в тяжелые годы мировой войны, обошлось без многочисленных жертв и Россия легко перешла к новому государственному строю, благодаря твердому решению Государственной Думы,

¹ Пастырь и паства. 1917. № 10. Часть неофиц. С. 280—281.

образовавшей Временное правительство, и Совету рабочих депутатов. Русская революция оказалась чуть ли не самой короткой и самой бескровной из всех революций, которые знает история. Поэтому долг и обязанность каждого православного гражданина Русской земли... всемерно поддержать новую власть во всех ее начинаниях по водворению порядка и законности в городах и во всей стране, дабы Временное правительство могло скорее приступить к созыву Учредительного собрания, которое определит решение народное о новой форме правления в России... Прошу передать моей дорогой пастве Божие благословение и архипастырский призыв... к подчинению властям, вновь установленным нашим доблестным и мудрым Временным правительством. Святейший Синод, все мы — архипастыри и многочисленное духовенство — вполне присоединились к новому Временному правительству и призываем к тому же верующий русский народ¹.

¹ Тверские епархиальные ведомости. 1917. № 9–10. Часть офиц. С. 75–76.

Русская Православная Церковь и Временное правительство

7 марта 1917 года Святейший Синод издал определение, согласно которому «во всех случаях за богослужениями вместо поминовения царствовавшего дома возносить моление “о богохранимой державе Российской и благоверном Временном правительстве ея”»¹. Наконец, 9 марта 1917 года в обращении к чадам Православной Российской Церкви Святейший Синод безусловно признал и поддержал власть Временного правительства:

Свершилась воля Божия. Россия вступила на путь новой государственной жизни. Да благословит Господь нашу великую Родину счастьем и славой на ее новом пути... Временное Правительство вступило в управление страной в тяжкую историческую минуту. Враг еще стоит на нашей земле, и славной нашей армии предстоят в ближайшем будущем великие усилия. В такое время все верные сыны Родины должны проникнуться общим воодушевлением. Ради миллионов лучших жизней, сложенных на поле брани, ради бесчисленных денежных средств, принесенных для завоевания гражданской свободы, ради спасения наших собственных семейств, ради счастья Родины оставьте в это великое историческое время всякие распри и несогласия, объединитесь во имя братской любви на благо России, доверьтесь Временному Правительству, все вместе и каждый в отдельности приложите усилия, чтобы трудами и подвигами, молитвою и повиновением облегчить ему великое дело водворения новых начал государственной жизни и общим разумом вывести Россию на путь истинной свободы, счастья и славы. Святейший Синод усердно молит Всемогущего Господа, да благословит Он труды и начинания Временного Российского Правительства, да даст ему силу, крепость и мудрость, а подчиненных ему сынов Великой Россий-

¹ Церковные ведомости. 1917. № 9–15. С. 58.

ской Державы да управит на путь братской любви, славной защиты Родины от врага и безмятежного мирного устроения¹.

При этом об отречении императора Николая II и о возможной перспективе сохранения в России монархической государственности в обращении не было сказано ни слова. Показательно, что среди подписавших данный акт были не только почти все члены Святейшего Синода, назначенные туда последним государем императором, но и будущие подвижники, прославленные, канонизованные святители Русской Церкви — святой Патриарх Тихон (Беллавин), тогда архиепископ Литовский, священномученик митрополит Киевский Владимир (Богоявленский), святитель митрополит Московский Макарий (Невский). Оказавшись в ситуации, когда в условиях ослабления государственной власти Церкви нужно было определять свою внутреннюю жизнь, свою внешнюю политику, Церковь была готова взять на себя эту сложную, во многом ставшую для нее непривычной миссию.

Обер-прокурор Святейшего Синода, назначенный Временным правительством, В. Н. Львов был готов, подобно своим предшественникам синодального периода, вмешиваться в церковную жизнь. Только на этот раз вмешательство государственной власти должно было иметь характер привнесения в церковную жизнь элементов, приемлемых для нового, демократического Временного правительства. Обер-прокурор В. Н. Львов настоял на том, чтобы Синод отправил на покой тех архиереев, которые были выдвиженцами Григория Распутина, которого тогда воспринимали как злого гения России. Однако давление В. Н. Львова касалось не только тех архиереев, которые, подобно, например, Петроградскому митрополиту Питириму (Окнову), действительно не отличались особыми добродетелями и были ставленниками столь сомнительного старца, каким был Г. Е. Распутин. Наряду с подобными архиереями В. Н. Львов настаивал на удалении с кафедр архиереев, которые никак с Г. Е. Распутиным связаны не были, наоборот, нередко отличали его, но в которых В. Н. Львов видел представителей крайне правой в политическом отношении части русского епископата. Одним из таких архиереев был, например, архиепископ Харьковский Антоний (Храповицкий). И Святейшему Синоду пришлось уступить: двенадцать из указанных В. Н. Львовым архиереев были удалены на покой.

¹ Церковные ведомости. 1917. № 9–15. С. 57.

В то же время Временное правительство, несмотря на жесткое давление Петроградского Совета, 7 марта 1917 года утвердило текст новой воинской присяги, в котором было сохранено его традиционное религиозное содержание: «Клянусь честью офицера (солдата) и обещаюсь перед Богом и своей совестью быть верным и неизменно преданным Российскому Государству, как своему Отечеству... В заключение данной мною клятвы осеняю себя крестным знаменем и нижеподписуюсь»¹. Принесение новой воинской присяги военными чинами православного вероисповедания предполагало обязательное присутствие представителей православного духовенства. Первым законодательным актом Временного правительства, существенно изменившим многовековой *status quo* Русской Православной Церкви как первенствующего вероисповедания в многоконфессиональной жизни России, стало появившееся 20 марта 1917 года постановление об отмене вероисповедных и национальных ограничений: «Все установленные действующими узаконениями ограничения в правах российских граждан, обусловленные принадлежностью к тому или иному вероисповеданию, вероучению или национальности, отменяются»². Этот документ, подчеркивавший готовность Временного правительства уже с первых недель своего существования проводить политику последовательной либерализации российского законодательства, не был оспорен членами Святейшего Синода и даже не вызвал критики в широких слоях духовенства.

Примечательно, что в этот же день товарищем обер-прокурора Временным правительством был назначен выдающийся церковный историк и общественный деятель, председатель Религиозно-философского общества Санкт-Петербурга А. В. Карташев, которому суждено будет выступать последовательным защитником интересов Русской Православной Церкви на протяжении всего периода существования Временного правительства.

Следует отметить, что при сохранении без изменений статей прежнего российского законодательства, определявших деятельность Святейшего Синода, и после отречения императора Николая II все синодальные постановления, вступавшие в силу без утверждения их отсутствовавшим тогда в России Государем, не могли считаться с формально-правовой точки зрения вполне легитимными. В то же время неожиданно получившее полноту власти

¹ Вестник военного и морского духовенства. 1917. № 4 (50). С. 1.

² Церковные ведомости. 1917. № 9–15. С. 64–66.

в стране Временное правительство оказывалось по отношению к Русской Православной Церкви в положении монархической власти, которая в соответствии с российским законодательством выступала как «верховный защитник и хранитель догматов господствующей веры». Столь двусмысленное положение Временного правительства, конечно же не вторгавшегося в сферу догматическую, не могло не привести к его столкновению с членами Святейшего Синода в сфере административно-правовой.

Такое столкновение произошло 15 апреля 1917 года, когда появился указ Временного правительства о прекращении зимней сессии Синода, об увольнении его членов, назначенных еще последним Государем, и о вызове на летнюю сессию новых членов, выбранных обер-прокурором В. Н. Львовым¹. Указ Временного правительства вызвал протест практически всех членов Святейшего Синода и подвергся критике со стороны товарища обер-прокурора А. В. Карташева, считавшего, что члены нового состава Святейшего Синода должны были избираться по-другому: архиереи — епископатом, а священнослужители — белым духовенством. Указ, тем не менее, был проведен в жизнь. Впрочем, члены нового состава Святейшего Синода были склонны продолжить конструктивное сотрудничество с Временным правительством и, исходя из заверений обер-прокурора В. Н. Львова о дальнейшем невмешательстве в деятельность сформированного им Святейшего Синода, уже через две недели после появления указа 29 апреля 1917 года приняли обращение к Церкви, реализация идей которого в ближайшей перспективе должна была вывести высшее церковное управление из-под контроля государственной власти.

Обращение от 29 апреля 1917 года предусматривало принятие немедленных мер, которые должны были кардинально изменить весь уклад жизни Русской Православной Церкви:

Святейший Синод своей первой и неременной задачей поставляет приложить все усилия к скорейшему по возможности созыву Всероссийского Поместного Собора и уже сделал распоряжение о призыве сведущих и уполномоченных различными церковными учреждениями людей для немедленной разработки вопросов, подлежащих разрешению на Соборе... <...> Настойт неотложная нужда теперь произвести некоторые изменения во всех сторонах церковной жизни. Издревле господствующее

¹ Церковные ведомости. 1917. № 16–17. С. 83.

в Православной Церкви выборное начало должно быть проведено во все доступные для него формы церковного управления¹.

Исходя из данного обращения, Святейший Синод уже 20 июня 1917 года принял «Временное положение о православном приходе», которое должно было активизировать участие мирян в приходской жизни посредством усиления в жизни приходов выборного начала². По благословию Святейшего Синода в течение лета 1917 года во всех епархиях прошли выборы епархиальных архиереев, позволившие осуществить опыт создания в Русской Православной Церкви соборно избранного епархиального управления. Наконец, 5 июля 1917 года Святейший Синод принял «Положение о созыве Собора», который, уже будучи основательно подготовленным членами Предсоборного Совета, должен был открыться через полтора месяца в Москве, чтобы сформировать в Русской Православной Церкви соборно избранные и независимые от государственной власти органы высшего церковного управления³. Следует подчеркнуть, что ни выборы епархиальных архиереев, ни работа Предсоборного Совета не сопровождались сколь-либо ощутимым вмешательством представителей государственной власти, которая на заседаниях Особого совещания по общим вероисповедным вопросам при Министерстве внутренних дел с апреля 1917 года приступила к разработке проекта нового религиозного законодательства на основе направлявшихся в совещание предложений представителей различных конфессий России.

На первый взгляд, серьезным испытанием отношений между Временным правительством и Святейшим Синодом в его новом составе мог бы стать организованный при активной поддержке В. Н. Львова Всероссийский съезд духовенства и мирян, проходивший в Москве с 1 по 11 июня 1917 года. Обер-прокурор надеялся, что съезд поддержит его программу церковных реформ и изберет новый состав Святейшего Синода из семи членов и постоянно действующий при нем совет из двенадцати членов, составленный из представителей епископата, духовенства и мирян. Однако как многие важные для обер-прокурора положения его программы церковных реформ, так и избрание на съезде нового состава орга-

¹ Священный Собор Православной Российской Церкви. Деяния. Кн. I. Вып. I: Предисловие, документы и материалы к созыву и деятельности Предсоборного Совета и Собора. М.: Изд. Соборного Совета, 1918. С. 3—4.

² Церковные ведомости. 1917. № 28. С. 193—199.

³ Священный Собор Православной Российской Церкви. Деяния. Кн. I. Вып. I. С. 11.

нов высшего церковного управления были отвергнуты большинством участников съезда, поддержавшим позицию Святейшего Синода и также стремившимся обсуждать церковные преобразования на подготавливавшемся в это время Поместном Соборе. Уже 12 июня 1917 года состоялось торжественное открытие Предсоборного Совета, состав которого из весьма авторитетных представителей церковной иерархии и церковной науки, уже более десяти лет готовивших проекты весьма реформаторски ориентированных решений Поместного Собора, оказывался более авторитетным, чем состав Всероссийского съезда духовенства и мирян.

5 июля на основе доклада Предсоборного Совета, который разработал процедуру созыва Собора, принципы его работы и проекты многих основных постановлений, Синод принял определение, по которому Поместный Собор должен был открыться 15 августа в Москве. Было принято и положение о созыве Собора, которое очень четко регламентировало процедуру избрания членов Собора. Созывая Собор, Русская Православная Церковь стремилась восстановить, а правильнее сказать, по-настоящему утвердить принцип соборного начала в нашей церковной жизни как опираясь на многовековую практику созывов соборов в различных Поместных Церквях, так и учитывая запросы современной церковной жизни.

Положение о созыве Собора предполагало следующие состав и процедуру избрания Собора. На Соборе должны присутствовать представители как церковной иерархии, так и мирян: 564 члена — 265 представителей духовенства и 299 мирян. Все члены Собора делились на три разряда. Первый разряд — члены Собора «по должности», он включал в свой состав членов Святейшего Синода и всех правящих епархиальных архиереев, всех 62 членов Предсоборного Совета, которые активно работали над будущими решениями Собора и являли собой цвет нашей богословской церковной общественности. Особое почетное право быть членами Собора «по должности» получили настоятель московского Успенского собора протопресвитер Николай Любимов и протопресвитер армии и флота Георгий Шавельский, четыре заместителя Лавр, четыре настоятеля ставропигиальных монастырей, настоятели Саровской и Оптиной пустыней.

Основной же в количественном отношении группой была группа членов Собора «по избранию». Большую часть этой группы составляли представители епархий — 330 человек, которых для участия в Соборе в каждой епархии избирали епархиальные съезды (двое священнослужителей и трое мирян от каждой епархии). Кроме

того, в эту группу входили десять представителей монастырского монашества, пятнадцать представителей военного и морского духовенства, общее количество которого значительно увеличилось в годы войны. Каждая Духовная Академия направляла на Собор по три своих избранных представителя. Кроме того, на Собор избирались представители некоторых больших викариатств, их было одиннадцать человек. Каждый университет и Академия наук должны были также избрать своего представителя, разумеется, православного вероисповедания. На Собор избирались пятнадцать представителей Государственного Совета и Государственной думы. Реально они уже не функционировали, не имели влияния на развитие событий в стране, но, как законные органы государственной власти, некогда избранные, они могли своих представителей направить на Собор.

И наконец, третья, весьма небольшая группа — члены Собора «по приглашению» — состояла из некоторых архиереев, находившихся на покое, представителей Восточных Патриархатов и других автокефальных Православных Церквей, некоторых викарных епископов. При этом все члены Собора наделялись правом решающего голоса.

Структура Собора во многом определяла и процедуру принятия решений. На Соборе присутствовали представители всех слоев церковного народа — от епископов до мирян, которым предоставлялась возможность высказаться о своих чаяниях и принять непосредственное участие в принятии решений. Особые права оставляла эта структура за епископами, потому что иерархия, установленная Христом в Церкви, безусловно, несет особую ответственность за принятие тех или иных церковных решений. Предполагалось, что Собор, его повседневную работу будут возглавлять два председателя: почетный председатель и просто председатель. Председатель будет руководить деятельностью Соборного Совета, который должен состоять из шести товарищей председателя, секретаря и двух его помощников. В Соборном Совете должны быть представлены и духовенство, и миряне.

Все решения Собора должны были предварительно разрабатываться и обсуждаться в двадцати двух отделах (и трех совещаниях), каждый из которых занимался определенным кругом вопросов: Уставный отдел, отделы Высшего церковного управления, Епархиального управления, церковного суда, благоустройства прихода, правового положения Церкви в государстве, богослужения, проповедничества и церковного искусства, церковной дисциплины,

внешней и внутренней миссии, единоверчества и старообрядчества, монастырей и монашества, духовных академий, духовных учебных заведений, церковно-приходской школы, преподавания Закона Божия, церковного имущества и хозяйства, правового и имущественного положения духовенства, устройства Православной Церкви в Закавказье (в связи с объявленной грузинами автокефалией), издательского совета, личного состава. И три совещания: по вопросам религиозно-просветительским, хозяйственно-распорядительным и юридическим. Задача этих отделов и совещаний заключалась в том, чтобы на пленарные заседания Совета поступали предварительно подготовленные и обоснованные проекты решений, а уже на пленарном заседании должно было происходить принятие окончательных постановлений по тем или иным проектам.

После того как те или иные проекты постановлений, представленные отделами, обсуждались на пленарном заседании, происходило голосование, и в случае, если решение принималось большинством голосов, вопрос снимался с обсуждения его на пленарном заседании, но еще не считался соборно принятым. Принятое большинством голосов решение пленарного заседания переходило на совещание епископов, которое вновь его обсуждало, и только в случае принятия этого решения уже большинством голосов епископов оно приобретало силу соборного постановления. Соборное и иерархическое начала были очень хорошо сбалансированы. Ни епископы сами по себе на архиерейском совещании, ни члены Собора из числа духовенства и мирян сами по себе на пленарном заседании не могли принимать решения, которые сразу после этого получали статус соборных постановлений. Епископы, естественно, участвовали в пленарных заседаниях, но потом уже отдельно и самостоятельно обсуждали и утверждали принятые на пленарном заседании решения. Таким образом, Собор должен был дать большую инициативу мирянам и рядовому духовенству и вместе с тем не допустить возможности «растворения» мнения представителей епископской иерархии, составлявших меньшинство членов Собора, в статистическом большинстве членов Собора из числа духовенства и мирян.

Принятому Временным правительством 14 июля 1917 года Закону о свободе совести не довелось стать камнем преткновения между Временным правительством и Русской Православной Церковью. Последовательно продолжавший и еще более конкретизировавший основные положения Постановления об отмене вероисповедных и национальных ограничений от 20 марта 1917 года, этот

закон стремился максимально четко обозначить права российских граждан с точки зрения последовательно проводимого религиозной политикой Временного правительства в жизнь страны принципа свободы совести.

Каждому гражданину Российского Государства обеспечивается свобода совести. По сему пользование гражданскими и политическими правами не зависит от принадлежности к вероисповеданию, и никто не может быть преследуем и ограничиваем в каких бы то ни было правах за убеждения в делах веры. Принадлежность к вероисповеданию малолетних, не достигших девятилетнего возраста, определяется их родителями <...> Для перехода достигших четырнадцатилетнего возраста из одного исповедания в другое, или признания себя не принадлежащим ни к какой вере, не требуется ни разрешения, ни заявления какой-либо власти. <...> О лицах, признающих себя не принадлежащими ни к какой вере, сообщается подлежащему органу местного самоуправления. <...> Акты гражданского состояния лиц, не принадлежащих ни к какому вероисповеданию, ведутся органами местного самоуправления¹.

Весьма примечательно, что в данном законе вопрос о взаимоотношениях Церкви и государства вообще и вопрос об отделении Церкви от государства в частности даже не упоминались, хотя некоторые члены Временного правительства были сторонниками принципа отделения Церкви от государства. Таким образом, Закон о свободе совести указывал на отсутствие у Временного правительства намерения как-либо существенно изменить сложившиеся в предшествующие века отношения между Российским государством и Русской Православной Церковью до созыва Учредительного Собрания.

Закон о свободе совести в целом не вызвал резкой критики как со стороны членов Святейшего Синода, так и со стороны других представителей церковной иерархии. Однако признание за российскими гражданами православного вероисповедания права с четырнадцатилетнего возраста менять вероисповедание или признавать себя не принадлежащими к какому-либо вероисповеданию было категорически отвергнуто. Впоследствии именно это положение Закона о свободе совести наряду с постановлением Временного правительства от 20 июня 1917 года об объединении всех

¹ Церковные ведомости. 1917. № 31. С. 247–248.

учебных заведений, в том числе и церковно-приходских школ, в ведомстве Министерства народного просвещения и о переводе их имущества на смету этого министерства стали предметом дискуссии между представителями Церкви и Временного правительства¹.

Столь деятельное и в перспективе плодотворное, хотя и не лишённое определенных проблем развитие отношений между Русской Православной Церковью и Временным правительством происходило на фоне все больше охватывавшего страну разгула массового насилия, главным источником которого оказывалась разлагавшаяся армия, а последовательным вдохновителем выступала большевистская партия. Все более осознававший надвигающуюся на Россию катастрофу Святейший Синод 22 июля 1917 года принял послание к чадам Церкви и гражданам России «о чрезвычайных обстоятельствах переживаемого времени»:

...пробил час общественной свободы Руси. <...> И расцветала надежда на то, что Русь, сбросив с себя сковывавшие ее политические цепи, обратит всю мощь свою на освобождение свое от немецкого ига, и весь разум свой — на мирное внутреннее развитие и устройство государства и общего народного блага. Однако, к глубокой скорби страны, не долго было суждено исстрадавшейся Родине жить этой надеждой. Вслед за свободой к нам проник новый злой враг и посеял на Руси плевелы, которые не замедлили дать всходы, заглушающие ростки желанной свободы. Хищения, грабежи, разбои, насилия и обострившаяся партийная политическая борьба стали достоянием нашей новой жизни и поселили в народе озлобление и рознь, повлекшие за собой внутреннюю братоубийственную войну, неоднократное кровопролитие. И в результате, с одной стороны, приостановка блестяще начатого наступления на врага, а с другой, вместо свободы — новое взаимное угнетение, вместо братства — охлаждение любви, упадок добрых, мирных, братских общественных отношений. Страна пошла по пути гибели, а в будущем ее ждет та страшная бездна, которая заполнена для всех нас ужасающим отчаянием, если только не прекратится «смятение и поправление и замешательство от Господа Бога»².

Происшедшая 24 июля 1917 года смена состава Временного правительства, вызвавшая к жизни появление второго коалиционного правительства и замену на посту министра-председателя князя

¹ Церковные ведомости. 1917. № 28. С. 191.

² Церковные ведомости. 1917. № 30. С. 221–233.

Г. Е. Львова А. Ф. Керенским, привела к ослаблению преемственности государственной власти в России, ибо князь Г. Е. Львов был назначен на свой пост императором Николаем II, но неожиданно способствовала упорядочению и активизации в желательном для Русской Православной Церкви направлении религиозной политики Временного правительства. Данное обстоятельство было связано с тем, что несколько эксцентричного и прямолинейного в своей политике демократизации религиозной жизни страны В. Н. Львова на посту обер-прокурора сменил занимавший пост товарища обер-прокурора А. В. Карташев, к этому времени разработавший конкретный проект реорганизации изжившего себя и находившегося в очевидном противоречии с религиозной политикой Временного правительства института обер-прокуратуры.

Уже 5 августа 1917 года по инициативе А. В. Карташева Временное правительство приняло постановление об учреждении министерства исповеданий. Весьма примечательно, что наряду с А. В. Карташевым проект этого постановления разрабатывали два выдающихся профессора права В. Д. Набоков и барон Б. Э. Нольде, как и А. В. Карташев, члены конституционно-демократической партии, и два опытных синодальных чиновника — управляющий канцелярией Святейшего Синода П. В. Гурьев и помощник управляющего канцелярией Святейшего Синода С. Г. Рункевич, составившие в чем-то парадоксально выглядевшую, но плодотворно трудившуюся группу либеральных юристов-теоретиков и консервативных чиновников-практиков. На страницах этого документа А. В. Карташеву удалось представить первые начертания выработанной им стратегии религиозной политики Временного правительства как политики «культурного сотрудничества» Российского государства и Православной Российской Церкви, исключавшего принцип отделения Церкви от государства.

Министерство Исповеданий образуют: Министр, два его Товарища, департамент по делам Православной Церкви, департамент инославных и иноверных исповеданий и юрисконсультская часть Министерства. Министр Исповеданий и его Товарищи назначаются из лиц, принадлежащих к православному исповеданию. <...> Впредь до преобразования на основаниях, подлежащих выработке Всероссийским Поместным Собором, церковного управления и коренного пересмотра отношений государственной власти к исповеданиям при новом строе, Министру Исповеданий... присваиваются права и обязанности,

ныне принадлежащие Обер-Прокурору Святейшего Правительствующего Синода и Министру Внутренних Дел по принадлежности. <...> Упразднить должности Обер-Прокурора Святейшего Правительствующего Синода и его Товарищей¹.

В высшей степени парадоксальным оказывается тот факт, что документ, упразднявший институт обер-прокуратуры, учрежденный миропомазанным на царство Государем Петром Алексеевичем, беспрекословно принятый всей русской церковной иерархией и два века олицетворявший собой униженное положение Русской Православной Церкви, наряду с глубоко верующим православным христианином А. В. Карташевым подписали два члена партии социалистов-революционеров, активные масоны и тогда религиозные агностики министр-председатель А. Ф. Керенский и министр внутренних дел Н. Д. Авксентьев.

Помимо проведения в жизнь Закона о свободе совести Министерство исповеданий должно было действительно способствовать активной работе по подготовке и проведению Поместного Собора. Именно благодаря инициативе министра исповеданий А. В. Карташева Временное правительство уже 11 августа 1917 года приняло постановление о правах Собора:

Предоставить открывающемуся 15 сего августа в Москве Поместному Собору Всероссийской Церкви выработать и внести на уважение Временного правительства законопроект о новом порядке свободного самоуправления Русской Церкви. Сохранить впредь до принятия Государственной властью нового устройства высшего церковного управления все дела внутреннего церковного управления в ведении Святейшего Правительствующего Синода и состоящих при нем установлений².

Но, вероятно, еще более важным аспектом деятельности Министерства исповеданий стала разработка проекта будущего определения Поместного Собора о правовом положении Церкви в государстве, которое Поместный Собор должен был внести в Учредительное Собрание и которое должно было сформулировать приемлемые с точки зрения Церкви принципы ее существования и деятельности в контексте государственно-правовой и культурно-исторической жизни будущей России. Эта важная для Русской Православной Церкви деятельность осуществлялась под руковод-

¹ Церковные ведомости. 1917. № 34. С. 280.

² Священный Собор Православной Российской Церкви. Деяния. Кн. I. Вып. I. С. 53.

ством товарища министра исповеданий, выдающегося профессора-правоведа С. А. Котляревского, подобно А. В. Карташеву члена Предсоборного Совета и члена конституционно-демократической партии. Определению «О правовом положении Православной Российской Церкви» после обсуждения и внесения в его текст некоторых изменений суждено было быть принятым на Поместном Соборе 2 декабря 1917 года, уже после свержения Временного правительства большевиками, и не суждено было быть представленным Учредительному Собранию по причине его разгона теми же самыми большевиками¹. Но до сего времени этот документ, в основе своей разработанный либеральными профессорами, связанными с конституционно-демократической партией, и принятый Поместным Собором, воплощавшим собой принцип многовековой исторической преемственности церковной традиции, остается поразительным примером творческого соработничества православно верующих русских либералов-мирян и православно верующих русских церковных иерархов-традиционалистов.

¹ Священный Собор Православной Российской Церкви. Собрание определений и постановлений. Вып. 2. М.: Изд. Соборного Совета, 1918. С. 6–8.

Поместный Собор 1917–1918 годов. Первая сессия

Поместный Собор открыл свою работу 15 августа 1917 года Божественной литургией в Успенском соборе и приступил к рабочим заседаниям уже 16 августа. Во время открытия первенствующим членом Святейшего Синода будущим священномучеником митрополитом Киевским и Галицким Владимиром (Богоявленским) первого заседания А. В. Карташев произнес приветствие, которое подводило своеобразный итог совместной плодотворной работе Русской Православной Церкви и Временного правительства по подготовке и проведению более двух веков тщетно ожидавшегося лучшими представителями Русской Православной Церкви Поместного Собора:

Архипастыри, пастыри и братие о Христе. Представляя здесь Высшую Государственную Власть Временного Правительства, как Министр Исповеданий, я имею высокую честь принести от лица Временного Правительства Чрезвычайному Поместному Собору Всероссийской Церкви привет и пожелание плодотворной законодательной и устроительной работы. Временное Правительство поручило мне заявить Освященному Собору, что оно гордо сознанием видеть открытие сего церковного торжества под его сенью и защитой. То, чего не могла дать Русской национальной Церкви власть старого порядка, с легкостью и радостью предоставляет новое Правительство, обязанное насадить и укрепить в России истинную свободу. Временное Правительство видит в настоящем Соборе не обычный съезд частного сообщества, каких теперь несчетное число: оно видит в Соборе Русской Православной Церкви полномочный орган церковного законодательства, имеющий право авторитетного представления на уважение Временного Правительства законопроектов о новом образе церковно-правительственных учреждений и о видоизменении отношений Церкви к Государству. Временное Правительство сознает себя, впредь до выработки Учредительным Собранием новых

основных законов, стоящим в тесной близости к делам и интересам Православной Церкви... Исполнив долг сего заявления от имени Временного Правительства, я не смею ничем осложнять дальнейшую речь и обнаруживать волнующие меня чувства за нашу Церковь и наше родное Отечество. Осеню лишь себя вместе с вами широким православным крестом¹.

К началу своей работы Поместный Собор был подготовлен в высшей степени основательно: процедура избрания членов Собора была построена таким образом, чтобы собрать на него всех выдающихся представителей церковного народа независимо даже от их иерархического положения, чтобы голос всех слоев церковного народа — и архиереев, и клириков, и мирян, особенно тех из них, кто был особенно авторитетен и известен, — ясно прозвучал на Поместном Соборе. Достаточно сказать, что руководство Собора — а постоянной работой Собора должен был руководить Соборный Совет — будет состоять из церковных иерархов и мирян, известных многим и в наше время. Почетным председателем Поместного Собора будет избран священномученик митрополит Киевский Владимир (Богоявленский), председателем — тогда ставший уже Московским митрополитом будущий святитель Тихон (Беллавин), в Соборный Совет в качестве товарищей председателя войдут два архиерея: архиепископ Харьковский Антоний (Храповицкий) и архиепископ Новгородский Арсений (Стадницкий), от белого духовенства — протопресвитер Николай Любимов и протопресвитер Георгий Шавельский и, наконец, от мирян замечательный русский религиозный философ князь Евгений Николаевич Трубецкой и крупный общественный и государственный деятель, председатель Государственной думы М. В. Родзянко, которого, впрочем, заменит бывший обер-прокурор Синода А. Д. Самарин. Секретарем Соборного Совета станет депутат Государственной думы В. П. Шеин, впоследствии архимандрит Сергей, священномученик, погибший вместе с митрополитом Вениамином (Казанским). И подобно составу Соборного Совета состав всего Собора не может не поражать нас и сейчас обилием ярких личностей, многим из которых пришлось принять со временем мученический венец.

Перечень вопросов, которые нужно было решать в рамках уже первой сессии Поместного Собора (а она должна была завершиться в начале декабря 1917 года), был огромен. И главные вопросы каса-

¹ Священный Собор Православной Российской Церкви. Деяния. Кн. I. Вып. 2. С. 29–30.

лись, конечно же, внутрицерковной жизни и высшего церковного управления. В условиях, когда государственность России рушилась (это понималось к тому времени уже многими), Православная Церковь была единственной авторитетной силой в российском обществе. И создание на Соборе органов высшего церковного управления, которые могли бы обеспечить нормальное течение церковной жизни, восстановление патриаршества и избрание Патриарха, представлялось особенно важным в тот период времени. Но вместе с тем Собор живо реагировал и на события, происходившие в современной ему государственной и общественной жизни, тем более что страна переживала очень напряженный период в своей истории.

24 августа 1917 года появились обращение Собора к русскому православному народу и обращение к армии и флоту, в котором все подданные российского государства призывались к исполнению своего воинского и гражданского долга перед страной. 1 сентября появилось постановление Собора об угрожавшей тогда России братоубийственной войне. Оно было связано с тем, что к этому времени неудачей завершилась попытка генерала Л. Г. Корнилова укрепить государственность в стране и положить конец попыткам экстремистов разного толка разрушить и без того уже колебленную государственную власть.

А. В. Карташев понимал, что Временное правительство все больше теряет контроль над управлением страной, и осознавал необходимость применения жестких мер по отношению к рвавшимся к власти большевикам. В этой ситуации он деятельно поддержал выступление генерала Л. Г. Корнилова, а 25 августа 1917 года вместе со всеми министрами-кадетами подал в отставку, протестуя против действий министра-председателя А. Ф. Керенского, который отказывался последовательно поддержать действия своего верховного главнокомандующего. Решение А. В. Карташева вызвало большую тревогу у руководства Поместного Собора, справедливо воспринимавшего министра исповеданий в качестве главного гаранта успешного взаимодействия Поместного Собора и Временного правительства. Руководители Поместного Собора обратились одновременно к А. В. Карташеву с просьбой не подавать в отставку и к А. Ф. Керенскому с просьбой не принимать отставку А. В. Карташева. Сделав трудный выбор между долгом сына Церкви и долгом действующего политика-патриота в пользу своего церковного служения, А. В. Карташев остался на своем министерском посту в обреченном после неудачи выступления генерала Л. Г. Корнилова на политическую смерть Временном правительстве.

Практически проигнорировавший лишенное какой-либо легитимности провозглашение Временным правительством Российской Республики Поместный Собор пытался поддержать Временное правительство постановлением «по поводу угрожавшей Родине братоубийственной войны» от 1 сентября 1917 года¹ и посланием чадам Церкви по поводу выборов в Учредительное Собрание от 4 октября 1917 года². Последним позитивным эпизодом во взаимодействии успешно осуществлявшего свою деятельность Поместного Собора и переживавшего последние недели своего существования Временного правительства стала встреча 11 октября 1917 года делегации Собора во главе с будущим священномучеником архиепископом Тамбовским Кириллом (Смирновым) с министром-председателем А. Ф. Керенским и министром исповеданий А. В. Карташевым. Во время этой встречи прошли переговоры по поводу вызывавших несогласие многих членов Поместного Собора уже состоявшихся и еще обсуждавшихся решений Временного правительства в сфере религиозной политики. В результате переговоров представители Временного правительства согласились отменить пункт 4 Закона о свободе совести, устанавливавший четырнадцатилетний возраст как возраст, дававший право гражданам России менять свое вероисповедание, сочли возможным оставить обязательным преподавание «Закона Божия» в школах для учеников православного исповедания, но отказались отменить постановление о переводе церковно-приходских школ и их имущества в ведение Министерства народного просвещения.

Последним документом Поместного Собора, обличавшим разрушавшие Россию деяния все более многочисленных заблудших чад стомиллионной паствы Русской Православной Церкви и вышедшим менее чем за неделю до свержения Временного правительства, стало послание Собора чадам Церкви по поводу расхищения церковного имущества и земли, которое захлестнуло страну, от 20 октября 1917 года:

Опомнитесь, православные христиане! Устыдитесь хотя бы всех иноверцев, живущих на нашей земле... неужели же самый благочестивый во всем мире народ православный русский, а равно и прочие православные народы на св. Руси окажутся лютым врагом своей Церкви, своих священников и прочих своих сограждан? <...> ...Возвратитесь к честному труду над своим собст-

¹ Церковные ведомости. 1917. № 40–41. С. 327–330.

² Там же. С. 359–360.

венным добром, а чужого не касайтесь, пока высшая власть, т. е. Учредительное Собрание, не установит каких-либо новых земельных законов. <...> Самое пожелание завистливое есть нарушение заповеди, а грабеж — тяжкое преступление, привлекающее гнев Божий на весь народ...¹

Призывая крестьян прекратить самозахваты земли, часто сопровождавшиеся насилиями и убийствами, Поместный Собор справедливо увидел в этом черном переделе земли не только нравственный грех, но и дьявольски хитроумный замысел большевиков, убежденных в том, что связанное кровавой круговой порукой черного передела русское крестьянство может стать их самым надежным орудием для захвата власти в России.

И все же главная работа Собора касалась определения будущей высшей церковной власти. В поразительно короткий срок был обсужден чрезвычайно важный вопрос об основных принципах высшего церковного управления в России. Весьма лаконичное определение из четырех пунктов, принятое в октябре 1917 года, восстанавливало Поместные Соборы как высшие органы церковной власти в Русской Православной Церкви, возвращало патриаршество, определяло характер взаимоотношений патриаршей и соборной властей. Бурные дискуссии проходили по вопросу восстановления патриаршества, ибо на Поместном Соборе все большее число его членов стали говорить о нецелесообразности восстановления патриаршества, о необходимости сообразовывать формы высшей церковной власти с формами власти государственной, которая так изменилась в России и которая шла по пути демократизации. Некоторым членам Собора восстановление патриаршества казалось попыткой сохранить монархию, которая уже уходила в прошлое как в государственной жизни, так и в жизни церковной.

Предварительная работа по подготовке постановлений Собора о высшем церковном управлении велась в соответствующем отделе, и 11 октября 1917 года епископ Астраханский Митрофан (Краснопольский), будущий священномученик (он погибнет в 1919 году), выступил с докладом. В процессе обсуждения этого вопроса тридцать два члена отдела высказали свое особое мнение, которое сводилось к тому, что патриаршество в Русской Церкви восстанавливать нецелесообразно. Среди членов отдела, которые свое мнение зафиксировали, были и такие действительно авторитетные церковные ученые, как профессора Петроградской Духовной Академии

¹ Церковные ведомости. 1917. № 43–45. С. 399–401.

А. И. Бриллиантов и Б. В. Титлинов, профессор Киевской Духовной Академии В. З. Завитневич.

Доклад отдела следующим образом резюмировал мнение большинства членов:

Принимая как исходное положение в дальнейших своих работах восстановление сана Патриарха, присвояемое первому среди равных епископу, возглавляющему управление церковными делами Российской Православной Церкви, вместе с органами этого управления, подотчетного Церковному Поместному Собору, отдел переходит к рассмотрению законопроекта о Высшем Церковном Управлении.

После продолжавшихся несколько дней прений на заседании Собора 28 октября 1917 года вопрос о патриаршестве был разрешен положительно. На этом заседании было принято определение по общим положениям о высшем управлении Православной Российской Церкви. Однако в собрании определений оно стоит под датой 4 ноября 1917 года, потому что силу соборного акта любое соборное решение принимало лишь после утверждения его епископским совещанием, а епископское совещание подтвердило его 4 ноября 1917 года.

1. В Православной Российской Церкви высшая власть законодательная, административная, судебная и контролирующая принадлежит Поместному Собору, периодически в определенные сроки созываемому, в составе епископов, клириков и мирян.

Впервые в истории Русской Православной Церкви устанавливалась практика регулярных созывов Поместных Соборов, причем состоящих не из одних архиереев, а из всех категорий церковного народа.

2. Восстанавливается патриаршество, и управление церковное возглавляется Патриархом.

Одновременно восстанавливалось и патриаршее управление, не противостоящее, а сочетающееся с соборным управлением.

3. Патриарх является первым между равными ему епископами.

Это означало, что Патриарх — это епархиальный архиерей, которому Собор делегирует особые права, очень незначительные в каноническо-административном плане и очень ко многому его обязывающие в плане нравственном.

4. Патриарх вместе с органами церковного управления подотчетен Собору¹.

Так после двухвекового перерыва было восстановлено и соборное, и патриаршее начало.

Решив вопрос о высшем церковном управлении столь определенно, члены Собора должны были решить, когда же именно должны произойти выборы Патриарха. И показательно, что уже в последние дни октября 1917 года под грохот орудий, которые гроыхали тогда уже в Москве, ибо большевики, захватив власть в Петрограде, предприняли попытку захвата власти и в Москве, были проведены выборы Патриарха Русской Церкви. Показательна процедура, по которой проходили эти выборы. Члены Собора должны были выбрать трех кандидатов в Патриархи, причем каждый из этих трех кандидатов должен был набрать больше половины голосов всех членов Собора.

31 октября, когда кандидаты были уже выдвинуты, после молебна началось голосование. Выяснилось, что больше половины голосов (309) получил только архиепископ Харьковский Антоний (Храповицкий). Архиепископ Новгородский Арсений (Стадницкий) получил 159 голосов, митрополит Московский Тихон — 148. Голосовать можно было сразу за троих. Кандидатура архиепископа Антония снималась с голосования, и выборы возобновлялись. При втором туре больше всех голосов (199) набрал архиепископ Новгородский Арсений (Стадницкий), и его кандидатура была снята. При третьем голосовании 162 голоса получил митрополит Московский Тихон (Беллавин). Так были выбраны три кандидата, которые, действительно, пользовались наибольшим авторитетом среди членов Собора и которых среди членов Собора определяли как самого умного, самого строгого и самого доброго.

4 ноября 1917 года на заседании Собора было постановлено, что выборы Патриарха будут проходить на следующий день в Храме Христа Спасителя. 5 ноября там началась Божественная литургия, которую совершил митрополит Киевский Владимир (Богоявленский), почетный председатель Собора, в сослужении еще десяти архиереев, двух протопресвитеров, шести архимандритов, четырех митрофорных протоиереев, восьми протоиереев, четырех священников, четырех протодиаконов и двух диаконов. На литургии присутствовали все члены Собора, в то время как три кандидата в Пат-

¹ Священный Собор Православной Российской Церкви. Собрание определений и постановлений. Вып. 1. С. 3.

риархи служили литургии в других храмах. Во время чтения часов митрополит Владимир заключил в ковчежец три свитка, на которых было написано имя каждого из кандидатов, и опечатав этот ковчежец в алтаре. Ковчежец этот был поставлен на солее с левой стороны от Царских врат перед списком с чудотворной Владимирской иконы Божией Матери. Затем, во время чтения Апостола, в храм торжественно была принесена чудотворная Владимирская икона Божией Матери из Успенского собора и поставлена рядом. Во время причащения священнослужителей епископ Митрофан (Краснопольский) говорил слово о патриаршестве, все молились о том, чтобы Господь указал лучшего. По завершении литургии был отслужен особый молебен Христу, Пресвятой Богородице и свяителям Московским Петру, Алексию, Ионе, Филиппу и Ермогену, и после этого молебного пения митрополит Владимир вознес ковчежец на амвон, снял с него печать и открыл. Шесть членов Собора подвели под руки слепого иеромонаха Алексия (Соловьева), затворника Зосимовой пустыни, который взошел на амвон и, получив благословение митрополита Владимира и трижды перекрестившись, взял из ковчежца один жребий и передал его митрополиту Владимиру. Тот сначала показал развернутый свиток шести членам Собора, которые вместе с отцом Алексием подошли к ковчежцу, потом огласил его избрание. Таким образом в Русской Православной Церкви было восстановлено патриаршество, и это случилось в период, когда уже произошло окончательное крушение традиционной формы государственной власти, когда власть в России оказалась не просто попранной, а захваченной людьми, положившими во главу угла своей деятельности разрушение всех духовных, исторических начал русской жизни. Именно в это самое время в Православной Церкви была восстановлена каноничная высшая церковная власть православного первоиерарха, которым стал святой Патриарх Тихон.

11 ноября появилось определение Священного Синода о возведении Преосвященного Тихона на патриаршую кафедру, и 21 ноября 1917 года произошла его торжественная Патриаршая интронизация в Успенском соборе.

28 ноября 1917 года Патриарх издал указ о возведении в сан митрополитов тех русских церковных иерархов, которые сыграли особую роль в проведении Поместного Собора и во многом способствовали тому, что в Русской Православной Церкви было наконец установлено каноничное высшее церковное управление. В это время митрополитами стали архиепископы Антоний (Храповиц-

кий), Арсений (Стадницкий), Агафангел (Преображенский), Сергей (Страгородский) и ряд других архиереев, которым суждено было сыграть очень важную роль в истории Русской Церкви. И в это же время буквально в считанные недели на Соборе был принят ряд еще очень важных определений, которые четко восстановили высшее церковное управление в Русской Православной Церкви в строгом соответствии с древними церковными канонами и с учетом требований современной церковной жизни. Таковыми определениями стали прежде всего «Определение о правах и обязанностях Святейшего Патриарха Московского и всея России», «О высшем управлении Православной Российской Церкви — о Священном Синоде и Высшем Церковном Совете», «О круге дел, подлежащих ведению органов высшего церковного управления». Эти определения создавали реальные возможности для успешной деятельности избранных членами Поместного Собора 7 декабря 1917 года Священного Синода и Высшего Церковного Совета. В истории Русской Православной Церкви никогда не было органов высшего церковного управления, персональный состав которых включал в себя столь многочисленную плеяду действительно выдающихся представителей духовенства и мирян. В Священный Синод вошли святой Патриарх Тихон (Беллавин), священномученик митрополит Владимир (Богоявленский), митрополиты Антоний (Храповицкий), Арсений (Стадницкий), Сергей (Страгородский), Платон (Рождественский), архиепископы Анастасий (Грибановский), Евлогий (Георгиевский). В Высший Церковный Совет были избраны архимандрит Виссарион (Ильинский), клирики — протопресвитеры Николай Любимов и Георгий Шавельский, протоиереи Александр Санковский и Алексей Станиславский, псаломщик А. Г. Куляшев, миряне А. В. Карташев, С. М. Раевский, профессора С. Н. Булгаков, И. М. Громогласов, П. Д. Лапин, князь Е. Н. Трубецкой.

Следует подчеркнуть, что определения Поместного Собора о высшем церковном управлении впервые в истории Русской Православной Церкви как формально, так и реально институционализировали принципы соборного управления Церковью. Это было связано не только с тем, что Поместный Собор, состоящий из представителей епископата, духовенства и мирян, становился с четкой периодичностью созываемым высшим органом церковной власти, но и с тем, что в межсоборный период высшее церковное управление осуществлялось избранными на Поместном Соборе Священным Синодом и Высшим Церковным Советом. Именно

соединенное присутствие Священного Синода и Высшего Церковного Совета, включавших в свой состав избранных Поместным Собором представителей епископата, духовенства и мирян, оказывалось постоянно действовавшим в церковной жизни своеобразным местоблюстителем Поместного Собора, власть которого превосходила полномочия как взятых в отдельности Священного Синода и Высшего Церковного Совета, так и самого Патриарха, который по своим правам весьма незначительно отличался от остальных правящих архиереев.

Например, Патриарх лишь председательствовал на заседаниях Церковных Соборов, Священного Синода и Высшего Церковного Совета, и только в случаях равенства голосов при голосовании на этих заседаниях голос Патриарха давал перевес тому мнению, за которое голосовала та часть участников заседания, в которую входил он сам. Патриарх мог обращаться ко всей Русской Церкви с учительными посланиями и пастырскими воззваниями и пользовался правом посещения в потребных случаях всех епархий Российской Церкви, но при этом он мог давать архиереям лишь братские советы как относительно личной их жизни, так и относительно исполнения ими архиерейского долга, которыми они могли и пренебречь, и в таких случаях Патриарх имел возможность лишь апеллировать к Священному Синоду. Решения Патриарха, касавшиеся епархиальных дел других архиереев, становились для них обязательными к исполнению лишь в тех случаях, когда они сами обращались к нему с просьбой предложить им решение того или иного вопроса. Таким образом, при отсутствии у Патриарха значительных дополнительных по сравнению с другими епархиальными архиереями формальных прав он мог лишь, имея высокий личный нравственный авторитет, рассчитывать на то, что эти архиереи будут добровольно обращаться к нему, будучи готовы исполнять его решения.

Прекрасно отдавая себе отчет в том, что, даже сформировав, определив функции и избрав высшие органы церковной власти и восстановив патриаршество, Русская Церковь еще не сможет в полной мере этим обеспечить нормальное функционирование высшего церковного управления, члены Собора в разработанном еще на Предсоборном Совете с участием представителей Временного правительства определении «О правовом положении Православной Российской Церкви» в условиях все более широко охватывавшей Россию государственной смуты попытались высказать свое видение места Церкви в будущей государственной жизни страны.

Определение было представлено на заседании Собора профессором С. Н. Булгаковым. «Священный собор Православной Российской Церкви, — говорилось в этом определении, — признает, что для обеспечения свободы и независимости Православной Церкви в России при изменившемся государственном строе должны быть приняты Государством следующие основные положения». И далее очень четко на основе глубокого анализа не только исторического опыта Русской Православной Церкви, но и опыта других Поместных Церквей члены Собора пытались сформулировать для той системы государственной власти, которая в конечном итоге установится в России, свое видение места Церкви в жизни страны. Сразу следует подчеркнуть, что для подавляющего большинства членов Собора, как и для подавляющего большинства российского общества той эпохи, захват власти большевиками казался своеобразной исторической случайностью. Большевики воспринимались просто как политические авантюристы, временно захватившие власть в стране, и их режим казался весьма недолговечным. Принимая данное определение, члены Собора имели в виду ту систему государственной власти, которая после созыва Учредительного собрания в январе 1918 года придет на смену большевикам и которая, как казалось всем, независимо от того, будет ли это монархия или республика, будет опираться на традиции государственной жизни России, на ее вековой опыт государственного управления. Поэтому и в данном определении они вели диалог с той, еще не утвердившейся у нас властью, которая, по их мнению, должна была со вниманием и благоговением внимать голосу Поместного Собора.

Определение стремилось прежде всего указать место Церкви в многоконфессиональной религиозной жизни российского государства. Определение говорило о том, что Православная Российская Церковь должна занимать «первенствующее среди других исповеданий публично правовое положение», то есть не просто признаваемое общественными традициями, но и закрепленное в государственных законах.

«Православная Церковь в России в учении веры и нравственности, богослужении, внутренней церковной дисциплине и сношениях с другими автокефальными Церквями независима от государственной власти и, руководствуясь своими догматико-каноническими началами, пользуется в делах церковного законодательства, управления и суда правами самоопределения и самоуправления». Это была очень емкая характеристика, которая предполагала утверждение в русской церковной жизни той необходимой для

Церкви догматико-канонической свободы, которая и предполагается церковным вероучением. Впрочем, и в синодальную эпоху, и в более ранний период подобного рода статус Церкви часто не поддерживался государственной властью. Но в условиях, когда Поместному Собору представилась возможность высказаться в полную силу о том, какое же место должна была занимать Церковь в российской государственной и общественной жизни, Собор счел необходимым высказаться так, чтобы представленная им в определении формулировка в наибольшей степени соответствовала догматико-каноническим традициям церковного вероучения.

«Постановления и узаконения, издаваемые для себя Православною Церковью... со времени обнародования их церковной властью... признаются Государством имеющими юридическую силу и значение, поскольку ими не нарушаются государственные законы». Что это значило на практике? Прежде всего то, что любые имеющие тот или иной церковный канонический статус священнодействия приобретают аналогичный статус в государственной жизни. Так, например, свидетельство о таинстве крещения должно иметь статус свидетельства о рождении, таинство венчания, утверждающее церковный брак, должно было стать основанием для признания венчанного брака браком, имеющим все правовые последствия и в государственной жизни. Точно так же свидетельство об отпевании того или иного усопшего христианина должно было приобретать характер свидетельства о смерти. Собственно, здесь не было ничего такого, что не соответствовало бы многовековой практике церковно-государственных отношений в прежние времена.

«Действия органов Православной Церкви подлежат наблюдению государственной власти лишь со стороны соответствия их государственным законам, в судебно-административном и судебном порядке». Здесь впервые Церковь стремилась сделать отношения Церкви и государства не просто основанными на строгом соблюдении государственных и церковных законов, но открытыми и гласными, допускавшими подчас оспаривание возникавших в этих отношениях конфликтов, ситуаций, неправомочных действий властей в суде. Это стало бы качественно новой страницей в истории церковно-государственных отношений в России. Однако, с самого начала внешне формально отделив Церковь от государства, большевистский режим, к тому времени уже утверждавшийся в нашей стране, будет строить отношения Церкви и государства таким образом, чтобы непосредственно подчинять Церковь государственной власти. Скрыто, тайно, через те органы государственной

власти, которые будут направлены прежде всего на подавление врагов режима, — ВЧК, ГПУ, НКВД, МГБ и КГБ, на протяжении многих десятилетий будут негласно вторгаться в церковную жизнь, стремясь поставить ее под тотальный контроль, даже вопреки существовавшим в советский период законам.

«Глава Российского Государства, Министр Исповеданий и Министр Народного Просвещения и Товарищи их должны быть православными». В тот период открытым оставался вопрос о будущем государственном устройстве России. Позиция великого князя Михаила Александровича, поставившего свое вступление на императорский престол в зависимость от решения Учредительного собрания, подвергала сомнению саму возможность существования у нас монархической государственности. При этом члены Собора все явственнее осознавали, что идея монархии уже в это время становится все менее и менее популярной в народном сознании. Трудно было предположить, к какому решению придет будущее Учредительное собрание. Но в любом случае члены Поместного Собора стремились к тому, чтобы глава российского государства, кто бы он ни был — монарх или президент, избранный народом или парламентом, — следуя тысячелетней исторической традиции, был православным христианином. Точно так же членам Собора трудно было представить себе, что отвечающие за духовное развитие, за просвещение народа министры исповедания и народного просвещения могут быть не православными.

Более чем парадоксально выглядит еще один пункт данного определения: «Во всех случаях государственной жизни, в которых Государство обращается к религии, преимуществом пользуется Православная Церковь». Пожалуй, этот пункт был выполнен большевиками в полной мере. С самого начала, провозгласив основой своей политики в отношении религии гонения на всевозможные религиозные течения, большевики отдали преимущество именно Православной Церкви, именно на нее обрушатся основные гонения, именно она потерпит наибольший урон уже в первые годы существования советской власти по сравнению с другими религиозными конфессиями России.

«Православный календарь признается государственным календарем. Дванадцатые праздники, воскресные и особо чтимые Православной Церковью дни признаются в Государстве неприсутственными днями». Как мы знаем по нашему недавнему прошлому, церковный календарь за многие десятилетия атеистической власти в России так и не был изжит из памяти русского народа. Действи-

тельно, церковный календарь формирует глубинные стороны народного менталитета. И, как уже бывало в истории Европы, придя к власти, сторонники атеизма, противники Церкви стремились упразднить календарь, который был сформирован в соответствии с требованиями церковного года. Еще не представляя себе такую возможность применительно к России, члены Собора подчеркивали, что на государственном уровне церковный календарь, во многом формирующий мировоззрение, мироощущение человека, должен быть положен в основу всех распоряжений, имеющих отношение к хронологии жизни государства и общества.

«Свобода исповедания и проповедания православной веры, равно и свобода православного богослужения ограждаются государственной властью. Посему под страхом уголовного наказания воспрещаются: 1) публичное поношение и поругание учения православной веры, предметов религиозного почитания и священно-церковно-служителей ее; 2) осквернение мест богослужения и религиозного почитания; 3) насилие и угрозы для отвлечения из православия». Когда вчитываешься в этот пункт, кажется, что большевики внимательно прочитали его и сделали свою политику в прямом смысле слова противоположной тому, что здесь сказано. Действительно, провозгласив свободу исповедания для всех, большевики с самого начала предали тем действиям, которые в данном пункте классифицируются как уголовные преступления, — публичное поношение учения православной веры, поношение церковнослужителей, осквернение мест богослужения и религиозного почитания, насилие и угрозы для отвлечения из православия — статус государственной политики. Пройдет несколько лет, и Россия с ужасом увидит, как поношение и поругание учения Церкви, священно-церковно-служителей станет нормой жизни, как в жуткой, мистически страшной кампании по вскрытию и изъятию мощей будет происходить осквернение мест богослужения и религиозного почитания, как поколения молодых людей в России, происходящих из семей церковнослужителей, будут склоняться к тому, чтобы отрицать веру своих отцов и становиться атеистами.

«Учреждаемые Православной Церковью низшие, средние и высшие школы, как специально богословские, так и общеобразовательные, пользуются в государстве всеми правами правительственных учебных заведений на общем основании». Пройдет еще полтора-два года, и вся громадная система образования Русской Православной Церкви, включавшая в себя четыре академии, почти шестьдесят семинарий, сотни духовных училищ, десятки тысяч

церковно-приходских школ, будет ликвидирована на многие десятилетия. «Во всех светских государственных и частных школах воспитание православных детей должно соответствовать духу Православной Церкви». Однако не только изгнание из всех учебных заведений — как государственных, так и частных — Закона Божия, но и насаждение в них воинствующего безбожия, называвшегося научным атеизмом, станут нормой образовательной политики большевистского режима на протяжении многих десятилетий.

«Удовлетворение религиозных нужд членов Православной Церкви, состоящих в армии и флоте, должно быть обеспечено заботой Государства; каждая воинская часть должна иметь православное духовенство». На практике и этот пункт определения будет проигнорирован. 16 января 1918 года военное и морское духовенство будет, конечно же, изгнано из разрушенной большевиками российской армии, на месте которой вскоре появится Рабоче-Крестьянская Красная Армия, воспитателями в которой станут комиссары и особисты. Какова будет эта армия, как она будет воевать и как она будет побеждать, очень скоро станет ясно в ходе событий Гражданской войны.

«Имущество, принадлежащее установлениям Православной Церкви, не подлежит конфискации или отобранию, а самые установления не могут быть упраздняемы без согласия церковной власти». Менее чем через два месяца декретом «О свободе совести» еще даже не конфискованное, а продолжающее находиться у Церкви имущество будет объявлено государственной собственностью.

«Имущества, принадлежащие установлениям Православной Церкви, не подлежат обложению государственными налогами». С первых лет советской власти вплоть до конца 1980-х годов Православная Церковь в Советском Союзе будет платить громадные налоги, несмотря на то что будет существовать все это время на добровольные пожертвования верующих.

«Православная Церковь получает из средств Государственного Казначейства по особой смете... ежегодные ассигнования в пределах ее потребностей»¹. Конечно же, ни о каком финансировании Православной Церкви в советском государстве не могло быть и речи, и оно прекратится уже в начале 1918 года.

Рассмотрение определения «О правовом положении Православной Российской Церкви» выразительно показывает диаметрально противоположность взглядов на перспективу существования

¹ Священный Собор Православной Российской Церкви. Собрание определений и постановлений. Вып. 2. С. 6—8.

Церкви в России членов Поместного Собора и руководителей большевистского режима. Поместный Собор надеялся на то, что Православная Церковь займет наконец в России такое положение, которое будет соответствовать ее догматико-каноническим установлениям, что это новое положение Церкви позволит ей как никогда более полно ранее осуществлять свою церковную миссию. В то же время большевистский режим, как мы увидим это дальше, уже в первые месяцы после захвата власти большевиками будет стремиться проводить целенаправленную политику по ликвидации религиозной жизни в России.

Именно так завершалась первая сессия Поместного Собора с принятием основных определений, которые воссоздали в Русской Православной Церкви каноничную систему высшего церковного управления и которые очень четко, всесторонне обосновали видение Церковью своего положения в будущей России. И глубоко символично, что уже на этой первой сессии Поместного Собора было получено страшное известие о том, что 31 октября 1917 года большевиками был убит первый в истории России, в истории Русской Церкви православный священнослужитель. Им стал протоиерей Екатеринбургского собора Царского Села отец Иоанн Кочуров. Патриарх Тихон лично знал этого священника по совместному служению в Североамериканской епархии. И вот это происшедшее через несколько дней после захвата власти большевиками в Петрограде убийство показалось не только Патриарху во многом символичным. Этот безвинно погибший священнослужитель, ныне прославленный как священномученик, стал первым в ряду многих сотен тысяч священнослужителей, монашествующих и мирян, которым предстояло принять мученическую смерть в годы правления в России богоборческого большевистского режима. Но о такой перспективе даже членам Собора тогда еще не приходилось говорить и думать всерьез. Они завершали первую сессию Поместного Собора в надежде на то, что надвигающаяся на страну смута будет преодолена.

Окончив 5 декабря 1917 года первую сессию, члены Собора разъехались по своим епархиям, дабы донести до своих пасомых решения Собора. А Соборный Совет должен был продолжать свою работу в Москве, готовя открытие второй сессии в январе 1918 года. Очень показательно, что именно в это короткое время в перерыве между двумя сессиями Поместного Собора большевистское правительство, которое еще только укреплялось во власти и не контролировало большую часть территории страны, в ряде своих решений систематически обращается к религиозной жизни страны.

Религиозная политика большевистского режима на рубеже 1917–1918 годов

Примечательно, что уже 11 декабря 1917 года, менее чем через неделю после того, как Поместный Собор принял определение «О правовом положении Православной Российской Церкви», Наркомат просвещения выпустил декрет, по существу призванный ликвидировать всю систему духовного образования в России посредством того, что этот Наркомат должен был получить в свое полное распоряжение «все учебные заведения духовного ведомства (церковно-приходские школы, учительские семинарии, духовные училища и семинарии, женские епархиальные училища, миссионерские школы, академии «и все другие, носящие различные названия низшие, средние и высшие школы и учреждения») вместе с их штатами, ассигновками, движимым и недвижимым имуществом (зданиями, надворными постройками, земельными участками), а также библиотеками, ценностями, капиталами и ценными бумагами и процентами с них»¹. И это несмотря на то, что пункт 18 определения «О правовом положении Православной Российской Церкви» подчеркивал, что «утверждаемые Православной Церковью низшие, средние и высшие школы, как специально богословские, так и общеобразовательные, пользуются в государстве всеми правами правительственных учебных заведений на общем основании»².

Точно так же принятые Совнаркомом 17–18 декабря декреты «О расторжении брака» и «О гражданском браке, о детях и о ведении книг актов гражданского состояния» признавали законным только гражданский брак и передавали государственным органам

¹ Соколов А. В. Государство и Православная Церковь в России в феврале 1917 — январе 1918 годов. СПб., 2016. С. 508–509.

² Священный Собор Православной Российской Церкви. Собрание определений и постановлений. Вып. 2. С. 8.

регистрацию рождений, браков, разводов и смертей¹. Это был очень важный шаг, направленный на разрушение одного из трех столпов эксплуататорского общества, как об этом было написано в Коммунистическом манифесте, — семьи. Частная собственность, религия и семья должны были быть ликвидированы в первую очередь. И, заменяя церковный брак, который заключить непросто и еще более сложно расторгнуть, гражданским браком, который можно было заключать неопределенное количество раз и с легкостью расторгать, противопоставив такой брак церковному браку, советская власть наносила колоссальный удар по семье в России. И это вопреки 13—17 пунктам определения «О правовом положении Православной Российской Церкви», утверждавшим, что «государственное законодательство относительно условий заключения брака лиц православного исповедания устанавливается сообразно с нормами церковного права. Церковное венчание по православному чину признается законною формой заключения брака. Церковно-судебные решения по делам о разводе и о признании совершенного Церковью брака незаконным или недействительным признаются в силе судебных решений. Юридические условия и последствия смешанных браков, если один из брачующихся принадлежит к Православной Церкви, определяются согласно с законодательством последней. Церковные метрические книги ведутся согласно государственному закону и имеют значение актов гражданского состояния»².

Очевидное игнорирование и даже вызывающее пренебрежение Совнаркома к позиции Русской Православной Церкви, в корне отличавшие политику большевистского режима от политики Временного правительства, в декабре 1917 года еще могли восприниматься членами Поместного Собора как кратковременный омрачавший церковно-государственные отношения эпизод, который уйдет в прошлое после созыва Учредительного собрания. В России в это время еще сохранялась надежда, что сформированное Учредительным собранием новое российское правительство в отличие от большевиков в целом будет продолжать по отношению к Русской Православной Церкви политику Временного правительства, в основу которой Поместный Собор намеревался положить определение «О правовом положении Православной Российской Церкви», проект которого был разработан накануне Поместного

¹ Соколов А. В. Указ. соч. С. 503—505.

² Священный Собор Православной Российской Церкви. Собрание определений и постановлений. Вып. 2. С. 7—8.

Собора при совместном участии членов Предсоборного Совета и Временного правительства.

Но самым главным законодательным актом, которым большевики решили обосновать свою религиозную политику, стал декрет «О свободе совести или об отделении церкви от государства и школы от церкви», принятый на заседании Совнаркома 20 января 1918 года, как раз в момент открытия второй сессии Поместного Собора. Этот законодательный акт, как многие законодательные акты советского правительства, поражает своей ложью и лицемерием. То, что декларировалось в нем, как правило, никогда не осуществлялось в полной мере, и реальная религиозная политика коммунистического режима всегда была значительно менее благоприятной для Церкви, нежели это предполагали формулировки декрета. Но при этом даже при скрупулезном исполнении этого декрета традиционная религиозная жизнь в России обрекалась на разрушение.

Уже первые два пункта декрета должны были осложнить положение Церкви в условиях сохранения в России большевистского режима. «1. Церковь отделяется от государства. 2. В пределах республики запрещается издавать какие-либо местные законы или постановления, которые бы стесняли или ограничивали свободу совести или устанавливали какие бы то ни было преимущества или привилегии на основании вероисповедной принадлежности граждан». Ничего не говоря о недопустимости издания законов, ограничивающих права и свободы конкретно существующих религиозных организаций, декрет не допускает лишь издание законов, которые могли стеснять или ограничивать свободу совести. А между тем понятие «свобода совести» в данном контексте представляется слишком абстрактным с юридической точки зрения, оно может допускать для себя весьма различные толкования.

«3. Каждый гражданин может исповедовать любую религию или не исповедовать никакой. Всякие праволишения, связанные с исповеданием какой бы то ни было веры или неисповеданием никакой веры, отменяются. Из всех официальных актов всякое указание на религиозную принадлежность и непринадлежность граждан устраняется». Однако уже в июле 1918 года статья 65 Советской Конституции объявила представителей духовенства и монашествующих, как нетрудящиеся элементы, лишенными избирательных и некоторых других гражданских прав. Эти ограничения в правах распространялись и на их детей. А между тем на протяжении многих десятилетий в XVIII и XIX веках поколения русской интелли-

генции пополнялись за счет выходцев из духовного сословия, которые в не меньшей степени, чем выходцы из дворянства, формировали русскую науку и культуру. При этом следует отметить, что Закон о свободе совести Временного правительства все же предусматривал упоминание в документах или вероисповедания, или вневероисповедного состояния.

«5. Свободное исполнение религиозных обрядов обеспечивается постольку, поскольку они не нарушают общественного порядка и не сопровождаются посягательствами на права граждан Советской Республики. Местные власти имеют право принимать все необходимые меры для обеспечения в этих случаях общественного порядка и безопасности». Подобного рода размытая формулировка по существу должна была санкционировать для местных властей политику гонений на Церковь, ибо выдать тот или иной крестный ход или совершение в церковный праздник торжественного богослужения за отвлекающие граждан советской республики от общественно-полезного труда акты контрреволюции для большевистских властей не представляло труда.

«9. Школа отделяется от церкви. Преподавание религиозных вероучений во всех государственных и общественных, а также частных учебных заведениях, где преподаются общеобразовательные предметы, не допускается. Граждане могут обучаться и обучать религии частным образом». Такая формулировка по существу ставила под сомнение даже возможность существования системы духовного образования в Церкви, подчеркивая, что обучать и обучаться религии можно только частным образом. Все это так или иначе демонстрировало, что православные христиане в советской России — люди второго сорта.

«12. Никакие церковные и религиозные общества не имеют права владеть собственностью. Прав юридического лица они не имеют». Так была разрушена основа для нормальной хозяйственной жизни Церкви, которая была лишена возможности осуществлять какую бы то ни было экономическую деятельность в стране.

«13. Все имущества церковных и религиозных обществ объявляются народным достоянием»¹. Эта формулировка, по существу, имела в виду конфискацию у Церкви ее огромного имущества, которое веками складывалось в значительной степени за счет добровольных пожертвований поколений русских православных христиан, которые они делали Церкви.

¹ Известия. 1918. 21 янв. № 16.

24 августа 1918 года появилась инструкция Наркомюста о порядке проведения в жизнь декрета «О свободе совести или об отделении церкви от государства», которая предусматривала конкретные меры его проведения в жизнь. В этой инструкции говорилось о том, что в приходе ответственность не только за состояние имущества, но и за некоторые действия священника возлагается на группу мирян численностью в двадцать человек, впоследствии получившую зловещее наименование «двадцатка». Переложение ответственности перед государством за приходскую жизнь и деятельность на двадцатки уже летом 1918 года предполагало разделение внутри прихода, противопоставление настоятеля мирянам и воздействие на приходскую жизнь через этих самых мирян, в число которых, конечно же, могли попадать люди, связанные с властями.

Таким образом, «Декрет об отделении церкви от государства», явился законодательным актом, который нарушал не только основные положения определения «О правовом положении Церкви», принятого на Поместном Соборе, но и вековые традиции церковно-государственных отношений в России. Именно этот декрет в совокупности с рядом других законодательных, но чаще подзаконных актов большевистского правительства, принятых между октябрём 1917 и февралем 1918 года, по существу, создали, если можно так выразиться, законодательную основу для открытого и последовательного гонения на Православную Церковь. И именно эта политика, столь явно манифестированная большевиками в их законодательстве, стала поводом для первых самых обличительных, самых последовательных выступлений Патриарха Тихона в связи с происходившими в России событиями.

Св. Патриарх Тихон. Жизнь и труды до вступления на Патриарший Престол

Священноисповедник Патриарх Тихон (в миру Василий Иванович Беллавин) родился 19 января 1865 года в деревне Клин Торопецкого уезда Псковской губернии в семье священника Иоанна Тимофеевича Беллавина. Это весьма примечательно, ведь подавляющее большинство наших архиереев дореволюционного времени происходило из семей духовенства, и часто именно из семей провинциального духовенства. Жизнь сельского духовенства была довольно трудна: как правило, материальная обездоленность, особенно при наличии большого количества детей, социальная приниженность, ощущение глубокого духовного одиночества. Сельские священнослужители, люди для своей деревенской среды достаточно образованные, нередко были очень одиноки на своих приходах, прихожанами которых были безграмотные крестьяне, При этом они были отчуждены и от немногочисленных помещиков, образованных представителей сельской среды, в большинстве своем воспринимавших духовенство как разновидность прислуги в сфере своего весьма умеренного обрядового благочестия. Немногочисленные представители земской интеллигенции воспринимали духовенство, как правило, как чуждых им представителей архаичного церковного института. Одиночество наших священников в деревне, их обреченность на пребывание в среде, во многом им чуждой, часто создавало большие проблемы для них самих и для их детей. Поэтому каждый сельский священник лелеял надежду на то, что его сыновья, получив образование в духовном училище, а потом в духовной семинарии, приняв духовный сан, будут жить и служить в уездном, а еще лучше в губернском городе. И конечно, в редких случаях мечталось о том, чтобы, пройдя Духовную Академию, их дети вошли бы в элиту нашей Церкви — в епископат или, по крайней мере, в среду духовно-академической или университетской профессуры.

Для Василия Беллавина был неизбежен этот проторенный путь поповича к лучшей жизни. Закончив Торопецкое духовное училище и проучившись с 1878 по 1883 год в Псковской духовной семинарии, он поступил в 1884 году в Санкт-Петербургскую Духовную Академию. Он прилежно учился, обладал очень доброжелательным, хотя и несколько ироничным нравом, но еще в семинарии получил странное прозвище «патриарх», и это несмотря на то, что семинаристы, как правило, награждали друг друга более выразительными и саркастическими прозвищами.

Поступление Василия Беллавина в Санкт-Петербургскую Духовную Академию совпало с одним из самых замечательных периодов этой духовной школы, потому что именно в это время инспектором Духовной Академии, а затем ее ректором стал будущий митрополит Антоний (Вадковский). При нем духовная школа, действительно, преобразилась, что проявилось не только в фундаментальном образовании, которое давала Петербургская Духовная Академия, но и в высоком интеллектуальном уровне ее студентов. Владыке Антонию удалось сделать то, что, как правило, почти никогда не удавалось в духовных школах: он создал в ней одухотворенную и очень искреннюю атмосферу. Как известно, одна из главных проблем духовной школы — то, что она должна не только образовывать, но и воспитывать. А для того, чтобы воспитывать молодых людей, нужно быть способными проникнуть в их внутренний мир, знать, о чем они думают, что чувствуют. Чтобы это стало возможным, существуют два пути: либо преподаватели, воспитывающие своих учеников, должны быть людьми очень искренними, открытыми, авторитетными, они должны добиться того, чтобы им поверили ученики; либо, что гораздо проще, нужно создать для учащихся систему оповещения, осведомления о сокровенных мыслях учащихся. Вот почему предательство, доносительство было, увы, характерной чертой духовных школ всех времен и народов. Владыка Антоний сумел переломить ситуацию. Будучи инспектором, отвечавшим за дисциплину студентов, он добился того, что студенты в значительной своей части доверяли ему и даже исповедовались у него. Владыка Антоний развеял характерную для духовных школ атмосферу доноса и низкопоклонства по отношению к начальству. Он пытался воспитывать у своих студентов чувство собственного достоинства и для этого старался привлекать в Академию достойных преподавателей. Когда он с 1887 года стал ректором Петербургской Духовной Академии, на посту инспектора его сменил ее выдающийся выпускник архимандрит

Михаил (Грибановский), известный как прототип героя рассказа А. П. Чехова «Архиерей», один из замечательных русских архиереев, к сожалению довольно рано скончавшийся. Показательно, что именно в это время в Духовной Академии вместе с будущим патриархом учились будущий митрополит Антоний (Храповицкий), будущий глава Русской Православной Церкви Заграницей, другой будущий патриарх Сергей (Страгородский) и один из величайших наших иерархов XX века будущий священномученик митрополит Кирилл (Смирнов). Плеяда великих иерархов, воспитанная в Петербургской Духовной Академии, в это время была, конечно же, не случайной. Попав в такого рода среду, одухотворенную и высококультурную одновременно, чуткий и живой выпускник провинциальной семинарии Василий Беллавин, конечно же, стал впитывать в себя эту высокую культуру мысли, культуру слова, культуру жизни, которая приоткрылась ему в петербургской духовной школе.

Показательно, что учился этот выпускник провинциальной семинарии на кафедре истории и разбора западных исповеданий, и свою кандидатскую работу он посвятил янсенизму, теме довольно экзотической, связанной с изучением одного из направлений католичества, проявившем себя во Франции в XVII веке. Так промыслительно уже в Академии Василий Беллавин начал заниматься проблемами, связанными с инославием, то есть с чем-то таким, что, казалось бы, не соответствует его ментальности, его судьбе сына провинциального священника из русской глубинки, но что во многие годы его архиерейского служения будет заметно присутствовать в окружающем уже епископа Тихона религиозно-культурном контексте.

Окончив Академию, Василий Беллавин решил отложить окончательное решение вопроса о своей дальнейшей судьбе. Он не искал себе спутницу жизни, не принял монашество, а был направлен на преподавательскую работу в Псковскую духовную семинарию, где около двух лет преподавал французский язык. Только в ноябре 1891 года, будучи уже по тем временам достаточно зрелым, двадцатипятилетним человеком, Василий Беллавин решил принять монашество. Протопресвитер Георгий Шавельский написал в своих воспоминаниях, что любой мало-мальский умный и приличный студент Академии, приняв монашество, был обречен на то, чтобы вскоре стать епископом. Действительно, так называемые ученые монахи были потенциальными кандидатами в епископы, и нередко на принятие пострига подвигало честолюбие. Вряд ли так было с молодым иеромонахом Тихоном (Беллавиным).

Впрочем, его дальнейшая судьба стала развиваться довольно типично и даже динамично для ученого монаха. Короткий период преподавания в своей родной Псковской семинарии догматики и нравственного богословия, затем в марте 1892 года первая административная должность — инспектор Холмской духовной семинарии, а с июля уже ректор с возведением в сан архимандрита в двадцать семь лет. Однако Холмская семинария, восстановленная незадолго до появления там нового ректора, представляла собой довольно печальное зрелище с точки зрения организации в ней учебно-воспитательного процесса и кадрового состава как преподавателей, так и воспитанников. К тому же осуществлять подготовку священнослужителей для служения в крае надо было с учетом весьма своеобразных местных особенностей. Православные — а это были в основном крестьяне из деревень Холмщины — оказывались здесь в каком-то смысле людьми второго сорта, дворянство состояло в основном из поляков-католиков, и им покровительствовала местная русская администрация, в городах доминировала еврейская буржуазия. Православное духовенство Холмского края также оставляло желать лучшего как в интеллектуальном, так и в нравственном отношении, особенно на фоне образованного и объединенного строгой дисциплиной католического духовенства. Необходимо было много трудиться, чтобы Холмская семинария могла оздоровить ситуацию среди духовенства Холмщины, оставшейся тогда составной частью Царства Польского.

Но именно здесь для будущего Патриарха открылась совершенно новая, но очень важная для его будущей жизни сфера деятельности. Сформировавшись в парадигме традиционного русского православного благочестия и впервые чисто теоретически открыв для себя инославное богословие и западную культуру в процессе написания кандидатского сочинения «Кенель и его отношение к яansenизму» в Санкт-Петербургской Духовной Академии, архимандрит Тихон в Холмщине обнаружил новую для себя религиозно-культурную реальность. Именно здесь сначала как ректор духовной семинарии, а затем как викарный архиерей он столкнулся с проблемой выстраивания отношений с представителями различных этнических и религиозных групп, когда ему приходилось погружаться в решение разных вопросов, далеко не только административно-пастырского, но и общественно-политического и культурного характера. В течение пяти лет довольно успешно осуществлявший свою деятельность и возведенный в октябре 1897 года в тридцать два года в сан епископа Люблинского, викария Холмской епархии, владыка

Тихон оставался активным в своем служении православным архипастырем на рубеже православного, католического и иудейского миров. Это было важно для него, ибо он приобретал существенный опыт диалога с инославными и иноверными современниками. А такой диалог епископу Тихону потом предстояло почти десять лет вести еще более интенсивно и в еще более непривычных условиях, после того как 14 сентября 1898 года его назначили епископом Алеутским и Аляскинским.

Первые русские колонии появились на Аляске и даже в северной Калифорнии в XVIII веке, и деятельность первых русских миссионеров, таких, например, как преподобный Герман Аляскинский, была обращена прежде всего на алеутов и эскимосов и оказалась почти совсем безуспешной среди индейцев. Затем северная Калифорния выпала из сферы интересов российского правительства, а Аляска была продана при императоре Александре II Соединенным Штатам Америки. Но православные приходы там остались, тем более что православные начали появляться в Америке в XIX веке в числе эмигрантов из Восточной Европы. И именно русские священнослужители оказались в ситуации, когда им пришлось окормлять как привычных для них алеутов, так и в достаточной степени непривычных для них выходцев из Восточной Европы и даже Ближнего Востока, приезжавших в США. Конечно, это служение было в достаточной степени трудным для епископа Тихона, и не столько потому, что он, подобно героям Джека Лондона, должен был на собаках путешествовать по отдаленным районам Аляски или регулярно, пересекая всю территорию США, посещать Нью-Йорк и другие города северо-востока страны, куда стекались основные потоки в том числе и православных эмигрантов. Главная проблема заключалась в том, что для дальнейшего развития Алеутской и Аляскинской епархии ее правящий епископ должен был органично включиться в жизнь страны и общества, условия существования которых очень отличались от условий, имевших место в России и 900 лет существовавшей в ней Православной Российской Церкви.

В Русской Церкви, которая была интегрирована в систему государственной власти, статус епископа во многом соответствовал статусу губернатора. Это была, конечно, ответственная должность, но даже административная сторона деятельности епископа была жестко регламентирована государством, обеспечивавшим Церкви значительную поддержку. В конечном итоге епископ чувствовал себя чиновником, направленным в ту или иную епархию лишь на несколько лет для добросовестного исполнения прежде всего

административных указаний Святейшего Синода и синодальных чиновников разного уровня, которое позволит ему через некоторое время ожидать перемещения на другую, более престижную и богатую архиерейскую кафедру. Поэтому наиболее выдающиеся и неравнодушные русские православные архиереи могли проявлять свою активность лишь либо в сфере пастырского окормления своей паствы, что было не всегда легко из-за масштабов наших епархий и привычки большинства представителей приходского духовенства и мирян пересекаться с епархиальным епископом лишь на архиерейских богослужениях, либо в личной молитвенно-аскетической или богословско-творческой жизни.

К сожалению, отличительной чертой русской православной жизни было убеждение в том, что всякий русский человек, родившийся в православной семье, уже является православным. В младенчестве его крестили, в любом учебном заведении учили Закону Божию, а если он совсем не учился, то каким-то православным обычаям он научался в своей семье, и для простецов, составлявших значительное большинство православных христиан Российской Империи, обрядово-бытового исповедания своей веры было вполне достаточно. Миссионерство по отношению к инославным и иноверным народам России было связано не столько с деятельностью редких церковных миссионеров-энтузиастов, сколько с весьма противоречивой и непоследовательной государственной политикой русификации. Российские иноверцы и инородцы, желая стать православными, должны были становиться русскими или, желая стать русскими, становиться православными, и государственные власти всячески поддерживали эту традицию государственного псевдомиссионерства. Внутренняя миссия в традиционно русских епархиях стала предметом обсуждения в Русской Церкви лишь на рубеже XIX—XX веков. Русь в лице основной массы своих православных христиан по-прежнему была крещена, но не просвещена.

В Соединенных Штатах Америки ситуация была совершенно иной. Все религиозные конфессии были отделены от государства, и этот принцип соблюдался достаточно строго. Поэтому никакой поддержки со стороны государственных властей русский епископ, как и другие религиозные деятели США, получить не мог, его епархия существовала постольку, поскольку ее готовы были поддерживать своими усилиями прихожане, а таковых было тогда в США не так уж много. Оказавшись перед необходимостью самостоятельно решать очень многие проблемы, которых ранее в Рос-

сии у него никогда не было, причем решать их без всякой оглядки на государственную власть, епископ Тихон принял единственно правильное решение. Осознав перспективу неизбежной маргинализации православной жизни в США, если она будет ограничиваться своим традиционным региональным существованием на Аляске и Алеутских островах и в уже почти лишенной православных христиан Северной Калифорнии, епископ Тихон в 1900 году перенес кафедру из Сан-Франциско в Нью-Йорк и изменил название своей епархии на Алеутскую и Североамериканскую. Именно на северо-востоке США, через который шел основной поток эмигрантов из Европы и Ближнего Востока, епископ Тихон решил развернуть активную деятельность по поддержанию и распространению православной веры уже не среди немногочисленных русскоязычных американцев, а среди всех тех православных — сербов, болгар, румын, греков, православных арабов с Ближнего Востока, которые, конечно же, уже ощущали себя или стремились стать американцами.

Достаточно быстро епископ Тихон понял, что будущее его епархии связано с созданием в США на основе русской православной епархии Американской Православной Церкви, и решился на ряд очень неординарных шагов с точки зрения русских церковных представлений его эпохи. С одной стороны, в привычном для русских архиереев стиле он построил величественный Никольский собор в Нью-Йорке, а с другой стороны, спешно осуществил перевод богослужения на английский язык, понимая, что православное богослужение на английском языке сможет объединить под сводами русских храмов, тогда весьма немногочисленных, разноплеменных православных американцев, говорящих на английском языке. Он открыл десятки храмов, хотя часто это были здания, предназначенные для самых различных нужд и передававшиеся православным общинам на полное их материальное и административное попечение. При епископе Тихоне в США появились первые монастыри и открылось сначала духовное училище в Кливленде, потом духовная семинария в Миннеаполисе, ибо он понимал бесперспективность возложения основной нагрузки по приходскому и миссионерско-просветительскому служению на присылаемых из России священнослужителей, которые очень тяготились пребыванием в Америке. Для русских священников, может быть даже поначалу с интересом отправлявшихся в США, через несколько лет служение их становилось невыносимым и тягостным. Слишком жива была еще религиозная жизнь в России, они не могли с легко-

стью оторваться от своих корней, и многие из них ощущали себя на американских приходах временно пребывающими. Такие священнослужители, столь неразрывно связанные с русским этно-культурным контекстом, конечно же, не могли созидать полноценной церковной жизни, обращенной на перспективу создания Американской Православной Церкви. Нужно было искать ставленников из числа американцев разных национальностей, объединенных православным богослужением на английском языке и на всегда связавших свою жизнь с США.

При этом епископ Тихон активно занимался миссионерской деятельностью, обращенной к инославным национальным меньшинствам, и прежде всего к греко-католикам и представителям дохалкидонских церквей. Так в результате этой деятельности в лоно Православной Церкви вернулось сорок тысяч карпатороссов-униатов, незадолго до этого приехавших несколькими потоками из Австро-Венгрии и не нашедших поддержки у католического епископата США, в котором доминировали консервативно настроенные епископы ирландского происхождения.

Для того чтобы быть конкурентоспособной в условиях американского религиозного плюрализма, Православная Церковь должна была стать миссионерски очень активной, должна была заниматься церковным просвещением. Сознывая эту данность, епископ Тихон не только и не столько строил храмы, сколько прежде всего открывал духовные и приходские школы, которые занимались активной миссионерской работой. В США нужно было бороться за каждого, даже родившегося в православной семье американца, нужно было доказывать ему, что православная церковная жизнь может дать ему гораздо больше, чем жизнь протестантская, нужно было научать людей делать свой религиозный выбор осознанно и определенно.

В 1905 году епископ Тихон направил в Святейший Синод проект преобразования его епархии в будущую автокефальную Церковь, в которой даже должны были действовать викарные епископы по этническому принципу — грек, серб, албанец, араб. Конечно, в Синоде эта идея не была принята, но епископ Тихон, отдавая себе отчет, сколь плохо понимали в Синоде специфику его епархии, решился осуществить то, о чем в это время велась оживленная дискуссия в Русской Церкви, и принял решение регулярно проводить в своей епархии собрания духовенства и представителей мирян, то есть епархиальные соборы, и ввел новый приходской устав, непохожий на существовавший во всей Православной Российской Цер-

кви. Новый приходской устав предусматривал установление за приходом права юридического лица и права владения недвижимым имуществом, то есть тех прав, которых были лишены приходы в России. Именно при епископе Тихоне в американской православной церковной жизни начала складываться система, которая и по сей день положительно отличает многие православные приходы за границей от приходов в современной России. Имеющий значительные права приход, по существу, сам отвечает и за свое существование, и за своего священника, поддерживает его и дорожит им, точно так же как и священник дорожит своими прихожанами. Приходская община при епископе Тихоне стала играть очень важную роль в выборе священника, побуждая епископа прислушиваться к мнению паствы при выборе для нее пастыря.

В 1907 году владыка Тихон, ставший в 1905 году архиепископом, провел первый собор в своей епархии, ставшей называться Русской Православной Греко-Кафолической Церковью в Америке. Но уже 25 января 1907 года он был переведен в Россию, оставив после себя на территории США около четырехсот тысяч пасомых, более ста приходов, сто тринадцать приходских школ, четыре журнала на разных языках.

Вернувшись в Россию, архиепископ Тихон занял Ярославскую кафедру, богатую не только своими епархиальными доходами, но и своими историческими традициями. Оказавшись в Ярославской епархии, он возвратился в привычную и дорогую ему русскую православную среду и, в частности, вступил в продолжительные и добрые отношения с двумя в будущем выдающимися иерархами Русской Православной Церкви XX века, своим викарным епископом Рыбинским Иосифом (Петровых) и своим келейником иеромонахом Серафимом (Самойловичем), который около пяти лет служил на Аляске в годы управления Северо-Американской епархией архиепископом Тихоном.

В Ярославской епархии архиепископ Тихон столкнулся с духовенством, уклад жизни которого во многом не соответствовал требованиям современной церковной жизни. Многие представители духовенства были исполнены косности и равнодушия, ограничивали свою деятельность совершением привычного круга богослужений и треб и отнюдь не были склонны заниматься активной миссионерско-просветительской, а уж тем более общественной деятельностью. Стремясь как можно лучше узнать жизнь и проблемы приходского духовенства, архиепископ Тихон начал энергично ездить по епархии, посещая даже самые отдаленные приходы.

При этом он прекратил практику поборов с духовенства, но, не требуя с них денег, настаивал на их активной проповеднической и просветительской работе. Примечательно, что, следуя сложившейся у архиепископа Тихона еще в Алеутской и Северо-Американской епархии традиции, он, например, отменил такой псевдоблагочестивый обычай, как полагание священником при встрече с правящим архиереем трех земных поклонов перед ним. У кого-то из представителей духовенства это встречало понимание, у кого-то отторжение, но все проблемы он стремился разрешать своим довольно смиренным и ироничным нравом. Архиепископ Тихон был вообще очень живым человеком и не был похож на типового архиерея, и живость его характера, конечно, помогала многим отзываться на его начинания даже в тех случаях, когда начинания их нового архиерея были им непонятны.

Жизнь в Ярославской епархии при архиепископе Тихоне стала ощутимо развиваться, хотя в каких-то отношениях он следовал обстоятельствам своего времени. Так, например, он даже согласился принять свое членство в Союзе русского народа, крайне правой монархической организации, которая практиковала систему заочного принятия в свои ряды представителей духовенства. Конечно, архиепископ Тихон был монархистом, но его монархизм отнюдь не принимал таких агрессивных, человеконенавистнических форм, какие предполагались Союзом русского народа, и, разумеется, как по своей ментальности, так и по своему мировоззрению он был очень далек от этой организации. Но, будучи тогда, подобно многим русским архиереям, человеком аполитичным, архиепископ Тихон не склонен был видеть в своем формальном членстве в Союзе русского народа ни условия для дальнейшего успешного развития своей карьеры, ни причину изменять своему весьма толерантному и доброжелательному характеру, ни основания становиться крайним сервилитом в своем отношении к существовавшей в России системе государственной власти.

3 января 1914 года произошло назначение архиепископа Тихона на Литовскую и Виленскую кафедру, вероятно связанное с тем, что у него был опыт служения в западном крае еще в качестве архимандрита и викарного епископа. Показательно, что на Ярославскую епархию вместо него был назначен архиепископ Литовский и Виленский Агафангел (Преображенский). Произошла своеобразная рокировка двух епископов, до этого времени почти не знавших друг друга. Это были люди во многом очень разные, но, встретившись друг с другом лицом к лицу, познакомившись с состоянием

епархий друг друга, они почему-то исполнились взаимного расположения, настолько глубокого, что в тяжелейший момент своего ареста в 1922 году именно митрополита Агафангела, продолжавшего оставаться на Ярославской кафедре, Патриарх Тихон назначил своим Местоблюстителем и тем самым, конечно же, обрек его на исповеднический путь, которым им предстояло в дальнейшем идти вместе до их последнего смертного часа.

Служение архиепископа Тихона в Литовской и Виленской епархии было недолгим, ибо в связи с начавшейся летом 1914 года Первой мировой войной и наступлением немецких войск он осенью был эвакуирован в Москву. С 1915 года архиепископ Тихон был присутствующим членом Синода, но, будучи оторван на несколько лет от своей епархии, просто служил и проповедовал в храмах Москвы, являя себя москвичам именно как архипастырь. Москва была городом с особыми церковными традициями, в ней были активные и сильные приходы, в которых было немало высокообразованных представителей православной интеллигенции, многие из которых находились в оппозиции к синодальному Петербургу. Достаточно вспомнить, что именно Москва стала центром сопротивления Г. Е. Распутину и его влиянию на церковную жизнь, наиболее известными и влиятельными участниками этого сопротивления были такие церковные деятели, как великая княгиня Елизавета Федоровна и А. Д. Самарин, короткое время занимавший должность обер-прокурора. Однако за два года своего преимущественно архипастырского служения на приходах Москвы архиепископу Тихону удалось стать в Москве одним из самых авторитетных архипастырей для православных москвичей. И это объясняет то неожиданное обстоятельство, что во время выборов Московского митрополита летом 1917 года именно его и избрали на Московскую кафедру.

Поместный Собор 1917–1918 годов. Вторая и третья сессии

«Аще не Господь созиждет дом, всеу трудишася зиждущии его, напрасно рано встают и поздно просиживают» (см. Пс. 126:1–2). Это исполнилось в древности на вавилонских строителях, сбывается днесь и воочью нашею. И наши строители желают сотворить себе имя своими реформами и декретами, облагодетельствовать не только несчастный русский народ, но и весь мир и даже народы гораздо более культурные. И эту высокомерную затею их постигает та же участь, что и замыслы вавилонян: вместо блага приносится горькое разочарование. Желая сделать нас богатыми и ни в чем не имеющими нужды, они на самом деле превращают нас в несчастных, жалких и нагих (см. Откр. 3:17)¹.

Так в своем слове, произнесенном в Храме Христа Спасителя перед новогодним молебном 1 января 1918 года, Патриарх Тихон определил духовно-историческую сущность политики утверждавшегося в России большевистского режима. Для Патриарха Тихона было очевидно, что большевики не управляют пока ситуацией в стране и народные массы, оказавшиеся без руководства со стороны государственной власти, стихийно совершают многие бесчиния. Очевидно было также и то, что без вовлечения в свою политику широких масс населения большевикам не удастся проводить свою политику в жизнь. Патриарх Тихон отдавал себе отчет в том, что именно в этот период начинающихся гонений на Церковь многое будет зависеть от позиции народа. Говоря в высоком религиозном духе о событиях, происходящих в России, ища подобающие для определения этих событий библейские образы, он надеялся, что его слово отзовется в сердцах его заблудших пасомых.

Но этого не случилось, и 19 января 1918 года Патриарх Тихон выступил с гораздо более конкретным и более суровым посланием,

¹ Церковные ведомости. 1918. № 1. Цит. по: Акты святейшего Тихона, Патриарха Московского и всея России, позднейшие документы и переписка о каноническом преемстве высшей церковной власти / сост. М. Е. Губонин. М., 1994. С. 76.

которое и по сей день остается одним из наиболее известных его посланий. В этом послании он прямо и честно обличил гонителей Церкви, тем самым на все последующие десятилетия дав религиозную оценку им, их политике, их замыслам. Показательно то, что Патриарх Тихон выпустил свое послание накануне открытия второй сессии Поместного Собора. Отдавая себе отчет в том, что его послание вызовет гнев богоборческих властей, Патриарх хотел обратить этот гнев на себя одного, избавив Поместный Собор от ответственности за это послание.

Тяжкое время переживает ныне святая православная Церковь Христова в Русской земле: гонение воздвигли на истину Христову явные и тайные враги сей истины и стремятся к тому, чтобы погубить дело Христово и вместо любви христианской всюду сеять семена злобы, ненависти и братоубийственной брани. Забыты и попораны заповеди Христовы о любви к ближним: ежедневно до нас известия об ужасных и зверских избиениях ни в чем не повинных и даже на одре болезни лежащих людей, виновных только разве в том, что честно исполняли свой долг перед родиной, что все силы свои полагали на служение благу народному.

В этих удивительно выразительных словах перед нами предстает картина трагической гибели многих сотен, а может, и тысяч верных своему долгу, своей воинской присяге русских офицеров, достойно принимавших смерть не от врагов только лишь, но от своих недавних подчиненных, опьяненных очень простым, очень грубым, но очень искусительным призывом «Грабь награбленное! Долой войну!». К этому времени Патриарх Тихон, наверное, уже хорошо знал, как погиб последний главнокомандующий русской армии генерал Н. Н. Духонин, практически растерзанный революционными солдатами и матросами, приехавшими в ставку Верховного главнокомандующего сопровождать прапорщика Н. В. Крыленко, которого большевики назначили на место генерала Н. Н. Духонина. Но много других безвестных русских офицеров и чиновников к тому времени, исполняя свой служебный долг, пали жертвами сторонников большевиков. Патриарх писал об этом не столько с возмущением, сколько с ужасом, ибо, подобно священномученику Патриарху Ермогену, осознавал, какое отступничество от вековых традиций религиозной, нравственной, государственной жизни России вновь постигло, уже в его время, русскую землю.

Рисуя эту страшную картину, Патриарх продолжал:

И все это совершается не только под покровом ночной темноты, но и въявь при дневном свете, с неслыханною доселе дерзостью и беспощадной жестокостью, без всякого суда и с попранием всякого права и законности, — совершается в наши дни во всех почти городах и всях нашей отчины: и в столицах, и на отдаленных окраинах... <...> Опомнитесь, безумцы, прекратите ваши кровавые расправы. Ведь то, что творите вы, не только жестокое дело, это — поистине дело сатанинское, за которое подлежите вы огню гееннскому в жизни будущей — загробной и страшному проклятию потомства в жизни настоящей — земной. Властью, данную нам от Бога, запрещаем вам приступать к Тайнам Христовым, анафематствуем вас, если только вы носите еще имена христианские и хотя по рождению своему принадлежите к Церкви православной. Заклинаем и всех вас, верных чад православной Церкви Христовой, не вступать с таковыми извергами рода человеческого в какое-либо общение: «измите злаго от вас самих» (1 Кор. 5:13).

Так впервые в XX веке Патриарх Тихон, только что вступивший на кафедру русских первосвятителей, должен был анафематствовать своих недавних пасомых, многие из которых с поразительной легкостью презрели свой христианский долг перед Церковью и Россией. Эта анафема Патриарха Тихона, не отмененная Церковью, довлеет и по сей день над теми, кто так или иначе связывает себя с коммунизмом, одной из самых страшных и кровавых утопических химер в истории человечества.

Конечно, Патриарх Тихон уже тогда отдавал себе отчет в том, что его анафема вряд ли произведет впечатление на тех лидеров большевистского режима, которые по рождению своему были православными. Ни Ленин, ни Сталин не могли устыдиться, тем более ужаснуться этих слов Патриарха. Ведь, составляя это свое послание, он обращал его прежде всего к тем сотням тысяч, а потом, может быть, и миллионам простых русских православных христиан, которые в этот трагический исторический момент оказались слепым орудием в руках большевиков. Патриарх Тихон, конечно, осознавал, что, если русский православный народ уклонится от своих новых вождей и предводителей, они ничего не смогут сделать с Россией, и в этот момент он, как подлинный архипастырь, вступил в борьбу за души простых русских православных христиан.

При этом Патриарх не звал православных христиан к вооруженному сопротивлению. Он писал:

Враги Церкви захватывают власть над нею и ее достоянием силою смертоносного оружия, а вы противостаньте им силою веры вашей, вашего властного всенародного вопля, который остановит безумцев и покажет им, что не имеют они права называть себя поборниками народного блага, строителями новой жизни по велению народного разума, ибо действуют даже прямо противно совести народной. А если нужно будет и пострадать за дело Христово, зовем вас, возлюбленные чада Церкви, зовем вас на эти страдания вместе с собою словами святого апостола: «Кто ны разлучит от любви Божия? Скорбь ли, или теснота, или гонение, или глад, или нагота, или беда, или меч?» (Рим. 8:35). А вы, братие архипастыри и пастыри, не медля ни одного часа в вашем духовном делании, с пламенной ревностью зовите чад ваших на защиту попираемых ныне прав Церкви православной, немедленно устраивайте духовные союзы, зовите не нуждою, а доброю волею становиться в ряды духовных борцов, которые силе внешней противопоставят силу своего святого воодушевления, и мы твердо уповаем, что враги Церкви будут посрамлены и расточатся силою креста Христова, ибо непреложно обетование Самого Божественного Крестоносца: «Созижду Церковь Мою, и врата адовы не одолеют ее» (Мф. 16:18)¹.

Патриарх Тихон призывал к ненасильственному сопротивлению богоборцам. Он призывал прежде всего к неучастию в их злых делах. Если бы этот призыв патриарха Тихона был в полной мере услышан, если бы, ужаснувшись анафемы, сотни тысяч простых православных русских христиан уклонились от того, чтобы исполнять искусительные призывы богоборческих вождей экспроприировать экспроприаторов, грабить награбленное, а попросту говоря, уничтожать все то, что составляло основу христианской цивилизации в России, вряд ли богоборческий режим продержался бы в нашей стране значительное время.

В эти январские дни, когда появилось послание, анафематствовавшее богоборцев, Патриарх Тихон надеялся, что его слово отзовется в сердцах одетых в солдатские шинели и матросские бушлаты и заклеянных красными лентами сотен тысяч русских православных христиан, руками которых большевики продолжали тво-

¹ Священный Собор Православной Российской Церкви. Деяния. Кн. VI. Деяния LXVI–LXXXII. С. 4–5.

речь насилеие над беззащитными людьми и церковными святынями. Именно в эти дни красногвардейцами был убит в Петрограде при попытке захвата Александро-Невской лавры взывавший к христианской совести и пытавшийся остановить погромщиков выдающийся проповедник протоиерей Петр Скипетров.

Показательно, что, ознакомившись с посланием Патриарха Тихона, Поместный Собор уже 22 января 1918 года принял это послание как соборный документ, придав ему статус постановления высшего органа церковной власти. А 25 января члены Собора, внимательно ознакомившись с декретом «О свободе совести или отделении церкви от государства», вынесли свое очень ясное и очень жесткое определение этого основополагающего правового документа большевистского правительства.

Изданный Советом народных комиссаров декрет «Об отделении церкви от государства» представляет собой под видом закона «О свободе совести» злостное покушение на весь строй жизни Православной Церкви и акт открытого против нее гонения.

Справедливость этого постановления была обусловлена не только тем, что по своему конкретному содержанию декрет представлялся юридическим нонсенсом даже в сравнении с законами об отделении Церкви от государства, существовавшими в других странах, но и тем, что исполнение этого декрета могло полностью парализовать всю церковную жизнь, сделав Церковь совершенно беззащитной перед лицом агрессивно враждебного христианству большевистского режима. И далее в постановлении подчеркивалось:

Всякое участие как в издании сего, враждебного Церкви узаконения, так и попытках провести его в жизнь несовместимо с принадлежностью к Православной Церкви и навлекает на виновных кары, вплоть до отлучения от Церкви¹.

Пройдет несколько лет, и гонение, воздвигнутое на Церковь, будет столь кроваво и столь жестоко, что декрет «Об отделении церкви от государства» покажется весьма безобидным законодательным опытом. Тогда же многие члены Поместного Собора, крупные специалисты в области не только канонического, но и гражданского и уголовного права, расценили большевистский закон как действительный акт открытого гонения на Церковь.

¹ Священный Собор Православной Российской Церкви. Деяния. Кн. VI. Деяния LXVI–LXXXII. С. 72.

Прошло еще несколько дней, и на Соборе стало известно о том, что его почетный председатель митрополит Киевский Владимир (Богоявленский) был убит при обстоятельствах, которые не могли не потрясти многих членов Собора. Накануне своего убийства митрополит Владимир находился в Киево-Печерской Лавре, и пришедшие в Лавру около десяти-двенадцати красногвардейцев без всякого сопротивления со стороны монахов прошли к митрополиту, несколько часов истязали его, а потом увели и убили. И никто из лаврской братии — а монахов там было многие десятки — не попытался предотвратить расправу над своим священноархимандритом. Эти обстоятельства гибели одного из самых уважаемых и самых авторитетных митрополитов Русской Православной Церкви заставили членов Собора задуматься еще и над тем, что происходит с самой Церковью, о том, что не только извне, но и изнутри ей угрожают серьезные испытания.

Однако быстро развивавшиеся события заставляли думать о дальнейшем управлении Церковью в столь сложных условиях. Убийство митрополита Владимира ясно продемонстрировало, что для большевистских властей не составит большой проблемы расправа как над членами Собора, так и над первосвятителем Русской Церкви. Именно в это время на основе предложения тридцати шести членов Собора было принято постановление, призванное предложить конкретные меры для сохранения канонической преемственности высшего церковного управления при самом неожиданном, может быть, даже трагическом дальнейшем развитии событий. Согласно церковным канонам, высшим органом церковного управления является Поместный Собор. Уже тогда, в начале 1918 года, многим членам Собора, особенно после разгона большевиками Учредительного собрания, стало очевидно, что Поместный Собор может быть разогнан большевиками в любой момент. Очевидным было так же и то, что большевики могут не допустить созыва нового Поместного Собора. Жизнь Патриарха Тихона в этот момент также была уязвима, и перспектива того, что Русская Церковь будет лишена одновременно и Патриарха, и Собора, стала восприниматься как вполне вероятная. Именно в это время на Поместном Соборе было принято решение, которое даже сначала широко на Соборе не оглашалось, о том, чтобы Патриарх Тихон назначил себе Местоблюстителей с полнотой своих прав на случай, если он не сможет возглавлять высшее церковное управление. Формально церковные каноны не позволяют Патриарху назначать себе преемника с полнотой патриарших прав. Но Поместный Собор, будучи

высшим органом церковной власти, исходя из беспрецедентности событий, происходивших в России, обязал Патриарха назначить себе преемника или преемников с полнотой патриарших прав. Патриарх Тихон исполнил это решение Поместного Собора и объявил о том, что им назначены Местоблюстители, имена которых не оглашались на Соборе, дабы сохранить преемство власти церковной в условиях, если Патриарх не сможет далее управлять церковной иерархией, а Поместный Собор будет разогнан.

В это время некоторые члены Собора из числа мирян стали высказывать мысли о том, что в стране наступил период, когда защитить и Церковь, и Россию оказывается необходимым лишь внешней силой, в том числе силой оружия. Им уже было известно о том, что два наиболее известных военачальника русской армии генералы М. В. Алексеев и Л. Г. Корнилов создавали на Дону Добровольческую армию, и группа членов Собора из числа мирян 2 марта 1918 года посетила Патриарха Тихона и попросила его передать письменное благословение руководителям формировавшегося в России Белого движения. Входивший в эту группу князь Г. Н. Трубецкой вспоминал о том, что Патриарх, оставив за членами Собора право решать, как им лично поступать в данном случае, и допустив возможность для них оставить Собор и отправиться на юг для участия в Белом движении, отказался передать письменное благословение руководителям Добровольческой армии. Патриарх подчеркивал, что начинающаяся в России междоусобная гражданская война делала недопустимым нарочитое благословение Церковью одной из борющихся сторон, ибо такое благословение делало Православную Церковь непосредственным участником междоусобной брани, а этого хотели избежать в том числе и многие члены Поместного Собора.

Патриарх в самой деликатной и в то же время твердой форме сказал мне, что не считает возможным это сделать, ибо, оставаясь в России, он хочет не только наружно, но и по существу избежать упрека в каком-либо вмешательстве Церкви в политику. Эту черту надо помнить, чтобы понимать некоторые руководящие начала, которым Патриарх никогда не изменял. Он, конечно, не питал иллюзии относительно Советской власти. С самого начала ему ясно было, что это власть безбожная и антихристова. Когда некоторые горячие головы предлагали однажды во время Собора проект Пастырского послания, содержащий в себе резкую характеристику большевиков, то он, с своей не оставлявшей

ни минуты сомнения смиренной простотой, сказал: «Я не за себя боюсь. Поверьте, я готов и рад буду потерпеть, когда нужно. Но я отвечаю за других, и поэтому не нужно никаких вызовов»¹.

Однако вскоре Патриарху Тихону пришлось выступить с посланием, которое на первый взгляд не касалось чисто церковных вопросов и могло показаться сугубо политическим. Уже в начале марта 1918 года, узнав о заключении большевиками Брест-Литовского мирного договора, потрясшего всю патриотическую часть русского общества и всех членов Поместного Собора, Патриарх Тихон счел необходимым высказаться по поводу этого договора, предававшего многочисленные жертвы, понесенные Россией, и обязательства страны перед союзниками и лишь продлевавшего агонию умиравшей Германии, отдавая ей при этом огромные русские территории и ресурсы.

Благословен мир между народами, ибо все братья, всех призывает Господь мирно трудиться на земле, для всех уготовал Он Свои неисчислимые блага, — писал Патриарх Тихон. — И святая Церковь непрестанно возносит молитвы о мире всего мира, уповая, что восторжествует на земле правда Христова и соединит враждующих братьев в единое стадо под водительством единого Небесного Пастыря. И несчастный русский народ, вовлеченный в братоубийственную кровавую войну, нестерпимо жаждал мира, как некогда народ Божий жаждал воды в палящей зноем пустыне. Но тот ли это мир, о котором молится Церковь, которого жаждет народ? Заключенный ныне мир, по которому отторгаются от нас целые области, населенные православным народом, и отдаются на волю чуждого по вере врага, а десятки миллионов православных людей попадают в условия великого духовного соблазна для их веры... Церкви же Православной принесет великий урон и горе, а Отечеству — неисчислимые потери. А между тем у нас продолжается все та же распря, губящая наше Отечество. Внутренняя междоусобная война не только не прекратилась, а ожесточается с каждым днем. Голод усиливается... <...> Умножаются грабежи, убийства, и для борьбы с ними население часто прибегает к ужасному самосуду. Устранит ли объявленный мир эти, вопиющие к небу, нестроения? Не принесет ли он еще больших скорбей и несчастий? Увы, оправдываются слова пророка: «Они говорят: мир, мир, а мира нет». Святая Православная Цер-

¹ Трубецкой Г. Н. Памяти Святейшего патриарха Тихона // Путь. 1925. № 1. С. 116–117.

ковь, искони помогавшая русскому народу собирать и возвеличивать государство Русское, не может оставаться равнодушной при виде его гибели и разложения. Этот мир, принужденно подписанный от лица русского народа, не приведет к братскому сожительству народов. В нем нет залогов успокоения и примирения, в нем посеяны семена злобы и человеконенавистничества. В нем зародыши новых войн и зол для всего человечества¹.

Это послание Патриарха Тихона, конечно же, вызвало резкую критику со стороны большевистской власти. Патриарх был обвинен за это послание, как и за послание 19 января 1918 года с анафемой богоборцам, в контрреволюции и провоцировании гражданской войны.

А между тем Собору нужно было принимать решения, касавшиеся и церковной жизни. Вторая сессия Собора должна была создать в Русской Православной Церкви новые органы епархиального и приходского управления, выработать определения, которые бы содержали в себе четкие принципы, формирующие эти органы управления, ясно и конкретно обозначали круг их прав и обязанностей. Нужно было восполнить высшее церковное управление столь же каноничным и столь же работоспособным епархиальным и приходским управлением. По-настоящему творческая, исполненная подлинного богословского и канонического вдохновения работа членов Собора в это время позволила Русской Православной Церкви уже весной 1918 года иметь очень четкую основу для своей деятельности как на уровне высшего, епархиального, так и приходского управления. На Поместном Соборе была предпринята беспрецедентная в истории Русской Православной Церкви попытка положить соборное начало не только в основу принципов деятельности высшего церковного управления, но и в основу приходского устава, по которому теперь должна была строиться жизнь приходских храмов.

Но глубоко символичным стало то, что в период, когда на Соборе шла сложная и кропотливая работа по выработке столь значимых для Церкви определений, Патриарх Тихон 31 марта 1918 года совершил в храме Московской духовной семинарии, в которой проходили многие заседания Собора, заупокойную литургию по пятнадцати к тому времени уже известным мученикам, пролившим свою кровь за православную веру. Первым в ряду поминавшихся архиереев стоял впоследствии прославленный как священ-

¹ Церковные ведомости. 1918. № 9–10. Цит. по: Акты святейшего Тихона, Патриарха Московского и всея России... С. 107–109.

номученик митрополит Киевский Владимир, первым среди священнослужителей — будущий священномученик протоиерей Иоанн Кочуров, принявший первым смерть от большевиков уже через несколько дней после захвата ими власти. Литургию служил Патриарх Тихон в сослужении четырех архиереев и десяти клириков, многим из которых также суждено было стать мучениками, исповедниками Русской Православной Церкви XX века. 18 апреля 1918 года Поместный Собор принял определение «О мероприятиях, вызываемых происходящим гонением на Православную Церковь», в котором, в частности, говорилось:

Установить возношение в храмах за богослужением особых прошений о гонимых ныне за Православную веру и Церковь и скончавших жизнь свою в исповедниках и мучениках. Установить во всей России ежегодное поминовение в день 25 января или в следующий за сим воскресный день (вечером) всех усопших в нынешнюю лютую годину гонений исповедников и мучеников. <...> Поручить Высшему Церковному Управлению собирать сведения и оповещать православное население... о всех случаях гонения на Церковь и насилия над исповедниками Православной веры. <...> Призвать от имени Собора приходские и епархиальные организации к защите гонимых и освобождению заключенных за веру и Церковь и к принятию мер для возвращения отобранного имущества церквей, монастырей, церковных учреждений и организаций...¹

А между тем события, происходившие в России, свидетельствовали о том, что и внутри Церкви возникают немалые нестроения. И не случайно 19 апреля 1918 года было принято определение «О мероприятиях по прекращению нестроения церковной жизни», в котором впервые говорилось о том, что в Церкви имеют место случаи, когда те или иные священнослужители, монахи и миряне перестают повиноваться своему священноначалию или идут на сотрудничество с богоборческой властью. Данное определение всех таких заблудших чад Церкви призывало одуматься и покаяться, грозя им в противном случае самыми суровыми церковными прещениями вплоть до отлучения от Церкви. Так Поместному Собору весной 1918 года приходилось совмещать очень серьезную, каноническую деятельность с осмысленной и нравственно-чуткой реакцией на тяжелые события, происходившие в то время в России.

¹ Священный Собор Православной Российской Церкви. Собрание определений и постановлений. Вып. 3. С. 55–56.

Лето 1918 года готовило стране и Церкви новые испытания. Проводившийся до этого времени в основном стихийно и неорганизованно красный террор с конца лета 1918 года приобретал все более организованный характер и был даже официально объявлен в качестве основополагающей политики большевистского правительства. Началось массовое и систематическое уничтожение представителей епископата, приходского духовенства и еще большего числа активных православных мирян, которое будет продолжаться в России не менее четверти века. В это время происходят убийства целой группы русских православных архиереев в разных епархиях России. В течение трех месяцев с конца июня по сентябрь погибают 20 июня архиепископ Пермский Андроник (Никольский), 29 июня епископ Тобольский Ермоген (Долганев), 12 августа епископ Сарапульский Амвросий (Гудко), 27 августа архиепископ Черниговский Василий (Богоявленский), в сентябре епископы Кирилловский Варсанофий (Лебедев), Селенгинский Ефрем (Кузнецов), Орловский Макарий (Гневушев), Верненский Пимен (Белоликов).

Наряду с гибелью священнослужителей особым событием этого времени стала гибель членов царской семьи. Следует отметить, что изначально большевики планировали объявить лишь об убийстве императора Николая II. Обстоятельства гибели членов его семьи должны были быть скрыты. И только успешная деятельность следственной группы, организованной при правительстве адмирала А. В. Колчака, позволила следователю Н. А. Соколову найти непосредственных участников убийства царской семьи и обнаружить факт убийства всех членов семьи императора Николая II в ночь с 16 на 17 июля 1918 года. Тогда же, непосредственно после убийства царской семьи, было объявлено лишь о расстреле императора Николая II. К тому времени Собор прервал свою работу, вторая сессия была завершена, но сразу по возобновлении заседаний это во многом эпохальное событие русской истории стало предметом обсуждения. Начав рассматривать вопрос о необходимости поминовения убиенного императора, члены Собора поначалу разошлись во мнениях. Некоторые склонны были возлагать ответственность на государя за многие происшедшие в России события и считали необязательным отозваться на его гибель какой-то нарочитой панихидой с поминовением Николая II как императора. Другие говорили, что император и после отречения остается русским государем, которому Русская Православная Церковь многим остается обязанной, но в силу того, что на Цер-

ковь обрушиваются страшные гонения, обязывать представителей русского православного духовенства служить панихиды об убиенном государе значит обрекать их на возможные репрессии большевиков, а возможно, и на смерть. И все же на Поместном Соборе было принято решение не просто о поминовении убиенного императора как государя, но о том, чтобы панихиды о нем служились во всех храмах Русской Православной Церкви. Так Поместный Собор отозвался на гибель императора Николая II, поминая его повсеместно как убиенного государя, зная, что многим из тех, кто будет поминать его, возможно, предстоит испытать на себе ненависть большевистских властей.

И тем не менее Собор должен был продолжать свою работу как орган, прежде всего, церковного управления. Третья сессия должна была дать очень много важных решений для всей русской церковной жизни. В частности, планировалось обсудить и принять решения, касающиеся богослужебной жизни Русской Православной Церкви. На обсуждение выносились вопросы о дальнейшем редактировании и, возможно, новом переводе богослужебных книг, в том числе на великоросский и малоросский языки, о принципах единообразного сокращения богослужения и возможной реформе богослужебного устава, об упорядочении практики сокращения постов. Проекты решений многих из этих вопросов были подготовлены богослужебным отделом, которым руководил архиепископ Волынский Евлогий (Георгиевский).

Важное определение «О порядке прославления святых к местному почитанию» было принято 3 сентября 1918 года, когда Поместный Собор четко определил процедуру прославления подвижников в Русской Православной Церкви.

1. Прославление угодника Божия к местному почитанию в Русской Православной Церкви совершается Собором митрополичьего округа с преподавания чрез особую грамоту благословения Святейшего Патриарха и Священного Синода.
3. Для причтения угодника Божия к лику местночтимых святых необходимо, чтобы богоугодная жизнь праведника была засвидетельствована даром чудотворения по кончине его и народным почитанием его.
5. При проверке чудес заявителя о них и свидетели дают показания под присягой о действительности чудесных знамений.
6. Свидетельствование и открытие мощей для причтения угодника Божия к лику местночтимых святых необязательно.

13. Причтение местночтимого святого к лику общецерковно почитаемых святых принадлежит Священному Собору Российской Церкви¹.

Это определение устанавливало четкую, историко-канонически обоснованную процедуру собирания свидетельств и проведения канонизаций святых. Именно поэтому оно и сейчас полагается в основу практики канонизации святых в Русской Православной Церкви.

Учитывая то, что гонения на Русскую Православную Церковь в течение всего 1918 года не только не ослабевали, но, наоборот, усиливались, Поместный Собор 12 сентября 1918 года принял определение «Об охране святынь от кощунственного захвата и поругания», в котором, в частности, содержался пункт, вызвавший особую ярость у большевиков. Стремясь ликвидировать религиозную жизнь в стране, большевики шли, как им казалось, по наиболее простому и гарантирующему успех пути. Они начали постоянно и почти повсеместно закрывать храмы, убежденные в том, что с закрытием храма приходская община как основополагающий общественный элемент Церкви как социального института будет обречена на исчезновение. Учитывая эту политику, Поместный Собор принял определение, в котором, в частности, говорилось:

Лишившаяся храма или его святынь община православных христиан объединяется около своего пастыря, который, с разрешения епархиального архиерея, может совершать божественные службы, не исключая и литургии, в частном доме или ином приличествующем помещении. Необходимые для Богослужения предметы приобретаются в таких случаях на добровольные даяния верующих, причем священные сосуды могут быть без всяких украшений на них, а облачения из простой ткани: да будет ведомо всем, что Церковь Православная дорожит своими святынями по их внутреннему значению, а не ради материальной ценности и что насилия и гонения бессильны отнять у нее главное сокровище — святую веру, залог ее вечного торжества, ибо «сия есть победа, победившая мир, вера наша» (1 Иоан. 5:4)².

Таким образом, Поместный Собор Русской Православной Церкви позволял православным христианам сохранять свои общины

¹ Священный Собор Православной Российской Церкви. Собрание определений и постановлений. Вып. 4. С. 25–26.

² Там же. С. 29.

даже в случае отнятия у них властями храма. Безусловно, подобные общины государству было труднее контролировать, но евхаристическо-общинная жизнь в Церкви при этом сохранялась. Эта готовность Поместного Собора благословить своих чад на подобную каткомбную церковную жизнь свидетельствовала о том, что и члены Поместного Собора, и многие другие русские православные христиане были тогда еще готовы скорее жертвовать собой, нежели идти на компромиссы с богоборческой властью.

Поместному Собору не суждено было довести свою столь свободно, творчески и плодотворно начавшуюся деятельность до предполагавшегося членами Собора завершения. Некоторые важнейшие решения Поместного Собора, такие, как, например, решения относительно преобразований богослужбной жизни, так и не были приняты, несмотря на то что проекты многих из них были подготовлены соответствующими отделами, работавшими все это время весьма интенсивно. Вынужденные под жестким давлением большевистских властей прервать работу Собора, его члены 20 сентября 1918 года собрались на свое последнее заседание, на котором было принято одно из важнейших, но впоследствии так и не осуществленных определений Поместного Собора:

1. Предоставить Святейшему Патриарху созвать будущий очередной Собор весной 1921 года на началах, установленных в докладе Отдела о Высшем Церковном Управлении для созыва больших Соборов девятилетнего периода.
2. Сохранить за избранными настоящим Собором Членами Священного Синода и Высшего Церковного Совета их полномочия до избрания нового состава сих учреждений будущим Собором¹.

Однако роспуск Поместного Собора не заставил Патриарха Тихона, остававшегося в Москве, замолчать. Более того, увидев в этом акте еще одно проявление богоборческой политики новых властей, все более и более ввергавших страну в кровавую гражданскую войну, Патриарх Тихон решил в октябре 1918 года выступить с новым посланием. Это послание было обращено не к архипастырям, пастырям или пасомым Русской Православной Церкви. Патриарх Тихон впервые обращался непосредственно к руководителям большевистского режима. К тем, кто, ликвидировав последний законный орган власти в России — Учредительное собрание, готов был любыми способами цепляться за обезглавленную ими же

¹ Священный Собор Православной Российской Церкви. Собрание определений и постановлений. Вып. 4. С. 29.

самими власть и созидать на крови и костях народов России злоеущую химеру коммунистического земного рая. К тем, кто в течение года своего пребывания у власти уже определенно проявил себя как гонитель не только всех объявленных большевиками обреченными на уничтожение враждебных классов и социальных групп, но и Русской Православной Церкви как таковой. Во всем эпистолярном наследии Патриарха Тихона вряд ли найдется послание более резкое, более суровое, чем послание от 26 октября 1918 года. И по сей день можно лишь поражаться тому, насколько глубоко, духовно проникновенно, нравственно ясно и исторически осмысленно в этом послании не только характеризуется год пребывания большевиков у власти, но и дается страшная, безысходная в духовном отношении перспектива, на которую обречена Россия под властью большевиков.

И не случайно уже первые строки этого послания пронизаны грозным предостережением:

«Все, взявшие меч, мечом погибнут» (Мф. 26:52). Это пророчество Спасителя обращаем Мы к вам, нынешние вершители судеб нашего отечества, называющие себя «народными» комиссарами. Целый год держите в руках своих государственную власть и уже собираетесь праздновать годовщину Октябрьской революции. Но реками пролитая кровь братьев наших, безжалостно убитых по вашему призыву, вопиет к небу и вынуждает нас сказать вам горькое слово правды. Захватывая власть и призывая народ довериться вам, какие обещания давали вы ему и как исполнили эти обещания? Поистине, вы дали ему камень вместо хлеба и змею вместо рыбы (Мф. 7:9–10). Народу, изнуренному кровопролитной войною, вы обещали дать мир «без аннексий и контрибуций». От каких завоеваний могли отказаться вы, приведшие Россию к позорному миру, унижительные условия которого даже вы сами не решались обнародовать полностью? Вместо аннексий и контрибуций великая наша Родина завоевана, умалена, расчленена, и в уплату наложенной на нее дани вы тайно вывозите в Германию не вами накопленное золото. Вы отняли у воинов все, за что они прежде доблестно сражались. Вы научили их, недавно еще храбрых и непобедимых, оставить защиту Родины, бежать с полей сражения. Вы угасили в сердцах воодушевлявшее их сознание, что «больше сея любви никтоже имать, да кто душу свою положит за други своя» (Ин. 15:13). Отечество вы подменили бездушным интернационалом, хотя сами отлично знаете, что,

когда дело касается защиты отечества, пролетарии всех стран являются верными его сынами, а не предателями.

Эта часть послания, казалось, была посвящена только оценке Брестского мирного договора, оценке той политики, которая не просто лишила Россию заслуженной победы в Первой мировой войне, но и покрыла Россию на многие десятилетия несмываемым позором за предательство своего воинского долга перед союзниками. И Патриарх, подобно многим патриотам России того времени, видел, что эта акция большевиков — совершенно закономерный результат их отношения к России. Актуально звучат эти слова и сейчас, когда многие из тех, кто выступает от имени коммунизма, того самого коммунизма, который начал свое шествие по России с предательства страны в условиях войны, берут на себя право быть единственными русскими патриотами.

Патриарх в своем послании, столь нелицеприятно характеризую отношение большевиков к войне и патриотизму, дает глубокую оценку отношения коммунизма к исторической национальной России на все последующие годы. Коммунизму предстоит отнять еще не одну победу русского народа, узурпируя право быть распорядителем плодами всех исторических побед, которые будет одерживать русский народ. Но в это время Патриарха волновало происходившее в стране после того, как она позорным образом склонила голову перед Германией.

Отказавшись защищать Родину от внешних врагов, вы, однако, непрерывно набираете войска. Против кого вы их ведете? Вы разделили весь народ на враждующие между собой страны и ввергли его в небывалое по жестокости братоубийство. Любовь Христову вы открыто заменили ненавистью и вместо мира искусственно разожгли классовую вражду. И не предвидится конца порожденной вами войне, так как вы стремитесь руками русских рабочих и крестьян доставить торжество призрак мировой революции. Не России нужен был заключенный вами позорный мир с внешним врагом, а вам, задумавшим окончательно разрушить внутренний мир. Никто не чувствует себя в безопасности; все живут под постоянным страхом обыска, грабежа, выселения, ареста, расстрела. Хватают сотнями беззащитных, гноят целыми месяцами в тюрьмах, казнят смертью часто без всякого следствия и суда, даже без упрощенного, вами введенного суда. Казнят не только тех, которые перед вами в чем-либо провинились, но и тех, которые даже перед вами заведомо ни в чем не

виновны, а взяты лишь в качестве «заложников», этих несчастных убивают в отместку за преступления, совершенные лицами не только им не единомышленными, а часто вашими же сторонниками или близкими вам по убеждению.

В этих нескольких строках дается выразительная картина того ада, в который оказалась ввергнута Россия уже в первый год пребывания у власти большевиков. Действительно, красный террор, официально объявленный в конце лета 1918 года, стал составной частью русской жизни. Нам, со школьной скамьи привыкшим к мысли, что классовая борьба — естественная составляющая исторического развития человечества, наверное, трудно в полной мере оценить ужас, какой вызывала у Патриарха Тихона точка зрения большевиков на мир. Церковь веками учила русский народ тому, что основным принципом его жизни должна быть любовь к ближнему. И более всего ужасало Патриарха насаждение идеи о том, что народ не един, что он состоит не из христиан, которые должны быть друг другу братьями во Христе, а из непримиримо враждебных друг другу классов, из которых одни имеют право уничтожать другие. Речь шла не просто о терроре, речь шла о растлении народной души. И вот, рисуя эту выразительную картину, которая и сейчас не может не потрясать, Патриарх задумался о будущем нашей страны.

Показательно еще одно важное замечание. Патриарх справедливо обвинил большевиков в том, что они ввели неведомую ранее в России систему заложников. Эта практика станет составной частью большевистской политики — взятие в заложники тех, кто принадлежит к потенциально враждебным классам, и расправа с ними тогда, когда большевикам это будет казаться необходимым, тогда ли, когда будут покушаться на их вождей, тогда ли, когда белые будут приближаться к тому или иному городу. Заимствованная из языческих племен практика круговой поруки, согласно которой принадлежность к классу буржуазии должна обрекать человека на арест, а может быть, и расстрел, распространялась и на представителей духовенства.

Об этом Патриарх счел необходимым высказаться в своем послании.

Казнят епископов, священников, монахов и монахинь, ни в чем не виновных, а просто по огульному обвинению в какой-то расплывчатой и неопределенной «контрреволюционности». Бесчеловечная казнь отягчается для православных лишением послед-

него предсмертного утешения — напутствия Святыми Тайнами, а тела убитых не выдаются родственникам для христианского погребения.

Последующим поколениям, представляющим себе в той или иной степени большой сталинский террор, не кажется странной подобного рода практика расправы государства со своими гражданами, когда люди просто исчезали в недрах карательной машины большевистского государства. Но для традиционной России это было ново. Действительно, уже тогда задавались вопросом, почему люди, арестованные часто без всякой вины, исчезают в застенках ВЧК. Куда деваются они, как проходят их последние минуты? И вот когда после взятия войсками генерала А. И. Деникина Харькова белогвардейцы обнаружили массовые захоронения жертв харьковского ЧК, когда увидели, что почти все они прежде, чем погнаться, подвергались жесточайшим пыткам, стало понятно, почему многие из жертв большевистского режима исчезали навсегда в подвалах Лубянки или Гороховой. Да, ввергая Россию в первобытное варварство, большевики восстанавливали в стране и пыточное следствие.

Патриарх продолжал:

Но вам мало, что вы обагрили руки русского народа его братскою кровью: прикрываясь различными названиями — контрибуций, реквизиций и национализации, вы толкнули его на самый открытый и беззастенчивый грабеж. По вашему наущению разграблены или отняты земли, усадьбы, заводы, фабрики, дома, скот, грабят деньги, вещи, мебель, одежду. Сначала под именем «буржуев» грабили людей состоятельных, потом под именем «кулаков» стали уже грабить более зажиточных и трудолюбивых крестьян, умножая, таким образом, нищих, хотя вы не можете не сознавать, что с разорением великого множества отдельных граждан уничтожается народное богатство и разоряется сама страна. Соблазнив темный и невежественный народ возможностью легкой и безнаказанной наживы, вы оуманили его совесть, заглушили в нем сознание греха; но какими бы названиями ни прикрывались злодеяния, — убийство, насилие, грабеж всегда останутся тяжкими и вопиющими к Небу об отмщении грехами и преступлениями.

Опять перед нами не просто слово политического оппонента большевиков, а подлинное архипастырское обличение, в котором

Патриарх вскрывает глубинные, духовные истоки той ненависти, которая разлилась по русской земле под властью большевиков. Действительно, большевики навязывали русскому народу совершенно новую, диаметрально противоположную христианской, мораль, при которой традиционные с христианской точки зрения грехи — убийство, насилие, грабеж, — о которых пишет Патриарх, изображались в определенных ситуациях не грехами, но исполнением классового долга. Насаждение новой морали, в соответствии с которой грех может не восприниматься как грех, вызывало у Патриарха особое опасение. Действительно, народная душа подвергалась растлению. Действительно, народ часто не оказывал должного сопротивления большевикам, но шел реализовывать на практике их безбожные, а значит, и бесчеловечные лозунги.

Здесь сразу возникает вопрос, почему народ оказался темным и невежественным после девятисот лет христианства. Почему он так легко соблазнился на призывы большевиков? Почему право на бесчестие, которое дали большевики нашему народу, с такой легкостью было принято как новая норма жизни? Патриарх, размышляя об этом, увидел, что уже за один год своего существования большевики, по существу, перечеркнули основополагающие христианские заповеди «не убий, не укради», на которых воспитывался наш народ веками и которые предпочел отбросить во имя того, чтобы «грабить награбленное». Здесь как будто высказано впервые предположение о том, что, возможно, наш народ и не столь православен, как кажется, и, возможно, церковная иерархия окажется в положении, когда ей нужно будет защищать Церковь, не опираясь на поддержку большинства своей паствы.

Вы обещали свободу, — писал далее Патриарх. — Великое благо — свобода, если она правильно понимается, как свобода от зла, не стесняющая других, не переходящая в произвол и своеволие. Но такой-то свободы вы не дали: во всяческом потворстве низменным страстям толпы, безнаказанности убийств, грабежей заключается дарованная вами свобода. Все проявления как истинной гражданской, так и высшей духовной свободы человечества подавлены вами беспощадно. Это ли свобода, когда никто без особого разрешения не может провезти себе пропитание, нанять квартиру, когда семьи, а иногда население целых домов выселяются, а имущество выкидывается на улицу и когда граждане искусственно разделены на разряды, из которых некоторые отданы на голод и разграбление?

Здесь перед нами предстает картина будущей русской жизни, когда люди были лишены подчас всего, даже самого необходимого, и все были поставлены в положение узников одного огромного лагерного барака, в который Россия превратилась на целые десятилетия.

Это ли свобода, когда никто не может открыто высказать свое мнение без опасения попасть под обвинения в контрреволюции? Где свобода слова и печати, где свобода церковной проповеди? Уже заплатили своею кровью мученичества многие смелые церковные проповедники; голос общественного и государственного обсуждения и обличения заглушен; печать, кроме узко большевистской, задушена совершенно. Особенно больно и жестоко нарушение свободы в делах веры. Не проходит дня, чтобы в органах вашей печати не помещались самые чудовищные клеветы на Церковь Христову и ее служителей, злобные богохульства и кощунства. Вы глумитесь над служителями алтаря, заставляете епископов рыть окопы (епископ Тобольский Гермоген) и посылаете священников на грязные работы. Вы наложили свою руку на церковное достояние, собранное поколениями верующих людей, и не задумались нарушить их посмертную волю. Вы закрыли ряд монастырей и домовых церквей без всякого к тому повода и причины. Вы заградили доступ в Московский Кремль — это священное достояние всего верующего народа. Вы разрушаете исконную форму церковной общины — приход, уничтожаете братства и другие церковно-благотворительные просветительные учреждения, разгоняете церковно-епархиальные собрания, вмешиваетесь во внутреннее управление Православной Церкви. Выбрасывая из школ священные изображения и запрещая учить в школах детей вере, вы лишаете их необходимой для православного воспитания духовной пищи.

Трудно что-либо добавить к этим словам Патриарха. В послании обрисована та страшная, но, увы, реальная картина положения Церкви в советском государстве уже в первый год пребывания большевиков у власти. Характерная для послания резкость, характерное для послания стремление назвать все, даже, может, неприятные для большевиков явления своими именами, а значит, вызвать их новый гнев на Церковь объяснялись во многом тем, что конец 1918 года был временем, когда, с одной стороны, была уже в полной мере осознана та опасность, которую представляет большевизм для России, а с другой стороны, еще не была потеряна надеж-

да на спасение страны от этого нового, еще не виданного в ее истории соблазна. Поэтому конец послания поражает своим удивительным оптимизмом, связанным с надеждой Патриарха Тихона на то, что пусть не народные комиссары, но народ русский услышит его и преградит дорогу не просто разрушителям российского государства, но растлителям души народной.

Мы знаем, что наши обличения вызовут у вас только злобу и негодование и что вы будете искать в них лишь повода для обвинения нас в противлении власти, но чем выше будет подниматься «столп злобы» вашей, тем вернейшим будет оно свидетельством справедливости наших обличений. Не Наше дело судить о земной власти, всякая власть, от Бога допущенная, привлекла бы на себя Наше благословение, если бы она воистину явилась «Божим слугой» на благо подчиненных и была страшная «не для добрых дел, а для злых» (Рим. 13:34). Ныне же к вам, употребляющим власть на преследование ближних, истребление невинных, простираем мы Наше слово увещания: отпразднуйте годовщину своего пребывания у власти освобождением заключенных, прекращением кровопролития, насилия, разорения, стеснения веры; обратитесь не к разрушению, а к устройению порядка и законности, дайте народу желанный, заслуженный им отдых от междоусобной брани. А иначе взыщется от вас всякая кровь праведная, вами проливаемая (Лк. 11:51), и от меча погибнете сами вы, взявшие меч (Мф. 26:52)¹.

Так заканчивалось это послание, и в его конце прозвучали поистине пророческие слова о будущем, в том числе и самого большевизма, впоследствии обреченного на самоуничтожение. Однако даже в этом послании Патриарх Тихон воздержался от прямого и ясного призыва своей паствы к вооруженному сопротивлению большевикам.

24 ноября 1918 года у Патриарха провели обыск на основании того, что «написанная им прокламация к народу о Совнаркомке хранится у него в Троицком подворье», и он был арестован, проведя под домашним арестом полтора месяца. Так завершался 1918 год, первый год пребывания Патриарха во главе Церкви, и, конечно, перед ним была уже совершенно другая страна. Церковь, которую он возглавил, оказалась перед страшными и еще недавно непредставимыми гонениями. То, что происходило тогда в России,

¹ Акты святейшего Тихона, Патриарха Московского и всея России... С. 149–151.

никем не предвиделось, никем не предчувствовалось и казалось дьявольской фантазмагорией. Люди, которые, казалось, были друг другу знакомы и известны, превращались в собственную противоположность. Это было крушение великой империи, великой Церкви, остановить которое, казалось, было уже невозможно. Но для Патриарха важнее всего было то, что происходило с Церковью, ибо в конечном итоге никакого другого пути, кроме как церковно обуздать происходивший в России кошмар, он не видел. Однако послания Патриарха и с анафемой заблудших православных, соучествовавших в преступлениях большевиков, и с обличением самих большевиков не нашли отклика в основной массе нашего народа.

Русская Православная Церковь в период Гражданской войны 1918–1922 годов

Расширение зоны боевых действий в период Гражданской войны привело к разделению территории России линиями многочисленных фронтов. Многие епархии, находившиеся на территориях, которые контролировались различными антибольшевистскими правительствами, оказались лишенными связи со своим каноническим центром в Москве. Однако необходимость решать такие вопросы церковной жизни, которые требовали благословения высшего церковного управления, побуждала правящих архиереев, оказавшихся в подобном положении, создавать на местах временные соборные органы высшей церковной власти. Это были постоянно действующие совещания архиереев нескольких епархий, на которые либо избирались, либо делегировались представители духовенства и мирян данных епархий и которые брали на себя решение вопросов, подлежащих компетенции высших органов церковной власти.

Получившие название «Временное Высшее Церковное Управление», такие органы власти возникли в ноябре 1918 года в Сибири во главе с священномучеником архиепископом Омским Сильвестром (Ольшевским), а в мае 1919 года аналогичные органы власти были сформированы на юге России сначала во главе с архиепископом Донским Митрофаном (Симашкевичем), а с ноября 1919 года во главе с митрополитом Киевским Антонием (Храповицким). Осуществляя свою деятельность на территориях, на которых Церковь не подвергалась гонениям, эти органы церковной власти смогли успешно осуществлять управление епархиями на основе определений и постановлений, принятых на Поместном Соборе 1917–1918 годов и столь необходимых для дальнейшего развития русской церковной жизни. При этом епархиальное духовенство, находившееся в каноническом подчинении как Сибирскому, так и

Южному ВВЦУ, стремилось внести существенный вклад не только в пастырское окормление военных чинов Белых армий (в которых сохранялся институт военного духовенства), но и в духовное сплочение всех национально мыслящих общественных сил России, готовых вступить в борьбу с большевистским режимом.

Несмотря на ощутимые военные поражения большевиков весной и летом 1919 года, именно в этот период ими была осуществлена беспрецедентная по своей кощунственности и очень жестокая по отношению к православному духовенству антицерковная кампания, связанная с постановлением Наркомата юстиции об организованном вскрытии мощей, которое было принято 16 февраля 1919 года. Стремясь обличить духовенство в фальсификации нетленности мощей святых угодников Божиих и тем самым дискредитировать Церковь в глазах народных масс, почитавших именно нетленные мощи, большевистские власти организовали к осени 1920 года шестьдесят три вскрытия мощей многих широко почитавшихся подвижников. Подобные акции проходили, как правило, в столь кощунственных формах, что не могли не провоцировать отдельных представителей духовенства и в особенности активных мирян на сопротивление осквернителям церковных святынь. В этих случаях власти обрушивали на православных христиан нарочито жестокие репрессии, обвиняя их в активной контрреволюции. Следует подчеркнуть, что кампания вскрытия мощей была не только хорошо продумана и организована, но и последовательно осуществлена, приведя к различным и весьма трагичным последствиям для Русской Православной Церкви. Но прежде чем вникнуть в суть этой странной акции большевиков, направленной против Церкви, следует остановиться на истории почитания мощей в Церкви.

С ранних времен христиане воспринимали останки своих умерших или убиенных братьев и сестер как предметы, требующие благоговейного к ним отношения и достойного погребения. Когда же речь заходила об останках тех, кто считался прославленным святым, то таковые останки почитались уже как святые мощи и очень часто выставлялись для церковного почитания. Многовековой опыт Церкви безусловно показывал, что среди мощей святых встречаются мощи различные — как тленные, то есть подвергавшиеся разрушению со временем, так и относительно тленные, которые долгие годы сохранялись, хотя и меняли свой вид, и, наконец, совершенно нетленные, когда на протяжении многих веков тело того или иного умершего христианского подвижника оставалось таким, каким оно было практически на момент кончины.

Почитание таких нетленных мощей имело особое значение в церковной жизни. И постепенно в народном сознании — для Русской Церкви это было характерно примерно с XVII века, в Западной Европе подобного рода представление распространилось гораздо раньше и гораздо более широко — возникло представление о том, что мощи святого обязательно должны быть мощами нетленными. Любой намек на тленность мощей мог стать у православных христиан поводом к соблазну. Учитывая это, многие священнослужители на протяжении целых веков, не желая искушать своих прихожан, в тех случаях, когда мощи того или иного угодника оказывались тленными, скрывали это, подчас вкладывая в раки с такими святыми мощами какие-то посторонние предметы (скажем, деревянные каркасы, имитирующие наличие в раке с мощами цельной фигуры при наличии в этой раке всего лишь нескольких костей).

Неоднократно Святейший Синод настаивал на необходимости разъяснить и прихожанам, и невежественной части духовенства то, что тленность или нетленность мощей не является обязательным признаком святости данного подвижника. Более того, при почитании подвижника мощи могут вообще отсутствовать, и это никоим образом не умаляет праведности того или иного почитаемого подвижника. И тем не менее надлежащих мер по устранению всех поводов к глумлению и соблазну в отношении почитания мощей до революции предпринято не было. Учитывая эту особенность и отдавая себе отчет в том, что вскрытие мощей и обнаружение их тленности могут послужить большим искушением для христиан, большевики решили широко, последовательно, даже жестоко провести эту акцию, ставившую перед собой достижение нескольких целей. С одной стороны, нужно было искушить христиан, показав им, что вторжение богоборцев в христианские святыни не вызовет никакого светопреобразования. С другой стороны, нужно было показать христианам, что многие, почитавшиеся ими как нетленные, мощи являются мощами тленными. Ну и наконец, варварски, глумливо вскрывая мощи, можно было спровоцировать наиболее активную часть православных христиан на выступления в защиту этих мощей, обвинить их в контрреволюционности и провести против них новые карательные меры. Чувствуется, что за этой акцией большевистской власти стояли достаточно компетентные люди, из числа бывших священнослужителей, как, например, бывший петербургский священник Михаил Галкин, консультировавший совнарком еще при разработке декрета «Об отделении церкви от государства».

Это была, действительно, очень опасная для Церкви акция, и на другой же день после издания Наркоматом юстиции постановления об организованном вскрытии мощей 17 февраля 1919 года Патриарх Тихон издал указ, обращенный к епархиальным архиереям, в котором требовал немедленно устранить все поводы к глумлению и соблазну в отношении мощей, в частности убрать все посторонние предметы, которые могут быть обнаружены в раках с мощами святых. Но было уже поздно. Акция по организованному вскрытию мощей началась и была проведена активно и очень жестоко. Попытка Патриарха Тихона 2 апреля 1919 года письмом к Ленину остановить эту кампанию ни к чему не привела. Таким образом, уже в начале 1919 года большевистская власть наглядно продемонстрировала Церкви свое намерение продолжать конфронтацию с представителями русской церковной иерархии, которые даже в самых обличительных проповедях очень редко выступали с призывами к насильственному сопротивлению большевистской власти.

Но Церковь не молчала в это время, и 21 февраля 1919 года Патриарх Тихон издал указ, обращенный к архиепископу Астраханскому Митрофану (Краснопольскому), в котором благословлял его провести прославление астраханского святителя Иосифа, ставшего жертвой бунтовщиков Степана Разина. Это была выразительная канонизация, которая напоминала воздвигнувшим гонения на Церковь большевикам, что они проливали кровь святых. Святитель Иосиф Астраханский был прославлен архиепископом Митрофаном, но вскоре и самому архиепископу Митрофану пришлось принять мученическую смерть.

События Гражданской войны к лету 1919 года разворачивались в невыгодном для большевиков направлении. Хотя широкомасштабное наступление двух армий адмирала А. В. Колчака с востока было остановлено и уже в конце весны 1919 года армии отступили на линию Уральского горного хребта, с юга неудержимо двигались Вооруженные силы Юга России под командованием генерала А. И. Деникина, человека не только поразительной личной храбрости, высокого осознания своего воинского долга, но и глубоко религиозного православного христианина. Мысль о том, что даже ограниченными силами своей армии, преодолевая многие испытания, неся огромные жертвы, он все-таки сможет освободить Москву от большевиков, подвигла его на отчаянный по своей дерзости, но поражающий многочисленными проявлениями героизма поход на Москву. И действительно, в течение всего лета 1919 года Белая

армия с юга России неуклонно продвигалась вперед, занимая все новые и новые территории.

Во второй половине лета 1919 года большевистский режим как никогда был близок к крушению. Казалось, что это время должно было стать временем смягчения этого режима хотя бы по отношению к Церкви, тем более что Патриарх Тихон, внимательно наблюдавший за событиями, в том числе и на полях Гражданской войны, старался умягчить сердца тех, кто сражался с большевиками во имя Церкви Христовой. В этом отношении представляется поистине поразительным послание Патриарха Тихона от 21 июля 1919 года. Патриарх Тихон обратился к чадам Православной Российской Церкви, то есть прежде всего к православным мирянам, с призывом к тем, кто становился победителем в происходившей в России междоусобной брани, проявлять великодушие. Удивительное послание, обращенное, конечно же, прежде всего к тем, кто сражался на стороне Белых армий. Но начиналось оно с возвышенного напоминания всем о том крестном пути, по которому идет Русская Православная Церковь в это время.

Господь не перестает являть милости Свои Православной Русской Церкви. Он дал Ей испытать Себя и проверить Свою преданность Христу и Его заветам не во дни только внешнего Ее благополучия, а и во дни гонений. День ото дня прилагаются Ей новые испытания. День ото дня все ярче сияет Ее венец. Многажды беспощадно опускается на Ее озаренный смирением лик бич от враждебной Христу руки, и клеветнические уста поносят Ее безумными хулами, а Она по-апостольски — в тщету вменяет горечь Своих страданий, вводит в сонм небожителей новых мучеников и находит утеху для Себя в благословении Своего небесного Жениха: «Блаженны вы, когда будут поносить вас и гнать, и всячески неправедно злословить за Меня. Радуйтесь и веселитесь (Мф. 5:11–12). Чада Мои! Пусть слабостью кажется иным эта Святая незлобивость Церкви, эти призывы наши к терпеливому перенесению антихристианской вражды и злобы, это противопоставление испытаниям и обычной человеческой привязанности к благам земли и удобствам мирской жизни христианских идеалов; пусть «невместимо» и «жестоко» кажется омирщенному пониманию радость, черпающая себе источник в страданиях за Христа, — но Мы умоляем вас, умоляем всех наших православных чад не отходить от этой единственной спасительной настроенности христианина, не сходить с пути крестно-

го, ниспосланного Нам Богом, на путь восхищения мирской силы или мщения. <...> Трудная, но и какая высокая задача для христианина сохранить в себе великое счастье незлобия и любви и тогда, когда ниспровергнут твой враг, и когда угнетенный страдалец призывает изречь свой суд над недавним своим угнетателем и гонителем. И Промысл Божий уже ставит перед некоторыми из чад Русской Православной Церкви это испытание.

Писавший данное послание в Москве Патриарх Тихон, безусловно, обращал его к тем, кто находился по ту сторону фронта. Там, действительно, было немало людей, исполнявших свой воинский долг во имя Христа и Церкви. Тем тревожней было Патриарху узнавать о том, что и среди белых имели место проявления жестокости и мщения. И вот именно их предупреждал Патриарх Тихон от подобного соблазна.

Вся Россия — поле сражения. Но это еще не все. Дальше еще ужасней. Доносятся вести о еврейских погромах, об избиении племени без разбора возраста, вины, пола, убеждений. Озлобленный обстоятельствами жизни человек ищет виновников своих неудач и, чтобы сорвать на них свои обиды, горе и страдания, размахивается так, что под ударом его ослепленной жаждой мести руки падает масса невинных жертв. Он слил в своем сознании свои несчастья с злой для него деятельностью какой-либо партии и с некоторых перенес свою озлобленность на всех. И в массовой резне тонут жизни вовсе непричастных причинам, пролившим такое озлобление. Православная Русь, да идет мимо тебя этот позор. Да не постигнет тебя это проклятье. Да не обогрится твоя рука в крови, вопиющей к Небу. Не дай врагу Христа, диаволу, увлечь тебя страстию отмщения и посрамить подвиг твоего исповедничества, посрамить цену твоих страданий от руки насильников и гонителей Христа. Помни: погромы — это торжество твоих врагов. Помни: погромы — это бесчестие для тебя, бесчестие для Святой Церкви!

Следует прокомментировать эти достаточно выразительные слова Патриарха Тихона. Действительно, в ответ на красный террор белые подчас тоже прибегали к террору, хотя, конечно, он никогда не носил такого массового и организованного характера, как террор большевистский. Действительно, в некоторых местах стихийно возникали погромы, в том числе еврейские, когда та или иная часть участников Белого движения, констатируя эмпирически

имевший место факт, что среди представителей ЧК, комиссаров, вообще руководителей советской власти было немало евреев, склонны были допускать бесчинства своих солдат в отношении еврейского населения, хотя все же это в основном было характерно для территорий, на которых находились не белогвардейские, а петлюровские войска. И тем не менее, несмотря на то что во главе Белого движения всегда стояли генералы весьма либеральных убеждений, чуждых какого бы то ни было антисемитизма, Патриарх Тихон считает необходимым указать участникам Белого движения на недопустимость подобного рода акций.

По воспоминаниям князя Г. Н. Трубецкого, который был членом Поместного Собора, а впоследствии участником Белого движения, призыв Патриарха Тихона к смягчению политики белых в отношении своих поверженных врагов вызвал у многих недоумение. Многие белогвардейцы справедливо указывали на то, что их террор не шел ни в какое сравнение с красным террором, что они никогда не стремились уничтожить людей по принципу их происхождения, как это делали красные. И все же показательным то, что Патриарх даже в это время считал необходимым умягчать сердца тех русских воинов, которые могли прислушаться к его голосу.

Трудно предположить, что при составлении этого послания Патриарх думал о том, чтобы не вызвать гнев большевиков. Скорее всего, он думал о том, о чем думал всегда: о спасении душ своих пасомых, значительная часть которых в это время находилась в стане белогвардейцев. Но в этом же послании мы встречаем столь же резкую, как и в послании от 26 октября 1918 года, характеристику большевиков.

Говоря о недопустимости для противников большевиков прибегать к акциям массового террора, Патриарх Тихон писал:

Мы содрогаемся, что возможны такие явления, когда при военных действиях один лагерь защищает передние свои ряды заложниками из жен и детей противного лагеря. Мы содрогаемся варварству нашего времени, когда заложники берутся в обеспечение чужой жизни и неприкосновенности. Мы содрогаемся от ужаса и боли, когда после покушений на представителей нашего современного правительства в Петрограде и Москве как бы в дар любви им и в свидетельство преданности и в искупление вины злоумышленников воздвигались целые курганы из тел лиц, совершенно непричастных к этим покушениям, и безумные эти жертвоприношения приветствовались восторгом тех, кто должен

был остановить подобные зверства. Мы содрогались, — но ведь эти действия шли там, где не знают или не признают Христа, где считают религию опиумом для народа, где христианские идеалы — вредный пережиток, где открыто и цинично возводится в насущную задачу истребление одного класса другим и междоусобная брань. Нам ли, христианам, идти по этому пути? О, да не будет!¹

Патриарх Тихон очень справедливо напоминал о характерных чертах красного террора, подчеркивал, в частности, гибель многих сотен заложников после покушения на Урицкого и Ленина и призывал тех, кто борется с большевиками, не уподобляться своим противникам.

Несмотря на то что послание писалось тогда, когда у Патриарха могла возникнуть надежда на победу белых и вступление их в Москву, что избавило бы наконец Церковь от гонений, он как будто уже тогда, пытаясь вникнуть в суть кровавой междоусобной брани, охватившей Россию, начинал видеть не взором церковного политика, но взором мудрого архипастыря весьма зловещую перспективу будущей России под властью большевиков.

Осенью 1919 года, несмотря на продолжавшееся отступление армий адмирала А. В. Колчака, войска генерала А. И. Деникина продолжали пробиваться к Москве, а армия генерала Н. Н. Юденича предприняла попытку освободить от большевиков Петроград. Перспектива сохранения большевистского режима вновь стала представляться его руководителям весьма проблематичной, и в этих условиях со стороны некоторых представителей советских властей была предпринята попытка начать переговоры с Патриархом Тихоном о возможности его публичного выступления в приемлемом для большевиков духе. Председатель Исполнительного комитета по духовенству, в котором происходили совместные консультации большевистских чиновников и представителей некоторых конфессий (от Русской Православной Церкви в деятельности комитета участвовали архиепископ Никандр (Феноменов) и протопресвитер Николай Любимов), А. Ф. Филиппов предложил Патриарху Тихону выпустить послание, которое после одобрения его содержания VIII отделом Наркомюста могло бы быть опубликовано в советской печати. В послании Патриарх Тихон должен был лояльно отозваться о деятельности большевистской власти и в какой-то форме отмежеваться от Белого движения в обмен на

¹ Акты святейшего Тихона, Патриарха Московского и всея России... С. 160–161.

обещание А. Ф. Филиппова ходатайствовать о смягчении государственной политики по отношению к Русской Православной Церкви.

Патриарх решился написать подобного рода послание 8 октября 1919 года, адресовав его церковным иерархам и весьма явственно начертав перед ними возможность и даже необходимость управлять церковной жизнью в условиях вероятного сохранения в России большевистского режима. Описав вначале те кровавые ужасы, которые характерны для жизни современной России, Патриарх продолжал:

Если ужасы кровавой расправы враждующих между собою лагерей не могут не производить гнетущего впечатления на сердце каждого христианина, то неизмеримо более тягостное впечатление производят эти ужасы тогда, когда жертвами их делаются нередко невинные люди, непричастные к этой страстной политической борьбе. Не мимо идут эти ужасы и нас, служителей Церкви Христовой, и много уже архипастырей и пастырей и просто клириков сделалось жертвами кровавой политической борьбы. И все это за весьма, быть может, немногими исключениями только потому, что мы, служители и глашатаи Христовой истины, подпали под подозрение у носителей современной власти в скрытой контрреволюции, направленной якобы к ниспровержению Советского строя. Но мы с решительностью заявляем, что такие подозрения — несправедливы: установление той или иной формы правления не дело Церкви, а самого народа. Церковь не связывает себя ни с каким определенным образом правления, ибо таковое имеет лишь относительное историческое значение.

Эти слова Патриарха Тихона должны были потрясти очень многих. Ведь он сам, вся русская церковная иерархия, весь русский православный народ веками воспитывались в убеждении, что наиболее приемлемой для России, веками благословлявшейся Церковью формой правления является русская монархическая государственность. Но ее не стало, и для многих исчезновение русской православной монархии сразу поставило важную задачу: положить все силы на борьбу за ее возрождение. И хотя таких людей на фоне той российской действительности было немного, они продолжали играть немалую роль в церковной иерархии. Для других же людей падение русской монархии было столь сокрушительно, столь трагично, что у них возникло ощущение последних времен, когда

Апокалипсис явно проступил в человеческой истории. Но ни те, ни другие не могли представить себе вероятность существования Церкви в России вне православной монархической государственности. Однако еще на Поместном Соборе в 1918 году было принято определение, которое допускало для русских православных христиан возможность существовать при различных формах государственной власти и которое отменяло в Церкви какую-то единую, общеобязательную точку зрения на государственное устройство страны. И все же большинство мыслящих, активных тогда православных христиан не могли представить себе православную Россию без монархии.

Но Патриарх прямо говорил о том, что Церкви в каких-то ситуациях приходится устраниваться от определения образа правления в государстве. Патриарх Тихон уже прекрасно понимал, что в России в это время вопрос о форме государственного управления решался людьми, для которых мнение Церкви не значило ничего, которые создали форму государственной жизни, исполненную такой меры зла и греха, какой не была исполнена еще ни одна из существовавших в России форм государственной власти. Но при этом Патриарх напоминал еще и о том, что православным христианам именно в это время надо было вспомнить ту основательно забытую истину, что Церковь по природе своей может существовать, как, собственно, она и существовала в разные эпохи, при различных формах государственного устройства.

Говорят, что Церковь готова будто бы благословить иностранное вмешательство в нашу разруху, что она намерена звать «варягов» прийти помочь нам наладить наши дела... Обвинение голословное и неосновательное: мы убеждены, что никакое иноземное вмешательство, да и вообще никто и ничто не спасет Россию от нестроения и разрухи, пока Праведный Господь не преложит гнева Своего на милосердие, пока сам народ не очистится в купели покаяния от многолетних язв своих, а чрез то не «возродится духовно в нового человека, созданного по Богу в праведности и святости истины» (Еф. 4:24).

Это не просто констатация того факта, что Церковь никогда не стремилась благословить иностранное вмешательство в Гражданскую войну. Здесь подчеркивается то важнейшее обстоятельство, что происходящие в России события стали результатом впадения самого русского народа в страшный соблазн, и характер Гражданской войны особенно выразительно это демонстрировал. Все-таки

главным действующим лицом событий, происходивших в России, был прежде всего русский народ, и от того, за кем он пойдет в этой войне, зависит его дальнейшая судьба.

Указывают на то, что при перемене власти служители Церкви иногда приветствуют эту смену колокольным звоном, устройством торжественных богослужений и разных церковных празднеств. Но если это и бывает где-либо, то совершается или по требованию самой новой власти, или по желанию народных масс, а вовсе не по почину служителей Церкви, которые по своему сану должны стоять выше и вне всяких политических интересов, должны памятовать канонические правила Святой Церкви, коими она возбраняет своим служителям вмешиваться в политическую жизнь страны, принадлежать к каким-либо политическим партиям и тем более делать богослужебные обряды и священнодействия орудием политических демонстраций.

Конечно, во многих случаях вступление белых в тот или иной город сопровождалось торжественными богослужениями, как, например, богослужение в соборе святого Александра Невского в Царицыне после вступления туда войск генерала А. И. Деникина. Но за этим стояла, как верно отмечал Патриарх Тихон, воля прежде всего тех, кто оказывался победителем в этих боевых действиях, а среди белогвардейцев, побеждавших в тех или иных случаях, было немало православных верующих христиан. Но здесь важно и другое. Патриарх подчеркнул, что никакие богослужебные действия не должны использоваться как средства политической пропаганды. И далее он написал о том, что должно было тогда заставить задуматься очень многих:

Памятуйте же, отцы и братья, и канонические правила, и завет святого Апостола: «Блюдите себя от творящих распри и раздоры», уклоняйтесь от участия в политических партиях и выступлениях, «повинуйтесь всякому человеческому начальству» в делах мирских (1 Пет 2:13), не подавайте никаких поводов, оправдывающих подозрительность Советской власти, подчиняйтесь и ее велениям, поскольку они не противоречат вере и благочестию, «ибо Богу», по апостольскому же наставлению, «должно повиноваться более, чем людям» (Деян. 4:19; Гал. 1:10)¹.

Патриарх будто уже тогда открыл эту страшную для многих подлинных русских патриотов, воевавших в Белых армиях, правду о

¹ Акты святейшего Тихона, Патриарха Московского и всея России... С. 163–164.

том, что им уже не спасти Россию от большевизма и Церкви придется одной, лишенной защиты своих христолюбивых воинов, выдерживать натиск богоборческой власти в предстоящие годы, а может быть, десятилетия.

За этим посланием, безусловно, стоял глубокий, молитвенно проникновенный взгляд Патриарха на перспективу не только Русской Церкви, но и русской жизни. Действительно, прошло несколько дней после написания этого послания, и наступление белых было остановлено. Армия, которая могла спасти Россию от большевизма, стала отступать на юг, и с ее отступлением исчезла последняя надежда остановить падение страны в бездну большевистского богоборчества. И хотя Гражданская война еще продолжалась на европейской части территории России целый год, хотя Белой армии генерала А. И. Деникина предстояло пережить свое второе рождение под командованием генерала П. Н. Врангеля в Крыму, когда была не только воссоздана русская армия, но и впервые была сформулирована очень четкая, имеющая замечательные перспективы политическая программа Белого движения, призванного возродить Россию, военное поражение белых было предопределено осенними событиями 1919 года.

Этому посланию Патриарха Тихона суждено было стать первым, но, к сожалению, далеко не последним его посланием, которым он как предстоятель Русской Православной Церкви, частично выполняя требования власти, стремился продемонстрировать свой аполизитизм или даже некоторую лояльность по отношению к коммунистическому режиму, смягчить репрессивную политику властей по отношению к совершенно беззащитной перед большевистским террором Церкви. Еще недавно крупнейшая Поместная Церковь православного мира уже в годы Гражданской войны ощутила, сколь немногочисленны те русские православные христиане, которые были готовы жертвенно и самоотверженно, в том числе и с оружием в руках, защищать Церковь и Россию от богоборческого и антирусского режима. С этого времени именно на Патриарха Тихона легло главное бремя поиска такой церковно-политической позиции, которая бы позволила хоть в какой-то форме сохранить легальную церковную жизнь в стране, где власть находилась в руках профессиональных нелегальщиков и подпольщиков. Именно эти обстоятельства делали послание Патриарха Тихона от 8 октября 1919 года, в отличие от его предыдущих посланий, исполненным некоторой двусмысленности и очевидной противоречивости как по отношению к тому, что он утверждал в своих посланиях и пропове-

дах раньше, так и по отношению к тому, что в это время происходило в стране.

Впрочем, по милости Божьей этому посланию не суждено было тогда получить широкую известность, а тем более быть опубликованным в советской печати. Заведующий VIII-м (антирелигиозным) отделом Наркомюста П. А. Красиков, не только призванный санкционировать публикацию этого послания Патриарха, но и определявший в данном ведомстве стратегию всей религиозной политики, категорически отверг послание Патриарха Тихона как по содержанию, так и по возможному значению его обнародования для церковно-государственных отношений. Свою позицию он достаточно выразительно сформулировал в письме от 27 октября 1919 года:

В ответ на запрос Ваш от 24-го октября с/г. за № 5583 о воззвании Патриарха Тихона, VIII Отдел Народного Комиссариата Юстиции сообщает:

1. С формальной стороны с точки зрения декрета от 23 января 1918 г. ходатайство религиозной общины о предоставлении ей права и возможности издавать и распространять воззвания является незаконным, и разрешение в этом смысле было бы нежелательным прецедентом, так как религиозные общины не имеют прав юридического лица.

2. Обращаясь к существу воззвания, необходимо отметить крайне бесцеремонное извращение действительной роли и деятельности церковной иерархии в классовой борьбе с момента пролетарской революции, в противоречии с неоспоримыми актами, ибо позиция высшей церковной иерархии во главе с Тихоном и Собором выявилась как в многочисленных воззваниях, посланиях, постановлениях Собора, так и практически в многочисленных контрреволюционных восстаниях, выступлениях, избиениях советских работников, агитации с церковной кафедры, в деятельности служителей культа при занятии Советской территории белогвардейцами и т. д.

3. Воззвание имеет целью перенести на Советскую власть обвинение во всех репрессивных мерах, коими она вынуждена была бороться с контрреволюционным духовенством, внушая читателю представление о невинных жертвах правительственных гонений, «кровавой политической борьбы», к которым воззвание причисляет многих Архипастырей, пастырей и клириков. Воззвание внушает прямо мысль о том, что служители церкви

пострадали как глашатаи Христовой истины, только по простому подозрению носителей современной власти. Самые подозрения эти воззвание решительно называет несправедливыми и тут же доказывает это не фактами, а лишь совершенно новой в устах патриарха и совершенно противоречащей всей истории сентенцией о формах правления чисто иезуитского происхождения.

5. Факт радостного приветствия повсюду духовенством Колчака, Деникина и всевозможных бандитов колокольным звоном и церковными процессиями не отрицается и не порицается патриархом, а оправдывается как вполне нормальный или желанием народа, или приказанием новой черносотенной власти, коей, по-видимому, нужно повиноваться и исполнять церковные приветствия, лишь бы они не носили характера действий, совершаемых по «почину» самого духовенства. Участие церковников в приветствии черносотенной банды предлагается, по-видимому, рассматривать как повинование «в мирских делах» предержавшим властям, все равно каким, что не противоречит, по мнению Патриарха, ни «вере», ни «благочестию».

6. В заключительном абзаце современный строй («наши дни») рекомендуется рассматривать как дни, когда «неверие и безбожие дерзновенно ополчились на церковь Христову».

Рассматривая этот пробный шар как попытку, с одной стороны, дать очередные руководящие стратегические и практические лозунги (действуй, но осторожно), а с другой стороны, усыпить бдительность и энергию советской власти, Отдел считает, что было бы ошибочно и невыгодно с политической точки зрения рассматривать это воззвание как какой-то решительный шаг со стороны духовной иерархии в том, что по мнению VIII Отдела является лишь известным тактическим приемом политической борьбы. Поэтому оказывать какое-либо содействие изданию и распространению в высшей степени уклончивого и иезуитского возвания, абсолютно ни к чему не обязывающего и повторяющего стереотипные фразы, коим 2000 лет, было бы не соответствующим интересам революции. VIII Отдел полагает также, что старая позиция высшей иерархии настолько в настоящее время неудержима и безнадежна, что при надлежащей, твердой и выдержанной политике с нашей стороны она должна пойти на полную капитуляцию или будет ниспровергнута собственным внутренним разложением. Облегчать же ее трудное состояние, давать ей авансы и одобрения при данном

положении дела — значит вливать жизненный эликсир в жилы умирающего¹.

Следует подчеркнуть, что во время Гражданской войны, несмотря на то что государственно-идеологическое обоснование террора по отношению к Русской Православной Церкви и религии вообще было сформулировано вполне определенно, этот террор носил в значительной степени стихийный характер, хотя расправы над духовенством нередко приобретали изуверский, жестокий характер. Однако широкомасштабная пропагандистская антицерковная кампания в годы Гражданской войны становилась все более ожесточенной. С начала 1920 года стали появляться новые декреты Наркомюста, направленные на разрушение церковной жизни. 4 марта 1920 года был опубликован декрет, запрещающий епископам перемещать духовенство помимо воли групп верующих. Это было уже явное вмешательство во внутрицерковную жизнь, возложение главной ответственности за все происходящее на приходе на так называемую «двадцатку», то есть группу верующих из двадцати человек, и попытка разрушить приходскую жизнь изнутри путем лишения священника реальной власти на приходе. 8 апреля 1920 года был издан декрет о привлечении к всеобщей трудовой повинности, которую тогда должны были отбывать все представители так называемых эксплуататорских классов, а значит, и представители духовенства.

Особенно поразительным выглядел декрет о ликвидации мошей от 25 августа 1920 года, поистине мистически окрашенный. В нем проступили признаки того, что большевистский режим был не просто режимом атеистическим, но именно богоборческим. «Местные исполкомы при соответствующей агитации последовательно и планомерно проводят полную ликвидацию мошей, опираясь на революционное сознание трудящихся масс, избегая при этом всякой нерешительности и половинчатости при проведении мероприятий»², — говорилось в данном декрете. Складывалась ситуация, при которой исполнение данного циркуляра в полной мере означало бы изъятие мошей всех святых не только из всех раков и мощевиков, но и из всех храмовых престолов и антиминсов. Однако при этом каноническим делалось невозможным совершение Божественной литургии как в храмах, так и за их пределами. К сча-

¹ Следственное дело патриарха Тихона. Сборник документов по материалам Центрального архива ФСБ РФ. М., 2000. С. 81–83.

² Русская Православная Церковь и коммунистическое государство. 1917–1941. Документы и фотоматериалы. М., 1996. С. 60.

стью, широкомасштабного и последовательного осуществления этого циркуляра не последовало, и он лишь породил новые конфликты, а значит, и новые репрессии по отношению к представителям духовенства и активных мирян, которые в подавляющем большинстве случаев пытались ненасильственно сопротивляться большевистским кощунникам. Но этот декрет свидетельствовал о готовности большевистского режима продолжать жестокую по своим методам и непримиримую по своим мировоззренческим установкам борьбу с Церковью даже после одержанной им военной победы в Гражданской войне.

У Патриарха Тихона по-прежнему не оставалось никаких иных средств преодоления гонений на Церковь, кроме слов пастырского обличения. 10 сентября 1920 года Патриарх написал самое, может быть, безысходное из своих посланий, посвященное закрытию Троице-Сергиевой Лавры. Для многих современников это событие неизбежно должно было приобрести своеобразный апокалипсический характер, ибо выдержавшая почти полуторогодовую осаду во время Смутного времени, пережившая приход Наполеона Троице-Сергиева Лавра вдруг перестала существовать. Отзываясь на это событие, Патриарх Тихон писал:

Уже много раз за последнее время терзалось религиозное чувство русских людей, и удар за ударом направлялся на их святыни. Не избежала сей печальной участи наша великая Святыня — Троице-Сергиева лавра. Было начато с вскрытия мощей Преподобного Сергия. Этим думали достигнуть того, что народ перестанет стекаться в лавру и потеряет доверие к своим духовным руководителям. Расчеты, однако, оказались ошибочными. Конечно, при вскрытии не было обнаружено никаких подделок, а были найдены останки Преподобного, которые всеми верующими благоговейно почитаются как Его св. мощи. Но, как и следовало ожидать, оскорбление мощей Преп. Сергия вызвало великий религиозный порыв, выразившийся в усиленном паломничестве к Его цельбоносной раке. Тогда стали выселять монахов из лавры, закрывать храмы, уже переданные общине верующих по договору, и в местном Совете начали усиленно обсуждать вопрос об изъятии мощей Преподобного из лавры, о погребении их или о передаче в один из московских музеев. <...> Наш знаменитый историк Ключевский, говоря о Преподобном Сергии и о значении его и основанной им лавры, предвещал: «ворота лавры Преподобного затворятся, и лампы погаснут над Его гробницей»

только тогда, когда мы растратим без остатка весь духовный нравственный запас, завещанный нам нашими великими строителями Земли Русской, как Преподобный Сергей». Ныне закрываются ворота лавры и гаснут в ней лампы. Что же? Разве мы уже не растратили внешнее свое достояние и остались при одном голоде и холоде? Мы только носим имя, что живы, а на самом деле уже мертвы. Уже близится грозное время, и, если не покаемся мы, отнимется от нас виноградник Царствия Божия и передается другим делателям, которые будут давать плоды в свое время¹.

Так в конце Гражданской войны Патриарх Тихон осмыслял происходившее в России и с Россией, а значит, и с Церковью в России. Он, родившийся в патриархальной русской глубинке в семье сельского священника и выросший в, казалось бы, незыблемо православной Российской империи, окормлявший русский народ, который был православным уже 900 лет, задумался над тем, не отнимется ли у этого народа виноградник Царствия Божьего, не отвернется ли Господь от русского народа за его грехи. Это, конечно, было печальной констатацией, но в этой констатации открывалась еще одна довольно зловещая перспектива.

Годы Гражданской войны показали ему не только то, что значительная часть русских православных христиан готовы забыть вековые заветы Русской Православной Церкви, те представления о добре и зле, которые поколениями священнослужителей привносились в души русских людей, но и то, что Церковь в России оказалась почти совершенно беззащитна перед своими гонителями. И вопрос стоял уже не только и не столько о том, чтобы остановить поддавшийся греховным соблазнам коммунистических утопий русский народ. Главный вопрос заключался в том, как Патриарху Тихону найти такой путь, при котором возможно было сохранять жизни тех немногочисленных благочестивых православных христиан, тех благочестивых православных священнослужителей, которые оставались последними носителями православной веры в русской земле, но в любой момент могли погибнуть. Их было мало, они были беззащитны, и только Патриарх Тихон дерзал в это время брать на себя бремя их защиты от гонений перед лицом победивших в России богоборцев.

¹ Акты святейшего Тихона, Патриарха Московского и всея России... С. 168.

Русская Православная Церковь в период новых гонений начала 1920-х годов.

Св. Патриарх Тихон и кампания по изъятию церковных ценностей

Окончание Гражданской войны в европейской части России не остановило череду жестоких и страшных испытаний, которые переживали Церковь и Россия после 1917 года. Порожденная утопическими представлениями Коммунистического манифеста политика большевиков в области экономики, так называемая политика военного коммунизма, которая разрушила не только русскую промышленность, но и русское сельское хозяйство, уничтожив товарный рынок в стране, привела к тому, что крестьяне перестали засеивать многие площади. Политика продразверстки и первые опыты раскулачивания уже в годы Гражданской войны убедили крестьян в том, что чем меньше они производят хлеба, тем легче им что-то сохранить для пропитания своих семей и спасти свою жизнь. В этих условиях голод был неизбежен, и он начался летом 1921 года. Советская Россия находилась в экономической блокаде, внутренних ресурсов в стране для преодоления голода практически не было. Трудно было ожидать, что западный мир будет оказывать помощь большевикам, отказавшимся выполнять какие-либо финансовые и правовые обязательства императорской России перед иностранными государствами.

В это тяжелейшее для страны время Патриарх Тихон обратился ко всем христианам мира с призывом помочь русскому народу преодолеть голод. В своем послании лета 1921 года Патриарх призывал христиан разных стран откликнуться на нужду русского народа. Он выразительно описывал голод, обрушившийся на страну, при этом не называя виновников этого голода, не стремясь связать этот голод с политикой большевиков. Он лишь просил мир помочь

русскому народу, веками кормившему Европу и теперь умиравшему от голода. На призыв Патриарха отозвалось мировое христианское сообщество в лице многочисленных церковных и общественных организаций в разных странах Европы и в США, которые стали собирать помощь голодающим России, как собирали ее и претерпевшие немало испытаний православные христиане в русских храмах, отдавая последнее на помощь голодающим. В тот момент на рубеже 1921—1922 годов казалось, что и советская власть, переживавшая новое испытание для своего режима, должна была хотя бы приостановить свою репрессивную по отношению к православным христианам политику и дать возможность Церкви помочь обескровленному большевиками русскому народу. Но со стороны большевистских властей вновь последовали резкие антицерковные выпады. Сначала Русской Православной Церкви запретили иметь свой комитет помощи голодающим и потребовали передачи всех собранных средств в государственный комитет помощи голодающим, а затем 23 февраля 1922 года после разнузданной антицерковной пропагандистской кампании в советских газетах появился декрет ВЦИКа об изъятии церковных ценностей. В этом декрете подчеркивалось, что Церковь не оказывала помощи голодающим, что она имеет огромные богатства, которые должны быть у нее конфискованы, за исключением того имущества и утвари, изъятие которых может сделать невозможным совершение богослужения. На практике это означало прежде всего то, что у Церкви должны изыматься не только какие-то не очень значимые, остававшиеся у нее драгоценные оклады, подвески, подсвечники, кресты, но и освященные для литургического употребления сосуды, чаши, лжицы и диски, употребление которых на какие-либо иные цели кроме богослужебных считается канонически недопустимым. При такой установке в каждом храме могли оставить одну чашу, один дискос и одну лжицу, забрав все остальные предметы утвари, освященные для совершения богослужения. С этим нельзя было мириться, как нельзя было мириться с совершенно несоответствующими действительности обвинениями Церкви в том, что она ничего не сделала для борьбы с голодом.

Патриарх Тихон, действительно искавший каких-то точек соприкосновения с властью в условиях борьбы с голодом, после декрета ВЦИК вынужден был вновь выступить со словом грозного обличения большевиков. В своем послании от 28 февраля 1922 года Патриарх счел необходимым напомнить о том, какова была реальная роль Церкви в борьбе с голодом:

Еще в августе 1921 года, когда стали доходить до нас слухи об этом ужасном бедствии, Мы, почитая долгом Своим прийти на помощь страждущим духовным чадам Нашим, обратились с посланием к главам отдельных христианских Церквей (Православным Патриархам, Римскому Папе, Архиепископу Кентерберийскому и епископу Йоркскому) с призывом, во имя христианской любви, произвести сборы денег и продовольствия и выслать их за границу умирающему от голода населению Поволжья. Тогда же был основан Нами Всероссийский Церковный Комитет помощи голодающим, и во всех храмах и среди отдельных групп верующих начались сборы денег, предназначавшихся на оказание помощи голодающим. Но подобная церковная организация была признана излишней, и все собранные Церковью денежные суммы потребованы к сдаче и сданы правительственному Комитету. Однако в декабре правительство предложило Нам делать, при посредстве органов Церковного Управления: Священного Синода, Высшего Церковного Совета, Епархиального, Благочиннического и Церковноприходского Совета, пожертвования деньгами и продовольствием для оказания помощи голодающим. Желая усилить возможную помощь умирающему от голода населению Поволжья, Мы нашли возможным разрешить церковноприходским советам и общинам жертвовать на нужды голодающих драгоценные церковные украшения и предметы, не имеющие богослужебного употребления, о чем и оповестили православное население 6 (19) февраля сего года особым воззванием, которое было разрешено правительством к напечатанию и распространению среди населения. Но вслед за этим, после резких выпадов в правительственных газетах по отношению к духовным руководителям Церкви, 10 (23) февраля ВЦИК для оказания помощи голодающим постановил изъять из храмов все драгоценные духовные вещи, в том числе и священные сосуды и прочие богослужебные церковные предметы. С точки зрения Церкви, подобный акт является актом святотатства, и Мы священным Нашим долгом почли выяснить взгляд Церкви на этот акт, а также оповестить о сем верных духовных чад наших. Мы допустили, ввиду чрезвычайно тяжких обстоятельств, возможность пожертвования церковных предметов, не освященных и не имеющих богослужебного употребления. Мы призываем верующих чад Церкви и ныне к таким жертвованиям, лишь одного желая, чтобы эти жертвования были откликом любящего сердца на нужды ближнего, лишь бы они действительно оказы-

вали реальную помощь страждущим братьям нашим. Но Мы не можем одобрить изъятия из храмов, хотя бы и через добровольное пожертвование, священных предметов, употребление коих не для богослужебных целей воспрещается канонами Вселенской Церкви и карается Ею как святотатство...¹

Таково было новое послание Патриарха, в котором чувствуется его глубокое удивление и возмущение не только неблагодарностью советского правительства за ту помощь, которую оказывала Церковь голодающим, но и изощренному коварству власти, мечтавшей использовать даже голод в целях борьбы с Церковью. В это время Патриарх Тихон не только не знал, но, видимо, и представить себе не мог, что большевистские руководители осуществляли организованную политику, направленную на использование голода именно для того, чтобы нанести удар по Русской Православной Церкви. В настоящее время в распоряжении ученых находится немало документов, показывающих, что с самого начала для большевиков борьба с голодом была лишь идеологическим прикрытием их антинародной и антицерковной политики. Голод был лишь средством для того, чтобы разрушить Церковь в условиях, когда надломленный голодом народ не сможет активно сопротивляться власти. Среди всех документов, имеющих в распоряжении ученых сейчас, особенно поражает один — секретное письмо Ленина членам Политбюро ЦК РКП(б) от 19 марта 1922 года. Это письмо очень четко и выразительно, как никакой другой большевистский документ, говорит о реальной политике и реальных замыслах большевиков. Им нужна была не столько помощь Церкви, сколько возможность в условиях голода уничтожить Церковь. В момент, когда страна переживала страшный голод, в результате которого погибло около пяти миллионов человек, Ленин писал:

Для нас именно данный момент представляет из себя не только исключительно благоприятный, но и вообще единственный момент, когда мы можем с 99-ю из 100 шансов на полный успех разбить неприятеля наголову и обеспечить за собой необходимые для нас позиции на много десятилетий. Именно теперь и только теперь, когда в голодных местах едят людей и на дорогах валяются сотни, если не тысячи трупов, мы можем (и потому должны) провести изъятие церковных ценностей с самой бешеной и беспощадной энергией, не останавливаясь перед подавлением какого

¹ Акты святейшего Тихона, Патриарха Московского и всея России... С. 188—191.

угодно сопротивления. <...> Все соображения указывают на то, что позже сделать это нам не удастся, ибо никакой иной момент, кроме отчаянного голода, не даст нам такого настроения широких крестьянских масс, который бы либо обеспечил нам сочувствие этих масс, либо, по крайней мере, обеспечил бы нам нейтрализацию этих масс в том смысле, что победа в борьбе с изъятием церковных ценностей останется безусловно и полностью на нашей стороне. Один умный писатель по государственным вопросам справедливо сказал, что если необходимо для осуществления известной политической цели пойти на ряд жестокостей, то надо осуществлять их самым энергичным образом и в самый короткий срок, ибо длительного применения жестокостей народные массы не вынесут. <...> Поэтому я прихожу к безусловному выводу, что мы должны именно теперь дать самое решительное и беспощадное сражение черносотенному духовенству и подавить его сопротивление с такой жестокостью, чтобы они не забыли этого в течение нескольких десятилетий. <...> Самого патриарха Тихона, я думаю, целесообразно нам не трогать, хотя он несомненно стоит во главе всего этого мятежа рабовладельцев. Относительно него надо дать секретную директиву Госполитупру, чтобы все связи этого деятеля были как можно точнее и подробнее наблюдаемы и вскрываемы, именно в данный момент. Обязать Дзержинского, Уншлихта лично делать об этом доклад в Политбюро еженедельно. <...> Чем большее число представителей реакционной буржуазии и реакционного духовенства удастся нам по этому поводу расстрелять, тем лучше. Надо именно теперь проучить эту публику так, чтобы на несколько десятков лет ни о каком сопротивлении они не смели и думать.

Как выразительно отличается тон и настроение ленинского письма от тона и настроения посланий патриарха Тихона!

К этому времени большевики активно использовали борьбу с голодом для проведения агрессивной борьбы против Церкви. По всей стране наряду с официальными были организованы неофициальные секретные комиссии, главную из которых, находившуюся в Москве, возглавлял Троцкий. Ленин писал об этом в своем письме:

Самую кампанию проведения этого плана я представляю следующим образом. Официально выступать с какими бы то ни было мероприятиями должен только тов. Калинин — никогда и ни в каком случае не должен выступать ни в печати, ни иным образом перед публикой тов. Троцкий. <...> На съезде партии устроить

секретное совещание всех или почти всех делегатов по этому вопросу совместно с главными работниками ГПУ, НКЮ и Ревтрибунала. На этом совещании провести секретное решение съезда о том, что изъятие ценностей, в особенности самых богатых лавр, монастырей и церквей, должно быть произведено с беспощадной решительностью, безусловно ни перед чем не останавливаясь и в самый кратчайший срок. <...> Для наблюдения за быстрейшим и успешнейшим проведением этих мер назначить тут же на съезде, то есть на секретном его совещании, специальную комиссию при обязательном участии т. Троцкого и т. Калинина, без всякой публикации об этой комиссии, с тем, чтобы подчинение ей всей этой операции было обеспечено и проводилось в общесоветском и общенародном порядке¹.

Уже 30 марта 1922 года в своей записке в Политбюро ЦК РКП(б) Троцкий следующим образом формулировал конкретные тактические указания, которые должны были определять работу губернских секретных комиссий:

1. Провести агиткампанию в самом широком масштабе.
2. Расколоть духовенство.
3. Изъять ценности как, следует быть. Если было допущено попустительство, исправить.
4. Расправиться с черносотенными попами.
5. Побудить определиться и открыто выступить сменовеховских попов. Взять их на учет. Неофициально поддерживать.
6. Теоретически и политически подготовиться ко второй кампании. Выделить для этого одного партийного «спеца» по делам церкви².

Перед нами весьма двойственная и весьма лукавая политика. Внешне государство проявляло заботу о голодающих Поволжья, но на самом деле повсеместно производилось не просто изъятие всех церковных ценностей секретными комиссиями, но и выявления, аресты и часто расстрелы всех сопротивлявшихся. Впервые большевики решились на то, чтобы репрессированное духовенство проводить через показательные процессы, которые, по их мнению, должны были дискредитировать Церковь. Только что большевиками был принят уголовный кодекс, ибо, ликвидировав законодательство, существовавшее в России до 1917 года, большевики все предыдущие

¹ Архивы Кремля. Политбюро и церковь. В 2 кн. Кн. 1. М.; Новосибирск, 1997–1998. С. 140–144.

² Там же. С. 164.

годы действовали по принципу революционной целесообразности, когда людей могли либо просто расстреливать, либо, например, приговаривать к тюремному заключению сроком «до победы мировой революции». Впрочем, практика показательных процессов над духовенством себя не оправдала, потому что православные священнослужители оказались неподходящими персонажами для таких театрализованных судебных процессов, гораздо удачнее подобные процессы будут проходить впоследствии, когда с покаянными речами о самих себе будут выступать советские и партийные руководители. По отношению же к духовенству практика показательных процессов впоследствии уже не будет повторяться. Тогда же такие опыты над репрессируемыми священнослужителями большевики пытались ставить неоднократно. Таким должен был стать процесс московского духовенства в мае 1922 года.

На московском процессе по обвинению в сопротивлении изъятию церковных ценностей было привлечено к уголовной ответственности двадцать священников, тридцать четыре мирянина, в качестве свидетеля привлекли Патриарха Тихона, и по его поводу было вынесено частное определение, которое предполагало, что главным виновником сопротивления духовенства во время изъятия церковных ценностей являлся сам Патриарх Тихон, выпустивший послание от 28 февраля 1922 года о недопустимости передачи властям предметов утвари, использование которых не для богослужебных целей запрещалось канонами Церкви. 8 мая 1922 года был вынесен смертный приговор одиннадцати участникам московского процесса, по которому пятерых расстреляли. Репрессии, обрушившиеся на Церковь в феврале-марте 1922 года, показали, что активного сопротивления этим репрессиям со стороны населения России не предвиделось — акциям большевистского режима сопротивлялись лишь весьма немногочисленные, наиболее мужественные представители духовенства и мирян, платившие за это часто своими свободой и жизнями. Поэтому власти решили не откладывать на длительное время репрессии против высшего священноначалия Русской Православной Церкви. Уже 22 марта 1922 года Политбюро ЦК РКП(б) приняло дополнение к своему решению о проведении акций, направленных против Церкви, в котором содержались следующие слова: «Арест Синода и патриарха признать необходимым, но не сейчас, а примерно через 10–15 дней»¹. Тем не менее арест произошел позже, после московского процесса свя-

¹ Архивы Кремля. Политбюро и церковь. Кн. 1. С. 151.

щенников. В ночь с 6 на 7 мая 1922 года Патриарх Тихон был взят под стражу в Троицком подворье и помещен под домашний арест.

Именно в период так называемой кампании изъятия церковных ценностей, проводившейся в 1922–1923 годах, при Центральном комитете РКП(б) была создана комиссия по проведению отделения церкви от государства, так называемая Антирелигиозная комиссия, под руководством бывшего секретаря ЦК РКП(б) Емельяна Ярославского (М. И. Губельмана). Секретарем этой комиссии стал начальник 6-го отделения секретного отдела секретно-оперативного управления ГПУ Е. А. Тучков. Именно эта комиссия стала штабом, который разрабатывал стратегию антирелигиозной борьбы, и именно в этой комиссии был поставлен вопрос о том, чтобы в ходе кампании по изъятию церковных ценностей, сопровождавшейся арестами духовенства, провести в перспективе арест Патриарха Тихона по обвинению в сопротивлении государственному декрету об изъятии церковных ценностей.

Нельзя не отметить еще один существенный момент. Используя кампанию по изъятию церковных ценностей в борьбе с духовенством, сознательно стремясь уничтожить тех, кто был заведомо ни в чем не виноват перед властью, большевики в то же время старались употреблять эти ценности на все что угодно, только не на борьбу с голодом. Создание многочисленных коммунистических партий в различных странах мира, финансовая поддержка этих партий, активная разведывательная деятельность в этих странах, начатая ГПУ в это время, в целом деятельность Коминтерна — все это поглощало огромные средства. По мнению современных историков, менее 15% средств, изъятых у Церкви, было употреблено властью на борьбу с голодом.

Но именно в этот второй период усиления репрессий против Церкви, который пришелся на 1922–1923 годы, большевики предприняли против Церкви новую акцию, направленную на ее внутреннее разрушение, получившую вскоре среди православных христиан России наименование «обновленческого раскола».

Св. Патриарх Тихон в 1922 году и начало обновленческого раскола

Начав активно проводить свою антирелигиозную политику практически с момента захвата ими власти в России, большевики исходили из достаточно умозрительных, далеких от реальной жизни представлений марксизма о том, что религия есть результат развития эксплуататорского общества. Они считали, что объективные условия для существования религии исчезнут после того, как эксплуататоры будут подавлены и народные массы, хотя бы на самом первичном уровне, приобщатся к коммунистической идеологии. В ходе Гражданской войны большевики не продумывали серьезной политики, направленной на борьбу с Церковью. Они считали, что для того, чтобы разрушить Церковь, достаточно будет внешних репрессий. Существование Церкви в социалистическом обществе они считали совершенно нереальным.

Однако даже вторая волна массовых репрессий, обрушившаяся на Церковь в начале 1922 года, свидетельствовала о том, что, несмотря на колоссальные потери, которые понесла церковная иерархия и ее паства, Церковь в России продолжала существовать. Возник вопрос о необходимости дополнить политику кровавых репрессий, направленную на разрушение Церкви извне, политикой по разложению Церкви изнутри, ставящей своей целью создание внутри Церкви определенной группировки духовенства, которая бы провела реформы, призванные превратить Церковь с ее вероучением, богослужением и, самое главное, с ее воззрением на коммунистическое государство и коммунистическую идеологию в послушный инструмент большевистского режима, в подконтрольное власти орудие идеологического воздействия на еще сохраняющие приверженность православной вере трудящиеся массы социалистического общества.

Следует отметить, что подобная точка зрения не сразу нашла сторонников в большевистском руководстве. Показательно, что еще в 1919 году один из руководителей той части православного

духовенства, который готов был пойти на сотрудничество с советской властью, священник Александр Введенский, предлагал свои услуги председателю Петросовета Г. Е. Зиновьеву. Тогда, когда большевикам казалось, что Церковь в советской России доживает свои последние если не месяцы, то годы, его предложение о сотрудничестве Православной Церкви и коммунистического государства было отвергнуто.

Однако в 1922 году эта идея была реанимирована в руководстве РКП(б) вторым после Ленина по значимости партийным функционером, наркомом Военмора и председателем Реввоенсовета республики Троцким. Будучи фанатично преданным идее мировой революции и одновременно оставаясь в достаточной степени умным и прагматичным политиком, Троцкий уже в годы Гражданской войны осознавал, что многие постулаты марксизма нельзя прямолинейно применять при утверждении диктатуры большевистской партии в реальной жизни. Когда в начале Гражданской войны малочисленная и плохо оснащенная, но воевавшая под командованием идейно мотивированных, профессиональных военных Белая армия стала наносить поражения во много раз превосходящей ее по численности и оснащению Красной армии, Троцкий впервые выдвинул идею активного привлечения старых военных специалистов, кадровых офицеров для командования Красной армией. Точно так же он был одним из активных сторонников привлечения и гражданских специалистов для создания нового аппарата управления большевиков. Не все разделяли его точку зрения, но опыт показал правоту Троцкого, ибо, добившись того, что в Красную армию была мобилизована почти треть офицерского корпуса старой русской армии, он сумел создать армию, оказавшуюся способной не только сопротивляться, но и наносить военные поражения белогвардейцам. В ходе своей деятельности, связанной с руководством Красной армией, Троцкий многократно общался с крупными представителями старой военной интеллигенции, которые всем своим воспитанием, всем своим образованием, казалось, далеко отстояли от идей марксизма. Достаточно упомянуть здесь имена генералов А. А. Брусилова, А. М. Зайончковского, Д. С. Шуваева. Общение с этими военными специалистами убедило Троцкого в том, что для того, чтобы вовлечь в сотрудничество представителей старой интеллигенции, недостаточно применять к ним насильственные меры, необходимо дать им некую идеологическую санкцию для сотрудничества с большевистским режимом, поправшим ту историческую Россию, которой многие годы и даже деся-

тилетия служили эти специалисты. Так впервые именно Троцкий, стремившийся прежде всего разжечь пожар мировой революции, начал использовать лозунги, согласно которым большевики представлялись в данных исторических условиях единственной цементирующей Россию силой, с которой должны сотрудничать все русские патриоты. Монархия, которой десятилетиями служили многие представители русской военной и гражданской интеллигенции, пала, либеральное Временное правительство, либеральные по своему составу правительства белогвардейцев не смогли сохранить единую и неделимую Россию, но большевикам эта задача оказалась по плечу, поэтому все русские патриоты, даже если они монархисты, должны признать, что именно большевики являются единственной силой, которая сохранит великую Россию, а посему должны служить им. Кажущаяся парадоксальной идеологическая абракадабра интернационалиста Троцкого, выступавшего в данном случае в роли поборника идей российского имперского патриотизма, оказалась действенной. Многие идеи Троцкого стали впоследствии тиражироваться теми представителями русской военной интеллигенции, которые пошли на службу большевикам, достаточно вспомнить письмо генерала Брусилова во время советско-польской войны 1920 года, обращенное к офицерам армии генерала П. Н. Врангеля. Проведя успешный опыт использования красного патриотизма в качестве идейного обоснования привлечения и использования старых военных специалистов для создания и управления РККА, именно Троцкий оказался тем партийным деятелем, который задумался над возможностью создания в России — наряду с красными патриотами из числа старых военных и гражданских специалистов — красных патриотов из среды православного духовенства. Создание внутри Церкви группы священнослужителей, которые готовы были бы доказать идеологическую необходимость сотрудничества Церкви и большевистского государства, стало представляться Троцкому вполне реальным, а главное, чрезвычайно необходимым для успешной борьбы с традиционной Церковью.

Именно весной 1922 года, когда в официальной советской прессе была развернута массивная кампания критики позиции Патриарха Тихона и всего священноначалия относительно происходящих в России событий, в советских же газетах стали выступать некоторые представители духовенства, обвинявшие Патриарха Тихона не только в сопротивлении изъятию ценностей, но и в политической реакционности, в стремлении служить целям контрреволюции. Среди этих священнослужителей не было известных, были

лишь епископ Антонин (Грановский), практически находившийся под запретом после послания Патриарха Тихона от 1 ноября 1921 года о недопустимости нововведений в церковно-богослужебной практике, и некоторые московские и петроградские священники. Однако после ареста Патриарха Тихона Троцкий все чаще поднимал вопрос о необходимости осуществления силами небольшой группы духовенства, готовой верно служить большевистской власти, церковного переворота, который должен был бы привести к власти в Церкви сторонников большевиков.

Именно в это время в истории Русской Православной Церкви XX века открылась одна из самых зловещих страниц. Первые несколько лет советское государство боролось с Церковью, разрушая ее извне, и ведущую роль в этой борьбе играли отнюдь не атеистические пропагандисты, а органы ВЧК, осуществлявшие широкомасштабные и методичные репрессии по отношению к представителям православного духовенства, как, впрочем, и по отношению к представителям некоторых других социальных групп или исторических сословий России, которых марксистская идеология обрекала на тотальное исчезновение. Однако уже весной 1921 года на заседании коллегии ВЧК был поставлен вопрос о необходимости создания внутри духовенства широкой агентурно-осведомительной сети.

Вопрос осведомительной агентурной работы по духовенству самый больной в ЧК как по трудности его выполнения, так и потому, что на него до сих пор ЧК мало обращала внимания, — подчеркивалось в протоколе заседания коллегии. — Для более быстрого и верного проведения в жизнь необходимо на первых порах принять следующие меры:

1. Пользоваться в своих целях самим духовенством, в особенности занимающим важное служебное в церковной жизни положение, как-то архиереями, митрополитами и т. п., заставляя их под страхом суровой ответственности издавать по духовенству те или иные распоряжения, могущие быть нам полезными...
2. Выяснить характер отдельных епископов, викариев, дабы на черте честолюбия разыгрывать разного рода варианты, поощряя их желания и замыслы.
3. Вербовать осведомителей по духовенству предлагается после некоторого знакомства с духовным миром и выяснением подробных черт характера по каждому служителю культа в отдельности. <...> Материальное заинтересование того или иного осве-

домителя среди духовенства необходимо, так как на одной этой почве еще можно договориться с попом, а надеяться на его доброжелательное отношение к Советской власти нельзя. При этом субсидии денежные и натурой, без сомнения, их будут связывать с нами и в другом отношении, а именно в том, что он будет вечный раб ЧК, боящийся расконспирировать свою деятельность. Должна практиковаться вербовка осведомителей и через застрашивание тюрьмой и лагерем по незначительным поводам... Правда, этот способ может быть полезным только в том случае, когда объект для вербовки слабохарактерный и безвольный¹.

В этом документе, хронологически одном из первых документов такого рода, перед нами открывается будущая панорама очень трудных, очень искусовых для церковной иерархии отношений большевистского государства и Русской Православной Церкви вплоть до 1990 года. Последующие десятилетия в истории церковно-государственных отношений будут состоять из периодов ужесточения репрессий, перемежаемых более мягкими периодами, когда открытые гонения на Церковь будут сменяться тайным давлением на нее, но все эти десятилетия ВЧК, ГПУ, НКВД, МГБ, КГБ будут стремиться создавать внутри Церкви свою пятую колонну, склонять многих священнослужителей к сотрудничеству с политической полицией большевистского государства.

Эта точка зрения далеко не сразу нашла своих сторонников в большевистском руководстве, и только весной 1922 года Ленин поддержал идею Троцкого о создании с помощью органов ВЧК-ГПУ среди православного духовенства группировки не просто лояльных священнослужителей, но тех, кто готов был сотрудничать с ГПУ как его настоящие секретные сотрудники. И в конечном итоге этот замысел удался. Начальник 6-го отделения секретного отдела секретно-оперативного управления ГПУ Е. А. Тучков, чекист, который на протяжении целого десятилетия будет осуществлять основную работу по подавлению Церкви этими органами, сообщал в Политбюро ЦК РКП(б) 30 октября 1922 года:

Образована группа, называемая «Живая церковь», состоящая преимущественно из белых попов, что дало возможность поссорить попов с епископами, примерно как солдат с генералами...

¹ Русская Православная Церковь в советское время (1917–1991). Материалы и документы по истории отношений между государством и Церковью / сост. Герд Штриккер. Кн. 1. М., 1995. С. 215–216.

Ведем работу по вытеснению тихоновцев из патриархата и из приходо́в. Создаем христианские группы «ревнителей обновления»¹.

Однако еще весной того же года и в советской прессе, и в церковной среде стали появляться представители только что созданной в Петрограде при участии ГПУ «Петроградской группы прогрессивного духовенства», не просто выступавшие с идеей сотрудничества Церкви и советского государства, но требовавшие удаления Патриарха Тихона от власти и созыва такого церковного собора, который бы смог провести широкий комплекс реформ церковной жизни.

Следует сказать несколько слов о людях, которые возглавили это движение. Здесь можно упомянуть трех лидеров: епископа Антонина (Грановского), протоиерея Александра Введенского и священника Владимира Красницкого. Это были разные люди. Если первые два священнослужителя были хорошо образованными, идейно преданными еще с дореволюционных лет идеям христианского социализма и радикальной церковной модернизации, то священник Владимир Красницкий, в это время возглавивший эту группу прогрессивного духовенства, в годы Российской империи был довольно ординарным священником, активным членом Союза русского народа, даже настоятелем храма Союза русского народа в Петербурге и отличался как раз крайним черносотенным консерватизмом. Но в условиях советского времени он пошел на безоглядное сотрудничество с ГПУ и уже как агент ГПУ возглавил церковно-политическую организацию, которая вскоре получила название «Живая церковь».

Однако основную массу обновленцев составляли люди, отнюдь не мировоззренчески преданные идее обновления Церкви, но люди, которые видели, что Патриарх Тихон и существующее в Церкви священноначалие стали объектом гонения со стороны государственной власти, в то время как те священники, которые провозглашали идеи обновления Церкви, идеи сотрудничества Церкви и советского государства, оказывались как будто вне сферы этих гонений. По-человечески понятное, но для христианина все же греховное желание выжить любой ценой толкало этих людей на союз с теми, кто провозглашал идеологическое единство христианства и коммунизма, на сотрудничество с такими идейными обновленцами, какими были епископ Антонин и протоиерей Александр

¹ Архивы Кремля. Политбюро и церковь. Кн. 1. С. 331.

Введенский. Но как бы то ни было, и идейные обновленцы, и те, кто пытался с помощью обновленческого движения спасти свою жизнь в этих тяжелейших условиях, становились послушным инструментом ГПУ, использовавшимся этой организацией именно для того, чтобы разрушить Церковь изнутри.

Вскоре после ареста Патриарха Тихона 12 мая 1922 года к нему на Троицкое подворье сотрудниками ГПУ были допущены несколько священников, среди которых были уже упоминавшиеся Александр Введенский и Владимир Красницкий, которые объявили Патриарху в достаточно деликатной форме о том, что его арест лишил его возможности осуществлять высшее церковное управление, что вся его предшествующая политика привела Церковь и государство к неразрешимому конфликту и что сейчас в Церкви сложилась ситуация, когда она лишена какого бы то ни было централизованного управления. Эти священники заявили Патриарху о том, что им удалось добиться компромисса с властью, что власти не возражают против созыва Поместного Собора, на котором могли бы быть приняты решения, восстанавливающие высшую церковную власть в России. Поэтому Патриарх Тихон, который находился под арестом и ожидал суда над собой, в этой ситуации должен был созвать Поместный Собор, заявить о своем уходе с Патриаршего Престола и временно, до созыва Собора, передать высшее церковное управление той группе духовенства, которой удалось в данный момент вступить в диалог с властью. Таким образом, с самого начала даже идейные обновленцы, искренне стремившиеся к преобразованию церковной жизни, даже к таким изменениям, которые должны были обсуждаться на Поместном Соборе 1917–1918 годов и были бы полезными для Церкви, пойдя на сотрудничество с ГПУ, были обречены выступать как последовательные и активные агенты богоборческой большевистской власти. После нескольких посещений его представителями «Петроградской группы прогрессивного духовенства» находившийся под арестом, плохо информированный о происходящих событиях и не склонный доверять незнакомым священнослужителям Патриарх Тихон во исполнение решений Поместного Собора 1918 года передал им 16 мая 1922 года следующее распоряжение:

Ввиду крайней затруднительности в церковном управлении, возникшей от привлечения меня к гражданскому суду, почитаю полезным для блага Церкви поставить временно до созыва Собора

во главе церковного управления или Ярославского митрополита Агафангела (Преображенского), или Петроградского Вениамина (Казанского).

Таким образом, Патриарх Тихон сделал то, на что благословил его Поместный Собор: будучи не в состоянии управлять церковной жизнью из-под ареста, он назначил себе Местоблюстителей с полнотой патриарших прав. Выбор Патриарха Тихона, конечно, не был случайным и основывался не только на личном доверии Патриарха этим митрополитам, но и на том авторитете, который они сумели приобрести среди русского епископата за годы своего архипастырского служения.

Обновленцы рассчитывали получить в свое распоряжение хотя бы временное управление высшими церковными делами. Но Патриарх был непреклонен, и неоднократные посещения обновленцами арестованного Патриарха Тихона никакого иного результата дать им не могли. Поэтому, получив такое распоряжение Патриарха, руководители обновленческого раскола (именно так и следует называть то движение, которое возглавляли эти ставленники большевистской власти) решили прибегнуть к иной тактике и попытались договориться с одним из двух назначенных Патриархом Тихоном Местоблюстителей о сотрудничестве. Для этого вскоре после разговора с Патриархом в конце мая 1922 года священник Владимир Красницкий выехал в Ярославль, где предложил митрополиту Ярославскому Агафангелу сотрудничать с обновленческими руководителями, но получил отказ. Показательно, что митрополит Агафангел, собиравшийся выехать в Москву для того, чтобы приступить к своим обязанностям, был задержан представителями власти и против него было срочно начато уголовное дело.

В Петрограде ситуация для обновленцев сложилась еще тяжелее. Хорошо знавший митрополита Вениамина протоиерей Александр Введенский, (он действительно пользовался большим доверием митрополита, даже нередко произносил проповеди за его богослужениями) явился к своему предстоятелю, правящему архиерею, как представитель некоего, созданного в Москве, высшего церковного управления с предложением признать власть ВЦУ и приступить к исполнению обязанностей Местоблюстителя в соответствии с указаниями данного органа. Митрополит Вениамин не только отказался сотрудничать с обновленцами, но, исходя из того, что все ведущие обновленцы — Александр Введенский, Владимир Красницкий, Александр Боярский и ряд других — были клирика-

ми Петроградской епархии, 28 мая 1922 года на Божественной литургии в Николо-Богоявленском соборе огласил свое послание петроградской пастве, в котором, в частности, говорилось: «Петроградские священники протоиерей Александр Введенский, священник Владимир Красницкий и священник Евгений Белков без воли своего митрополита отправились в Москву, приняв там на себя высшее управление Церковью. И один из них, протоиерей А. Введенский, по возвращении из Москвы объявляет об этом всем, не предъявляя на это надлежащего удостоверения Святейшего Патриарха. Этим самым по церковным правилам... они ставят себя в положение отпавших от общения со св. Церковью, доколе не принесут покаяния перед своим епископом. Такому отлучению подлежат и все присоединяющиеся к ним»¹. Послание митрополита Вениамина было воспринято духовенством и мирянами Петроградской епархии не только как запрещение обновленческих лидеров в священнослужении, но и как отлучение их от Церкви, то есть лишение их какого бы то ни было церковно-канонического статуса. Так совершенно неожиданно в конце мая 1922 года вся направленная против Церкви провокация ГПУ, связанная с приведением к церковной власти своих ставленников-обновленцев, оказалась под угрозой.

28 мая 1922 года митрополит Вениамин распространил в епархии послание, в котором призывал свою паству сохранять верность арестованному Патриарху Тихону и объявлял о том, что руководители обновленцев, поименно перечислявшиеся в послании, потеряли какой-либо церковно-канонический статус. Это послание привело к тому, что на следующий день, 29 мая, митрополит Вениамин был арестован, и этот арест, точно так же, как задержание митрополита Агафангела в Ярославле, был связан с тем, что ГПУ, активно поддерживающее обновленцев, стремилось парализовать деятельность всех тех церковных иерархов, кто был готов активно сопротивляться захвату обновленцами власти в Церкви.

Примерно в это же время Патриарх Тихон был переведен из Троицкого подворья в Донской монастырь, в котором условия его содержания были гораздо более жесткими. Однако ГПУ понимало, что репрессивных мер недостаточно для того, чтобы обновленцы смогли осуществить захват церковной власти. Поэтому вскоре после ареста митрополита Вениамина петроградское ГПУ выдвинуло ультиматум викарному епископу Петроградской епархии, еписко-

¹ Шкаровский М. В. Петербургская епархия в годы гонений и утрат. 1917–1945. СПб., 1995. С. 64–65.

пу Ямбургскому Алексею (Симанскому). В соответствии с этим ультиматумом епископ Алексей должен был снять прещения, наложенные митрополитом Вениамином на руководителей обновленческого движения в Петроградской епархии, в противном же случае митрополит Вениамин будет привлечен к суду, на котором ему вынесут смертный приговор. Не имея формальных оснований для снятия прещений, наложенных правящим архиереем, епископ Алексей созвал епархиальный совет, который санкционировал эту меру, желая спасти митрополита Вениамина, и после этого епископ Алексей снял прещения, наложенные на руководителей обновленцев. Но власти солгали епископу Алексею, митрополит не был выпущен на поруки епархиального совета, как это обещали власти ранее, но остался в тюрьме, и над ним состоялся суд, на котором его формально обвиняли в сопротивлении изъятию ценностей. Это обвинение вызывало недоумение даже у представителей петроградских властей, ибо они знали, что благодаря митрополиту Вениамину передача церковных ценностей для борьбы с голодом в Петрограде происходила организованно и мирно. Вскоре митрополит Вениамин и довольно значительная группа духовенства и мирян будут приговорены к смертной казни. Священномученик митрополит Вениамин вместе с еще тремя приговоренными к смерти был расстрелян, и эта расправа стала указанием на то, что все представители русской церковной иерархии, кто готов был сопротивляться обновленцам, рисковали подвергнуться самым жестоким репрессиям.

Распустив в 1918 году Поместный Собор, большевистские власти не собирались давать возможность Церкви собрать такой Собор вновь. Если они и могли допустить Собор, то лишь Собор обновленческий, который, прикрываясь авторитетным названием Поместного Собора, должен был бы провести в Церкви выгодные властям изменения. В значительной степени была парализована и деятельность Священного Синода, некоторые члены которого были арестованы или не имели возможности приехать в Москву из-за запретов властей. Наконец, Патриарх Тихон был арестован, и в церковных кругах все отчетливее понимали, что над Патриархом Тихоном готовится показательный судебный процесс, подобный процессу над митрополитом Вениамином, закончившемуся смертным приговором. Однако и назначенные Патриархом Тихоном Местоблюстителями митрополиты Агафангел и Вениамин не имели возможности приступить к исполнению своих обязанностей. Русская Православная Церковь осталась практически без канонич-

ного высшего церковного управления. Это был ощутимый удар по Церкви, ибо русская церковная иерархия была воспитана двумя веками синодального периода в жесткой системе централизованного управления. При этом в Москве возникло так называемое Высшее Церковное Управление, которое возглавляли руководители обновленческого движения, и прежде всего епископ, вскоре уже ставший архиепископом, а затем и митрополитом, Антонин. В это трудное время, когда в условиях не прекращавшихся внешних гонений на Церковь православные епископы, православное духовенство в различных епархиях осознавали себя лишенными высшего церковного управления, которое бы давало им конкретные указания относительно действий в сложившейся в церковной жизни столь сложной ситуации, находившийся в Ярославле под домашним арестом митрополит Агафангел 18 июня 1922 года написал послание к архиереям, пастырям и чадам Православной Церкви, в котором он, уже как Патриарший Местоблюститель, выступил с конкретными указаниями для всего духовенства и мирян России. «Святейшему Патриарху и Отцу нашему Тихону угодно было от 3–16 мая 1922 года обратиться ко мне со следующей грамотой», — так начинал свое послание митрополит Агафангел. Далее воспроизводился текст грамоты патриарха Тихона, в которой он передавал свои полномочия митрополиту Агафангелу, и митрополит Агафангел писал далее:

Во имя святого послушания и по долгу моей архиерейской присяги, я предполагал немедленно вступить в отправление возложенного на меня служения церкви и поспешить в Москву, но вопреки моей воле, по обстоятельствам, от меня не зависящим, я лишен и доныне возможности отправиться на место служения. Между тем, как мне официально известно, явились в Москве иные люди и встали у кормила правления русской церковью. От кого и какие полномочия получили они, мне совершенно неизвестно. А потому я считаю принятую ими на себя власть и деяния их незаконными. Они объявили о своем намерении пересмотреть догматы и нравоучения нашей православной веры, священные каноны святых Вселенских Соборов, православные богослужебные уставы, данные великими молитвенниками и подвижниками христианского благочестия, и организовали новую, именуемую ими «Живую Церковь». Мы не отрицаем необходимости некоторых видоизменений и преобразований в служебной практике и обрядах. Некоторые вопросы этого рода были пред-

метом рассмотрения Всероссийского Собора 1918 года, но не получили решения вследствие преждевременного прекращения его деятельности по обстоятельствам тогдашнего времени. Но во всяком случае возможные изменения и церковные реформы могут быть произведены только Соборной властью, а посему я почитаю своим долгом по вступлении в управление делами церкви созыв Всероссийского Поместного Собора, который правомерно, согласно со словом Божиим и в меру правил святых Вселенских Соборов, этих первых и основных источников нашего церковного строительства, рассмотрит все то, что необходимо и полезно для нашей духовной жизни.

Таким образом, митрополит Агафангел не только публично объявлял о своем вступлении в полномочия Патриаршего Местоблюстителя, но и объяснял свое отсутствие в Москве и, самое главное, подчеркивал, что никакие меры, предпринимаемые обновленцами до каноничного Поместного Собора, не могут быть признаны законными. А далее он предлагал конкретный путь управления Церковью в этих экстраординарных условиях:

Возлюбленные о Господе Преосвященные Архипастыри! Лишенные на время высшего руководства, Вы управляйте теперь своими епархиями самостоятельно, сообразуясь с Писанием, священными канонами; впредь до восстановления Высшей Церковной Власти окончательно решайте дела, по которым прежде испрашивали разрешения Святейшего Синода, а в сомнительных случаях обращайтесь к нашему смирению¹.

Это был конкретный план управления Церковью в условиях отсутствия канонического центра. Каждый архиерей в соответствии с древними церковными канонами теперь становился в своей епархии предстоятелем, и, таким образом, ориентироваться на лжеканонический обновленческий центр в Москве не было никакой необходимости. Теперь судьба Церкви зависела от того, насколько сочтут для себя возможным правящие архиереи пойти по столь необычному для Русской Церкви пути, указанному ей митрополитом Агафангелом, пути, который можно было бы назвать путем самоуправления церковными епархиями. Этот вопрос оказывался для нашей Церкви во многом решающим.

¹ Акты святейшего Тихона, Патриарха Московского и всея России... С. 219–220.

Священноисповедник Местоблюститель Патриаршего Престола митрополит Ярославский Агафангел (Преображенский). Жизнь и труды до вступления в должность Местоблюстителя

Священноисповедник митрополит Агафангел (в миру Александр Лаврентьевич Преображенский) родился 27 сентября 1854 года в селе Могилы Кормовской волости Веневского уезда Тульской губернии в семье сельского приходского священника Лаврентия Ивановича Преображенского. В 1871 году успешно закончив Веневское духовное училище, Александр Преображенский поступил в Тульскую духовную семинарию.

Умозрительное семинарское богословие не всегда позволяло осмыслить вынесенный из детства религиозный опыт, и в какой-то момент семинарист Александр Преображенский решил предпочесть пастырскому служению служение ближним в качестве врача. Невозможно представить, чем бы завершился период сомнений и исканий юного семинариста, если бы все годы пребывания в духовной школе его неразрывная связь с семьей, и прежде всего с отцом Лаврентием, не продолжала оказывать на Александра Преображенского свое благотворное влияние. В год окончания Тульской духовной семинарии Александр Преображенский решил отбросить как искушение мысль о медицинской карьере и в 1877 году поступил в Московскую Духовную Академию, отнюдь не случайно избрав для себя именно церковно-практическое отделение. По окончании третьего курса Александра Преображенского постигла болезнь, которая угрожала его жизни, но, благополучно поправившись, он сумел в 1881 году успешно закончить Московскую Духовную Академию и написать сочинение на тему «Шестоднев экзарха Болгарского.

Опыт исследования языка и текста Шестоднева по списку 1263 года», за которое был удостоен степени кандидата богословия.

Воздержавшись от принятия в Духовной Академии монашеского пострига и не вступив в брак, А. Л. Преображенский продолжил свое церковное служение в качестве мирянина в сфере богословского образования и 11 августа 1881 года был назначен на должность преподавателя латинского языка в Раненбургское духовное училище Рязанской епархии. В 1882 году он вступил в брак с дочерью протоиерея Анной Вознесенской и вскоре получил первое служебное повышение, приняв должность помощника смотрителя Скопинского духовного училища в той же епархии. В 1883 году, не прожив и полного года в браке, А. Л. Преображенский потерял супругу и новорожденного ребенка, умерших почти одновременно. «В этом посещении Божиим, и в этом сильном приражении скорби к моему сердцу, я уразумел особое звание Божие, — вспоминал впоследствии митрополит Агафангел. — И вот блеснул в суетах жизни заслоненный лживыми образами мира, но никогда не угасающий свет Христов и освятил мои думы, мои чувства и страдания, осветилось все: и душа, и жизнь. Тогда, приклонившись пред неисповедимую волей Божией, я поспешил оставить мир, взять свой крест и приобщиться к лику иноческому»¹.

7 марта 1885 года А. Л. Преображенский был пострижен в монашество с именем Агафангел, в честь мученика IV века, и в течение ближайших трех дней был посвящен в сан иеродиакона, а затем иеромонаха епископом Рязанским и Зарайским Феоктистом. Исходя из того, что тридцатичетырехлетний иеромонах Агафангел имел пятилетний опыт преподавательской деятельности, Святейший Синод в 1886 году назначил его инспектором Томской духовной семинарии с возведением в сан игумена. Успешная пастырская и преподавательская деятельность явилась основанием для назначения игумена Агафангела 28 февраля 1888 года ректором Иркутской духовной семинарии с возведением в сан архимандрита. Быстрое прохождение двух церковно-административных должностей в Сибири предшествовало тому, что связанный всей своей предыдущей жизнью с епархиями Центральной России архимандрит Агафангел, 10 сентября 1889 года возведенный в сан епископа Киренского, викария Иркутской епархии, начал свое почти четвертьвековое епископское служение сначала на восточных, а затем на западных окраинах Российской Империи.

¹ Прибавления к «Церковным ведомостям». 1899. № 49. С. 1498.

Служение в Иркутской епархии в качестве викарного архиерея позволило епископу Агафангелу, ранее трудившемуся преимущественно на ниве духовного просвещения, приобрести важный опыт в деле организации епархиальной жизни в Сибири, население которой всегда отличалось весьма ощутимым своеобразием духовной жизни, особенно в сравнении с жителями Центральной России. Этот опыт имел для епископа Агафангела огромное значение, когда 17 июля 1893 года он получил назначение Святейшего Синода возглавить в качестве правящего архиерея одну из крупнейших по своей территории в Русской Православной Церкви Тобольскую епархию.

Убедившись за семь лет своего предыдущего служения в Сибири в недостаточной образованности значительной части сибирского духовенства, епископ Агафангел в течение всего периода своего пребывания на Тобольской кафедре придавал первостепенное значение развитию Тобольской семинарии, старейшего учебного заведения Сибири, регулярно увеличивал штаты ее воспитанников и преподавателей, развивал Тобольское духовное училище, которое готовило значительную часть будущих семинаристов. Регулярно посещая разбросанные на огромных пространствах приходы своей епархии, епископ Агафангел убедился в весьма тяжелом не только материальном, но и социально-психологическом состоянии приходского духовенства. Поэтому уже в первые годы его пребывания на Тобольской кафедре им была учреждена и во многом им самим субсидировалась касса взаимной помощи епархиального духовенства. При епархиальном женском училище был открыт приют для малолетних сирот из семей духовенства. Епископ Агафангел активно и непосредственно, в том числе и делая личные пожертвования, участвовал в деятельности Тобольского попечительского общества о бедных и Тобольского общества трезвости.

В мае 1897 года епископ Агафангел был вызван в Санкт-Петербург для четырехмесячного участия в летней сессии Святейшего Синода в качестве его присутствующего члена и уже в октябре того же года был назначен на кафедру в Рижскую и Митавскую епархию. Имея в виду необходимость не только церковно-просветительской, но и миссионерской деятельности в этой епархии, охватывавшей территорию современных Латвии и Эстонии, епископ Агафангел с помощью более просвещенного, нежели сибирское, местного духовенства из числа как русского, так и прибалтийского населения организовал общеепархиальные богословские курсы для причетников и мирян и проповедническую библиотеку, открыл тридцать новых церковно-приходских школ. Именно при епископе Агафангеле на-

ступил расцвет в жизни Рижского Свято-Троицкого и Пюхтицкого Успенского женских монастырей, которые зримо являли идеалы православной монастырско-аскетической жизни в глазах местного лютеранского населения. Служение епископа Агафангела в качестве епархиального архиерея Рижской епархии в 1904 году получило высокую оценку не только Святейшего Синода, но и Государя, который возвел его в сан архиепископа.

Справедливо полагая, что главной формой как просветительской, так и миссионерской проповеди в Православной Церкви является богослужение, епископ Агафангел был озабочен упорядочением и определенными преобразованиями в области богослужения, которые он активно осуществлял в своей епархии уже с 1905 года. Свое глубокое убеждение в необходимости проведения в Русской Православной Церкви широких богослужебных преобразований этот будущий непримиримый противник обновленцев и их псевдореформ уже в 1905 году исчерпывающе выразил в своем отзыве по вопросу о церковной реформе, направленном в Святейший Синод:

Желательно также обсуждение и решение Всероссийским церковным Собором вопроса о богослужебном уставе. Этот устав составлен применительно к монастырскому обиходу, при котором общественное богослужение распадается на 9 отдельных служб в определенные часы суток. Соединение этих 9 служб в три — вечернюю, утреннюю и дневную, — как показывает практика монастырей, не нарушает цельность и смысл входящих в состав этих служб молитв и песнопений. Обычное же соединение всего круга суточного богослужения в две отдельные части, как это бывает в приходских церквях, в вечернее и дневное, нарушают этот смысл, цельность и гармонию (красоту) устава церковного. Изменить мирскую жизнь применительно к монастырскому уставу нет возможности, и было бы в высокой степени полезно создать такой богослужебный устав для приходских церквей, который сохранил бы в составе богослужебных молитв и песнопений все существенное, как выражающее нашу веру христианскую и как наследие древней Церкви, и расположил бы эти чтения и песнопения в соответствии с часами и характером службы, без томительной длинноты и однообразных многократных повторений. История богослужебного устава дает основания для подобного рода изменений в нем.

Кроме богослужебного устава, необходимо рассмотреть и согласовать с нуждой и характером настоящего времени и чинопосле-

дования святых таинств. Так, например, желательно предваряющий крещение чин оглашения оставить или перенести, соответствующе изменив его, на время сознательной жизни дитяти, например — на время первой исповеди, или на время церковного совершеннолетия, соединив с катехизацией и сделав последнюю обязательной для всех приходов. Форму отрицания от сатаны, состоящую в дуновении и плевание на пол, можно было бы изменить на более соответствующую настоящему времени форму выражения полного отрицания. При говении нескольких сот человек зараз, в один день, когда исповедь в силу чисто физических причин состоит только в накрывании главы кающегося епитрахилью и чтения разрешительной молитвы, было бы полезно следовать для этой цели должествующему быть установленным чину общей исповеди. В деятельности пастырей Рижской епархии бывают такие случаи, в коих они бывают вынуждены прибегать к совершению общей исповеди. Относительно таинства брака необходимо изменение предбрачных обысков и сокращение числа степеней родства, возбраняющих заключение брачного союза. В чине елеосвящения необходимо сделать изменения для совершения этого таинства одним священником, как это в действительности бывает. Сам язык наших богослужебных книг требует самого тщательного исправления. Уже с времен перевода Библии на русский язык встал с неотложностью вопрос о переводе богослужебных книг на язык, доступный пониманию. Но любовь русского народа к славянскому языку и значение его для соединения всех славянских племен в родной православной вере заставляют желать, чтобы богослужебным языком для православного русского народа оставался славянский язык. Но в таком случае необходимо немедленно приступить к исправлению богослужебных книг. Язык их, сохранив греческое построение речи и словопроизводство, совершенно скрывает и весьма часто искажает смысл и содержание многих богослужебных чтений и песнопений. Только немедленным исправлением этого языка до возможности понимания его и неучившимся славянской грамоте возможно сохранить любовь и преданность нынешнего поколения к церковному языку¹.

Последовательно стремясь привнести соборное начало на уровень епархиального управления, епископ Агафангел осенью

¹ Отзывы епархиальных архиереев по вопросу о церковной реформе. Часть первая. М., 2004. С. 918–919.

1905 года собрал епархиальный собор, на суждение которого в качестве одного из главных был поставлен вопрос о преобразовании богослужения в храмах Рижской епархии. Решения Рижского собора предусматривали целый перечень конкретных изменений, которые должны были вноситься в богослужебную практику приходских храмов епархии. Так, например, собором были установлены следующие изменения в порядке совершения всенощного бдения: «а) на вечерне пропустить сугубую ектению, так как те же моления повторяются на весьма часто совершаемой литии, тем более что та же ектения произносится на утрени; молитву главопреклонения читать вслух; б) на утрени: пропустить великую, просительные и все малые ектении на каноне и между кафизмами, оставить малые ектении по кафизме и по 9-й песни канона»¹. Относительно порядка совершения Божественной литургии собор предписывал епархиальному духовенству читать Евангелие лицом к народу, выпустить ектению об оглашенных, но молитву о них читать вслух, точно так же вслух должны были прочитываться некоторые молитвы евхаристического канона, царские врата должны были оставаться открытыми до херувимской песни, затем открываться перед пением Символа веры и оставаться открытыми до причащения священнослужителей в алтаре².

Проявивший себя весьма плодотворно в двух столь различных епархиях, как епархии Тобольская и Рижская, архиепископ Агафангел в августе 1910 года был назначен в еще одну окраинную епархию — Виленскую и Литовскую. Эта епархия не только соседствовала с Рижской епархией, но и в своей церковной жизни во многом воспроизводила те проблемы, которые имели место в жизни Рижской епархии и которые в значительной степени были уже разрешены трудами архиепископа Агафангела. На исполненную глубоких национально-религиозных и социально-политических противоречий церковно-общественную жизнь Виленской епархии трехлетняя архипастырская деятельность архиепископа Агафангела также оказала благотворное влияние. В результате успешное пятнадцатилетнее служение в Рижской и Виленской епархиях и периодическое, но весьма плодотворное участие в деятельности Святейшего Синода выдвинули архиепископа Агафангела в ряд наиболее деятельных и авторитетных церковных иерархов, и награждение его почетным правом ношения бриллиантового креста

¹ Рижские епархиальные ведомости. 1906. № 22. С. 1033.

² Там же. С. 1033.

на клобуке в 1912 году явилось лишь еще одним свидетельством признания его значительного вклада в созидание русской церковной жизни.

22 декабря 1913 года последовал указ Святейшего Синода о назначении архиепископа Агафангела в Ярославскую и Ростовскую епархию, пятнадцатилетнее служение в которой преобразит весьма успешного архиерея синодальной эпохи в священноисповедника Церкви Христовой. После семнадцати лет служения в окраинных епархиях Русской Православной Церкви архиепископ Агафангел возвращался в родную ему Центральную Россию. При этом ставшая для него дорогой и близкой виленская паства передавалась под омофор архиепископа Тихона (Беллавина), а ярославская епархия, во многом преобразившаяся трудами будущего Патриарха, вверялась под архипастырское попечение будущего Патриаршего Местоблюстителя. Познав воочию благотворные результаты архипастырских трудов друг друга в столь различных по своим культурно-историческим особенностям епархиях и оценив по достоинству личные качества друг друга, архиепископы Тихон и Агафангел оказались связанными между собой тесными духовными узами. Именно благодаря этим духовным узам архипастырского доверия и братской любви священноисповедник Патриарх Тихон в 1922 году в один из самых тяжелых моментов своей жизни, находясь в узах богоборцев и окруженный предательством многих своих сослужителей, вручил кормило высшей церковной власти именно священноисповеднику митрополиту Агафангелу, который мужественно принял тогда самое трудное и самое главное служение своей жизни — служение Местоблюстителя Патриаршего Престола.

Св. Патриарх Тихон в 1923 году и борьба с обновленческим расколом

Лето 1922 года наглядно показало, что террор, развязанный обновленцами в русской церковной жизни, действия почти шестидесяти уполномоченных обновленческого ВЦУ, направленных в епархии и при поддержке ГПУ склонявших настоятелей приходов и правящих архиереев к признанию власти обновленческого ВЦУ, а также привычка нашей церковной иерархии еще с синодального периода жить с ощущением того, что церковно-канонический центр не только существует, но и определяет все основные решения архиереев на местах, привели к тому, что постепенно, один за другим правящие архиереи начали признавать власть обновленческого высшего церковного управления. Особое значение в этом процессе имело появившееся 16 июня 1922 года, за два дня до написания митрополитом Агафангелом его послания, воззвание трех русских священнослужителей:

Мы, Сергей (Страгородский), Митрополит Владимирский и Шуйский, Евдоким (Мещерский), Архиепископ Нижегородский и Арзамасский, Серафим (Мещеряков), Архиепископ Костромской и Галичский, рассмотрев платформу Временного Церковного Управления, заявляем, что целиком разделяем мероприятия Церковного Управления, считаем его единственной канонической законной Верховной Церковной Властью и все распоряжения, исходящие от него, считаем вполне законными и обязательными. Мы призываем последовать нашему примеру всех истинных пастырей и верующих сынов Церкви как вверенных нам, так и других епархий¹.

В результате к концу лета 1922 года более половины архиереев Русской Православной Церкви подчинились власти обновленцев, несмотря на то что представители обновленческого лжеепископата стали возводить в епископский сан часто даже остававшихся жена-

¹ Акты святейшего Тихона, Патриарха Московского и всея России... С. 168–169.

тыми священников из числа обновленческого духовенства. Над Русской Православной Церковью возникла угроза появления внутри нее параллельной лжеиерархии, которая готова была достаточно послушно исполнять требования обновленческого высшего церковного управления, возглавлявшегося в это время епископом Антонином.

Впрочем, долгосрочный стратегический замысел антицерковной политики большевистского режима был сформулирован ее главным теоретиком Троцким еще 24 мая 1922 года в письме членам Политбюро ЦК РКП(б):

Внутренняя борьба в церкви приняла широкий характер. После отстранения Тихона во главе церкви стала группа из элементов «центра» (Антонин) и левых (несколько молодых попов). Движение идет главным образом под знаменем церковного собора. Новое церковное управление может определиться в трех направлениях: 1) сохранение патриаршества и выборы лояльного патриарха; 2) уничтожение патриаршества и создание коллегии (лояльного Синода); 3) полная децентрализация, отсутствие всякого центрального управления... Полагаю, что нам пока нет необходимости ангажироваться ни в одном из данных направлений (даже неофициально). Гораздо выгоднее, если между тремя этими ориентировками разгорится серьезная борьба. С этой целью созыв Церковного Собора лучше оттянуть. Окончательный выбор сделать позже, если вообще понадобится делать выбор. Централизованная Церковь при лояльном и фактически бессильном патриархе имеет известные преимущества. Полная децентрализация может сопровождаться более глубоким внедрением церкви в массы путем приспособления к местным условиям. Возможна, наконец, и даже вполне вероятна такая комбинация, когда часть церкви сохраняет лояльного патриарха, которого не признает другая часть церкви, организующаяся под знаменем синода или полной автономии общин¹.

Эта комбинация Троцкого будет осуществлена в 1927 году после освобождения митрополита Сергия из заключения и издания его декларации, когда органы ГПУ, а затем НКВД одновременно манипулировали подчиненным властям — правда, еще не Патриархом, а Заместителем Патриаршего Местоблюстителя — митрополитом Сергием и противостоящим ему, но тоже подчиненным

¹ Архивы Кремля. Политбюро и церковь. Кн. 1. С. 181.

властям обновленческим синодом. Впрочем, Троцкий в это время, лишившись всех своих партийно-государственных постов, будет ожидать своего отправления в ссылку в Алма-Ату, откуда в 1929 году его вышлют за границу. Религиозно-политический замысел Троцкого создания в СССР двуединой тихоновско-обновленческой церкви, подконтрольной чекистам, будет реализовываться в конкретной государственной политике его заклятым врагом Сталиным.

Общее впечатление от происходивших в это время в церковной жизни событий оказывалось весьма удручающим. Обновленцам при поддержке власти действительно удалось захватить управление Церковью во многих епархиях. И это несмотря на то, что большая часть православного духовенства на местах не была склонна поддерживать обновленческое движение. Следует отметить, что и значительная часть епископов, признавших власть обновленческого ВЦУ, не были идейными обновленцами. Кто-то из них принимал решение в минуту слабости, кто-то рассчитывал сохранить епархиальную жизнь до лучших времен без новых, дополнительных репрессий со стороны государственной власти, а кто-то, подобно митрополиту Сергию, обладая колоссальным опытом административно-церковного управления и будучи достаточно опытным церковным политиком, надеялся, что на соборе, который готовили обновленцы, ему удастся остановить распространение обновленческого движения и убедить собор принять решения, которые бы соответствовали каноническим традициям Русской Православной Церкви. Привыкшие подчиняться строго централизованному высшему церковному управлению, многие епископы утешали себя тем, что признание обновленцев — это только временная мера, что, дождавшись созыва Поместного Собора, они под руководством митрополита Сергия сумеют дать бой обновленцам на его заседаниях. И к 1923 году почти половина епископов признала обновленческое ВЦУ, то есть, по существу, отреклась от Патриарха Тихона. При этом репрессии продолжались. Очень многие священнослужители спасали свою жизнь и свободу только тем, что признавали обновленческих епископов, обновленческую власть, и по-человечески это было очень понятно, особенно в провинции. В то же время нельзя не признать, что такое распространение обновленческого движения вряд ли было бы возможно, если бы в Церкви не существовала достаточно широкая прослойка духовенства, готовая воспринять идею сотрудничества с властью, причем с любой властью, как необходимый атрибут церковной жизни. Не

случайно и священник Владимир Красницкий, и многие другие руководители «Живой Церкви» в дореволюционные годы отличались весьма правыми взглядами, и идея союза Церкви с государством — тогда, конечно, государством самодержавным, монархическим, — представлялась им основополагающим принципом церковной жизни в России. Изменилась государственная власть, она стала богоборческой, но для этих священнослужителей сама возможность существования Церкви в России без союза с государством продолжала казаться совершенно абсурдной, и они стремились к союзу с любым государством любой ценой.

Власти понимали, что многие формально признавшие обновленческое высшее церковное управление епископы и священнослужители не могли быть надежной опорой политики государства в Церкви, и продолжали поддерживать идею активизации организации «Живая Церковь». Они рассчитывали, что именно эта организация, возглавляемая священником Владимиром Красницким, сможет в конечном итоге подготовить такой церковный собор, который примет необходимые для государственной власти решения, по существу не только превращающие Русскую Православную Церковь в послушный инструмент государственной политики, но и ликвидирующие Церковь как полноценный церковный организм, ставящие на ее место некую церковнообразную организацию без православного вероучения, без каноничной церковной иерархии, но при этом идейно обосновывающую учение о тождественности православия и коммунизма и принцип безусловной преданности христиан большевистскому режиму. Именно поэтому летом 1922 года состоялся съезд организации «Живая Церковь», и эта политическая организация, состоящая в основном из представителей белого духовенства и возглавляемая священником Владимиром Красницким, попыталась консолидировать в своих рядах всех сторонников обновленческого движения.

Впрочем, конфликты возникали и между самими обновленцами. Просуществовав несколько недель, «Живая Церковь» начала дроби́ться. В августе из ее состава ушла довольно значительная группа духовенства во главе с епископом Антонином и создала в Москве свою организацию — «Союз церковного возрождения», а осенью 1922 года другая группа духовенства во главе с протоиереем Александром Введенским образовала еще одну обновленческую организацию «Союз общин Древлеапостольской Церкви». Между лидерами обновленческого движения началась борьба за власть, при этом каждый из них стремился так или иначе заручиться поддержкой

ГПУ. Подобного рода события не могли вызывать удовлетворения у руководителей ГПУ, которые инициировали обновленческое движение. Им нужно было решать, на какую из трех обновленческих организаций стоит делать основную ставку. Ставка была сделана на «Живую Церковь» как на наиболее массовую, наиболее способную идти на компромиссы с властью обновленческую организацию. С этого времени Е. А. Тучков всячески стремился к открытию обновленческого собора, который продолжали готовить как власти, так и представители обновленческого духовенства.

Открытие этого собора — Второго Поместного Собора, как называли его обновленцы, или, как правильно следует его называть, Первого обновленческого лжесобора — состоялось 29 апреля 1923 года в Храме Христа Спасителя, к тому времени уже захваченном обновленцами, и привело в Москву всех наиболее крупных представителей обновленческого движения. Несмотря на надежды некоторых православных епископов и священнослужителей повернуть на соборе его работу в приемлемое для Церкви русло, получилось так, что подавляющее большинство участников собора были представителями трех упомянутых ранее обновленческих организаций. И конечно же, скрытых противников обновленчества на соборе ожидало поражение. Показательно, что митрополит Сергей, признавший летом 1922 года обновленческое высшее церковное управление и приглашенный принять участие в его работе, реально оценив расстановку сил на обновленческом соборе, не поехал на него, понимая обреченность своих замыслов.

Собор начал свою работу с принятия решений, которые должны были продемонстрировать его политическую позицию. Не может не поразить одна из первых резолюций собора, в которой давалась оценка политической позиции собора на данном историческом этапе. Эта резолюция напоминает скорее политический документ, нежели церковное постановление. Его характер, его содержание в высшей степени наглядно демонстрировали ту перспективу развития, а правильнее сказать, деградации церковной жизни, на которую обрекал обновленцев сделанный ими духовно-исторический выбор.

Всероссийский Поместный Собор Православной Русской Церкви свидетельствует пред лицом Церкви и всего человечества, что сейчас весь мир распался на два класса: капиталистов-эксплуататоров и пролетариат, трудом и кровью которого капиталистический мир строит свое благополучие. Во всем мире лишь Совет-

ское государство России вышло на борьбу с этим социальным злом. Христиане не могут быть равнодушными зрителями в этой борьбе. Собор объявляет капитализм смертным грехом, а борьбу с ним священной для христианина. В Советской власти Собор видит мирового вождя за братство, равенство и мир народов. Собор клеймит международную и отечественную контрреволюцию, осуждает ее всем своим религиозно-нравственным авторитетом.

Собор зовет каждого честного христианина — гражданина России единым фронтом, под предводительством Советского правительства, выйти на борьбу с мировым злом социальной неправды.

Священный Собор Православной Церкви 1923 г., обсудив положение Церкви за время Революции, ПОСТАНОВЛЯЕТ:

1. Начиная с лета 1917 года ответственные церковные вожди стали на определенную контрреволюционную точку зрения. «Церковь должна восстановить единство царской России» — вот лозунг, которым начала жить церковь (так тесно связанная до революции с царизмом). Собор 1917 года, состоящий главным образом из представителей реакционного духовенства, а также крупного дворянства, собственников и членов реакционных политических партий, с самого начала стал определенным политическим, контрреволюционным сборищем, только прикрывавшим все эти деяния именем Христа Спасителя. Собор борется с революцией. Он не признает даже Временного Правительства, а после Октября эта борьба доходит до совершенно невероятных размеров. После Собора патриарх Тихон продолжает контрреволюционную деятельность. Он делается вождем и знаменем всех противников Советской власти. Он вовлекает церковь в контрреволюционную борьбу.

Священный Собор Православной Церкви 1923 года осуждает контрреволюционную борьбу и ее методы — методы человеконенавистничества. В особенности Собор 1923 года скорбит об анафематствовании Советской власти и всех, ее признающих. Собор объявляет анафематствование не имеющим никакой силы.

2. Собор 1923 года осуждает всех тех, кто шел этим путем и других вел за собой. И прежде всего это касается ответственного руководителя всей церковной жизни — Патриарха Тихона, так как патриарх Тихон вместо подлинного служения Христу служил контрреволюции и этим, как лицо, которое должно правильно вести всю церковную жизнь, ввел в заблуждение широкие церковные массы, то Собор считает Тихона отступником от подлин-

ных заветов Христа и предателем Церкви. На основании церковных канонов сим объявляет его лишенным сана и монашества и возвращенным в первобытное мирское положение. Отныне патриарх Тихон — мирянин Василий Беллавин.

4. Собор обращает внимание, что Советская власть государственными методами одна во всем мире имеет осуществить идеалы Царства Божия. Поэтому каждый верующий церковник не только должен быть честным гражданином, но и всемерно бороться вместе с Советской властью за осуществление на земле идеалов Царства Божия.

5. Осуждая бывшего патриарха Тихона, как вождя не церковного, а контрреволюционного, Собор признает, что и самое восстановление патриаршества было актом определено политическим, контрреволюционным. Древняя Церковь не знала патриаршества, а управлялась соборно, поэтому Священный Собор настоящим отменяет восстановление патриаршества. Отныне Церковь должна управляться соборно»¹.

Столь нарочитого стремления продемонстрировать свою лояльность от обновленческого собора, наверное, не могли ожидать даже власти. Но для Церкви еще большее значение имели постановления собора, касавшиеся изменения внутрицерковной жизни. А подобного рода решения на соборе были приняты в значительном количестве. Следуя своей первоначальной политической резолюции, собор не только осудил деятельность Патриарха Тихона, но и принял решение о том, чтобы считать его отступником от подлинных заветов Христа и предателем Церкви. Столь неканоничное решение собора, принятое в отсутствие Патриарха Тихона на соборе, без каких-либо ссылок на конкретные каноны и, самое главное, на основе обвинений Патриарха Тихона в политической контрреволюции, изначально не могло иметь какого бы то ни было канонического значения. Но смещение Патриарха Тихона с кафедры первосвященника было лишь первым шагом обновленческого собора на пути изменения высшего церковного управления в Русской Церкви. Обновленческий собор подчеркнул, что отныне власть Патриарха в Церкви ликвидируется и церковное управление будет осуществляться коллегиально. Подразумевалось, что некий соборный орган, избранный, разумеется, уже на обновленческом соборе, должен был в дальнейшем осуществлять управление цер-

¹ Левитин А., Шавров В. Очерки по истории русской церковной смуты. В 3 т. Т. 2. Цюрих, 1978. С. 112–114.

ковной жизнью. Осуждение Патриарха Тихона должно было уверить власти, что их замыслы расправы над Патриархом вызовут у обновленцев полное понимание и сочувствие. Таким образом в Русской Церкви была предпринята попытка вновь ликвидировать патриаршество, при этом арестованного властями Патриарха Тихона обновленческий лжесобор практически отдавал на заклятие богоборческой власти.

На соборе были приняты и другие важные для обновленцев решения. В частности, решили, что в Церкви отныне вводится наряду с монашеским и брачный епископат, священнослужителям разрешалось второбрачие, допускались браки священнослужителей с вдовами и разведенными, наконец, вводились новый, грегорианский календарь и новая орфография. Был принят ряд решений, которые, по существу, начинали ликвидацию монастырской жизни, превращая монастыри в так называемые христианско-трудовые коммуны, которые должны были сочетать молитву с трудом, как говорилось в решениях собора. На этом обновленческом лжесоборе были произведены новые хиротонии. Так, например, Александр Введенский сразу стал архиепископом Крутицким. Показательно, что Владимир Красницкий, лелеявший надежду на создание в Церкви пресвитерианского высшего церковного управления, ограничился скромным саном протопресвитера, уклонившись от того, чтобы принять епископский сан.

Если бы эти решения обновленческого лжесобора были проведены в жизнь во всей Русской Православной Церкви, они ликвидировали бы в ней каноническую иерархию. Изменяя каноны, которые принимались на соборах более высокого ранга, обновленческий собор, по существу, вступал в конфликт с каноническим правом Православной Церкви.

Решение о низложении Патриарха Тихона было передано ему представителями этого лжесобора. Ознакомившись с этим решением, Патриарх Тихон написал резолюцию: «Прочел. Собор меня не вызывал, его компетенции не знаю, потому законным его решение признать не могу». Однако мнение Патриарха Тихона не имело никакого значения для обновленцев. Вскоре они приняли постановление об отлучении от Церкви всех членов Собора Русской Православной Церкви Заграницей в Сремских Карловцах — это было тоже настоятельное требование властей — и избрали новый орган высшей церковной власти, получивший название «Высший Церковный Совет». Он состоял из шестнадцати человек и возглавлялся лжемитрополитом Антонином. Кроме того, в руководство этого со-

вета входили руководители двух других обновленческих организаций — протопресвитер Красницкий и архиепископ Введенский. Так на соборе был достигнут хотя и временный, но все-таки компромисс между основными обновленческими группировками.

Вероятно, самым выразительным свидетельством того, какой должна была стать новая эпоха в истории Русской Православной Церкви прежде всего в сфере церковно-государственных отношений, начало которой должен был символизировать первый обновленческий лжесобор, может послужить доклад начальника 6-го отделения секретного отдела секретно-оперативного управления ОГПУ Е. А. Тучкова, который он представил 27 февраля 1924 года председателю ОГПУ В. Р. Менжинскому, описывая в свойственном ему безыскусном стиле полугодовую историю взаимодействия чекистов с патрионируемой ими частью православного духовенства.

До создания обновленческих церковных групп все управление церковью находилось в руках бывшего патриарха Тихона, а отсюда и тон церкви давался явно в антисоветском духе. Момент изъятия церковных ценностей послужил как нельзя лучше к образованию обновленческих противотихоновских групп, сначала в Москве, а потом по всей СССР. До этого времени, как со стороны органов ГПУ, так и со стороны нашей партии внимание на церковь обращалось исключительно с информационной целью, поэтому требовалось, для того чтобы противотихоновские группы овладели церковным аппаратом, создать такую осведомительную сеть, которую можно было бы использовать не только в вышеупомянутых целях, но и руководить через нее всей церковью, что нами и было достигнуто. <...> После этого и имея уже целую сеть осведомления возможно было направить церковь по такому пути, какой нам был нужен, так в Москве была организована первая обновленческая группа, позднее назвавшаяся «живая церковь», которой Тихон передал временное управление церковью. Она состояла из 6 человек: двух архиереев — АНТОНИНА и ЛЕОНИДА и из 4 попов — КРАСНИЦКОГО, ВВЕДЕНСКОГО, СТАДНИКА и КАЛИНОВСКОГО.

Отправив Тихона в другое помещение (Донской монастырь) и осевшись в бывшем патриаршем управлении, группа эта объявила себя временным высшим церковным управлением... <...> Благодаря достигнутого в этом отношении успеха, органам ГПУ представилась полная возможность не только видеть, что делается в церковной среде, но негласно и лавировать церковью... В те-

чение короткого времени в месяца 3—4 почти все тихоновские антисоветские аппараты, т. е. архиереи и епархиальные (губернские) управления были заменены сторонниками ВЦУ. Этим самым было положено начало раскола православной церкви и перемена политической ориентации церковного аппарата.

Для того, чтобы этому движению придать более организованный характер и наладить связь с местами, был вскоре создан Всероссийский съезд группы «живая церковь», на котором присутствовало до 200 делегатов представителей мест. Этот съезд еще глубже вбил клин в ту церковную трещину, которая образовалась в самом начале, и всю свою работу провел в духе борьбы с тихоновщиной, осудил всю церковную контрреволюцию и положил начало организационной связи центра с местами. <...> Ввиду того, что публика, овладевшая церковным аппаратом, состояла преимущественно из церковных отбросов, то поэтому с самого же начала своей деятельности обнаружила склонности к компрометирующим их действиям (воровство, пьянство, пошлость и т. д.) и тем самым не получила должного доверия от верующих, но своих сторонников она все же собрала всех. <...> Как и следовало ожидать, спустя некоторое время после вышеупомянутого съезда среди самих обновленцев возник спор главным образом из-за претендентства на первые роли в управлении церковью, в результате которого часть членов ВЦУ во главе с ВВЕДЕНСКИМ и НОВИКОВЫМ отошли от группы «живая церковь», возглавляемой КРАСНИЦКИМ, и образовали свою группу «древле-апостольская церковь», а немного позднее отошел и епископ АНТОНИН, образовав группу «церковное возрождение». Таким образом ВЦУ, состоящее из 8 членов, представляло из себя коалицию из 3 групп, постоянно между собой враждующих. Такое положение обновленческих групп заставляло их вольно или невольно прибегать к мерам добровольного доноса друг на друга и тем самым становиться информаторами ГПУ, что нами и было в полной мере использовано.

...Обновленцы повели работу по подготовке Всероссийского поместного собора, на котором должны были решиться вопросы главным образом о Тихоне и его заграничных епископах, окончательного установления политической линии церкви и введения в нее ряда богослужбных новшеств. Почва для выборов была подготовлена и собор состоялся в мае месяце 1923 года. Съехавшиеся на собор делегаты в количестве около 500 человек тут же разбились на 4 группы: сторонников КРАСНИЦКОГО

(живая церковь), ВВЕДЕНСКОГО и НОВИКОВА (древле-апостольская церковь), АНТОНИНА (церковное возрождение) и ТИХОНОВЦЕВ, причем 3/4 было сторонников двух первых групп. Собор мог бы быть сорван, если бы не было нашего негласного вмешательства, так как группы были настроены между собой абсолютно непримиримо...

Сторонники Тихона намеревались собором осудить это новое течение и поставить во главе церкви законного заместителя Тихона митрополита АГАФАНГЕЛА, но благодаря принятым нами мерам через приобретенное к этому времени солидное осведомление Тихоновцы на выборах потерпели поражение и абсолютное большинство на собор попало обновленцев, поэтому как ни страшен был, в особенности еще в то время, вопрос о лишении Тихона сана даже для самих обновленцев, но все же он был принят почти единогласно, а также были приняты и все остальные вопросы, которые нужно было провести на этом соборе. Собор, несмотря на то что на нем присутствовало около 70 человек архиереев и из них около половины тихоновского старого посвящения, не произвел должного авторитета на верующих, все потому, что он взял слишком решительную линию в отношении Тихона и его епископов и ввел в церковь ряд новшеств.

Избрав собор, коалиционное ВЦУ в составе 18 человек во главе с АНТОНИНОМ, ВВЕДЕНСКИМ, митрополитом БЛИНОВЫМ и в помощь им быв. обер-прокурором ЛЬВОВЫМ, который, осевшись прочно, начал продолжать свою работу в том же духе. Итак, обновленцы продолжают властвовать и укрепляться¹.

¹ Архивы Кремля. Политбюро и церковь. Кн. 2. С. 395–401.

Св. Патриарх Тихон в 1923–1925 годах. «Новый курс»

3 мая 1923 года обновленческий лжесобор лишил Патриарха Тихона священного сана и монашества, но его судьба, казалось, уже за несколько месяцев до этого была предрешена большевистским режимом. На заседании Политбюро ЦК РКП(б) 8 февраля 1923 года был зачитан проект постановления Политбюро, представленный председателем Антирелигиозной комиссии ЦК РКП(б) Ярославским, следующего содержания:

1. Предложить антирелигиозной комиссии принять меры к окончанию следствия в ближайший срок с тем, чтобы можно было поставить дело к слушанию в последних числах марта.
2. Ограничить до минимума количество обвиняемых и свидетелей, чтобы процесс тянулся не более 6 дней.
3. Обвинение против Тихона и его ближайших сотрудников поддерживать по четырем пунктам:
 - а) активная борьба против проведения декрета об отделении церкви от государства;
 - б) противодействие вскрытию мошей;
 - с) противодействие изъятию церковных ценностей;
 - д) систематическая контрреволюционная деятельность.

На основании этого проекта было принято постановление Политбюро ЦК РКП(б):

- б) Принять предложение антирелигиозной комиссии о постановке в Верховном Суде в Москве дела епископа Цепляка до процесса патриарха Тихона. Персональную ответственность за ведение этого в высшей степени важного дела возложить на линии политически-юридической на т. Крыленко, по агитационной — на т. Ярославского.
- в) Принять предложение антирелигиозной комиссии о постановке в марте месяце процесса Тихона. Персональную ответст-

венность за ведение этого процесса возложить на т. т. Рыкова, Крыленко и Калинина¹.

В качестве своеобразной прелюдии к процессу над Патриархом Тихоном большевики 21—26 марта 1923 года провели процесс над руководителями Римско-Католической Церкви в России — архиепископом Я. Цепляком, прелатом Р. Будкевичем и группой католического духовенства. Цепляку и Будкевичу был вынесен смертный приговор, однако поднявшаяся в Западной Европе волна возмущения, охватившая не только христианские круги, но и государственные сферы в различных европейских странах, привела к тому, что имевший польское подданство архиепископ Я. Цепляк был выдворен из советской России, а каноник Р. Будкевич все-таки был расстрелян. Усилившаяся после этого расстрела кампания критики действий советского правительства, вобравшая в свою сферу представителей как Римско-Католической, Англиканской и Православных Церквей, так и всех основных европейских правительств, привела к тому, что ситуация во внешнеполитическом плане для Советской России стала обостряться. Из разных концов Европы приходили возмущенные протесты против совершившейся расправы, и все чаще раздавались голоса против процесса над Патриархом Тихоном.

Весьма показательным явилось письмо наркома иностранных дел Г. В. Чичерина И. В. Сталину от 10 апреля 1923 года:

Уважаемый Товарищ, НКВД предлагает Политбюро заранее принять решение о невынесении смертного приговора Тихону. Факты показали, какой громадный вред мы себе причинили казнью Буткевича. В Америке сенатор Бора и его единомышленники собирались создать комитет для ведения агитации за восстановление сношений с Россией, но ввиду крайне неблагоприятной обстановки, созданной казнью Буткевича, они решили временно задержать эту работу и не оформлять комитета. В ближайшие недели сенатор Бора совсем не будет выступать в пользу восстановления сношений с Россией. Предполагавшееся свидание Бора с Юзом не состоялось. В Англии, как известно, Морель отсрочил свое парламентское выступление в пользу нашего признания. <...> Я не говорю уже о том, что в случае конфликта с Польшей наши враги обладают теперь великолепнейшим оружием, чтобы нафанатазировать против нас польское крестьянство. Всякий, кто хоть сколько-нибудь знает, что происходит за погра-

¹ Архивы Кремля. Политбюро и церковь. Кн. 1. С. 259—260.

ничными столбами, подтвердит, что во всех отношениях наше положение крайне ухудшилось в результате этого дела. Между тем в деле Буткевича имеется возможность сослаться на польский шпионаж и на связь с агрессивным польским шовинизмом. В деле Тихона и этого нет. Все другие страны не усмотрят в таком приговоре ничего, кроме голого религиозного преследования. Англо-саксонские страны, сверху донизу проникнутые ханжеством, не менее интересуются православием, чем католицизмом; англиканизм чувствует себя даже ближе к православию. Одним словом, вынесение смертного приговора в деле Тихона еще гораздо больше ухудшит наше международное положение во всех отношениях. Выносить же смертный приговор и потом отменять его как будто под давлением других государств для нас крайне невыгодно и создает в высшей степени тяжелое впечатление. Предлагаем поэтому заранее отказаться от самого вынесения смертного приговора Тихону.

С коммунистическим приветом Георгий Чичерин¹

В этом письме поражает то, что Г. В. Чичерин, один из наиболее образованных руководителей большевистского режима, профессиональный юрист, совершенно не выказал интереса к существу дела, ему было совершенно безразлично, виновен или не виновен Патриарх Тихон даже с точки зрения тех обвинений, которые предъявляли ему советские власти. Возможность проведения процесса над Патриархом Тихоном он рассматривал лишь с точки зрения политической целесообразности. В этом отношении Г. В. Чичерин действовал в духе всех руководителей большевистского режима, которым понятия права и законности представлялись чем-то устаревшим и ненужным.

Однако 23 мая 1923 года Патриарх Тихон был переведен из Донского монастыря, где он все это время находился под домашним арестом, в тюрьму ГПУ на Лубянке, что свидетельствовало о том, что власти по-прежнему готовы приступить к проведению над ним показательного процесса. В Политбюро этот вопрос рассматривался специально, и в конечном итоге после бурных дискуссий все члены Политбюро, за исключением А. И. Рыкова, согласились отложить процесс по делу Патриарха Тихона. Однако, придя к такому решению, большевистские руководители должны были попытаться использовать задержку процесса в своих целях. Особый интерес представляют две записки, представленные председателем

¹ Архивы Кремля. Политбюро и церковь. Кн. 1. С. 263–264.

Антирелигиозной комиссии Е. М. Ярославским на заседание Политбюро ЦК РКП(б) 14 июня 1923 года, в которых он предложил конкретные условия, позволявшие отложить процесс над Патриархом Тихоном с максимальной выгодой как для большевистского руководства в целом, так и для проведения дальнейшей антицерковной политики внутри страны в особенности:

Необходимо срочно провести следующее постановление по делу Тихона:

1. Следствие по делу Тихона вести без ограничения срока.

2. Тихону сообщить, что по отношению к нему может быть изменена мера пресечения, если: а) он сделает особое заявление, что раскаивается в совершенных против Советской власти и трудящихся рабочих и крестьянских масс преступлениях и выразит свое теперешнее лояльное отношение к Советской власти; б) что он признает справедливым состоявшееся привлечение его к суду за эти преступления; в) отмежуетя открыто и в резкой форме от всех контрреволюционных организаций, особенно белогвардейских, монархических организаций, как светских так и духовных; г) выразит резко отрицательное отношение к новому Карловацкому Собору и его участникам; д) заявит о своем отрицательном отношении к проискам как католического духовенства (в лице папы), так и епископа Кентерберийского и Константинопольского епископа Мелетия; е) выразит согласие с некоторыми реформами в церковной области (например, новый стиль).

В случае согласия освободить его и перевести в Валаамское Подворье, не запрещая ему церковной деятельности.

Краткая мотивировка предложения о Тихоне.

1. Необходим какой-нибудь шаг, который оправдывал бы наше откладывание дела Тихона, иначе получается впечатление, что мы испугались угроз белогвардейщины.

2. Из разговоров с Тихоном выяснилось, что при некотором нажиме и некоторых обещаниях он пойдет на эти предложения.

3. В случае его согласия также заявления с его стороны будут иметь огромное политическое значение: они спутают совершенно карты всей эмигрантщины; они явятся ударом по всем тем организациям, которые ориентировались на Тихона; Тихон явится гарантией против усиления влияния ВЦУ; его личное влияние будет скомпрометировано связью с ГПУ и его признаниями; выступление Тихона против епископа Кентерберийского, Мелетия, Антония, папы будет пощечиной прежде всего анг-

лийскому правительству и лишит в глазах европейских кругов всякого значения выступления Англии в защиту Тихона; наконец, согласие его хотя бы с какой-нибудь реформой (он согласен на признание нового григорианского календаря) делает его «еретиком» — новатором в глазах истинно православных.

ВЦУ при этом сохранит прежнее положение при значительном уменьшении влияния¹.

В этой позиции Е. М. Ярославского сказывается сформулированная еще ранее Троцким точка зрения, что для большевистского режима было бы крайне желательно сочетание в Церкви двух управленческих группировок, одинаково подконтрольных ГПУ, — тихоновской с ослабленной патриаршей властью и обновленческой с коллегиальной формой высшего церковного управления. Но какие же условия необходимо было выполнить Патриарху Тихону, чтобы получить освобождение? Ярославский сформулировал их достаточно определенно, и Политбюро на основе его предложения приняло решение об изменении меры пресечения Патриарху Тихону и освобождении его из-под стражи.

Условия, содержащиеся в постановлении Политбюро, были предъявлены Патриарху Тихону. Отныне от его решения зависело, выйдет ли он на свободу и возглавит борьбу с обновленческим движением, поставившим церковную жизнь в России на грань ее дальнейшего существования, или же, оставаясь в заключении, будучи дезинформированным относительно того, что происходит в русской церковной жизни, сделает победу обновленцев гораздо более ощутимой. Находясь уже около года в заключении, Патриарх Тихон действительно пребывал в убеждении, что обновленцы смогли одержать довольно значительную победу. Впоследствии он говорил о том, что его представление об успехах обновленцев было преувеличенным. Однако тогда главную опасность для русской церковной жизни он связывал с дальнейшим усилением обновленчества. Патриарх Тихон понимал, что многие его сторонники нуждаются в том, чтобы он вышел на свободу и возглавил борьбу с обновленческим движением, потому что для многих решения обновленческого лжесобора, отрешение Патриарха Тихона от власти представляются достаточно серьезными церковными документами, и дезавуировать их своим патриаршим возвращением было чрезвычайно важно.

Имея в виду именно эти обстоятельства, стремясь прежде всего возглавить борьбу с обновленческим движением, Патриарх Тихон

¹ Архивы Кремля. Политбюро и церковь. Кн. 1. С. 282–284.

16 июня 1923 года обратился в Верховный суд РСФСР с заявлением, в котором он так или иначе согласился на некоторые из тех требований, которые выдвигались ему в качестве условия для его освобождения большевистскими властями.

Обращаюсь с настоящим заявлением в Верховный Суд Р.С.Ф.С.Р., я считаю по долгу своей пастырской совести заявить следующее: Будучи воспитан в монархическом обществе и находясь до самого ареста под влиянием антисоветских лиц, я действительно был настроен к Советской Власти враждебно, причем враждебность из пассивного состояния временами переходила к активным действиям, как-то: обращение по поводу Брестского мира в 1918 г., анафематствование в том же году Власти и, наконец, воззвание против декрета об изъятии церковных ценностей в 1922 г. Все мои антисоветские действия за немногими неточностями изложены в обвинительном заключении Верховного суда. Признавая правильность решения суда о привлечении меня к ответственности по указанным в обвинительном заключении статьям уголовного кодекса за антисоветскую деятельность, я раскаиваюсь в этих проступках против государственного строя и прошу Верховный Суд изменить мне меру пресечения, т. е. освободить меня из-под стражи. При этом я заявляю Верховному Суду, что я отныне Советской Власти не враг. Я окончательно и решительно отмежевываюсь как от зарубежной, так и внутренней монархической белогвардейской контрреволюций.

16 июня 1923 года

Патриарх Тихон (Василий Беллавин)¹

Вскоре это заявление было опубликовано в ведущих большевистских газетах «Правде» и «Известиях», а 25 июня 1923 года состоялось решение судебной коллегии по уголовным делам Верховного суда об «изменении меры пресечения в отношении гражданина Беллавина». 27 июня 1923 года Патриарх Тихон вышел на свободу. Именно с этого времени начинается новый этап в деятельности Патриарха Тихона в истории Русской Православной Церкви. Этап, о котором он сам впоследствии скажет очень горькими, очень верными словами: «Пусть имя мое погибнет для истории, лишь бы Церковь была жива».

День своего освобождения Патриарх Тихон ознаменовал тем, что сразу отправился на Лазаревское кладбище, где в этот день происхо-

¹ Архивы Кремля. Политбюро и церковь. Кн. 1. С. 285–286.

дило погребение одного из самых выдающихся московских пастырей протоиерея Алексея Мечева. При этом Патриарх Тихон не зашел в кладбищенский храм, который в это время занимали обновленцы, тем самым продемонстрировав свое безусловное неприятие этого антицерковного движения и вменив ни во что принятые на обновленческом лжесоборе решения, касавшиеся как его самого, так и всех сторон церковной жизни. Столь же красноречивым было решение Патриарха Тихона расположиться после выхода из тюрьмы в Донском монастыре, где он провел большую часть времени своего нахождения под домашним арестом. Патриарх как будто показывал всем, что никакого подлинного освобождения не произошло и его положение следует воспринимать как пребывание в узах, а его деятельность как осуществляющуюся в условиях несвободы.

На другой день, 28 июня 1923 года, следуя условиям своего освобождения, навязанным ему Политбюро ЦК РКП(б), Патриарх Тихон подписал послание, текст которого, так же как и текст его заявления в Верховный суд РСФСР, был согласован с членами Антирелигиозной комиссии ЦК РКП(б) и которое было опубликовано 4 июля в нескольких советских газетах. Дав резко отрицательную характеристику обновленцам и дезавуировав почти все решения их лжесобора, Патриарх Тихон вынужден был озвучить требовавшиеся от него властями заявления политического и церковного характера:

Если Я в первый год существования Советской власти допускал иногда резкие выпады против нее, то делал это вследствие своего воспитания и господствовавшей на бывшем тогда Соборе ориентации. <...> Что касается Моего отношения к Советской власти в настоящее время, то Я уже определил его в своем заявлении на имя Верховного Суда, которым Я прошу изменить меру пресечения, т. е. освободить Меня из-под стражи. В этом преступлении, в котором Я признаю себя виновным, по существу виновно то общество, которое Меня, как Главу Православной Церкви, постоянно подбивало на активные выступления тем или иным путем против Советской власти. Отныне Я определенно заявляю всем тем, что их усердие будет совершенно напрасным и бесплодным, ибо Я решительно осуждаю всякое посягательство на Советскую власть, откуда бы оно ни исходило. Пусть все заграничные и внутренние монархисты и белогвардейцы поймут, что Я Советской власти не враг¹.

¹ Акты святейшего Тихона, Патриарха Московского и всея России... С. 283–285.

Здесь Патриарх Тихон так же, как он это сделал в своем обращении в Верховный суд РСФСР, выполняет требования первых трех (политических) пунктов, которые содержались в Записке председателя Антирелигиозной комиссии ЦК РКП(б) Е. Ярославского в Политбюро ЦК РКП(б).

Три заявления церковного характера Патриарху Тихону пришлось сделать в другой части текста навязанного ему большевиками послания:

Я, впрочем, еще в начале 1919 года старался отмежевать Церковь от царизма и интервенции, а в сентябре того же 1919 года выпустил к архипастырям и пастырям воззвание о невмешательстве Церкви в политику и о повиновении распоряжениям Советской власти, буде они не противны вере и благочестию. Посему, когда Нами узналось, что на Карловацком Соборе в январе 1921 года большинство вынесло решение о восстановлении династии Романовых, Мы склонились к меньшинству о неуместности такого решения. А когда в марте 1922 года стало Нам известно обращение президиума Высшего Церковного Управления Заграницей о недопущении русских делегатов на Генуэзскую конференцию, Мы упразднили самое это управление, учрежденное с благословения Константинопольского Патриарха.

...Теперь, например, приходится просить Советскую власть выступить на защиту обижаемых русских православных в Холмщине и Гродненщине, где поляки закрывают православные церкви.

Из постановлений его можно одобрить и благословить введение нового стиля календарного и в практику церковную¹.

В еще более лояльных тонах было составлено послание Патриарха Тихона от 1 июля 1923 года, написанное архиепископом Иларионом (Троицким) на основании требований Антирелигиозной комиссии и после переговоров с Е. А. Тучковым и опубликованное в советских газетах 6 июля 1923 года.

Это послание, незначительно отличаясь по своей структуре от послания от 28 июня 1923 года, более лаконично, хотя и с еще большей категоричностью воспроизводило упоминавшиеся выше заявления политического и церковного характера, но гораздо более кратко и поверхностно давало критическую оценку деятельности обновленцев. Его политическая часть была наиболее пространна:

¹ Акты святейшего Тихона, Патриарха Московского и всея России... С. 283–285.

Получив ныне возможность возобновить Свою прерванную деятельность служению Святой Православной Церкви и сознавая Свою провинность перед Советской властью, выразившуюся в ряде Наших пассивных и активных антисоветских действий, как это сказано в обвинительном заключении Верховного Суда, т. е. в сопротивлении декрету об изъятии церковных ценностей в пользу голодающих, анафематствовании Советской власти, воззвании против Брестского мира и т. д., Мы по долгу христианина и архипастыря — в сем каемся и скорбим о жертвах, получившихся в результате этой антисоветской политики. По существу, виноваты в этом не только Мы, но и та среда, которая Нас воспитала, и те злоумные люди, которые толкали Нас на эти действия. С самого начала существования Советской власти, как враги ее, они старались свергнуть ее через Церковь нашу, для чего и Меня, как Главу последней, старались использовать. Будучи бессильными побороть Советскую власть открыто и прямо, они хотели добиться ее уничтожения окольными путями, прибегая к Церкви и Ее пастырям. Сознав Свою провинность перед народом и Советской властью, Я желал бы, чтобы так поступили и те, которые, забыв свой долг пастыря, вступили в совместные действия с врагами трудового народа — монархистами и белогвардейцами и, желая свергнуть Советскую власть, не чуждались даже входить в ряды белых армий. Как ни тяжело сознаваться в этом преступлении, но Мы должны сказать хоть и горькую, но истинную правду сию. Мы осуждаем теперь такие действия и заявляем, что Российская Православная Церковь аполитична и не желает отныне быть ни «белой», ни «красной» Церковью. Она должна быть и будет Единою, Соборною, Апостольскою Церковью, и всякие попытки, с чьей бы стороны они ни исходили, свергнуть Церковь в политическую борьбу должны быть отвергнуты и осуждены.

Более резкий характер в этом послании приобрела и форма заявлений церковного характера.

...Мы в апреле месяце 1922 года на соединенном заседании Священного Синода и Высшего Церковного Совета уже осудили заграничный церковный Собор Карловацкий за попытку восстановить в России монархию из дома Романовых. Мы могли бы ограничиться этим осуждением владык, бывших на Соборе, во главе с Высокопреосвященным Антонием (Храповицким), митрополитом Киевским, если бы они раскаялись в своих поступках

и прекратили дальнейшую деятельность в этом направлении, но Нам сообщают, что они не только не прекратили, а еще более того ввергают Православную Церковь в политическую борьбу совместно с проживающими в России и за границей злоумными противниками Советской власти, принесшими немало несчастий Родине Нашей. Пусть хотя теперь они сознают это, смирятся и покаются, а иначе придется звать Преосвященных владык в Москву для ответа пред церковным судом и просить власть о разрешении им прибыть сюда.

...Пользуясь происходящей у нас неурядицей в Церкви, римский папа всяческими путями стремится насаждать в Российской Православной Церкви католицизм, и при поддержке польских властей на территории Польши уже закрываются православные храмы и многие из них обращены в костелы: так, например, в одной Холмщине закрыто более 300 церквей и оставлено всего лишь около пятидесяти.

Никакие реформы из принятых бывшим Собором Мы одобрить не можем, за исключением нового календарного стиля в церковном обращении и новой орфографии в церковных книгах, что и Мы благословляем¹.

Конечно, и стиль послания, и терминология, появившиеся в его тексте, несли на себе определенную печать политических лозунгов и идеологических стереотипов, которые внедрялись в общественное сознание большевиками. Но Патриарху Тихону приходилось отдавать этой новой политической стилистике определенную дань, выступая от имени Церкви, стремившейся сохранить возможность легального существования в стране, в которой утвердился диктаторский антицерковный режим. Подписывая это послание, Патриарх Тихон считал, что сможет достичь главной в тот трагический для Церкви момент цели: выйти на свободу для того, чтобы сплотить вокруг себя открыто остававшихся ему верными представителями духовенства и мирян, число которых заметно уменьшалось по мере усиления репрессий властей и успехов обновленцев. Впрочем, для большинства из этих активных православных христиан июньское и июльское послания Патриарха Тихона были во многом неприемлемыми, но они верили Патриарху, они понимали, что те слова, которые он вынужден был написать, объяснялись трагическими прежде всего для самого Патриарха обстоятельствами. Главным среди этих обстоятельств оказывалась проявившаяся за пять

¹ Акты святейшего Тихона, Патриарха Московского и всея России... С. 286—287.

лет пребывания у власти большевиков неспособность большей части русских православных христиан встать на защиту уничтожавшейся при их участии или при их попустительстве Русской Православной Церкви.

Гораздо сложнее складывались отношения Патриарха с некоторыми церковными иерархами. В это время главным советником Патриарха Тихона стал будущий священномученик архиепископ Иларион (Троицкий). Авторитетный богослов, молодой профессор Московской Духовной Академии и еще более молодой епископ, архиепископ Иларион считал, что в тот исторический момент обновленчество представляет главную угрозу существованию Церкви в России. Он полагал, что политические компромиссы с властью вполне допустимы, если дадут возможность развернуть активную борьбу против обновленчества, и он всячески поддерживал Патриарха Тихона в такого рода настроении. Другой не менее выдающийся церковный иерарх, в прошлом ректор Московской Духовной Академии, архиепископ Феодор (Поздеевский), наоборот, считал, что политические компромиссы, содержащиеся в посланиях Патриарха, его готовность идти и в дальнейшем на диалог с явно антихристианской властью, ставящей своей целью уничтожение Церкви, неоправданны. По мнению архиепископа Феодора, время компромиссов Церкви с большевистским государством завершилось, по существу так и не начавшись, и сейчас участие представителей церковной иерархии в каких бы то ни было акциях государственной власти категорически недопустимо. В этом весьма драматичном конфликте двух авторитетных иерархов Патриарх Тихон считал необходимым прислушаться именно к архиепископу Илариону.

Архиепископ Иларион в процессе переговоров с Е. А. Тучковым по поводу публикации патриаршего послания от 1 июля 1923 года прежде всего стремился добиться отмены инструкции Наркомюста от 27 апреля 1923 года, которая ставила проходившую в это время в стране перерегистрацию церковных приходов в трехмесячный срок в зависимости от признания причтами этих приходов обновленческого высшего церковного управления. При этом приходы, причты которых сохраняли каноническую верность Патриарху Тихону, не перерегистрировались и к осени 1923 года должны были закрываться. После публикации послания Патриарха Тихона от 1 июля 1923 года эта инструкция Наркомюста была отменена, и действовавшие в это время приходы патриаршей Церкви в своей основной части были сохранены. Получившая некоторую передышку в чере-

де бесконечных гонений, церковная иерархия начала активную борьбу против обновленцев.

Обновленцы, хотя и укрепили к этому времени свои позиции в ряде крупных городов, в особенности в Петрограде, основной массой церковного народа все-таки не были приняты. Более того, лишь на очень немногих обновленческих приходах практиковались богослужебные и канонические нововведения. В храмах у обновленцев чаще всего служилось традиционное богослужение, лишь с поминовением обновленческих органов высшего церковного управления. Значительная часть сторонников обновленцев были случайными людьми, пытавшимися просто сохранить свою жизнь и благополучие, признав ту церковную группировку, к которой, по их мнению, благоволила государственная власть. Но как только Патриарх Тихон вышел на свободу, как только он определенно заявил о своей позиции, как только многим из тех, кто по слабости и немощи пошел за обновленцами, стало ясно, что на какой-то момент власти допустили существование патриаршей Церкви в стране, многие из этих представителей духовенства стали возвращаться в патриаршую Церковь. У многих из тех, кто ушел к обновленцам не по убеждениям, а по желанию быть там, где легче сохранить себе жизнь и свободу, возникло ощущение, что Патриарх Тихон теперь займет в глазах большевистских властей то же самое место, которое занимали руководители обновленцев, и в таком случае предпочтительнее быть не с канонически сомнительными обновленцами, а с каноничным Патриархом Тихоном. И теперь эти люди возвращались, принося покаяние и вместе с тем привнося с собой свою беспринципность, готовность к компромиссам, приспособленчество, которые, увы, стали отличительной чертой многих священнослужителей советского времени. Только что потерпевшая ряд тяжелых поражений церковная иерархия как будто брала реванш в неравной борьбе с большевистским режимом. Показательно, что столь легко допуская компромиссы в области церковных деклараций политического характера архиепископ Иларион в отношении обновленчества был настроен крайне категорично. Обновленцев принимали через публичное покаяние и лишь в том сане, который был у того или иного кающегося священнослужителя до его перехода в обновленчество, все обновленческие хиротонии объявлялись неканоническими и безблагодатными, храмы же, в которых служили обновленцы, нарочито переосвящались, как это делается с храмами, в которых служили еретики. Впрочем, в некоторых случаях могли иметь место исклю-

чения, когда обновленческие хиротонии признавались, если в них участвовали епископы синодального и патриаршего поставления.

Показательна история с публичным покаянием одного из самых выдающихся иерархов Русской Церкви, поддержавшего обновленцев, митрополита Сергия (Страгородского). 27 августа 1923 года митрополит Сергей в монашеской рясе и скуфье без пангии приехал в Донской монастырь, где в это время совершал богослужение Патриарх Тихон, и скромно стал среди монахов, которые даже не подходили к нему под благословение. После запричастного стиха, преклонив колени, митрополит Сергей прочел акт об отречении от обновленческого раскола и положил перед Патриархом земной поклон. Затем они трижды облобызались, Патриарх надел на митрополита Сергия архиерейский крест и пангию, иподьяконы Патриарха облачили его в архиерейскую мантию, и архиепископ Иларион вручил ему белый клобук. Так иерарх, признание которым обновленцев способствовало притоку к ним многих священнослужителей, вернулся в патриаршую Церковь, тем самым нанеся престижу обновленчества большой урон. И это уже было не первое публичное покаяние. В Москве обновленческие приходы один за другим возвращались в лоно патриаршей Церкви, от многих епископов, еще старого синодального поставления, поддержавших обновленцев, стали приходиться покаянные грамоты.

К осени 1923 года Москва уже в значительной степени освободилась от обновленчества, но Петроград оставался его цитаделью. Достаточно сказать, что из 123 действующих тогда в Петрограде храмов 118 были обновленческими. Понимая сложность ситуации, сложившейся в городе на Неве, Патриарх Тихон решил направить на Петроградскую кафедру, остававшуюся свободной после расстрела митрополита Вениамина, архиерея, авторитет которого был бы безусловен и непререкаем. Таковым представлялся ему архиепископ Феодор (Поздеевский), который не только был настроен непримиримо в отношении обновленчества, но считал неприемлемой любую политику дальнейших уступок богоборческой власти. Показательно, что Патриарх Тихон не склонен был инкриминировать архиепископу Феодору резкую критику, которой тот подвергал его политику уступок властям, и, вероятно имея в виду его принципиальность и бескомпромиссность, назначил его на Петроградскую кафедру. Однако архиепископ Феодор отказался ехать в Петроград, и Патриарх Тихон направил туда другого архиерея, только что возведенного в епископский сан и хорошо известного в Петрограде Манила (Лемешевского). Он не был крупным богословом, даже сам

внешний облик его — небольшой рост, несколько косноязычная речь — не предвещал его будущую победу над обновленцами. Но его глубокая молитвенно-аскетическая жизнь, его известность петроградскому простонародью делали епископа Мануила весьма авторитетным архипастырем для церковной жизни города.

Прибыв в Петроград 29 сентября 1923 года, епископ Мануил пять месяцев, можно сказать, «денно и ночью» служил и проповедовал в петроградских храмах. В начале в его распоряжении в Петрограде находилось только пять храмов, но после пяти месяцев служения уже 83 храма вернулись в лоно патриаршей Церкви. Епископ Мануил принимал обновленцев через публичное покаяние особым образом: кающиеся обновленцы не просто являлись народу и объявляли о своем грехе, но читали Символ веры, тем самым подчеркивая, что их пребывание в обновленчестве носило еретический характер. Авторитет епископа Мануила несказанно вырос за эти месяцы, а обновленцы терпели сокрушительное поражение теперь уже и в своей бывшей цитадели. Это вызвало гнев властей, и вскоре приехавший в Москву епископ Мануил был арестован вместе с группой других священнослужителей, активно боровшихся с обновленцами.

Власти не ожидали столь быстрого крушения обновленчества и уже летом 1923 года стали предпринимать усилия для активизации этого движения. В июле вместо яркого, но часто непокорного властям митрополита Антонина главой Высшего Церковного Совета был назначен митрополит Евдоким (Мещерский) — назначен именно властями, ибо все решения обновленцев были, по существу, инспирированы Е. А. Тучковым. Евдоким был довольно известным иерархом, имевшим еще синодальную хиротонию и в то же время готовым отстаивать позиции обновленчества. На какое-то время из состава Высшего Церковного Совета были выведены наиболее дискредитировавшие себя своей беспринципной борьбой с Патриархом Тихоном Владимир Красницкий и Александр Введенский, а сам Высший Церковный Совет был переименован в Священный Синод Православной Российской Церкви. Но эти меры уже не могли ни у кого создать впечатления о появлении какого-то более respectable обновленчества.

Обновленцы начали с того, что заявили властям о своей готовности безусловно сотрудничать с ними во всех сферах жизни. О том, что это сотрудничество должно было принять самые отвратительные, самые безнравственные формы, свидетельствовала вся практика обновленчества первых лет его существования. Обновленцы действительно стали оплотом агентуры ГПУ в Церкви, они были

готовы и весь авторитет Церкви принести в жертву господствующей идеологии. Показателен эпизод с реакцией как Патриарха Тихона, так и обновленческого синода на смерть Ленина в январе 1924 года. Понимая, что его попытки добиться легального существования Церкви в Советской России предполагают дипломатически выдержанное отношение к происходящим в стране событиям, Патриарх Тихон официально отозвался на смерть большевистского вождя следующим обращением в газету «Известия»: «Прошу через вашу газету выразить Мое соболезнование правительству Союза Советских Республик по поводу тяжелой утраты, понесенной им в лице неожиданно скончавшегося Председателя Совета Народных Комиссаров В. И. Ульянова (Ленина). Патриарх Тихон»¹. Его достаточно сдержанное, но вполне отвечающее требованиям дипломатического этикета обращение не было опубликовано в газете «Известия», правительственной газете советского государства, но появилось в газете «Безбожник» с резкими и злобными комментариями, сводившимися к тому, что, лицемерно выражая соболезнование по поводу смерти Ленина, Патриарх Тихон, как многие контрреволюционеры, пребывает в радости и ликования. Большевикам была нужна другая Церковь, другие церковные иерархи, которые бы говорили обо всем происходящем на их языке. Выразительно контрастировало как в содержательном, так и в стилистическом отношениях с соболезнованием Патриарха Тихона послание по поводу смерти Ленина председателя обновленческого синода архиепископа Евдокима, обращенное к М. И. Калинин, которое было напечатано в газете «Известия» и органично вошло в ряд многих публиковавшихся тогда соболезнований. Сейчас трудно представить атмосферу, в которой могло появиться это послание, но именно такого послания ожидали тогда от Церкви большевистские вожди.

Священный синод Российской православной церкви выражает Вам искреннейшее сожаление по случаю смерти великого освободителя нашего народа из царства векового насилия и гнета на пути полной свободы и самоустроения. Да живет же непрерывно в сердцах оставшихся светлый образ великого борца и страдальца за свободу угнетенных, за идеи всеобщего подлинного братства и ярко светит всем в борьбе за достижение полного счастья людей на земле. Мы знаем, что его крепко любил народ. Пусть могила эта родит еще миллионы новых Ленинов и соединит всех в единую великую братскую, никем неодолимую семью. И грядущ-

¹ Акты святейшего Тихона, Патриарха Московского и всея России... С. 311–312.

щие века да не изгладят из памяти народной дорогу к этой могиле, колыбели свободы всего человечества.

Кажущиеся сейчас весьма двусмысленными, почти издевательскими слова о могиле как колыбели свободы всего человечества приобретали тогда совершенно буквальный смысл. Действительно, в условиях советского тоталитарного режима свобода была доступна лишь в могиле. Но в стилистике официальной советской пропаганды слова митрополита Евдокима звучали вполне органично.

Великие покойники часто в течение веков говорят уму и сердцу оставшихся больше, чем живые. Да будет же и эта отныне безмолвная могила неумолкаемой трибуной из рода в род для всех, кто желает себе счастья.

Действительно, на протяжении многих десятилетий трибуна мавзолея была трибуной именно для тех, кто желал себе счастья любой ценой и ради этого часто по трупам своих же однопартийцев забирался на вершину партийной иерархии.

Ну и наконец, последние, очень выразительные слова: «Вечная память и вечный покой твоей многострадальной христианской душе»¹. Евдоким писал то, что ожидали от него власти, унижая Церковь, принося ее авторитет в жертву официальной пропаганде. Он верно угадывал тенденцию, наметившуюся в официальной пропаганде в это время. Он почувствовал, что назревал новый этап в почитании Ленина, почитании посмертном, в котором, безусловно, будут иметь место элементы нового религиозного культа. И, составляя свое послание, Евдоким как будто принимал эту тенденцию как указание к действию по интеграции голоса Церкви в хор пропагандистских валькирий, в котором по мере дальнейшего существования богоборческого коммунистического деспотизма будут все явственнее звучать квазирелигиозные темы. Действительно, тело Ленина будет мумифицировано и выставлено в мавзолее, который возведет выдающийся знаток культовой архитектуры А. В. Щусев, строивший в том числе храмы и монастыри. Мавзолей, созданный А. В. Щусевым, удивительным образом повторит очертания языческого капища, месопотамского зиккурата или египетской пирамиды, а мумифицированное тело Ленина станет первыми квазимощами в пантеоне коммунистических вождей, которые со временем появятся во многих странах мира. И это будет происходить тогда, когда многие мощи подлинных святых будут изыматься, попирались или уничтожаться.

¹ Известия ВЦИК. 1924. 25 янв. № 29.

Осенью 1923 года после неудачной попытки Е. А. Тучкова склонить Патриарха Тихона к переговорам с обновленческим синодом последовал ряд арестов в ближайшем окружении Патриарха. В частности, арестовали такого непримиримого противника обновленчества, как архиепископ Иларион, которому суждено было, проведя более пяти лет в Соловецком лагере особого назначения, умереть в 1929 году от тифа в тюремной больнице в Петрограде при переезде в казахстанскую ссылку. Патриарху Тихону неоднократно указывалось на то, что как продолжающий находиться под следствием и находящийся на свободе лишь в порядке изменения ему меры пресечения он может быть вновь арестован. Именно в это время на рубеже 1923–1924 годов возникла новая, весьма опасная перспектива для церковной жизни, когда происками властей Патриарх Тихон был поставлен перед суровой необходимостью выбора между допущением какого-либо компромисса с обновленцами, по крайней мере с одной из их группировок, и возможностью новых репрессий по отношению к нему и целому ряду наиболее преданных Патриарху церковных иерархов, которые вновь могли поставить под угрозу само существование каноничной высшей церковной власти в России.

Обновленческое движение состояло из весьма разнообразных представителей духовенства, среди которых были как люди, преданные обновленческим идеям, которые в это время группировались вокруг обновленческого синода, возглавлявшегося архиепископом Евдокимом, так и люди, оказавшиеся среди обновленцев либо по прагматическим соображениям, либо в силу случайного стечения обстоятельств, которые группировались в самой массовой обновленческой организации «Живая Церковь», возглавлявшейся Владимиром Красницким. 15 января 1924 года Патриарх Тихон выпустил послание о непризнании каноничности обновленческого синода, а 15 апреля того же года запретил в священнослужении и предал церковному суду группу обновленческих иерархов, группировавшихся вокруг синода. Владимир Красницкий, который никогда не был идейным обновленцем, к этому времени почувствовал обреченность данного движения, и его покровители в ГПУ поставили перед Красницким задачу внедриться с группой своих сторонников в органы высшего церковного управления. Под давлением властей в марте 1924 года Патриарху Тихону пришлось начать переговоры с группировкой живоцерковников.

Желая оказать новое давление на Патриарха Тихона, власти даже задействовали Вселенского Патриарха Григория VII, который 6 мая

1924 года вынужден был выпустить постановление об отстранении Патриарха Тихона от управления Русской Православной Церковью и о своем признании в качестве законной власти обновленческого синода. Мало кем признававшийся кемалистский режим в Турции и советский режим в России оказались в тесном альянсе. Проводивший политику секуляризации как в отношении ислама, так и в отношении христианства Мустафа Кемаль, впоследствии названный Ататюрком, отцом турок, установил в стране антирелигиозный авторитарный режим. В это время дипломатические отношения Советской России и кемалистской Турции переживали период бурного расцвета. Используя своего союзника Мустафу Кемалья для давления на Константинопольского Патриарха, большевики добились того, что Вселенский Патриарх, оперируя своим правом быть третейским судьей во внутренних конфликтах Поместных Церквей, вмешался в противостояние Патриарха Тихона и обновленцев, заняв сторону последних. Патриарх Тихон проигнорировал послание Константинопольского Патриарха и в ответе ему в июне 1924 года указал на то, что Вселенская Патриархия не вправе вмешиваться в дела другой православной Поместной Церкви.

Этот международный акт давления на Патриарха Тихона свидетельствовал о намерении властей с самых неожиданных сторон воздействовать на патриаршую Церковь в целях ее превращения в полностью контролируемый ГПУ религиозно-общественный институт, подобный обновленческой церковной организации. В переговорах с Патриархом Тихоном и его ближайшим сподвижником и советником митрополитом Петром (Полянским) Е. А. Тучков в это же время вновь поднял вопрос о необходимости получить регистрацию органов высшего церковного управления для патриаршей Церкви, то есть получить легальный статус существования в Советской России, который, возможно, избавит православных иерархов от дальнейших репрессий. В этот период времени единственным религиозным институтом, который юридически признавался советским законодательством, была группа из двадцати человек, «двадцатка», которая имела право подавать в местный совет заявление о регистрации в том или ином храме прихода. При удовлетворении местным советом заявления храм передавался «двадцатке», которая могла пригласить священника для совершения богослужения, но при этом всю ответственность за происходящее в храме должна была нести именно «двадцатка». Ни епархиальное, ни патриаршее управление не имело никакого правового статуса, их юридически для государства не существовало. В переговорах

с Патриархом Тихоном и его советниками Е. А. Тучков связывал возможность предоставления регистрации органам высшего и епархиального церковного управления, а значит, и перспективу прекращения репрессий против Церкви, органы которой будут юридически признаны, с принятием Патриархом определенных политических требований власти. В данном случае Е. А. Тучков подчеркивал, что введение Красницкого и ряда его сторонников в Высший Церковный Совет может способствовать изменению позиции власти в этом вопросе и привести к тому, что высшее церковное управление патриаршей Церкви, подобно обновленческому высшему церковному управлению, будет признано в советском государстве как правовой институт. Патриарх Тихон, воспитанный в правовых традициях Российской империи, в которой закон во многом определял развитие общественной, социальной и религиозной жизни, действительно считал, что регистрация высшего церковного управления патриаршей Церкви позволит православным христианам получить какие-то правовые гарантии. Ему, как очень многим его современникам, воспитанным в традициях правового государства, каковым, безусловно, была Российская империя, трудно было представить, что для большевиков закон является весьма условным понятием, что обещание регистрации, даже представление ее не даст гарантий избавления православных христиан от репрессий, а церковной жизни от вмешательства властей.

Испытывая, с одной стороны, давление, а с другой, получая обещания о предоставлении регистрации, Патриарх Тихон в мае 1924 года достиг соглашения, в соответствии с которым 19 мая Патриарх наложил на заявление Владимира Красницкого о принятии в молитвенное общение членов «Живой Церкви» резолюцию: «Ради мира и блага церковного, в порядке патриаршей милости, согласен принять в общение протопресвитера Владимира Красницкого, Священному Синоду предлагаю обсудить вопрос о включении его в состав образуемого Высшего Церковного Совета»¹. 21 мая 1924 года Постановлением Патриарха Тихона и Священного Синода Владимир Красницкий и еще пять членов «Живой Церкви» были включены в состав Высшего Церковного Совета². Тем самым представители этой обновленческой организации уже без формального покаяния смогли не просто вернуться в церковное общение, но войти в управленческую структуру Русской Православной Церкви.

¹ Акты святейшего Тихона, Патриарха Московского и всея России... М., 1994. С. 317.

² Там же. С. 318–319.

Немало сторонников Патриарха Тихона восприняли это его решение как очередной после перехода на лояльную политическую позицию по отношению к большевистскому режиму и введения нового календарного стиля компромисс с обновленцами. Преодоление обновленческого соблазна в области вероучительной, канонической и богослужебной поставило нашу Церковь перед другим не менее серьезным соблазном — соблазном воспринять от обновленчества политическую беспринципность и склонность к мировоззренческим компромиссам. Большевикам нужна была именно такая Церковь, пусть даже с сохраненным вероучением, но политически послушная и мировоззренчески их поддерживающая.

В этот трагический как для самого Патриарха Тихона, так и для всей Русской Православной Церкви момент произошла историческая встреча Патриарха с митрополитом Кириллом (Смирновым), будущим священномучеником и архипастырем, которому суждено было по существу отстоять честь и достоинство гонимой и униженной Русской Церкви в XX веке. Вот как об этой встрече вспоминал современник этих событий будущий священноисповедник епископ Афанасий (Сахаров):

...в 1924 г. владыка Кирилл возвращался из Зырянского края, и ему было предписано явиться в Москву к Тучкову, никуда по дороге не заезжая. Однако владыка Кирилл первым делом все же отправился к Патриарху, который только что подписал согласие принять в общение обновленца Красницкого. На вопрос, зачем Святейший это делает, митрополит Кирилл услышал ответ: «Я болею сердцем, что столько архипастырей в тюрьмах, а мне обещают освободить их, если я приму Красницкого». На это владыка Кирилл сказал: «Ваше Святейшество, о нас, архиереях, не думайте. Мы теперь только и годны на тюрьмы...» Святейший вычеркнул фамилию Красницкого из только что подписанной бумаги, а владыка Кирилл отправился к Тучкову, где при разговоре на ту же тему — о Красницком — его упрекнули в том, что он не слушается Святейшего, который хочет принять Красницкого. «Не понимаю, — сказал владыка Кирилл, — год тому назад на этом самом месте вы меня обвиняли в чрезмерном повиновении Патриарху, а теперь требуете обратного!»¹

Обычно эти слова митрополита Кирилла истолковываются как слова мужественного мученика, смиренно принимающего свою

¹ Анушкина Е. В. Крестный путь преосв. Афанасия Сахарова // Вестник РСХД. 1973. № 107. С. 186.

тяжелую долю. А между тем этот один из самых достойных не просто иерархов, а именно архипастырей Русской Православной Церкви XX века духовно трезво с мучительной для него прозорливостью сознавал вину церковной иерархии за переживаемую Церковью в России духовно-историческую катастрофу, ибо впавший в своем большинстве в страшный соблазн богоборчества русский православный народ уже девятьсот лет был окормляем православными пастырями, которых теперь преследовал и уничтожал. Не значило ли это, что поколения русских православных священнослужителей не смогли сделать наш народ таким, чтобы он не соблазнился, не искусился? И может быть, те гонения, которые сейчас испытывает Церковь, те страдания, которые переживают ее пастыри, — это своего рода искупление греха их предшественников за недолжное отношение к своим пасомым. Патриарх Тихон прислушался к просьбе митрополита Кирилла, в июле 1924 года прервал все отношения с живоцерковниками и впоследствии отменил новый календарный стиль, а митрополит Кирилл отправился в очередную из своих ссылки, которые будут сопровождать его постоянно вплоть до мученической кончины в 1937 году.

Победа над обновленцами в 1924 году была достигнута, и обновленчество было обречено на дальнейшее крушение, но проблем у Православной Церкви от этого меньше не становилось. Компромиссы, на которые пошел Патриарх Тихон в отношениях с властью, потребовали от него определенных заявлений, но власти по-прежнему отказывались предоставить Церкви регистрацию, то есть придать легальный правовой статус органам высшего церковного управления. Терявшие свои позиции обновленцы были властью официально признаны, а высшее церковное управление патриаршей Церкви, или, как ее тогда называли, тихоновской Церкви, пребывало в правовом вакууме. Власти требовали от Патриарха новых уступок, за которые они по-прежнему обещали Патриарху Тихону признать наконец правовой статус органов высшего церковного управления и епархиального управления.

В конце 1924 года, ощущая тщетность своих попыток добиться от властей регистрации органов высшего церковного управления, Патриарх Тихон все более и более осознавал, что никаких правовых гарантий Церковь так и не получит, если не пойдет на исполнение всех условий, которые выдвигались Е. А. Тучковым. А между тем среди этих условий стало все чаще подчеркиваться нечто новое. Наряду с прежними требованиями о необходимости для Патриарха периодически делать лояльные заявления по отношению к

советской власти и подвергнуть наконец зарубежный епископат не только критике, но и каноническим прещениям, Патриарх Тихон должен был согласиться на то, чтобы все назначения епископов предварительно согласовывались им с ГПУ. Но ни Патриарх Тихон, ни митрополит Петр не соглашались исполнить именно это требование власти. Показательно было то, что именно в это время, в начале декабря 1924 года, на Патриарха было совершено очередное, уже не первое покушение: злоумышленники ворвались в его покои в Донском монастыре и убили его келейника Я. А. Полозова, много лет верно служившего Патриарху и закрывшего его в тот момент своим телом. Это покушение недвусмысленно говорило о том, что власти ждут от Патриарха новых компромиссов и в своем давлении на него готовы пойти даже на его физическое устранение из церковной жизни.

Состояние здоровья Патриарха Тихона накануне праздника Рождества Христова резко ухудшилось, и, предчувствуя, что обострившиеся заболевания — стенокардия и пиелонефрит — могли привести к неожиданной кончине, Патриарх Тихон 7 января 1925 года написал распоряжение о передаче своих полномочий одному из трех Местоблюстителей. В данном случае, как это уже имело место ранее, Патриарх Тихон выполнял поручение Поместного Собора, который уполномочил его назначить своих преемников с передачей им полноты патриарших прав на тот случай, если Патриарх не сможет возглавлять высшее церковное управление, а Собор созван не будет. Написав это распоряжение, Патриарх Тихон принял решение активно начать в больничных условиях свое лечение. Его жизнь и его смерть имели смысл, далеко выходящий за рамки жизни и смерти простого человека. От его здоровья, от его жизни в тот момент, как казалось многим, зависела дальнейшая судьба Церкви в России.

Решение Патриарха лечь в одну из частных клиник Москвы вызвало большую тревогу среди православных христиан. В Москве вскоре распространилась история, возможно не имевшая под собой реальной подоплеки, о том, что главный врач клиники Бакунина, когда туда приехал Патриарх Тихон, встретил его при входе и встал перед ним на колени, упрашивая не ложиться в больницу, ибо он не мог гарантировать благополучного исхода лечения. Соответствует эта история реальности или нет, сказать сложно, но то, что этот рассказ был воспринят современниками как безусловно соответствующий действительности, свидетельствует о том, что предчувствие надвигающейся смерти Патриарха овладело многими.

В палате, куда поместили Патриарха, не было иконы, и Патриарх распорядился, чтобы его келейник Т. Пашкевич, бывший осведомителем ГПУ (о чем Патриарх Тихон, вероятно, не знал), принес икону из ближайшего, Зачатьевского женского монастыря. Этой иконой оказалась икона Благовещения Пресвятой Богородицы, которая и стояла в палате Патриарха все время пребывания его в больнице. Патриарх приступил к своему лечению, которое скоро стало давать положительные результаты, и Патриарх Тихон, продолжая находиться в больнице, все более и более активно участвовал в решении вопросов церковной жизни. Митрополит Петр посещал его в больнице каждый день с сообщениями о переговорах с Е. А. Тучковым. Одним из главных вопросов переговоров в это время был вопрос о написании нового послания Патриарха, которое должно было выглядеть еще более верноподданническим, чем все предыдущие. При этом Е. А. Тучков настойчиво продолжал напоминать о требовании поставить под контроль ГПУ кадровую политику Церкви в области назначения епископов как о наиболее важном условии предоставления патриаршей Церкви регистрации ее органов высшего церковного управления. Когда состояние здоровья Патриарха Тихона улучшилось, он стал выезжать на богослужения, вызывавшие большое стечение народа, и, конечно же, все это время он находился под очень пристальным наблюдением не только врачей, но и сотрудников ГПУ. Переговоры о тексте патриаршего послания велись между митрополитом Петром и властями не одну неделю. Приносившиеся митрополитом Петром варианты послания нередко вызвали критику Патриарха, и, конечно же, его дискуссии с одним из самых близких ему церковных иерархов, каким был митрополит Петр, глубоко травмировали Патриарха Тихона. Только в канун праздника Благовещения Пресвятой Богородицы Патриарх Тихон и митрополит Петр окончательно согласовали вариант послания.

Патриарх Тихон приехал после богослужения праздника Благовещения утомленный и все-таки подписал окончательный, казалось тогда, текст своего послания, который митрополит Петр вновь должен был доставить на просмотр Е. А. Тучкову. К вечеру Патриарху стало хуже, температура неожиданно повысилась, приехавшие врачи обратили внимание на отек в горле, на воспаление десны, из которой незадолго до этого были удалены несколько зубных корней, но тем не менее серьезных опасений состояние здоровья Патриарха не вызвало, и поздним вечером он остался один. Состояние стало резко ухудшаться, и в 23 часа 45 минут в праздник Благовещения,

перекрестившись трижды на икону Благовещения и произнеся трижды «Слава тебе, Боже!», Патриарх Тихон скончался.

Незамедлительно был вызван митрополит Петр, но еще раньше него в клинике появились представители власти.

Скоропостижная смерть Патриарха действительно оказалась неожиданной. И то, что накануне кончины он подписал свое, оказавшееся последним, послание, могло вызвать серьезные кривотолки. Уже тогда версия об отравлении Патриарха Тихона в больнице стала широко распространяться среди православных христиан, как впоследствии широко распространится версия о подложности его последнего послания. Хотя в последние годы многие документы, содержащие когда-то глубоко засекреченную информацию о политике государства в отношении Церкви, сейчас становятся известными исторической науке, по вопросу о кончине Патриарха Тихона в настоящее время мы имеем среди опубликованных, пожалуй, лишь один значительный документ, который если и не проясняет обстоятельств его смерти, то дает пищу для размышлений. 8 апреля 1924 года было вынесено постановление Политбюро ЦК РКП(б) по поводу смерти Патриарха на основе записки начальника секретного отдела ГПУ Т. Д. Дерибаса, который представил информацию о происшедшем.

Строго секретно. Прилагается записка начальника секретного отдела ОГПУ Дерибаса в ЦК РКПБ Мехлису. Товарищам Стеклову («Известия ВЦИК»), Ульяновой М. И. («Правда»), Далецкому («Рост»), Крумину («Экономическая жизнь»), Смирнову («Рабочая газета»), Яковлеву («Крестьянская газета» и «Беднота»), Верхотурскому («Московский рабочий»), Меньжинскому.

Слушали опросом членов Политбюро ЦК сообщение ОГПУ о смерти Тихона.

Постановили от 8 апреля 1925 года. Не печатать в сегодняшних вечерних газетах сообщение о смерти п. Тихона. В обычном газетном порядке поместить на видном месте сообщение в газетах за 9 апреля, ограничившись извещениями: где и в чьем присутствии умер, от какой болезни, кто лечил.

Секретарь ЦК

Записка начальника секретного отдела ГПУ Т. Д. Дерибаса помощнику генерального секретаря ЦК РКП(б) Л. З. Мехлису:

Тов. Мехлису

7. IV.25 года в 23 часа 45 минут умер в больнице Бакунина по Остоженке, 19 патриарх Тихон в присутствии постоянно лечив-

ших его врачей: Е. Н. Бакуниной, Н. С. Щелкан и послушника Тихона Пашкевича.

Смерть произошла от очередного приступа грудной жабы.

Кроме перечисленных врачей Тихона консультировали профессора: Кончаловский, Шервинский, Плетнев, ассистент Кончаловского доктор Покровский, бывавший у Тихона ежедневно.

В день смерти у Тихона, кроме того, была консультация специалистов по уху, горло и носу из профессоров Свержевского и докторов Енкина и Мещерского. Утром 8 апреля Тихон был, после предварительного обряда, доставлен архиереями в свою квартиру в Донском монастыре, где и предположены его похороны. Желательно, чтобы пресса сообщением такого порядка и ограничилась.

Начальник секретного отдела ГПУ Дерibas¹

Именно это сообщение появилось в газетах 9 апреля 1925 года.

Вышеприведенный документ не дает ясной картины обстоятельств смерти Патриарха Тихона. Возможность открытого, письменно зафиксированного обсуждения на заседании Политбюро вопроса о физическом устранении Патриарха Тихона должна быть исключена изначально. Однако внимание Политбюро к смерти Патриарха, экстренное рассмотрение этого вопроса, четкие указания по данному вопросу руководителям всех ведущих большевистских газет свидетельствуют о том, что смерть Патриарха Тихона вызвала большую озабоченность членов Политбюро. Прямо ничто не указывает на то, что Патриарх Тихон был отравлен, и в настоящее время можно строить версии лишь по косвенным данным. Безусловно, если бы властям было необходимо ликвидировать Патриарха Тихона в больнице, они бы сделали это, нисколько не смущаясь и не обсуждая эти решения на заседании Политбюро. Ведь через полгода таким образом будет ликвидирован в больнице герой гражданской войны М. В. Фрунзе. Но было ли выгодно властям в данный момент ликвидировать Патриарха Тихона физически? Скорее всего, нет. Ибо тяжелобольной Патриарх, только что подписавший весьма приемлемое для властей послание, в тот конкретный момент не представлял собой серьезной опасности для большевистских вождей. Видимо, смерть его стала неожиданной и для советского руководства.

Вскоре после смерти тело Патриарха Тихона было доставлено в Донской монастырь, где несколько дней проходило прощание православного народа с Патриархом. В Москву съехались почти

¹ Архивы Кремля. Политбюро и церковь. Кн. 1. С. 296–298.

шестьдесят архиереев, что было беспрецедентным после Собора 1917—1918 годов собранием русского православного епископата в столице, и 12 апреля в Донском монастыре состоялось торжественное погребение Патриарха Тихона.

После погребения Патриарха, 12 апреля 1925 года, на собрании всех съехавшихся в Москву архиереев митрополитом Петром было оглашено завещание Патриарха Тихона. На основе его было принято следующее постановление этого по сути дела стихийно возникшего Архиерейского Собора, которого власти старались не допускать все эти годы и который все-таки состоялся в связи с кончиной Патриарха.

Убедившись в подлинности документа и учитывая 1) то обстоятельство, что почивший Патриарх при данных условиях не имел иного пути для сохранения в Русской Церкви преемства власти и 2) что ни митрополит Кирилл, ни митрополит Агафангел, не находящиеся теперь в Москве, не могут принять на себя возлагаемых на них вышеприведенным документом обязанностей, Мы, Архипастыри, признаем, что Высокопреосвященный митрополит Петр не может уклониться от данного ему послушания и во исполнение воли почившего Патриарха должен вступить в обязанности патриаршего Местоблюстителя¹.

Тут же был принят и циркуляр о поминовании митрополита Петра как Местоблюстителя Патриаршего Престола. Митрополиты Кирилл (Смирнов) и Агафангел (Преображенский) в это время находились в ссылках. Но доверие Патриарха именно к ним указывало то, что они были поставлены первыми в перечне его Местоблюстителей, они обладали огромным авторитетом и в Церкви. Эти обстоятельства делали вступление митрополита Петра на пост Местоблюстителя несколько сложным, но все архиереи в результате безусловно пришли к выводу, что, коль скоро два первых Местоблюстителя находятся в ссылках, митрополит Петр в этот ответственный момент должен возглавить русскую церковную иерархию, ибо решением Поместного Собора Патриарх Тихон передавал своему Местоблюстителю всю полноту власти. Сразу же после этого решения митрополит Петр подписал акт о восприятии власти Местоблюстителя и уже на следующий день, 13 апреля, в сопровождении митрополита Тихона (Оболенского) отправился в газету «Известия», где оставил текст последнего патриаршего послания, до этого оглашенного на епископском совещании.

¹ Акты святейшего Тихона, Патриарха Московского и всея России... С. 413.

В связи с дискуссиями по поводу подлинности послания, которые уже многие десятилетия идут как в научной, так и в церковной среде, следует отметить, что ни сам митрополит Петр, участвовавший в его составлении, ни епископы, приехавшие в Москву на похороны Патриарха Тихона, не оспаривали подлинности патриаршего послания или, по крайней мере, не выступали с его критикой ни до, ни после его опубликования, а среди них было немало тех, кто впоследствии будет резко отрицать политику митрополита Сергия и выступать против каких бы то ни было компромиссов с властями, и многие из них примут в конечном итоге мученическую кончину. Это показывает, что послание Патриарха Тихона от 7 апреля 1925 года было документом, опубликование которого, по мнению большинства архиереев той эпохи, было необходимо. В этом послании нет ничего качественно нового, что не содержалось бы в посланиях Патриарха Тихона 1923 года. Конечно, принять его в целом весьма тяжело, потому что Патриарх Тихон вновь был вынужден хотя бы на словах, хотя бы в некоторых моментах выступать с позиции, которая навязывалась ему властями. Но речь тогда шла о сохранении церковной жизни в условиях, когда всеильное тоталитарное государство стремилось ее уничтожить, а подавляющее большинство церковного народа оказалось неспособным защитить свою Церковь ни кампаниями гражданского неповиновения, ни более жесткими средствами борьбы. Существует свидетельство одного православного москвича, который, описывая прощание с Патриархом Тихоном многих тысяч православных московских обывателей, задавался вопросом, а где же были эти люди раньше, когда Патриарх Тихон целый год томился в Донском монастыре, где были эти люди, когда расхищалось церковное имущество из православных храмов, происходило надругательство над церковными святынями, над мощами святых, когда закрывались знаменитые московские храмы и монастыри и Патриарху Тихону одному приходилось искать трудные пути сохранения церковной жизни в условиях, когда народ, по большей части, безмолвствовал. В этих условиях очередное послание Патриарха не кажется сейчас таким уж большим компромиссом. И все же в послании есть фрагменты, которые заставляют предполагать, что оно подверглось определенному рода корректировке перед опубликованием его в газете «Известия», возможно, даже без согласования с митрополитом Петром. Но и после опубликования данного послания никаких попыток оспорить его смысл, его содержание в русском епископате не было.

Патриарх Тихон был торжественно погребен в Донском монастыре. Его пасомые, нередко вольно или невольно предававшие его, в этот день в большом числе пришли проститься с ним. И может быть, в это самое время для многих из них стало очевидно, что это — прощание не только с русским первосвятителем, который после 200-летнего перерыва попытался возродить и продолжить служение русских патриархов. Это было прощание с прежней Россией. С той Россией, которая уходила в прошлое, может быть, со склоненной головой, но с ненадломленным духом. Уступив во многих отношениях властям в сфере политической, Патриарх Тихон отстаивал незыблемость основ православной веры, независимость от государственной власти в канонических принципах служения церковной иерархии, традицию литургической жизни Православной Церкви, которая составляла самое главное в жизни поколений церковных людей на протяжении многих веков. Почти сбылись его страшные пророческие слова о самом себе. «Пусть имя мое погибнет для истории, лишь бы Церковь была жива». Но оставшаяся в живых Церковь, которой суждено было претерпеть такие гонения, которые Патриарх Тихон не мог даже представить себе при жизни, выстояла и через шестьдесят лет после кончины Патриарха Тихона прославила его в лике святых. Имя его не погибло, и Церковь осталась жива. В этой удивительной тайне спасения Церкви через подвиг ее пусть и немногочисленных, но верных чад заключался дальнейший смысл русской церковной истории, истории гонимой Русской Православной Церкви.

Священномученик Местоблюститель Патриаршего Престола митрополит Крутицкий Петр (Полянский). Жизнь и труды до заключения в узы в 1925 году

Ставший преемником Патриарха Тихона митрополит Крутицкий Петр (Полянский) по каким-то причинам воспринимался Е. А. Тучковым как иерарх, более склонный к компромиссам, нежели его предшественник. И это несмотря на то, что с конца 1923 года митрополит Петр, будучи ближайшим советником патриарха Тихона, единодушно с ним выступал в переговорах с Е. А. Тучковым, отстаивая все более и более ущемлявшиеся, но все-таки остававшиеся в основе своей не поправными права Церкви свободно определять свою внутреннюю жизнь. Возможно, нетипичный для большинства русских архиереев жизненный путь митрополита Петра, многие годы бывшего высокопоставленным синодальным чиновником, отсутствие у него значительного авторитета среди русского епископата, наконец, особенности его, как отмечали современники, сангвинического характера располагали Е. А. Тучкова к подобного рода иллюзиям.

Священномученик митрополит Петр (в миру Петр Феодорович Полянский) родился 28 июня 1862 года в селе Сторожевое Коротоякского уезда Воронежской губернии в семье приходского священника. В 1875 году поступил в Костромское духовное училище, после которого обучался в Воронежской духовной семинарии, которую окончил в 1885 году по первому разряду.

О следующем этапе жизни будущего митрополита Петра (Полянского) оставил весьма выразительную зарисовку другой будущий выдающийся русский митрополит Евлогий (Георгиевский), бывший его соучеником по Московской Духовной Академии:

Петр Федорович Полянский окончил Воронежскую семинарию и служил где-то в Тамбовской епархии псаломщиком; его устроил на это место его дядя, тамбовский архиерей. Вообще среди высшего духовенства у него было много влиятельной родни. Прошло несколько лет — его потянуло в Академию. Но свежесть знаний у него уже поблекла, не так-то легко ему было вновь засесть за книги. На конкурсных экзаменах он не преуспел, но, обеспеченный материально своим дядей, он остался вольнослушателем. Петр Полянский был старше нас, ему было под 30 лет; нам 21–22 года. Внешность у него была уже солидная: большой, толстый, с брюшком, он производил на многих впечатление добродушного простака, может быть, и потому, что любил напускать на себя тон простачка. «Скажите на милость, — восклицает он, бывало, — что в этой философии? Хоть убей, не разберу!» На деле он был неглупый. Звали мы его все попросту Петра, любовались его дорогой енотовой шубой, подаренной ему дядей-архиереем, старинными часами, доставшимися ему от какого-то родственника, — собственностью чуть ли не самого митрополита Московского Филарета. Кончил он Академию средне. Сильная протекция, восходившая до митрополита Московского Леонтия, приуготовила ему место помощника инспектора Академии. С этой должностью, надзирательной по обязанностям, сочеталось то преимущество, что он мог жить в Академии, пользоваться библиотекой, советами профессоров, а также имел достаточно досуга, чтобы написать магистерское сочинение. Он избрал тему по экзегетике: «О пастырских посланиях апостола Павла». Окончив эту работу, он покинул Академию¹.

Столь ordinarily, на первый взгляд, для будущего священномученика прожитая первая половина его жизни продолжилась в 1897 году во многом изменившим характер жизни одинокого, не вступившего в брак и не принявшего монашество тридцатипятилетнего магистра Московской Духовной Академии назначением на должность смотрителя Жировицкого духовного училища. Уже в первые годы своего руководства этим находившимся в плачевном состоянии провинциальным духовным училищем П. Ф. Полянский сделал это училище, как говорилось в отчете Училищного совета при Святейшем Синоде, «примерным как по постановке учебной и воспитательной работы, так и в плане хозяйственной

¹ *Евлогий (Георгиевский), митр.* Путь моей жизни. Воспоминания. М., 1994. С. 39–40.

стороны». Успешная церковно-административная и просветительская деятельность П. Ф. Полянского 6 мая 1899 года была отмечена орденом Св. Станислава III степени, а в декабре 1901 года его назначили членом Училищного совета при Святейшем Синоде, «сверх нормального числа членов, с правом совещательного голоса», что должно было предвещать перспективу перевода в столицу для службы в органах синодального ведомства.

Совмещая успешную деятельность церковного администратора со столь нужной русской провинции активной работой общественного деятеля, П. Ф. Полянский исполнял обязанности члена-соврежнователя Попечительства о народной трезвости и почетного мирового судьи Слонимского округа. Именно в этот период он познакомился с архимандритом Яблочинского монастыря будущим Патриархом Тихоном (Беллавиным).

В 1906 году П. Ф. Полянский был переведен в Санкт-Петербург на должность младшего помощника правителя дел Учебного комитета при Святейшем Синоде и вскоре стал сначала сверхштатным, а затем постоянно присутствующим членом Учебного комитета, исполняя главным образом трудные и искусительные обязанности ревизора духовных учебных заведений. За время служения в Учебном комитете он обследовал состояние духовных семинарий и епархиальных женских училищ в Курской, Новгородской, Вологодской, Костромской, Минской и в ряде других епархий, побывал в Сибири, на Урале, в Закавказье. После каждой такой поездки П. Ф. Полянский составлял подробный отчет, в котором предлагались уместные меры по улучшению состояния обследованной школы. В 1916 году П. Ф. Полянский был удостоен чина действительного статского советника и в том же году за выдающиеся успехи на поприще церковного административно-педагогического служения был награжден орденом Св. Владимира IV степени.

В 1917 году он принимал участие в работе Предсоборного Совета, а после перевода Учебного комитета в Москву окончательно переехал в Москву, где принял участие в работе Поместного Собора, состоя консультантом при его секретариате. После роспуска Поместного Собора и ликвидации властями всех синодальных учреждений П. Ф. Полянский подобно многим чиновникам синодального ведомства остался без работы и без пенсии. Он проживал в доме своего брата, протоиерея Василия Полянского, клирика церкви Николая-на-Столпах, и со временем устроился работать бухгалтером в кооперативную артель «Богатырь», а с 1919 года стал

заведующим приютом для «дефективных детей». Пятидесятишестилетнему отставному чиновнику П. Ф. Полянскому предоставилась возможность в это тяжелое время уйти в частную жизнь и попытаться найти свое место среди советских служащих, в которых нуждался большевистский режим, хотя клеймо статского генерала, высокопоставленного чиновника синодального ведомства должно было до конца дней осложнять его жизнь в случае такого, столь естественного для пожилого человека, жизненного выбора. При этом место в гонимой в это время Церкви, которой он столь плодотворно служил несколько десятилетий своей жизни, могло теперь из соображений безопасности ограничиваться местом одного из многих незаметных прихожан. Однако П. Ф. Полянский сохранял свою верность Церкви в самом высоком смысле этого слова и продолжал исполнять все те послушания, которые возлагал на него Патриарх Тихон, высоко ценивший его как очень опытного специалиста в церковно-административных делах. Переживая события революции и Гражданской войны, приняв участие в Поместном Соборе Русской Православной Церкви, который был разогнан большевиками осенью 1918 года, П. Ф. Полянский тем не менее решился отозваться на призыв Патриарха Тихона постричься в монашество и принять священный сан.

Приняв монашеский постриг и рукоположение в сан иеромонаха из рук митрополита Сергия (Страгородского), 8 октября 1920 года он был возведен в сан епископа Подольского, патриаршего викария Московской епархии. Это назначение делало епископа, с 1923 года — архиепископа и с 1924 года — митрополита Петра одним из наиболее приближенных к Патриарху Тихону иерархов, а значит, и одной из наиболее вероятных жертв большевистского террора. Поразительно, что владыка Петр осознанно, будучи не идеалистически настроенным юношей, но зрелым, многоопытным человеком, пошел на этот поистине голгофский путь. Не случайно уже в первые годы своего епископского служения, став митрополитом Крутицким, то есть вторым после Патриарха церковным иерархом, митрополит Петр нес вместе с ним всю тяжесть управления Церковью в период гонений.

Встав во главе русской епископской иерархии после кончины Патриарха Тихона, митрополит Петр с полной ответственностью продолжил неравную борьбу с богоборческой властью. Он понимал, что в этой борьбе можно полагаться только на верность весьма немногочисленных православных христиан, не отвернувшихся от Церкви, что все меньше оставалось епископов, которые способ-

ны отстаивать последовательно и непреклонно право Церкви быть самой собой, и он был готов возглавить это малое стадо.

С самого начала власти предприняли попытки навязать митрополиту Петру какой-то союз с обновленцами, настаивая на начале переговоров с обновленческим синодом. Митрополит Петр отверг подобного рода предложения, хотя и не отрицал необходимости продолжения диалога с властью. Летом 1925 года, через несколько месяцев после того, как он вступил в управление церковными делами, появилось его послание, в котором категорически была отвергнута всякая возможность компромисса с обновленцами и дана пространная и резкая характеристика этого движения. Но митрополит Петр не отказывался от написания послания о лояльном отношении к власти. Власть же рассчитывала получить от него ту главную уступку, которую она так и не получила от Патриарха Тихона: допущения вмешательства государства в кадровую политику Церкви. Давление, оказывавшееся на митрополита Петра, мало чем отличалось от того давления, которое оказывалось на Патриарха Тихона. Ему очень скоро стали грозить арестом, и против него начали фабриковать обвинительное заключение. Зная об этом, предчувствуя, что его арест может произойти очень скоро, митрополит Петр стал задумываться над тем, как обеспечить преемство высшей церковной власти в этих поистине беспрецедентных условиях.

Решение митрополита Петра до сих пор остается одним из наиболее дискутируемых, одним из наиболее сложных для понимания как специалистами по истории Русской Православной Церкви XX века, так и размышлявшими о судьбах Церкви православными христианами, которые пытаются понять, не была ли прервана каноничная преемственность высшей церковной власти в России после ареста митрополита Петра в декабре 1925 года. Следует напомнить, что в порядке исключения, в экстремальных условиях, в которые была поставлена Церковь при большевиках, Поместный Собор уполномочил именно Патриарха Тихона назначить себе преемника с передачей ему всей полноты своих прав, то есть прав Патриарха, избранного Поместным Собором, при том что этот преемник не избирался Собором, но назначался. Патриарх Тихон исполнил это беспрецедентное решение Собора, и митрополит Петр, не будучи избранным на патриаршую кафедру, нося всего лишь титул Местоблюстителя Патриаршего Престола, принял на себя всю полноту патриарших прав. Нередко в условиях Гражданской войны, в условиях гонений на Церковь Патриарх Тихон принимал решения по вопросам, которые, согласно определениям

Поместного Собора, входили в компетенцию Синода. Связано это было, в частности, с тем, что работа Синода часто была парализована в силу тех репрессий, которые обрушились на представителей церковной иерархии. Митрополит Петр, уже несколько лет осуществлявший свое служение с Патриархом Тихоном, с самого начала осознавал всю величину власти, которую он получил от своего предшественника. Но осенью 1925 года, когда митрополит Петр всего лишь полгода возглавлял церковную иерархию в Советской России, над ним нависла угроза ареста, а возможно, и гибели. Как же возможно было сохранить преемство высшей церковной власти при очевидном намерении большевистского режима не допустить созыва не только Поместного, но даже Архиерейского Собора?

Именно тогда митрополит Петр составил два распоряжения, одно из которых предполагало передачу его полномочий в случае его кончины, а другое — в случае его ареста. При этом объем передаваемых полномочий ни в одном из распоряжений не был конкретно обозначен. Именно второе распоряжение, написанное им 6 декабря 1925 года, определило дальнейшую судьбу высшего церковного управления в России. Понимая, что наряду с ним продолжают оставаться Местоблюстителями, назначенными Патриархом Тихоном, митрополиты Кирилл (Смирнов) и Агафангел (Преображенский), и зная, что они будут находиться в ссылке, возможно, еще долгое время, митрополит Петр в своем распоряжении от 6 декабря назначал своими преемниками тех иерархов, которые были известны в церковной иерархии и которые в данный момент находились на свободе, — митрополита Сергия (Страгородского), митрополита Михаила (Ермакова) и архиепископа Иосифа (Петровых). Их также было трое, потому что не была исключена возможность того, что с одним-единственным заместителем теперь уже не Патриарха, а Патриаршего Местоблюстителя власти могут расправиться. Назначив их своими преемниками, то есть заместителями Местоблюстителя, митрополит Петр создал в церковной жизни трудноразрешимую проблему, ибо с самого начала мог возникнуть вопрос, имел ли он право назначать себе преемника с передачей ему полноты своих прав. Некоторые считали, что Поместный Собор уполномочил на это только Патриарха Тихона. Другой не менее существенный вопрос был связан с соотношением прав заместителя Местоблюстителя, находящегося в заключении, с правами Местоблюстителей Патриаршего Престола, назначенных Патриархом Тихоном, которые были живы и тоже могли находиться либо в заключении, либо на свободе.

В решении этих острых, трудноразрешимых вопросов пройдут годы дискуссий, споров, часто очень резких, среди не только ученых специалистов или церковных иерархов, но подчас и среди простых православных христиан в России и в Русском Зарубежье. Но митрополиту Петру трудно было найти какие-то иные варианты. Угрозу ареста большевистские власти воплотили в жизнь уже через четыре дня после того, как митрополит Петр написал свое распоряжение. Он был арестован вместе с группой епископов по надуманному обвинению в связях его и Патриарха Тихона с монархическими кругами русской эмиграции. Сфабрикованное письмо Патриарха Тихона и митрополита Петра по поводу притязаний на императорскую власть великого князя Кирилла Владимировича использовалось в качестве одного из основных аргументов обвинения. Все это свидетельствовало о том, что митрополит Петр оказался для властей неприемлемым церковным иерархом и они, потеряв надежду на то, что он пойдет на необходимые им компромиссы, арестовали его и таким образом попытались вывести его из активной церковной политики. Это был ощутимый удар по церковной жизни, ибо неопределенность полномочий его заместителей могла вызвать и вызвала в церковной жизни споры и конфликты. К тому же преемники митрополита Петра могли также оказаться не очень сговорчивыми с властями. Можно было уже в скором времени ожидать новые репрессии, новые провокации со стороны властей.

10 декабря 1925 года митрополит Петр был арестован, а уже 14 декабря находившийся в Нижнем Новгороде митрополит Сергей (Страгородский), заявил о том, что готов взять в свои руки высшую церковную власть. Тут же представители ГПУ запретили ему выезжать из Нижнего Новгорода, как это было некогда сделано в отношении Местоблюстителя Патриаршего Престола митрополита Агафангела (Преображенского), которому после назначения его преемником Патриарха в 1922 году власти также не позволили приехать в Москву из Ярославля.

В это самое время в Москве появилась группа из девяти архиереев во главе с архиепископом Екатеринбургским Григорием (Яцковским), которая 22 декабря 1925 года заявила о том, что ввиду отсутствия заместителя Патриаршего Местоблюстителя в Москве и возможного его нежелания осуществлять свои полномочия они создают коллегиальный орган высшего церковного управления — Временный Высший Церковный Совет. Этот орган почти сразу 2 января 1926 года получил регистрацию гражданских властей, чего

не могли получить все эти годы для высшего церковного управления Патриаршей Церквю ни Патриарх Тихон, ни митрополит Петр. Столь быстрая регистрация безусловно свидетельствовала о том, что за этой группой епископов стоит ГПУ, убежденное в готовности участников этой группы пойти на значительные компромиссы по отношению к большевистскому режиму.

Несмотря на то что группа, возглавлявшаяся архиепископом Григорием, подчеркивала неприемлемость для них обновленческих реформ, ее члены были типичными обновленцами в своей готовности быть послушной марионеткой в руках ГПУ. Митрополит Сергей был приглашен архиепископом Григорием войти во Временный Высший Церковный Совет, но, справедливо предположив, что перед ним второй вариант обновленчества, с которым у митрополита Сергея уже был в прошлом неудачный опыт компромисса, он не только отказался войти в Совет, но и предал церковным прещениям всех епископов, входивших в эту группировку. С формальной стороны такое прещение было неканоничным, ибо один епископ не вправе запрещать в служении других епископов. Но Патриарх Тихон прибегал к таким мерам по отношению к обновленцам, и, вероятно уже тогда считая себя обладающим полномочиями Патриарха, митрополит Сергей пошел по этому же пути. Примечательно, что большая часть православного епископата, понимавшая, что за епископом Григорием и его немногочисленными сподвижниками стоит ГПУ, согласилась с действиями митрополита Сергея. Архиепископ Григорий посещал во внутренней тюрьме ОГПУ митрополита Петра и пытался добиться его безусловной поддержки, но его попытки в конечном итоге не возымели успеха. Весной 1926 года большая часть епископской иерархии склонна была признать в Заместителе Патриаршего Местоблюстителя митрополите Сергии единственного находящегося на свободе законного преемника митрополита Петра.

Заместитель Местоблюстителя Патриаршего Престола митрополит Нижегородский Сергей (Страгородский). Жизнь и труды до вступления в должность Заместителя Патриаршего Местоблюстителя

Рассказ о том ли судьбоносной, то ли роковой в истории Русской Православной Церкви личности митрополита Сергея (Страгородского) следует начинать, обратившись к истокам его жизненного пути. Действительно, сквозь обстоятельства жизненного пути того или иного первоиерарха можно попытаться глубже и полнее понять его личность, конечно же несводимую к трафаретному образу святителя, переходящего в первосвятители, а потом безусловно оказывающегося в лоне Авраамовом. Только так можно попытаться увидеть и понять живого, в чем-то немощного, но в чем-то и талантливого человека, в силу обстоятельств, но и по произволению Божию несшего на себе бремя возглавления Церкви.

Иван Николаевич Страгородский родился 11 января 1867 года в городе Арзамасе Нижегородской губернии в семье провинциального священника (подобно многим нашим архиереям). Семья будущего владыки так же, как и семья будущего Патриарха Тихона, как будто символизировала собой незыблемость и нерушимость православного церковного уклада русской жизни. Его отец, довольно образованный для той среды священник, был духовником Алексеевского женского монастыря, что свидетельствовало о незаурядности личности, ибо трудно представить себе более тяжелое и душевно вредное для пастыря служение, чем многолетнее духовное окормление женской монастырской общины. Рано лишившийся матери (она умерла, когда ему было восемь лет), Иван Страгородский воспитывался под присмотром монахинь Алексеевского мо-

настыря, что на всю жизнь сформировало у него глубокую органичную связь с монашеской жизнью как таковой. По окончании Арзамасского духовного училища в 1880 году он поступил в одну из лучших провинциальных семинарий — Нижегородскую духовную семинарию, которую в 1886 году успешно закончил по первому разряду, и в этом эпизоде, вероятно, уже тогда проявились не только его выдающиеся способности, но и стремление быть первым всегда и во всем, хотя характерный для многих мыслящих семинаристов мировоззренческий кризис все же был им пережит в стенах духовной школы.

Свое образование Иван Страгородский продолжил в Санкт-Петербургской Духовной Академии в 1886–1890 годах, в то самое время, когда Академия переживала период своего подлинного расцвета благодаря руководству сначала инспектора, а потом ректора будущего митрополита Санкт-Петербургского Антония (Вадковского). В стенах Академии произошла его встреча со старшим товарищем, а потом и учителем, будущим митрополитом Антонием (Храповицким), здесь идеал подлинного пастырства неожиданно впервые проступил перед ним в личности инспектора Академии архимандрита Михаила (Грибановского), здесь вместе с ним учился будущий Патриарх Тихон, измена которому и покаяние перед которым станут одними из самых мучительных эпизодов в жизни митрополита Сергея, и, наконец, здесь же одновременно с ним учился священномученик митрополит Кирилл (Смирнов), человек, который всей мощью своего духовного авторитета и своей мученической кровью в будущем вынес самый суровый приговор всей последующей жизни и деятельности митрополита Сергея (Страгородского).

Конечно, Иван Страгородский учился весьма успешно, и его кандидатское сочинение на тему «Православное учение о вере и добрых делах» выявило в нем уже тогда талант ученого богослова, который, впрочем, был принесен им в жертву во имя реализации других, возможно, не менее ярких, но более искусительных его талантов. На последнем курсе Иван Страгородский принял монашеский постриг и пресвитерский сан, что, казалось бы, должно было ознаменовать его вступление на типичный путь ученого монаха, который через десять—двенадцать лет церковно-административного служения на нескольких, как принято говорить сегодня, управленческих должностях не мог не привести его к архиерейскому сану.

Однако уже на первом этапе своей клирической жизни иеромонах Сергей повел себя неординарно, приняв назначение на

служение в Японской православной миссии, что свидетельствовало об одном: он действительно хотел послужить своей Церкви в условиях подчас экстремально сложных, с осознанием себя носителем определенного рода миссии. Он приехал в языческую страну, в которой языческая вера сцементировала древнюю цивилизацию и древнее государство, в котором японские императоры почитались как живые боги. Он служил в древней японской столице Киото, живо отзываясь своей чуткой душой на все величие и всю чуждость этой языческой страны, языческой истории. Он преподавал догматическое богословие в совсем еще миниатюрной Токийской духовной семинарии, но преподавал уже на японском языке, и в этом проявлялись присущие будущему митрополиту на протяжении всей его жизни способности и живой интерес к иностранным языкам.

Так молодой иеромонах с обязательной для каждого нормально-го человека, по крайней мере в юном возрасте, долей идеализма вступил на путь своего служения. Он действительно ощущал себя продолжателем немногих великих миссионеров Русской Православной Церкви, а один из них, тогда еще не прославленный святым равноапостольным, а просто епископ Токийский Николай, был его наставником и соратником в Японии. Веками большинство наших пастырей, даже живя бок о бок с инородцами, миссионерствовали, лишь рассчитывая на то, что прежде всего смешанные браки незаметно через семейные узы русифицируют и приобщат инородцев и иноверцев к православной вере. Позже мы будем об этом говорить как о проявлении русской веротерпимости, но в действительности за этим часто стояли лишь косность и равнодушие к собственной вере. Но не таковым был иеромонах Сергий.

Служение его продолжалось недолго, в 1893 году его отозвали, как это часто происходило в нашей Церкви по отношению к ученым монахам, на преподавательскую работу в Санкт-Петербургскую Духовную Академию в качестве доцента кафедры Священного Писания Ветхого Завета. Прошло еще несколько месяцев, и последовало поразительное назначение двадцатилетнего игумена Сергия инспектором в Московскую Духовную Академию, ректором которой служил двадцатисемилетний архимандрит Антоний (Храповицкий). Это был интересный эксперимент, поставленный в условиях, казалось бы, стабильной синодальной церковной жизни, когда двум молодым энтузиастам была дана возможность преобразовать одну из ведущих Духовных Академий. И они отча-

янно бросились в свою новую миссию. Архимандрит Антоний видел будущее Церкви в доминировании молодых, образованных монахов, которые, в отличие от всегда обремененных суетными семейными, житейскими заботами женатых священников и профессоров-мирян, самоотверженно будут отдавать себя преобразующей Церкви деятельности. Он был убежден, что период доминирования в духовных академиях профессоров, как он говорил, пиджачников и сюртучников, которые, готовя будущих священников, в сущности сами не знали ни что такое священство, ни что такое монашество, должен уступить место эпохе преобразенных пастырских школ, в которых тон будет задавать спаянная монашеской жизнью профессорско-преподавательская корпорация, сформированная из талантливых выпускников академий, избравших путь иноческой жизни.

Замыслам молодого ректора не суждено было осуществиться, и сам он, пережив жесткий конфликт с академической профессурой, вынужден был через несколько лет отправиться на менее престижную должность ректора Казанской Духовной Академии. Но прослуживший под началом архимандрита Антония в качестве инспектора Духовной Академии куда более осторожный и более склонный к компромиссам игумен Сергей при поддержке ректора сумел переработать свое кандидатское сочинение в магистерскую диссертацию «Православное учение о спасении», которая стала вызовом господствовавшим тогда догматическим стереотипам в духовных школах. Защита диссертации уже архимандрита Сергия состоялась в 1895 году, прошла блестяще, и лишь немногие обратили внимание на то, что молодой архимандрит вслед за своим наставником архимандритом Антонием вступил в полемику с маститыми профессорами духовных академий, подвергнув очень жесткой и аргументированной критике пронизанную схоластическим юридизмом теорию сатисфакции, которая давно уже стала догмой в академической сотериологии.

Проведя около двух лет настоятелем храма при российском посольстве в Афинах, архимандрит Сергей в 1897 году был вновь направлен в Японию, на этот раз на должность помощника начальника Русской духовной миссии святителя Николая Японского. Это было промежуточное административное назначение, предполагавшее дальнейший карьерный рост, и уже в 1899 году архимандрит Сергей назначается инспектором, а 29 июля 1899 года уже и ректором Санкт-Петербургской Духовной Академии. Ректорская должность предполагала возведение в сан епископа, и 25 февраля

1901 года в Троицком соборе Александро-Невской лавры он был возведен в сан епископа Ямбургского, что было выдающимся карьерным успехом за год до исполнения канонического тридцатипятилетнего возраста рукоположения в епископа.

Епископ Сергей стал не просто ректором Санкт-Петербургской Духовной Академии, не просто профессором кафедры разбора западных исповеданий, но одновременно и одним из наиболее известных в Петербурге церковных иерархов, потому что с 1901 года в течение более двух лет он председательствовал на религиозно-философских собраниях, проходивших по благословию митрополита Санкт-Петербургского Антония при согласии обер-прокурора К. П. Победоносцева как один из первых опытов научно-мировоззренческого и культурного диалога между представителями петербургской интеллигенции и петербургского духовенства.

Для епископа Сергея это был выход в мир петербургской научной и художественной элиты, которая в целом положительно оценила его как современного, мыслящего, образованного иерарха. В процессе работы религиозно-философских собраний он стал председателем Комиссии по старокатолическим и англиканским вопросам при Святейшем Синоде. Речь шла о вероучении Англиканской Церкви, о воссоединении ее с Православной Церковью. Это был не какой-то политизированный, никого ни к чему не обязывающий экуменический диалог, но творческая богословская работа, в ходе которой многие выдающиеся наши профессора действительно обогащали русское, да и не только русское, богословие своими размышлениями о важнейших догматических вопросах. По требованию К. П. Победоносцева религиозно-философские собрания в 1903 году были закрыты, но репутация епископа Сергея от этого не пострадала, наоборот, он приобрел то, что особенно ценилось в России того времени, он стал почти оппозиционером, оставаясь на должности ректора и сохраняя при этом хорошие отношения с К. П. Победоносцевым, то есть имея официальное признание церковных и светских властей и неофициальное признание русской либеральной интеллигенции.

6 октября 1905 года в разгар революционных событий епископ Сергей получил новое назначение и стал архиепископом Финляндским и Выборгским. Однако большую часть времени все двенадцать лет своего пребывания на этой весьма скромной по своим масштабам кафедре он проводил не в Великом Княжестве Финляндском, а в Санкт-Петербурге. В 1905–1906 годах его главной задачей было участие в подготовке Поместного Собора, которая, после отставки

К. П. Победоносцева в октябре 1905 года, активно осуществлялась под руководством митрополита Антония. В 1906 году архиепископ Сергей возглавлял один из семи отделов Предсоборного Присутствия, которое должно было в течение года подготовить созыв Поместного Собора, и, вероятно, размышлял о том месте, которое он займет на этом Соборе, ибо ему было что сказать Церкви, ему было что предложить своим собратьям епископам. Но созыв Собора был отложен императором на неопределенное время.

Наступил период апатии, который побуждал многих священнослужителей погрузиться в текущую, рутинную жизнь. Однако архиепископ Сергей, поняв, что произвести необходимые для Церкви преобразования с помощью Собора пока невозможно, взялся за то, к чему всегда чувствовал вкус и в отношении чего он обладал большим талантом: он взялся за незаметную административно-бюрократическую работу, дабы осуществить без Собора то, что мог бы и должен был бы осуществить Собор. В 1907 году он инициировал создание Особого совещания для выработки общего проекта организации приходов при Святейшем Синоде (и сам и возглавил его), которое должно было разработать проект нового приходского устава, опираясь на предложения, уже рассмотренные в Предсоборном Присутствии. Этот устав был принят в 1914 году и способствовал, хотя и довольно запоздало, развитию приходской жизни.

В 1911 году по инициативе и под руководством архиепископа Сергея начало работать Особое совещание по вопросу внутренней и внешней миссии и исправлению богослужебных книг при Святейшем Синоде. Архиепископ Сергей любил не только инициировать какие-то проекты, но и возглавлять управление ими. Это совещание совершенно незаметно готовило и проводило редакционную правку богослужебных книг. Церковно-славянские тексты исправлялись таким образом, чтобы, например, в соответствии с русской грамматикой в этих текстах менялся порядок слов, изначально соответствовавший греческой грамматике и таким образом затрудняющий понимание смысла произносимых фраз. Эта легкая правка существенно прояснила содержание двух выдающихся богослужебных книг «Постной Триоди» и «Цветной Триоди», которые были изданы еще до 1917 года. При этом архиепископ Сергей сумел таким образом осуществить это важное, но не у всех вызвавшее понимание начинание, что не только не вызвал критику в свой адрес, но лишь упрочил свой авторитет.

С 1911 года архиепископ Сергей стал самым молодым постоянным членом Святейшего Синода, а в 1912 году занял должность

председателя Предсоборного Совещания, которое хотя бы отчасти должно было реанимировать процесс подготовки Поместного Собора. Его наградили при этом правом ношения бриллиантового креста на клобуке. А с 1913 года архиепископ Сергей стал председателем Учебного комитета, где среди подчиненных ему чиновников оказался статский советник П. Ф. Полянский, будущий Патриарший Местоблюститель, который и назначит его, во многом роковым для себя образом, своим заместителем.

Архиепископ Сергей стал одним из самых известных и успешных архиереев Российской империи. В 1915 году в возрасте сорока восьми лет его наградили орденом Св. Александра Невского, который, например, выдающийся русский государственный деятель и подлинный реформатор российской экономики С. Ю. Витте получил лишь при своей окончательной отставке с поста Председателя Совета Министров в возрасте пятидесяти четырех лет. Главной особенностью жизни архиепископа Сергея в это время стала поистине харизматическая административная способность делать успешную карьеру, но при этом добиваться решения многих вопросов, актуальных для русской церковной жизни.

В 1915 году произошел первый срыв, чуть не стоивший ему дальнейшей столь успешной карьеры. Ставленник Г. Е. Распутина епископ Тобольский Варнава (Накропин), чья хиротония еще совсем недавно была буквально продавлена на Синоде усилиями и мольбами обер-прокурора В. К. Саблера, самочинно провел канонизацию святителя Иоанна Тобольского, поправ элементарные нормы проведения канонизации. Самые разные архиереи на ближайшем заседании Синода возмутились происходящим, хотя понимали, что их возмущение может быть чревато осложнениями. Среди возмущавшихся были как один из самых консервативных членов Синода архиепископ Никон (Рождественский), так и самый либеральный член тогдашнего Синода архиепископ Агафангел (Преображенский), будущий священноисповедник. К ним присоединился и архиепископ Сергей. Обиженный Г. Е. Распутин пожаловался императрице, которая потребовала удалить из Синода архиереев, выступивших против ставленника старца. Архиепископы Никон и Агафангел были удалены, а архиепископ Сергей сумел остаться.

Удивительная способность церковно-политического выживания уже в период правления Временного правительства проявилась у архиепископа Сергея и тогда, когда обер-прокурор В. Н. Львов по завершении зимней сессии Синода решил изменить его состав и возмущенные члены Синода дали слово не входить в новый состав

Синода, даже если кого-то из них новый обер-прокурор назначит вновь участвовать в его деятельности. Синод весной собрался вновь, и, как нетрудно догадаться, единственным членом прежнего Синода, который оказался членом Синода нового, был архиепископ Сергей. Это был поступок, в значительной степени уронивший его престиж среди епископата, но очень скоро многие забыли эту его непоследовательность, ибо в составе нового Синода он стал активно работать в Предсоборном Совете, стремясь как можно скорее в условиях все более и более распадающейся власти созвать Поместный Собор, в котором тогда многие стали видеть единственное средство спасения страны.

Далее произошел эпизод, который должен был бы заставить архиепископа Сергея серьезно и глубоко задуматься о себе. По инициативе Временного правительства Синод принял еще недавно совершенно не вмещавшееся в головы русских архиереев решение о том, что епископы должны избираться на кафедры голосами представителей духовенства и мирян на епархиальных собраниях. В течение лета 1917 года по всей стране прошли выборы епархиальных архиереев, и в подавляющем большинстве случаев выбор епархий оказывался правильным, но отнюдь не потому, что весь наш церковный народ проявил сознательность и ответственность, а потому, что большая часть нашего церковного народа эти выборы просто игнорировала. В выборах православных архиереев участвовала лишь малая часть русских православных христиан, но именно они к церковной жизни подходили очень осмысленно и ответственно. На Московскую кафедру был избран архиепископ Виленский Тихон, в годы эвакуации во время Первой мировой войны проживавший преимущественно в Москве и проявивший себя как подлинный архипастырь по отношению к православным москвичам. На Петроградскую кафедру был избран архиепископ Вениамин (Казанский) известный викарный епископ, которого действительно воспринимали как настоящего пастыря.

В Петроградской епархии в выборах в мае 1917 года участвовали архиепископ Финляндский Сергей, которого поддерживали представители правых монархических кругов, аристократии и чиновничества, епископ Андрей (Ухтомский), поддержанный обер-прокурором Временного правительства В. Н. Львовым, и викарный архиерей Петроградской епархии епископ Гдовский Вениамин (Казанский), почитавшийся широкими кругами православных петроградцев как выдающийся архипастырь. Архиепископ Сергей проиграл выборы именно епископу Вениамину, и проиграл имен-

но потому, что его никто не знал как пастыря. Его знали как ректора, как постоянного члена Синода, как выдающегося богослова, впрочем давно забывшего свое богословское творчество в суете административной деятельности, как успешного церковного политика, символизировавшего уходящую в прошлое имперскую государственную Православную Церковь, но как пастыря его не знал никто. И лишь через два с половиной месяца, 10 августа 1917 года, архиепископу Сергию удалось наконец быть избранным на тогда глубоко провинциальную Владимирскую кафедру.

В период работы Поместного Собора архиепископ Сергей весьма активно проявлял себя в столь привычной для него церковно-административной деятельности, совершенно заслуженно получил сан митрополита и был избран в Священный Синод. Будучи единственным православным архиереем, избранным в Учредительное Собрание, митрополит Сергей благополучно избежал участи многих его убитых или арестованных членов. Боевые действия Гражданской войны не распространились на территорию Владимирской епархии, но кратковременного пребывания в тюремном заключении митрополиту Сергию избежать не удалось, и он на какое-то время оказался на периферии церковно-политической жизни, из которой зловещим образом явился в гущу политической борьбы 16 июня 1922 года, когда в трагический как для находившегося под арестом Патриарха Тихона, так и для находившейся в смятении Церкви момент с двумя другими менее известными архиереями признал обновленческое высшее церковное управление и призвал всех пойти по его пути.

Конечно, для митрополита Сергия лидеры обновленческого движения были людьми духовно и мировоззренчески чуждыми, с которыми для него, как казалось ему тогда, были возможны лишь временные компромиссы на условиях, формулировать которые будет именно он. А пока митрополит Сергей видел, что перспектива не то что освобождения, но и сохранения жизни Патриарха Тихона была весьма сомнительна, в то время как обновленцев государственная власть безусловно поддерживала. При этом обновленцы, призывавшие к скорому созыву Поместного Собора для восстановления каноничного церковного управления, обезглавленного после ареста Патриарха, могли рассчитывать на поддержку значительной части если не духовенства, то епископской иерархии. И, оставаясь в привычной для него парадигме опытного церковного функционера, за четверть века своего епископского служения умевшего добиваться своих целей с помощью сложных админист-

ративно-политических комбинаций, а порой и интриг, митрополит Сергей решился пойти в движение, которое невозможно было подавить, но в перспективе возможно было возглавить с тем, чтобы на будущем церковном Соборе переиграть этих на его фоне безусловных дилетантов церковной политики.

Планам митрополита Сергия, однако, не суждено было осуществиться прежде всего потому, что тогда он еще не смог предложить большевистским властям проект церковно-государственных отношений более приемлемый, нежели тот, который уже предложили и активно реализовывали полностью контролировавшиеся ГПУ обновленческие лидеры. Поэтому, формально являясь членом обновленческого ВЦУ, митрополит Сергей даже не поехал весной 1923 года на обновленческий собор, где его ожидала бы роль хотя и одного из ведущих, но все-таки статистов в спектакле, поставленном режиссерами из Антирелигиозной комиссии при ЦК РКП(б). Весь многолетний опыт митрополита Сергия умело выстраивать отношения с чиновниками Российской империи оказался бесполезен в ситуации, когда его оппонентом выступил выпускник четырехклассной приходской школы, бывший конторщик и унтер, а ныне начальник 6-го отделения секретного отдела секретно-оперативного управления ГПУ Е. А. Тучков, за которым проступала еще невиданная в русской истории система тоталитарного государства, вдохновлявшаяся поистине антихристианским квазирелигиозным мировоззрением, с которым Церкви Христовой было невозможно достичь какого-либо соглашения.

Через четыре месяца, впервые в жизни пережив столь сокрушительное церковно-политическое и вместе с тем нравственное поражение, митрополит Сергей в августе 1923 года в Донском монастыре принес Патриарху Тихону публичное покаяние во грехе отпадения в обновленческий раскол, которое вернуло митрополита Сергия в Русскую Православную Церковь, но не вернуло в ближний круг сподвижников Патриарха Тихона. Получив лишь в марте 1924 года назначение на Нижегородскую кафедру, митрополит Сергей неожиданно был возвращен в большую церковную политику распоряжением арестованного Патриаршего Местоблюстителя митрополита Петра, который назначил 6 декабря 1925 года одним из своих заместителей своего бывшего начальника по Учебному комитету и постригавшего его в монашество архиерея митрополита Сергия.

Русская Православная Церковь в 1926 году. Послание соловецких епископов 1926 года

Потерпев неудачу с попыткой насадить в Церкви наряду с обновленческим новый григорианский раскол, Е. А. Тучков попытался осуществить новую провокацию в сфере высшего церковного управления. Пользуясь тем, что весной истекал срок ссылки Местоблюстителя Патриаршего Престола митрополита Агафангела (Преображенского), 72-летнего старика, проведенного три года в ссылке в Нарымском крае, Е. А. Тучков лично посетил возвращавшегося из ссылки митрополита Агафангела в Пермской пересыльной тюрьме и предложил ему вступить в исполнение своих полномочий Патриаршего Местоблюстителя в связи с пребыванием в ссылке митрополита Кирилла и отсутствием в Москве митрополита Сергия, который к тому же был всего лишь Заместителем Патриаршего Местоблюстителя. 18 апреля 1926 года, еще находясь в Пермской тюрьме, митрополит Агафангел выпустил послание о своем вступлении в обязанности Патриаршего Местоблюстителя. В этом послании митрополит Агафангел попытался перечислить все прямые и даже косвенные основания для своего вступления в должность Патриаршего Местоблюстителя, хотя главным и единственным основанием для этого должно было считаться распоряжение Патриарха Тихона о назначении своих Местоблюстителей на случай своей смерти от 7 января 1925 года:

...на основании а) указанного определения Собора (о вступлении после смерти Патриарха в должность Местоблюстителя старейшего по хиротонии архиерея. — *Г. М.*), б) грамоты Патриарха Тихона от 3 мая 1922 г. (ст. ст.), в) послания его же от 15 июля 1923 г. (н. ст.) и г) его распоряжения на случай своей смерти от 25 декабря 1924 г. (ст. ст), мы, имея в настоящее время возможность осуществить возложенные на нас обязанности Патриаршего Местоблюстителя, вступили в управление Православной Российской Церковью.

Оповещая о сем, мы приглашаем вас, возлюбленные о Христе Архипастыри и пастыри, всех истинно верующих, чад православной Церкви Христовой и тех, кто уклонился от Нее, забыть всякие разномыслия и споры, объединиться вокруг восстанавливаемого нами «Патриаршего Священного Синода», получившего свое бытие от 1-го всероссийского Поместного Собора (1917–1918 гг.)... и принять все меры к скорейшему созванию 2-го Всероссийского Поместного Собора¹.

Показательно, что на очередном заседании Антирелигиозной комиссии при ЦК РКП(б) в постановлении на основе доклада о деятельности ГПУ было отмечено:

Проводимую ОГПУ линию по разложению тихоновской части церковников признать правильной и целесообразной. Вести линию на раскол между митрополитом Сергием (назначенным Петром временным местоблюстителем) и митрополитом Агафангелом, претендующим на патриаршее местоблюстительство, укрепляя одновременно третью тихоновскую иерархию — Временный Высший Церковный Совет во главе с архиепископом Григорием как самостоятельную единицу. Выступление Агафангела с воззванием к верующим о принятии на себя обязанностей Местоблюстителя признать своевременным и целесообразным².

Сумевший совсем недавно предотвратить захват высшей церковной власти архиепископом Григорием и его сторонниками и поддержанный в своих действиях большей частью епископата митрополит Сергей мог предполагать, что и вступление в обязанности Патриаршего Местоблюстителя митрополита Агафангела было продолжением церковно-политических интриг со стороны Е. А. Тучкова. Однако права митрополита Агафангела на вступление в должность Патриаршего Местоблюстителя были бесспорны, и положение митрополита Сергия оказывалось весьма двусмысленным. С этого времени между митрополитами Сергием и Агафангелом началась письменная полемика, в ходе которой уже тогда убежденный в своем исключительном призвании исполнить миссию «спасителя Церкви» митрополит Сергей постепенно начал становиться на путь узурпации власти Предстоятеля Русской Православной Церкви. Уже в своем письме от 30 апреля 1926 года мит-

¹ Акты святейшего Тихона, Патриарха Московского и всея России... С. 453.

² *Дамаскин (Орловский), иером.* Мученики, исповедники и подвижники благочестия Российской Православной Церкви XX столетия: Жизнеописания и материалы к ним. Кн. 2. Тверь, 1996. С. 356.

рополит Сергей, которого Патриарх Тихон отнюдь не случайно предпочел не включать в число своих Местоблюстителей, писал митрополиту Агафангелу, которого Патриарх Тихон неоднократно назначал своим Местоблюстителем, следующее:

Конечно, если бы Ваши притязания на местоблюстительство были для всех очевидны и бесспорны, я бы ни на минуту не колебался передать Вам управление... но дело в том, что послание Ваше бесспорных оснований в пользу Ваших прав не представляет. <...> И я, при всем своем желании освободиться от возложенного на меня бремени, не могу Вам безотлагательно передать власть. Поэтому прошу Вас несколько задержаться со вступлением. <...> Чтобы выйти из тупика, я бы предлагал образовать нечто вроде третейского суда: Ваше Высокопреосвященство укажете шесть архиереев, и я укажу шесть, а председателем может быть экзарх Украины. <...> Заранее объявляю, что подчинюсь решению этого Собора и с радостью признаю Вас, если заключение будет в пользу признания Вас¹.

Ставя под сомнение бесспорность прав на местоблюстительство митрополита Агафангела и предлагая канонически сомнительную импровизацию с каким-то «третейским» судом из произвольно собранных архиереев, митрополит Сергей не просто уклонялся от естественной в его положении Заместителя Патриаршего Местоблюстителя передачи власти Патриаршему Местоблюстителю, но стремился выиграть время, чтобы дать возможность значительному числу епископов, поддержавших его в противостоянии с архиепископом Григорием, также поддержать его в противостоянии с митрополитом Агафангелом. И действительно, даже среди викарных епископов Ярославской епархии, в которой правящим архиереем был митрополит Агафангел, большинство в лице архиепископов Иосифа (Петровых) и Серафима (Самойловича) в противовес архиепископу Варлааму (Ряшенцеву) призывало митрополита Агафангела не вступать в права Патриаршего Местоблюстителя и подчиниться митрополиту Сергию.

Безрезультатной оказалась и личная встреча двух митрополитов в Москве 13 мая 1926 года, которая проходила с участием сотрудников ГПУ, конечно же заинтересованных в усугублении конфликта между ними.

16 мая 1926 года в очередном письме митрополиту Агафангелу митрополит Сергей предложил новое столь же бессмысленное,

¹ Акты святейшего Тихона, Патриарха Московского и всея России... С. 457–458.

сколь и безнравственное обоснование невозможности вступления митрополита Агафангела в должность Патриаршего Местоблюстителя:

...митрополит Петр предан лишь гражданскому суду и сохраняет должность за собою; Вы можете быть его Заместителем лишь по его усмотрению. <...> Впредь до окончания дела митрополита Петра, т. е. до произнесения окончательного приговора Верховным Судом, Местоблюстителем Патриаршего Престола остается митрополит Петр... а я сохраняю за собой полномочия Местоблюстителя. Если дело кончится оправданием или освобождением митрополита Петра, я передаю ему власть, и Ваше Высокопреосвященство имеете тогда вести рассуждения уже с самим митрополитом Петром. Если же дело окончится осуждением, Вам предоставляется взять на себя инициативу возбуждения вопроса о предании митрополита Петра церковному суду. Когда митрополит Петр будет предан суду, Вы можете предъявить свои права, как старейшего, на должность Заместителя митрополита Петра, а когда суд объявит последнего лишенным должности, Вы будете вторым после митрополита Кирилла кандидатом в Местоблюстители Патриаршего Престола¹.

Практически вменяя ни во что распоряжение Патриарха Тихона от 7 января 1925 года о назначении трех Местоблюстителей Патриаршего Престола и готовый даже предать назначившего его своим Заместителем митрополита Петра какому-то ни канонически, ни нравственно не обоснованному церковному суду, митрополит Сергей продолжал настаивать на сохранении именно за собой властных полномочий Заместителя Патриаршего Местоблюстителя, которые он истолковывал все более расширительно, уже тогда по существу отождествляя их с полномочиями Предстоятеля Русской Православной Церкви. Именно поэтому 23 мая 1926 года стало возможным появление письма митрополита Сергея, в котором он декларировал возможность узурпации им высшей церковной власти.

...Настоятельно прошу Вас, Ваше Высокопреосвященство, немедленно отказаться от Ваших притязаний на должность Местоблюстителя, отменить выпущенное Вами в Перми послание и принять меры к возможному прекращению посеянного посланием смущения среди верующих. <...> Если же Вам неуютно будет

¹ Акты святейшего Тихона, Патриарха Московского и всея России... С. 460—461.

подчиниться этому моему, как заменяющего Патриаршего Местоблюстителя, распоряжению, то настоящим моим к Вам посланием я, впредь до рассмотрения Вашего дела Собором епископов, освобождаю Вас от попечения о Ярославской епархии, оставляя за Вами лишь титул, и поручаю таковое попечение о епархии опять архиепископу Угличскому Серафиму в звании управляющего епархией¹.

В данном случае речь шла уже не только о канонически недопустимом отрешении от управления епархией одним епархиальным архиереем другого епархиального архиерея, но о намерении Заместителя Патриаршего Местоблюстителя, назначенного одним из Местоблюстителей, предать архиерейскому суду другого Патриаршего Местоблюстителя, назначенного самим Патриархом Тихоном. При этом приходится признать, что решимость митрополита Сергия столь радикально пренебречь церковными канонами и поправить волю почившего Патриарха во многом основывалась на поддержке его действий весьма ощутимым большинством русских епископов, среди которых были и будущие решительные противники митрополита Сергия, как, например, викарные архиереи Ярославской епархии, архиепископы Иосиф (Петровых) и Серафим (Самойлович), оболщение которых митрополитом Сергием было мучительно воспринято митрополитом Агафангелом как предательство с их стороны. Так и не оправившийся после трехлетней нарымской ссылки, тяжелобольной митрополит Агафангел, убеждавшийся многими архиереями уступить в конфликте с митрополитом Сергием, 24 мая 1926 года отправил митрополиту Сергию телеграмму следующего содержания: «Продолжайте управлять церковью. Я воздержусь от всяких выступлений, распоряжение о поминовении митрополита Петра сделаю, так как предполагаю ради мира церковного отказаться от местоблюстительства»².

Однако в ГПУ не были склонны отказываться от первоначального замысла раскола тихоновской Церкви через конфликт Патриаршего Местоблюстителя митрополита Агафангела и Заместителя Патриаршего Местоблюстителя митрополита Сергия. Поэтому 31 мая 1926 года сотрудники ГПУ передали митрополиту Агафангелу письмо, написанное митрополитом Петром еще 22 мая 1926 года и до этого времени намеренно задержанное Е. А. Тучковым. Содержание этого письма должно было окончательно разре-

¹ Акты святейшего Тихона, Патриарха Московского и всея России... С. 465–466.

² Там же. С. 467.

шить конфликт между митрополитами Сергием и Агафангелом в пользу последнего.

Из донесения на мое имя Его Высокопреосвященства митрополита Сергия я узнал, что Ваше Высокопреосвященство вступили в отправление обязанностей Патриаршего Местоблюстителя. С любовью и благожелательностью приветствую это Ваше вступление. При выходе на свободу, если угодно будет Господу Богу, переговорим лично о дальнейшем возглавлении Православной Церкви. О настоящем моем решении благоволите сообщить митрополиту Сергию¹.

Считавший нравственно недопустимым пренебречь волеизъявлением находившегося в заточении Патриаршего Местоблюстителя митрополита Петра митрополит Агафангел уже 1 июня прибыл в Москву, где на совещании епископов, находившихся в это время в столице, огласил письмо митрополита Петра. Приглашенный в Москву для участия в совещании митрополит Сергей предпочел проигнорировать это приглашение.

Во взаимоотношениях между находившимся в Москве митрополитом Агафангелом и остававшимся в Нижнем Новгороде митрополитом Сергием возникла почти двухнедельная пауза, в конце которой 10 июня 1926 года митрополит Сергей подал в НКВД обращение с просьбой о регистрации органов высшего церковного управления, к которому прилагался проект декларации об отношении Русской Православной Церкви к государственной власти. Предпринятые митрополитом именно в это время действия были не случайны. С одной стороны, все полгода своего пребывания на месте арестованного митрополита Петра он должен был демонстрировать не только епископату, но и представителям власти свою готовность решать основные вопросы церковно-государственных отношений, которые безуспешно пытался решить митрополит Петр. Таковыми вопросами оставались регистрация органов высшего церковного управления и публикация в советской печати послания или декларации, в которой в приемлемых для большевистских руководителей формулировках должна была излагаться лояльная позиция Русской Православной Церкви по отношению к большевистскому режиму. С другой стороны, именно в момент, когда ставшее известным многим епископам распоряжение митрополита Петра о передаче высшей церковной власти митрополиту Агафангелу могло склонить их к поддержке Патриаршего Местоблюстителя митропо-

¹ Акты святейшего Тихона, Патриарха Московского и всея России... С. 463.

лита Агафангела, митрополит Сергей стремился не столько получить казавшуюся тогда многим столь важной регистрацию органов высшего церковного управления, сколько укрепить среди епископата свой авторитет первой от лица всей Церкви декларацией, подаваемой власти именно им. Поэтому текст, оставшийся проектом так и не принятой НКВД декларации, был составлен митрополитом Сергием в гораздо более жестком тоне, чем это имело место с 1923 года во всех аналогичных посланиях Патриарха Тихона, и был заведомо обречен на неприятие его властями. Тем самым митрополит Сергей подтверждал епископам свою готовность и дальше более последовательно отстаивать в диалоге с советским государством интересы Русской Православной Церкви, чем это делал не пользовавшийся среди них большой известностью митрополит Петр или мог делать тяжело больной и, как казалось многим, надломленный ссылкой митрополит Агафангел.

Одной из постоянных забот нашего почившего Святейшего Патриарха было выхлопотать для нашей Патриаршей Церкви регистрацию и вместе с нею и возможность полного легального существования в пределах Союза ССР. <...> ...Следуя примеру Святейшего Патриарха, я обратился к народному комиссару внутренних дел с просьбой о регистрации нашего Церковного Управления и теперь имею радость сообщить вам, что моя просьба удовлетворена. Правительство признает возможным: I... (и далее из моего заявления смотря по тому, что будет разрешено).

Проект декларации митрополит Сергей писал, предполагая, что регистрация все же может быть получена (хотя на самом деле регистрацию должны были предоставить лишь после того, как текст проекта будет одобрен властями). Но коль скоро это был проект, митрополит Сергей составил его в гипотетическом духе. Он продолжал:

Получая таким образом права легального существования, мы ясно отдаем себе отчет и в том, что вместе с правами на нас ложатся и обязанности по отношению к Советской власти, которая дает нам эти права. И вот я взял на себя от лица всей православной староцерковной иерархии и паствы засвидетельствовать перед Советской властью нашу искреннюю готовность быть вполне законопослушными гражданами Советского Союза, лояльными гражданами к его правительству и решительно отмежеваться от всяких политических партий и предприятий, направленных во вред Союза.

Начав заявление с утверждения своей лояльности власти, митрополит Сергей написал об этом гораздо более сдержанно, чем в аналогичных посланиях на эту тему высказывался Патриарх Тихон после 1919 года. Но далее митрополит Сергей неожиданно жестко и четко стал писать о противоречиях, которые существовали между Церковью и государственной идеологией.

Но, будучи искренними до конца, мы не можем замалчивать того противоречия, какое существует между нами, православными, и коммунистами-большевиками, управляющими Союзом. Они ставят своей задачей борьбу с Богом, Его властью в сердцах народа; мы же весь смысл и всю цель нашего существования видим в исповедании веры в Бога и в возможно широком распространении и укреплении этой веры в сердцах народа. Они признают лишь материалистическое понимание истории, а мы верим в Промысел Божий, чудо и т. д. Отнюдь не обещая примирить непримиримое и подкрасить нашу веру под коммунизм и религиозно оставаясь такими, какие есть, староцерковниками, или, как нас называют, тихоновцами. Прогресс церковный мы видим не в приспособляемости Церкви к «современным требованиям», не в урезке Ее идеала и не в изменении Ее учения и канонов, а в том, чтобы при современных условиях в церковной жизни и в современной обстановке суметь зажечь и поддержать в сердцах нашей паствы весь прежний огонь ревности о Боге их и научить пасомых в самом зените материального прогресса находить подлинный смысл своей жизни все-таки за гробом, а не здесь.

Митрополит Сергей подчеркивал, что существуют сферы, на которые лояльность Церкви к государству в реальной политике не может распространяться, что существуют аспекты, в которых православное вероучение и государственная атеистическая идеология не могут быть примирены.

При всем том мы убеждены, что православный христианин, свято соблюдая свою веру и живя по ее заповедям, именно потому и будет всюду желательным и образцовым гражданином какого угодно государства, в том числе и Советского, и в какой бы области жизни ни пришлось ему действовать: на фабрике, в деревне или в городе, в армии или шахте и т. п. <...> Но, обещая полную лояльность, обязательную для всех граждан Союза, мы, представители церковной иерархии, не можем взять на себя каких-либо особых обязательств или доказательств нашей лояльности.

Не можем взять на себя, например, наблюдение за политическим настроением наших единоверцев, хотя это наблюдение и ограничивалось бы тем, что за благонадежность одних мы ручаемся, а других будем лишать такого ручательства. Для этой цели у Советской власти есть орган более подходящий и средства более действенные. Тем паче не можем мы взять на себя функции эзекуторские и применять церковные кары для отмщения. Если одно из завоеваний революции есть свобода Церкви от всякой политической и государственной миссии, мы отнюдь не можем отказаться от этого завоевания, да и верующий народ не простит нам этого отказа, но мы твердо обещаем, что насколько это будет зависеть от нашего авторитета, мы не дадим впредь вовлечь Церковь в какую-нибудь политическую авантюру и не позволим никому прикрывать именем Церкви свои политические вождения.

В тексте проекта декларации митрополит Сергей определенно возвращался в сфере церковно-государственных отношений к уже основательно забытой тогда в официальных церковных документах стилистике посланий Патриарха Тихона если не 1918-го, то по крайней мере 1919 года. При этом он открыто и категорически отвергал навязывавшееся русским епископам органами ГПУ наблюдение и гарантирование перед властями политической лояльности подведомственного им духовенства.

Столь же решительно митрополит Сергей отвергал возможность применения канонических прещений к представителям Русской Православной Церкви Заграницей, на чем также постоянно настаивали представителя ГПУ, и предлагал вполне приемлемый для заграничного духовенства вариант свободной для них политической деятельности после их перехода в юрисдикции других Поместных Церквей.

Здесь требуют выяснения наши отношения к русскому духовенству, ушедшему за границу с эмигрантами и там образовавшему из себя как бы филиальное отделение Русской Церкви. Не признавая себя гражданами Советского Союза и не считая себя связанными по отношению к Советской власти никакими обязанностями, заграничные духовные лица иногда позволяют себе враждебные выступления против Союза, а ответственность за эти выступления падает на всю Русскую Церковь, в клире и иерархии которой они продолжают оставаться, и на ту часть духовенства, которая живет в пределах Союза и числится в его гражданстве со

всеми вытекающими отсюда последствиями. Обрушиться на заграничное духовенство за его неверность Советскому Союзу какими-нибудь церковными наказаниями было бы ни с чем несообразно и давало бы только лишний повод говорить о принуждении к тому Советской властью. Но выразить наш полный разрыв с таким политиканствующим духовенством и тем оградить себя на будущее время от ответственности за это политиканство и желательно и вполне возможно. Для этого нужно только установить правило, что всякое духовное лицо, которое не пожелает признать своих гражданских обязанностей перед Союзом, должно быть исключено из состава клира Московского Патриархата и поступает в ведение заграничных Поместных Церквей, смотря по территории¹.

Такой проект декларации, предварительно разосланный епископам, естественно, не мог быть принят властью. Однако в глазах епископата митрополит Сергей до конца исполнил взятую им на себя миссию попытаться достичь получения регистрации, не идя на значительные компромиссы в переговорах с властью, и полученный им в июне 1926 года отказ в регистрации лишь укрепил авторитет митрополита Сергея в глазах многих епископов в этот опасный для него в контексте конфликта с митрополитом Агафангелом момент. Остается только догадываться, обсуждался ли предварительно такой вариант декларации с Е. А. Тучковым, для которого в той ситуации было важнее прежде всего укрепить авторитет митрополита Сергея для усиления противостояния внутри тихоновской иерархии. Во всяком случае, в отчете ГПУ за июнь 1926 года с удовлетворением отмечалось:

На местах с получением воззвания Агафангела симпатии верующих были на его стороне и даже раздавались голоса, что Агафангел — «спаситель русской церкви от разрухи», но, получивши разъяснение от своего духовенства в духе сергиевского послания, переменили отношение к Агафангелу, объявив себя сторонниками Сергея².

Сколько бы противоречивыми и даже сомнительными ни представлялись причины и появление проекта декларации митрополита Сергея 10 июня 1926 года, его содержание не только ставит его в ряд наиболее выдающихся по своей церковно-политической муд-

¹ Акты святейшего Тихона, Патриарха Московского и всея России... С. 473–475.

² Мазырин А., свящ. Высшие иерархи о преемстве власти в Русской Православной Церкви в 1920-х — 1930-х годах. М., 2006. С. 227.

рости и нравственной честности церковных документов той трагической исторической эпохи, но и отражает видение значительной части русского православного епископата наиболее благоприятной перспективы развития церковно-государственных взаимоотношений в Советской России.

Одним из главных подтверждений этой особенности содержания проекта декларации митрополита Сергия 10 июня 1926 года является другой появившийся в то же самое время, 9 июня 1926 года, церковный документ — Послание соловецких епископов, который с полным правом можно считать одним из самых ярких манифестов собора новомучеников и исповедников российских того времени. Безусловно признавая в это время авторитет митрополита Сергия, многие русские епископы старались помочь ему в том, чтобы решить основные задачи, вставшие перед ним. И коль скоро выработка официального церковного документа, в котором должна была быть изложена позиция Русской Православной Церкви относительно советского государства, представлялась одной из важнейших, группа епископов, находившаяся в это время в Соловецком лагере особого назначения, предприняла попытку составить проект подобного документа. На первый взгляд подобного рода решение может показаться странным. Существует вполне справедливое представление о том, что советские концлагеря отличались жесткой системой закрытости. Однако в середине 1920-х годов ГУЛаг только формировался и даже Соловецкий лагерь особого назначения еще не установил жесткий режим содержания заключенных, который сложился в нем к концу 1920-х годов. В это время епископы получали, как правило, незначительные лагерные сроки — два-три года, и многие епископы, проведя какое-то время в Соловецком лагере, оказывались на свободе или в ссылке, другие попадали туда, уже будучи информированными о церковных делах на свободе. Вообще для русского епископата в 1920-е годы перспектива попадания на тот или иной срок в лагерь, в тюрьму или в ссылку казалась совершенно неотъемлемым атрибутом епископского служения. Более того, некоторые отмечали, что, оказавшись в тюремной камере или лагерном бараке, они чувствовали некоторое облегчение, ибо отныне они уже должны были отвечать перед Господом только за самих себя. Им уже не нужно было соизмерять каждый свой шаг с теми последствиями, который он мог иметь для их многочисленной паствы, для духовенства, которое было вверено им священноначалием. Они имели возможность в Соловецком лагере общаться друг

с другом, обсуждать насущные дела, более того, периодически им удавалось установить какую-то форму переписки с теми, кто продолжал оставаться на воле. Это позволяло обитателям Соловецкого лагеря из числа епископов ощущать себя составной частью русской церковной иерархии, тем более что в это время еще не получила распространения практика, когда арестованных епископов нельзя было поминать в храмах, и многих из них продолжали поминать как правящих архиереев. Самое главное заключалось в том, что, понимая временность своего пребывания как на свободе, так и в лагере, они, где бы они ни находились, продолжали ощущать себя вовлеченными в решение церковных проблем. Возможность установить контакт с митрополитом Сергием, как оказалось, у них еще была, и весной 1926 года возник замысел составить проект документа, который бы от имени находившихся в Соловецком лагере епископов был передан митрополиту Сергию как возможный проект его декларации, обращенной к власти.

До сих пор невозможно определить полное число участников тех нескольких совещаний, которые проходили в помещении продуктового склада Соловецкого кремля, где собирались епископы. То, что их было более двадцати, установлено точно, как точно установлено и то, что руководил организационной стороной собраний епископов на эти подпольные совещания архиепископ Благовещенский Евгений (Зернов), впоследствии принявший мученическую кончину, а одним из главных идеологов обсуждений выступал священномученик архиепископ Иларион (Троицкий), который по праву считался, как ближайший советник Патриарха Тихона, одним из наиболее авторитетных иерархов Соловецкого лагеря. Составление проекта послания было поручено профессору Московской Духовной Академии известному патрологу И. В. Попову.

Основные положения Послания соловецких епископов близко напоминали проект декларации митрополита Сергия. В некоторых случаях они почти дословно повторяли друг друга, и это несмотря на то, что составлявший проект декларации митрополит Сергей познакомился с Посланием соловецких епископов лишь тогда, когда проект его декларации был отвергнут властями. Тем не менее тождество многих основных тезисов двух этих документов, общность даже некоторых стилистических черт заставляют предполагать, что содержание документа, который власти требовали от представителей церковной иерархии, детально обдумывалось многими из них не один месяц.

Несмотря на основной закон советской конституции, обеспечивающий верующим полную свободу совести, религиозных объединений и проповеди, Православная Российская Церковь до сих пор испытывает весьма существенные стеснения в своей деятельности и религиозной жизни. Она не получает разрешения открыть правильно действующие органы центрального и епархиального управлений; не может перевести свою деятельность в ее исторический центр — Москву; ее епископы или вовсе не допускаются в свои епархии, или, допущенные туда, бывают вынуждены отказываться от исполнения самых существенных обязанностей своего служения — проповеди в церкви, посещения общин, признающих их духовный авторитет, иногда даже посвящения. Местоблюститель Патриаршего Престола и около половины православных епископов томятся в тюрьмах, в ссылке или на принудительных работах.

Подписавшие настоящее заявление отдают себе полный отчет в том, насколько затруднительно установление взаимных благожелательных отношений между Церковью и государством в условиях текущей действительности, и не считают возможным об этом умолчать. Было бы неправдой, не отвечающей достоинству Церкви и притом бесцельной и ни для кого не убедительной, если бы они стали утверждать, что между Православной Церковью и государственной властью Советских республик нет никаких расхождений. Но это расхождение состоит не в том, в чем желает его видеть политическая подозрительность и в чем его указывает клевета врагов Церкви. Это расхождение лежит в непримиримости религиозного учения Церкви с материализмом, официальной философией коммунистической партии и руководимого ею Правительства Советских республик.

Церковь признает бытие духовного начала, коммунизм его отрицает. Церковь верит в Живого Бога, Творца мира, руководителя его жизни и судеб, коммунизм не допускает его существования, признает самопроизвольность бытия мира и отсутствие разумных конечных причин в его истории. Церковь полагает цель человеческой жизни в небесном призвании духа и не перестает напоминать верующим об их небесном отечестве, хотя бы жила в условиях наивысшего развития материальной культуры и всеобщего благосостояния, коммунизм не желает знать для человека никаких других целей, кроме земного благоденствия. С высот философского мирозерцания идеологическое расхождение

между Церковью и государством нисходит в область непосредственного практического значения, в сферу нравственности, справедливости и права, коммунизм считает их условным результатом классовой борьбы и оценивает явления нравственного порядка исключительно с точки зрения целесообразности. Церковь проповедует любовь и милосердие, коммунизм — товарищество и беспощадность борьбы. Церковь внушает верующим возвышающее человека смирение, коммунизм унижает его гордостью. Церковь охраняет плотскую чистоту и святость плодотворения, коммунизм не видит в брачных отношениях ничего, кроме удовлетворения инстинктов. Церковь видит в религии животворящую силу, не только обеспечивающую человеку достижение его вечного предназначения, но и служащую источником всего великого в человеческом творчестве, основу земного благополучия, счастья и здоровья народов. Коммунизм смотрит на религию как на опиум, опьяняющий народы и расслабляющий их энергию, как на источник их бедствий и нищеты. Церковь хочет процветания религии, коммунизм — ее уничтожения. При таком глубоком расхождении в самых основах мирозерцания между Церковью и государством не может быть никакого внутреннего сближения или примирения, как невозможно примирение между положением и отрицанием, между да и нет, потому что душою Церкви, условием ее бытия и смыслом ее существования является то самое, что категорически отрицает коммунизм.

Никакими компромиссами и уступками, никакими частичными изменениями в своем вероучении или перетолковываниями его в духе коммунизма Церковь не могла бы достигнуть такого сближения.

Православная Церковь никогда не станет на этот недостойный путь и никогда не откажется ни в целом, ни в частях от своего, овеянного святыней прошлых веков, вероучения в угоду одному из вечно сменяющихся общественных настроений. При таком непримиримом идеологическом расхождении между Церковью и государством, неизбежно отражающемся на жизнедеятельности этих организаций, столкновение их в работе дня может быть предотвращено только последовательно проведенным законом об отделении Церкви от государства, согласно которому ни Церковь не должна мешать гражданскому правительству в успехах материального благополучия народа, ни государство стеснять Церковь в ее религиозно-нравственной деятельности.

Такой закон, изданный в числе первых революционным правительством, вошел в состав Конституции СССР и мог бы при изменившейся политической системе до известной степени удовлетворить обе стороны. Церковь не имеет религиозных оснований не принять его.

При создавшемся положении Церковь желала бы только полного и последовательного проведения в жизнь закона об отделении Церкви от государства. К сожалению, действительность далеко не отвечает этому желанию. Правительство, как в своем законодательстве, так и в порядке управления, не остается нейтральным по отношению к вере и неверию, но совершенно определенно становится на сторону атеизма, употребляя все средства государственного воздействия к его насаждению, развитию и распространению, в противовес всем религиям. Церковь, на которую ее вероучением возлагается религиозный долг проповеди Евангелия всем, в том числе и детям верующих, лишена по закону права выполнить этот долг по отношению к лицам, не достигшим 18-летнего возраста, между тем в школах и организациях молодежи детям самого раннего возраста и подросткам усиленно внушаются принципы атеизма со всеми логическими выводами из них. Основной закон дает гражданам право веровать во что угодно, но он сталкивается с законом, лишаящим религиозное общество права юридического лица и связанного с ним права обладания какой бы то ни было собственностью, даже предметами, не представляющими никакой материальной ценности, но дорогими и ценными, священными для верующих исключительно по своей религиозной значимости. В целях пропаганды противорелигиозной, по силе этого закона, у Церкви отобраны и помещены в музей почитаемые ею останки святых.

В порядке управления правительство принимает все меры к подавлению религии — оно пользуется всеми поводами к закрытию церквей и обращению их в места публичных зрелищ и упразднению монастырей, несмотря на введение в них трудового начала, подвергает служителей Церкви всевозможным стеснениям в житейском быту, не допускает лиц верующих к преподаванию в школах, запрещает выдачу из общественных библиотек книг религиозного содержания и даже только идеалистического направления и устами самых крупных государственных деятелей неоднократно заявляло, что та ограниченная свобода, которой Церковь еще пользуется, есть временная мера и уступка вековым религиозным навыкам народа.

Православная Церковь не может по примеру обновленцев засвидетельствовать, что религия в пределах СССР не подвергается никаким стеснениям и что нет другой страны, в которой она пользовалась бы столь полной свободой. Она не скажет вслух всему миру этой позорной лжи, которая может быть внушена только или лицемерием, или сервилизмом, или полным равнодушием к судьбам религии, заслуживающим безграничного осуждения в ее служителях. Напротив, со всей справедливостью она должна заявить, что не может признать справедливыми и приветствовать ни законов, ограничивающих ее в исполнении своих религиозных обязанностей, ни административных мероприятий, во много раз увеличивающих стесняющую тяжесть этих законов, ни покровительства, оказываемого в ущерб ей обновленческому расколу. Свое собственное отношение к государственной власти Церковь основывает на полном и последовательном проведении в жизнь принципа раздельности Церкви и государства. Она не стремится к ниспровержению существующего порядка и не принимает участие в деяниях, направленных к этой цели, она никогда не призывает к оружию и политической борьбе, она повинуетя всем законам и распоряжениям гражданского характера, но она желает сохранить в полной мере свою духовную свободу и независимость, предоставленные ей Конституцией, и не может стать слугой государства. Лояльности Православной Церкви советское правительство не верит. Оно обвиняет ее в деятельности, направленной к свержению нового порядка и восстановлению старого. Мы считаем необходимым заверить правительство, что эти обвинения не соответствуют действительности.

Епископы и священнослужители, в таком большом количестве страждущие в ссылке, тюрьмах или на принудительных работах, подверглись этим репрессиям не по судебным приговорам, а в административном порядке, без точно сформулированного обвинения, без правильно расследованного дела, без гласного судебного процесса, без предоставления им возможности защиты, часто даже без объяснения причин, что является бесспорным доказательством отсутствия серьезного обвинительного материала против них.

Основной закон нашей страны устраняет Церковь от вмешательства в политическую жизнь. Служители культа с этой целью лишены как активного, так и пассивного избирательного права, и им запрещено оказывать влияние на политическое самоопределение масс силою религиозного авторитета. Отсюда следует,

что Церковь, как в своей открытой деятельности, так и в своем интимном пастырском воздействии на верующих, не должна подвергаться критике или порицанию гражданские мероприятия правительства, но отсюда вытекает и то, что Она не должна и одобрять их, так как не только порицание, но и одобрение правительства есть вмешательство в политику и право одобрения предполагает право порицания или хотя бы право воздержания от одобрения, которое всегда быть может понято как знак недовольства и неодобрения. Соответственно этому Церковь и действует.

С полной искренностью мы можем заверить правительство, что ни в храмах, ни в церковных учреждениях, ни в церковных собраниях от лица Церкви не ведется никакой политической пропаганды. Епископы и клир и на будущее время воздержатся от обсуждения политических вопросов в проповедях и пастырских посланиях. Церковные учреждения, начиная приходскими советами и кончая Патриаршим Синодом, отнесутся к ним как к предметам, выходящим за пределы их компетенции. Они не будут также вносимы в программу приходских собраний, благотворительных и епархиальных съездов, Всероссийских Соборов и не будут на них затрагиваемы. В избрании членов церковных учреждений и представительных собраний Церковь совершенно не будет считаться с политическими взглядами, с социальным положением, имущественным состоянием и партийной принадлежностью избираемых, каковы бы они ни были, и ограничится предъявлением к ним исключительно религиозных требований и чистоты веры, ревности о нуждах Церкви, безупречности личной жизни и нравственного характера. <...> Церковь вторглась бы в гражданское управление, если бы, отказавшись от открытого обсуждения вопросов политических, стала влиять на направление дел путем пастырского воздействия на отдельных лиц, внушая им либо полное уклонение от политической деятельности, либо определенную программу таковой, призывая к вступлению в одни политические партии и к борьбе с другими. У каждого верующего есть свой ум и своя совесть, которые и должны указывать ему наилучший путь к устройению государства. Отнюдь не отказывая вопрошающим в религиозной оценке мероприятий, сталкивающихся с христианским вероучением, нравственностью и дисциплиной, в вопросах чисто политических и гражданских Церковь не связывает их свободы, внушая им лишь общие принципы нравственности, призывая их добросовестно выполнять

свои обязанности, действовать в интересах общего блага, не с малодушной целью угождать силе, а по сознанию справедливости и общественной пользы.

Совершенное устранение Церкви от вмешательства в политическую жизнь в Республике с необходимостью влечет за собой и Ее уклонение от всякого надзора за политической благонадежностью своих членов. В этом лежит глубокая черта различия между Православной Церковью и обновленческим расколом, органы управления которого и его духовенство, как это видно из их собственных неоднократных заявлений в печати, взяли на себя перед правительством обязательство следить за лояльностью своих единомыслителей, ручаться в этом отношении за одних и отказываться в поруке другим.

Православная Церковь считает сыск и политический донос совершенно несовместимым с достоинством пастыря. Государство располагает специальными органами наблюдения, а члены Церкви, Ее клир и миряне ничем не отличаются в глазах современного правительства от прочих граждан и потому подлежат политическому надзору в общем порядке. Из этих принципов вытекает недопустимость церковного суда по обвинению в политических преступлениях. <...> Православная Церковь такой суд отменяет.

Те церковно-гражданские законы, которыми руководилась Церковь в христианском государстве, после падения его утратили силу, а чисто церковные законодательства, которыми единственно в настоящее время может руководиться Церковь, не предусматривают суда над клириками и мирянами по обвинению в политических преступлениях и не содержат в своем составе еще канонов, которые налагали бы на верующих наказания за преступления подобного рода.

В качестве условий легализации церковных учреждений представителями ОГПУ неоднократно предъявлялось Патриарху Тихону и его заместителям требование доказать свою лояльность по отношению к правительству путем церковного осуждения русских епископов, действующих за границей против Советской власти.

Исходя из изложенных выше принципов, мы не можем одобрить обращения церковного амвона и учреждений в одностороннее орудие политической борьбы, тем более что политическая заинтересованность зарубежного епископата бросает тень на представителей Православной Церкви в пределах СССР, пи-

тает недоверие к их законопослушности и мешает установлению нормальных отношений между Церковью и государством. Тем не менее мы были бы поставлены в большое затруднение, если бы от нас потребовали выразить свое неодобрение в каком-нибудь церковном акте судебного характера, так как собрание канонических правил, как было сказано, не предусматривает суда за политические преступления. Но если бы даже православная иерархия, не считаясь с этим обстоятельством, по примеру обновленцев, решилась приступить к такому суду, то встретила бы целый ряд специальных затруднений, создающих неустранимые препятствия для закономерной постановки процесса, при которой единственно определения суда могут получить непререкаемый канонический авторитет и быть приняты Церковью.

Зарубежных епископов мог бы судить только Собор православных епископов, но вполне авторитетный Собор не может состояться уже потому, что около половины православных епископов находятся в тюрьме или ссылке и, следовательно, их кафедры не могут иметь законного представительства на Соборе.

Согласно церковным правилам вселенского значения, необходимо личное присутствие обвиняемых на суде, и только в случае злонамеренного уклонения их от суда разрешается заочное слушание дела. Зарубежные епископы, тяжкие политические преступники в глазах советской власти, в случае их прибытия в пределы СССР были бы лишены гарантии личной безопасности, а потому их уклонение и не могло бы быть признано злонамеренным.

Всякий суд предполагает судебное следствие. Православная Церковь не располагает органами, через посредство которых Она могла бы расследовать дело о политических преступлениях православных епископов за границей.

Но она не могла бы произнести Свой суд и на основании того обвинительного материала, который собран правительственными учреждениями, и если бы даже он был представлен на Собор, так как в случае возражения против него со стороны обвиняемых или представления ими новых данных и оправдывающих документов Собор был бы поставлен в необходимость пересмотра правительственного расследования, что со стороны Церкви было бы совершенно недопустимым нарушением гражданских законов.

Закон об отделении Церкви от государства двусторонен, он запрещает Церкви принимать участие в политике и гражданском управлении, но содержит в себе и отказ государства от вмешательства во внутренние дела Церкви и Ее вероучение, богослужение и управление.

Всецело подчиняясь этому закону, Церковь надеется, что государство добросовестно исполнит по отношению к Ней те обязательства по сохранению Ее свободы и независимости, которые в этом законе оно на себя приняло.

Церковь надеется, что не будет оставлена в этом бесправном и стесненном положении, в котором Она находится в настоящее время, что законы об обучении детей закону Божию и о лишении религиозных объединений прав юридического лица, будут пересмотрены и изменены в благоприятном для Церкви направлении, что останки святых, почитаемых Церковью, перестанут быть предметом кощунственных действий и из музеев будут возвращены в храм.

Церковь надеется, что Ей будет разрешено организовать епархиальное управление, избрать Патриарха и членов Священного Синода, действующих при нем, созвать для этого, когда Она признает это нужным, епархиальные съезды и Всероссийский Православный Собор. Церковь надеется, что правительство воздержится от всякого гласного или негласного влияния на выборы членов этих съездов (Собора), не стеснит свободу обсуждения религиозных вопросов на этих собраниях и не потребует никаких предварительных обязательств, заранее предрешающих сущность их будущих постановлений.

Церковь надеется также, что деятельность созданных таким образом церковных учреждений не будет поставлена в такое положение, при котором назначение епископов на кафедры, определения о составе Священного Синода, им принимаемые решения проходили бы под влиянием государственного чиновника, которому, возможно, будет поручен политический надзор за ними.

Представляя настоящую памятную записку на усмотрение правительства, Российская Церковь еще раз считает возможным отметить, что Она с совершенной искренностью изложила перед Советской властью как затруднения, мешающие установлению взаимно благожелательных отношений между Церковью и государством, так и те средства, которыми они могли бы быть устранены. Глубоко уверенная в том, что прочное и доверчивое отно-

шение может быть основано только на совершенной справедливости, Она изложила открыто, без всяких умолчаний и обоюдностей, что Она может обещать Советской власти, в чем не может отступить от Своих принципов и чего ожидает от Правительства СССР. Если предложения Церкви будут признаны приемлемыми, Она возрадуется о правде тех, от кого это будет зависеть.

Если Ее ходатайство будет отклонено, Она готова на материальные лишения, которым подвергается, встретит это спокойно, памятуя, что не в целостности внешней организации заключается Ее сила, а в единении веры и любви преданных Ей чад Ее, наипаче же возлагает Свое упование на непреодолимую мощь Ее Божественного Основателя и на Его обетование о неодолимости Его Создания¹.

Конечно, находившиеся в лагере епископы чувствовали себя гораздо свободнее, нежели находившийся на воле во главе церковной иерархии митрополит Сергей, тем более что, составляя свое послание как проект для митрополита Сергея, а не проект декларации для власти, они вполне могли писать то, что думали, исходя из того, что митрополит Сергей в зависимости от ситуации мог что-то изменить. И вместе с тем между проектом декларации и Посланием соловецких епископов существует одно существенное различие. Перечислив в конце послания примерно те же самые требования, которые в проекте своей декларации высказывал и митрополит Сергей, соловецкие епископы завершали свое послание, по существу, ультиматумом, который был сформулирован весьма сдержанно, но определенно. По существу, речь шла о перспективе перехода церковной жизни в катакомбы, на нелегальное положение, что, конечно же, было нежелательно как для Церкви, так и для государства, более всего опасавшегося неконтролируемой церковной жизни. Но такой ультиматум мог содержаться в Послании соловецких епископов, а митрополит Сергей в том положении, которое он так стремился получить в церковной иерархии, уже не мог позволить себе в такой форме говорить с властью. Перспектива ухода Церкви в катакомбы для готового идти на новые компромиссы с властью митрополита Сергея тогда уже не представлялась неизбежной, а тем более оправданной.

¹ Акты святейшего Тихона, Патриарха Московского и всея России... С. 500—507.

Убедившись, что разосланный многим епископам текст проекта декларации укрепил его позиции, митрополит Сергей 13 июня 1926 года в очередном письме к митрополиту Агафангелу еще более ужесточил свою позицию и фактически объявил о своей готовности предать церковному суду не только митрополита Агафангела, но и назначившего его своим заместителем и находившегося в заключении митрополита Петра:

...по общему нашему убеждению, Ваше Высокопреосвященство, не можете в настоящее время занять должность Местоблюстителя ни помимо митрополита Петра, как Вы это пытались сделать, издав свое Пермское послание, ни через митрополита Петра, как это Вы надеетесь сделать теперь. В первом случае не можете потому, что не имеете на это звание и должность никаких лично Вам принадлежащих прав... Во втором случае потому, что митрополит Петр, передавший мне хотя и временно, но полностью права и обязанности Местоблюстителя и сам лишенный возможности быть надлежаще осведомленным о состоянии церковных дел, не может уже нести ответственности за течение последних, ни тем более вмешиваться в управление ими. С другой стороны, я (или кто будет после меня), восприняв на себя вместе с должностью Местоблюстителя и всю ответственность за правильное течение церковных дел, не могу относиться к распоряжениям митрополита Петра, исходящим из тюрьмы, иначе чем только как к распоряжениям или, скорее, советам лица безответственного, т. е. могу принимать их к исполнению лишь под свою ответственность постольку, поскольку нахожу их полезными для Церкви. <...> Вы объявили себя Местоблюстителем при живом законном Местоблюстителе, т. е. совершили деяние, влекущее за собой даже лишение сана. Но, приветствуя подобное деяние, Петр сам становится соучастником его и тоже подлежит наказанию. <...> Постановление о предании Вас суду до сих пор не отменено, а потому вручать верховные полномочия в Церкви лицу, находящемуся под церковным судом, невозможно¹.

Со своей стороны митрополит Агафангел, не видя готовности большинства причастных к его конфликту с митрополитом Сергием епископов твердо поддержать решение митрополита Петра о передаче ему полномочий Патриаршего Местоблюстителя, уже 17 июня 1926 года отправил митрополиту Сергию телеграмму:

¹ Акты святейшего Тихона, Патриарха Московского и всея России... С. 479.

В ответ на Ваше письмо от 13 июня (н. ст.) с. г., полученное мною 17 июня (н. ст.), сообща Вашему Высокопреосвященству, что я, по преклонности лет и расстроенному здоровью, уже отказался от замещения должности Патриаршего Местоблюстительства, о чем и доложено мною Его Высокопреосвященству Местоблюстителю Патриаршего Престола Петру, митрополиту Крутицкому письмом от 12 сего июня (н. ст.) и доведено до сведения советской власти письмом от 8 июня (н. ст.)¹.

Уже в июне 1926 года лишенный властями прописки в Ярославле митрополит Агафангел оставил управление епархией и удалился в одну из деревень на реке Толга, отказавшись при этом от всякого епархиального содержания. Его затворничеству суждено было продолжаться полгода, но в декабре 1926 года, когда на русский епископат обрушилась новая волна арестов, коснувшаяся в том числе и митрополита Сергия, митрополит Агафангел вернулся на Ярославскую кафедру, где ему уже незадолго до кончины предстояло проявить себя в отстаивании свободы и достоинства гонимой Русской Православной Церкви.

Впрочем, уже через год многие епископы, познакомившись с реальными обстоятельствами конфликта между митрополитом Агафангелом и митрополитом Сергием и увидев воочию реальную политику последнего в качестве главы русской церковной иерархии, изменили свое отношение к митрополиту Сергию в контексте фактической узурпации им высшей церковной власти сразу у двух Патриарших Местоблюстителей митрополитов Агафангела и Петра. В феврале 1928 года об этом выразительно написал епископ Старобельский Павел (Кратиров) в послании «Наши критические замечания по поводу второго послания митрополита Сергия» (от 31 декабря 1927 года):

Мы лично смотрели и в настоящее время смотрим на митрополита Сергия только как на захватчика высшей церковной власти, которая по праву должна была принадлежать митрополиту Агафангелу. <...> Но что же скажет он в оправдание своего поведения со времени возвращения законного Местоблюстителя Патриаршего Престола митрополита Агафангела? Не он ли прилагал все меры к тому, чтобы лишить того возможности стать во главе управления? Не он ли отдал его под суд епископов за одну только попытку осуществить свое право, несмотря на определенно

¹ Там же. С. 480.

выраженную волю митрополита Петра, чтобы возглавил Русскую Церковь именно митрополит Агафангел? Не он ли одно время готов был судить самого Местоблюстителя митрополита Петра за признание им митрополита Агафангела, а в другое сам закрепляет свое положение его действительным или измышленным Пермским посланием. Поистине можно сказать, что если бы все православные иерархи знали все то, что было содеяно митрополитом Сергием за это время борьбы его за власть с митрополитом Агафангелом, то ему не пришлось нести того тяжкого креста, о котором он пишет в своем послании. Только именно благодаря малой осведомленности окраин в том, что делается в центре... и дана ему возможность «возложить на себя этот крест». Ссылка на Господа, таким образом, совершенно здесь неуместна и даже кощунственна¹.

Добившись отказа митрополита Агафангела от вступления в должность Патриаршего Местоблюстителя и исходя из перспективы достаточно продолжительного пребывания под арестом, а в дальнейшем и в заключении митрополита Петра, митрополит Сергей мог сохранять за собой полномочия главы русской церковной иерархии, лишь опираясь на поддержку значительной части епископата. В тот момент эта поддержка была связана с тем, что митрополит Сергей воспринимался многими как Предстоятель, способный добиться регистрации органов высшего церковного управления и изменения репрессивной политики большевистского режима без заключения новых компромиссных соглашений с властью. Однако видевший перспективу развития церковно-государственных отношений лишь ценой новых уступок властям и не намеревавшийся идти по пути предложенного Посланием соловецких епископов ультиматума советскому государству митрополит Сергей мог вскоре лишиться поддержки многих представителей епископата. Это обстоятельство побуждало его для сохранения своей власти искать поддержки органов ГПУ, и Е. А. Тучков, вероятно, именно в это время стал склоняться к идее сотрудничества именно с митрополитом Сергием. Так, в докладе ОГПУ 24 декабря 1926 года, подводившем итоги работы, проделанной во второй половине истекавшего года, отмечалось:

Митрополит Сергей, отказавшись от созыва совещания епископов для передачи права местоблюстительства Агафангелу, скло-

¹ Мазырин А., свящ. Указ. соч. С. 239–240.

нен был принять меры к легализации управляемой им церкви на условиях, приемлемых для советского правительства. Однако под давлением наиболее активных черносотенных церковников он вынужден действовать в направлении избрания патриархом бывшего Казанского митрополита Кирилла, находящегося сейчас в ссылке¹.

Действительно, летом 1926 года поставленный в распоряжении Патриарха Тихона о передаче его полномочий Местоблюстителем первым митрополитом Казанский Кирилл (Смирнов) должен был выйти из заключения, и уклониться от передачи ему власти главы русской церковной иерархии митрополиту Сергию было практически невозможно не только в силу формального статуса митрополита Кирилла как первого Патриаршего Местоблюстителя, назначенного Патриархом, но и в силу огромного авторитета, которым он обладал в русской епископской иерархии. Именно с этой столь неудобной для митрополита Сергия ситуацией оказался связан один из до сего времени полностью непроясненных эпизодов русской церковной истории XX века.

Осенью 1926 года после многомесячного пребывания под арестом митрополита Петра и конфликта между митрополитами Агафангелом и Сергием при очевидной невозможности созыва Поместного Собора среди русского епископата стала высказываться мысль о желательности подтвердить полномочия возможного Предстоятеля Русской Православной Церкви даже из числа Местоблюстителей, указанных в распоряжении Патриарха Тихона, проведением заочных выборов епископами нового Патриарха. Группа епископов во главе с епископом Павлином (Крошечкиным), собрав подписи более чем двадцати архиереев, обратилась к митрополиту Сергию с просьбой провести подобного рода «выборы», и после некоторых колебаний Заместитель Патриаршего Местоблюстителя дал согласие на проведение опроса среди епископов. Термин «выборы Патриарха» стоило заключить в кавычки, потому что речь шла лишь о том, чтобы опросить всех тех архиереев, с которыми можно было установить связь, о том, кого бы они хотели видеть в качестве Патриарха. Епископ Павлин, игумен Таврион (Батозский) и двое мирян И. А. и И. И. Кувшиновы осуществили большую часть работы по опросам православных епископов в течение осени 1926 года. До сих пор среди церковных историков существует предположение, что с какого-то

¹ Мазырин А., свящ. Указ. соч. С. 232–233.

момента епископ Павлин и его эмиссары попали под наблюдение ГПУ, которое сознательно дало возможность осуществить опрос большей части православных архиереев для того, чтобы впоследствии обвинить церковную иерархию, в том числе и митрополита Сергия, в осуществлении каких-то нелегальных действий, направленных против советской власти. При этом Е. А. Тучков мог стремиться показать митрополиту Сергию, что его авторитет среди русского епископата может оказаться недостаточным, чтобы оттеснить от власти митрополита Кирилла, и ему неизбежно придется обратиться за помощью к ГПУ. Хотя всех архиереев в ходе этих заочных «выборов» опросить не удалось, подавляющее их большинство (более семидесяти) выступило за то, чтобы выдвинуть кандидатом в Патриархи митрополита Казанского Кирилла, срок ссылки которого закончился в июне, но который продолжал оставаться в ссылке. Впрочем, ни сам митрополит Кирилл, ни митрополит Сергей не придавали этому опросу значения соборного волеизъявления русской церковной иерархии. Просто в очередной раз русские православные архиереи подтвердили высокий авторитет митрополита Кирилла, но положение митрополита Сергия при этом осталось неизменным. Будучи Заместителем Местоблюстителя, которого назначил на эту должность находившийся в заключении митрополит Петр, митрополит Сергей продолжал возглавлять русскую церковную иерархию.

В начале декабря 1926 года русский епископат захлестнула новая волна арестов, которые обрушивались в первую очередь на епископов, имевших отношение к «выборам» Патриарха. Среди арестованных 8–10 декабря архиереев оказались епископ Павлин и митрополит Сергей, которым в связи с проведением опроса епископов могли инкриминировать дело об организации общероссийской церковно-антисоветской организации. Вслед за ними аресту подвергся третий Заместитель Патриаршего Местоблюстителя, назначенный митрополитом Петром, архиепископ Иосиф (Петровых), которому пришлось назначить уже собственных заместителей в лице архиепископов Корнилия (Соболева), Фаддея (Успенского) и Серафима (Самойловича), из которых первые двое были арестованы, а все же прибывший в Москву для принятия канцелярии Московской Патриархии архиепископ Серафим вполне оправданно объявил властям об отсутствии у него полномочий единолично возглавлять русскую церковную иерархию. Преемство высшей церковной власти по существу было прерва-

но, и осень 1926 года выразительно показала, насколько уязвима каноничная церковная иерархия в Русской Православной Церкви, во главе которой стоял всего лишь один иерарх, Заместитель Патриаршего Местоблюстителя, полномочия которого уже в это время понимались среди русского епископата весьма различно.

Русская Православная Церковь в 1927 году. Декларация митрополита Сергия

Для властей арест митрополита Сергия открыл новые возможности подталкивания его к новым компромиссам. На этот раз от него потребовали в гораздо более жесткой форме, чем от Патриарха Тихона, в качестве главного условия предоставления регистрации органов высшего церковного управления дать обязательство осуществлять поставления и назначения епископов только по предварительному согласованию с Е. А. Тучковым. Одновременно от митрополита Сергия уже в ультимативной форме требовали новых деклараций, в которых бы он в еще более верноподданнических выражениях засвидетельствовал свою лояльность богоборческому большевистскому режиму.

Для того чтобы понять мотивы, побудившие митрополита Сергия пойти на дальнейшие уступки власти, необходимо по-человечески понять ту трагедию, которую он тогда пережил. Один из самых мудрых и опытных церковных политиков, которых когда-либо выдвигала из своей среды русская церковная иерархия, занимавший ключевые церковные посты еще до революции, привыкший руководить церковной жизнью в условиях правового государства, каковым была Российская империя, умевший вести диалог с политическими и государственными деятелями, которые так или иначе руководствовались достаточно прочными представлениями о законности, чести, собственном слове, митрополит Сергей оказался совершенно беззащитным перед той карательной машиной, которая была создана большевиками уже в первые десять лет существования их диктатуры. Он понял, что перед ним настоящий левиафан, государство, которое способно физически ликвидировать церковную жизнь, и так же, как Патриарх Тихон, но уже на десятом году существования советской власти он видел, насколько легко основная масса русского народа отступилась от Церкви.

Никто из оставшихся на свободе православных христиан не мог представить себе в полной мере, насколько трудный выбор предстоял митрополиту Сергию. Но ответить если не на вопрос «как?», то на вопрос «когда?» был сделан митрополитом Сергием этот выбор позволяют два документа, которые приводятся в книге, исследующей жизнь и труды будущего главного оппонента митрополита Сергия митрополита Кирилла.

12 февраля последовало постановление о продлении срока содержания под стражей арестованных митрополита Сергия и епископа Павлина, содержащихся во внутренней тюрьме ОГПУ, а также архиепископа Корнилия с епископом Григорием, томившихся в Бутырской тюрьме. Постановление было составлено следователем А. В. Казанским, согласовано с Тучковым и утверждено 15 февраля Г. Ягодой, который собственноручно красным карандашом (в традициях кремлевских вождей) начертил: «Утверждаю». Постановление следователя по этому делу гласило: «По рассмотрению означенного дела нашел, что срок содержания под стражей перечисленным лицам истекает; дело требует продолжения следствия и ввиду серьезности состава преступления (черносотенная группировка церковников, ведущих за собой всю Церковь) — изменение меры пресечения по отношению к перечисленным обвиняемым возможным не представляется. Ввиду изложенного полагал бы: войти с ходатайством перед Президиумом ВЦИК СССР о продлении срока содержания под стражей перечисленных лиц на два месяца, т. е. КРОШЕЧКИНА П. К. по 8 апреля, СТРАГОРОДСКОГО И. Н. по 14 апреля, СОБОЛЕВА Г. Г. по 17 апреля и КОЗЛОВА по 24 апреля сего 1927 года».

В результате решением Президиума ЦИК от 23 марта 1927 года за подписью секретаря ЦИК Енукидзе сроки содержания под стражей были увеличены. Что происходило в период между 23 марта и 2 апреля, можно только догадываться. Но 2 апреля было принято «Постановление об изменении меры пресечения» по делу № 36960, где следователь утверждал, что «следственное производство по делу в отношении Страгородского в основных чертах можно считать оконченным».

«Принимая во внимание изложенное, — говорилось в постановлении, — и то, что нахождение СТРАГОРОДСКОГО на свободе никакого влияния на ход следствия оказать не может, а также учитывая преклонный возраст и болезненность со-

стояния здоровья, считаю возможным изменить примененную к нему меру пресечения на все время ведения дальнейшего предварительного следствия по данному делу в отношении других проходящих по делу лиц. Посему полагаю: СТРАГОРОДСКОГО Ивана Николаевича (Сергия), арестованного 12 декабря 1926 года и содержащегося во Внутренней тюрьме ОГПУ, освободить под подписку о невыезде из Москвы. Дело следствием продолжить».

Постановление, естественно, было согласовано с Е. А. Тучковым, чья подпись тоже стоит под этим документом. Мотивировка, конечно, может смутить всякого, знакомого с методами работы ГПУ тех лет. Например, преклонный возраст и болезненность митрополита Петра Крутицкого не могли способствовать облегчению его тюремного и ссыльного содержания. Кроме того, предварительное следствие в отношении «других проходящих по делу лиц» не влекло их освобождения, хотя их участие «в организации» тайных выборов было несопоставимо менее деятельным, чем митрополита Сергия или епископа Павлина. Очевидно, что к этому времени между Тучковым и митрополитом Сергием была достигнута договоренность о легализации церковного управления и о той степени компромисса, которая потребуется от заместителя местоблюстителя¹.

Полной неожиданностью для многих православных христиан оказалось освобождение митрополита Сергия из тюрьмы 2 апреля 1927 года. Как и четыре года назад, многие ожидали, что правящий иерарх Русской Церкви навсегда останется в застенках ГПУ, подобно тому как в 1923 году всем казалось, что Патриарх Тихон будет предан судебной расправе и казнен. Более того, сразу после своего освобождения митрополит Сергей получил разрешение начать свою деятельность в Москве, на что он не имел разрешения раньше. После передачи ему канцелярии Московской патриархии архиепископом Серафимом уже 18 мая митрополит Сергей собрал в Москве совещание из нескольких приглашенных им епископов, на котором поставил многие насущные вопросы современной церковной жизни. 20 мая 1927 года митрополитом Сергием была получена наконец справка из НКВД, разрешавшая деятельность при нем Временного Патриаршего Священного Синода. Казалось, произошло то, чего на

¹ Журавский А. В. Во имя правды и достоинства Церкви. Жизнеописание и труды священномученика Кирилла Казанского в контексте исторических событий и церковных разделений XX века. М., 2004. С. 274–275.

протяжении десяти лет тщетно добивались Патриарх Тихон и митрополит Петр и чего власти не допускали в течение всех этих лет. Но самым неожиданным для русской церковной иерархии и всех православных христиан стало то, что 25 мая 1927 года митрополит Сергей и Временный Патриарший Священный Синод, который отныне должен был постоянно действовать при нем, уведомили епархиальных архиереев о необходимости подать заявления в местные органы власти о регистрации епархиальных архиереев и состоящих при них епархиальных советов. Это постановление Синода свидетельствовало о том, что отныне официально власти признавали как высшее церковное управление, так и епархиальные управления Русской Православной Церкви. Происшедшее казалось чудом, и многие, в том числе и сам митрополит Сергей, были склонны надеяться, что, получив регистрацию органов высшего церковного управления и епархиальных управлений, Русская Православная Церковь будет избавлена от гонений, не прекращавшихся все десять лет правления большевиков в России.

Однако последовавшие за освобождением действия митрополита Сергея летом и в начале осени 1927 года очень скоро у многих представителей русской церковной иерархии стали вызывать вопросы и даже опасения. Прежде всего обратили внимание на то, что уже летом 1927 года митрополит Сергей осуществил такие переводы около сорока епископов с кафедры на кафедру, которые не могли быть объяснены церковной необходимостью, но вполне могли быть вызваны давлением на него власти. Он отправил на покой группу епископов, находившихся в ссылке, и запретил возносить их имена за богослужением, как архиереев, смещенных со своих кафедр. Ни Патриарх Тихон, ни митрополит Петр не допускали подобного рода действий в отношении сосланных митрополитов, архиепископов и епископов, до этого времени они все оставались формально правящими архиереями, несмотря на то что могли провести в заточении даже несколько лет. Наконец 1 июля 1927 года митрополит Сергей подписал постановление № 95, которое было направлено митрополиту Евлогию (Георгиевскому), как единственному назначенному решением Патриарха Тихона и Синода от 8 апреля 1921 года правящим архиереем русских православных приходов за границей. Это постановление предписывало митрополиту Евлогию, всем другим православным русским архиереям и всему духовенству, находящимся за границей и признающим себя входящими в состав Русской Православной Церкви в России, дать подписку о лояльности советской влас-

ти. Подобные действия митрополита Сергия очевидно объяснялись тем, что его освобождение и получение регистрации для высшего церковного управления потребовали от него каких-то обязательств перед властями, и это обстоятельство усиливало опасения все большего числа представителей русской церковной иерархии. Наконец, создание Заместителем Патриаршего Местоблюстителя Временного Патриаршего Священного Синода, от имени которого теперь подписывались все основные документы, исходившие от митрополита Сергия, не могло не вызвать серьезных возражений канонического характера. Действительно, согласно определениям Поместного Собора 1917—1918 годов, Священный Синод должен состоять из двух постоянных членов в лице Патриарха Московского и митрополита Киевского, шести членов, избираемых на три года Поместным Собором, и пяти членов, вызываемых по очереди на один год. Недопущение большевистским режимом за предыдущие девять лет созыва Поместного Собора и происходившие за эти годы кончины, эмиграция, заточения многих избранных еще на Поместном Соборе членов Синода приводили к тому, что для обеспечения его деятельности Патриарх Тихон вводил в состав созданного на Поместном Соборе Синода уже не по избранию, а по своему назначению новых членов. Можно было полагать, что с передачей прав Патриарха Патриаршему Местоблюстителю подобного рода решения мог принимать и Местоблюститель. Но на каком основании Заместитель Местоблюстителя, собрав в Москве восемь архиереев, мог объявить эту группу Временным Патриаршим Священным Синодом? Если учесть, что согласно определениям Поместного Собора 1917—1918 годов Священный Синод во многих важных вопросах обладал полномочиями высшей церковной власти, далеко превосходившей даже полномочия Патриарха, то не стремился ли митрополит Сергий созданием своего самозванного Временного Патриаршего Священного Синода, от имени которого вплоть до его роспуска в 1935 году он будет выпускать все свои основные документы, расширить свои весьма скромные полномочия Заместителя Патриаршего Местоблюстителя и получить в Русской Православной Церкви власть неизмеримо большую, чем имел в ней даже избранный Поместным Собором Патриарх? Те обстоятельства, что Временный Патриарший Священный Синод был быстро зарегистрирован НКВД и что в составе этого Синода практически не было авторитетных церковных иерархов при наличии нескольких уже скомпрометировавших себя сотрудничеством с властями

архиереев, могли лишь увеличивать сомнения в безупречности действий митрополита Сергия в глазах русского православного епископата.

29 июля 1927 года за подписями митрополита Сергия и членов Временного Патриаршего Синода было выпущено послание, подобное тем посланиям, которые выпускали и его предшественники и содержание которых с 1923 года уже патриархом Тихоном нередко согласовывалось с представителями власти. Таковым должно быть стать и это послание, с самого начала получившее название «Декларация». Но было очевидно, что находившийся еще совсем недавно в заключении митрополит Сергей должен был в своем первом после получения регистрации органов высшего церковного управления послании высказаться достаточно определенно и честно обо всех основных проблемах русской церковной жизни.

Одною из забот почившего Святейшего Отца нашего Патриарха Тихона пред его кончиной было поставить нашу Православную Русскую Церковь в правильные отношения к Советскому Правительству и тем дать Церкви возможность вполне законного и мирного существования. <...> К сожалению, разные обстоятельства, а главным образом, выступления зарубежных врагов Советского Государства, среди которых были не только рядовые верующие нашей Церкви, но и водители их, возбуждая естественное и справедливое недоверие правительства к церковным деятелям вообще, мешали усилиям Святейшего, и ему не суждено было при жизни видеть своих усилий увенчанными успехом. Ныне жребий быть временным Заместителем Первосвятителя нашей Церкви опять пал на меня, недостойного митрополита Сергия, а вместе со жребием пал на меня и долг продолжать дело Почившего и всемерно стремиться к мирному устроению наших церковных дел.

Так начиналась эта декларация, в которой митрополит Сергей подчеркивал преимущество своей политики по отношению к Патриарху Тихону.

Усилия мои в этом направлении, разделяемые со мною и православными архипастырями, как будто не остаются бесплодными: с учреждением при мне Временного Патриаршего Священного Синода укрепляется надежда на приведение всего нашего церковного управления в должный строй и порядок, возрастает и уверенность в возможности мирной жизни и деятельности нашей в пределах закона.

Митрополит Сергий констатировал факт официальной регистрации властями высшего церковного управления и выражал надежду на то, что официально признанная Русская Православная Церковь уже не будет подвергаться гонениям, которые, как правило, сопровождались обвинениями Церкви в контрреволюции.

Теперь, когда мы почти у самой цели наших стремлений, выступления зарубежных врагов не прекращаются: убийства, поджоги, налеты, взрывы и им подобные явления подпольной борьбы у нас всех на глазах. Все это нарушает мирное течение жизни, создавая атмосферу взаимного недоверия и всяческих подозрений. Тем нужнее для нашей Церкви и тем обязательнее для нас всех, кому дороги Ее интересы, кто желает вывести Ее на путь легального и мирного существования, тем обязательнее для нас теперь показать, что мы, церковные деятели, не с врагами нашего Советского Государства и не с безумными орудиями их интриг, а с нашим народом и с нашим правительством.

Этот фрагмент послания звучал в достаточной степени лояльно, хотя по сравнению с посланиями Тихона 1923—1925 годов здесь нет каких-то новых слов, новых принципиальных положений. Упоминания об убийствах, налетах и взрывах не лишены оснований. В 1927 году в Москве и Ленинграде были предприняты попытки осуществить ряд террористических актов в отношении представителей властей. Эта страница русской истории была связана с тем, что после ряда провалов представителей русской эмиграции в России, в частности Российского общевойскового союза, который в лице генерала А. П. Кутепова пытался создать подпольную сеть в России, ряд членов РОВСа попытались, — в силу того, что они оказались парализованными в Советской России провокаторской деятельностью агентуры ГПУ, — осуществить ряд активных действий, чтобы показать силу своей организации на территории Советской России. Эти террористические акты, о которых много вещала советская пропаганда, и имел в виду митрополит Сергий, учитывая то обстоятельство, что Церковь могли обвинить в одобрении этих террористических актов.

Ходатайство наше о разрешении Синоду начать деятельность по управлению Православной Всероссийской Церковью увенчалось успехом. Теперь наша Православная Церковь в Союзе имеет не только каноническое, но и по гражданским законам вполне легальное центральное управление; а мы надеемся, что легализа-

ция постепенно распространится и на низшее наше церковное управление: епархиальное, уездное и т. д. Едва ли нужно объяснять значение и все последствия перемены, совершающейся таким образом в положении нашей Православной Церкви, Ее духовенства, всех церковных деятелей и учреждений... Вознесем же наши благодарственные молитвы ко Господу, тако благоволившему о святой нашей Церкви. Выразим всенародно нашу благодарность и Советскому Правительству за такое внимание к духовным нуждам православного населения, а вместе с тем заверим Правительство, что мы не употребим во зло оказанного нам доверия.

Нередко оппоненты митрополита Сергия обвиняли его в том, что в декларации он выразил благодарность советскому правительству за то, что оно осуществляло гонения на Церковь. Однако речь шла о вполне естественной, вполне дипломатически объяснимой благодарности за вполне конкретные действия советской власти, а именно за предоставление той самой регистрации, с которой многие годы связывала свои надежды русская церковная иерархия.

Приступив, с благословения Божия, к нашей синодальной работе, мы ясно сознаем всю величину задачи, предстоящей как нам, так и всем вообще представителям Церкви. Нам нужно не на словах, а на деле показать, что верными гражданами Советского Союза, лояльными к Советской власти, могут быть не только равнодушные к православию люди, не только изменники ему, но и самые ревностные приверженцы его, для которых оно дорого, как истина и жизнь, со всеми его догматами и преданиями, со всем его каноническим и богослужебным укладом. Мы хотим быть православными и в то же время сознавать Советский Союз нашей гражданской родиной, радости и успехи которой — наши радости и успехи, а неудачи — наши неудачи.

За эти слова митрополита Сергия также критиковали, упрекая в том, что он отождествил радости советского государства с радостями Церкви и, наоборот, неудачи советского государства рассматривал, как церковные неудачи. Но здесь шла речь о неудачах родины, а не государства. В конце концов, не русская церковная иерархия, не митрополит Сергий допустили установление на нашей родине богоборческого большевистского режима. В конечном итоге сделал это возможным в нашей стране наш народ. А церков-

ная иерархия продолжала служение среди того народа, в той стране, которые реально существовали. И если страна и народ стали советскими, то Церкви ничего не оставалось, как разделять с ними их радости и их неудачи, часто не солидаризируясь в духовном и нравственном отношении с их успехами и неудачами. Родина осталась родиной, и другой России не было.

Оставаясь православными, мы помним свой долг быть гражданами Союза «не только из страха, но и по совести», как учил нас Апостол (Рим. 13:5). И мы надеемся, что с помощью Божиею, при вашем общем содействии и поддержке эта задача будет нами разрешена.

Мешать нам может лишь то, что мешало и в первые годы Советской власти устроению церковной жизни на началах лояльности. Это — недостаточное сознание всей серьезности совершившегося в нашей стране. Утверждение Советской власти многим представлялось каким-то недоразумением, случайным и потому недолговечным. Забывали люди, что случайностей для христианина нет и что в совершающемся у нас, как везде и всегда, действует та же Десница Божия, неуклонно ведущая каждый народ к предназначенной ему цели. Таким людям, не желающим понять «знамений времени», и может казаться, что нельзя порвать с прежним режимом и даже с монархией, не порывая с православием.

В этом фрагменте митрополит Сергий имел в виду не просто представителей церковной иерархии, но и представителей широких кругов православной церковной общественности, ибо и он сам принадлежал к той категории русских православных епископов, которые на протяжении всей своей жизни пребывали в непоколебимой уверенности, что история Русской Церкви неотделима от истории русской монархии. Не случайно крушение монархии вызвало у многих русских православных христиан ощущение апокалиптичности происходящего и открыло новый этап в истории Церкви, который предполагал конец мировой истории, во время которого Церковь будет обречена на многочисленные гонения. И конечно же, во время этих гонений она не должна идти ни на какие компромиссы, тем более не должна вступать в какие бы то ни было формальные отношения с богоборческой властью, которая не будет долгим явлением в русской и мировой истории. Крушение монархии открывало для многих эпоху Страшного суда, и мысли о долгосрочной перспективе существования Церкви в условиях

советского государства в этом духовно-историческом контексте казались совершенно беспочвенными.

Митрополит Сергей смотрел на ситуацию в стране иначе, точно так же, как и Патриарх Тихон, и, предупреждая возможные упреки со стороны своих оппонентов, склонных критиковать его за попытку построить какие-то легальные отношения с советским государством, он продолжал:

Такое настроение известных церковных кругов, выразившееся, конечно, и в словах, и в делах и навлекавшее подозрения Советской власти, тормозило и усилия Святейшего Патриарха установить мирные отношения Церкви с Советским Правительством. Недаром ведь Апостол внушает нам, что «тихо и безмятежно жить» по своему благочестию мы можем, лишь повинувшись законной власти (1 Тим. 2:2), или должны уйти из общества. Только кабинетные мечтатели могут думать, что такое огромное общество, как наша Православная Церковь со всей Ее организацией, может существовать в государстве спокойно, закрывшись от власти. Теперь, когда наша Патриархия, исполняя волю почившего Патриарха, решительно и бесповоротно становится на путь лояльности, людям указанного настроения придется или переломить себя и, оставив свои политические симпатии дома, приносить в Церковь только веру и работать с нами только во имя веры; или, если переломить себя они сразу не смогут, по крайней мере не мешать нам, устранившись временно от дела. Мы уверены, что они опять и очень скоро возвратятся работать с нами, убедившись, что изменилось лишь отношение к власти, а вера и православно-христианская жизнь остаются незыблемы.

В этой части послания на первый взгляд все представляется достаточно ясным. Безусловно, митрополит Сергей, как, впрочем, его предшественники, свыкся с мыслью о том, что в истории Русской Церкви начался этап, когда Церковь будет сосуществовать, если это окажется практически возможным, не с православной монархической государственностью, а с богоборческим большевистским режимом. Митрополит Сергей был уверен, что его новые уступки уже принесли и в дальнейшем будут приносить какие-то реально ощутимые плоды. Он призывал тех, кто соблазнился его действиями, ждать, и ждать не так уж долго, ибо в скором времени они увидят, что компромиссы, о которых он прямо предпочитал не говорить, принесут положительные результаты для всей церковной жизни. Но какие компромиссы имел в виду митрополит Сергей?

Он имел в виду то, что уже становилось понятно его оппонентам из епископской иерархии, но о чем тогда еще немногие из них осмеливались говорить публично.

Особенную остроту при данной обстановке получает вопрос о духовенстве, ушедшем с эмигрантами за границу. Ярко противосоветские выступления некоторых наших архипастырей и пастырей за границей, сильно вредившие отношениям между правительством и Церковью, как известно, заставили почившего Патриарха упразднить заграничный Синод (5 мая/22 апреля 1922 г.). Но Синод и до сих пор продолжает существовать, политически не меняясь, а в последнее время своими притязаниями на власть даже расколол заграничное церковное общество на два лагеря. Чтобы положить этому конец, мы потребовали от заграничного духовенства дать письменное обязательство в полной лояльности к Советскому Правительству во всей своей общественной деятельности. Не давшие такого обязательства или нарушившие его будут исключены из состава клира, подведомственного Московской Патриархии. Думаем, что, размежевавшись так, мы будем обеспечены от всяких неожиданностей из-за границы. С другой стороны, наше постановление, может быть, заставит многих задуматься, не пора ли и им пересмотреть вопрос о своих отношениях к Советской власти, чтобы не порывать со своей родной Церковью и Родиной.

В этой части декларации митрополит Сергий в выражениях даже более сдержанных, чем Патриарх, подверг критике деятельность русских церковных иерархов за границей, группировавшихся вокруг Синода Русской Православной Церкви Заграницей, пригрозив им не церковным судом, а всего лишь исключением «из состава клира, подведомственного Московской Патриархии».

Не менее важной своей задачей мы считаем и приготовление к созыву и самый созыв нашего Второго Поместного Собора, который изберет нам уже не временное, а постоянное центральное церковное управление, а также вынесет решение и о всех «похитителях власти» церковной, раздирающих хитон Христов. Порядок и время созыва, предметы занятий Собора и прочие подробности будут выработаны потом. Теперь же мы выразим лишь наше твердое убеждение, что наш будущий Собор, разрешив многие наболевшие вопросы нашей внутренней церковной жизни, в то же время своим соборным разумом и голосом даст окон-

чательное одобрение и предпринятому нами делу установления правильных отношений нашей Церкви к Советскому Правительству¹.

Таким образом, уже не первый раз в этой декларации обращаясь к своим возможным оппонентам, митрополит Сергей предложил им перенести уже очевидно начинавшуюся дискуссию с ним на суд будущего Поместного Собора, которому так и не суждено было состояться при жизни митрополита Сергея и практически всех его оппонентов, пребывавших тогда в архиерейском сане.

Декларация митрополита Сергея в момент ее опубликования не имела какого-то принципиального значения, по своему содержанию она была во многом созвучна с посланиями Патриарха Тихона 1923–1925 годов, которые подвергались критике со стороны отдельных епископов, но благодаря авторитету Патриарха Тихона не разрушали церковного единства среди православного епископата. Декларация не привносила ничего качественно нового в политику митрополита Сергея. Однако именно реальная политика митрополита Сергея настораживала многих епископов, которые все чаще размышляли над тем, оправданны ли уступки, на которые пошел Заместитель Патриаршего Местоблюстителя при получении легального статуса для руководства Московской Патриархии, но вплоть до конца сентября 1927 года критика митрополита Сергея не выходила за рамки частных разговоров тех или иных русских епископов как между собой, так и с самим митрополитом Сергием.

В связи с этим особое значение имел документ, составленный в сентябре 1927 года в Соловецком лагере особого назначения группой продолжавших там находиться епископов, ведущую роль среди которых играл будущий священномученик епископ Василий (Зеленцов). Не претендуя на то, что составленный ими текст, в отличие от Послания соловецких епископов 1926 года, сможет повлиять на позицию митрополита Сергея, авторы лишь откликнулись на текст его Декларации от 29 июля 1927 года и стремились довести свою оценку столь важного для митрополита Сергея документа до сведения русского епископата.

1. Мы одобряем самый факт обращения Высшего Церковного Учреждения к Правительству с заверением о лояльности Церкви в отношении советской власти во всем, что касается гражданско-

¹ Акты святейшего Тихона, Патриарха Московского и всея России... С. 509–513.

го законодательства и управления. Подобные заверения, неоднократно высказанные Церковью в лице почившего Патриарха Тихона, не рассеяли подозрительного отношения к Ней правительства; поэтому повторение таких заверений нам представляется целесообразным.

2. Мы вполне искренно принимаем чисто политическую часть послания, а именно:

а) Мы полагаем, что клир и прочие церковные деятели обязаны подчиняться всем законам и правительственным распоряжениям, касающимся гражданского благоустройства государства.

б) Мы полагаем, что тем более они не должны принимать никакого ни прямого, ни косвенного, ни тайного, ни явного участия в заговорах и организациях, имеющих целью ниспровержение существующего порядка и формы правления.

в) Мы считаем совершенно недопустимым обращение Церкви к иноземным правительствам с целью подвигнуть их к вооруженному вмешательству во внутренние дела Союза для политического переворота в нашей стране.

г) Вполне искренно принимая закон, устранивший служителей культа от политической деятельности, мы полагаем, что священнослужитель как в своей открытой церковно-общественной деятельности, так и в интимной области пастырского воздействия на совесть верующих не должен ни одобрять, ни порицать действий Правительства.

3. Но мы не можем принять и одобрить послания в его целом, по следующим соображениям:

а) В абзаце 7-м мысль о подчинении Церкви гражданским установлениям выражена в такой категорической и безоговорочной форме, которая легко может быть понята в смысле полного сплетения Церкви и государства. <...>

б) Послание приносит правительству «всенародную благодарность за внимание к духовным нуждам православного населения». Такого рода выражение благодарности в устах Главы Русской Православной Церкви не может быть искренним и потому не отвечает достоинству Церкви... <...>

в) Послание Патриархии без всяких оговорок принимает официальную версию и всю вину в прискорбных столкновениях между Церковью и государством возлагает на Церковь... <...>

г) Послание угрожает исключением из клира Московской Патриархии священнослужителям, ушедшим с эмигрантами,

за их политическую деятельность, т. е. налагает церковное наказание за политические выступления, что противоречит постановлению Всероссийского Собора 1917–1918 гг. от 3 (16) августа 1918 г., разъяснившего всю каноническую недопустимость подобных кар и реабилитировавшему всех лиц, лишенных сана за политические преступления в прошедшем (Арсений Мациевич, священник Григорий Петров).

4. Наконец, мы находим послание Патриаршего Синода неполным, недоговоренным, а потому недостаточным.

Соловки. 1927 г. 14 (27) сентября¹

Конечно, перечень составителей этого отклика соловецких епископов на Декларацию отличался от более представительного состава авторов Послания соловецких епископов 1926 года, и они не очень хорошо себе представляли реальную политику в области церковно-государственных отношений, проводившуюся митрополитом Сергием летом 1927 года. Но как таковой текст Декларации митрополита Сергия вызывал у них двойственное отношение и не считался ими в целом приемлемым. А между тем в это время в Соловецком лагере находились как будущие противники, так и будущие сторонники митрополита Сергия, что предполагало перспективу будущей поляризации позиций среди русских православных епископов именно по мере проведения митрополитом Сергием своего нового церковно-политического курса.

Но уже осенью 1927 года глубокий конфликт между митрополитом Сергием и некоторыми представителями епископской иерархии публично обнаружил себя в связи с его решением о переводе некогда назначенного самим же митрополитом Сергием на Ленинградскую кафедру митрополита Иосифа (Петровых) на Одесскую кафедру. Это решение было принято им под очевидным давлением властей и выявило полную капитуляцию, на которую пошел митрополит Сергей в краеугольном вопросе переговоров с Е. А. Тучковым об условиях предоставления регистрации органам высшего церковного управления. В отличие от Патриарха Тихона и Патриаршего Местоблюстителя митрополита Петра он согласился подчинить ГПУ кадровую политику в области руководства епископской иерархией. Так в сентябре 1927 года началось противостояние митрополита Сергия уже не с обновленцами или григорианами, а с весьма авторитетными православными церковными иерархами, в том числе со всеми тремя Патриаршими Местоблюстителями.

¹ Акты святейшего Тихона, Патриарха Московского и всея России... С. 515–516.

И именно в сентябре 1927 года Зарубежный Синод выпустил Окружное послание архиереев Русской Православной Церкви Заграницей, которое и стало формальным актом, разорвавшим каноническое общение Русской Православной Церкви Заграницей с митрополитом Сергием.

Русская Православная Церковь Заграницей. Церковный Собор 1921 года в г. Сремски Карловцы

Продолжавшаяся на основной части территории России более трех лет Гражданская война создала в жизни Русской Православной Церкви ситуацию, при которой многие епархии оказались отделенными линиями фронтов от своего канонического центра в лице Патриарха, Синода и Высшего Церковного Совета, находившихся в Москве. В силу этого обстоятельства во многих епархиях совершенно стихийно стали предприниматься попытки создания временных органов церковного управления, которые могли бы решать на местах вопросы, входившие, согласно определениям Поместного Собора 1917–1918 годов, в компетенцию органов высшего церковного управления, находившихся в Москве. Так, уже в ноябре 1918 года Сибирское церковное совещание в Томске, на котором присутствовало тринадцать архиереев епархий Поволжья, Урала, Сибири и Дальнего Востока, избрало Сибирское Временное Высшее Церковное Управление во главе с архиепископом Омским Сильвестром (Ольшевским), а в мае 1919 года в Ставрополе аналогичный сибирскому церковному совещанию собор избрал Южное Временное Высшее Церковное Управление во главе с архиепископом Донским Митрофаном (Симашкевичем), которого осенью 1919 года на этом посту сменил митрополит Киевский Антоний (Храповицкий). Это были постоянно действующие совещания архиереев епархий, отделенных от канонического центра в Москве, на которые либо избирались, либо делегировались представители духовенства и мирян данных епархий и которые брали на себя решения вопросов, подлежащих компетенции высших органов церковного управления и таким образом обеспечивали существование полноценной церковно-административной жизни епархий в отрыве от канонического центра.

В течение всего периода Гражданской войны подобная практика на территориях, которые контролировались антибольшевистскими

правительствами, не только допускалась Патриархом, но 20 ноября 1920 года на заседании соединенного присутствия Патриарха, Синода и Высшего Церковного Совета постановлением № 362 была признана вполне каноничной, а деятельность этих органов временного высшего управления на местах была четко регламентирована и согласована с деятельностью органов постоянного высшего церковного управления в Москве. Применительно к ситуации в церковной жизни периода Гражданской войны особое значение имели пункты 2 и 10 этого постановления:

2. В случае, если епархия, вследствие передвижения фронта, изменения государственной границы и т. п., окажется вне всякого общения с Высшим Церковным Управлением, или само Высшее Церковное Управление во главе со Святейшим Патриархом почему-либо прекратит свою деятельность, епархиальный Архиерей немедленно входит в сношение с Архиеереями соседних епархий на предмет организации высшей инстанции церковной власти для нескольких епархий, находящихся в одинаковых условиях (в виде Временного Высшего Церковного Правительства или митрополичьего округа или еще иначе).

10. Все принятые на местах, согласно настоящему указанию, мероприятия впоследствии, в случае восстановления центральной церковной власти, должны быть представляемы на утверждение последней¹.

Разгром Белого движения на юге России, завершившийся в ноябре 1920 года эвакуацией из Крыма армии генерала П. Н. Врангеля и сопровождавшийся многотысячным потоком гражданских беженцев из России, создал на территории Турции и некоторых балканских стран один из наиболее многочисленных очагов русской эмиграции. Организация церковной жизни среди нескольких сотен тысяч русских православных христиан, оказавшихся на положении беженцев в этом огромном регионе, легла на плечи небольшой группы архиереев, бывших в годы Гражданской войны архиереями епархий в основном юга России и участвовавших в деятельности Ставропольского, Южного и Крымского Временных Высших Церковных Управлений и покинувших Россию вместе с отступившей за границу армией генерала П. Н. Врангеля.

Многообразие внешних проблем, связанных с организацией церковной жизни в эмигрантской среде, с самого начала усугублялось для этой группы епископов неопределенностью их канониче-

¹ Церковные ведомости. 1926. № 17–18. С. 6–7.

ского положения, обусловленного пребыванием этих епископов за пределами канонической территории Русской Православной Церкви, ибо, покинув свои епархии, эти епископы в соответствии с церковными канонами формально лишались права осуществлять свое епископское служение где бы то ни было без благословения на это Патриарха Тихона. Сознывая неопределенность своего канонического положения и не имея возможности восстановить сношения с Московской Патриархией, русские епископы, находившиеся в Константинополе, в ноябре 1920 года на совещании в составе митрополита Киевского Антония (Храповицкого), митрополита Одесского Платона (Рождественского), архиепископа Кишиневского Анастасия (Грибановского), архиепископа Полтавского Феофана (Быстрова) и епископа Севастопольского Вениамина (Федченкова) приняли решение о создании на территории Константинопольской Патриархии Высшего Русского Церковного Управления (ВРЦУ) за границей для организации духовного окормления русских православных христиан, находившихся на этой территории. При этом предполагалось, что деятельность ВРЦУ за границей станет возможной лишь при условии благословения ее Вселенской Патриархией. В результате обращения русских епископов за подобным благословением в Константинопольскую Патриархию митрополитом Антонием была получена грамота от 2 декабря 1920 года за № 9044, позволявшая ВРЦУ за границей осуществлять свою деятельность на территории Константинопольской Патриархии и в других странах «под высшим управлением Вселенской Патриархии, для надзора и руководства общей церковной жизнью русских церковных колоний»¹.

Обращение русских епископов в Константинополе во Вселенскую Патриархию без благословения Патриарха Тихона и получение ими грамоты, формально подчинявшей этих епископов Вселенской Патриархии, также явились каноническими нарушениями и рассматривались самими русскими епископами в Константинополе лишь как обусловленные особыми историческими обстоятельствами временные меры, призванные нормализовать церковную жизнь в одной из многочисленных групп русских эмигрантов. Поэтому, когда менее чем через три месяца Сербская Патриархия по инициативе находившегося в это время в Сербии архиепископа Евлогия (Георгиевского) пригласила русских епископов в Константинополе

¹ Троицкий С. В. О неправде карловацкого раскола. Разбор книги прот. М. Польского «Каноническое положение высшей церковной власти в СССР и за границей». Париж. 1960. С. 95.

на свою территорию, не ставя перед ними условия подчинения Сербскому Патриарху, ВРЦУ за границей в марте 1921 года было переведено в город Сремски Карловцы, бывший резиденцией Сербских Патриархов. При этом ВРЦУ за границей пришлось допустить еще одно каноническое нарушение в связи с тем, что перемещение группы русских епископов на территорию Сербской Православной Церкви было осуществлено без благословения взявшей их всего лишь три месяца назад под свой омофор Вселенской Патриархии.

Таким образом, не имевшие связи с высшей церковной властью Русской Православной Церкви, но в то же время оказавшиеся на территории других Поместных Церквей, где любая форма церковной деятельности должна была получать благословение местной высшей церковной власти, русские епископы все же решили пойти по уже оправдавшему себя в церковной практике в период Гражданской войны пути самостоятельного создания органов Временного Высшего Церковного Управления, которые, по мнению этих епископов, не должны были подчиняться какой-либо иной, в том числе и территориальной, высшей церковной власти, кроме руководства Московской Патриархии, на восстановление связи с которой русские епископы в изгнании продолжали надеяться.

Но сколь бы проблематичной ни представлялась каноническая обоснованность создания ВРЦУ за границей, следует подчеркнуть, что сама по себе деятельность русских епископов за границей, направленная на упорядочение церковной жизни в эмигрантской среде, не только была нравственно оправданной, но и при согласовании этой деятельности в дальнейшем с Патриархом Тихоном могла получить твердую каноническую основу через благословение руководства Русской Православной Церкви. Именно такая перспектива и представлялась наиболее целесообразной для большинства русских епископов за границей, продолжавших считать себя архиереями Русской Православной Церкви и начавших летом 1921 года подготовку Собрания представителей Русской Православной Церкви Заграницей, призванного не только ввести в единое церковное русло жизнь русских православных христиан в изгнании, но и подчеркнуть неразрывную каноническую связь всего русского епископата за границей с церковной иерархией Московской Патриархии.

Открывшееся в ноябре 1921 года и получившее впоследствии наименование Русского Всезаграничного Церковного Собора собрание объединяло в своем составе представителей значительной части русской эмиграции, не ограничиваясь первоначально окормлявшимися ВРЦУ за границей русскими христианами, которые проживали

в балканских странах и Турции. В состав Собора вошли все епископы и все члены Всероссийского Поместного Собора, находившиеся за границей, представители от приходов и монашествующих. При этом наряду с епископами и клириками на собрании были представлены и миряне, составлявшие почти две трети участников собрания и представлявшие как церковные приходы, так и некоторые общественно-политические организации русской эмиграции. 21 ноября 1921 года Собор начал свою работу в здании сербской гимназии в городе Сремски Карловцы. Председательствовал митрополит Антоний, почетным председателем был Сербский Патриарх Димитрий.

В перечне документов, принятых на Русском Всезаграничном Церковном Соборе и посвященных главным образом решению вопросов церковно-административного характера, следует выделить положение о Высшем Церковном Управлении за границей, которое предполагало избрание на этом же Соборе Высшего Русского Церковного Управления, в которое вошли, наряду с епископами, один представитель духовенства и один представитель мирян, положение о епархиальном управлении, положение о приходах, подтверждавшее по сути дела приходской устав, принятый на Поместном Соборе 1917 года.

Разработанный в отделе о духовном возрождении России проект послания «Чадам Русской Православной Церкви, в рассеянии и изгнании сущим» был представлен Н. Е. Марковым, лидером Высшего монархического совета, с которым у митрополита Антония установились довольно теплые отношения и который изначально рассматривал Собор как арену для рекламы своей организации. Послание было написано в очень искреннем, проникновенном тоне и обращено к русским эмигрантам, которые ощущали себя оставшимися в этот момент не только без Церкви, но и без Родины. Однако находившееся в заключительной части послания положение не могло не вызвать на Соборе бурную полемику:

Пусть неусыпно пламенеет молитва наша и укажет Господь пути спасения и строительства родной земли, да даст защиту вере и Церкви и всей земле Русской, и да осенит он сердце народное, да вернет на всероссийский престол Помазанника, сильного любовью народной, законного Православного Царя из дома Романовых¹.

¹ *Никон (Рклицкий), архиеп.* Жизнеописание Блаженнейшего Антония, митрополита Киевского и Галицкого. Т. VI. Изд. Северо-Американской и Канадской епархии, 1960. С. 29.

Николай Марков и митрополит Антоний с большинством членов Собора настаивали на том, что послание должно быть принято именно в такой форме. Меньшинство настаивало на необходимости исключения этого положения из текста послания и было вынуждено выступить с заявлением, которое подписали тридцать четыре члена Собора:

Мы, нижеподписавшиеся, заявляем, что данная большинством Отдела духовного возрождения постановка вопроса о монархии, с упоминанием притом и династии, носит политический характер и, как таковая, обсуждению церковного собрания не подлежит. Посему мы в решении этого вопроса и голосовании не считаем возможным принять участие¹.

Показательно, что среди подписавших это заявление оказались шесть из двенадцати архиереев, присутствовавших на Соборе, в том числе такие авторитетные архипастыри, как архиепископ Евлогий (Георгиевский), архиепископ Анастасий (Грибановский), епископ Вениамин (Федченков), четырнадцать из двадцати двух представителей духовенства и четырнадцать мирян. Таким образом, вопреки воле половины епископов и большинства духовенства, присутствовавших на Соборе, это послание было принято благодаря поддержке большинства мирян, количественно преобладавших на Соборе. Столь своеобразная позиция большинства мирян, участвовавших в Соборе, была связана с тем, что значительная их часть была кооптирована на Собор его председателем митрополитом Антонием из числа членов Высшего Монархического Совета.

Собор прекратил свою работу 2 декабря 1921 года, подтвердив, конечно же, принадлежность русской церковной эмиграции к Русской Православной Церкви, возглавлявшейся Патриархом Тихоном, и одновременно создав Высшее Русское Церковное Управление за границей, которое, подобно аналогичным органам церковного управления, создававшимся во время Гражданской войны в России, принимало на себя функции высшего церковного управления до того момента, когда восстановится связь с Патриархом и Патриарх благословит все решения этого ВРЦУ за границей.

¹ *Никон (Рклицкий), архиеп.* Указ. соч. Т. VI. С. 30.

Русская Православная Церковь Заграницей в 1922–1925 годах

В январе 1922 года началась подготовка Мировой конференции в Генуе, которая должна была решить всю совокупность вопросов, накопившихся в Европе после окончания Первой мировой войны и реализации Версальского мирного договора. Для Советской России эта конференция имела громадное значение, ибо большевики рассчитывали на этой конференции прорвать кольцо дипломатической блокады и добиться признания хотя бы некоторых европейских правительств. В эмиграции понимали, что в этот момент решался вопрос, насколько активно будут противостоять западные страны большевикам, и в русском зарубежье развернулась кампания под лозунгами недопущения большевиков на конференцию, с призывами не вести переговоры с узурпаторами власти в России. В феврале 1922 года от имени Собора, хотя Собор уже к этому времени больше двух месяцев не работал, ВРЦУ за границей за подписью своего председателя митрополита Антония выпустило послание Мировой конференции, которое от имени русской церковной эмиграции призывало не только не допускать на конференцию представителей большевистского режима, но и оказать помощь русской эмиграции для продолжения вооруженной борьбы с большевиками:

Народы Европы, народы мира, пожалейте наш добрый, открытый, благородный по сердцу народ русский, попавший в руки мировых злодеев, не поддерживайте их, не укрепляйте против ваших детей и внуков, а лучше помогите честным русским гражданам: дайте им в руки оружие, дайте им своих добровольцев и помогите изгнать большевизм, этот культ убийства, грабежа и богохульства из России и всего мира. Пожалейте бедных русских беженцев, которые за свой патриотический подвиг обречены среди вас на голод и холод, на самые черные работы, которые принуждены забывать все, чему учились, и быть лишенными даже таких необходимых удобств жизни, которые доступны по-

следнему неграмотному чернорабочему. Они в лице доброй своей половины офицеров, генералов и солдат готовы взяться за оружие и идти походом в Россию, чтобы выручить ее из цепей постыдного рабства разбойников. Помогите им осуществить свой патриотический долг, не дайте погибнуть вашей верной союзнице — России, которая никогда не забывала своих друзей и от души прощала тех, кто временно был ее врагом¹.

После ознакомления руководства Русской Православной Церкви с официальными документами Русского Всеаглического Церковного Собора 1921 года Патриарх Тихон 10 апреля 1922 года внес на соединенное присутствие Священного Синода и Высшего Церковного Совета предложение, призванное послужить основанием для принятия первого официального решения высшей церковной власти Русской Православной Церкви относительно действий русских епископов в изгнании и заявлений ВРЦУ за границей. В результате обсуждения предложения Патриарха Тихона Священным Синодом и Высшим Церковным Советом Русской Православной Церкви эти органы высшей церковной власти приняли 5 мая 1922 года Указ за № 348 (349), воспроизводивший текст предложения Патриарха Тихона и выносивший на его основе окончательное решение относительно ВРЦУ за границей.

Стремясь как можно более четко определить отношение Московской Патриархии к посланию «Чадам Русской Православной Церкви, в рассеянии и изгнании сушим» и «Посланию Мировой конференции от имени Русского Всеаглического Церковного Собора», указ признал эти документы актами не только «не выражающими официального голоса Русской Православной Церкви», но и «ввиду их политического характера не имеющими церковно-канонического значения». Тем самым руководство Московской Патриархии, основываясь на своем праве высшей церковной инстанции по отношению ко всем чадам Русской Православной Церкви независимо от их местопребывания, аннулировало документы, самостоятельно принятые одной из групп епископов, духовенства и мирян, причислявших себя к Русской Церкви, не оставляя этой группе возможности использовать данные документы даже как выражавшие ее частную точку зрения.

Подтвердив предложение Патриарха Тихона об упразднении ВРЦУ за границей, Указ выразил более конкретную форму этого решения:

¹ *Никон (Рклицкий), архиеп.* Указ. соч. Т. VI. С. 23–24.

Ввиду допущенных ВРЦУ за границей означенных политических от имени Церкви выступлений и принимая во внимание, что, за назначением тем же Управлением Преосвященного Митрополита Евлогия заведывающим русскими православными церквями за границей, собственно для Высшего Церковного Управления там не остается уже области, в которой оно могло бы проявить свою деятельность, означенное Высшее Церковное Управление упразднить, сохранив временное управление русскими заграничными приходами за митрополитом Евлогием...

Здесь следует упомянуть о том положении, которое занимал в Русской Православной Церкви Заграницей к моменту принятия указа митрополит Евлогий (Георгиевский). 15 октября 1920 года, тогда еще архиепископ, Евлогий был назначен Крымским ВЦУ управляющим западноевропейскими русскими церквями на правах епархиального архиерея. Указом Патриарха и Синода от 8 апреля 1921 года за № 424, подчинявшим юрисдикции архиепископа Евлогия все западноевропейские русские приходы, решение Крымского ВЦУ получило необходимое подтверждение со стороны высшей церковной власти. Единственное содержащееся в указе Патриарха и Синода ограничение в управлении архиепископом Евлогием русскими приходами в Западной Европе было связано с возможностью восстановления нормальных отношений этих приходов с Петроградской митрополией, к которой традиционно относились западноевропейские русские приходы. Однако это ограничение было окончательно устранено письмом митрополита Петроградского Вениамина (Казанского) от 21 июня 1921 года, в котором Петроградский митрополит передал свои полномочия архиепископу Евлогию. Таким образом, с середины 1921 года архиепископ, а с января 1922 года митрополит Евлогий был единственным из находившихся за границей русских архиереев, уполномоченным, хотя и временно, руководством Русской Православной Церкви управлять на правах епархиального архиерея уже существовавшими к этому времени в Западной Европе русскими приходами.

Вменяя в вину ВРЦУ за границей принятые по инициативе этого органа документы политического характера, которые не только формально противоречили принятому Патриархом Тихоном принципу аполитичности Русской Церкви, но и реально ухудшали и без того критическое положение православного духовенства в России, давая государственной власти дополнительный предлог для усиления политических репрессий против Церкви, указ от 5 мая

1922 года не связывал упразднение ВРЦУ за границей лишь с этими действиями. Другим не менее существенным основанием для упразднения ВРЦУ за границей в указе было названо «назначение тем же Управлением Преосвященного Митрополита Евлогия заведывающим русскими православными церквями за границей», подтвержденное, как уже указывалось выше, указом Патриарха Тихона и Синода от 8 апреля 1921 года и бывшее, таким образом, единственным среди подобного рода решений ВРЦУ за границей, имевшим официальную санкцию высшей церковной власти. Это назначение митрополита Евлогия определялось в указе «как не оставляющее области для деятельности» ВРЦУ за границей в связи с тем, что, по мнению руководства Русской Православной Церкви, во временное управление митрополита Евлогия должны были перейти не только существовавшие к 1920 году русские церкви в Западной Европе, но и возникшие с конца 1920 года под руководством ВРЦУ за границей русские приходы в балканских странах и Турции, на постоянное управление которыми, не имея на то благословения Патриарха Тихона, претендовало ВРЦУ за границей.

Подчеркнув временный характер управления митрополитом Евлогием как принятыми им от Петроградского митрополита русскими приходами в Западной Европе, так и передававшимися ему указом от 5 мая 1922 года приходами ВРЦУ за границей, руководство Русской Православной Церкви в этом же документе поручало митрополиту Евлогию в ближайшее время «представить соображения о порядке управления названными церквями»¹.

Указ от 5 мая 1922 года, полученный ВРЦУ за границей летом того же года почти одновременно с сообщениями о происшедшем в ночь с 6 на 7 мая 1922 года аресте Патриарха Тихона, был весьма неоднозначно воспринят членами руководства Русской Православной Церкви Заграницей. Если председатель ВРЦУ за границей митрополит Антоний сразу же после получения указа выразил готовность упразднить возглавлявшийся им орган церковного управления и удалиться в качестве простого монаха на Афон, то остальные члены ВРЦУ за границей, за исключением епископа Вениамина, подобно митрополиту Антонию настаивавшего на немедленном исполнении указа, не были склонны к безусловному осуществлению данного решения руководства Русской Православной Церкви. В результате активного обсуждения указа членами ВРЦУ за границей, в ходе которого митрополит Антоний отказался от

¹ Церковные ведомости. 1922. № 12–13. С. 7.

своего первоначального намерения упразднить ВРЦУ за границей и покинуть пост его председателя, было принято решение о вынесении указа от 5 мая 1922 года на обсуждение Архиерейского Собора Русской Православной Церкви Заграницей, и 2 сентября 1922 года этот Собор в составе одиннадцати архиереев принял окончательное постановление, выразившее отношение Архиерейского Собора Русской Церкви Заграницей к указу от 5 мая 1922 года.

Из шести пунктов, составивших содержание Постановления Архиерейского Собора от 2 сентября 1922 года, в непосредственной связи с указом Патриарха Тихона находились лишь первый и третий пункты, имевшие, как мы увидим ниже, взаимоисключающий характер. Так, в первом пункте постановления выражалась готовность Архиерейского Собора незамедлительно исполнить распоряжение руководства Русской Православной Церкви:

Во исполнение указа Его Святейшества Святейшего Тихона, Патриарха Московского и всея России и Священного при нем Синода от 22 апреля/5 мая с. г. за № 348, существующее Высшее Русское Церковное Управление упразднить.

В то же время пространный третий пункт следующим образом конкретизировал исполнение первого пункта данного постановления:

Ввиду нарушения деятельности Высшей Всероссийской Церковной Власти и в целях сохранения правопреемства Высшей Церковной Власти на основании постановления Святейшего Патриарха Всероссийского и Священного при нем Синода, в соединенном присутствии Высшего Церковного Совета от ноября 1920 года, о преподавании правил касательно организации Высшей Церковной Власти в случае нарушения или прекращения деятельности Св. Патриарха и высших церковных органов, образовать Временный Священный Архиерейский Синод Русской Православной Церкви за границей, с обязательным участием митрополита Евлогия, каковому Синоду и передать все права и полномочия Русского Высшего Церковного Управления за границей¹.

Упразднив ВРЦУ за границей в пункте первом, это постановление Архиерейского Собора, по существу, восстанавливало этот орган в пункте третьем, образуя на основании по существу не применимого к положению русских епископов, находившихся вне

¹ Церковные ведомости. 1922. № 12—13. С. 7.

пределов своих епархий, постановления от 20 ноября 1920 года Временный Архиерейский Синод, которому передавались «все права и полномочия Русского Высшего Церковного Управления за границей». При этом на практике разница между ВРЦУ за границей и сменившим его Временным Архиерейским Синодом заключалась лишь в том, что в состав нового высшего органа Русской Православной Церкви Заграницей, составленного из тех же самых архиереев, которые входили в ВРЦУ за границей, не были включены два члена этого Управления, которые не были епископами и поэтому не имели права входить в состав Архиерейского Синода.

Содержавшиеся в указе Патриарха Тихона, Синода и Высшего Церковного Совета от 5 мая 1922 года положения об осуждении руководством Русской Православной Церкви имевших политический характер послания «Чадам Русской Православной Церкви, в рассеянии и изгнании сущим» и «Послания Мировой конференции от имени Русского Всезаграничного Церковного Собора» и о передаче временного управления русскими заграничными приходами митрополиту Евлогию не получили в постановлении Архиерейского Собора какого-либо отражения. В то же время вопреки указу от 5 мая 1922 года, уполномочившему митрополита Евлогия «представить соображения о порядке управления» Русской Церкви за границей, постановление Архиерейского Собора предлагало «для организации новой Высшей Церковной Власти созвать Русский Всезаграничный Церковный Собор 21 ноября (ст. ст.) 1922 года»¹, впрочем так и не состоявшийся.

Приняв постановление от 2 сентября 1922 года, сохранявшее ВРЦУ за границей под новым наименованием Временного Архиерейского Синода, и оставив митрополита Евлогия, продолжавшего управлять лишь русскими приходами в Западной Европе, в качестве рядового члена этого Синода, Архиерейский Собор не исполнил ни одного из положений, содержащихся в указе Патриарха, Синода и Высшего Церковного Совета, и в то же время формально подтвердил, как это было выражено в послании, свое «полное подчинение и сыновнее послушание Святейшему Патриарху Тихону»¹.

Останавливаясь на причинах, побудивших руководство Русской Православной Церкви Заграницей принять столь противоречивое и в каноническом смысле спорное решение, следует указать ряд моментов, связанных как с положением, сложившимся внутри

¹ *Никон (Рклицкий), архиеп.* Указ. соч. Т. VII. С. 20.

Русской Православной Церкви, так и с проблемами, стоявшими в это время перед Русской Православной Церковью Заграницей. Поступавшие из России сведения об устранении от управления Русской Православной Церковью в 1922 году Патриарха Тихона и об активных попытках обновленческой группы духовенства захватить при поддержке государственной власти высшее церковное управление вызывали у руководства Русской Православной Церкви Заграницей сомнения в возможности скорого восстановления законной высшей церковной власти Московского Патриарха и усиливали их уверенность в целесообразности сохранения хотя и упраздненных Патриархом Тихоном, но все-таки уже сформированных органов высшей церковной власти за границей. Определенно проявившее себя уже в 1921 году разногласие в понимании задач Русской Православной Церкви Заграницей между митрополитом Евлогием и представителями крайне правых политических кругов, поддерживавших митрополита Антония, вызвало активное сопротивление назначению митрополита Евлогия управляющим русскими приходами за границей со стороны функционеров ВРЦУ за границей, связанных с Высшим Монархическим Советом и стремившихся сохранить влияние этой организации на политическую позицию Русской Православной Церкви Заграницей. Наконец, пребывание во главе Русской Православной Церкви Заграницей в качестве председателя ВРЦУ, а затем председателя Временного Архиерейского Синода митрополита Антония, духовный авторитет которого признавался всеми, представлялось подавляющему большинству русских епископов в изгнании, в том числе и митрополиту Евлогию, важнейшим условием сохранения церковного единства широких слоев русской православной эмиграции. Именно подобные сложные и противоречивые обстоятельства, сопровождавшие принятие на Архиерейском Соборе Русской Православной Церкви Заграницей постановления от 2 сентября 1922 года, обусловили исторически объяснимое, но церковно-канонически неприемлемое решение Собора, которое определенно нарушало заключенную в указе от 5 мая 1922 года волю Патриарха Тихона и тем самым впервые внесло элемент недоверия и сопротивления в отношении Русской Православной Церкви Заграницей к Русской Православной Церкви в России.

Один из главных участников этих драматических событий митрополит Евлогий, уполномоченный указом от 5 мая 1922 года исполнить решение руководства Русской Православной Церкви и не сумевший тогда должным образом осуществить возложенную на

него миссию, по прошествии многих лет так подвел итог происшедшим событиям:

Я ради братского отношения к собратьям-архиереям, закинутым в эмиграцию, во имя любви к митрополиту Антонию, старейшему зарубежному иерарху, с которым меня связывала долголетняя духовная дружба, ради всех этих сердечных, может быть сентиментальных, побуждений пренебрег Правдой — волей Патриарха. В этом была моя великая ошибка, мой большой грех перед Богом, мой большой грех перед Матерью Русской Церковью и перед Святейшим Патриархом Тихоном, и в этом заключалась главная причина не только моих личных бед, но и источник всех дальнейших нестроений в жизни зарубежной Церкви. Глубоко сознаю свою вину и приемлю все эти испытания как справедливое «наказание за преступление», хотя и содеянное во имя любви к моим собратьям — карловацким епископам и особенно митрополиту Антонию. В таких случаях самая любовь оборачивается враждою¹.

После выхода из заключения в своих согласованных с властями посланиях от 28 июня и 1 июля 1923 года Патриарх Тихон вынужден был возвращаться к проблемам, существовавшим во взаимоотношениях с Русской Православной Церковью Заграницей. При этом он уступал требованиям Е. А. Тучкова подвергать представителей зарубежной церковной иерархии если не каноническим прещениям (чего Патриарх Тихон так никогда и не сделал), то критике за их политические от имени всей Русской Православной Церкви выступления, что он и сам считал необходимым. В вышеупомянутых посланиях эта критика находилась в непосредственной связи с выраженным Патриархом Тихоном пониманием основных проблем церковной жизни в России. Постоянно подчеркивая неразрывное каноническое единство Русской Православной Церкви Заграницей с Московской Патриархией, ее иерархи, за исключением митрополита Евлогия, продолжали осуществлять свою деятельность под руководством упраздненных указом Патриарха Тихона от 5 мая 1922 года органов высшего церковного управления и не прекращали резких политических выступлений, делавшихся от имени всей Русской Православной Церкви. Явственно представляя всю утопичность реставраторско-монархических намерений руководства Русской Православной Церкви Заграницей примени-

¹ *Евлогий (Георгиевский), митр.* Указ. соч. С. 371.

тельно к конкретной исторической ситуации, сложившейся в России, Патриарх Тихон призывал монархически настроенных представителей зарубежного духовенства отказаться от политической деятельности не только в связи с теми трагическими последствиями, которыми оказывалась чревата эта деятельность для православного духовенства в России, но и по причине полного непонимания русским епископатом в изгнании тех глубоких, во многом не принимавшихся и самим Патриархом, но от этого не становившихся менее реальными перемен, которые противопоставили современную обезбоженную жизнь русского народа традициям его исторического православного прошлого. «Пусть они хоть теперь смирятся и покаются перед народом Российским в своих содеянных преступлениях, — писал Патриарх Тихон, имея в виду епископов Русской Синодальной Церкви. — Иначе придется вызывать преосвященных владык в Москву и просить Советскую власть о разрешении им прибыть сюда»¹. Содержавшееся в этих словах Первосвятителя Русской Православной Церкви допущение возможности вызова представителей зарубежного епископата в Россию явилось уже вторым, более конкретным по сравнению с упоминавшимся в указе от 5 мая 1922 года предостережением руководству Русской Православной Церкви Заграницей от дальнейших шагов по пути ее вовлечения в политическую борьбу русской эмиграции с советским правительством. Это предостережение, имевшее характер не столько церковно-дисциплинарного предупреждения, сколько духовного порицания, призвано было подчеркнуть нравственную недопустимость безответственных политических заявлений находившихся в безопасности русских зарубежных епископов от лица православного духовенства, остававшегося в России, где не только политические декларации, направленные против существовавшего строя, но и пастырские увещания, обращавшиеся к церковной пастве, могли вызывать по отношению к духовенству суровые, а иногда и кровавые государственные репрессии.

Период 1923–1925 годов, к которому относились упомянутые выше Патриаршие послания, сопровождался значительными событиями не только в жизни Русской Православной Церкви России, но и в жизни Русской Православной Церкви Заграницей. Осуществлявший вопреки указу Патриарха, Синода и Высшего Церковного Совета свою деятельность в качестве органа высшей

¹ Акты святейшего Тихона, Патриарха Московского и всея России... С. 287.

церковной власти за границей Синод организовал в июне 1923 года Собор Архиереев Русской Православной Церкви Заграницей, который наделил себя полномочиями, принадлежавшими, согласно канонам, лишь руководству Русской Православной Церкви, такими, например, как право назначения русских зарубежных епископов и право суда над ними. На этом же Архиерейском Соборе митрополит Евлогий, действуя в соответствии с возложенным на него указом от 5 мая 1922 года поручением, представил проект организации русской церковной жизни за границей. Согласно этому проекту, Заграничный Синод как постоянный орган высшей церковной власти за границей подлежал упразднению, все русские православные приходы за границей разделялись на независимые друг от друга, но зависимые от Московской Патриархии автономные митрополичьи округа: Западноевропейский, Восточно-Европейский, Дальневосточный и Северо-Американский, деятельность которых должна была координироваться на ежегодных съездах правящих митрополитов этих округов. Председательство на этих съездах митрополит Евлогий готов был предоставить митрополиту Антонию. Однако отклонивший проект митрополита Евлогия Архиерейский Собор предпочел не только сохранить Заграничный Синод в качестве постоянно действующего правящего органа, но и передал в управление Синода все русские православные приходы в балканских странах и на Дальнем Востоке. С этим решением во многом были связаны события, происшедшие в 1924 году, когда на очередном Архиерейском Соборе была предпринята в тот момент, впрочем, неудавшаяся попытка значительно ограничить в пользу Заграничного Синода епископские полномочия митрополита Евлогия в управлении русскими церквями в Западной Европе.

Ставшее определяющим в деятельности Русской Православной Церкви Заграницей в 1923–1924 годах стремление упрочить и расширить церковно-административную власть Заграничного Синода даже за счет ограничения власти единственного назначенного Патриархом Тихоном управляющего русскими заграничными приходами митрополита Евлогия со всей очевидностью свидетельствовало об окончательном решении руководства Русской Православной Церкви Заграницей не исполнять указ Патриарха, Синода и Высшего Церковного Совета от 5 мая 1922 года, несмотря на его неоднократные подтверждения в Патриарших посланиях, и указывало на готовность зарубежных епископов придать Архиерейскому Синоду и контролировавшемуся им Архиерейскому Собору характер органов высшей церковной власти, осуществляющих свою дея-

тельность независимо от руководства Русской Православной Церкви.

Получение сведений о кончине Патриарха Тихона, происшедшей 7 апреля 1925 года, послужило основанием для принятия Синодом Русской Православной Церкви определения от 9 апреля 1925 года, которое выявило понимание руководством Русской Зарубежной Церкви возможной перспективы дальнейших взаимоотношений русского зарубежного епископата и Русской Православной Церкви.

Как явствует из текста этого определения, основанием для его принятия наряду со сведениями о кончине Патриарха Тихона послужило также письмо Начальника Российской Духовной Миссии в Китае архиепископа Иннокентия от 28 января 1925 года, адресованное Председателю Архиерейского Синода митрополиту Антонию. В этом письме архиепископ Иннокентий призывал митрополита Антония «возглавить временно Российскую Православную Церковь теперь же за границей в качестве Патриаршего заместителя, так как Свят. Патриарх Тихон совершенно лишен всякой свободы действий и распоряжений и его именем может всякий злоупотреблять, а он не в силах этому воспрепятствовать»¹.

Сознавая каноническую и нравственную недопустимость рассмотрения при жизни соборно избранного главой Русской Православной Церкви Патриарха Тихона содержавшегося в письме архиепископа Иннокентия предложения, не только допускавшего возможность возглавления Русской Церкви архиереем, который покинул пределы ее канонической территории, но и утверждавшего церковно-административную недееспособность правящего Патриарха Тихона, Архиерейский Синод счел необходимым использовать это предложение для выработки своего определения уже через два дня после кончины Первосвятителя Русской Церкви. Высказавшись за предоставление принципиальной возможности «Митрополиту Антонию, с правами временного, до созыва канонического Всероссийского Священного Собора, заместителя Патриарха, представлять Всероссийскую Православную Церковь и, насколько позволяют условия и обстоятельства, руководить церковной жизнью и Церковью не только вне России, но и в России», определение от 9 апреля 1925 года попыталось обосновать подобную возможность довольно расплывчатой и в ряде моментов не соответствовавшей действительности аргументацией, которая лишь

¹ Церковные ведомости. 1925. № 15–16. С. 3–4.

подчеркивала спорный характер всего этого определения. Допустив возможность того, «что со смертью Свят. Тихона под давлением советской власти преемство всероссийской канонической высшей церковной власти может быть нарушено» и «что советские власти всяческими путями будут стараться навязывать русскому православному народу власть обновленческого синода и ввести в заблуждение другие православные автокефальные Церкви», определение на основе этих чисто гипотетических предположений, справедливость которых могла и не подтвердиться в будущем, предлагало немедленно допустить принципиальную возможность выдвижения одного из зарубежных русских епископов на пост заместителя Московского Патриарха, несмотря на то что эти епископы не только оказались физически оторгнуты от основной части русской церковной иерархии и паствы, но и в силу своего неподчинения последним распоряжениям руководства Русской Православной Церкви находились по отношению к ней в весьма двусмысленном церковно-каноническом положении. При этом из дальнейшего текста определения явствовало, что возможность выдвижения зарубежного епископа на престол главы Русской Церкви допускалась Архиерейским Синодом и в случае сохранения канонического преемства высшей церковной власти в виде вновь избранного Поместным Собором Патриарха или законно назначенного Патриархом Тихоном Патриаршего Местоблюстителя при том условии, если руководство Русской Православной Церкви Заграницей придет к выводу, что советской власти удастся «насилловать архипастырскую совесть Местоблюстителя или нового Патриарха»¹.

Таким образом, вопреки трем единственно канонически оправданным путям сохранения преемства высшей власти в Русской Церкви — через избрание очередным Поместным Собором нового Патриарха, через назначение Патриархом Местоблюстителя Патриаршего Престола или, наконец, через вступление в силу постановления Патриарха, Синода и Высшего Церковного Совета от 20 ноября 1920 года о самоуправлении русских епархий — Архиерейский Синод в своем определении от 9 апреля 1925 года допустил возможность совершенно произвольной передачи руководства Русской Православной Церковью представителю зарубежного епископата, составлявшего незначительную часть русской епископской иерархии и лишенного в силу своего пребывания вне канонической территории Русской Православной Церкви канонических оснований

¹ Церковные ведомости. 1925. № 15–16. С. 3–4.

и нравственного права выступать от имени всей Русской Церкви. Весьма знаменательно, что члены Архиерейского Синода, которые не могли не понимать каноническую бесосновательность принявшегося ими решения, выдвигая в заместители Патриарха митрополита Антония, вынуждены были доказывать оправданность своего выбора аргументами, которые, даже если бы все они соответствовали действительности, не были способны придать определению Архиерейского Синода характер подлинно канонического постановления. Так, например, обосновывая возможность возглавления всей Русской Православной Церкви митрополитом Антонием, определение ошибочно называло митрополита Антония единственным оставшимся в живых «избранником Священного Собора Российской Православной Церкви 1917–1918 гг. в кандидаты на Патриарший Престол», в то время как второй кандидат митрополит Арсений (Стадницкий) был жив и находился в ссылке в Средней Азии, где впоследствии управлял Ташкентской епархией. Далее определение указывало на то, что «митрополит Антоний по своему иерархическому положению не только здесь за границей, но и в России считается первым старейшим после Патриарха иерархом Российской Православной Церкви», хотя назначенный в это время одним из Патриарших Местоблюстителей митрополит Агафангел (Преображенский) был по своей епископской хиротонии на восемь лет старше митрополита Антония. Столь же сомнительным выглядел и третий содержащийся в определении аргумент, доказывавший права митрополита Антония ссылками на «безусловный авторитет его, как ученойшего и просвещеннейшего богослова и канониста, признаваемый не только главами православных автокефальных Церквей и ученым миром, но и главами и представителями Церквей других вероисповеданий»¹, который сам по себе не давал оснований митрополиту Антонию претендовать на каноническое возглавление Русской Православной Церкви.

Вызвавшее резко отрицательную оценку митрополита Евлогия и его сторонников и приостановленное в действии осенью 1925 года самим Архиерейским Синодом определение от 9 апреля 1925 года продемонстрировало существующее у руководства Русской Православной Церкви Заграницей убеждение в том, что Архиерейский Синод и его председатель митрополит Антоний при определенных условиях могут осуществлять из-за границы руководство Русской Православной Церковью на правах высшей церковной власти.

¹ Церковные ведомости. 1925. № 15–16. С. 3–4.

В связи с этим весьма примечателен тот факт, что об официальном признании митрополита Петра в качестве законного Патриаршего Местоблюстителя было объявлено Архиерейским Синодом Русской Православной Церкви Заграницей лишь 12 ноября 1925 года, то есть через семь месяцев после признания его полномочий всем епископатом Русской Православной Церкви и менее чем за месяц до ареста митрополита Петра. Однако в период составления митрополитом Петром распоряжения от 5 декабря 1925 года и первых полутора лет возглавления православной церковной иерархии в России Заместителем Патриаршего Местоблюстителя митрополитом Сергием возражения относительно права Заместителя Патриаршего Местоблюстителя пользоваться полномочиями Патриаршего Местоблюстителя в полном объеме не высказывались.

Русская Православная Церковь Заграницей и митрополит Евлогий (Георгиевский) в 1926–1927 годах

Наряду с обострившимися проблемами во взаимоотношениях Синода Русской Православной Церкви Заграницей с руководством Московской Патриархии оставались нерешенными и проблемы во взаимоотношениях Синода с митрополитом Евлогием, единственным архиереем Русского Зарубежья, утвержденным в своем статусе правящего архиерея по отношению ко всем приходам русской церковной диаспоры еще Патриархом Тихоном.

На очередном Архиерейском Соборе в июне 1926 года была предпринята беспрецедентная попытка вмешаться в дела Западно-Европейского митрополичьего округа, которым руководил митрополит Евлогий и который охватывал все русские православные приходы, находившиеся в странах Западной Европы, и не находился в подчинении Зарубежному Синоду. Архиерейский Собор вопреки воле митрополита Евлогия утвердил решение о преобразовании Берлинского викариатства Западноевропейской епархии в самостоятельную Берлинскую и Германскую епархию, подчиненную непосредственно Зарубежному Синоду. При этом викарный епископ Тихон (Ляшенко) изъявил готовность подчиниться этому решению Собора, принятому после того, как митрополит Евлогий в знак протеста покинул заседания Собора. В результате большая часть приходов в Германии осталась в юрисдикции митрополита Евлогия, но некоторые из них были таким антиканоническим образом отторгнуты в юрисдикцию Зарубежного Синода.

Вскоре митрополит Евлогий все же попытался возобновить диалог с Синодом Русской Православной Церкви Заграницей, написав 2 августа 1926 года письмо его Председателю митрополиту Антонию, с которым его связывали многолетние братские отношения. «По моему глубокому убеждению, никто из нас, православных архиереев, пребывающих за границей, ни все мы в совокупно-

сти не правомочны изменять того, что освящено патриаршей властью, — писал митрополит Евлогий. — Мы все обязаны повиноваться тому, что ею установлено, и на всех нас лежит один долг — свято хранить каноны церковные и пещись о мире, согласии и единении среди нашей паствы». Таким образом апеллируя к факту своего назначения правящим архиереем Западноевропейской епархии Патриархом Тихоном, митрополит Евлогий надеялся, что уважение митрополита Антония к решению почившего Патриарха может побудить его повлиять на позицию членов Синода, инициировавшего решение Архиерейского Собора.

В своем письме, написанном через две недели, митрополит Антоний не только не откликнулся на призыв митрополита Евлогия, но вновь продемонстрировал уже неоднократно проявлявшуюся в решениях священноначалия Русской Православной Церкви Заграницей тенденцию избирательно следовать решениям теперь уже отошедшего в мир иной Патриарха Тихона. «Нельзя считать распоряжения Святейшего Патриарха Тихона чем-то незыблемым, никогда не подлежащим изменению, даже во благо Церкви, — отвечал митрополит Антоний. — Да и сам Патриарх свои распоряжения менял нередко. Сначала он признавал Советскую власть боготорческой и анафематствовал ее, а затем назвал предержавшей властью от Бога, и много других его административных распоряжений. Самые заветы и волю Святейшего Патриарха Вы истолковываете и признаете к исполнению лишь в части Ваших прав, толкуемых Вами в расширенном смысле, а волю и согласие Святейшего Патриарха Тихона на существование архиерейского Собора и Синода, выраженную им в молчаливом согласии, т. к. иначе не мог этого сделать, Вы игнорируете. Не вовлекайте мирян и духовенство в эти несогласия Ваши с архиерейским Собором и тем не вызывайте церковное разделение и не усугубляйте вызванную Вами смуту»¹.

Всегда стремившийся в управлении своей епархии опираться на соборное мнение паствы, митрополит Евлогий собрал епархиальный совет в Париже, на котором сместил епископа Тихона (Ляшенко) с должности епископа Берлинского и запретил его в священнослужении, несмотря на отсутствие у него для этого формально-канонических прав. Сплоченная епархия митрополита Евлогия могла поддержать его авторитетом не только нескольких викарных епископов и епархиального совета, в который входили

¹ *Никон (Рклицкий), архиеп.* Указ. соч. Т. VII. С. 118—119, 123.

многие авторитетные деятели русского зарубежья, но и широких общественных кругов русской эмиграции в Париже, начиная с «Совета послов Русского Зарубежья» во главе с М. Н. Гирсом и кончая двумя ведущими периодическими изданиями русской эмиграции газетами «Возрождение» под редакцией П. Б. Струве и «Последние новости» П. Н. Милюкова.

Не оставивший попыток ограничить права митрополита Евлогия в Западноевропейской епархии Архиерейский Собор летом 1926 года принял определение о Богословском институте в Париже:

Богословский институт в Париже должен находиться в высшем ведении архиерейского Синода, и им должен утверждаться устав его и назначаться учебный персонал.

Собор архиереев может благословить и утвердить открытие названного института лишь в том случае, если Высокопреосвященным митрополитом Евлогием будет представлен архиерейскому Синоду устав сего института. А речь об утверждении нынешнего состава преподавателей может быть лишь по представлении учебных трудов их, напечатанных за границей, и по рассмотрении их.

Собор подчеркивает, что этот внутриепархиальный вопрос должен митрополитом Евлогием выноситься на обсуждение Синода, как высшего по отношению к нему органа.

Выразить пожелание о том, чтобы богословский институт освободить от денежной помощи масонской¹.

Создавший на многие годы Свято-Сергиевский Православный богословский институт в Париже, одно из наиболее авторитетных богословских учебных заведений православного мира, митрополит Евлогий, естественно, проигнорировал это решение Архиерейского Собора, поддержанный в своем решении профессорской корпорацией института, куда входили такие выдающиеся русские богословы и философы, как епископ Кассиан (Безобразов), архимандрит Киприан (Керн), протоиерей Сергей Булгаков, протоиерей Василий Зеньковский, будущий протоиерей Георгий Флоровский, А. В. Карташев, Г. П. Федотов, Б. П. Вышеславцев, В. В. Вейдле.

26 января 1927 года последовало определение Архиерейского Синода, окончательно расколовшее церковную жизнь русского зарубежья в Европе:

¹ Никон (Рклицкий), архиеп. Указ. соч. Т. VII. С. 158–159.

Митрополита Евлогия предать суду епископского сословия. Митрополита Евлогия теперь же в качестве меры пресечения временно, до решения предстоящего Собора архиереев и суда епископского сословия или до полного его раскаяния и заявления полной покорности Собору архиереев и архиерейскому Синоду, отстранить от управления Русскими Православными Церквями в Западной Европе и запретить его в священнослужении. При этом предупредить митрополита Евлогия, что если он отныне будет совершать архиерейские действия и священнослужения, то, согласно священным канонам, сам себя осудит и лишит права апелляции. Временное управление означенными Церквями поручить настоятелю Русской Православной Церкви в Лондоне Высокопреосвященнейшему Серафиму, архиепископу Финляндскому и Выборгскому. Наименование Западноевропейской епархии «Митрополическим автономным округом» отменить впредь до решения вопроса о сем на Соборе¹.

Свое отношение к решению Архиерейского Синода митрополит Евлогий сформулировал в «Обращении к духовенству и приходам», которое было единодушно поддержано его епархией.

Я разъяснял незаконность постановления Карловацкого Синода об отстранении меня от моей епархии, вверенной мне волей Патриарха Тихона, запрещении меня в священнослужении, предании меня суду пребывающих за границей русских архиереев-эмигрантов; заявлял, что я вынужден прервать официальные сношения с архиерейским Синодом, потому что определения его противны канонам Православной Церкви. Согласно патриаршим указам от 8 апреля 1921 года, от 5 мая 1922 года, я не являюсь подчиненным архиерейскому Синоду и не подлежу его суду. Отныне наша Западноевропейская митрополия становится на путь самостоятельного, независимого от заграничного архиерейского Синода существования так же, как независимо от него живут Американская РПЦ с митрополитом Платоном во главе и со всеми его епископами, Латвийская Церковь с архиепископом Иоанном, Литовская с архиепископом Елевферием².

Митрополит Евлогий продолжал оставаться в каноническом статусе единственного правящего архиерея Западной Европы, канонически подчиненного теперь уже не Патриарху Тихону и не Патриаршему Местоблюстителю митрополиту Петру, а Заместителю

¹ *Никон (Рклицкий), архиеп.* Указ. соч. Т. VII. С. 166–172.

² *Евлогий (Георгиевский), митр.* Указ. соч. С. 563–564.

Патриаршего Местоблюстителя митрополиту Сергию, статус которого как главы русской церковной иерархии формально признавался тогда и Синодом Русской Православной Церкви Заграницей. Но именно митрополит Сергей неожиданно осложнил его положение, выпустив 1 июля 1927 года постановление № 95 с требованием митрополиту Евлогию как признанному в Московской Патриархии единственному правящему под ее омофором архиерею Западной Европы со всем подведомственным ему духовенством принять на себя обязательство быть лояльным советской власти. Еще в 1926 году митрополит Сергей, понимая, что нести ответственность за деятельность русского зарубежного духовенства церковной иерархии, находившейся в России, очень сложно, рекомендовал клирикам зарубежной Церкви для сохранения за собой свободы политических заявлений выйти из клира Московской Патриархии и перейти в юрисдикцию других православных Поместных Церквей, на территории которых находились их приходы. Это предложение тогда не было принято русским зарубежным духовенством. Но весной 1927 года, выйдя из заключения и взяв на себя достаточно жесткие обязательства об изменениях церковной политики, митрополит Сергей вынужден был подписать постановление, в котором уже в ультимативной форме требовал от всего духовенства, которое находилось в эмиграции и с точки зрения Московской Патриархии должно было подчиняться митрополиту Евлогию, дать письменные обязательства о лояльности советскому государству, которые должен был лично подписать каждый священнослужитель, находившийся за границей и считавший себя клириком Русской Православной Церкви, подчиненной Московской Патриархии. Конечно, это постановление было вынужденным со стороны митрополита Сергея, выпуск его был одним из условий предоставления Московской Патриархии регистрации в советском государстве. Необходимо представлять себе не только настроение зарубежного духовенства, но и настроение русской зарубежной паствы, окормлявшейся у этого духовенства, чтобы понять, насколько большой соблазн должно было вызвать это требование митрополита Сергея.

Митрополит Евлогий оказался перед очень сложным выбором, тем более что в своем письме митрополит Сергей разъяснял, что священнослужители, не представившие такой подписки, должны увольняться за штат из клира митрополита Евлогия. Сам митрополит Евлогий так писал об этом драматичном эпизоде в своих воспоминаниях:

Связь с Матерью Церковью была мне очень дорога. Непримиримой позиции карловчан, которые после грозного патриаршего указа 5 мая 1922 года скрепя сердце признавали Московскую Патриархию, я не разделял, мне хотелось, не подчиняясь Советской власти и оставаясь самостоятельным, найти какую-нибудь линию поведения, дабы с Москвою не рвать. Я решил исполнить требование митрополита Сергия не безусловно, а при условии, что термин «лояльность» означает для нас «аполитичность» эмигрантской Церкви. Т. е. мы обязуемся не делать амвон аренной политики, если это обязательство облегчит положение родной нашей Матери Церкви. Быть же лояльными по отношению к Советской власти мы не можем: мы не граждане СССР, и такими нас СССР не признает, а потому политическое требование с канонической точки зрения для нас необязательно. В ответ на мое разъяснение о лояльности митрополит Сергей написал мне, что считает его удовлетворительным, но требует немедленно препроводить ему подписи всех зарубежных епископов и приходского духовенства.

Я отправил предписание митрополита Сергия в Карловцы, но никакого ответа оттуда не последовало. А в моей епархии духовенство подписи дало, за исключением нескольких настоятелей приходов, которые из-за лояльности отпали и перешли в юрисдикцию Карловацкого Синода: протоиерей Орлов (Женева), о. Молчанов (Медон), протоиерей Тимофеев (Лондон)¹.

Итак, митрополит Евлогий, казалось, совершил невозможное. Он добился от митрополита Сергия достаточно нейтральной трактовки лояльности зарубежного духовенства в отношении к советской власти, сумел убедить дать подписку о так понимаемой лояльности практически все свое духовенство и не вызвал при этом никакого раскола, никакого конфликта внутри своей Западноевропейской епархии. В этом сказались не только авторитет митрополита Евлогия, его умение убеждать своих пасомых, но и характерное как для митрополита Евлогия, так и для его духовенства и прихожан стремление сохранить хотя бы чисто формальную каноническую связь Русской Церкви, находящейся за границей, с Россией. Представители духовенства давали эту подписку, понимая, что подобного рода подписка может подчас затруднить их пастырскую деятельность. Лишь Зарубежный Синод, все более противопоставлявший себя митрополиту Сергию всей своей политикой, счел для себя

¹ *Евлогий (Георгиевский), митр.* Указ. соч. С. 566–567.

возможным проигнорировать его требование, несмотря на то что формально Зарубежный Синод продолжал подчиняться Московской Патриархии, продолжал заявлять, что он — часть Русской Православной Церкви Московского Патриархата, и даже в свое время признал полномочия митрополита Сергия как Заместителя Патриаршего Местоблюстителя. С этого момента для митрополита Евлогия наступил очень тяжелый период. Еще несколько лет ему пришлось, формально пребывая в юрисдикции Московской Патриархии, пытаться совмещать свободу своей архипастырской деятельности со все более усиливающимся давлением государственной власти на церковное руководство в Москве.

По более простому пути пошел зарубежный Синод, который в сентябре 1927 года, созвав собор признававших его каноническую власть архиереев, находившихся в эмиграции, добился на нем принятия 9 сентября 1927 года Окружного послания архиереев Русской Православной Церкви Заграницей, ставшего формальным актом разрыва канонического общения между Русской Православной Церковью Заграницей и Московской Патриархией на восемьдесят лет:

Собор архиереев Русской Православной Церкви Заграницей определил:

1. Что заграничные части Российской Церкви должны прекратить сношения с Московской церковной властью ввиду невозможности нормальных отношений с нею и ввиду порабощения ее безбожной властью, лишаящей ее свободы своих волеизъявлений и канонического управления.

2. Чтобы освободить нашу иерархию в России от ответственности за непризнание Советской власти заграничной частью нашей Церкви, впредь до восстановления нормальных сношений с Россией и до освобождения нашей Церкви от гонений безбожной советской властью, заграничная часть нашей Церкви должна управляться сама, согласно священным канонам, определениям Священного Собора Всероссийской Поместной Православной Церкви 1917–18 года и постановлению Патриарха Тихона, Синода и ВЦС от 20 ноября 1920 года при помощи архиерейского Синода и Собора епископов под председательством Киевского митрополита Антония.

Во втором пункте вновь упоминалось постановление № 362 патриарха Тихона от 20 ноября 1920 года, которое не имело никакого отношения к деятельности зарубежных епископов, и вновь утвер-

ждалась возможность существования Русской Церкви за границей под управлением архиерейского Собора и Синода епископов, никогда не признававшихся Московской Патриархией правящими за границей архиереями.

3. Заграничная часть Русской Православной Церкви почитает себя неразрывной и духовно единой ветвью великой Русской Церкви. Она не отделяет себя от своей Матери Церкви и не считает себя автокефальной, она по-прежнему считает своей главой патриаршего Местоблюстителя митрополита Петра и возносит его имя за богослужениями.

К этому времени даже начальнику 6-го отделения секретного отдела секретно-оперативного управления ГПУ Е. А. Тучкову было ясно, что возношение имени предстоятеля за богослужением означало признание его канонической власти над собой. И если Русская Зарубежная Церковь намеревалась действительно отделиться от Московской Патриархии, дабы избавить ее и находившегося в заключении митрополита Петра как Предстоятеля от ответственности за свои деяния, она должна была прекратить возношение его имени за своими богослужениями и объявить себя автокефальной, ни в коей мере не утверждая при этом, что продолжает оставаться составной частью Русской Православной Церкви. Не случайно именно в это время Е. А. Тучков добивался от митрополита Сергия согласия на то, чтобы имена арестованных властями епископов переставали возноситься в их епархиях. Это был безусловный канонический знак разрыва между епископом и его епархиальным духовенством и паствой. Однако зарубежное духовенство, оставляя за собой полную свободу действий и формально заявляя о своем отделении, точно так же и формально, и реально собиралось в дальнейшем выступать от имени всей Русской Православной Церкви, о чем безусловно свидетельствовало возношение на богослужениях имени митрополита Петра. Провозглашение окружным посланием Собора архиереев Русской Православной Церкви Заграницей своей независимости имело целью прежде всего освободить себя от всяких обязательств перед митрополитом Сергием и его Временным Патриаршим Синодом. Не случайно в послании говорилось:

4. Если последует постановление митрополита Сергия и его Синода об исключении заграничных епископов и клириков, не желавших дать подписку о верности Советскому правительству,

из состава клира Московского Патриархата, то такое постановление будет неканонично.

5. Решительно отвергнуть предложение митрополита Сергия и Синода дать подписку о верности Советскому правительству как неканоническое и весьма вредное для Святой Церкви как в России, так и за границей¹.

Это Окружное послание подписала группа из десяти епископов, включая митрополита Антония (Храповицкого), архиепископа Феофана (Быстрова), архиепископа Серафима (Соболева), епископа Серафима (Лукьянова) и епископа Тихона (Ляшенко), придав ему статус формального акта отделения Зарубежной Церкви, в юрисдикции которой находились епархии, располагавшиеся в Восточной Европе и на Дальнем Востоке, от Московской Патриархии.

¹ *Никон (Рклицкий), архиеп.* Указ. соч. Т. VI. С. 229–232.

Церковная жизнь русского зарубежья в 1927–1930 годах. Образование Западноевропейского экзархата Константинопольского Патриархата

По-прежнему крупнейшая из епархий Русской Зарубежной Церкви, епархия митрополита Евлогия, в состав которой входило большинство западноевропейских стран, продолжала пребывать в юрисдикции Московской Патриархии. А митрополит Евлогий продолжал оставаться архиереем, чутко реагирующим на запросы своей паствы, которая все более и более приходила к пониманию и принятию того, что возвращение в Россию многих русских эмигрантов становится делом весьма отдаленной перспективы. И с тем большим доверием и надеждой относились они к тому, что митрополит Евлогий продолжал оставаться в юрисдикции Московской Патриархии.

Положение митрополита Евлогия не стало легче после того, как он принял условия митрополита Сергия и дал подписку о лояльности. Вот как он сам вспоминал то, что происходило в годы, следовавшие за получением митрополитом Сергием подписки от подведомственного митрополиту Евлогию духовенства:

В течение трех лет (после подписки о лояльности) между митрополитом Сергием и мною поддерживалась тягостная безрезультатная полемика. Митрополиту, когда он меня упрекал за нарушение данного слова о невмешательстве в политику, а я обвинения опровергал, я разъяснял, почему то или иное мое выступление нельзя назвать политическим, но надо назвать молитвенно-церковным и религиозно-нравственным пастырским воздействием на паству, от которого я и мое духовенство никогда не отказывались и отказаться не можем¹.

Три года митрополит Евлогий пытался соизмерять каждое свое выступление, каждую проповедь, каждый свой шаг с тем, как он

¹ *Евлогий (Георгиевский), митр.* Указ. соч. С. 567.

отзовется в Москве. И всякий раз ему приходилось убеждаться в том, что даже самая осторожная и мудрая линия поведения, исполненная последовательного аполитизма, не позволяла ему избежать новых упреков со стороны митрополита Сергия. А между тем митрополит Сергий отдавал должное митрополиту Евлогию и продолжал все эти годы только его считать истинным каноничным возглавителем церковной жизни русского зарубежья. Показателен в этом отношении указ митрополита Сергия от 9 мая 1928 года за № 104, в котором он давал оценку действиям Архиерейского Синода и Собора в Сремских Карловцах в сентябре 1927 года:

Самочинно возникшее в Сремских Карловцах Высшее Управление русскими заграничными православными епархиями и общинами объявлено упраздненным, а его действия и распоряжения — не имеющими канонической силы и отмененными. Архиереям и клирикам, подчиняющимся названному Управлению, предложено было (независимо от того, дадут ли они или не дадут известное обязательство в лояльности) сделать постановление о ликвидации Управления или же по крайней мере каждому в отдельности порвать с этим Управлением и со всей группой, возглавляемой им (п. VII). Тех, кто откажется исполнить наше постановление (опять-таки «независимо от того, дано или не дано вышеназванное обязательство») предположено «предать соборному суду как ослушников законного священноначалия и учинителей раскола, с запрещением (смотря по вине и упорству) в священнослужении впредь до суда или до раскаяния» (п. VIII)¹.

Таким образом, митрополит Сергий подтверждал права митрополита Евлогия в Западноевропейской епархии, считал все находившиеся в Западной Европе приходы подчиненными только ему, точно так же как митрополит Сергий считал находившиеся в Литве приходы Русской Православной Церкви подчиненными митрополиту Елевферию (Богоявленскому), а в Латвии — архиепископу Иоанну (Поммеру).

Однако ситуация в Советском Союзе в конце 1920-х годов продолжала быстро меняться в весьма неблагоприятном для Русской Православной Церкви отношении. Это было связано не только с усиливавшимся давлением, которое оказывали на митрополита Сергия власти в связи с его отношениями с русским зарубежным духовенством, но и с тем, что начавшаяся в 1929 году коллективизация обусловила новый виток массовых репрессий против Церкви.

¹ ЖМП. 1934.

Регистрация органов высшего церковного управления Московской Патриархии была получена, однако надежда митрополита Сергия на то, что формальное юридическое признание Московской Патриархии большевистским режимом смягчит, если не прекратит, репрессии против Церкви, оказалась тщетной, и митрополит Сергей вынужден был идти на новые уступки во внутрицерковных делах в России. В феврале 1930 года в советской и зарубежной прессе появились два интервью о положении Православной Церкви в Советском Союзе, подписанные Заместителем Патриаршего Местоблюстителя митрополитом Сергием и несколькими членами Временного Патриаршего Синода. Эти интервью, тексты которых составлялись на заседании Политбюро ЦК ВКП(б), вызвали справедливое возмущение как русских православных христиан в Советском Союзе, так и христиан русской эмиграции. Отвечая на вопросы журналистов, митрополит Сергей заявлял, что никаких гонений на Церковь нет, что все находившиеся в заключении священнослужители осуждались лишь по чисто политическим обвинениям, как все остальные граждане Советского Союза, что закрытие храмов Русской Православной Церкви происходит, в основном, по желанию верующих. Наконец, в этом интервью нарочито было подчеркнуто то, что положение Русской Православной Церкви в Советском Союзе является совершенно естественным и нормальным как с правовой, так и с нравственной точек зрения. Показательно, что митрополит Евлогий, оказавшийся после этого интервью в особенно сложном положении, все-таки постарался понять некоторую правду, еще не ясную ему самому, подвигнувшую митрополита Сергия на эту очевидную ложь. Он писал:

Когда митрополит Сергей в 1930 году заявил иностранным журналистам, что в советской России гонений на Церковь нет, в эмиграции поднялось сильнейшее возмущение столь явной неправдой. Мое положение стало весьма тягостным. Некоторые лица моей паствы снова требовали немедленного разрыва с Москвой. Мог ли я митрополита Сергия оправдать — сказать, что черное — белое? Конечно, можно было сказать, что митрополит Сергей был вынужден на ложь какими-нибудь высокими мотивами, которые нам неясны, неизвестны, но ложь оставалась ложью... Я старался его защищать, говорил, что его слова не ересь, не грех церковного порядка, не отпадение от веры, а поступок политический и что нам все же лучше от Москвы не отрываться... Но конечно, торжественное объявление неправды назвать

политикой можно лишь условно, и с этой натяжкой паства никак примириться не могла. Поддерживать связь с Москвою стало трудно и успокоить негодующую паству, взывая к ее состраданию, невозможно. В те дни я получил письмо из России от одного священника, которого очень хорошо знал в бытность мою архиепископом Волынским. В письме его описаны подробности трагических условий, при которых митрополит Сергей дал интервью иностранным журналистам. Текст заявления, прочитанный митрополитом Сергием, был выработан большевиками. <...> Перед ним стала дилемма: сказать журналистам, что гонение на Церковь есть, — это значит, что все тихоновские епископы будут арестованы, т. е. вся церковная организация погибнет; сказать «гонения нет» — себя обречь на позор лжеца... Митрополит Сергей избрал второе. Его упрекали в недостатке веры в несокрушимость Церкви. Ложью Церковь все равно не спасти. Но что было бы, если бы Русская Церковь осталась без епископов, священства, без таинств — этого и не представить... Во всяком случае не нам, сидящим в безопасности, за пределами досягаемости, судить митрополита Сергия...¹

Можно лишь поразиться удивительной способности митрополита Евлогия по-христиански простить митрополита Сергия. Действительно, страх оставить церковную жизнь в России без каноничной и благодатной иерархии, при том что продолжала существовать лжеканоничная обновленческая иерархия, мысль о том, что все подведомственное митрополиту Сергию духовенство может быть репрессировано, подвигли митрополита Сергия на эту очередную страшную уступку властям, многим православным христианам как в СССР, так и в русском зарубежье справедливо представлявшуюся отступничеством. Тем поразительнее, что митрополит Евлогий попытался понять мотивы и простить грех митрополита Сергия, осознавая, что пребывание в безопасной для него и для его пасомых эмиграции лишает и его, и их морального права строго судить митрополита Сергия.

Однако испытания и искушения митрополита Евлогия, упорно пытавшегося сохранить каноническую связь с Московской Патриархией, не прекратились и после интервью митрополита Сергия. Вот как описывал последующие события сам митрополит Евлогий:

В начале поста 1930 года архиепископ Кентерберийский пригласил меня в Лондон на однодневное моление о страждущей Рус-

¹ *Евлогий (Георгиевский), митр.* Указ. соч. С. 567–568.

ской Церкви. Я решил ехать. За нас будет молиться вся Англия, а я останусь в Париже безучастным свидетелем единодушного сочувствия всех Церквей к страждущей нашей Церкви? Невозможно! Моя совесть повелительно требовала моего участия в этих молитвах; так же, несомненно, была настроена и моя паства.

Я провел в Англии с неделю. Давно я не испытывал такого светлого чувства братской христианской любви между Церквами, какое испытал в эти незабвенные дни, когда вся церковная верующая Англия коленопреклоненно молилась о прекращении тяжких страданий нашей Русской Православной Церкви... Политических целей я никаких в Англии не преследовал и с политическими речами нигде не выступал. Всюду, где мне приходилось говорить речи, я лишь благодарил за сочувствие, просил и впредь поддерживать нашу страдалицу Мать Церковь своими молитвами. И вот эти выступления и послужили поводом к строгому запросу из Москвы от митрополита Сергия¹.

Нетрудно догадаться, что строгий запрос из Москвы не был инициативой самого митрополита Сергия, хотя и был им подписан. В это время в условиях, когда гонения на Церковь в Советском Союзе приобрели колоссальный размах, многие христиане не только православных стран, но и всех христианских стран Европы устраивали моления о гонимой Русской Церкви, призывали все христианские правительства оказать давление на большевиков, дабы прекратить массовое гонение на Церковь. Тем более естественными были молитвы о гонимых русских христианах для митрополита Евлогия, особенно глубоко переживавшего страдания Православной Церкви в СССР, с которой он упорно, хотя и все более мучительно для себя и для многих своих пасомых, продолжал сохранять каноническое единство.

Советские власти планировали либо окончательно поставить под контроль митрополита Сергия всю жизнь Западноевропейской епархии, либо заставить митрополита Сергия наложить на митрополита Евлогия канонические прещения. И это при том, до сих пор не проясненном обстоятельстве, что в отношении членов Зарубежного Синода, который был распущен митрополитом Сергием еще в 1928 году, подобного рода решения Московской Патриархии органами ГПУ по каким-то причинам не инициировались. В результате 10 июня 1930 года митрополиту Сергию пришлось подписать указ № 108 следующего содержания:

¹ *Евлогий (Георгиевский), митр.* Указ. соч. С. 569.

Принимая во внимание: а) что организованные церковниками разных исповеданий в зарубежных странах моления за Русскую Церковь носили отнюдь не двусмысленный, откровенно политический характер, имея целью мобилизовать не только общественное мнение, но и правительства всех государств Западной Европы на крестовый поход против нашего Советского Союза; б) что Преосвященный митрополит Евлогий, стараясь показать якобы полное отсутствие политического характера в помянутой церковной демонстрации, только подтверждает своим объяснением совершенное им нарушение принятых на себя обязательств — быть лояльным к Сов. Союзу; в) что настоящее нарушение Преосвященным митрополитом Евлогием обязательств является далеко не первым и нет никаких гарантий от повторения подобных же нарушений в будущем; г) что при таких данных дальнейшее оставление Преосвященного митрополита Евлогия на ответственном посту Управляющего русскими церквами в Западной Европе представляется нецелесообразным,

Постановили: 1. Преосвященного митрополита Евлогия уволить от управления русскими церквами в Западной Европе и поручить оное временно, впредь до новых распоряжений, Преосвященному архиепископу бывшему Белостокскому Владимиру (Тихоницкому).

Таким образом, находившийся под церковными прещениями со стороны архиереев Карловацкого Синода, митрополит Евлогий теперь был смещен со своей кафедры, на которую его назначил еще патриарх Тихон. Это было для него страшным потрясением. Тем поразительнее была реакция митрополита Евлогия и на этот незаслуженный удар со стороны митрополита Сергия. В своих воспоминаниях он писал:

Владыка Владимир принять должность отказался и послал в Москву соответствующее заявление, и потому я не мог сдать ему епархии. Продолжались мои пререкания с митрополитом Сергием, который прислал мне ультимативные требования: а) осудить мою поездку в Англию; б) дать подписку никогда не повторять таких выступлений на будущее время и в) подтвердить строгое исполнение данного обещания о невмешательстве в политику. Ответ на этот ультиматум мне очень облегчило очередное второе Епархиальное собрание, состоявшееся тем летом. Пред ним я со всей искренностью и во всех подробностях разъяснил историю моего конфликта с митрополитом Сергием и на его окончатель-

ный суд отдавал вопрос о моем увольнении. Собрание встретило весть о моем увольнении с возмущением. <...> Члены Съезда обратились ко мне с горячей просьбой не покидать епархии, не обречь ее на новые гибельные потрясения, а продолжать управлять тем кораблем, который мне поручен волею почившего Патриарха Тихона. <...> Опираясь на голоса Епархиального собрания, я сделал подробный и обстоятельный доклад митрополиту Сергию. Я доказывал ему всю несправедливость его решения, вытекающего из того, что ему не видно из Москвы особенного положения наших заграничных церквей, и просил ради блага Церкви отменить его несправедливый Указ об увольнении меня без суда. Если же наше ходатайство — и мое личное, и моих епископов, и всего Епархиального собрания — не будет удовлетворено, то во избежание на будущее время подобных недоразумений, я просил предоставить нам право организовать временно, до установления нормальных сношений с центральной властью, самостоятельное управление заграничными церквями, на основании Указа местоблюстителя патриаршего престола митрополита Агафангела от 1920 года 20 ноября, хотя этот Указ был издан для русских епархий, оторванных от центра фронтами гражданской войны. Митрополит Сергей не внял моим доводам и подтвердил увольнение меня от управления епархией с запрещением в священнослужении; а управление было поручено митрополиту Литовскому Елевферию. Такое же запрещение налагалось и на сослужащих мне епископов и на все духовенство, если оно не подчинится митрополиту Елевферию¹.

Весьма показательно, что в отличие от Зарубежного Синода, который с 1922 года во всех официальных документах обосновывал свою якобы безупречную каноничность ссылками на указ Патриарха Тихона и Синода № 362, митрополит Евлогий всегда справедливо рассматривал этот указ, вполне обоснованно предлагавшийся к исполнению в 1922 году русскому епископату митрополитом Агафангелом, в соответствии с его подлинным содержанием. С точки зрения митрополита Евлогия, этот указ имел отношение лишь к правящим архиереям, находившимся в своих епархиях на территории России, а не за их пределами, а тем более за границей. К его же случаю этот указ тогда был вполне применим именно потому, что управлять Западноевропейской епархией митрополит Евлогий был назначен в 1921 году Патриархом Тихоном и Священным Синодом

¹ *Евлогий (Георгиевский), митр. Указ. соч. С. 570–571.*

и, таким образом, был единственным архиереем в Западной Европе, который находился на канонической территории своей епархии, входившей в состав Русской Православной Церкви.

Сознавая, что конфликт с митрополитом Сергием стал практически неразрешим, и опираясь на поддержку почти всего духовенства своей епархии, митрополит Евлогий обратился к Вселенскому Патриарху с просьбой принять его епархию в юрисдикцию Константинопольской Патриархии. Вселенский Патриарх неоднократно выступал в истории Поместных Православных Церквей в качестве иерарха, берущего на себя функции высшей судебной инстанции. Далеко не всегда эти действия Патриарха Константинопольского принимались теми или иными Православными Церквями, но в данном случае митрополит Евлогий следовал не только этой практике. По существу, он реализовывал проект митрополита Сергия 1926 года, предлагавший церковной иерархии за границей перейти в юрисдикцию других Поместных Православных Церквей в случае невозможности соблюдать лояльность Московской Патриархии.

В 1931 году Константинопольская Патриархия приняла Западно-европейскую епархию митрополита Евлогия в свою юрисдикцию, образовав Западноевропейский экзархат Константинопольского Патриархата во главе с митрополитом Евлогием. В постановлении Константинопольской Патриархии подчеркивалось, что митрополит Евлогий не только остается возглавителем Западноевропейского экзархата, но и продолжает осуществлять свое архипастырское руководство таким же образом, каким он осуществлял его в предшествующие годы, с некоторыми дополнительными правами.

Все Русские Православные приходы в Европе, сохраняя неизменно и неумаленную доселе существующую свою самостоятельность, как особой Русской Православной церковной организации, и свободно управляя своими делами, рассматривались бы впредь как составляющие временно единую особую экзархию Святейшего Патриаршего Вселенского Престола на территории Европы, непосредственно от него зависящую, под его покровительством находящуюся и в церковном отношении, где нужно, им руководимую.

Равным образом, решили и постановили, чтобы эта, таким образом устроенная, временная Патриаршая Наша Российская Православная в Европе экзархия продолжала и впредь быть порученною центральному и высшему пастырскому попечению и управлению Вашего Преосвященства исполняющего свои обя-

занности с титулом Патриаршего Нашего Экзарха, возносящего Наше имя на богослужениях и к Нам имеющего свое непосредственное отношение, согласно церковному порядку.

Поэтому, с радостью извещая о нем в ответ на обращение Вашего Преосвященства, преподаем Вам Наше благословение и даем повеление, чтобы Вы, вместе с сущими с Вами во Христе братьями, под Нашим верховным церковным руководством и покровительством и в качестве Патриаршего Нашего Экзарха, согласно вышеизложенному, продолжали дело духовного попечения и управления Русскими Православными приходами в Европе¹.

Таким образом, в 1931 году образовалась третья юрисдикция русской церковной эмиграции. Наряду с Русской Православной Церковью Заграницей, как называла она себя, во главе с митрополитом Антонием Храповицким возник Западноевропейский экзархат Константинопольского патриархата во главе с митрополитом Евлогием, который, в отличие от Синодальной Зарубежной Церкви, не претендовал одновременно на реальную автокефальность, продолжая формально подчеркивать свою связь с Московской Патриархией. Кроме того, на положении, по существу, автокефальной Церкви в это время оказалась и Североамериканская епархия, которую на основании указа Патриарха Тихона от 29 сентября 1923 года возглавил митрополит Платон (Рождественский), запрещенный в священнослужении 16 августа 1933 года митрополитом Сергием за отказ дать подписку о лояльности советскому государству и 11 сентября 1933 года провозгласивший на архиерейском совещании автономию Североамериканской митрополии. В это же время в разных городах Западной Европы появились немногочисленные приходы, сохранявшие формальную юрисдикцию Московской Патриархии. Наиболее известным церковным иерархом среди русского зарубежного духовенства, который предпочел остаться в юрисдикции Московской Патриархии, был епископ Вениамин (Федченков). Так в 1931 году сложилась окончательная картина юрисдикционных групп русской церковной эмиграции, сохранявшаяся многие десятилетия.

¹ *Евлогий (Георгиевский), митр.* Указ. соч. С. 573.

Церковная жизнь русского зарубежья в 1930–1940 годах

22 июля 1934 года после подписания митрополитом Сергием указа о запрещении в священнослужении митрополита Антония и еще семи архиереев Русской Православной Церкви Заграницей ее епископат оказался в том же каноническом положении по отношению к Московской Патриархии, что и митрополит Евлогий.

1. Заграничных русских архиереев и клириков так называемой карловацкой группы, как восставших на свое законное священноначалие и, несмотря на многолетнее увещание, упорствующих в расколе, предать церковному суду по обвинению в нарушении правил св. Ап. 31, 34, 35; Двукр. 13–15 и друг., с устранением обвиняемых, впредь до их раскаяния или решения о них суда, от церковных должностей (если таковые они занимают).

2. По указанным в предложении основаниям сверх того и на то же время запретить в священнослужении преосвященных: б. Киевского митр. Антония, б. Кишиневского архиеп. Анастасия, б. Забайкальского архиеп. Мелетия, б. финляндского архиеп. Серафима, б. Камчатского еп. Нестора, а также еп. Тихона Лященко, еп. Тихона, возглавляющего карловчан в Америке, и еп. Виктора — в Пекине.

5. Поручить преосв. Митр. Литовскому и Виленскому о настоящем постановлении оповестить предстоятелей православных автокефальных Церквей и находящихся в Западной Европе русских архипастырей, клир и мирян, в том числе и предаваемых суду и особо — запрещенных. Преосвященному же Митрополиту Японскому (Сергию (Тихомирову) — *Г. М.*) — находящихся на Дальнем Востоке, преосвященному Архиепископу Алеутскому (Вениамину (Федченкову) — *Г. М.*) — экзарху Патриархии — находящихся в Америке¹.

¹ *Никон (Рклицкий), архиеп. Указ. соч. Т. VII. С. 360–361.*

В сентябре 1934 года Архиерейский Собор Русской Православной Церкви Заграницей заявил о канонической безосновательности этого указа митрополита Сергия, и все упомянутые в указе архиереи проигнорировали это распоряжение Заместителя Патриаршего Местоблюстителя. В то же время Архиерейский Собор объявил о снятии прещений с митрополита Евлогия и с иерархов Североамериканской митрополии и таким образом предложил восстановить евхаристическое общение между тремя основными ветвями русской церковной диаспоры. Сербский Патриарх Варнава, стремившийся окончательно примирить русскую диаспору, в 1935 году организовал под своим председательством совещание русских архиереев в Сремских Карловцах, в котором приняли участие митрополиты Антоний, Евлогий, Анастасий и Феофил (Пашковский), глава Североамериканской митрополии, сменивший скончавшегося в 1934 году митрополита Платона, и епископ Дмитрий (Вознесенский), глава Дальневосточного округа. Иерархи выработали «Временное положение» об управлении Русской Православной Церкви Заграницей. Однако митрополит Евлогий, восстановив евхаристическое общение с Русской Православной Церковью Заграницей, счел необходимым остаться в юрисдикции Вселенского Патриархата, которая канонически гарантировала его епархию от каких-либо дальнейших возможных попыток давления на нее как со стороны Зарубежного Синода, так и со стороны митрополита Сергия.

В церковной жизни русского зарубежья к началу Второй мировой войны также произошли ощутимые изменения, во многом обусловленные установлением в Германии тоталитарного нацистского режима, столь же враждебного христианству, каким все годы своего существования оставался такой же тоталитарный коммунистический режим в СССР.

Нацистский режим по мере своего становления в Германии стремился взять под свой тотальный контроль религиозную жизнь страны, вмешиваясь в религиозную жизнь основных христианских конфессий. После 1936 года это вмешательство приобрело характер постоянных репрессий по отношению к Римско-Католической Церкви. Иные перемены произошли в положении Русской Православной Церкви на территории Германии.

В 1930-е годы практически все православные приходы в Германии продолжали оставаться в юрисдикции митрополита Евлогия, находившегося в Париже. Однако у связанных с Архиерейским Синодом в Сремских Карловцах церковных функционеров были

налажены довольно тесные связи с представителями нацистской партии. С приходом к власти нацистов у представителей именно Карловацкой юрисдикции в Германии появились покровители и на уровне правительства. Представители Министерства культов стали покровительствовать именно тем немногочисленным приходам в Германии, которые входили в юрисдикцию Зарубежного Синода, возглавляемого тогда архиепископом Тихоном (Ляшенко). Столь неожиданно лояльная позиция фашистского руководства по отношению к именно этой юрисдикции русского православного зарубежья была результатом прежде всего доверия руководителей фашистской Германии к представителям Русской Зарубежной Церкви из-за их крайне правых политических позиций, на которых стоял Архиерейский Синод, а также готовности некоторых церковных функционеров Синода солидаризироваться с самыми резкими заявлениями нацистского руководства.

Митрополит Евлогий, находившийся в Париже, в столице страны, потенциально враждебной Третьему рейху, входивший в юрисдикцию Вселенского Патриархата, представлялся фашистскому режиму церковным иерархом, менее заслуживающим доверия. Германское руководство в лице Министерства культов стало проводить политику, направленную на постепенный переход всех приходов Русской Православной Церкви в Германии под юрисдикцию Архиерейского Синода в Сремских Карловцах. В 1936 году, после кончины митрополита Антония, Архиерейский Синод возглавил митрополит Анастасий (Грибановский). Именно ему пришлось в это время согласиться с требованием германских властей о замене на Берлинской кафедре архиепископа Тихона митрополитом Серафимом (Ляде). Основанием, по которому германское руководство стремилось заменить православного епископа Русской Церкви в Берлине, было немецкое этническое происхождение митрополита Серафима. Хотя некогда он и принадлежал к украинской обновленческой церкви, митрополиту Анастасию пришлось согласиться на их требование, тем более что в условиях, когда германское руководство осуществляло репрессивную, по крайней мере резко ограничительную политику в отношении всех христианских конфессий в Германии, в отношении Русской Православной Церкви было сделано исключение. В Берлине на средства германской казны был построен православный собор. И это случилось в то время, когда десятки храмов других христианских конфессий были в Германии закрыты. Понимая всю сложность сохранения православной церковной жизни в Гер-

мании, понимая, что в условиях утверждения в этой стране тоталитарного, настроенного антихристиански режима очень сложно, не идя на компромиссы, сохранить церковную жизнь от разрушения, митрополит Анастасий вынужден был пойти и на кадровые перемены в управлении православными приходами в Германии и принять своеобразный данайский дар в виде соборного храма в Берлине.

Некогда ригористически обличавшие митрополита Сергия в компромиссах по отношению к богоборческой большевистской власти, руководители Архиерейского Синода пошли на аналогичные уступки по отношению к режиму, столь же антихристианскому. Правда, нацисты не были столь агрессивны в отношении Русской Православной Церкви, как большевики. В связи с этим показателен документ, который по сей день не может восприниматься с легким сердцем православным христианином. Это благодарственный адрес, обращенный митрополитом Анастасием к рейхсканцлеру Германии Адольфу Гитлеру по поводу построенного в Берлине Воскресенского кафедрального собора во время его освящения 12 июня 1938 года.

Высокочтимый Господин Рейхсканцлер! Когда мы взираем на наш Берлинский соборный храм, ныне нами освящаемый и воздвигнутый благодаря готовности и щедрости Вашего Правительства после предоставления нашей Святой Церкви прав юридического лица, наша мысль обращается с искренней и сердечной благодарностью прежде всего к Вам как к действительному его создателю.

Мы видим особое действие Божьего Промысла в том, что именно теперь, когда на нашей Родине храмы и народные святыни попираются и разрушаются, в деле Вашего строительства имеет место и создание сего храма. Наряду со многими другими предзнаменованиями этот храм укрепляет нашу надежду на то, что и для нашей многострадальной Родины еще не наступил конец истории, что Повелевающий историей пошлет и нам вождя, и этот вождь, воскресив нашу Родину, возвратит ей вновь национальное величие, подобно тому, как Он послал Вас германскому народу.

Мы знаем из достоверных источников, что верующий русский народ, стонущий под игом рабства и ожидающий своего освободителя, постоянно возносит к Богу молитвы о том, чтобы Он сохранил Вас, руководил Вами и даровал Вам свою всеильную по-

мощь. Ваш подвиг за германский народ и величие германской Империи сделал Вас примером, достойным подражания, и образцом того, как надо любить свой народ и свою родину, как надо стоять за свои национальные сокровища и вечные ценности. Ибо и эти последние находят в нашей Церкви свое освящение и увековечение.

Вы воздвигли дом Небесному Владыке. Да пошлет же Он Свое благословение и на дело Вашего государственного строительства, на создание Вашей народной империи. Бог да укрепит Вас и германский народ в борьбе с враждебными силами, желающими гибели и нашего народа. Да подаст Он Вам, Вашей стране, Вашему Правительству и воинству здоровье, благоденствие и во всем благое поспешение на многая лета¹.

Если сравнить текст этого благодарственного адреса с текстом декларации митрополита Сергия, можно увидеть, что в условиях гораздо менее страшных для Церкви, чем условия, которые были созданы в Советском Союзе, митрополит Анастасий был склонен славословить германского рейхсканцлера в не меньшей степени, чем это делал митрополит Сергий в отношении советских властей. Итак, оказавшись в похожих, достаточно жестких условиях, руководство Русской Православной Церкви Заграницей пошло на компромисс с германским правительством. Результатом его явилось не только строительство храма в Берлине, но и переход практически всех приходов митрополита Евлогия на территории Германии в юрисдикцию Архиерейского Синода. Представителей духовенства, которые пытались сохранить верность митрополиту Евлогию, вызывали не только в Министерство культов, но и в гестапо, где требование перейти в юрисдикцию Зарубежного Синода сопровождалось угрозой отстранения от церковного служения и высылкой из страны, а подчас и арестом. Все это свидетельствовало о том, что нацистское руководство в Германии хотя и не собиралось в ближайшее время ликвидировать православную церковную жизнь, но готово было держать ее под своим контролем, передавая храмы в распоряжение тех, к кому на данном этапе испытывало доверие.

Таким образом, уже накануне начала Второй мировой войны фашизм являл собой силу, враждебную христианству и далеко не так уж расположенную к Русской Православной Церкви даже на территории самой Германии. Последующие военные действия приве-

¹ Церковная жизнь. 1938. № 5–6.

ли к тому, что нацистский режим, создавший сначала протемное марионеточное правительство во Франции, а потом и оккупировавший Францию, санкционировал вмешательство Архиерейского Синода и в дела церковных приходов митрополита Евлогия на территории Франции. Среди прихожан митрополита Евлогия было немало тех, кто сражался во французской армии против немцев, кто активно участвовал во французском Сопротивлении. Сам же митрополит Евлогий занимал сдержанную, действительно аполитичную позицию и никогда не солидаризировался с действиями нацистского руководства в Германии. Следует подчеркнуть, что у многих рядовых русских эмигрантов, для которых мысль о возможности продолжить борьбу с большевизмом даже в союзе с фашистской Германией представлялась единственно возможной, позиция Русской Православной Церкви Заграницей не вызвала особого неприятия. Наоборот, в этом видели мудрое решение, призванное расположить нацистское руководство, готовившееся к войне с Советским Союзом, в пользу всех антикоммунистически настроенных сил русской эмиграции.

Победа СССР во Второй мировой войне и временное изменение политики коммунистического режима по отношению к Русской Православной Церкви вызвали среди части русской эмиграции движение в пользу возвращения в СССР. В контексте этого движения следует рассматривать готовность некоторых церковных иерархов русского зарубежья вступить в переговоры о церковном воссоединении с представителями Московской Патриархии. 29 августа 1945 года после переговоров с прибывшим в Париж митрополитом Николаем (Ярушевичем) митрополит Евлогий (Георгиевский) обратился к Патриарху Московскому Алексию I с просьбой о воссоединении с Московской Патриархией возглавлявшегося им Западноевропейского экзархата Константинопольского Патриархата, который насчитывал в это время более семидесяти приходов в различных странах Западной Европы и Северной Африки. 11 сентября 1945 года был издан указ Московской Патриархии об удовлетворении прошения митрополита Евлогия, к которому, впрочем, значительное большинство духовенства и паствы Западно-европейского экзархата отнеслось критически. После кончины 8 августа 1946 года митрополита Евлогия епархиальное собрание клира и мирян Западно-европейского экзархата во главе со старшим викарием покойного митрополита архиепископом Владимиром (Тихоницким), проходившее 16–19 октября 1946 года, приняло решение о сохранении экзархата в юрисдикции Констан-

тинопольской Патриархии и о каноническом утверждении Вселенским Патриархом главой экзархата архиепископа Владимира. Это решение епархиального собрания было утверждено Константинопольским Патриархом Максимом 6 марта 1947 года, и с этого времени, потеряв несколько приходов, перешедших в юрисдикцию или Московской Патриархии, или Русской Зарубежной Церкви, Западноевропейский экзархат продолжал осуществлять свою деятельность в составе Константинопольского Патриархата.

Значительно большее число духовенства и мирян перешло в 1945–1946 годах в юрисдикцию Московской Патриархии из Русской Православной Церкви Заграницей. Причиной подобного перехода для многих из них стали не только иллюзии по поводу нормализации церковной жизни в СССР. Некоторые территории, где находилось значительное число приходов Русской Зарубежной Церкви, как, например, Северная Маньчжурия, Югославия и Болгария, были временно оккупированы советской армией, и переход в юрисдикцию Московской Патриархии стал казаться многим представителям церковной иерархии единственной возможностью сохранить в этих условиях церковную жизнь. По такому пути пошли все епископы Русской Зарубежной Церкви, осуществлявшие свое служение в Маньчжурии, за исключением архиепископа Шанхайского Иоанна (Максимовича), такие различные по своему нравственному облику иерархи, как почитавшийся в Болгарии в качестве старца архиепископ Серафим (Соболев) и ставший в русском зарубежье символом церковного и политического ренегатства митрополит Серафим (Лукьянов).

Вынужденный покинуть Сремские Карловцы после установления в Югославии коммунистического режима Архиерейский Синод Русской Зарубежной Церкви продолжил свою деятельность в 1946 году в Мюнхене под руководством митрополита Анастасия (Грибановского). В это время в его юрисдикцию вошла группа иерархов Автономной Украинской и Белорусской Церквей, которые покинули свои епархии на территории СССР в связи с наступлением советской армии. Лишившись своих многочисленных приходов на Балканах и в Китае, Русская Православная Церковь Заграницей оказалась перед необходимостью окормлять около трехсот тысяч перемещенных лиц из числа бывших советских граждан, находившихся в западных секторах оккупированной союзниками Германии. По мере их дальнейшего переселения в страны Северной и Южной Америки и Австралию Русская Зарубежная Церковь стала увеличивать число своих приходов в этих странах,

переведа в 1950 году Архиерейский Синод из Мюнхена в Джорданвилль, расположенный в штате Нью-Йорк в США.

В 1940-е годы на территории США продолжала осуществлять свою деятельность Американская Митрополия, возникшая на основе Алеутской и Североамериканской епархии Русской Православной Церкви и с 1936 года на правах автономного округа формально входившая в состав Русской Православной Церкви Заграницей. В 1946 году церковный собор в Кливленде объявил как о выходе Американской Митрополии из подчинения Зарубежному Синоду, так и о сохранении полной административной независимости от Московской Патриархии, еще в 1935 году запретившей в священнослужении митрополита всей Америки и Канады Феофила (Пашковского) и подведомственное ему духовенство. Это решение Кливлендского собора по существу предопределило дальнейший курс церковной иерархии Американской Митрополии (насчитывавшей тогда около пятисот приходов) на создание Автокефальной Православной Церкви в Америке, который заметно усилился после 1950 года, когда скончавшегося митрополита Феофила сменил на предстоятельской кафедре митрополит Леонтий (Туркевич).

Однако при всех своих междоусобных юрисдикционных конфликтах Западноевропейский экзархат Константинопольского Патриархата, Русская Православная Церковь Заграницей и Православная Церковь в Америке (официально называвшаяся тогда Русско-Православная Греко-Кафолическая Североамериканская Митрополия) продолжали в послевоенные годы осуществлять плодотворную пастырскую деятельность среди почти двухмиллионной русской диаспоры. При этом внесший наибольший вклад в православное богословие XX века Западноевропейский экзархат, строго сохранявшая традицию русского церковного, прежде всего монашеского, благочестия Русская Зарубежная Церковь и обращенная в своем свидетельстве о Православии к инославному миру Православная Церковь в Америке всегда глубоко ощущали свою духовную и культурную связь с гонимой Православной Церковью в России. В 1940-е годы, когда смягчившиеся церковные гонения стали совмещаться в политике коммунистического режима с пропагандистским использованием до конца не уничтоженной Православной Церкви, представители всех трех церковных юрисдикций русского зарубежья были готовы не только подвергать критике лишнюю свободу действий в своей деятельности православную церковную иерархию в СССР, но и в меру своих возможностей со-

действовать сохранению и развитию церковной жизни гонимых и бесправных русских православных христиан.

Вторая половина 1940-х годов стала временем увеличения в дальнем зарубежье числа приходов Московской Патриархии, когда к созданному в 1933 году под управлением митрополита Вениамина (Федченкова) Североамериканскому экзархату в 1946 году прибавился Западноевропейский экзархат Московского Патриархата, возглавлявшийся митрополитом Серафимом (Лукияновым). В то же время образованный в Северо-Восточном Китае в 1946 году под руководством митрополита Нестора (Анисимова) Восточный экзархат в 1955 году прекратил свое существование под давлением коммунистических властей Китая. Однако значение приходов Московской Патриархии в церковной жизни русского зарубежья в это время еще не могло проявиться ощутимым образом.

Заключение

Русские эмигранты периода революции и Гражданской войны, в первое десятилетие своего пребывания в изгнании надеявшиеся вскоре вернуться в Россию, попытались уже на рубеже 1920–1930-х годов начать уникальный культурно-цивилизационный опыт создания альтернативной СССР традиционной исторической России в изгнании. Поэтому положение Русской Православной Церкви в этой России в изгнании должно было соответствовать тем каноническо-правовым и духовно-культурным принципам, которые были сформулированы Поместным Собором 1917–1918 годов. При этом избавленная от угрозы гонения со стороны большевистского режима европейскими границами и европейскими армиями и осуществлявшая свою деятельность совершенно свободно от диктата властей в преимущественно демократических государствах Европы и США (исключением станет двенадцатилетний период пребывания у власти нацистов в Германии) Русская Православная Церковь в изгнании в лице как Русской Православной Церкви Заграницей, Западноевропейского экзархата Константинопольского Патриархата в Европе и даже на Дальнем Востоке, так и Православной Церкви в Америке смогла десятилетиями последовательно строить свою церковную жизнь в новой парадигме как внутри церковного подлинно соборного развития, так и основанных на принципах правовых гарантий невмешательства в дела друг друга церковно-государственных отношений.

Дорожившие канонической связью с Матерью Церковью в России и сопереживавшие своим гонимым братьям во Христе в СССР представители русского православного духовенства в изгнании после узурпации высшей церковной власти в 1927 году митрополитом Сергием оказались перед необходимостью во имя сохранения канонического единства с Православной Церковью в большевистской России отказаться от принципов свободного от внешнего диктата соборного управления церковной жизнью и согласиться быть политически лояльными богоборческому коммуни-

стическому режиму. Отказываясь от этой губительной для церковной жизни перспективы и протестуя против деятельности митрополита Сергия, все три юрисдикционные группы Русской Православной Церкви в изгнании одна за другой — Русская Православная Церковь Заграницей в 1927 году, Западноевропейский экзархат в 1930 году, Православная Церковь в Америке, в эти годы еще носившая название Американской Митрополии, — в 1936 году вышли из канонического подчинения Московской Патриархии. Так, благодаря своей пастве, во многом состоявшей из тех немногочисленных русских православных христиан, которые не примирились с богоборческим большевизмом и даже попытались на полях Гражданской войны защитить историческую Россию, а значит, и Русскую Православную Церковь от гибели, Русская Православная Церковь в изгнании смогла сохранить свободу, достоинство и жизнь не только в противостоянии с левиафаном коммунистического тоталитарного режима, но и перед лицом Заместителя Патриаршего Местоблюстителя митрополита Сергия, продолжавшего даже после десяти лет существования этого режима в России исповедовать веру в неизбежность и необходимость «симфонии властей».

Церковь
в пленении

Вступление

Митрополит Сергей (Страгородский) и по сей день остается личностью, весьма пререкаемой не только в русской церковно-исторической науке, но и в русской церковной жизни. Даже сегодня отношение и к его личности, и к его деятельности способно разделить православных христиан между собой, причем не только в русском зарубежье, как это было в предшествующие десятилетия, но и в церковной жизни современной России. В недавние десятилетия многие события и деятели русской церковной истории открылись практически заново, благодаря тому что многие архивные документы стали наконец доступны для исследователей. В то же время перемены, происшедшие в жизни Православной Церкви современной России, которую многие склонны рассматривать как Церковь, сохраненную для нас в дни коммунистического лихолетья именно митрополитом Сергием, позволили и представителям церковной иерархии, и всему церковному народу иначе взглянуть на самих себя, на свое прошлое и настоящее. Эти во многом уникальные обстоятельства делают в высшей степени актуальной духовно-историческую оценку личности и деятельности митрополита Сергея и тех, кто считал себя в истории нашей Церкви его продолжателями. В митрополите Сергии как будто сконцентрировались многие положительные и отрицательные черты предшествующей синодальной эпохи Русской Православной Церкви, которая закончилась у нас с созывом Поместного Собора 1917—1918 годов и представители которой, прежде всего из числа русского епископата, стали уходить из жизни с исторически молниеносной быстротой, становясь жертвами жесточайших коммунистических гонений на Русскую Православную Церковь уже в 1920—1930-е годы. И вместе с тем в личности митрополита Сергея мы видим отражение черт будущей эпохи русской церковной истории, когда гонимая большевиками Церковь, разрушенная коммунистическим режимом почти до основания, будет продолжать многие десятилетия существовать уже не в России, а в СССР за счет союза с богоборческим советским государством, постепенное заключе-

ние которого началось в 1927 году со стороны части русской епископской иерархии именно митрополитом Сергием.

Именно после 1927 года в стране, еще недавно называвшейся Российской империей, а в это время заклеившей себя аббревиатурой СССР, в еще недавно веками ощущавшей себя Третьим Римом Москве, превратившейся в 1919 году в столицу III Коммунистического Интернационала, с участием митрополита Сергия и группы отлученных от Церкви Поместным Собором 1917–1918 годов православных по крещению безбожников из числа партийных функционеров стала сочиняться «партитура» новой части полутора-тысячелетней византийской «симфонии» Православной Церкви и теперь уже не ордынско-мусульманского, не турецко-исламского, имперско-полусекуляризованного, а откровенно богоборческого коммунистического государства.

Русская Православная Церковь
в 1927–1932 годах. Заместитель
Патриаршего Местоблюстителя
митрополит Сергей (Страгородский)
и его борьба с церковной оппозицией.
Заместитель Патриаршего
Местоблюстителя митрополит
Иосиф (Петровых)

Положение Петроградской кафедры после мученической смерти митрополита Вениамина было чрезвычайно сложным. С 1922 года Петроградская епархия не имела своего митрополита, и управление в ней осуществляли несколько викарных епископов, которые периодически подвергались репрессиям властей. Однако епархии, еще недавно бывшей центром обновленчества, необходим был иерарх, который пользовался бы безусловным авторитетом той части православной паствы, которая сохраняла верность Церкви и который сумел бы сплотить вокруг себя тех, кто выстоял в период, когда не только репрессии властей, но и репрессии обновленческого духовенства приводили к многочисленным арестам, высылкам, а подчас и гибели активных представителей петроградского духовенства и мирян. Таким иерархом, безусловно, был митрополит Иосиф (Петровых), прошедший непростой жизненный путь, удивительным образом сочетавший в себе эрудицию богослова и личную аскезу монаха-подвижника. Этот весьма известный в Русской Церкви и популярный в Петрограде, к тому времени уже переименованном в Ленинград, церковный иерарх был назначен митрополитом Сергием на Ленинградскую кафедру в августе 1926 года и почти сразу после своего назначения успел посетить свою новую епархию. Когда митрополит Иосиф вернулся в Ростов, где должен был проститься

со своей паствой, государственные власти его задержали и запретили выезд в Ленинград. Так продолжалось до лета 1927 года, когда у митрополита Иосифа появилась, наконец, надежда, что освободившийся из заточения митрополит Сергей, добившийся регистрации органов высшего церковного управления, сумеет добиться и согласия властей на приезд митрополита Иосифа в Ленинград. Но позиция властей была вполне определенной. Личность митрополита Иосифа, отличавшегося не просто последовательностью, а удивительным ригоризмом в отношении развития церковно-государственных отношений, представлялась для них крайне нежелательной. В результате после долгих и безуспешных попыток митрополита Сергея убедить власти допустить митрополита Иосифа в Ленинградскую епархию 17 сентября 1927 года ему пришлось назначить митрополита Иосифа на Одесскую кафедру. Лишь на этой кафедре Е. А. Тучков соглашался видеть митрополита Иосифа, пребывание которого в Ленинграде могло активизировать, по мнению властей, наиболее последовательных и принципиальных противников политики митрополита Сергея.

Получив указ о назначении на Одесскую кафедру, митрополит Иосиф в письме от 28 сентября 1927 года заявил митрополиту Сергию, что он отказывается принимать новое назначение в связи с тем, что митрополит Сергей сделал его под давлением власти.

Год тому назад, учитывая настоятельную необходимость иметь Ленинграду достойного народных симпатий митрополита, учитывая и невозможность произвести надлежащие выборы, следуя голосу своей архипастырской совести и мудрости, а главное — голосу Божию, по вере нашей руководящему действиями наличного управителя Христовой Церкви, наконец, следуя определенным указаниям хорошо знавших чаяния Ленинградской паствы — Вы сделали меня Ленинградским митрополитом, без малейшего домогательства с моей стороны, — писал митрополит Иосиф. — Не без смущения и тяготы принял я это опасное послушание, которое иные, может быть, разумно, а то и преступно, решительно от себя отклонили. <...> Народ во много тысяч со слезами бурной радости приветствовавший мое появление и утвердивший этими слезами, как вернейшей печатью, Ваше избрание, единогласно, без единого недовольного, весь за меня — против той злой интриги, которая упорно добивается своего и готовится ныне торжествовать свою победу Вашим слабованием и попустительством. Уничтожив меня, Вы

кровно обидите этим моих истинных и достойнейших избирателей, не говоря уже о кровной обиде мне в моем и без того нерадостном положении. Уничтожив меня, Вы даете мне право не верить более в то, что Вами руководит небесная благодать Божия, а не земное человекоугодничество. Я решительно не могу признать правильным состоявшегося без всякой моей вины и без всякого моего согласия и даже ведома перемещения моего на Одесскую епархию прежним безобразно-царско-распутинским порядком и требую незамедлительного перенесения моего дела из сомнительной не для одного меня компетенции Вашего Синода на обсуждение усиленного Собора епископов, коему я только сочту обязанным явить свое беспрекословное послушание.

Иосиф, митрополит Ленинградский

За некоторые резкости выражений прошу прощения во внимание к моей нервной издерганности в изгнаннических страданиях¹.

Действительно, вмешательство каких бы то ни было властей, тем более властей богоборческих, в назначения епископов, конечно же, не соответствовало церковным канонам. Однако в синодальный период подобного рода практика казалась само собой разумеющейся, не вызывавшей у представителей церковной иерархии резко отрицательного к себе отношения. Но прошли годы, и государство, заявившее о том, что оно отделяет Церковь от государства, государство, воздвигнувшее на Церковь кровавые гонения, продолжало стремиться к тому, чтобы определять даже кадровую политику Церкви. В результате митрополит Иосиф, справедливо упрекнув митрополита Сергия в том, что его назначение на Одесскую кафедру было сделано под давлением властей, потребовал допущения себя в Ленинград и предупредил, что в случае недопущения его приезда на кафедру он будет продолжать оставаться Ленинградским митрополитом вне территории своей епархии. Достаточно твердое и резко высказанное решение митрополита Иосифа свидетельствовало о том, что он потерял доверие к митрополиту Сергию и считал его дальнейшие переговоры с властями бесполезными. Ситуация резко обострилась, тем более что некоторые представители духовенства и мирян Ленинградской епархии также заявили о своем несогласии

¹ Алчущие правды. Материалы церковной полемики 1927 года. М., 2010. С. 178–179, 181.

с переводом митрополита Иосифа на Одесскую кафедру. Все это, в конечном итоге, привело к тому, что 12 октября 1927 года митрополит Сергей принял постановление, в соответствии с которым он брал на себя временное управление Ленинградской епархией, надеясь своим авторитетом смягчить раздоры среди ленинградского духовенства и мирян. Однако даже авторитет личности митрополита Сергея не сумел ослабить страсти, которые разгорелись еще больше после того, как 21 октября 1927 года появился указ митрополита Сергея, в котором не только содержалось требование поминодения властей за богослужением, но и запрещалось поминодение епархиальных епископов, смещенных и находящихся в ссылке по приговору государства. Таким образом, предлагалось прекратить поминать тех или иных епископов и исповедников даже в тех епархиях, в которых они ранее служили, в условиях, когда молитвенная помощь была им нужна как никогда.

О своем окончательном отказе оставить Ленинградскую кафедру митрополит Иосиф заявил в письме митрополиту Сергию 30 октября 1927 года. Уже в ноябре в Ленинграде появились приходы, которые продолжали сохранять верность митрополиту Иосифу, при этом отказываясь поминать митрополита Сергея как Заместителя Патриаршего Местоблюстителя. Они поминали митрополита Петра и митрополита Иосифа, подчеркивая свою неразрывную связь с Московской Патриархией, указывая вместе с тем на то, что действия митрополита Сергея лишают его канонических полномочий на возглавление русской церковной иерархии. Среди тех, кто выступил в поддержку митрополита Иосифа и заявил о своем церковно-административном неподчинении митрополиту Сергию, были не только представители духовенства, но и ряд викарных епископов, в частности епископ Гдовский Дмитрий (Любимов), епископ Нарвский Сергей (Дружинин) и несколько епископов, находившихся в это время на покое в Ленинградской епархии. Свою позицию руководители этого движения выразили в своем обращении митрополиту Сергию в декабре 1927 года. По существу, митрополиту Сергию был поставлен ультиматум, лишь при исполнении условий которого он мог рассчитывать, что отделившееся от него в Ленинграде духовенство восстановит с ним каноническую связь.

ВАШЕ ВЫСОКОПРЕОСВЯЩЕНСТВО! Мы, считающие себя верными чадами Православной Церкви, наблюдающие вплот-

ную ее жизнь и болеющие сердцем о современных несогласиях среди церковных людей, обращаемся к Вам, может быть, в последний раз с предупреждением относительно взятого Вами за последние месяцы курса церковной политики. <...> Со времени издания Вашей декларации в управлении Церковью принимает участие, вопреки декрету об отделении Церкви от государства, гражданская богоборческая власть. Неудивительно поэтому, что Ваша декларация не только не может быть воспринята православным сознанием по своему содержанию, о чем у Вас, вероятно, имеются уже достаточные сведения, но и побуждает православных все злоключения, постигающие их в области церковной, рассматривать как результаты той же декларации и видеть в них проявление непосредственного влияния богоненавистнической власти, стремящейся к разрушению Церкви. К таким именно злоключениям нашей местной Церкви относится перемещение в Одессу митрополита Иосифа, вопреки желаниям паствы и его самого, и назначение в нашу епархию епископа Сергия (Зенкевича) не только также вопреки желанию паствы, но даже и не по избранию всего местного епископата. Подобные перемещения и назначения епископов, практикуемые, как известно, и в отношении других епархий Союза, только укрепляют убеждение в том, что епископы назначаются на кафедры не по Вашему произволению и что таким путем постепенно создается епископат, желательный для гражданской власти и ее интересов и совершенно не соответствующий истинным интересам Церкви, как это уже случилось в отношении состоящего при Вас временного Патриаршего Синода. <...> Таким образом, упорное проведение Вами нового курса церковной политики не только ведет ко взаимному непониманию между Вами и Вашей многочисленной паствой, но и причиняет неисчислимый вред миру церковному и религиозному сознанию верующих. <...> В виду изложенного, заявляя Вам о неприемлемости для нас Вашей декларации в целом, но в то же время горя желанием сохранить единство Церкви и предотвратить неизбежно надвигающийся раскол, мы обращаемся к Вам, Высокопреосвященный Владыко, со слезной просьбой немедленно принять нижеследующие меры для мира церковного:

1. Отказаться от намечающегося курса порабощения Церкви государством в той форме, какую Вы найдете более подходящей, но которая делала бы ясным для верующих таковой Ваш отказ.

2. Отказаться от перемещений и назначений епископов, помимо согласия на то паствы и самих перемещаемых или назначаемых епископов, ибо таковые перемещения и назначения являются ударом по Церкви, нанесенным Вашей рукой.

3. Поставить временный Патриарший Синод на то место, которое было определено ему при самом его учреждении, в смысле совещательного органа, состоящего лично при Вас и полномочия которого прекращаются с прекращением Ваших полномочий. Вследствие этого все распоряжения и постановления, исходящие от высшего церковного управления, должны объявляться только от Вашего имени, но не от имени Синода, хотя бы они предварительно и рассматривались в нем.

4. Пересмотреть состав Временного Патриаршего Синода и удалить из него пререкаемых лиц, в особенности митрополита Серафима Тверского (Александрова) и архиепископа Алексея (Симанского), которые являются совершенно неприемлемыми для православных верующих.

5. При организации Епархиальных Управлений должны быть всемерно охранены устои Православной Церкви, каноны, постановления Поместного Собора 1917—1918 гг., особенно авторитет епископата, который так блестяще оправдал себя в тяжелое время борьбы с обновленчеством.

6. Возвратить на Ленинградскую кафедру митрополита Иосифа, так как только этой мерой может быть установлен церковный мир в епархии.

7. Во избежание излишних разговоров и волнений, впредь до назначения постоянного митрополита, отменить возношение Вашего имени во время богослужения.

8. Отменить распоряжение об устранении из богослужений молений о страдальцах за Церковь Христову и о возношении молений за гражданскую власть, так как таковое распоряжение при современных условиях государственной и общественной жизни является не чем иным, как прямым издевательством над религиозным сознанием православных верующих.

Мы убеждены, что только такими мерами возможно успокоить взволнованное Вашей декларацией церковное общество и тем предотвратить неизбежный в противном случае раскол в Церкви. Поэтому мы призываем Вас, Владыко, вспомнить Святейшего Патриарха Тихона, который не стеснялся никакими обстоятельствами в отношении отмены своих распоряжений, когда он убеждался, что они не находят себе поддержки в церковном со-

знании верующих. Да будет с Вами благодать Великого Кормчего и Первосвященника Церкви Господа нашего Иисуса Христа, и да пошлет Вам Господь Бог дух мудрости и разума¹.

После встречи 12 декабря 1927 года в Москве с делегацией ленинградского духовенства во главе с епископом Дмитрием, во время которой митрополиту Сергию было передано процитированное выше письмо, он, внимательно ознакомившись с его содержанием, 14 декабря 1927 года также письменно и столь же категорично ответил почти по всем пунктам выдвинутого ему представителями ленинградского духовенства письменного обращения.

1. Отказаться от курса церковной политики, который я считаю правильным и обязательным для христианина и отвечающим нуждам Церкви, было бы с моей стороны не только безрассудно, но и преступно.

2. Перемещение епископов — явление временное, обязанное своим происхождением в значительной мере тому обстоятельству, что отношение нашей церковной организации к гражданской власти до сих пор оставалось неясным. Согласен, что перемещение часто — удар, но не по Церкви, а по личным чувствам самого епископа и паствы. Но, принимая во внимание чрезвычайность положения и те усилия многих разорвать церковное тело тем или иным путем, и епископ, и паства должны пожертвовать своими личными чувствами во имя блага общецерковного.

3. Синод стоит на своем месте как орган управляющий. Таким он был и при Патриархе, хотя тоже состоял из лиц приглашенных.

4. О митрополите Серафиме я не знаю ничего, кроме сплетен и беспредметной молвы. Для опорочения человека нужны факты, а не слухи. Не любят его за то, что он, имея некоторый кругозор, не остался при наших взглядах на наше государственное положение. А епископ Алексей допустил в прошлом ошибку, но имел мужество ее исправить. Притом он понес такое же изгнание, как и некоторые из его теперешних недоброжелателей.

5. Устройство епархиального управления, и в частности положение викарных епископов, соответствует положению, выработанному на Соборе 1917—1918 гг. Беда только в том, что вследствие давнего отсутствия в Ленинграде епархиального архиерея и епархиального управления эта инструкция позабыта, и викарные архиереи привыкли действовать независимо.

¹ Алчущие правды. Материалы церковной полемики 1927 года. С. 288—291.

6. Устранено не моление за сущих в темницах и пленении (в ектении оно осталось), а только то место, которым о. о. протодиаконы, в угоду известным настроениям, иногда злоупотребляли, превращая молитвенное возгласие в демонстрацию. Ведь не нужно забывать, что богослужение (литургия верных) у нас совершается не при закрытых дверях, как в древности, а публично и потому подлежит правилам всяких публичных собраний. Моление же за власть является только естественным следствием нашего гражданского ее признания. Не поминали мы ее (Патриарх, впрочем, и сам поминал и делал распоряжения о поминовении) только потому, что не решались открыто сказать, что мы ее признаем.

Подлинный подписал Сергей, митрополит Нижегородский.

1/14 декабря 1927 г.¹

Позиция митрополита Сергея привела к тому, что 27 декабря 1927 года его представителю в Ленинградской епархии викарному епископу Петергофскому Николаю (Ярушевичу) был вручен акт о прекращении канонического общения с ним весьма значительной и авторитетной в Ленинградской епархии группы духовенства, объединявшей в своих рядах сторонников митрополита Иосифа. Этот документ был составлен двумя весьма авторитетными священнослужителями, которые находились в рядах движения сторонников митрополита Иосифа, или «иосифлян», как их стали называть с этого времени, бывшим профессором Санкт-Петербургской Духовной Академии протоиереем Василием Верюжским и недавно принявшим сан бывшим профессором Московской Духовной Академии протоиереем Федором Андреевым.

Во Имя Отца и Сына и Святого Духа. Сие есть свидетельство совести нашея (2 Кор. 1:12): непозволительно нам долее, не погрешая против уставов Святой Православной Церкви, пребывать в церковном единении с заместителем патриаршего местоблюстителя Сергием, митрополитом Нижегородским, и его синодом и со всеми, кто единомыслен с ним. Не по гордости, да не будет [сего], но ради мира совести, отрицаемся мы лица и дел бывшего нашего предстоятеля, незаконно и безмерно превысившего свои права и внесшего и великое смущение, «и дымное надмение мира в Церковь Христову, которая желающим

¹ Алчущие правды. Материалы церковной полемики 1927 года. С. 295–296.

зрети Бога приносит свет простоты и день смиренномудрия» (из послания Африканского Собора к папе Келестину). И решаемся мы на сие лишь после того, как из собственных рук митрополита Сергия приняли свидетельство, что новое направление и устройство русской церковной жизни, им принятое, ни отмене, ни изменению не подлежит. Посему, оставаясь, по милости Божией, во всем послушными чадами Единой Святой Соборной и Апостольской Церкви и сохраняя апостольское преемство через патриаршего местоблюстителя Петра, митрополита Крутицкого, мы прекращаем каноническое общение с митрополитом Сергием и со всеми, кого он возглавляет; и впредь до суда «совершенного Собора местности», т. е. с участием всех православных епископов или до открытого и полного покаяния перед Святою Церковью самого митрополита Сергия сохраняем молитвенное общение лишь с теми, кто блюдет, «да не преступаются правила отец... и да не утратим помалу неприметно тоя свободы, которую даровал нам Кровию Своею Господь наш Иисус Христос, Освободитель всех человеков» (из 8-го правила III Вселенского Собора). Аминь¹.

Этот акт был подписан епископом Гдовским Димитрием и епископом Нарвским Сергием. Не подписывая этого акта и не заявляя о своем полном разрыве молитвенно-канонического общения с митрополитом Сергием, поддержку действиям авторов письма высказали епископ Колпинский Серафим (Протопопов), будущий священномученик епископ Шлиссельбургский Григорий (Лебедев), наместник Александро-Невской лавры, архиепископ Кингисеппский Гавриил (Воеводин) и священномученик епископ Стефан (Бех), прекратившие поминовение имени митрополита Сергия за богослужением. Впрочем, к этому времени первым о своем разрыве молитвенно-канонического общения с митрополитом Сергием 22 января 1927 года объявил vikарий Вятской епархии будущий священноисповедник епископ Глазовский Виктор (Островидов).

Примечательно, что молниеносная реакция на действия епископа Виктора со стороны митрополита Сергия и его Синода последовала уже 23 января 1927 года в виде указа о запрещении его в священнослужении. Точно так же 30 декабря 1927 года митрополит Сергей запретил в священнослужении выступивших против него в Ленинграде епископа Дмитрия и епископа Сергия,

¹ Алчущие правды. Материалы церковной полемики 1927 года. С. 308–309.

препоручив наложить прещения на нескольких ведущих представителей духовенства епископу Николаю (Ярушевичу). Очевидно, что при всей своей канонической обоснованности эти «кадровые» решения митрополита Сергия были столь оперативными и жесткими, что предписывались ему лично начальником 6-го отделения секретного отдела секретно-оперативного управления ГПУ Е. А. Тучковым, с которым после своих договоренностей об условиях получения формального признания собственной высшей церковной власти и власти своего самозванного Временного Патриаршего Священного Синода митрополит Сергий был вынужден совместно определять не только перспективы дальнейшего служения, но и перспективы дальнейшей свободы и жизни своих собратьев-архиереев. Действительно, судьба по-христиански открыто и честно высказавших в Москве митрополиту Сергию несогласие с его лукавой политикой представителей духовенства и мирян Ленинградской епархии была решена уже на другой день после их отъезда из Москвы резолюцией Е. А. Тучкова от 15 декабря 1927 года на секретном донесении из Ленинграда:

1. Сообщите в Ленинград, что была у Сергия делегация с такими-то предложениями. 2. Предложите наиболее активных из оппозиции мирян арестовать под любыми предлогами. 3. Сообщите, что мы повлияем на Сергия, чтобы он запретил в служении некоторых оппозиционных епископов, а Ерушевич после этого пусть запретит некоторых попов¹.

Между тем количество заявлений духовенства о разрыве канонических связей с митрополитом Сергием продолжало возрастать и появлялось во все большем числе епархий. Так, 22 января 1928 года о своем отделении от митрополита Сергия объявил будущий священномученик епископ Козловский Алексей (Буй), временно управлявший Воронежской епархией, 26 января 1927 года общение с митрополитом Сергием прервала большая группа подмосковного духовенства во главе с викарным архиереем Московской епархии епископом Серпуховским Алексием (Готовцевым), преемник которого с октября 1928 года, будущий священномученик епископ Серпуховский Максим (Жижиленко) придал этому движению еще более широкий размах среди духовенства Подмосковья. В марте 1928 года позицию епископа Виктора поддержали

¹ «Сов. секретно. Срочно. Лично. Тов. Тучкову» // Богословский сборник. М., 2002. Вып. 10. С. 369.

другой викарный архиерей Вятской епархии епископ Яранский Нектарий (Трезвинский) и будущий священномученик викарный архиерей Смоленской епархии епископ Поречский Иларион (Бельский). В течение весны 1928 года по пути, открытому представителями ленинградского духовенства из числа сторонников митрополита Иосифа, пойдут будущий священномученик викарный архиерей Великоустюжской епархии епископ Никольский Иерофей (Афоник) и будущий священномученик управляющий Харьковской епархией епископ Старобельский Павел (Кратиров). На все эти выступления архиереев из самых разных епархий митрополит Сергей отзывался лишь новыми указами, запрещающими этих епископов в священнослужении. При этом некоторые из участников этого движения подчеркивали, что, даже не разделяя в полной мере позицию митрополита Иосифа, ее можно счесть нравственно оправданной и канонически вполне допустимой в связи с тем, что митрополит Сергей своим сервилизмом в отношении к власти вынудил митрополита Иосифа прервать с ним молитвенно-каноническое общение. В то же время все большее число епископов возмущалось тем, что, не имея на это никаких канонических оснований и прикрываясь созданным им вопреки постановлениям Поместного Собора 1917–1918 годов невиданным доселе Временным Патриаршим Священным Синодом при Заместителе Местоблюстителя Патриаршего Престола, митрополит Сергей готов был обрушивать на несогласных с ним епископов запрещения в священнослужении.

Духовно-мировоззренческая атмосфера среди все умножавшихся противников митрополита Сергея из числа епископата и духовенства была выразительно представлена в письме епископа Яранского Нектария, написанном им 8 мая 1928 года в кемском пересыльном пункте:

После молитв и долгих размышлений я прекратил церковное общение с м[итрополитом] Сергием... как вошедшим в блок с антихристом, нарушившим церковные каноны и допустившим равносильное отступничеству от Христа малодушие и хитрости. <...> Синод же собран из так называемых подмоченных или ссученных епископов. Назначение епископов на кафедры происходит с ведома или одобрения начальника Московского отдела № 6. Может ли быть это приемлемо православными людьми, а тем более епископами? <...> Надеюсь и верю, что эта церковная нижегородская ярмарка под неообновленческим фла-

гом потерпит полное посрамление и православно верующие все уйдут от этой печальной церковной авантюры, затеянной для уничтожения и поругания Церкви Христовой¹.

Митрополит Иосиф, по-прежнему не выпускавшийся властями из Ростова, в письме от 7 января 1928 года полностью одобрил действия поддержавших его представителей ленинградского духовенства.

Для осуждения и обезвреживания последних действий митрополита Сергия (Страгородского), противных духу и благу Святой Христовой Церкви, у нас, по внешним обстоятельствам, не имеется других средств, кроме как решительный отход от него и игнорирование его распоряжений. Пусть эти распоряжения примет одна всетерпящая бумага да всевмещающий воздух, а не живые души верных чад Церкви Христовой².

Значительно более пространно и аргументированно митрополит Иосиф вскоре изложил свое понимание современной ситуации в церковной жизни вообще и свое отношение к действиям поддержавших его представителей ленинградского духовенства в частности в письме авторитетному ленинградскому пастырю архимандриту Льву (Егорову):

Дорогой Отче! До последнего времени я думал, что мой спор с митрополитом Сергием окончен и что, отказавшись дать себя принести в жертву грубой политике, интриганству и проискам врагов и предателей Церкви, я смогу спокойно отойти в сторону, добровольно принеся себя в жертву протеста и борьбы против этой гнусной политики и произвола. Я был совершенно искренен, когда думал и говорил, «что ни на какой раскол я не пойду и подчинюсь незаконной расправе со мной — вплоть до запрещения и отлучения, уповая на одну правду Божию».

Но оказалось, что жизнь церковная стоит не на точке замерзания, а клокочет и пенится выше точки простого кипения. Мое «маленькое дело» вскоре же оказалось лишь малой крупинцей столь чудовищного произвола, человекоугодничества и предательства Церкви интересам безбожия и разрушения этой Церкви, что мне оставалось удивляться отселе не только одному своему покою и терпению, но теперь уже приходится удивляться и

¹ Шкаровский М. Судьбы иосифлянских пастырей. Иосифлянское движение Русской Православной церкви в судьбах его участников. Архивные документы. СПб., 2006. С. 157–158.

² Там же. С. 44.

равнодушию и слепоте тех других, которые еще полагают, что попустители и творцы этого безобразия творят дело Божие, «спасают» Церковь, управляют ею, а не грубо оскорбляют ее, издеваются над нею, вписывают себя в число ее врагов, себя откалывают от нее, а не они откалывают тех, которые не могут терпеть далее этой вакханалии, грубого насилия и безобразно-кошунственной политики.

Может быть, я терпел бы и это. Моя-де хата с краю, как теперь Ваша. Но, дорогой отче, я вдруг с особой болью стал чувствовать себя в значительной мере ответственным за несчастья Церкви. Ведь, как Вам не безызвестно, — я один из Заместителей Патриаршего Местоблюстителя, который связан страдальческим долгом не просто заменить арестованного предшественника, но быть ему и свободному предостережением на случай замены в возможности его духовного падения. Конечно, такое духовное падение должно бы, в нормальных условиях жизни церковной, сопровождаться и судом и соборным решением. Но какой суд и соборное решение возможны теперь, при настоящих условиях. И каким судом и соборным решением со мной учинена расправа, допустимая по правилам лишь при большом грехе с моей стороны. <...> Погодите, придет, мы надеемся, время, когда будем говорить о наших событиях и перед Судом. И кто тогда будет более обвиняемым, еще больший вопрос. А пока дело обстоит так: мы не даем Церкви в жертву и расправу предателям и гнусным политикам и агентам безбожия и разрушения. И этим протестом не сами откалываемся от нее, а их откалываем от себя и дерзновенно говорим: не только не уходили, не выходим и никогда не выйдем из недр истинной Православной Церкви, а врагами ее, предателями и убийцами считаем тех, кто не с нами и не за нас, а против нас. Не мы уходим в раскол, не подчиняясь митрополиту Сергию, а вы, ему послушные, идете за ним в пропасть церковного осуждения. Мы зовем Вас и укрепляем Ваши силы на борьбу за независимость Церкви, только совсем не так, как Вы полагаете должным. Не согласим с поработителями этой Церкви и убийцами ее святой независимости, выявляющейся сейчас в ее святом бесправии, а громким и решительным протестом против всякого соглашательства и лживых компромиссов и предательства интересов ее — интересам безбожного мракобесия и ожесточенной борьбы со Христом и Его Церковью. <...> Не судите же меня так строго и четко усвойте следующее:

1. Я отнюдь не раскольник и зову не к расколу, а к очищению Церкви от сеющих истинный раскол и вызывающих его.

2. Указание другому его заблуждений и неправоты не есть раскол, а попросту говоря — введение в оглобли разнудавшегося коня.

3. Отказ принять здравые упреки и указания есть действительно раскол и попрание истины.

4. В строении жизни церковной участники — не одни только верхушки, а все тело церковное, и раскольник тот, кто присваивает себе права, превышающие его полномочия и от имени Церкви дерзает говорить то, чего не разделяют остальные его собратия.

5. Таким раскольником показал себя митрополит Сергей, далеко превысив свои полномочия и отвергнув и презрев голос многих других святителей, в среде коих и сохраняется чистая истина.

Защитники Сергия говорят, что каноны позволяют отлагаться от епископа только за ересь, осужденную Собором; против этого возражают, что деяния митрополита Сергия достаточно подвоятся и под это условие, если иметь в виду столь явное нарушение им свободы и достоинства Церкви, единой, святой, Соборной и Апостольской. А сверх того, каноны ведь многое не могли предусматривать. И можно ли спорить о том, что хуже и вреднее всякой ереси, когда вонзают нож в самое сердце Церкви, — ее свободу и достоинство. Что вреднее: еретик или убийца? Да не утратим помалу, неприметно той свободы, которую даровал нам Кровию свою Господь наш Иисус Христос, Освободитель всех человеков (8-е правило III Вселенского Собора)¹.

Весьма показательно, что даже в этом безусловно для митрополита Иосифа важном и волнующем письме он, упомянув о своем статусе Заместителя Патриаршего Местоблюстителя, тождественным с аналогичным статусом митрополита Сергия, отнюдь не стремился обосновывать свое право выступать от имени всей церковной иерархии и рассматривать не согласных с ним епископов как подлежащих церковным прещениям с его стороны.

Вероятно, стремясь изолировать митрополита Иосифа от группы ярославских епископов, которые под руководством вернувшегося к управлению епархией митрополита Агафангела и при активном участии митрополита Иосифа в январе 1928 года заявили о своем отделении от митрополита Сергия, власти в феврале перевели мит-

¹ Акты святейшего Тихона, Патриарха Московского и всея России... С. 561–563.

рополита Иосифа в уже закрытый к тому времени Николо-Моденский монастырь, находившийся недалеко от г. Устюжны Новгородской губернии. Однако возможности поддерживать связь с ленинградской епархией не только через переписку, но и через встречи с приезжавшими к нему в монастырь духовными чадами и единомышленниками у митрополита Иосифа сохранялись.

В феврале 1928 года митрополит Сергей назначил на Ленинградскую кафедру правящим архиереем будущего священномученика семидесятидвухлетнего митрополита Серафима (Чичагова). Назначение своим представителем в епархию, где из 150 действующих храмов 61 храм возносил за богослужением лишь имена Патриаршего Местоблюстителя митрополита Петра и правящего архиерея митрополита Иосифа и отказывался признавать над собой власть как митрополита Сергея, так и какого-либо его назначенца, именно митрополита Серафима, конечно же, было не случайным. Прибывший в Ленинград 8 марта 1928 года митрополит Серафим был хорошо известен среди православных христиан северной столицы не только потому, что в его родном городе прошла яркая светская половина его жизни, но и потому, что, став в 1891 году священнослужителем и покинув Петербург, он регулярно посещал свой родной город и участвовал в его церковной жизни. Личность митрополита Серафима не могла не вызывать уважения прежде всего у многих священнослужителей и прихожан именно «иосифлянских» приходов, ибо, будучи в своем прошлом сначала происходившим из знаменитой аристократической семьи блестящим гвардейским офицером, а затем весьма консервативным, активно участвовавшим в монархическом движении церковным иерархом, митрополит Серафим олицетворял собой ту православно-монархическую Россию, крушение которой вызывало характерное для многих участников «иосифлянского» движения ощущение наступающего конца мира, когда церковная жизнь неизбежно должна была уйти в катакомбы.

Убедившись в готовности митрополита Иосифа не только поддерживать своих сторонников в Ленинградской епархии, но и осуществлять последовательную и весьма радикальную критику всей его политики, митрополит Сергей 27 марта 1928 года запретил в священнослужении назначенного, как и он сам, Патриаршим Местоблюстителем митрополитом Петром Заместителя Патриаршего Местоблюстителя митрополита Иосифа. Тем самым митрополит Сергей, вероятно, надеялся и укрепить позиции в Ленинградской епархии митрополита Серафима, которого из почти деся-

ти находившихся в Ленинграде епископов поддерживали только епископ Петергофский Николай (Ярушевич) и епископ Детскосельский Сергей (Зенкевич). Со своей стороны, действуя в характерном для него еще в синодальный период жестком командно-административном стиле, митрополит Серафим уже в марте уволил на покой епископа Григория (Лебедева) и в сентябре архиепископа Гавриила (Воеводина).

Последним годом, когда регулярные и массовые аресты духовенства с вынесением последующих судебных приговоров были значительно сокращены, был 1928-й. Однако отличительной чертой именно 1928 года стало то обстоятельство, что вмешательство ГПУ в проходивший внутри церковной жизни процесс противостояния тех или иных церковных групп или деятелей стало осуществляться так же, как в 1922–1925 годах, с намерением поддержать вполне определенную церковную группу или церковного деятеля. Но если в предшествующий период таковыми церковными группами были сначала и длительное время обновленцы, а потом короткое время григориане, то в 1928 году такой группой очевидно оказались митрополит Сергей и его сторонники. Именно для поддержки митрополита Сергея ГПУ уже в 1928 году стало осуществлять репрессии прежде всего против тех священнослужителей, которые активно выступали против его политики, и в особенности тех, кто прерывал молитвенно-каноническое общение с ним и тем самым предлагал независимую от политики митрополита Сергея перспективу развития церковной жизни. Поэтому наряду с церковно-административными мерами, проводившимися как в Ленинградской епархии, так и за ее пределами (от запрещения в священнослужении тех или иных поддерживавших позицию митрополита Иосифа священнослужителей до закрытия в августе 1928 года чудом существовавшего в Ленинграде Богословско-пастырского училища, большинство преподавателей и студентов которого были сторонниками митрополита Иосифа), по отношению к противникам митрополита Сергея среди духовенства стали применяться репрессии ГПУ.

Не касаясь судеб немалого числа священников и мирян, репрессированных и погибших в результате борьбы органов ГПУ, а потом НКВД с представителями «иосифлянской» церковной оппозиции митрополиту Сергию, следует обратить внимание хотя бы на судьбы архиереев, выступивших вместе с митрополитом Иосифом на рубеже 1927–1928 годов против политики митрополита Сергея и разорвавших с ним молитвенно-каноническое общение. Священ-

ноисповедник епископ Виктор (Островидов) был арестован 6 мая 1928 года и умер в ссылке 2 мая 1934 года. Священномученик епископ Иерофей (Афоник) был арестован 6 мая 1928 года и скончался, будучи смертельно ранен во время ареста. Священномученик епископ Стефан (Бех) был арестован в 1929 году и умер во время следствия 26 марта 1933 года. Священномученик епископ Иларион (Бельский) был арестован в 1928 году и расстрелян 31 августа 1937 года. Священномученик епископ Максим (Жижиленко) был арестован 24 мая 1929 года и расстрелян 4 июня 1931 года. Епископ Димитрий (Любимов) был арестован 29 ноября 1929 года и умер в тюрьме 17 мая 1937 года. Священномученик епископ Алексей (Буй) был арестован 21 февраля 1930 года и расстрелян 3 ноября 1937 года. Епископ Нектарий (Трезвинский) был арестован 30 августа 1930 года и расстрелян 8 сентября 1937 года. Митрополит Иосиф (Петровых) был арестован 12 сентября 1930 года и расстрелян 20 ноября 1937 года. Епископ Сергей (Дружинин) был арестован 7 декабря 1930 года и расстрелян 17 сентября 1937 года. Священномученик епископ Павел (Кратиров) был арестован 17 января 1931 года и умер в тюрьме 5 января 1932 года. Следует подчеркнуть, что большинство вышеназванных погибших архиереев были арестованы накануне или в самом начале набиравшего силу вместе с коллективизацией третьего периода широкомасштабных репрессий против Русской Православной Церкви 1929–1932 годов, в ходе которого будет репрессировано более сорока тысяч представителей духовенства и расстреляно около пяти тысяч. К концу 1932 года с «иосифлянским» движением как организованной формой церковной оппозиции митрополиту Сергию было покончено. Большинство его участников подверглись репрессиям, а среди тех священнослужителей и мирян, которые до определенного времени оставались на свободе, произошло естественное разделение на тех, кто вернулся в юрисдикцию митрополита Сергия, и тех, кто перевел свою церковную жизнь на нелегальное положение и «ушел в катакомбы».

Впрочем, свой весьма своеобразный вклад в борьбу органов ГПУ и НКВД со сторонниками митрополита Иосифа внес и митрополит Сергей со своим Временным Патриаршим Священным Синодом, когда 6 августа 1929 года они выпустили постановление, которое должно было в условиях усиливающихся гонений на Церковь и массового закрытия храмов отсечь широкие слои мирян, посещавших закрывавшиеся «иосифлянские» приходские храмы, от их пастырей.

Таинства, совершенные в отделении от единства церковного отступившими от Патриаршей Церкви последователями бывшего Свердловского (Екатеринбургского) архиепископа Григория [Яцковского] и бывшего викария Московской епархии епископа Можайского Бориса [Рукина] и другими организовавшими ВЦС как запрещенными в священнослужении, а равно и последователями бывшего Ленинградского митрополита Иосифа [Петровых], бывшего Гдовского епископа Димитрия [Любимова], бывшего Уразовского епископа Алексия [Буя], как тоже находящихся в состоянии запрещения, также недействительны, и обращающихся из этих расколов, если последние крещены в расколе, принимать через таинство св. миропомазания; браки, заключенные в расколе, также завершать церковным благословением и чтением заключительной в чине венчания молитвы: «Отец, Сын и Св. Дух». Умерших в обновленчестве и в указанных расколах не следует хотя бы и по усиленной просьбе родственников отпевать, как и не следует совершать по ним и заупокойную литургию. Разрешать только проходы на кладбище с пением «Святой Боже»¹.

¹ Акты святейшего Тихона, Патриарха Московского и всея России... С. 644.

Русская Православная Церковь
в 1927–1932 годах. Заместитель
Патриаршего Местоблюстителя
митрополит Сергей (Страгородский)
и его борьба с церковной оппозицией.
Священноисповедник Патриарший
Местоблюститель митрополит
Ярославский Агафангел
(Преображенский)

Борьба с Заместителем Патриаршего Местоблюстителя митрополитом Иосифом и его сторонниками уже в начале февраля 1928 года значительно осложнилась для митрополита Сергея тем обстоятельством, что против его действий по отношению как к государственной власти, так и к управлению церковными делами выступил Патриарший Местоблюститель митрополит Агафангел, поддержанный несколькими епископами, среди которых были два Заместителя Патриаршего Местоблюстителя. Под жестким давлением митрополита Сергея взявший на себя в июне 1926 года обязательство не принимать на себя данные ему Патриархом Тихоном полномочия Патриаршего Местоблюстителя и с декабря того же года вновь управлявший Ярославской епархией, митрополит Агафангел счел необходимым 2 февраля 1928 года в открытом обращении высказаться о проводимой митрополитом Сергием с весны 1927 года политике и обозначить свое понимание административно-канонического положения Ярославской епархии в системе управления Русской Православной Церкви, которую стремился создать митрополит Сергей. Показательно, что в отличие от драматических событий весны 1926 года позицию митрополита Агафангела, высказанную в обращении к митрополиту Сергию, поддержа-

ли все его викарные епископы, которые и подписали данное обращение.

Хотя ни церковные каноны, ни практика Кафолической Церкви Православной, ни постановления Всероссийского Церковного Собора 1917–1918 гг. далеко не оправдывают Вашего стояния у кормила высшего управления нашей отечественною Церковью, мы, нижеподписавшиеся епископы Ярославской церковной области, ради блага и мира церковного считали долгом своей совести быть в единении с Вами и в иерархическом Вам подчинении. Мы ободряли и утешали себя молитвенным упованием, что Вы, с Божией помощью и при содействии мудрейших и авторитетных из собратий наших во Христе — епископов, охраните церковный корабль от грозящих ему со всех сторон в переживаемое нами трудное для Церкви Христовой время опасностей и приведете его неповрежденным к спасительной пристани — Собору, который уврачуеет живое и жизнеспособное Тело Церковное от постигших его, по попущению Промысла Божия, недугов и восстановит надлежащий канонический порядок церковной жизни и управления.

Но заветные чаяния и надежды наши не сбылись. Мало того, мы видим и убеждаемся, что Ваша деятельность по управлению Церковью чем дальше, тем в большей степени вызывает неудовольствие и осуждение со стороны многих и многих представителей православного епископата, смущение, осуждение и ропот в среде клира и широких кругов мирян.

Сознавая всю незаконность своего единоличного управления Церковью, управления, никаким соборным актом не санкционированного, Вы организуете при себе «Патриарший Синод». Но ни порядок организации этого «Синода», Вами единолично учрежденного и от Вас получающего свои полномочия, ни личный состав его из людей случайных, доверием епископата не пользующихся, в значительной части своей проявивших даже неустойчивость своих православноцерковных убеждений (отпадение в обновленчество и — один — в раскол беглопоповства), не могут быть квалифицированы иначе, как только явления определенно противоканонические.

Обращение очень четко напоминало митрополиту Сергию, что при отсутствии у него определенных митрополитом Петром как тождественные местоблюстительским полномочий, его попытка управлять Церковью в статусе Местоблюстителя была незаконной и оказывалась возможной лишь постольку, поскольку ему лично до-

веряла значительная часть епископов, которые в то же время, утратив подобное доверие, имели право отказаться ему в подчинении как Местоблюстителю. Вероятно, понимая это, и сам митрополит Сергей по выходе из тюрьмы предпочел упрочить свою власть, создав совершенно произвольным образом Временный Патриарший Священный Синод, от имени которого стал издавать все свои основные распоряжения, требуя неукоснительного их исполнения, что также вступало в противоречие с определениями Поместного Собора 1917–1918 годов об органах высшего церковного управления.

В своем обращении к чадам Православной Церкви 29.07.1927 г. [н. ст.] Вы в категорической форме объявляете такую программу Вашей будущей руководящей деятельности, осуществление которой неминуемо принесло бы Церкви новые бедствия, усугубило бы обдергающие Ее недуги и страдания. По Вашей программе начало духовное и Божественное в домостроительстве церковном всецело подчиняется началу мирскому и земному; во главу угла полагается не всемерное попечение об ограждении истинной веры и христианского благочестия, а никому и ничему не нужное угодничество «внешним», не оставляющее места для важного условия устроения внутренней церковной жизни по заветам Христа и Евангелия — свободы, дарованной Церкви Ее Небесным Основателем и присущей самой природе Ее (Церкви). Чадам Церкви, и прежде всего, конечно, епископату, Вы вменяете в обязанность лояльное отношение к гражданской власти. Мы приветствуем это требование и свидетельствуем, что мы всегда были, есть и будем лояльны и послушны гражданской власти; всегда были, есть и будем истинными и добросовестными гражданами нашей родной страны, но это, полагаем, не имеет ничего общего с навязываемым Вами политиканством и заигрыванием и не обязывает чад Церкви к добровольному отказу от тех прав свободного устроения внутренней религиозной жизни церковного общества, которые даны ему самою же гражданскою властью (избрание общинами верующих духовных руководителей себе).

Избегая упоминания конкретных действий митрополита Сергея, осуществлявшихся по указаниям не просто государственной власти, но именно органов ГПУ, авторы отвергают политику митрополита Сергея, направленную на полное подчинение Церкви богореческому государству.

На место возвращенной Христом внутрицерковной свободы Вами вводится административный произвол, от которого много потер-

пела Церковь и раньше. По личному своему усмотрению Вы практикуете бесцельное, ничем не оправдываемое перемещение епископов, часто вопреки желанию их самих и их паствы, назначение викариев без ведома епархиальных архиереев, запрещение неугодных Вам епископов в священнослужении и т. п.

Справедливо полагая, что пронизанная глубоким сервилизмом по отношению к большевистскому режиму политика митрополита Сергия будет способствовать деградации самой церковной жизни, авторы обращения сохраняли верность Поместному Собору 1917–1918 годов, своими решениями утвердившему в практической жизни Церкви принципы соборного, а значит, исполненного свободы управления церковными институтами. Именно чаяния пастырей и пасомых, соборно выраженные ими в реально действующих органах приходского, епархиального и высшего церковного управления, а не ведомое лишь Заместителю Патриаршего Местоблюстителя абстрактное «благо Церкви», должны определять действия высшей церковной власти.

Все это и многое другое в области Вашего управления Церковью, являясь по нашему глубокому убеждению явным нарушением канонических определений Вселенских и Поместных Соборов, постановлений Всероссийского Собора 1917–1918 гг. и усиливая все более и более нестроения и разруху в церковной жизни, вынуждает нас заявить Вашему Высокопреосвященству:

Мы, епископы Ярославской церковной области, сознавая лежащую на нас ответственность перед Богом за вверенных нашему пастырскому руководству духовных чад наших и почитая священным долгом своим всемерно охранять чистоту Святой Православной веры и завещанную Христом свободу устройства внутренней религиозной церковной жизни, в целях успокоения смущенной совести верующих, за неимением другого выхода из создавшегося рокового для Церкви положения отныне отделяемся от Вас и отказываемся признавать за Вами и за Вашим Синодом право на высшее управление Церковью. При этом добавляем, что мы остаемся во всем верными и послушными чадами Единой, Святой, Соборной и Апостольской Церкви, неизменно пребываем в иерархическом подчинении Местоблюстителю Патриаршего Престола Высокопреосвященному Петру, митрополиту Крутицкому, и через него сохраняем каноническое и молитвенное общение со всеми Восточными Православными Церквями. Оставаясь незыблемо на таком твердом основании, мы будем управлять Ярославской церковной областью и руководить

своими паствами в деле угождения Богу и душевного спасения **САМОСТОЯТЕЛЬНО** — в строгом согласии с Словом Божиим, общецерковными канонами, правилами и преданиями, с постановлениями Всероссийского Собора 1917–1918 гг., с неотменными распоряжениями Высшей Церковной Власти предсоборного периода, а также с распоряжениями Святейшего Патриарха Тихона, его Синода и Совета.

Такое решение руководства Ярославской епархии вполне укладывалось в административно-канонические рамки постановления Патриарха Тихона, Синода и Высшего Церковного Совета № 362 от 20 ноября 1920 года, которое представлялось митрополиту Агафангелу единственно возможной формой организации церковной жизни летом 1922 года после ареста Патриарха Тихона и арестов двух Патриарших Местоблюстителей, одним из которых был сам митрополит Агафангел. При этом ситуация зимы 1928 года с еще большей очевидностью соответствовала условиям вступления в силу данного постановления. Действительно, высшее церковное управление в лице Патриарха, Священного Синода и Высшего Церковного Совета уже после смерти Патриарха Тихона в апреле 1925 года прекратило свою деятельность, все три Патриарших Местоблюстителя, назначенные Патриархом Тихоном, не могли приступить к своим обязанностям в силу пребывания в заключении митрополитов Кирилла и Петра и взятия на себя перед митрополитом Сергием обязательства не вступать в должность Патриаршего Местоблюстителя митрополита Агафангела.

Настоящее решение наше остается в силе впредь или до сознания Вами неправильности Ваших руководственных действий и мероприятий и открытого раскаяния в Ваших заблуждениях, или до возвращения к власти Высокопреосвященного митрополита Петра.

*Агафангел [Преображенский], митрополит Ярославский.
Серафим [Самойлович], архиепископ Угличский,
викарий Ярославской епархии, бывший Заместитель
Патриаршего Местоблюстителя. Митрополит Иосиф
[Петровых], третий из указанных Патриаршим
Местоблюстителем Заместитель. Архиепископ Варлаам
[Ряшенцев] (бывший Пермский), временно управляющий
Любимским викариатством. Смиренный Евгений [Кобранов],
епископ Ростовский, викарий Ярославской епархии¹*

¹ Акты святейшего Тихона, Патриарха Московского и всея России... С. 573–574.

Завершающая часть обращения все же допускала возможность возвращения Ярославской епархии под административное управление митрополита Сергия в случае изменения им его политики и «открытого раскаяния в заблуждениях» и, вероятно, была связана с желанием именно митрополита Агафангела не придавать отделению своей епархии характер окончательный и бесповоротный.

Однако для безгранично доверявших в 1926 году митрополиту Сергию и тяжело переживавших после этого не только свое заблуждение по поводу него, но и свою вину перед митрополитом Агафангелом, которому тогда они в своем доверии отказали, митрополита Иосифа и архиепископа Серафима в 1928 году было очевидно, что лишь уход митрополита Сергия от высшей церковной власти может разрешить тот глубокий конфликт, который угрожал взорвать Русскую Православную Церковь изнутри в условиях усиливающихся внешних гонений. Вероятно, поэтому еще не разорвавший лично подобно митрополиту Иосифу молитвенно-канонических отношений с митрополитом Сергием архиепископ Серафим (Самойлович) в день подписания всеми епископами Ярославской епархии своего обращения написал собственное письмо митрополиту Сергию, в котором предлагал наиболее приемлемый, как ему казалось, путь для примирения русского епископата и восстановления канонического преемства высшей церковной власти.

Более чем полугодовой срок, протекший со дня издания Вами Декларации 16 (29) июля 1927 г., показал, что все надежды Ваши «на мирное устроение наших церковных дел», на приведение всего нашего церковного управления в должный строй и порядок напрасны, а Ваша уверенность в возможности мирной жизни и деятельности нашей в пределах закона совершенно несбыточна и никогда не может при настоящих условиях перейти в действительность.

Наоборот, факты чуть ли не ежедневно свидетельствуют, что еще труднее стало жить православно верующим людям. Но особенно тяжело, прямо мучительно им сознавать, что Вы приносите в жертву кому-то и чему-то внутреннюю свободу Церкви. До слез горько сознавать, что Вы, так мудро и твердо державший знамя Православия в первый период своего заместительства [т. е. до ареста. — Г. М.], теперь свернули с прямого пути и пошли по дороге компромиссов, противных Истине. Вы повергли нас в область страшных нравственных мучений, а сами себя сде-

лали первым из таковых мучеников, ибо должны страдать и за себя, и за нас.

Раньше мы страдали и терпели молча, зная, что мы страдаем за Истину и что с нами несокрушимая никакими страданиями сила Божия, которая нас укрепляла и воодушевляла надеждою, что в срок, ведомый единому Богу, Истина Православия победит, ибо ей неложно обещана и, когда нужно, будет подана все- сильная помощь Божия. Своей декларацией и основанной на ней политикой Вы силитесь ввести нас в такую область, в которой мы уже лишаемся этой надежды, ибо отводите нас от служения Истине, а лжи Бог не помогает.

Мы — лояльные граждане СССР, покорно исполняем все веления советской власти, никогда не собирались и не собираемся бунтовать против нее, но хотим быть честными и правдивыми членами и Церкви Христовой на земле и не «перекрашиваться в советские цвета», потому что знаем, что это бесполезно и этому люди серьезные и правдивые не поверят. Пока еще не совсем поздно, пока еще не совсем захлестнула Вас эта страшная пучина, готовая бесславно и уже навеки поглотить Вас, соберите свои, еще недавно могучие, умственные и нравственные силы, встаньте во весь свой духовный рост, издайте другую декларацию во исправление первой (или хотя бы подобно той, проект которой Вы рассылали в первый период своего заместительства), разрубите благодатным порывом духа цепи, Вас сковавшие, и выйдите на святу ю свободу!

Продолжая надеяться на способность митрополита Сергия изменить не только безрезультатную с точки зрения защиты Церкви от большевистских гонений, но и разрушающую ложью внутреннюю жизнь Церкви политику новых компромиссов с ГПУ, архиепископ Серафим вскрывал здесь одну из важнейших проблем церковной жизни всего советского периода. Приспособленчество Церкви к богоборческому коммунистическому режиму опустошало ее членов, превращая худших из них в циничных лжецов и лишая лучших из них духовных сил отстаивать истину в пронизанной ложью церковной жизни. Но тогда у архиепископа Серафима была надежда на то, что текстами новых деклараций, честных хотя бы в той мере, в какой были честны послания Патриарха Тихона последних лет его жизни, митрополит Сергей сможет не только вернуть себе доверие духовенства и широких кругов мирян, но и укрепить доверие христиан советской России к Русской Православной Церкви.

С какую радостью я передавал Вам свои права заместительства, веря, что Ваша мудрость и опытность будут содействовать Вам в управлении Церковью.

Что же случилось? Неужели это роковое бесповоротно?

Неужели у Вас не найдется мужества сознаться в своем заблуждении, в своей роковой ошибке изданием Вами декларации от 16 (29) июля 1927 г.?

Вы писали мне и искренне верили, что избранный Вами путь принесет мир Церкви. А что же видите и слышите теперь? Страшный стон несется со всех концов России.

Вы обещали вырывать по два, по три страдальца и возвращать их к обществу верных, а смотрите, как много появилось новых страдальцев, которых страдания еще более усугубляются сознанием того, что эти страдания явились следствием Вашей новой церковной политики.

Неужели эти стоны страдальцев с берегов Оби и Енисея, из далеких островов Белого моря, из пустыни Закаспийска и с горных хребтов Туркестана не доносятся до Вашего сердца? Как же Вы могли в своей декларации наложить на них и на многих клеймо противников нынешнего гражданского строя, когда они и мы по самой духовной природе своей всегда были чужды политике, строго, до самопожертвования охраняя чистоту Православия! Мне ли, юнейшему сравнительно с Вами, писать эти строки, мне ли поучать многоопытного и многоученого Святителя Церкви Российской, но голос моей совести понуждает снова и снова тревожить Ваше широкое и доброе сердце. <...> Мне кажется, что один из выходов из создавшегося положения — это обратиться Вам и всем православно-мыслящим верующим нашей страны свои взоры к старейшему иерарху Российской Церкви Высокопреосвященному Агафангелу (Преображенскому), митрополиту Ярославскому. Приникните к нему с любовью и доверием, он, несмотря на свои преклонные лета, остался мудр и силен духом. Ведь и пермское его воззвание было актом его ревности о спасении Церкви. Протяните к нему свои братские руки, скажите ему свое теплое братское слово, попросите его помочь Вам выйти из этого ужасного тягостного положения и передайте ему заместительские права впредь до возвращения к власти Высокопреосвященного Петра (Полянского), митрополита Крутицкого. Мы, архипастыри, вместе с Вами поможем ему и без организации Синода в управлении Церковью своими силами и разумением. Господь да поможет Вам и благословит Ваше мужественное реше-

ние, которое подскажет Вам Ваш голос архипастырской совести и которое мы не диктуем Вам, а с сыновней любовью предлагаем для Вашего душевного спасения и блага Церкви¹.

Конечно, предлагавшийся архиепископом Серафимом вариант передачи высшей церковной власти митрополиту Агафангелу был в это время еще более неприемлем для митрополита Сергия, чем в 1926 году, ибо в 1928 году «кадровые вопросы», касавшиеся назначения русских церковных иерархов, в том числе и самого митрополита Сергия, в Русской Православной Церкви решались с участием государства в лице ГПУ, а Е. А. Тучков в это время предпочитал видеть во главе русской церковной иерархии именно митрополита Сергия.

Провозглашение самоуправления Ярославской епархии не просто ее правящим архиереем, а Патриаршим Местоблюстителем митрополитом Агафангелом, которого митрополит Сергей уже более полутора лет не рассматривал в качестве реального претендента на возглавление русской церковной иерархии, в условиях, когда отношение русского епископата к митрополиту Сергию стало меняться в неблагоприятную для него сторону, участие в подписании обращения двух Заместителей Патриаршего Местоблюстителя, которые еще недавно поддерживали митрополита Сергия, а теперь готовы были перейти или уже перешли в жесткую оппозицию по отношению к нему, сильно осложняли положение митрополита Сергия. Проявившаяся в выступлениях архиереев в различных епархиях готовность прервать каноническое общение с Московской Патриархией могла способствовать попытке создания в Ярославской епархии альтернативного митрополиту Сергию и Временному Патриаршему Священному Синоду канонического центра высшей церковной власти под руководством единственного находившегося тогда на свободе Патриаршего Местоблюстителя.

Уже 10 февраля 1928 года встревоженный митрополит Сергей написал резко контрастирующее по общему тону и конкретным выражениям с письмами 1926 года письмо митрополиту Агафангелу, которое доставил в Ярославль один из членов Временного Патриаршего Синода митрополит Тверской Серафим (Александров).

Высокопреосвященнейший Владыко! Не нахожу достаточно сильных слов, чтобы умолять Вас сохранить общение с нами, потерпев еще немного нашим немощам, пока не выяснится с опре-

¹ Акты святейшего Тихона, Патриарха Московского и всея России... С. 571–572.

деленностью, куда мы хотим вести церковный корабль: к сравнительно ли сносному существованию в данных условиях или к гибели; стремимся ли мы к утверждению веры или жертвуем ею ради личного благополучия. Разорвать общение всегда можно, если будут к тому несомненные основания, но разрывать общение и разламывать Тело Церковное по причинам воображаемым и еще только ожидаемым и предполагаемым, подумайте, какой это рискованный и ответственный шаг и к каким последствиям это может повести для Церкви и для самого учиняющего.

Побуждает меня умолять Вас остаться и то обстоятельство, что Ваше Высокопреосвященство являетесь, в данных условиях, непосредственным преемником митрополита Петра, если бы он по каким-либо причинам оставил должность Местоблюстителя. Представьте, какое будет смущение в Церкви, если Вы тогда окажетесь среди отколовшихся, какая богатая почва для всяких самочиний. Что касается меня, то я всегда готов передать Вам полномочия, лишь только будут у меня в руках достаточные к тому основания. И в 1926 г. я не передал Вам этих полномочий только потому, что после Вашего Пермского воззвания я получил от митрополита Петра совершенно определенное письменное указание, что он продолжает считать себя законным Местоблюстителем и меня обязывает оставаться в должности Заместителя. Итак, еще и еще раз прошу Вас: останьтесь с нами и не берите на свою ответственность столь тяжкого дела, как разрыв общения без достаточных к тому оснований. Испрашивая молитв Ваших, с совершенным почтением и братскою о Христе любовью имею честь быть Вашего Высокопреосвященства покорнейшим слугою — Митрополит Сергей¹.

Митрополиту Агафангелу не составило бы труда уличить митрополита Сергия в очевидной лжи по поводу его готовности передать высшую церковную власть именно ему в 1926 году, но, находясь в тяжелом физическом состоянии (состояние его здоровья настолько ухудшилось, что после февраля и вплоть до своей кончины в октябре 1928 года митрополит Агафангел уже не имел сил самостоятельно совершать Божественную литургию), он предпочел воздержаться от вступления в полемику с митрополитом Сергием.

Во второй половине февраля 1928 года ГПУ стало применять административные репрессии по отношению к некоторым из авто-

¹ Акты святейшего Тихона, Патриарха Московского и всея России... С. 576–577.

ров обращения ярославских епископов, имея своей целью усилить давление на митрополита Агафангела устранением из епархии наиболее активных его единомышленников. 15 февраля архиепископу Серафиму было объявлено о его высылке в закрывавшийся тогда Свято-Духов Буйнеческий монастырь Могилевской епархии, а вскоре в уже закрытый Николо-Моденский монастырь Череповецкой епархии был выслан митрополит Иосиф. В конце марта митрополит Сергей вновь направил в Ярославль своего представителя архиепископа Вятского Павла (Борисовского), который привез митрополиту Агафангелу очередное письмо Заместителя Патриаршего Местоблюстителя, написанное уже в более жестком тоне. Не удовлетворившись результатом встречи митрополита Агафангела с архиепископом Павлом, митрополит Сергей 11 апреля 1928 года провел заседание своего Временного Патриаршего Синода, на котором было принято пространное деяние с перечислением, как пытался показать митрополит Сергей, канонических нарушений и даже преступлений прервавших с ним молитвенно-каноническое общение или просто отделившихся от него в административном отношении епископов. В заключительной части деяния содержался весьма выразительный пункт, имевший отношение к авторам обращения ярославских епископов:

Преосвященные — Ярославский митрополит Агафангел [Преображенский], Угличский архиепископ Серафим [Самойлович], бывший Пермский архиепископ Варлаам [Ряшенцев], викарий Ярославской епархии епископ Ростовский Евгений [Кобранов], бывший Гдовский епископ Димитрий [Любимов], Копорский епископ Сергей [Дружинин], Щадринский епископ Виктор [Островидов], Никольский епископ Иерофей [Афоник] и епископ Алексей [Буй], заявившие, что они отделяются от митрополита Сергея как Заместителя Патриаршего Местоблюстителя, отказываются признавать за ним и за Временным Патриаршим Синодом право на высшее управление Церковью, как отделившиеся без достаточных причин, учинили раскол, порвавшие благодатный союз с Матерью Церковью Христовой, — подлежат церковному суду и должному наказанию¹.

Если иметь в виду, что среди девяти упомянутых в этом пункте деяния как подлежащих «церковному суду и должному наказанию» епископов пятеро уже были запрещены в священнослужении митрополитом Сергием и Временным Патриаршим Синодом, то чет-

¹ Акты святейшего Тихона, Патриарха Московского и всея России... С. 599.

веро других, а именно епископы Ярославской епархии (в том числе и митрополит Агафангел), рассматривались в данном случае как тоже подлежащие «церковному суду и должному наказанию». Таким образом, митрополит Сергей уже не умолял митрополита Агафангела сохранить с ним церковное общение, а угрожал ему и его викарным епископам церковными прещениями в случае отказа их отречься от обращения от 6 февраля 1928 года. На этом же заседании было принято постановление, в соответствии с которым архиепископы Серафим и Варлаам и епископ Евгений временно запрещались в священнослужении, а митрополиту Агафангелу предписывалось «во имя блага Св. Церкви оказать должное послушание и подчинение законной Высшей Церковной Власти и в месячный срок, со дня подписания настоящего определения, дать письменный ответ, отказывается ли он от своего заявления от 24 января (6 февраля) 1928 г. и остается ли он в каноническом послушании Заместителю Патриаршего Местоблюстителя и в единении с ним и единомышленными ему епископами. Если же, паче чаяния, в указанный срок от митрополита Агафангела ответа не последует или получится ответ, что он остается в прежнем упорстве и расколе, то, на основании 34-го правила Святых Апостолов, 6-го правила II Вселенского Собора, 1-го правила Василия Великого и 14–15-го правил Двукратного Собора, — уволить митрополита Агафангела от управления Ярославской епархией на покой и предать его каноническому суду православных архиереев с запрещением в священнослужении впредь до раскаяния или до решения дела судом архиереев»¹.

По прошествии месяца после принятия постановления в Ярославскую епархию был направлен очередной член Временного Патриаршего Синода архиепископ Рязанский Иувеналий (Масловский) в сопровождении одного из московских благочинных протоиереев Владимира Воробьева. Во время их встречи с митрополитом Агафангелом и архиепископом Варлаамом ими для передачи митрополиту Сергию была передана следующая записка, излагавшая понимание епископами Ярославской епархии своего церковно-административного положения.

Ваше Высокопреосвященство, Милостивейший Архипастырь! В разъяснение нашей декларации от 6-го февраля [н. ст.] с.г. и в дополнение к письмам митрополита Агафангела на имя Вашего Высокопреосвященства находим нужным сказать следующее:

¹ Акты святейшего Тихона, Патриарха Московского и всея России... С. 609.

1. Мы до сих пор не прерывали и не прерываем нашего молитвенного общения с Заместителем Патриаршего Местоблюстителя митрополитом Сергием.
2. Никакого раскола мы не желаем учинять и не учиняем.
3. Никаких новшеств в церковной жизни нашей епархии не вводили и не вводим.
4. Принципиально власть Вашу как Заместителя не отрицаем.
5. Распоряжения Заместителя, смущающие нашу и народную религиозную совесть и, по нашему убеждению, нарушающие каноны, в силу создавшихся обстоятельств на месте, исполнять не могли и не можем.
6. Всех обращающихся к нам иноепархиальных епископов, клириков и мирян с просьбой возглавить их и принять в молитвенное и каноническое общение мы не отторгали и не отторгаем от единства церковного, а, внося мир, направляли их непременно к Вашему Высокопреосвященству и Синоду, предварительно, насколько возможно, успокоив их смущенную религиозную совесть.

Да послужат эти наши разъяснения, при помощи Божией, ко благу и миру церковному.

Испрашивая Ваших святительских молитв, с совершенным почтением и истинною о Христе любовью остаемся Вашего Высокопреосвященства покорные слуги Агафангел [Преображенский], митрополит Ярославский. Архиепископ Варлаам [Ряшенцев], управляющий Любимским викариатством, Смиренный Евгений [Кобранов], епископ Ростовский, викарий Ярославской епархии.

10 мая 1928 г. г. Ярославль¹

16 мая архиепископ Серафим прислал телеграмму о том, что он также присоединяется к записке, составленной митрополитом Агафангелом. Эта записка должна была свидетельствовать о том, что, оставляя за собой свободу критики тех или иных действий митрополита Сергия, митрополит Агафангел все-таки не разрывал с ним канонического общения и в связи с этим мог рассматриваться митрополитом Сергием как один из умеренных, но все же сторонников его политики в целом, принимавших, хотя и не безусловно, его положение возглавителя русской церковной иерархии.

Однако митрополит Сергий не был удовлетворен запиской ярославских архиереев и, надеясь в ближайшее время добиться от тя-

¹ Акты святейшего Тихона, Патриарха Московского и всея России... С. 610.

жело больного митрополита окончательной капитуляции, 30 мая 1928 года инициировал во Временном Патриаршем Синоде оказавшееся последним постановление по поводу действий митрополита Агафангела и его викарных епископов, которое в чем-то звучало весьма двусмысленно и унижительно для митрополита Агафангела.

Постановили: 1. С сожалением отмечая, что письменное заявление Преосвященных — митрополита Ярославского Агафангела, архиепископа бывшего Пермского Варлаама [Ряшенцева] и епископа Ростовского Евгения [Кобранова] от 10 мая 1928 г. не обнаруживает с желательной определенностью их сознания размеров и пагубности произведенного ими церковного соблазна; пятый же пункт заявления и совершенно отнимает надежду на устранение произведенного соблазна, учитывая, однако, с другой стороны, поспешность, с какою писалось это заявление; в особенности же имея в виду совершенно определенные устные дополнения к письменному заявлению, сделанные названными Преосвященными в беседе с членом Священного Синода Преосвященным архиепископом Рязанским и протоиереем Воробьевым — признать, что Преосвященные — митрополит Ярославский Агафангел [Преображенский], архиепископ бывший Пермский Варлаам [Ряшенцев] и епископ Ростовский Евгений [Кобранов] вышеуказанным своим письменным заявлением выразили:

1. а) свой полный отказ от выпущенного ими ко всеобщему церковному соблазну 24 января (6 февраля) с. г. заявления об отделении от Заместителя Патриаршего Местоблюстителя и Священного при нем Синода с публичным осуждением всей деятельности оных по управлению Русской Православной Церковью и даже с обвинением их в нарушении церковных канонов; и б) свое административно-каноническое подчинение Заместителю с Синодом, с чем вместе приняли на себя обязательство исполнять, согласно архиерейской присяге, распоряжения законной Высшей Церковной Власти, а посему постановления от 29 марта (11 апреля) 1928 г. за № 76 в части, касающейся Преосвященных митрополита Ярославского Агафангела, архиепископа бывшего Пермского Варлаама и епископа Ростовского Евгения, в исполнение не приводить, предложив Преосвященным — архиепископу Варлааму и епископу Евгению, как подпавших запрещению и, однако, служивших, очистить свою совесть пред духовником.

II. Разъяснить Преосвященным митрополиту Ярославскому, архиепископу бывшему Пермскому и епископу Ростовскому, что на будущее время, в случае возникновения у них каких-либо затруднений при исполнении указов Высшей Церковной Власти, они должны руководствоваться общепринятым правилом: о своих затруднениях доносить указанной власти и от нее ожидать дальнейших распоряжений, а не решаться сразу на открытое непослушание, рискуя увлечь своим примером и других и произвести тем соблазн и смуту в церковном обществе. Что же касается распоряжений Заместителя Патриаршего Местоблюстителя и состоящего при нем Временного Патриаршего Священного Синода, до сих пор остающихся не исполненными по Ярославской епархии, то долг епархиальной власти принять со своей стороны все меры к их исполнению¹.

Ожиданиям митрополита Сергия не суждено было воплотиться в жизнь. Прикованный к постели многие месяцы, медленно умиравший Патриарший Местоблюститель митрополит Агафангел не предпринимал попыток продолжать диалог с Заместителем Патриаршего Местоблюстителя, а в храмах формально признавшей власть митрополита Сергия Ярославской епархии за богослужением возносились имена двух Патриарших Местоблюстителей — митрополита Петра как Предстоятеля Русской Православной Церкви и митрополита Агафангела как правящего епархиального архиерея.

Священноисповедник митрополит Агафангел скончался 16 октября 1928 года. Арестованный 12 июня 1927 года и погибший в 1930 году священномученик викарный архиерей епископ Романовский Вениамин (Воскресенский) в письме ярославскому благочинному протоиерею Флегонту Понгильскому от 27 ноября 1928 года так охарактеризовал позицию митрополита Агафангела после получения Постановления митрополита Сергия и Временного Патриаршего Синода от 30 мая 1928 года:

«Воссоединение» или вообще «единение» [с митрополитом Сергием] не означает «примирения» и тем более «искания дружбы и покровительства богоборцев» и «общения с велиаром». <...> М[итрополит] Агафангел, находясь в преддверии смерти, не решился выступить с судом (отделение означает именно суд) без суда Церкви. Я тоже не решаюсь и боюсь. Я повинуюсь [митрополиту] Сергию. Это не значит, что я соглашаюсь с Декларацией

¹ Акты святейшего Тихона, Патриарха Московского и всея России... С. 615–616.

цией, в которой действительно есть «искание» и «общение». Я с ней не соглашаюсь, я против нее, я осуждаю ее. Я не «мирюсь» и не «соглашаюсь» с митрополитом Сергием и считаю его виновным, я просто повинуюсь. Я хочу быть послушным Церкви и ее канону: без суда не суди. Я боюсь выступить с судом без суда Церкви. <Отец...> не убоился и выступил. Кто поступает лучше — предоставляю решить церковному сознанию¹.

Судьбы остальных четырех архиереев, подписавших вместе с митрополитом Агафангелом обращение 6 февраля 1928 года, были столь же трагичны, сколь и судьбы подавляющего большинства епископов Русской Православной Церкви, которую так безуспешно пытался «спасать» митрополит Сергей. Священномученик Серафим был арестован 2 марта 1929 года и, проведя все последующие годы в лагерях и ссылке, был расстрелян 9 ноября 1937 года. Как уже отмечалось выше, митрополит Иосиф подвергся аресту 12 сентября 1930 года и после семилетней ссылки был расстрелян 20 ноября 1937 года. Архиепископ Варлаам, полностью подчинившийся митрополиту Сергию в 1928 году, был арестован 7 сентября 1929 года и, пережив пятилетнее тюремно-лагерное заключение и семилетнюю ссылку, скончался в тюрьме 20 февраля 1942 года. Епископ Евгений был арестован 7 августа 1928 года и после девяти лет, проведенных в ссылках, 20 ноября 1937 года был расстрелян вместе с митрополитом Иосифом.

Но, может быть, самой главной проблемой для митрополита Сергия в это время стало то, что с резкой критикой его действий выступил иерарх, безусловно являвшийся тогда самым авторитетным в русском епископате, почти постоянно пребывавший в ссылках будущий священномученик Патриарший Местоблюститель митрополит Казанский Кирилл (Смирнов). Именно он готов был предложить русским православным христианам вполне реальную, хотя и чреватую мученическим подвигом, альтернативу церковно-административной, церковно-политической и, что самое важное, церковно-нравственной жизни, следуя которой Русская Православная Церковь, возможно, иначе пережила бы гонения, обрушившиеся на нее богоборческим коммунистическим режимом в 1930-е и последующие годы.

¹ Мазырин А., свящ. Указ. соч. С. 318.

Священномученик Местоблюститель Патриаршего Престола митрополит Казанский Кирилл (Смирнов). Жизнь и труды до 1927 года

Священномученик митрополит Кирилл (в миру Константин Илларионович Смирнов) родился 26 апреля 1863 года в городе Кронштадте в семье псаломщика, и его жизненный путь во многом был предопределен традиционной для выходцев из семей духовенства перспективой получения будущего духовного образования. По окончании в 1883 году Санкт-Петербургской духовной семинарии Константин Смирнов успешно на казенный счет поступил в Санкт-Петербургскую Духовную Академию на церковно-практическое отделение. Выбор именно этого отделения в Санкт-Петербургской Духовной Академии был далеко не случайным. Уже будучи студентом в Духовной Академии в тот самый период, в который в ней учились многие выдающиеся иерархи, Константин Смирнов проявлял очевидное стремление именно к деятельности пастыря, к служению приходского священника, став к концу обучения одним из лучших проповедников. Духовную Академию Константин Смирнов успешно окончил в 1887 году, блестяще защитив кандидатское сочинение «Никифор Феотоки и его значение в истории Русской Церкви и духовной литературы», которое высоко оценивший его профессор Н. И. Барсов в своем отзыве охарактеризовал как «труд весьма почтенный, плод самого добросовестного отношения и особенной любви к ученой (в данном случае весьма кропотливой) работе». Константину Смирнову, окончившему Академию пятнадцатым по списку (из шестидесяти восьми выпускников), была присуждена степень кандидата богословия с правом защиты магистерской диссертации без новых устных испытаний¹. Примечательно, что, проявив себя в этой работе как потенциальный ученый, Константин Смирнов писал ее на кафедре гомилети-

¹ *Журавский А. В.* Указ. соч. С. 14.

ки, уже в Академии ощутив свое особое призвание к пастырской проповеди и церковно-просветительской деятельности.

В год окончания Академии Константин Илларионович Смирнов вступил в брак с Ольгой Николаевной Азиатской, происходившей из священнической семьи, и вскоре, 15 ноября и 21 ноября 1887 года, был рукоположен соответственно в диаконский и пресвитерский сан. Показательно, что священническую хиротонию совершил ректор Санкт-Петербургской Духовной Академии епископ Антоний (Вадковский), который хорошо узнал Константина Смирнова за годы обучения в Духовной Академии и во все последующие пятнадцать лет своей жизни оставался сначала для священника Константина Смирнова, а потом епископа Кирилла (Смирнова) самым авторитетным архипастырем.

После рукоположения отец Константин стал настоятелем храма и законоучителем Елизаветпольской гимназии Кавказского учебного округа. Столь радикальная перемена в его жизни и служении оказала существенное влияние на формирование его личности. Став по окончании Санкт-Петербургской Духовной Академии настоятелем храма и одновременно законоучителем гимназии в русской провинции, отец Константин, по существу, принял на себя два наиболее существенных церковных служения — служение священника, пастыря и служение законоучителя, просветителя. Именно эти служения на многие годы определили его жизнь. Знакомство с жизнью русской провинции также не прошло даром. Он увидел во всей полноте нужды самых разных слоев православных христиан, научился пастырски общаться и с представителями образованного общества, и с представителями народа.

Через семь лет отец Константин возвратился в Петербургскую епархию и оказался настоятелем храма и законоучителем 2-й Санкт-Петербургской гимназии. Положение его в Петербурге было значительно более благополучным, нежели в провинции. Совмещение двух этих важных должностей позволяло ему достаточно спокойно и безбедно жить в своем родном городе. В 1897 году отец Константин был избран членом епархиального комитета Миссионерского общества, в 1900-м стал принимать участие в работе подкомиссии по вопросу о надлежащей постановке преподавания Закона Божия в средних учебных заведениях Министерства народного просвещения. Однако ощущение, что его пастырское служение еще не основывается на необходимом для этого духовном опыте, постоянно подвигало отца Константина стремиться к общению с отцом Иоанном Кронштадтским.

Авторитет этого замечательного пастыря был столь значим для отца Константина, что, поставив свою семью в гораздо более сложное материальное и социально-психологическое положение, он добился в 1900 году перевода в город Кронштадт в кладбищенскую Свято-Троицкую церковь. Близость отца Иоанна Кронштадтского, созерцание его пастырской деятельности представлялись отцу Константину очень важными элементами в формировании его самого как пастыря. Трудна была эта перемена для его семьи, и не только потому, что месту настоятеля храма и законоучителя в одной из самых знаменитых гимназий Санкт-Петербурга отец Константин предпочел место настоятеля бедного кладбищенского храма на весьма неблагополучной окраине Петербурга, которой являлся Кронштадт, но и потому, что она как будто предвещала грядущие испытания для всей семьи. И действительно, в 1902 году в результате несчастного случая умерла дочь Ольга, а вслед за ней и жена. Отец Константин остался один и, как многие вдовы священнослужители, избрал для себя путь монашества. 10 мая 1902 года он был пострижен в монашество ректором Санкт-Петербургской Духовной Академии епископом Сергием, своим младшим соучеником по Духовной Академии в прошлом и своим непримиримым оппонентом в будущем.

Овдовев в тридцать пять лет, будучи уже достаточно опытным священнослужителем, иеромонах Кирилл вскоре был возведен в сан архимандрита. А далее последовало совершенно неожиданное назначение начальником Духовной миссии в город Урмия в Персии, где он пробыл почти два года. Это служение имело особое значение для деятельности будущего митрополита. Ему открылся совершенно незнакомый мир Азии. В Урмии, одном из центров религиозной жизни ассирийцев, многие ассирийцы, сохранявшие верность своим, впрочем, уже ими самими плохо представляемым дохалкидонским богословским воззрениям, стремились открыть для себя мир православной веры. Архимандрит Кирилл проявил себя как удивительно добрый пастырь в отношении столь мало знакомых ему ассирийских христиан. Он стремился выступать и как просветитель, и как миссионер, бережно сохраняя древние традиции Ассирийской Церкви и в то же время проповедуя ассирийцам православное вероучение. Весьма показательно, что даже стремившиеся обратить ассирийцев в протестантизм английские миссионеры с уважением относились к православному архимандриту, столь основательно препятствующему их собственной миссии. Деятельность архимандрита Кирилла была высоко оценена и

в Петербурге, где 6 мая 1906 года его удостоили награждения орденом Св. Анны II степени. Однако успехи в миссионерской деятельности архимандрита Кирилла привели к тому, что под давлением обстоятельств, связанных с позицией как иранских властей, так и Англии, по просьбе российского Министерства иностранных дел митрополит Антоний отозвал архимандрита Кирилла в Россию.

Высоко оценивая пастырские дарования архимандрита Кирилла, митрополит Антоний 6 августа 1904 года совершил его епископскую хиротонию с возведением в сан епископа Гдовского, третьего vicария Санкт-Петербургской епархии. Действительно, на протяжении почти семнадцати лет, осуществляя в очень разных условиях свое пастырское и просветительское служение, архимандрит Кирилл был готов к епископскому служению, и радостно для него было, что он оказался vicарным епископом в епархии навсегда оставшегося для него образцом подлинного архипастыря митрополита Антония. С ним были связаны последующие годы служения епископа Кирилла в Санкт-Петербургской епархии, где с 1905 года он стал вторым, а с 1908-го — уже и первым vicарным епископом. Примечательно, что, будучи одним из столичных vicарных архиереев, епископ Кирилл избегал активной церковно-политической деятельности и не занимал никаких заметных церковно-административных постов. Он по-прежнему оставался пастырем, даже став архипастырем, по-прежнему продолжалось его общение с отцом Иоанном Кронштадтским, хотя далеко не простые взаимоотношения столь дорогих для него людей, как отец Иоанн Кронштадтский и митрополит Антоний, нередко ставили его в довольно сложное положение. Это проявилось даже тогда, когда отец Иоанн Кронштадтский скончался, оставив завещание быть отпетым именно епископом Кириллом, хотя по традициям русской епархиальной жизни столь выдающегося пастыря должен был отпевать правящий митрополит. Епископ Кирилл отправился в Кронштадт, отслужил панихиды над почившим отцом Иоанном Кронштадтским и сопровождал его тело в Санкт-Петербург. Так он остался без одного из двух своих главных учителей, но рядом с ним по-прежнему был митрополит Антоний.

Служение епископа Кирилла продолжалось в Санкт-Петербурге, несмотря на подчас весьма искусительные эпизоды. Достаточно упомянуть, что никогда не стремившийся быть близким ко двору епископ Кирилл в праздник Крещения 1909 года оказался в сложном положении — ему было благословлено освящать воду в Неве

в присутствии императорской семьи. Однако случаи заболевания холерой, которые имели место в Петербурге, привели к тому, что министр двора барон В. Б. Фредерикс рекомендовал епископу Кириллу освящать воду в специальной кандии, предварительно наполненной кипяченой водой. Именно эту воду должны были употреблять члены императорской семьи во время водоосвящения. Епископ Кирилл отказался, и Государь с семьей вкусили освященной епископом Кириллом невской воды из Иордани и были орошены ею.

Уже приобретший значительный опыт епископского служения в родной ему Санкт-Петербургской епархии, 30 декабря 1909 года епископ Кирилл получил самостоятельную кафедру и стал епископом Тамбовским, где на протяжении почти десяти лет продолжалось его дальнейшее служение. Именно в Тамбовской епархии, за пределы которой епископ Кирилл редко выезжал, он и приобрел почти всероссийскую известность одного из самых авторитетных и самых любимых своими пасомыми архипастырей.

Его архипастырская деятельность осуществлялась на первый взгляд в рутине повседневных дел провинциального архиерея, но предполагала прежде всего доступность и открытость как для духовенства, так и для мирян вверенной ему епархии. Шесть дней в неделю, за исключением двенадцатых праздников и дней поездок в отдаленные приходы, епископ Кирилл с 11 до 13 часов принимал всех, кто чувствовал необходимость побеседовать со своим архипастырем лицом к лицу, регулярно и доверительно общался с воспитанниками Тамбовской духовной семинарии, некогда воспитавшей его учителя митрополита Антония (Вадковского), завещавшего родной семинарии после своей смерти главную ценность своего наследства — библиотеку. Пробуждая в епархиальном духовенстве потребность ощутить исторические истоки церковной традиции на Тамбовской земле, архиепископ Кирилл организовал в епархии Церковно-археологический кабинет. Расширяя и активизируя сеть церковно-приходских школ, епископ Кирилл учитывал то обстоятельство, что для основной части остававшегося неграмотным простого народа богослужение и храмовая проповедь были главными формами духовного просвещения. Поэтому он стремился, в том числе и собственным примером, подвигнуть приходское духовенство к привлечению прихожан к участию в богослужении не только через осознанное слушание проповедей, но и через распространение в храмах всенародного пения важнейших литургических текстов. Большое

значение для развития духовной жизни в епархии имели подготовка и проведение канонизации святителя Питирима Тамбовского в июле 1913 года.

После начала летом 1914 года Первой мировой войны возведенный в 1913 году в сан архиепископа владыка Кирилл как будто почувствовал наступление эпохи, исполненной больших искушений для русского народа, подчас легко теряющего духовно-историческую трезвость и склонного отдаваться стихиям жизни, отнюдь не соответствующим основополагающим христианским ценностям. С тревогой наблюдая ура-патриотическую истерику, захлестнувшую российское общество в первые недели войны, архиепископ Кирилл, рискуя вызвать неудовольствие «властей предрержащих», писал в открытом письме в газете «Тамбовский край»:

Слишком серьезное время переживаем мы, чтобы можно было думать о рукоплесканиях и потехах. Глубоко верим, что Правосудный Господь пошлет и воинству нашему, и Родине всю полноту радости окончательной победы над гордым врагом; но об этой радости надо неустанно молиться, необходимо готовиться к ней как к великой Святыне, во всей сосредоточенности народного духа; должно заслужить эту радость подвигом общего труда и жертв, а не бесчинными кличами и расслабляющими зрелищами. Придет время — мы будем засыпать цветами обратный путь с поля брани наших доблестных воинов, мы не только флагами уберем свои дома, но готовы будем одежды свои подостлать под ноги наших героев; но теперь пока время думать о скорейшей замене продырявленной пулями рубашки, о корпии и марле для перевязки ран, о мягкой подушке под израненную голову¹.

Оберегая жизни юных воспитанников Тамбовской семинарии, в которых он хотел видеть столь недостававших Церкви и России не только в военное, но и в мирное время вдохновенных пастырей, архиепископ Кирилл на встрече с семинаристами, мечтавшими отправиться на фронт в начале учебного 1914 года, говорил:

Настоящая война привлекла в ряды наших войск особенно много добровольцев. Есть такие и из вашей среды. Конечно, само по себе явление это в высшей степени похвальное. Но как ваш архипастырь я считаю долгом преподать вам мой совет. Не решайтесь брать на себя подвиг добровольчества, не испросив ранее согласия на то родителей; ведь лишь «благословение

¹ *Журавский А. В.* Указ. соч. С. 111.

отчее утверждает дома чад». Если же будет нужда, мы сами вам скажем: «Идите и защищайте Родину». Итак, не обольщайтесь излишними порывами, спокойно продолжайте ваши занятия, с твердой надеждой на то, что Господь поможет нам сокрушить врага¹.

Архиепископ Кирилл не занимался высоким богословием, не стремился к значительным церковно-административным должностям, политика как церковная, так и государственная как будто претила ему. Он воспринимал свое служение епископа именно как прежде всего служение пастырское и просветительское. Он ясно осознавал, что вековое отсутствие в Русской Православной Церкви организованной системы просвещения не позволило сформировать у подавляющего большинства русского народа христиански мотивированного мировоззрения, столь необходимого ему для преодоления массовых духовных и мировоззренческих искушений, в том числе и политического характера. Не случайно во время работы Поместного Собора архиепископ Кирилл руководил отделом преподавания Закона Божия, обращенного к решению конкретных проблем просветительской деятельности Русской Православной Церкви. А 31 октября 1918 года на Поместном Соборе архиепископ Кирилл оказался вторым после архиепископа Антония (Храповицкого) в числе первоначально избранных двадцати пяти кандидатов на Патриаршество.

Архиепископ Кирилл стал митрополитом Тифлисским и Бакинским, экзархом Грузии, 29 марта 1918 года. Впрочем, военно-политическая ситуация на Кавказе были такова, что, из-за военных действий в Закавказье проведя большую часть лета в Баку, ему не удалось даже приехать в Грузию, чтобы занять Тифлисскую кафедру, считавшуюся четвертой по значению в Русской Православной Церкви.

Годы Гражданской войны открыли для митрополита Кирилла путь, по которому с этого времени суждено было идти многим церковным иерархам, и уже в середине 1919 года он провел несколько месяцев в Таганской тюрьме в Москве. После назначения в апреле 1920 года на Казанскую кафедру митрополит Кирилл в августе того же года был вновь арестован и опять заключен в Таганскую тюрьму. Приговор, вынесенный ему, гласил, что срок его заключения должен продолжаться до конца Гражданской войны. И хотя на европейской части территории России Гражданская война закончи-

¹ Журавский А. В. Указ. соч. С. 111–112.

лась к концу 1920 года, митрополит Кирилл был освобожден лишь в декабре 1921-го.

В июне 1922 года в ответ на воззвание трех архиереев во главе с митрополитом Сергием (Страгородским) о признании обновленческого ВЦУ появилось послание Патриаршего Местоблюстителя митрополита Агафангела (Преображенского). Находившийся в то время в Казани митрополит Кирилл, в отличие от многих архиереев, счел необходимым полностью поддержать позицию Патриаршего Местоблюстителя как по поводу обновленческого ВЦУ, так и по поводу предложенного митрополитом Агафангелом варианта самоуправления епархий. В 1930 году митрополит Кирилл так описывал свои действия в тот момент, когда он, по существу, вступил в свое первое противостояние с митрополитом Сергием:

Оценка живоцерковного движения и совершаемого так называемым В.Ц.У. бесчиния церковного была сделана в конце июня месяца особым посланием митрополита Агафангела, объяснявшего всю деятельность В.Ц.У. как узурпацию церковной власти и отклонение от основ православной церковности. В то же время, признавая создавшуюся для него невозможность быть в Москве и во всей полноте осуществлять руководство церковной жизнью, митрополит Агафангел предоставлял право на местах руководиться в епархиальной жизни патриаршим указом на случай невозможности сношений с церковным центром, то есть управляться на основе канонов и церковной практики каждой епархии автономно, недоуменные же вопросы разрешать по силе возможности путем совещания с ближайшими православными архиереями. Послание это было прочитано в церквях города Казани и разослано по епархии¹.

Пробыв на свободе чуть более полугода, он вновь оказался в ссылке в Зырянском крае, где провел почти полтора года.

Это было время тяжелых испытаний для Русской Православной Церкви, но Патриарх Тихон всегда помнил о митрополите Кирилле как об одном из выдающихся и авторитетнейших русских церковных иерархов. Не случайно короткое возвращение из ссылки в мае—июне 1924 года митрополита Кирилла привело его сразу же к Патриарху Тихону, которого митрополит Кирилл убедил в том, чтобы он прервал переговоры с обновленцами, на которых настаивал Е. А. Тучков, и отменил казавшийся искусительным для многих православных христиан новый стиль. Патриарх Тихон

¹ Журавский А. В. Указ. соч. С. 224—223.

прислушался к мнению митрополита-исповедника, но твердость митрополита Кирилла обусловила его новую ссылку.

За все последующие годы своей жизни на свободе он находился лишь менее года, и тем не менее именно митрополита Кирилла Патриарх Тихон назначил своим первым Местоблюстителем. Это было свидетельством его высокого авторитета в Церкви, как и осуществленный осенью 1926 года опрос епископов Русской Православной Церкви о том, кого они хотели бы видеть Патриархом, когда более семидесяти епископов высказались в поддержку именно митрополита Кирилла. В результате этого опроса митрополит Кирилл, задержанный на несколько месяцев в ссылке после окончания срока заключения, был 21 декабря 1926 года вновь арестован в г. Котельниче Вятской губернии. Именно тогда Е. А. Тучков, уже, казалось бы, окончательно решивший в своей политике последовательной ликвидации церковной жизни посредством использования для этого самих представителей духовенства Русской Православной Церкви делать главную ставку на митрополита Сергия, приехал в феврале 1927 года в вятскую тюрьму. Вероятно, он решил в последний раз попытаться задействовать в своей политике наиболее авторитетного церковного иерарха, который к тому же в отличие от митрополита Сергия и в формальном отношении как первый Патриарший Местоблюститель более подходил на роль Предстоятеля Русской Церкви. Ряд источников следующим образом воспроизводят главный фрагмент беседы Е. А. Тучкова с митрополитом Кириллом:

Начальник VI Секретного отдела ОГПУ Тучков предложил владыке, как одному из наиболее авторитетных среди духовенства и мирян иерарху, возглавить Российскую Церковь. Тучков выразил надежду, что судьба заключенного владыки скоро изменится, что он, Тучков, нисколько не сомневается, что разговаривает с будущим патриархом. Заговорил чекист и о «легализации» Церкви, поставив одно только условие: — Если нам нужно будет удалить какого-нибудь архиерея, вы должны будете нам помочь. — Если он будет виновен в каком-либо церковном преступлении — да, — спокойно отвечал владыка Кирилл. — В противном случае я скажу: брат, я ничего не имею против тебя, но власти требуют тебя удалить, и я вынужден это сделать. — Нет, не так, — нетерпеливо и резко возразил Тучков. — Вы должны сделать вид, что делаете это сами и найти соответствующее обвинение. — Евгений Александрович, вы не пушка, а я не бомба,

которой вы хотите взорвать изнутри Русскую Церковь, — с достоинством отвечал митрополит Кирилл¹.

Вскоре после этой встречи митрополиту Кириллу был объявлен новый приговор ОСО при Коллегии ОГЛУ СССР по ст. 58-10, присудивший его к трем годам ссылки, и митрополит отправился в свою самую дальнюю ссылку в Туруханский район Красноярского округа.

¹ *Журавский А. В.* Указ. соч. С. 282–283; *Регельсон Л.* Трагедия Русской Церкви. М.: Крутицкое патриаршее подворье, 1996. С. 413., см. также: *Вестник РСХД.* 1973. № 107. С. 187; А. Левитин и В. Шавров указывают на священника Николая Пульхеридова, который был близок к митрополиту Кириллу и сам рассказал об этом знаменательном разговоре владыки Кирилла и Е. А. Тучкова (см.: *Левитин А., Шавров В.* Очерки по истории русской церковной смуты. М.: Крутицкое патриаршее подворье, 1996. С. 454).

Русская Православная Церковь
в 1927–1932 годах. Заместитель
Патриаршего Местоблюстителя
митрополит Сергей (Страгородский)
и его борьба с церковной оппозицией.
Священномученик Патриарший
Местоблюститель митрополит
Казанский Кирилл (Смирнов)

Митрополит Кирилл, своим авторитетом оказывавший влияние на очень многих представителей русской церковной иерархии, в свое время дерзавший подвергать критике даже действия Патриарха Тихона, на рубеже 1920–1930 годов стал главным оппонентом митрополита Сергея. Практически постоянно находясь в ссылке, все последние годы жизни до своей мученической смерти митрополит Кирилл подвергал митрополита Сергея серьезной и в то же время исполненной удивительного христианского смирения критике. По существу, именно эти два церковных иерарха — митрополит Сергей и прославленный на Архиерейском Соборе 2000 года святой митрополит Кирилл — в тридцатые годы олицетворяли собой два возможных пути Русской Православной Церкви эпохи гонений. Начавшаяся в конце 1920-х годов переписка между митрополитом Сергием и митрополитом Кириллом представляет собой одну из самых замечательных страниц русской церковной истории.

Перед нами полемика многоопытного церковного администратора и богослова и никогда не стремившегося к высокой церковной политике мудрого архипастыря. В этой полемике митрополит Кирилл коснулся многих важных аспектов русской церковной жизни. Более того, он представил удивительно актуально звучащую как для его, так и для нашего времени экклезиологию эпохи

гонений. Изредка выходя на свободу, получив возможность лишь один раз, в 1933 году, непосредственно встретиться с митрополитом Сергием в Москве, митрополит Кирилл все это время занимал достаточно твердую позицию в отношении действий митрополита Сергия, хотя его позиция не была тождественна позиции митрополита Иосифа.

Находившийся до мая 1929 года даже не в Туруханске, а в отдаленном поселке Хантайка, митрополит Кирилл имел весьма ограниченные возможности для получения какой-либо информации о событиях, происходивших в церковной жизни в 1927–1928 годах и не решался даже в частных письмах пространно и определенно формулировать свое отношение к деятельности митрополита Сергия, о которой до него доходили обрывочные и противоречивые сведения. Среди сохранившихся писем митрополита Кирилла к частным лицам можно обнаружить два письма, в которых он высказывал уже вполне определенно свое отношение к событиям, происходившим в церковной жизни, написанные лишь в начале 1929 года, накануне и вскоре после своего перевода в г. Енисейск.

Так, в письме от 7 февраля 1929 года, направленном, вероятно, московскому священнику Николаю Дулову, который принадлежал к кругу духовенства, прервавшего каноническое общение с митрополитом Сергием, митрополит Кирилл писал:

Заместитель, преемственно принявший на себя единоличное руководство и ответственность за ход церковной жизни учреждением т[ак] наз[ываемого] Синода, подменил законно-преемственную власть Православной Церкви непреемственной и потому незаконной властью, новоучрежденной коллегией, и этим приостановил свое законно-преемственное руководство церковной жизнью. И пока он не уничтожит учрежденного им Синода, я, как архипастырь Православной Церкви, не могу по совести подчиняться никаким его церковным распоряжениям. Совершенную им подмену церковной власти, конечно, нельзя назвать отпадением от Церкви, но это есть, несомненно, тягчайший грех падения. Совершителей греха я не назову безблагодатными, но участвовать с ними в причащении не стану и других не благословлю, т. к. у меня нет другого способа к обличению согрешающего брата¹.

¹ Мазырин А., свящ. Указ. соч. С. 73–74.

Примечательно, что уже в этом письме митрополит Кирилл лаконично и ясно выражает свое отношение к политике митрополита Сергия и его сторонников не только в административно-каноническом, но и литургическо-экклесиологическом аспектах.

Во многом дополняет представление о позиции митрополита Кирилла по отношению к политике митрополита Сергия и прежде всего к его отношению к своим оппонентам написанное в начале 1929 года письмо архимандриту Владимиру (Пуссету):

Действительно, никого я не сужу и не осуждаю, но и призывать к участию в чужих грехах не могу, как не могу осуждать и тех иерархов во главе с м[итрополитом] Иосифом, которые исповедили свое нежелание участвовать в том, что совесть их признала греховным. Это исповедание вменяют в нарушение ц[ерковной] дисциплины, но ц[ерковная] дисциплина способна сохранять свою действенность лишь до тех пор, пока является действительным выражением иерархической совести Соборной Церкви; заменить собою эту совесть дисциплина никогда не сможет. Лишь только она предъявит свои требования не в силу указаний этой совести, а по побуждениям, чуждым Церкви или неискренним, так индивидуальная иерархическая совесть непременно станет на страже соборно-иерархического принципа бытия Церкви, который вовсе не одно и то же с внешним единением во что бы то ни стало. Тогда изображенная Вами расшатанность ц[ерковной] дисциплины становится неизбежной как следствие греха (злоупотребляющих ею) в данном случае. Выход же из греха может быть только один — покаяние и достойные плоды его. И кажется мне из моего далека, что этого покаяния одинаково ждут и ленинградцы, и осуждающие их ташкентцы. Разница между ними не в убеждениях, а, так сказать, в темпераменте, с каким убеждения высказываются: потому только и стали возможными разноречивые причисления некоторых то к одному, то к противоположному настроению, как то имеет место особенно относительно епископа [неразб.]. В силу разницы религиозного темперамента, одни жаждут этого покаяния немедленно, другие — чтобы не потерять надежды на возможность созыва законно-канонического собора (какая наивность или лукавство), готовы вместе с соловецкими ждать этого покаяния до собора в уверенности, что собор не может его не потребовать.

Несомненно, что создавшееся положение искренно никто не считает нормальным¹.

В этом письме митрополит Кирилл пришел к совершенно правильному выводу об общей неудовлетворенности и тревоге, овладевшими широкими кругами духовенства по мере осуществления митрополитом Сергием его «нового» курса церковной политики, и справедливо указывал, что в уже имеющем место разделении церковной иерархии одни требуют осуждения этой политики уже сейчас («ленинградцы», поддерживавшие позицию митрополита Иосифа), а другие, не прерывавшие канонического общения с митрополитом Сергием, ожидают вынесения окончательной оценки этой политике церковным собором («ташкентцы», солидарные с позицией митрополита Арсения (Стадницкого), находившегося в Ташкенте). При этом из письма очевидно, что сам митрополит Кирилл был склонен разделять точку зрения «ленинградцев». Но, вероятно, не менее важным было высказанное митрополитом Кириллом в письме представление о том, что разрешение столь глубокого внутреннего конфликта, который проявился в церковной жизни, возможно искать не в сфере церковно-политических компромиссов или дисциплинарных наказаний, оправдывающихся канонической казуистикой сохранения «церковного единства» и абстрактным понятием «церковного блага», а в сфере осуществления в церковной жизни, в отношениях между церковными иерархами основополагающих христианских начал покаяния и прощения, свободы и любви, которые только и могут сохранить Русскую Православную Церковь в условиях гонений прежде всего не как административно-каноническую структуру Московской Патриархии, но как Церковь Христову.

Свое первое письмо непосредственно митрополиту Сергию, написанное 15 мая 1929 года, митрополит Кирилл сопроводил письмом своего викарного епископа Афанасия (Малинина), который обращался к митрополиту Кириллу как к своему епархиальному архиерею, прося его ответить на ряд вопросов, волновавших духовенство Казанской епархии в связи с деятельностью митрополита Сергия. Свои ответы на вопросы епископа Афанасия митрополит Кирилл отправил и митрополиту Сергию, чтобы показать ему как то, что причиной этого письма стала необходимость ответить на вопросы, порожденные деятельностью митрополита Сергия, вызывавшей смущение русского православного духовенства, так и то,

¹ *Журавский А. В.* Указ. соч.. С. 310–311.

что митрополит Кирилл готов был сделать изложение своей позиции по поводу деятельности митрополита Сергия предметом открытого обсуждения в Русской Православной Церкви.

Недоумения об отношении к митрополиту Сергию и возглавляемой им Церкви могли возникнуть только потому, что верующие почувствовали в административно-церковной деятельности митрополита Сергия превышение тех полномочий, какие предоставлены ему званием Заместителя Местоблюстителя Патриаршего Престола, — писал митрополит Кирилл. — Для меня лично не подлежит сомнению, что никакой заместитель по своим правам не может равняться с тем, кого он замещает, или совершенно заменить его. Заместитель назначается для распоряжения текущими делами, порядок решения которых точно определен действующими правилами, предшествующей практикой и личными указаниями замещаемого. Никаких, так сказать, учредительных прав вроде реформы существующих служебных учреждений, открытия новых должностей и т. п. заместителю не может быть предоставлено без предварительного испрошения и указаний замещаемого. Коренное же изменение самой системы церковного управления, на что отважился митрополит Сергей, превышает компетенцию и самого местоблюстителя патриаршего престола. <...> Посему до тех пор, пока митрополит Сергей не уничтожит учрежденного им Синода, ни одно из его административно-церковных распоряжений, издаваемых с участием так называемого Патриаршего Синода, я не могу признавать для себя обязательным к исполнению.

Митрополит Кирилл справедливо указывал на недопустимость того расширительного понимания прав Заместителя Патриаршего Местоблюстителя, которое придавал им как сам митрополит Сергей, так и многие доверявшие ему епископы, и обоснованно заявлял о невозможности исполнять какие-либо распоряжения Заместителя Патриаршего Местоблюстителя в ситуации, когда он очевидно вышел за рамки своих полномочий.

Такое отношение к митрополиту Сергию и его Синоду я не понимаю как отделение от руководимой митрополитом Сергием части Православной Церкви, так как личный грех митрополита Сергия относительно управления Церковью не повреждает содержимого и этой частью Церкви — православно-догматического учения, но я глубоко скорблю, что среди единомысленных

митрополиту Сергию архипастырей в нарушение братской любви уже применяется по отношению к несогласным и обличающим их неправоту кличка отщепенцев-раскольников. Ни от чего святого и подлинно церковного я не отделяюсь; страшусь только приступить и прилепиться к тому, что признаю греховным по самому происхождению, и потому воздерживаюсь от братского общения с митрополитом Сергием и ему единомышленными архипастырями, так как нет у меня другого способа обличать согрешающего брата. Известные мне неоднократные попытки личных и письменных братских увещаний, обращенных к митрополиту Сергию со стороны почившего ныне митрополита Агафангела, митрополита Иосифа с двумя его викариями, архиепископом Угличским Серафимом [Самойловичем], епископом Вятским Виктором [Островидовым], не могли вернуть митрополита Сергия на надлежащее место и к подобающему образу действий. Повторять этот опыт было бы бесполезно. Посему подобно сим архипастырям и вместе со всеми, кто считает учреждение так называемого Временного Патриаршего Синода погрешительным, воздержание от общения с митрополитом Сергием и единомышленными ему архиереями признаю исполнением своего архипастырского долга.

Категорически отказываясь признать канонические полномочия митрополита Сергия как равноправного с Патриаршим Местоблюстителем предстоятеля Русской Церкви, митрополит Кирилл, тем не менее, не обвинял митрополита Сергия в ереси и даже допускал совершенно равноправное сосуществование как епископов, признающих митрополита Сергия, так и епископов, занимающих позицию, тождественную позиции его самого. В этом отношении позиция митрополита Кирилла отличалась от непримиримой позиции митрополита Иосифа и его единомышленников. Митрополит Кирилл понимал всю сложность сложившегося в Церкви положения и не стремился к простым путям его разрешения.

Этим воздержанием с моей стороны ничуть не утверждается и не заподозривается якобы безблагодатность совершаемых сергианами священнодействий и таинств (да сохранит всех нас Господь от такого помышления), но только подчеркивается нежелание и отказ участвовать в чужих грехах. Посему литургисать с митрополитом Сергием и единомышленными ему архипастырями я не стану, но в случае смертной опасности со спокойной совестью приму елеосвящение и последнее напутствие от священника

Сергиева поставления или подчиняющегося учрежденному им Синоду, если не окажется в наличии священника, разделяющего мое отношение к митрополиту Сергию и так называемому Временному Патриаршему Синоду. Подобным образом, находясь в местности, где все храмы подчиняются так называемому Временному Патриаршему Синоду, я не пойду в них молиться за общим богослужением, но совершить в одном из них литургию в одиночку или с участием единомышленных мне клириков и верующих, если бы таковые оказались в наличии, признаю возможным без предварительного освящения храма. <...> Что касается мирян, то участвовать деятельно в церковно-приходской жизни приходов, возносящих имя митрополита Сергия за храмовым богослужением, в качестве возглавляющего иерархию архипастыря, по совести не следует, но само по себе такое возношение имени митрополита Сергия не может возлагаться на ответственность мирян и не должно служить для них препятствием к посещению богослужения и принятию Св. Даров в храмах, подчиняющихся митрополиту Сергию, если в данной местности нет православного храма, хранящего неповрежденным свое каноническое отношение к местоблюстителю патриаршего престола. Молиться же о митрополите Сергии наряду с остальными архипастырями и вообще православными христианами (запись в поминовении на проскомидии, молебне и т. п.) не является грехом, это долг всех православных христиан, пока общецерковное рассуждение не объявит учиненное митрополитом Сергием злоупотребление доверенной ему церковной властью грехом к смерти (Мф. 18:15–17; 1 Ин. 5:16)¹.

В своем письме митрополит Кирилл подчеркивал, что, признавая благодатность таинств сергианского духовенства, он благословлял тех чад, которые жили в городах, где отсутствовали иные приходы, кроме тех, которые подчинялись митрополиту Сергию, посещать эти храмы, без сомнения причащаться там Святых Христовых Тайн, принимать другие благодатные таинства и отмечал даже, что в случае смертельной опасности он бы сам без сомнения принял последнее напутствие из рук священнослужителя сергианского поставления. В этой, на первый взгляд, кажущейся противоречивой позиции заключалась удивительная архипастырская мудрость митрополита Кирилла, хорошо понимавшего, что даже самые вопиющие противоречия русской церковной жизни,

¹ Журавский А. В. Указ. соч. С. 521–523.

самые изощренные политические происки гонителей Церкви не должны упразднить единство Церкви в благодатном общении в таинствах.

Только через четыре месяца, 18 сентября 1929 года, митрополит Сергей ответил Патриаршему Местоблюстителю, с самого начала попытавшись перевести их дискуссию на уровень формально казуистического спора.

Уже давно я угадывал по доходящим до меня отрывочным сведениям церковную позицию Вашего Преосвященства, но не спешил делать отсюда соответствующего вывода. Мне хотелось объяснить Ваши действия просто недостаточной Вашей осведомленностью в современных церковных делах. Я льстил себя надеждой, что с течением времени, с получением надлежащей осведомленности Вы исправите свою ошибку и не только прекратите неблагодарную работу подкапывания Дома Божия, но и поддержите своим авторитетом мои усилия восстановить сильно нарушаемый теперь порядок и чин в церковной жизни. К сожалению, Ваше суждение «о моей деятельности» (собственно-ручную копию которого Вы прислали мне «для сведения») не оставляет места сомнению в том, что Вы и теоретически единомысленны с нашим новым расколом, не совсем правильно называемым «иосифлянским», и активно его поддерживаете своим примером и словом и даже стремитесь воздействовать на волю управляющего Казанской епархией означенным «суждением», т. е. перешли уже и к доступным в Вашем положении административным мерам. Это и меня заставляет выйти из выжидательного состояния и обратиться к Вашему Высокопреосвященству с настоящим моим словом.

Административный разрыв с необходимостью ведет к евхаристическому. Поэтому «воздержание от общения с митрополитом Сергием и единомысленными ему архиереями признаю, — пишете Вы, — исполнением своего архипастырского долга». Но как ни радикальны эти выводы, Вы не можете не сознавать, что мой грех, даже преувеличенный до последней степени, не делает возглавляемую мною иерархию ни еретической, ни даже раскольнической, что наша Церковь через это не лишилась ни единства с Церковью Вселенской, ни благодати Св. Духа, изливаемой в таинствах («да сохранит всех нас Господь от такого помышления», — пишете Вы). Вы не против того, чтобы священники для Ваших общин получали хиротонию от «сергианских» архиереев.

Вы выражаете даже готовность (чем, в сущности, подрываете всю свою позицию) на «смертном одре» (значит, тогда, когда человек обычно не заботится более о мнении других людей, а ищет одной правды) со спокойной совестью принять елеосвящение и причастие от «сергианского» священника при отсутствии своего. Не признавая нас, таким образом, ни раскольниками, ни безблагодатными и не имея, следовательно, дозволенных оснований для раскола, Вы, однако, с нами порываете общение. Можно ли с Вами согласиться, что раскола Вы не учиняете и остаетесь в мире со Св. Церковью?

Сторонники митрополита Иосифа были твердо убеждены, что митрополит Сергей не просто проводит губительную для Церкви политику в отношении к государству, но и в своих воззрениях стал еретиком и служит антихристовой власти, поэтому не только каноническое общение с ним, но и признание благодатности таинств, совершаемых сергианским духовенством, представлялись им недопустимыми. Однако подобная позиция митрополита Иосифа и его сторонников была предметом постоянной критики митрополита Кирилла, и в своем желании отождествить его позицию с позицией «иосифлян» митрополит Сергей сознательно лукавил, пытаясь игнорировать аргументы митрополита Кирилла в изложении им как литургическо-эклесиологической, так и административно-канонической критики деятельности Заместителя Патриаршего Местоблюстителя.

Однако уже в конце своего первого письма Патриаршему Местоблюстителю митрополиту Кириллу Заместитель Патриаршего Местоблюстителя митрополит Сергей перешел к церковно-политическим обвинениям и административно-каноническим угрозам.

Вы признали «бесполезным повторять опыт» переговоров или переписки со мной по сему делу и перешли уже к действиям против меня и единомысленной со мною иерархии. В частности, Ваше «суждение» рассылается по всем епархиям, производя несомненный соблазн. Это давало бы и мне право перейти прямо к действиям, к которым обязывает возложенное на меня послушание. Однако братский долг внушает мне не считать еще дело поконченным. Поэтому, представляя Вам все вышеизложенное и напоминая Вам тот великий соблазн, какой производит в церковной среде Ваше выступление, усерднейше прошу Вас пересмотреть свое решение и во имя послушания и любви к Св. Цер-

кви иметь мужество признать если не всю неправильность, то хотя бы излишнюю поспешность Вашего разрыва с нами и отложить вопрос до соборного решения, пригласив к тому же и последовавших за Вами. Отсутствие от Вас ответа на этот мой братский призыв до 18 ноября (1 декабря) с. г. будет означать Ваше нежелание внять ему и, следовательно, будет обязывать меня перейти к соответствующим действиям по вверенной мне власти. Мне хочется, однако, надеяться, что нужды в этих действиях не будет и что новая туча скорби, собирающаяся над нашей Церковью, рассеется нашими общими с Вами усилиями, о чем и молю усердно Господа¹.

В ноябре 1929 года, вероятно, уже почувствовавший бесплодность начинавшейся полемики, митрополит Кирилл все же ответил митрополиту Сергию.

Не стану оспаривать желательной Вам терминологии для обозначения Ваших церковных полномочий (дело не в терминах, а в деле), но со всею решительностью отрицая приписываемую мне Вами склонность «играть» термином «заместитель», продолжаю думать и утверждать, что Вы действительно превзошли «всякую меру самовластия, посягнув самочинно на самые основы нашего патриаршего строя». Синода с такими правительственными оказательствами, как при Вас учрежденный и действующий Синод, Русская Церковь не знала ни при патриархе, ни при митрополите Петре. <...> ...отрицательное отношение к Вашей деятельности по управлению церковному Вы с Синодом воспринимаете как отрицание самой Церкви, ее таинств и всей ее святости. Поэтому же Вас так изумляет, что, воздерживаясь от совершения с Вами литургии, я не считаю, однако, ни себя, ни Вас стоящими вне Церкви. <...> Я воздерживаюсь литургисать с Вами не потому, что тайна Тела и Крови Христовых будто бы не совершится при нашем совместном служении, но потому, что приобщение от Чаши Господней обоим нам будет в суд и осуждение, так как наше внутреннее настроение, смущаемое неодинаковым пониманием своих церковных взаимоотношений, отнимет у нас возможность в полном спокойствии духа приносить «милость мира, жертву хваления». Поэтому во всей полноте свое воздержание я отношу только к Вам и единомысленным с Вами архиереям, но не к рядовому духовенству и тем менее к мирянам. Среди рядового духовенства очень немного сознательных идеологов Вашей

¹ Журавский А. В. Указ. соч. С. 526–527, 530–531, 536–537.

церковной деятельности. Большинство остается послушным Вам, так сказать, по инерции и не смутятся в случае надобности у меня исповедоваться, исповедовать меня и со мною причащаться, не привлекая к делу мое отношение к Вам и Ваше ко мне. Приемля от такого священника последнее напутствие, я ничуть не подрываю свою, как вы называете, позицию¹.

Митрополит Кирилл в своем письме предпочел не реагировать на содержащуюся в конце письма митрополита Сергия угрозу применения к нему административных мер и, лишь напомнив митрополиту Сергию о существовании в Русской Православной Церкви правящего Патриаршего Местоблюстителя митрополита Петра, которого митрополит Сергей всего лишь замещал, попросил его передать их переписку митрополиту Петру, от чего, как показали будущие события, митрополит Сергей уклонился.

Второе и последнее письмо митрополита Сергия, написанное 2 января 1930 года, было значительно более кратким и, по существу ничего не прибавив к содержанию их полемики, реализовывало угрозу применения к митрополиту Кириллу административно-канонических мер, на которые намекалось в предыдущем письме.

Полученный мною «Отзыв» Вашего Высокопреосвященства подтвердил самые худшие мои опасения. Вы, видимо, не желаете оставлять своей позиции даже при очевидности Вашего заблуждения. <...> Так как дальнейшее промедление с настоящим делом не безопасно для церковного благочиния и на случай, если это мое обращение к Вам желательного результата иметь не будет, нахожу благовременным теперь же сделать нижеследующее постановление:

1. Преосвященного митрополита Казанского и Свияжского Кирилла предать суду Собора архиереев по обвинению во вступлении в общение с обществом, отделившимся от законного церковного священноначалия и образовавшим раскол, и в поддержке названного раскола своим примером, словом и писаниями (нарушение правил Апостольских 10, 16 и 31 и аналогичных); в демонстративном отказе от принятия Св. Таин в православных храмах (правило Апостольское 8, Антиохийское 2) и в отказе повиноваться законному заместителю патриаршего местоблюстителя и иметь с ним общение (Двукратного [Собора правило] 15 и аналогичные).

¹ Журавский А. В. Указ. соч. С. 537, 545–546.

2. В целях освобождения Преосвященных викариев, клира и мирян Казанской епархии от канонической зависимости от митрополита Кирилла, а равно и в целях ограничения дальнейшей, нарушающей церковный чин деятельности названного митрополита, — уволить его от управления Казанской епархией на покой с правом священнодействия с разрешения местных епархиальных архиереев.

3. Священнодействие в сослужении с митрополитом Кириллом разрешается для православных священнослужителей лишь под условием поминовения митрополитом Кириллом православного архиерея.

4. Назначить Преосвященному митрополиту Кириллу крайним сроком 15 февраля 1930 г. для выражения им канонического послушания и отказа от общения с раскольниками. Если до означенного числа заявлений указанного содержания от митрополита Кирилла не последует, считать настоящее постановление вступившим в силу с нижеписанного числа.

Эта новая отсрочка, даже при отсутствии твердой надежды на благоприятный исход, да будет Вам свидетельством, насколько всем нам тяжело Вас потерять и насколько сильно наше желание остаться с Вами в братском общении и единомыслии¹.

Можно лишь предполагать было ли это беспрецедентное как с канонической, так и с нравственной точек зрения решение митрополита Сергия согласовано им или навязано ему ГПУ. Важно было то, что, будучи всего лишь одним из епархиальных архиереев Русской Православной Церкви и занимая отнюдь не тождественную по своему каноническому статусу с саном Патриарха или должностью Патриаршего Местоблюстителя должность Заместителя Патриаршего Местоблюстителя, митрополит Сергей запрещал в священнослужении Патриаршего Местоблюстителя и такого же, как он, митрополита, к тому же уже более десяти лет находившегося в ссылках. То обстоятельство, что и это постановление митрополита Сергия было подписано членами созданного им Временного Патриаршего Синода, лишь доказывало правоту митрополита Кирилла, который справедливо опасался, что наличие неканонично созданного митрополитом Сергием Синода позволяет ему придавать внешне более каноничный характер тем его решениям, которые выходили за рамки полномочий Заместителя Патриаршего Местоблюстителя.

¹ Журавский А. В. Указ. соч. С. 548, 554–555.

Реакция митрополита Кирилла выразилась в письме от 30 января 1930 года, кратко и вместе с тем выразительно подводившем итог так и не развернувшейся в полной мере полемике двух выдающихся иерархов Русской Православной Церкви XX века.

Ваше Высокопреосвященство! Второе письмо Ваше от 2 января 1930 года за № 7 получено мною 14 января. Решительный отказ Ваш передать нашу с Вами переписку на усмотрение местоблюстителя митрополита Петра и предупредительное постановление о моем увольнении на покой свидетельствует о совершенной безнадежности для Церкви Православной Вашего возвращения с пути узурпации церковной власти, по коему движетесь Вы уже почти три года, изобретенные же Вами такие обвинения против меня, как «вступление в общение с обществом отделившимся» и т. д. и вообще весь метод рассуждения Вашего письма делает дальнейшие сношения с Вами невозможными для человека, говорящего только от своего лица, ни в каких обществах не состоящего и всегда устранявшегося и устраняющегося от обсуждения церковных вопросов в плоскости политических воззрений и предположений. Из предшествующей нашей переписки Вы знаете, что при созданном Вами церковном положении ни одно ц[ерковно-] административное распоряжение Ваше я не могу признавать для себя обязательным к исполнению, а потому и после 15 февраля, еще живы будем и Господь изволит, — я в деле нравственно-архипастырского служения Св. Церкви, определяемого в своем внутреннем содержании не писанием резолюций и указов, а христианским душепастырством (1 Пет. 5:2–3), остаюсь по-прежнему митрополитом Казанским и Свияжским для всех православных чад Церкви, не могущих разделять Ваши воззрения на церковные полномочия Ваши и на пути осуществления Церквию своего призвания в здешнем мире, ибо воззрения эти нарушают правду Церкви и искажают Ея православное лицо. Во имя этой правды и достоинства Православной Церкви, исполняя свой архипастырский долг, решил я поднять свой голос, но Вы обратили мое выступление только в предлог для расправы со мною. В этой жизни едва ли дождемся мы с Вами суда Соборного. Да рассудит нас Бог! При временной невозможности общения с Центром Церковной Власти порядок церковной жизни на местах определен известным ноябрьским указом Патриаршего издания. Осведомление же митрополита Петра

сейчас о случившемся я возлагаю всецело на Вашу ответственность¹.

Вскоре митрополит Кирилл был препровожден под конвоем из Енисейска в красноярскую тюрьму, где ему объявили о переводе на прежнее место ссылки в отдаленный Туруханск. 15 февраля 1930 года постановление митрополита Сергия, содержащееся в письме от 2 января 1930 года, вступило в силу, а 11 марта 1930 года появилось постановление митрополита Сергия и Временного Патриаршего Синода о запрещении митрополита Кирилла в священнослужении «за поддержку раскола и молитвенное общение с раскольниками, за демонстративный отказ от евхаристического общения с возглавлением Русской Патриаршей Церкви и неподчинение Заместителю»².

Летом 1930 года, вскоре после окончания срока ссылки, находившийся в Туруханске митрополит Кирилл был арестован и вновь приговорен к трем годам ссылки. Синхронность действий митрополита Сергия и органов ГПУ напоминала в данном случае ситуацию борьбы митрополита Сергия со сторонниками митрополита Иосифа из числа архиереев, когда вслед за наложением церковных прещений на оппонентов митрополита Сергия, прерывавших с ним молитвенно-каноническое общение, следовали их аресты органами ГПУ. И в данном случае в обвинительном заключении по следственному делу митрополита Кирилла лета 1930 года содержится следующее обоснование для ареста и обвинения:

Пользуясь среди духовенства и верующих СССР громадным авторитетом как первый кандидат — согласно завещания патр[иарха] Тихона — в заместители патриарха, СМИРНОВ с первого момента организации в Москве митрополитом Старгородским <так> Синода и опубликования последним декларации о лояльном отношении Синода к советскому правительству становится в оппозицию Старгородскому <так> и начинает кампанию за ликвидацию Синода и за восстановление во главе церкви патриарха с неограниченной властью, вербуя этим себе к.-р. настроенных сторонников в различных городах СССР. В конце 1929 года СМЕРНОВ, зная, что срок ссылки ему оканчивается, открыто порывает всякое общение с Синодом, о чем пишет в Москву

¹ Журавский А. В. Указ. соч. С. 325–326.

² Мазырин А., свящ. Указ. соч. С. 83.

митрополиту Старгородскому и в копиях ставит об этом в известность своих единомышленников¹.

По окончании срока очередной ссылки, 19 августа 1933 года, митрополит Кирилл был освобожден и неожиданно для себя узнал, что срок его ссылки уже не будет продлен. В конце 1933 года он получил возможность вернуться в европейскую часть России, где ему было разрешено властями поселиться в г. Гжатске Смоленской области. Именно здесь на протяжении чуть более полугода митрополит Кирилл получил возможность достаточно свободно общаться непосредственно или с помощью переписки со многими представителями духовенства и деятельных мирян, которые не видели для себя возможности оставаться под омофором Заместителя Патриаршего Местоблюстителя митрополита Сергия. Связывавшие свои надежды с освобождением Патриаршего Местоблюстителя митрополита Кирилла, они не только стремились, вступая в общение с ним, получать ответы на свои духовные вопрошания, но и готовы были под его омофором провозгласить основание в России альтернативной Московской Патриархии митрополита Сергия церковной юрисдикции, к которой уже тогда некоторые из них применяли наименование «Истинно-Православная Церковь».

Встретившись во время своего возвращения из ссылки в Москве с митрополитом Сергием, митрополит Кирилл не только узнал, что их переписка не была передана Патриаршему Местоблюстителю, с которым у митрополита не было связи уже несколько лет, но и убедился в нежелании митрополита Сергия изменить свою политику и вступить в равноправный диалог со своими оппонентами из среды русского епископата. Однако вступать в права Патриаршего Местоблюстителя и объединить под своим омофором своих тогда еще многочисленных единомышленников митрополит Кирилл также еще не считал возможным. Активно и свободно обсуждая ситуацию, сложившуюся в Русской Православной Церкви, со всеми вопрошавшими его священнослужителями и мирянами, митрополит Кирилл способствовал созданию вокруг себя достаточно широкого и авторитетного круга единомышленников и деятельных сторонников из числа русских архиереев, достаточно упомянуть имена хотя бы таких замечательных, уже прославленных в соборе новомучеников и исповедников Церкви Русской епископов, как Амфилохий (Скворцов), Афанасий (Сахаров), Дамаскин (Цедрик),

¹ Мазырин А., свящ. Указ. соч. С. 84.

Иосаф (Удалов), Макарий (Кармазин), Парфений (Брянских), Прокопий (Титов), Серафим (Звездинский), Серафим (Самойлович). Следует подчеркнуть, что все эти епископы, за исключением епископа Афанасия, проведенного более двадцати лет в лагерях и ссылках, были расстреляны в 1937 году.

Красноречивым свидетельством богословско-канонической глубины и духовно-нравственной высоты взглядов митрополита Кирилла относительно трагической и противоречивой ситуации в русской церковной жизни, которую пытались разрешить он сам и единомысленные ему епископы, являются два письма, адресованные митрополитом Кириллом скорее всего архиепископу Серафиму (Самойловичу) в январе-феврале 1934 года.

Христос посреди нас! Ваше Высокопреосвященство, Преосвященнейший Владыко, возлюбленный о Господе собрат архиепископ, — писал митрополит Кирилл. — Строки Ваши, полные снисходительности и доверия ко мне, грешному, доставили мне глубокое утешение. Спаси Вас Господи! Вас огорчает моя неповоротливость и кажущаяся Вам чрезмерная осторожность. Простите за это огорчение и еще потерпите его на мне. Не усталостью от долгих скитаний вызывается оно у меня, а неполным уяснением окружающей меня и всех нас обстановки. Ясности этой недостает мне не для оценки самой обстановки, а для надлежащего уразумения дальнейших из нее выводов, какие окажутся неизбежными для ее творцов. Проведение их в жизнь, вероятно, не заставит себя долго ждать, и тогда наличие фактов убедит всех в необходимости по требованию момента определенных деяний. Но разве мало существующих уже фактов? — можете спросить Вы. Да, их немало, но восприятие их преломляется в сознании церковного общества в такой разнообразии оттенков, что их никак не прикрепить к одному общему стержню. Необходимость исправляющего противодействия сознается, но общего основания для него нет, и митрополит Сергей хорошо понимает выгоду такого положения и не перестает ею пользоваться. В одном из двух писем ко мне он не без права указывает на эту разногласию обращаемых к нему упреков и потому, конечно, не считается с ними. Обвинение в еретичестве, даже самое решительное, способно только вызвать улыбку на его устах, как приятный повод лишний раз своим мастерством в диалектической канонике утешить тех, кто хранит с ним общение, по уверенности в его полной безупречности в догматическом отношении.

Между тем среди них немало таких, которые видят погрешительность многих мероприятий митрополита Сергия, но, понимая одинаково с ним источник и размер присвоаемой им себе власти, снисходительно терпят эту погрешительность как некое лишь увлечение властью, а не преступное ее присвоение. Предъявляя к ним укоризну в непротивлении и, следовательно, принадлежности к ереси, мы рискуем лишить их психологической возможности воссоединения с нами и навсегда потерять их для Православия. Ведь сознаться в принадлежности к ереси много труднее, чем признать неправильность своих восприятий от внешнего устройства церковной жизни. Нужно, чтобы и для этого прекраснодушия властные утверждения митрополита Сергия уяснились как его личный домысел, а не как право, покоящееся на завещании Святейшего Патриарха. Всем надо осознать, что завещание это никоим образом к митрополиту Сергию и ему подобным не относится.

Воспринять патриаршие права и обязанности по завещанию могли только три указанные в нем лица, и только персонально этим трем принадлежит право выступать в качестве временного церковного центра до избрания нового патриарха. Но передавать кому-либо полностью это право по своему выбору они не могут, потому что завещание патриарха является документом совершенно исключительного происхождения, связанного соборной санкцией только с личностью первого нашего патриарха. Поэтому со смертью всех троих завещанием указанных кандидатов завещание Святейшего Тихона теряет силу, и церковное управление создается на основе указа 7 (20) ноября 1920 г. Тем же указом необходимо руководствоваться и при временной невозможности сношения с лицом, несущим, в силу завещания, достоинство церковного центра, что и должно иметь место в переживаемый церковно-исторический момент. Иное понимание патриаршего завещания, утверждаемое митрополитом Сергием, привело уже к тому, что завещание, составленное для обеспечения скорейшего избрания нового патриарха, стало основой для подмены в церковном управлении личности патриарха какой-то коллегиальной «Патриархией». Почует ли на этом начинании митрополита Сергия благословение Божие, мы не дерзаем судить, доколе законный Собор своим приговором не изречет о нем суда Духа Святого, но, как и все обновленчеству сродное, не можем признать обновленное митрополитом Сергием и церковное управление нашим православным, преемственно идущим от Святейшего

Патриарха Тихона, и потому, оставаясь в каноническом единении с патриаршим местоблюстителем митрополитом Петром, при переживаемой невозможности сношения с ним, признаем единственно закономерным устройство церковного управления на основе патриаршего указа 7 (20) ноября 1920 г. Твердо верю, что православный епископат при братском единении и взаимной поддержке сохранит с Божией помощью Русскую Церковь в исконном Православии во все время действительности патриаршего завещания и доведет ее до законного Собора¹.

Таким образом, в этом письме была дана не только богословски обоснованная и пастырски взвешанная характеристика состояния русской церковной жизни, но и представлялась конкретная перспектива осуществления канонически обоснованного управления в Русской Православной Церкви, которое может быть противопоставлено узурпировавшему высшую церковную власть митрополиту Сергию.

Постоянно слышавший в это время призывы и даже требования немедленно вступить в права Патриаршего Местоблюстителя, митрополит Кирилл должен был убедительно и ясно объяснять уже не своим оппонентам, а своим сторонникам свою принципиальную позицию по этому действительно насущному вопросу:

Сохранение надлежащего порядка в церковном управлении со смерти Святейшего Патриарха Тихона и до созыва законного Церковного Собора обеспечивалось завещанием Святейшего Патриарха, оставленного им в силу особого, ему только данного и никому не передаваемого права назначить себе заместителя. Этим завещанием нормируется управление Русской Церковью до тех пор, пока не будет исчерпано до конца его содержание. Несущий обязанности патриаршего местоблюстителя иерарх сохраняет свои церковные полномочия до избрания Собором нового патриарха. При замедлении дела с выбором патриарха местоблюститель остается на своем посту до смерти, или собственного добровольного от него отречения, или устранения по церковному суду. Он не правомочен назначить себе заместителя с правом, тождественным его местоблюстительским правам. У него может быть только временный заместитель для текущих дел, действующий по его указаниям. Вот в этом пункте и является погрешность со стороны митрополита Сергия, признающего

¹ Журавский А. В. Указ. соч. С. 583–585.

себя в отсутствие митрополита Петра имеющим все его местоблюстительские права. Его грех — в превышении власти, и православный епископат не должен был признавать такую его власть и, убедившись, что митрополит Сергей правит Церковью без руководства митрополита Петра, должен был управляться по силе патриаршего указа 7 (20) ноября 1920 г., готовясь дать отчет в своей деятельности митрополиту Петру или Собору. Если до созыва Собора местоблюститель умирает, то необходимо снова обратиться к патриаршему завещанию и в правах местоблюстителя признать одного из оставшихся в живых, указанных в патриаршем завещании иерархов. Если ни одного в живых не окажется, то действие завещания окончилось, и Церковь сама собою переходит на управление по патриаршему указу 7 (20) ноября 1920 г., и общими усилиями епископата осуществляется созыв Собора для выбора патриарха. Поэтому только после смерти митрополита Петра или его законного удаления я нахожу для себя не только возможным, но и обязательным активное вмешательство в общее церковное управление Русской Церковью. Дотоле же иерархи, признающие своим первоиерархом митрополита Петра, возносящие его имя по чину за богослужением и не признающие законной преемственности Сергиева управления, могут существовать до суда соборного параллельно с признающими; выгнанные из своих епархий, духовно руководя теми — единицами, какие признают их своими архипастырями, а невыгнанные руководя духовной жизнью всей своей епархии, всячески поддерживая взаимную связь и церковное единение.

Для меня лично выступление сейчас представляется невозможным, так как я совершенно не уверен в характере отношений митрополита Петра [пропуск? — Г. М.] убедиться в подлинности настроений последнего, чтобы решить, как поступить. Во всяком случае, быть явочным порядком заместителем митрополита Петра без его о том распоряжения я не могу, но если митрополит Петр добровольно откажется от местоблюстительства, то я в силу завещания Святейшего Патриарха и данного ему мною обещания исполню свой долг и приму тяготу местоблюстительства, хотя бы митрополит Петр назначил и другого себе преемника, ибо у него нет права на такое назначение¹.

Третий широкомасштабный и принесший неизмеримо более многочисленные аресты период усиления церковных гонений за-

¹ Журавский А. В. Указ. соч. С. 581—583.

вершился вместе с коллективизацией к 1933 году, однако репрессии представителей церковной оппозиции митрополиту Сергию во время «церковного нэпа» 1933—1934 годов продолжались. Но в отличие от периода 1928—1929 годов, когда жертвами репрессий становились священнослужители из числа сторонников митрополита Иосифа и единомысленных с ним епископов, теперь аналогичные репрессии обрушились прежде всего на сторонников митрополита Кирилла. Во второй половине 1934 года практически один за другим были арестованы 21 мая архиепископ Серафим (Самойлович), 1 августа епископ Дамаскин (Щедрик), 30 сентября епископ Макарий (Кармазин), 2 октября архиепископ Прокопий (Титов), 1 ноября епископ Парфений (Брянских), 3 ноября архиепископ Федор (Поздеевский). Сам митрополит Кирилл был арестован 14 июля 1934 года и после почти пятимесячного пребывания в тяжелейших условиях Бутырского изолятора 2 декабря был приговорен к трехлетней ссылке, местом которой стал находившийся в Казахстане поселок Яны-Курган, куда митрополит Кирилл был отправлен по этапу.

В этой своей последней ссылке митрополит Кирилл все же имел возможность поддерживать преимущественно посредством переписки более активные связи со своими единомышленниками, чем в туруханской ссылке, тем более что недалеко от него в ссылке находились митрополит Иосиф, архиепископы Прокопий и Серафим, епископ Евгений. Последним письменным свидетельством его отношения к представлявшейся в эти годы уже не только митрополиту Кириллу и его единомышленникам, но и некоторым сторонникам митрополита Сергия столь же безнравственной, сколь и бесплодной политике митрополита Сергия стало незаконченное письмо иеромонаху Леониду, написанное 8 марта 1937 года:

Ожидания, что м[итрополит] Сергей исправит свои ошибки, не оправдались, но для прежде несознательных верующих членов Церкви было довольно времени, побуждений и возможности разобратся в происходящем, и оч[ень] многие разобрались и поняли, что м[итрополит] С[ерг]ий отходит от той Православной Церкви, какую завещал нам хранить Св. Патриарх Тихон, и, следовательно, для православных нет с ним части и жребия. Происшествия же последнего времени окончательно выявили обновленческую природу сергианства. Спасутся ли пребывающие в сергианстве верующие, мы не можем знать, потому что дело спасения вечного есть дело милости и благодати Божией, но для

видящих и чувствующих неправду сергианства (каковы Ваши вопросы) было бы непростительным лукавством закрывать глаза на эту неправду и там искать духовного руководства, удовлетворения духовных своих нужд, потребностей с совестью, сомнящаяся в возможности такого удовлетворения. Все, что не от веры, — грех. Ложь нельзя исправлять ложью и никоим образом, стало быть, нельзя предпочитать григорьевство сергианству. С митрополитом Иосифом я нахожусь в братском общении, благодарно оценивая то, что с его именно благословения был высказан от Петроградской епархии первый протест против затеи м[итрополита] Сергия и дано было всем предостережение в грядущей опасности¹.

Митрополиту Кириллу было известно, что после самозваного объявления 27 декабря 1936 года митрополитом Сергием себя самого Местоблюстителем Патриаршего Престола среди еще оставшихся на свободе сторонников церковной оппозиции активизировалось движение в поддержку признания Патриаршего Местоблюстителя митрополита Кирилла предстоятелем Русской Православной Церкви. Однако сам митрополит Кирилл не считал возможным изменить свою позицию и в условиях уже почти совершившегося в 1937 году едва ли не полного уничтожения церковной жизни в СССР связывал возможность сохранения островков церковной жизни со следованием патриаршему указу 7 (20) ноября 1920 года. При этом, вероятно, митрополиту Кириллу не дано было узнать, что 12 апреля 1937 года Архиерейский Синод Русской Православной Церкви Заграницей признал именно его Патриаршим Местоблюстителем.

Тройка УНКВД по Южно-Казахстанской области в Чимкенте 19 ноября 1937 года вынесла обвинительное заключение и приговор митрополиту Кириллу:

«СМИРНОВ Константин (Кирилл) Иларионович, рождения 1863 г., адмссылный, бывший митрополит, неоднократно судимый за к.-р. деятельность, находящийся в ссылке 19 лет. Обвиняется в том, что являлся руководителем Всесоюзной к.-р. повстанческой организации церковников, в задачу которой было поставлено свержение советской власти, установление монархического строя, восстание патриаршества с главенствующей ролью над государственной властью в управлении страной. Явля-

¹ *Журавский А. В.* Указ. соч. С. 597–598.

ясь первым и единственным заместителем быв. патриарха ТИХОНА, к.-р. организацией был намечен в будущие патриархи Русской Церкви. Для достижения поставленной цели СМИРНОВЫМ был достигнут блок с главарями так называемых религиозных течений Иосифом ПЕТРОВЫХ и Ф. ПОЗДЕЕВСКИМ на общей платформе прекращения разногласий и вражды между духовенством, развертывания активной к.-р. деятельности и борьбы с советской властью.

На это обвинение последовало постановление Тройки: «СМИРНОВА Константина (Кирилла) Иларионовича РАССТРЕЛЯТЬ. Личное имущество конфисковать»¹.

На другой день, 20 ноября 1937 года, священномученик Патриарший Местоблюститель митрополит Кирилл был расстрелян вместе с Заместителем Патриаршего Местоблюстителя митрополитом Иосифом (Петровых), вошедшим в церковную историю не только как основатель, но и как один из самых непримиримых вождей церковной оппозиции митрополиту Сергию, и епископом Евгением (Кобрановым), тщетно пытавшимся сочетать в своей жизни пути сторонника митрополита Кирилла и митрополита Сергия.

¹ Журавский А. В. Указ. соч. С. 369–370.

Русская Православная Церковь
в 1927–1932 годах. Заместитель
Патриаршего Местоблюстителя
митрополит Сергей (Страгородский)
и его борьба с церковной оппозицией.
Священномученик Патриарший
Местоблюститель митрополит
Петр (Полянский)

Происшедший 10 декабря 1925 года арест Патриаршего Местоблюстителя митрополита Петра лишил будущего священномученика до конца его жизни личной свободы, но не избавил его от тяжелейшего бремени оставаться Местоблюстителем Патриаршего Престола в условиях кровавых гонений, переживавшихся Русской Православной Церковью. Уже в первый год пребывания митрополита Петра под арестом во Внутренней тюрьме ОГПУ и Суздальском политизоляторе как со стороны органов ГПУ, так и, к сожалению, со стороны его Заместителя митрополита Сергея начали предприниматься попытки использовать его положение физически отстраненного от высшего церковного управления Патриаршего Местоблюстителя. Это проявилось как в истории попытки Временного Высшего Церковного Совета архиепископа Григория (Яцковского) узурпировать власть в Русской Православной Церкви, так и в истории противостояния митрополита Сергея попыткам законного Патриаршего Местоблюстителя Агафангела (Преображенского) вступить в свои права по управлению Русской Православной Церковью.

Митрополита Петра приговорили к трехлетней ссылке 5 ноября 1926 года и в декабре того же года отправили по этапу в пересыльную тюрьму Тобольска. Но еще по дороге во время остановки в Пермской пересыльной тюрьме 1 января 1927 года митрополит Петр написал письмо, в котором лаконично, в высшей степени

корректно по отношению к митрополиту Сергию и достаточно критично по отношению к самому себе, описал историю церковно-политических событий, имевших место в первый год его заточения.

Мое высокоответственное положение в Церкви Божией и то доверие, каким я облечен со стороны моей собратии — Архипастырей и пастырей и всех верных чад Св. Церкви, обязывают меня дать разъяснение некоторых явлений церковной жизни, связанных с моим именем.

1. С 10 декабря [н. ст.] 1925 г. я оказался в исключительных условиях существования... По своевременно сделанному распоряжению в управление Церковью должен был вступить Высокопреосвященнейший Сергей, митрополит Нижегородский. Лишенный возможности непосредственно наблюдать церковную жизнь, я питался всевозможными искусственными вестями, исключительно горькими и тяжкими. С глубоким прискорбием слышал я о будто бы последовавшей вслед за моим арестом большой церковной разрухе. А известие, что мой Заместитель митрополит Сергей тоже находится в исключительном положении, не может нести возложенное на него послушание и даже готов уйти на покой, меня, больного и совершенно разбитого (4 февраля [н. ст.] я был положен в больницу в тяжелом заболевании, среди других недугов и острым нервным расстройством), окончательно повергло в невыразимую скорбь. Мною неотступно овладела мысль, что я должен найти выход; и 1 февраля [н. ст.] 1926 г. я решился на известную меру — образовать особую Коллегию для управления Церковью. <...> Но и тогда, когда я писал резолюцию 1 февраля [н. ст.], Господь, видимо, не покинул меня: я и ту резолюцию написал в условной форме: ЕСЛИ ВЕРНО, что митрополит Сергей лишен возможности управлять... Радуюсь, что эта резолюция — плод глубокого раздумья, — не вошла в жизнь и благодарю Господа Бога, предоставившего мне возможность письменно упразднить Коллегию и подтвердить справедливость принятых митрополитом Сергием мер — запрещения в священнослужении архиепископа Григория и единомышленных ему архиереев-самочинников с отстранением от занимаемых кафедр.

2. Под влиянием письма митрополита Сергия с сообщением о решимости возвратившегося из ссылки Высокопреосвященнейшего митрополита Агафангела — первого Патриаршего Заместителя еще в 1922 г. — взять в свои руки управление Церковью, я в письме от 22 мая [н. ст.], приветствуя эту решимость, просил его для

блага Церкви и для устранения раздоров в Ней, принять на себя исполнение обязанностей Патриаршего Местоблюстителя. Вопрос же об окончательной передаче этих обязанностей я предполагал выяснить по возвращении Высокопреосвященнейшего митрополита Кирилла [Смирнова], которому в марте-апреле истек срок ссылки. Но митрополит Кирилл не возвратился, и тогда в письме от 9 июня [н. ст.] на имя митрополита Агафангела я подтвердил передачу ему местоблюстительских прав и обязанностей, причем передача эта была обусловлена. В случае отказа митрополита Агафангела, писал я, от восприятия власти или невозможности ее осуществления, — права и обязанности Патриаршего Местоблюстителя возвращаются снова ко мне, а замещение — митрополиту Сергию. Тем же письмом была упразднена и образованная 1 февраля [н. ст.] Коллегия, полностью аннулирована первофевральская резолюция и были подтверждены наложенные на архиереев запрещения. На мое письмо митрополит Агафангел 12 июня [н. ст.] ответил (собственноручный подлинник хранится у меня), что по преклонности лет и крайне расстроенному здоровью он отказывается принять на себя обязанности Местоблюстителя Патриаршего Престола. Этим отказом — не моими усилиями (не стремлюсь удержать за собою власть и для блага Церкви всегда готов ее передать), а волею Божиею — свободным решением митрополита Агафангела вопрос о его местоблюстительстве отпадает сам собою¹.

Изложенная по понятным причинам в общих чертах, но в целом объективно история недопущения к высшей церковной власти ВВЦС и запрещения в священнослужении его членов во главе с архиепископом Григорием резюмируется констатацией безусловной поддержки действий митрополита Сергия в преодолении этой инспирированной Е. А. Тучковым церковно-политической интриги. В то же время, описывая эпизод, связанный с попыткой митрополита Агафангела реализовать свои права Патриаршего Местоблюстителя, митрополит Петр воспроизводит представленную ему или навязанную ему версию митрополита Сергия. При этом митрополиту Петру осталось неизвестным, что в обоих случаях, которые он рассматривал в своем письме, митрополит Сергей на самом деле манипулировал его положением Патриаршего Местоблюстителя, находящегося в тюрьме и пытающегося осуществлять управление церковными делами через своего Заместителя.

¹ Акты святейшего Тихона, Патриарха Московского и всея России... С. 492—493.

Так, не желая допустить вступления в права Патриаршего Местоблюстителя вернувшегося из ссылки митрополита Агафангела, митрополит Сергей в своем письме к нему от 30 апреля 1926 года привел такое объяснение: «Митрополит Петр [Полянский] письмом от 9 (22) апреля (мне разрешили с ним в Москве обменяться письмами по поводу Вашего послания) совершенно определенно заявил мне, что он считает обязательным для себя оставаться Местоблюстителем, хотя бы был и не на свободе, а “назначенный им Заместитель несет свои обязанности до окончания дела” митрополита Петра»¹. Однако после того, как в своем письме митрополиту Агафангелу от 22 мая 1926 года митрополит Петр написал, что он приветствует вступление митрополита Агафангела в права Патриаршего Местоблюстителя, и просил сообщить об этом митрополиту Сергию, последний в ответ на это сообщение послал митрополиту Агафангелу письмо от 13 июня 1926 года, в котором по существу дезавуировал какое-либо значение митрополита Петра в осуществлении высшего церковного управления.

Митрополит Петр, передавший мне хотя и временно, но полностью права и обязанности Местоблюстителя и сам лишенный возможности быть надлежаще осведомленным о состоянии церковных дел, не может уже ни нести ответственности за течение последних, ни тем более вмешиваться в управление ими, — писал митрополит Сергей. — С другой стороны, я (или кто будет после меня), восприв на себя вместе с должностью Местоблюстителя и всю ответственность за правильное течение церковных дел, не могу относиться к распоряжениям митрополита Петра, исходящим из тюрьмы, иначе чем только как распоряжениям или, скорее, советам лица безответственного, т. е. могу принимать их к исполнению лишь под своею ответственностью постольку, поскольку нахожу их полезными для Церкви. Такое понимание смысла и последствий временной передачи Местоблюстителем своей должности, несомненное по существу, является для нас и практически необходимым, потому что только при нем мы можем считать обеспеченной каноническую устойчивость нашего церковноправительственного строя... <...> Вот почему наш Собор определил, чтобы Патриарх заранее, еще будучи на свободе, назначил себе временного преемника, которому бы и передал все свои права и обязанности. Следуя этому определению, мы утверждаем: пусть митрополит Петр остается

¹ Акты святейшего Тихона, Патриарха Московского и всея России... С. 457.

законным Местоблюстителем и пусть его имя возносится за Богослужением; но исполнение его распоряжений, исходящих из тюрьмы, мы отложим до того времени, когда он сам возвратится к власти и, вполне отвечая за свои действия, решит, исполнять ли эти распоряжения или нет¹.

По существу, митрополит Сергей уже летом 1926 года считал возможным игнорировать какие-либо распоряжения или мнения арестованного Патриаршего Местоблюстителя митрополита Петра, настаивая на признании его всеми епископами формальным главой русской церковной иерархии, от имени которого будет выступать и правами которого будет обладать только Заместитель Патриаршего Местоблюстителя митрополит Сергей.

В феврале 1927 года митрополит Петр оказался на месте своей ссылки на развалинах Абалакского монастыря, где он стал жить в глухой сибирской деревне в тяжелейших климатических и бытовых условиях, но через несколько месяцев был вновь арестован и доставлен в Тобольскую тюрьму, где еще через несколько месяцев узнал, что ВЦИК, вновь рассмотрев его дело, изменил ему место ссылки, отправив его в отдаленный поселок Хэ в двух верстах от Обдорска за Полярным кругом. Здоровье митрополита Петра было подорвано, но надежда, что срок его ссылки закончится в конце 1928 года, давала ему силы жить.

Пребывание митрополита Петра в столь отдаленной ссылке не только лишало его возможности получать какую-либо информацию о событиях, происходящих в церковной жизни, но и давало возможность как органам ГПУ, так и сторонникам митрополита Сергия распространять дезинформацию о безоговорочной поддержке Патриаршим Местоблюстителем всех действий своего Заместителя. Так случилось, например, с докладом епископа Василия (Беляева), пребывавшего в ссылке и находившегося с 1 августа по 23 сентября 1927 года в поселке Хэ и, формально оставаясь ссылкой, представившего 11 ноября в Москве митрополиту Сергию доклад, после которого в декабре он был досрочно освобожден.

29 октября настоящего года [н. ст.] я возвратился из ссылки, которая до окончания ее, т. е. до 9 января 1929 г. [н. ст.] заменена минусом б. С 1 августа по 23 сентября [н. ст.] я прожил в поселке Хэ, Обдорского района, Тобольского округа, вместе с митрополитом ПЕТРОМ, Местоблюстителем и, по его поручению, дол-

¹ Акты святейшего Тихона, Патриарха Московского и всея России... С. 478.

жен Вам сообщить нижеследующее: Владыка получил возможность (из газеты «Известия») прочитать Декларацию нынешнего православного Синода и вынес от нее вполне удовлетворительное впечатление, добавив, что она является необходимым явлением настоящего момента, совершенно не касаясь ее некоторых абзацев. Владыка митрополит просил передать его сердечный привет митрополиту Сергию и всем знающим его¹.

Сам митрополит Петр написал в декабре 1929 года: «Между прочим, мне пишут, что епископ Василий о делах от моего имени представил Вам доклад. Должен заметить, что ни ему, ни другому моему сожителю я не давал никаких поручений, касающихся церковных дел»².

Примечательным оказывался тот факт, что в документах об организации Временного Патриаршего Священного Синода и в последующей документации, выходявшей из недр этого учреждения, отсутствовали не только какие-либо ссылки на благословение митрополитом Петром деятельности этого органа, но упоминания о самом существовании Патриаршего Местоблюстителя. Особенно красноречивым свидетельством полного игнорирования митрополитом Сергием назначившего его своим Заместителем Патриаршего Местоблюстителя явилась декларация 29 июля 1927 года.

Одною из забот почившего Святейшего Отца нашего Патриарха Тихона пред его кончиной было поставить нашу Православную Русскую Церковь в правильные отношения к Советскому Правительству и тем дать Церкви возможность вполне законного и мирного существования. Умирая, Святейший говорил: «Нужно бы пожить еще годика три». И, конечно, если бы неожиданная кончина не прекратила его святительских трудов, он довел бы дело до конца. <...> Ныне жребий быть временным Заместителем Первосвятителя нашей Церкви опять пал на меня, недостойного митрополита Сергия, а вместе со жребием пал на меня и долг продолжать дело Почившего и всемерно стремиться к мирному устройению наших церковных дел. Усилия мои в этом направлении, разделяемые со мною и православными архипастырями, как будто не остаются бесплодными: с учреждением при мне Временного Патриаршего Священного Синода укрепляется надежда на приведение всего нашего церковного управления в

¹ Акты святейшего Тихона, Патриарха Московского и всея России... С. 529–530.

² Там же. С. 682.

должный строй и порядок, возрастает и уверенность в возможность мирной жизни и деятельности нашей в пределах закона¹.

Таким образом, Патриарший Местоблюститель исчезал не только из современной церковной действительности, но и из недавнего прошлого, когда именно он, а отнюдь не митрополит Сергей продолжал после смерти Патриарха Тихона его предстоятельское в Русской Православной Церкви служение. Только за богослужением Патриаршего Местоблюстителя митрополита Петра продолжали поминать в качестве Предстоятеля Русской Церкви. Впрочем, изданный митрополитом Сергием 21 октября 1927 года указ № 549, в частности, запрещал велигласное поминовение находившихся в заключении епархиальных епископов и предписывал в обязательном порядке между поминовением Патриаршего Местоблюстителя митрополита Петра и поминовением правящего архиерея поминать Заместителя Патриаршего Местоблюстителя митрополита Сергия.

Свидетельством того, насколько устраивала органы ГПУ церковная политика митрополита Сергия в 1927–1928 годах, вероятно, можно считать и тот факт, что тяжело больному митрополиту Петру, с нетерпением ожидавшему в поселке Хэ за Полярным кругом окончания ссылки, 11 мая 1928 года ОСО ОГПУ без каких бы то ни было мотивировок или обоснований продлило срок ссылки еще на два года. Понимая, что здоровье его становится все хуже, митрополит Петр летом 1928 года обратился с письмами в ОГПУ и ВЦИК: «Оставление меня в селе Хэ Обдорского района, далеко за Полярным кругом среди суровой обстановки слишком пагубно отражается на моем здоровье, которое после моего годичного проживания здесь пришло в окончательный упадок... Дальнейшее оставление меня в настоящем трудно переносимом климате при моих сильно развившихся болезнях (эмфизема, миокардит, хронический ларингит и др.) и при отсутствии средств для ослабления их равносильно обречению на смерть»². Никакого ответа на свою просьбу об изменении места ссылки митрополит Петр не получил и остался в тех же суровых условиях.

Однако в еще большей степени, чем состояние здоровья, митрополита Петра волновали доходящие до него за предшествующие три года сведения о деятельности вызывавшего ранее у него глубокое доверие и искреннее уважение митрополита Сергия, ответственность за назначение которого он хорошо сознавал все эти годы.

¹ Акты святейшего Тихона, Патриарха Московского и всея России... С. 509–510.

² Дамаскин (Орловский), иером. Указ.соч. С. 358.

Именно такими переживаниями и размышлениями было обусловлено его письмо митрополиту Сергию в декабре 1929 года:

Ваше Высокопреосвященство, простите великодушно, если настоящим письмом я нарушу душевный покой Вашего Высокопреосвященства. Мне сообщают о тяжелых обстоятельствах, складывающихся для Церкви в связи с переходом границ доверенной Вам церковной власти. Очень скорблю, что Вы не потрудились посвятить меня в свои планы по управлению Церковью. А между тем Вам известно, что от местоблюстительства я не отказывался и, следовательно, Высшее Церковное Управление и общее руководство церковной жизнью сохранил за собою. В то же время смею заявить, что [с должностью] (нрзб.) заместителя Вам предоставлены полномочия только для распоряжения текущими делами, быть только охранителем текущего порядка. Я глубоко был уверен, что без предварительного сношения со мною Вы не предпринимаете ни одного ответственного решения, каких-либо учредительных прав я Вам не предоставлял, пока со мною местоблюстительство и пока здравствует митрополит Кирилл и в то же время был жив митрополит Агафангел. Поэтому же я и не считал нужным в своем распоряжении о назначении кандидатов в заместители упомянуть об ограничении их обязанностей, для меня не было сомнений, что заместитель прав установленных не заменит, а лишь заместит, явит собой, так сказать, тот центральный орган, через который местоблюститель мог бы иметь общение с паствой. Проводимая же Вами система управления не только исключает это, но и самую потребность в существовании местоблюстителя, таких больших шагов церковное сознание, конечно, одобрить не может. Не допустил я оговорок, ограничивающих обязанности заместителя, и по чувству глубокого уважения и доверия к назначенным кандидатам, и прежде всего к Вам, имея в виду при этом и Вашу мудрость. Мне тяжело перечислять все подробности отрицательного отношения к Вашему управлению: о чем раздаются протесты и вопли со стороны верующих, от иерархов и мирян. Картина церковных разделений изображается потрясающей. Долг и совесть не позволяют мне оставаться безучастным к такому прискорбному явлению, побуждая обратиться к Вашему Высокопреосвященству с убедительнейшей просьбой исправить допущенную ошибку, поставившую Церковь в унижительное положение, вызвавшее в ней раздоры и разделения и омрачившее репутацию ее предстоятелей. Равным образом прошу устранить и прочие мероприятия,

превысившие Ваши полномочия. Такая Ваша решимость, надеюсь, создаст доброе настроение в Церкви и успокоит измученные души чад ее, а по отношению к Вам для общего нашего утешения сохранит то расположение, каким Вы заслуженно пользовались и как церковный деятель, и как человек. Возложите все упование на Господа, и Его помощь всегда будет с Вами. <...> О себе лично скажу, что я прошел все виды страданий, которые можно себе представить, казалось, что у меня одно время года — время скорби, но Господь, видимо не оставляет меня. Он поддерживает мои силы, ослабляемые тяжелыми условиями изгнания, и вносит в душу упокоение, которое, если и отравляется, то только болью о Церкви. Милость Божия да будет с Вами, Вашего Высокопреосвященства Послушник Митрополит Петр¹.

Это письмо митрополита Петра, достаточно сдержанное по форме, в своей критической части воспроизводит аргументацию митрополита Кирилла и выразительно показывает, насколько различно воспринимали митрополиты Петр и Сергей статус Заместителя Патриаршего Местоблюстителя и осуществлявшуюся митрополитом Сергием церковную деятельность. Разница в подходах двух Патриарших Местоблюстителей, наблюдавших за церковной деятельностью митрополита Сергия в Москве из своих ссылок, заключалась лишь в том, что митрополит Петр еще питал надежды на способность митрополита Сергия изменить свою политику, а митрополит Кирилл уже не испытывал подобных иллюзий.

Письмо митрополита Петра осталось без ответа, и 26 февраля 1930 года он написал митрополиту Сергию второе письмо:

Высокопреосвященнейший Владыко! Представился случай написать Вам в дополнение к письму, отправленному заказным по Вашему московскому адресу. <...> Признаюсь, что из всех огорчительных известий, какие мне приходилось получать, самыми огорчительными были сообщения о том, что множество верующих остаются за стенами храмов, в которых возносится Ваше имя. Исполнен я душевной боли и о возникших раздорах вокруг Вашего управления и других печальных явлениях. Может быть, эти сообщения пристрастны, может, я достаточно не знаком с характером и стремлением лиц, пишущих мне. Но известия о духовном смятении идут из разных мест и главным образом от клириков и мирян, оказывающих на меня сильное давление.

¹ Акты святейшего Тихона, Патриарха Московского и всея России... С. 681—682.

На мой взгляд, ввиду чрезвычайных условий жизни Церкви, когда нормальные правила управления подвергаются всяким колебаниям, необходимо поставить церковную жизнь на тот путь, на котором она стояла в первое Ваше заместительство. Вот и благоволите вернуться к той, всеми уважаемой Вашей деятельности. Я, конечно, далек от мысли, что Вы решитесь вообще отказаться от исполнения возложенного на Вас послушания — это послужило бы не для блага Церкви. Повторяю, что очень скорблю, что Вы не писали мне и не посвятили в свои намерения. Раз поступают письма от других, то, несомненно, дошло бы и Ваше. Пишу Вам откровенно, как самому близкому мне Архипастырю, которому многим обязан в прошлом и от святительской руки которого принял постриг и благодать священства.

Мое здоровье сильно ослабело борьбой с суровыми климатическими условиями. Неоднократно ходатайствовал о переселении в другой пункт, более или менее обеспеченный сносным климатом и наличием медицинской помощи, которая здесь слишком слаба, — успеха нет. Все домашние тяготы несу сам: около меня нет постоянного человека. На старости лет приходится подвижничать по-пустынному. Господь устроил, таким образом, дело внутреннего упорядочения. Прошу Вас помолиться Господу Богу, чтобы подкрепил мои силы и помог мне жить в безропотном послушании Его Святой Воле. Вашего Высокопреосвященства покорный слуга митрополит Петр¹.

Несмотря на более мягкий тон второго письма, митрополит Петр тщетно ожидал ответа на него более полугода, и после этого он решил вновь отправить митрополиту Сергию письмо, которое представляло собой копию письма декабря 1929 года и сопроводительную записку следующего содержания:

Долго не получаю сведений. Достигли ли Ваших рук моих два заказных письма, отправленных по адресу: Сокольники, улица Короленко, д. 3/5? Что было по ним предпринято, собственно, по первому письму, так как второе написано с тем, чтобы остановить Ваше внимание на этом письме. Копию последнего на всякий случай посылаю с оказией и прошу поглубже укрепить убеждение, что мое решение — предложить Вам исправить ошибку и устранить все мероприятия. Ваши полномочия есть

¹ Акты святейшего Тихона, Патриарха Московского и всея России... С. 681–682.

Богом благословленные и имеют обязательную силу. Патриарший Местоблюститель митрополит Петр¹.

При этом содержание своих писем митрополиту Сергию Патриарший Местоблюститель, продолжая находиться в отдаленной ссылке, в меру своих возможностей попытался придать огласке.

Вопрос о том, достигли ли эти письма митрополита Сергия, до сих пор остается открытым, но о существовании этих писем митрополита Петра и их содержании знали как противники, так и сторонники митрополита Сергия, что, впрочем, также не побудило Заместителя Патриаршего Местоблюстителя исполнить требования митрополита Петра. В то же время органы ГПУ, хорошо знакомые с содержанием этих писем, решили усилить давление на митрополита Петра с тем, чтобы либо склонить его к той или иной форме сотрудничества с ними, либо продлить срок его заключения, сопроводив его более жесткими формами изоляции. В сводке СО ОГПУ «об антисоветской деятельности политических партий и церковников за время с 20 августа по 1 сентября 1930 г.» подчеркивались следующие обстоятельства:

Вокруг административно высланного митрополита Петра Полянского, проживающего на Урале, образовалась группировка. Наиболее влиятельны в группировке черносотенцы: архиепископ Амвросий Полянский и профессор-церковник Попов. Последние (оба) отбывают ссылку после заключения в концлагере. Под их влиянием митрополит Петр решил потребовать от своего заместителя митрополита Сергия отчет о политической деятельности последнего, ставя ему в вину «соглашательскую» по отношению к советской власти политику. Подготавливалось увольнение Сергия, взамен которого намечался целый список кандидатов (в случае ареста кого-либо из них). Приняты меры по ликвидации группировки. Митрополит Петр переводится в изолятор².

В августе 1930 года, когда заканчивался очередной срок ссылки митрополита Петра, он был вновь арестован и переведен сначала в Тобольскую, а потом в свердловскую тюрьму, где в ноябре было начато новое следствие, завершившееся уже 14 января 1931 года. Главным требованием, выдвигавшимся во время следствия митрополиту Петру, было не столько признание его вины за вымышленные следователями контрреволюционные деяния, сколько согласие

¹ Дамаскин (Орловский), иером. Указ. соч. С. 511.

² «Совершенно секретно»: Лубянка — Сталину о положении в стране (1922–1934 гг.). М., 2008. Т. 8: 1930 г. Ч. 2. С. 1426.

сложить с себя полномочия Патриаршего Местоблюстителя. Именно об этом митрополит Петр написал в одном из своих писем председателю ОГПУ В. Р. Менжинскому в марте 1931 года:

Решаюсь просить у Вас милостивого отношения к моему настоящему положению. Мне была назначена пятилетняя ссылка, которую я отбывал на далеком севере среди жесточайших морозов, постоянных ветров-буранов, скупого примитива во всем и голи во всем. Я постоянно стоял на краю могилы. Но годы прошли, оставалось до конца ссылки 4 месяца, и снова началось для меня повторение задов — я снова подвергаюсь аресту и препровожаюсь а тюрьму при ПП ОГПУ по Уралу. Спустя некоторое время меня посетил здесь тов. И. В. Полянский и предложил отказаться от местоблюстительства. Но такого предложения я принять не мог по следующим основаниям, имеющим для меня решающее значение.

Прежде всего я нарушил бы установленный порядок, по которому местоблюститель остается на своем посту до созыва поместного собора. Собор, созданный без санкции местоблюстителя, будет считаться неканоническим и постановления его недействительными. В случае же моей смерти местоблюстительские полномочия перейдут к другому лицу, которое довершит то, что не сделано его предшественником. Далее, моя смена должна повлечь за собою и уход моего заместителя Митрополита Сергия, подобно тому как, по заявлению последнего, с оставлением им заместительства прекращает свое существование и учрежденный им Синод. К такому обстоятельству я не могу отнестись равнодушно. Наш одновременный уход не гарантирует церковную жизнь от возможных трений, и, конечно, вина ляжет на меня. Поэтому в данном случае необходимо наше совместное обсуждение, равно как и совместное разъяснение вопросов в связи с моим письмом Митрополиту Сергию, датированным декабрем 1929 г. Наконец, мое распоряжение, вышедшее из тюрьмы, несомненно, вызовет разговоры, догадки, будет истолковано как вынужденное, с разными нежелательными выводами¹.

Высказанный в корректной, но весьма определенной форме отказ митрополита Петра отказаться от местоблюстительства побудил органы ГПУ выдвинуть митрополиту Петру требование иного рода. В мае 1931 года в свердловскую тюрьму приехал Е. А. Тучков

¹ Акты святейшего Тихона, Патриарха Московского и всея России... С. 881.

и предложил освободить митрополита Петра и допустить его к исполнению обязанностей Патриаршего Местоблюстителя в обмен на его согласие стать осведомителем ОГПУ. Категорический отказ от этого возмущившего его до глубины души предложения вызвал у митрополита Петра insult, который привел к временному правостороннему параличу. В одном из своих тюремных писем митрополит Петр описал свои переживания по этому поводу следующим образом:

Мы по слабости нашей более или менее отступаем от того идеала, той истины, которая заповедана христианам. Но важно то, чтобы не быть озабоченным только этим земным и ради этого не убивать яростно истину и не сходить с ее пути. Тогда лучше вообще отречься от Бога... А между тем, если говорить по совести, то дело, которое послужило причиной такой репрессии нравственно недопустимо не только для предстоятеля Церкви, но и вообще для всякого христианина, в котором господствует идея греха и искупления. В этом деле пришлось бы столкнуться с двумя совершенно противоположными принципами: принципом христианским и принципом революционным. Основой первого принципа служит любовь к ближнему, всепрощение, братство, смирение; а основой второго принципа является: цель оправдывает средства — классовая борьба, разгром и т. п. Становясь на точку зрения этого второго принципа, становишься на революционный путь, напрашиваешься на борьбу и таким образом отрекаешься не только от истинного символа христианской веры и уничтожаешь ее основы — идеи любви и другие, но и принципы исповедания веры. Нет нужды говорить, как должна быть разрешена эта дилемма — любовь к ближнему и классовая борьба — серьезно верующим человеком, и, в частности, не наемником, а настоящим пастырем Церкви. Едва ли бы последний знал покой во всю свою жизнь, если бы подвергся искушению со стороны указанных противоречий¹.

Митрополит Петр вновь обратился с письмом к председателю ОГПУ В.Р. Менжинскому 25 мая 1931 года.

Решаюсь снова обратиться к Вам с ходатайством. Начался уже 10-й месяц моего ареста (с 17 августа 1930 г.), а в ходе моей жизни не произошло никаких перемен и лишь в ходе моих болезней последовало ухудшение. <...> За все время ареста я еще ни разу не

¹ *Дамаскин (Орловский) иером.* Указ. соч. С. 363–365.

видел солнца. Мне приходится положительно подвизаться, сидя в камере. Мои 20-минутные прогулки (точнее — сидение у тамбура, ведущего в каменный подвал) по условиям тюремной жизни обычно совершаются между 10 — 11 1/2 ночи, да и то с перерывами. Угнетает также изоляция, лишение права переписываться с родными и получать от знакомых пищу. Каждый день, проведенный в тюрьме, действует на меня убийственно, причем сознание своей полной невинности невольно вызывает тревожную мысль, что как будто бы я являюсь каким-то отверженным человеком, от которого необходимо во что бы то ни стало избавиться. Это, в свою очередь, окончательно подрывает весь организм. Расстроенное здоровье и преклонный возраст не позволили бы мне со всею серьезностью и чуткостью отнестись к роли осведомителя, взяться за которую предлагал тов. Е. А. Тучков. Нечего и говорить, что подобного рода занятия несовместимы с моим званием и к тому же несходны моей натуре¹.

Сколь бы ни ослабевало здоровье митрополита Петра, его позиция оставалась неизменной и твердой. Поэтому 23 июля 1931 года ОС ОГПУ приговорило митрополита Петра к пятилетнему заключению в концлагерь. Однако ему так и не суждено было оказаться в концлагере, на что он надеялся, пребывая в гораздо более суровых условиях свердловской тюрьмы. На основании служебной записки, которую 19 августа 1931 года начальник секретно-политического отдела ОГПУ Я. С. Агранов и начальник 3-го отделения «по церковникам всех конфессий и сектантам» Е. А. Тучков направили администрации екатеринбургской тюрьмы и в которой содержалась просьба «Полянского (Крутицкого) Петра Федоровича, осужденного к заключению в концлагерь... содержать под стражей во внутреннем изоляторе»², митрополит Петр был оставлен в тюрьме.

Следующие шесть лет митрополит Петр содержался в условиях строгой тюремной изоляции, которая в 1934 году в связи с переводом митрополита Петра в Верхнеуральскую тюрьму превратилась в практически полную изоляцию. Все это время он не мог не размышлять о событиях, происходивших в церковной жизни за тюремными стенами. Широкомасштабные гонения 1929–1932 годов, когда сначала подвергались репрессиям противники митрополита Сергия, а затем и его сторонники, сопровождалась невиданным ранее массовым закрытием храмов часто вне всякой

¹ Акты святейшего Тихона, Патриарха Московского и всея России... С. 882–883.

² *Дамаскин (Орловский), иером.* Указ. соч. С. 366.

зависимости от отношения их клира к Заместителю Патриаршего Местоблюстителя. При этом никакие новые уступки митрополита Сергия не могли повлиять на политику властей, и это очевидно свидетельствовало об ущербности пути, который как единственно возможный навязывал Церкви митрополит Сергий. Сам Заместитель Патриаршего Местоблюстителя наглядно демонстрировал свое нежелание прислушиваться к требованиям о переменах его политики, которые неоднократно были высказаны митрополитом Петром в письмах или так или иначе передавались ему. И все же убежденный в том, что, как он писал об этом в 1931 году, отставка от Местоблюстительства «должна повлечь за собою и уход... заместителя, Митрополита Сергия», митрополит Петр даже под жестким давлением органов ГПУ отказывался сложить с себя полномочия Патриаршего Местоблюстителя. Вероятно, в последующие годы митрополит Петр уже пришел к выводу, что его уход лишь утвердит митрополита Сергия в его убеждении безальтернативности для Русской Православной Церкви как его политики, так и его самого и окончательно закрепит в Церкви ту поправшую определения Поместного Собора 1917–1918 годов систему высшего церковного управления, которую при поддержке органов ГПУ навязал ей митрополит Сергий.

В сущности, местоблюстительство лично для меня не представляет интереса, наоборот, оно все время держит меня в оковах гнета... — писал в августе 1933 года в Коллегию ОГПУ митрополит Петр. — Но я должен считаться с тем обстоятельством, что решение данного вопроса не зависит от моей инициативы и не может быть актом моей единоличной воли. Своим званием я неразрывно связан с духовными интересами и волей Поместной Церкви. Таким образом, вопрос о распоряжении местоблюстительством, как не являющийся личным вопросом, не подлежит и личному усмотрению, в противном случае я оказался бы изменником Святой Церкви¹.

Тем самым Патриарший Местоблюститель не только подписывал себе смертный приговор, но обрекал себя на череду новых, теперь уже явно предсмертных страданий.

В высшей степени символичным оказались два эпизода в жизненных судьбах митрополитов Петра и Сергия в середине 1930-х годов. Практически в то самое время, когда митрополит Петр был переведен в одно из самых закрытых и самых жестоких по своему

¹ Мазырин А., свящ. Указ. соч. С. 392.

режиму мест заключения в СССР — в верхнеуральскую тюрьму, где только начальник тюрьмы и его заместитель знали, что в камере под номером 23 заключенным под номером 114 содержится Патриарший Местоблюститель митрополит Петр, митрополит Сергей был провозглашен созданным им Синодом митрополитом Московским и Коломенским и увенчан титулом «Блаженнейший», каноническое право на ношение которого имеют лишь Предстоятели Поместных Церквей. А еще через два года, 9 июля 1936 года, митрополиту Петру будет объявлен приговор Особого совещания уже не при ОГПУ, а при НКВД, продлевающий его тюремное заключение еще на три года. В следственных материалах сказано, что, услышав о продлении своего срока, митрополит Петр с горькой иронией сказал: «Теперь я, наверно, вообще не умру».

В декабре 1936 года митрополиту Сергию было официально сообщено о кончине митрополита Петра 29 сентября 1936 года. Отслужив панихиду по новопреставленному Патриаршему Местоблюстителю митрополиту Крутицкому Петру, митрополит Сергей подписал «Акт о переходе прав и обязанностей Местоблюстителя Патриаршего Престола к Заместителю Патриаршего Местоблюстителя Блаженнейшему митрополиту Московскому и Коломенскому Сергию». Однако митрополит Петр был еще жив и продолжал страдать в верхнеуральской тюрьме.

В ставший для православного духовенства в СССР подлинной Русской Голгофой 1937 год обрекал митрополита Петра вместе с десятками тысяч русских православных священнослужителей на смерть. В верхнеуральской тюрьме стали ускоренно фабриковать дела с расстрельными приговорами, одним из которых должно было стать и дело митрополита Петра. Смертный приговор по этому делу был вынесен 2 октября 1937 года Тройкой УНКВД по Челябинской области. Основанием для приговора стала справка, написанная двумя лейтенантами госбезопасности:

По делу № 15313 на ПОЛЯНСКОГО Петра Федоровича ПОЛЯНСКИЙ Петр Федорович, он же митрополит КРУТИЦКИЙ, приняв местоблюстительство патриаршего престола после смерти патриарха Тихона, активно продолжал к[онтр]р[еволюционную] деятельность, начатую Тихоном, возглавляя и обостряя к[онтр]р[еволюционную] активность церковников и их деятельность, направленную на свержение Советской Власти. Будучи за к[онтр]р[еволюционную] деятельность выслан в ссылку в г. Тобольск, а затем в Хэ, свою к[онтр]р[еволюцион-

ную] деятельность и связь с церковниками не прекратил и из ссылки давал директивные указания и направление к[онтр]р[еволюционной] деятельности.

За упорную борьбу с Советской Властью и к[онтр]р[еволюционную] деятельность Коллегией ОГПУ 23/VI—1931 года осужден на пять лет тюремного заключения и Особым Совещанием при НКВД 9/VI—1936 года этот срок тюремного заключения продлен на 3 года.

Отбывая заключение в В[ерхне]-Уральской тюрьме, проявляет себя непримиримым врагом Советского Государства. Клеветает на существующий государственный строй, якобы действующий вопреки конституции, обвиняя в «гонении на церковь и ее деятелей». Клеветнически обвиняет органы НКВД в пристрастном к нему отношении, в результате чего якобы явилось его заключение в тюрьме, т. к. он не принял к исполнению требований НКВД отказаться от сана местоблюстителя патриаршего престола. Пытался связаться с внешним миром из заключения, используя для этого медицинский персонал тюрьмы, в результате чего уже получил от духовенства г. Верхнеуральска просфору, как знак приветия.

Чрезвычайно озлоблен продлением тюремного заключения, заявляя в ответ на объявление о продлении срока: «а все-таки я теперь не умру». Борьбу с Советской Властью считает бесконечной.

*Вр[еменно] и[сполняющий] д[олжность] нач[альника]
В[ерхне]-Уральской Тюрем — мл[адший] лейтенант
госбезопасности Артемьев*

*Пом[ощник] нач[альника] по операт[ивной] части — лейтенант
госбезопасности Яковлев*

*Архив УФСБ РФ по Челябинской обл. Д. П—16935. Л. 3. Подлинник.
Машинопись¹*

Вероятно, на территории верхнеуральской тюрьмы 10 октября 1937 года в 16 часов, священномученик Патриарший Местоблюститель митрополит Петр был расстрелян.

¹ Кифа — Патриарший Местоблюститель священномученик Петр митрополит Крутицкий (1862—1937). М., 2012. С. 835—836.

Русская Православная Церковь в 1930-х годах. Заместитель Патриаршего Местоблюстителя митрополит Сергей во главе Московской Патриархии

В 1929 году на фоне проводившейся коллективизации начался новый, третий этап усиления гонений на Русскую Православную Церковь, несравнимый с предыдущими по масштабу обрушившихся на духовенство преследований и по массовости закрытия храмов в стране. До этого времени основные репрессии обрушивались преимущественно на городское духовенство, и наибольшее количество храмов в 1920-е годы закрывались в городах. Теперь же политика коллективизации предполагала уничтожение всего того, что могло хотя бы потенциально противодействовать действиям советского государства в деревне, в том числе массовые репрессии не только в отношении крестьянства, но и в отношении сельского духовенства. Деревня должна была кардинально измениться, а церковная жизнь в деревне должна была исчезнуть. Показательны цифры, которые характеризуют резко усилившиеся гонения. В 1927 году на территории Советского Союза действовало 28 500 приходских храмов, то есть несколько более половины от числа храмов в 1917 году. При этом в последний, 1928-й, год НЭПа было закрыто 354 храма, но уже в 1929 году только на территории РСФСР закрыли 1119 храмов.

Именно в это время, 8 апреля 1929 года, президиум ВЦИК на основании Декрета СНК РСФСР «Об отделении церкви от государства и школы от церкви» принял постановление «О религиозных объединениях». С небольшими изменениями от 23 июня 1975 года это постановление просуществовало как основной закон религиозного законодательства СССР вплоть до 1990 года. И это несмотря на то, что реальная религиозная политика коммунистического режима переживала в последующие десятилетия значи-

тельные изменения, когда периоды кровавых репрессий сменялись в ней периодами допущения ограниченного существования подконтрольной прежде всего спецслужбам государства церковной иерархии, что, конечно, свидетельствовало о том, что отнюдь не закон, а политическая целесообразность продолжала определять любой аспект политики в СССР.

Это постановление, безусловно ограничившее церковную жизнь, все же не исключало возможности существования Церкви в Советском Союзе. Но гонения, обрушившиеся на Церковь именно в это время, свидетельствовали о том, что церковная жизнь в России, по мнению советских властей, через несколько лет должна была исчезнуть. С этим было связано и создание Постоянной центральной комиссии по вопросам культов при Президиуме ВЦИК, которая взяла на себя функции Антирелигиозной комиссии ЦК ВКП(б), все 1920-е годы разрабатывавшей стратегию борьбы с Церковью. Официально подчеркивалось, что новая комиссия, которой руководил П. Г. Смидович, должна была осуществлять лишь административный надзор за религиозными общинами.

Желая на законодательном уровне закрепить изменения в положении Церкви в советском государстве, XIV Всероссийский съезд Советов в мае 1929 года изменил статью 4 Конституции РСФСР. Вместо свободы религиозной и антирелигиозной пропаганды в Конституции теперь упоминалась свобода вероисповеданий и антирелигиозной пропаганды. На самом деле эти конституционные и административные изменения, безусловно, свидетельствовали об ужесточении политики государства в отношении Церкви, но даже в малой степени они не отражали масштаба репрессий, обрушившихся на Церковь в период с 1929 по 1932 год по всей стране. В это время было репрессировано около сорока тысяч представителей духовенства, хотя смертные приговоры были вынесены не более пяти тысячам священнослужителей. Впрочем, многие из тех, кто был арестован в эти годы, были расстреляны во второй половине 1930-х годов, так и не выйдя на свободу из заключения. Репрессированными и даже расстрелянными оказывались представители православного духовенства, примыкавшие к различным церковно-юрисдикционным течениям, в том числе и сторонники митрополита Сергея как из епископата, как, например, епископ Серафим (Мещеряков), так и из числа приходского духовенства, как, например, будущий священномученик известный ленинградский священник Михаил Чельцов. И все это происходило на фоне широко-масштабных репрессий не только духовенства, но и мирян, ибо

традиционно значительная часть крестьянства по-прежнему, пусть и пассивно, продолжала исповедовать православную веру. В эти годы миллионы крестьян подвергались репрессиям прежде всего как последний в СССР эксплуататорский класс в лице кулаков и подкулачников. Провозглашенная митрополитом Сергием политика безусловной лояльности богоборческому государству не только способствовала репрессиям по отношению к его оппонентам из числа духовенства, но и не спасала от преследований его сторонников. Став на путь политики постоянных уступок коммунистическому режиму, митрополит Сергей был обречен перейти на путь отступничества от Церкви.

Именно в это страшное время вышли потрясшие не только страждущий православный мир русского зарубежья, но и гибнущий православный мир Советской России интервью митрополита Сергия советским журналистом 5 февраля 1930 года и иностранным 18 февраля 1930 года. Уже сами обстоятельства возникновения этих интервью открывали новую страницу в истории служения Предстоятелей Русской Православной Церкви. Действительно, в результате тяжелейших испытаний Гражданской войны в условиях кровавых гонений 1922–1923 годов брошенный большинством своей паствы и многими представителями духовенства в одиночестве противостоять богоборческому левиафану коммунистического государства Патриарх Тихон был вынужден выпускать некоторые свои важнейшие послания, согласовывая их содержание с ГПУ, и эта практика составления посланий Патриарха Тихона 1923–1925 годов в еще большей степени повлияла на текст декларации митрополита Сергия 29 июля 1927 года. Однако к составлению текстов интервью 1930 года советским и иностранным журналистам митрополит Сергей вообще не имел никакого отношения, как не существовало и никаких советских журналистов, которым бы пришлось в голову задавать митрополиту Сергию содержащиеся в текстах интервью вопросы. Эти интервью были порождены постановлением Политбюро ЦК ВКП(б) от 14 февраля 1930 года с коротким названием «Об интервью», текст которого был столь же лаконичен: «Поручить тт. Ярославскому, Сталину и Молотову решить вопрос об интервью». Все вопросы интервью были сформулированы Ярославским с участием Сталина. Ответы на вопросы были изначально составлены тем же Ярославским и затем были не только тщательно отредактированы, но и в некоторых случаях дописаны Сталиным, правка Молотова была значительно меньшей. Таким образом, впервые не только в своей жизни, но и в истории

Русской Православной Церкви занимавший место ее Предстоятеля Заместитель Патриаршего Местоблюстителя митрополит Сергей вместе со своим Временным Патриаршим Синодом должен был выступить перед всей страной и даже перед всем миром с придуманным для него несколькими безбожниками и гонителями Церкви рассказом если уж не о безмятежной, то во всяком случае беспроблемной жизни Церкви в СССР.

Очень вдумчивый и объективный текстологический анализ этого пропагандистского произведения большевистских функционеров, вложенного в уста митрополита Сергея, дал исследовавший его оригинальные тексты с правкой Сталина и Молотова И. А. Курляндский. Он сумел показать «на строке», как рождался окончательный вариант интервью в кабинетах партийных вождей, отражая политические цели, которыми руководствовались они, превращая митрополита Сергея в пропагандистский рупор коммунистической идеологии. Именно поэтому следует уделить пристальное внимание пространному фрагменту из фундаментальной монографии И. А. Курляндского «Сталин, власть, религия».

«Интервью» предварялось написанным сталинской рукой вступлением: «Представители советской печати обратились с рядом вопросов к митрополиту Сергию. На поставленные митрополиту вопросы он дал следующие ответы». Эти строки были неправдой. Первым поставили вопрос: «Действительно ли существует в СССР гонение на религию и в каких формах оно проявляется?» Ответ: «Гонения на религию в СССР никогда не было и нет. В силу Декрета об отделении церкви от государства исповедание любой веры вполне свободно и никаким государственным органом не преследуется. Больше того. Последнее постановление ВЦИК и СНК РСФСР о религиозных объединениях от 8 апреля 1929 г. совершенно исключает даже малейшую видимость какого-либо гонения на религию». Несостоятельность «ответа Сергея» вряд ли нуждается в комментариях — как и ссылка на постановление от 8 апреля 1929 г., якобы гарантирующее религиозную свободу, а на самом деле содержащее многие ограничения для деятельности конфессий.

Следующий вопрос касался темы закрытия церквей, принявшего массовый характер в 1929—1930 гг.: «Верно ли, что безбожники закрывают церкви, и как к этому относятся верующие?» Ответ подвергся сталинской правке. «Да, действительно, некото-

рые церкви закрываются, — признавалось от имени «Сергия и Синода», — но производится это закрытие не по инициативе власти, а по желанию населения, а в иных случаях даже по постановлению самих верующих. Безбожники в СССР организованы в частное общество». Сталин после слова «общество» дописал: «поэтому их требования в области закрытия церквей для правительственных органов обязательными не являются». Приписка генсека перекладывала главную ответственность за инициативу закрытий с государства на якобы независимое от него общество, к которому власти вроде бы не прислушиваются. Ответ, с этим изменением, отражал известную тактику сталинской власти по сваливанию с себя вины за «эксцессы» своей политики на местных «козлов отпущения». В данном случае на Союз воинствующих безбожников — массовую общественную организацию, негласно патронированную руководством.

Зачеркнут Сталиным далее «вопрос-ответ», касающийся показателей результатов церковных гонений: «Сколько закрыто всего церквей?» Ответ: «Точных сведений по этому вопросу у нас не имеется». Точные сведения по этому вопросу у руководства страны были — сводки такого характера собирал церковный отдел ОГПУ. Видимо, генсек не захотел лишний раз привлекать внимание к этой проблеме. Вопрос о репрессиях среди верующих имел не меньшую остроту и прозвучал так: «Верно ли, что священнослужители и верующие подвергаются репрессиям за свои религиозные убеждения, арестовываются, высылаются и т. д.?» Конечно, в освещении партийных вождей, это было «неверно». Поэтому сталинская правка к тексту была придиричливой. После слов «Репрессии, осуществляемые советским правительством в отношении верующих и священнослужителей, применяются к ним отнюдь не за их религиозные убеждения» первоначально следовало: «а исключительно за их противоправительственную политическую деятельность». Сталина это упоминание не устроило, так как все равно давало повод для рассуждений на темы политических репрессий верующих. Поэтому вождь вычеркнул эти строки, а вместо них вписал то, что позволило нивелировать в тексте церковную составляющую: «а в общем порядке, как и к другим гражданам, за разные противоправительственные деяния». Поправка Сталина была глубокой. Теперь четко указывалось: репрессируют не по «церковному» признаку, а каждого — независимо от веры, звания, положения и т. д. — за так называемые «антигосударственные преступления».

Далее в тексте обратились к истории: «Надо сказать, что несчастье церкви состоит в том, что в прошлом, как это всем хорошо известно, она слишком срослась с монархическим строем. Поэтому церковное руководство не смогло своевременно оценить всего значения совершившегося великого социального переворота и долгое время вело себя как открытый враг соввласти». В этом фрагменте Сталин заменил словосочетание «церковное руководство» на «церковные круги», что существенно расширяло сферу не принявших «великого социального переворота», а следовательно, оправдывало массовые репрессии против них. «Открытые враги советской власти» были детализированы Сталиным, всегда имевшим тягу к исторической конкретике, поэтому он дописал: «(При Колчаке, при Деникине и проч.)».

Далее, в качестве примера, Ярославский упомянул о вынужденном «раскаянии» Патриарха Тихона: «Лучшие умы церкви, как, например, патриарх Тихон, поняли это и старались исправить создавшееся положение, рекомендуя своим последователям не идти против воли народа и быть лояльными к советскому правительству». Это писалось, чтобы далее упрекнуть упорствующих в «антисоветском» противостоянии: «К сожалению, даже до сего времени некоторые из духовенства не могут понять, что к старому нет возврата, и продолжают вести себя как политические противники советского государства». Подобные пассажи были призваны оправдать те репрессии против духовенства и верующих, которые замолчать уже было невозможно. Но оборот «некоторые из духовенства не могут понять» выдавал отстраненность автора и подсказывал, что он — не из церковной среды. Сталин, как внимательный редактор, уловил этот нюанс и заменил это на «некоторые из нас не могут понять».

«Допускается ли в СССР свобода религиозной пропаганды?» Для сочинения ответа от вождей потребовалась хитрая казуистика, ибо свобода религиозной пропаганды была официально упразднена в конце 1920-х гг. Напомню, что 28 февраля 1929 г. Политбюро ЦК постановило изменить статью Конституции РСФСР таким образом, что верующие лишались свободы религиозной пропаганды при сохранении свободы пропаганды атеистической. Указанное постановление по традиции было продублировано ВЦИК, позднее изменения распространились на конституции других республик, что было окончательно закреплено сталинской Конституцией 1936 г. В ответе констатировалось: «Священнослужителям не запрещается отправление рели-

гиозных служб и произнесение проповедей». Сталин дописал этот текст: «(только, к сожалению, мы сами подчас не особенно усердствуем в этом)». Теперь выходило, что власть не стесняет религиозную деятельность, а виноваты сами «церковники», которые якобы недостаточно усердны в проповедничестве. Далее отмечалось: «Допускается даже преподавание вероучений лицам, достигшим совершеннолетия». Так, «за кадром» оставался факт, что и совершеннолетние, при полном разрушении властью сети духовно-учебных заведений, получить такое преподавание, за редким исключением, не могли.

Затем нужно было дать отповедь «лжи» заграничной печати в следующем вопросе: «Соответствуют ли действительности сведения, помещаемые в заграничной прессе, относительно жестокостей, чинимых агентами соввласти по отношению к отдельным священнослужителям?» Сталин счел необходимым конкретизировать вопрос и вписал далее в скобках: «(например: «Морнинг Пост» от 20 декабря 1929 г. и 4 февраля 1930 г.)?» Над ответом снова пришлось потрудиться. Текст начинался: «Ни в какой степени эти сведения не отвечают действительности. Все это — сплошной вымысел, клевета, совершенно недостойная серьезных людей. К ответственности привлекаются отдельные священнослужители не за религиозную деятельность...» Затем генсек вычеркнул «а за те или иные антиправительственные, а иногда и уголовно наказуемые деяния» и вписал: «а по обвинению в тех или иных антиправительственных деяниях». Потом следовало: «и это, разумеется, происходит не в форме каких-то гонений и жестокостей, а в форме, *обычной для всех других преступников*». Выделенные слова были вычеркнуты и заменены на: «обычной для всех обвиняемых». Эта редакция — особенно замена «преступников» на «обвиняемых» — создавала видимость того, что правительство действует в юридическом поле и не объявляет людей преступниками до суда.

Вопрос об управлении православной Церковью тоже относился к числу главных: «Как управляется церковь и нет ли стеснений для управления?» Структуры Православной Церкви в СССР в конце 1920-х гг. находились в состоянии глубокого кризиса, вызванного репрессиями, обрушенными на них властью в 1920-е гг., массовыми арестами по надуманным обвинениям в мнимых «преступлениях» иерархов, служащих епархий, клириков, членов приходских советов, активных мирян, в результате чего деятельность большинства епархиальных управлений была парализо-

ванной. Центральное управление Церковью было обезглавлено арестом Патриаршего Местоблюстителя и большинства членов Священного Синода. А направляемые властью обновленцы травили и теснили «староцерковников». Поэтому от составителей «интервью» требовалось в данном случае особое искусство в том, чтобы вложить свои вымыслы в уста митрополита Сергея и его Синода. Начало ответа получилось таким: «У нас, как и в дореволюционное время, существуют центральные и местные церковные управления. *В центре — священный синод, а в епархиях преосвященный архиерей и епархиальный совет*». Этот вариант характеристики церковного управления Сталина не удовлетворил, поэтому он вычеркнул выделенный текст и вписал: «В центре патриархия, т. е. заместитель патриаршего местоблюстителя и священный синод, а в епархиях — преосвященные архиереи и епархиальные советы». Замена существенная. Ярославский не упомянул о патриархии, видимо, желая затушевать факт ареста Патриаршего Местоблюстителя. Однако Сталин понимал, что такое умолчание сделает характеристику церковного управления неполной, а это было бы неуместно в устах церковных иерархов. Поэтому он не поостерегся упомянуть и о заместителе Патриаршего Местоблюстителя в составе патриархии наряду со Священным Синодом, хотя это могло навести на вопрос: «А куда исчез Патриарший Местоблюститель?» Далее следовало: «Кроме этого, при каждом приходе существуют исполнительные органы, избираемые верующими. В управлениях всех наших органов до сих пор не было никаких стеснений, и преосвященные находятся на местах в своих епархиях», генсек сделал здесь маленькую поправку. Вместо «исполнительные органы» (при приходе) вписал «исполнительный орган».

Далее «советских журналистов» интересовало: «Пользуется ли какое-либо религиозное течение привилегиями со стороны соввласти перед другими религиозными течениями и не оказывает ли советским правительством поддержка одному из этих течений?» На деле из православных таким предпочтением власти с начала 1920-х гг. пользовались обновленцы, кураторство которых со стороны ВЧК-ОГПУ не афишировалось. Ответ начинался формально: «По советскому законодательству все религиозные организации пользуются одинаковыми правами». А далее Сталин вычеркнул двусмысленную фразу: «Мы находимся в особо благоприятном в этом отношении положении, так как Советское правительство совершенно не заинтересовано в преобладающем

развитии религиозного течения за счет другого». Любивший ясность формулировок вождь не мог не уловить противоречия — «староцерковники» говорят об особом благоприятствовании к ним власти, выражающемся в том, что им даются равные возможности по сравнению с другими. Поэтому простая констатация равенства прав конфессий была в данном контексте более убедительна. <...>

Далее формулировался вопрос: «Как вы смотрите на дальнейшие перспективы религии вообще?» Власть с конца 1920-х гг. вела последовательную линию на искоренение всех религий и Церквей в стране, иногда прибегая к тактическим отступлениям и прикрываясь декларациями о веротерпимости. Но «церковники» должны были выразить оптимизм: «Конечно, нас беспокоит быстрый рост безбожия. Но мы, искренне верующие люди, твердо верим, что божественный свет не может исчезнуть и что со временем он прочно утвердится в сердцах людей». Следующий вопрос-ответ был призван свидетельствовать о финансовой независимости Церкви и быть ее отречением от материальной поддержки за рубежом: «Как бы вы посмотрели на материальную поддержку из-за границы и в чем она могла бы выразиться?» Ответ: «Наше положение как священнослужителей обеспечивается материальной поддержкой наших верующих. Мы считаем для себя нравственно допустимым содержание нас только верующими. Получение же материальной поддержки людей другой веры и извне было бы для нас унижительным и налагало бы на нас большие моральные, а может быть, даже политические обязательства и связывало бы нас в нашей религиозной деятельности, давая повод для обвинения нас в получении поддержки от организаций, враждебно относящихся к советскому строю». Выделенным обозначена приписка Молотова, которую Сталин вычеркнул — вождь не желал привлекать внимание к мотиву борьбы с врагами. Но смысл остался прежним. Церковь, отказываясь от «финансовых пут», якобы налагаемых на нее международной благотворительностью, не хотела становиться «агентурой мирового империализма». <...>

Следующий вопрос: «Были ли случаи вынесения смертных приговоров священнослужителям за неуплату налогов?» Вопрос был сформулирован намеренно абсурдно, чтобы подчеркнуть клеветнический характер «измышлений» о преследовании религии в Союзе. Ответ: «Такие случаи нам не известны. Были случаи наложения на служителей культа штрафов за неуплату налогов». Далее

в черновой редакции было вписано почерком Молотова, а потом вычеркнуто: «как и на других граждан на вполне законных основаниях». Следующий вопрос носил более принципиальный характер: «Каково теперешнее положение церкви?» Ответ на него подвергся некоторой правке Сталина: «Теперешнее положение церкви значительно разнится от прежнего. Сейчас благодаря тому, что *хозяйство* (слово «*хозяйство*» было вписано генсеком вместо вычеркнутого им «*экономика*». — *И. К.*) страны претерпевает коренные изменения, сводящиеся к смене старых форм хозяйствования новыми (коллективизация сельского хозяйства, индустриализация всей страны), происходит ухудшение положения церкви. *Ярко обозначающийся рост культурного уровня всего населения СССР не может также служить фактором, усиливающим позиции церкви.* (Выделенный выше текст не вошел в окончательную редакцию ответа. — *И. К.*) Но мы не теряем надежды на то, что и *при новом хозяйственном строительстве вера останется* (в ранней редакции вместо выделенного было: «*господь нам поможет укрепиться*». — *И. К.*) и церковь Христова (так в тексте. — *И. К.*) будет и дальше существовать». Так при составлении «ответа Сергея» был осуществлен «перевод стрелок». Не мифические «гонения», а сам ход социалистических преобразований вытесняет религию, что вынуждены признать даже иерархи — им только и остается надеяться.

Ответ на вопрос «Существуют ли в СССР пастырские, богословские и т. п. школы?» подвергся сталинской правке. К 1930 г. положение с этим делом в стране, в связи с массовым закрытием властями духовных учебных заведений всех уровней, было катастрофично. «Сергий и Синод» отвечали: «Да, в Москве до сих пор существует богословская академия у обновленцев (имелась в виду созданная А. И. Введенским в 1923 г., при поддержке власти, в захваченном обновленцами патриаршем Троицком подворье «Московская богословская академия». Ее наличие в 1920-е — 1930-е гг. создавало иллюзию наличия высшего духовного образования в СССР. — *И. К.*) Если же у нас теперь академии нет, то это происходит, прежде всего, в силу отсутствия достаточных материальных средств для этой цели, и к тому же мы считаем теперь наиболее целесообразной персональную подготовку отдельных лиц, чувствующих призвание к служению церковному». В черновом варианте после слов «академия у обновленцев» было иначе: «Но, как показала практика, *мы никогда не могли укомплектовать достаточным контингентом эти школы.* Это происхо-

дило, прежде всего, в силу отсутствия достаточных материальных средств для этой цели, и к тому же мы считаем *единственно* целесообразной персональную подготовку отдельных лиц, чувствующих призвание к *священнослужению*». Фраза о том, что православная церковь «никогда» не могла укомплектовать духовные школы «достаточным контингентом», видимо, потому была исключена Сталиным, что невольно приковывала внимание к бедственному положению духовенства в СССР — независимо от причин, которые его вызвали. Замена «единственно целесообразной» на «наиболее целесообразной» смягчала вариант ответа, а «*служение церковное*» казалось бывшему семинаристу более точно характеризующим цель такой подготовки, чем «*священнослужение*».

Вопрос-ответ об отношении к выступлению Папы Римского подвергся тщательному редактированию Сталина. В начале предполагалось дать суждение об этом «Сергия и его Синода» в виде их «инициативы», то есть не предваряя его на этот раз особым вопросом. Генсек вычеркнул начало («В заключение мы считаем необходимым указать»), так как счел необходимым нигде не менять форму «интервью» — все высказывания мнимых «иерархов» должны были быть ответами на «вопросы» столь же мнимых «представителей советской печати». Далее Сталин вписал вопрос красным карандашом: «Как вы относитесь к недавнему обращению папы Римского?» По документу видно, что вождя первоначальный вариант ответа не удовлетворил, и он правил текст не один, а несколько раз. В первой редакции было: «считаем необходимым указать, что нас крайне удивляет и поражает выступление с письмом папы римского (так в тексте. — *И. К.*), который, считая себя “наместником Христа”, пострадавшего за угнетенных и обездоленных, интересы которых защищает по существу советская власть, оказался вместе с английскими лордами и французскими толстосумами». Переделанный в следующей редакции Сталиным этот фрагмент зазвучал так: «Считаем необходимым указать, что нас крайне удивляет недавнее обращение папы Римского (так в тексте. — *И. К.*) против советской власти. Папа Римский считает себя “наместником Христа”, но Христос пострадал за угнетенных и обездоленных, между тем как папа Римский в своем обращении оказался в одном лагере с английскими помещиками и франко-итальянскими толстосумами». Нетрудно заметить отличия двух редакций. Вождь заменил «выступление с письмом» на «обращение», что точнее передавало

суть дела, исключил слово «поражает», чтобы уменьшить эмоциональный накал ответа, разбил для удобства восприятия сложное и длинное предложение на два, конкретизировал, что Папа выступает «против советской власти», «английских лордов» переделал в «английских помещиков», а «французских толстосумов» — во «франко-итальянских». Таким образом, Сталиным расширилась география обличения. Папе дополнительно ставилось в вину, что он не видит классовых угнетателей и у себя «под боком» — в Италии. Далее правитель счел необходимым это высказывание расширить и углубить. Вписанные далее фразы отражают процесс творческого поиска генерального секретаря, в котором, скорее всего, отразились его семинарские познания. Так, у него появляется образ *клеящего Христа*. Он написал: «Христос заклеил бы такое отступление от христианского пути». Потом Сталин исправил это свое предложение, и стало: «Христос так не поступил бы. Он заклеил бы такое отступление от христианского пути». Далее последовал текст, начатый Молотовым и продолженный генсеком. Молотов: «Нам кажется тем более странным слышать из уст главы католической церкви обвинения в гонениях на инаковерующих, что вся история католической церкви есть непрерывная цепь гонений на инаковерующих, вплоть до *пыток и* (вписано Сталиным над строкой. — *И. К.*) сожжения их на кострах (далее зачеркнуто: «и других адских пыток». — *И. К.*)». Далее текст дописывал снова Сталин: «Нам кажется, папа Римский в данном случае идет по стопам старых традиций католической церкви, натравливая свою паству на (далее зачеркнуто «советскую власть». — *И. К.*) нашу страну и тем поджигая костер для подготовки войны против (зачеркнуто «нашей страны». — *И. К.*) народов СССР», Последний абзац ответа принадлежал Ярославскому, но Сталин его отредактировал — вписанные им слова выделяем курсивом: «Мы считаем излишним и ненужным это выступление *папы Римского*, в котором мы, *православные*, совершенно не нуждаемся. Мы сами можем защищать нашу православную церковь. У папы есть давнишняя мечта окатоличить нашу церковь, которая, будучи всегда твердой в своих отношениях к католицизму как к ложному учению, никогда не сможет связать себя с ним какими бы то ни было отношениями. На днях нами будет издано специальное обращение к верующим с указанием на новые попытки папы Римского насадить среди православных христиан католицизм *совершенно непозволительными* (вписано Сталиным вместо зачер-

кнутого «такими нехорошими». — *И. К.*) путями, к каким прибегает папа».

Сталин счел необходимым привлечь внимание еще к одному явлению. Необходимо было дать отповедь не только архиепископу Кентерберийскому, но и широкому кругу зарубежных защитников гонимой церкви. Поэтому диктатор уже лично написал и вопрос, и ответ. Сталинский карандаш размашисто вывел: «Как вы относитесь к выступлению архиепископа Кентерберийского на кентерберийском церковном соборе?» Ответ Сталин первоначально написал от первого лица — якобы от митрополита Сергия, так как вначале планировалось, что пресс-конференция будет только «Сергия» и только позднее ее состав был расширен за счет «Синода». Поэтому при окончательной редакции текста для публикации в газетах единственное число было заменено множественным, а сам ответ немного сокращен. Курсивом далее отмечены сталинский текст, не вошедший в газетную публикацию, и некоторые разночтения между черновой и окончательной редакциями. «Нам кажется вообще странным и подозрительным внезапное выступление целого сонма глав разного рода церквей — в Италии, во Франции, в Германии, в Англии — в “защиту” православной церкви. *Я не помню, чтобы когда-либо все эти главы всяких антиправославных* (“всяких антиправославных” вписано над строкой. — *И. К.*) *церквей — в том числе архиепископ Кентерберийский — не вели борьбы против православной церкви, чтобы они* (“чтобы они” вписано над строкой. — *И. К.*) *не хулили и не компрометировали православную церковь.* Внезапный и необъяснимый порыв “дружеских” чувств к православной церкви *этих исконных* (в газетной публикации стало “обычных”. — *И. К.*) противников православия невольно наводит на мысль, что дело тут не в защите православной церкви, а в преследовании каких-то земных целей. *Я не берусь объяснить* (в газете стало: “мы не беремся объяснять”. — *И. К.*), какие это земные цели, но что *они не имеют ничего общего* (в газете стало: “они имеют мало общего” — *И. К.*) с духовными запросами верующих, в этом у *меня* (в газете стало: “у нас”. — *И. К.*) нет никакого сомнения. Что касается, в частности, выступления архиепископа Кентерберийского, то оно грешит той же неправдой насчет якобы преследований в СССР религиозных убеждений, как и выступление римского папы. *Я слышал* (в газете стало: “мы слышали”. — *И. К.*), что трудящиеся люди Лондона расценивают выступление архиепископа Кентерберийского, как выступление, “пахнущее нефтью”. Нам кажется, что

оно если не пахнет нефтью, то, во всяком случае, пахнет подталкиванием паствы на новую интервенцию, от которой так много *пострадала Россия* (вписано вместо зачеркнутого: «пострадали верующие». — И. К.)». <...>

Итак, аргументация генсека в ответе архиепископу Кентерберийскому — как и Римскому Папе — строилась на приеме «перехода на личности», что было отличительной особенностью сталинского стиля полемики. Оппоненты умело компрометировались и табуировались, внимание приковывалось не к ошибкам или неправильностям в их доводах, а к мнимым и действительным изъясам самих оппонентов. Римскому Папе припомнили преследование инакомыслящих инквизицией со всеми крайностями в виде пыток и казней и давнюю мечту «окатоличить» православную церковь, попутно делался явный намек на классовую обусловленность его позиций, акцентировалось отношение к католицизму как «лжеучению» в целом. По той же схеме Сталиным «разоблачался» и архиепископ Кентерберийский. Он, как и другие, якобы всегда боролся против православной церкви, и этим резонно ставилась под сомнение искренность его позиций. Предполагалось, что он преследует «земные цели», то есть, будучи материально заинтересован, действует по указке империалистов. Со ссылкой на безымянных «трудящихся людей Лондона» генеральный секретарь ВКП(б) голословно утверждал, что выступление архиепископа «пахнет нефтью» и даже подталкивает на «новую интервенцию». При таком обозначении оппонентов как убежденных врагов советской страны аргументированный разбор их обвинений становился лишним. На этом труд Сталина и товарищей по фабрикациям «пресс-конференции» был завершен¹.

В высшей степени выразительно то обстоятельство, что из четырех членов Временного Патриаршего Синода, наряду с митрополитом Сергием не только подписавших текст этого «интервью», но и утверждавших, что ценой такой лжи они спасают жизни духовенства, жертвами репрессий через несколько лет стали трое: архиепископ Звенигородский Филипп (Гумилевский), епископ Орехово-Зуевский Питирим (Крылов) и даже давний сексот ГПУ, а потом НКВД митрополит Саратовский Серафим (Александров).

Правда, на другой же день после опубликования интервью иностранным журналистам 19 февраля митрополит Сергей направил П. Г. Смидовичу, председателю Комиссии по вопросам культов,

¹ Курляндский И. А. Сталин, власть, религия. М., 2011. С. 445–455.

записку, в которой настаивал на необходимости облегчить неподъемное налоговое бремя, возложенное на духовенство, ибо Церковь пытались все это время удушить еще и материально. При этом священнослужителей за неуплату огромных налогов власти не только изгоняли из приходских храмов, но и арестовывали, подвергали тюремному заключению и ссылкам. Большая часть требований митрополита Сергия даже в вопросах налогообложения, конечно же, не была удовлетворена.

Впрочем, среди немногих плодов политики уступок митрополита Сергия оказалось разрешение Русской Православной Церкви издавать с 1931 года «Журнал Московской Патриархии» (ЖМП), который нерегулярно выходил с 1931 по 1935 годы. Уже в первом номере этого журнала появилась статья митрополита Сергия о полномочиях Патриаршего Местоблюстителя и его Заместителя, в которой он четко, с большим количеством ссылок на церковные каноны пытался обосновать свое видение места Заместителя Патриаршего Местоблюстителя. Эта статья митрополита Сергия оказалась чрезвычайно важным документом, который позволял уже тогда не только представить позицию митрополита Сергия, но и увидеть то, как его богословский талант, талант полемиста по каноническим вопросам был употреблен им для того, чтобы обосновать свою узурпацию высшей церковной власти не только у критиковавших его деятельность, но так и не вступивших в свои права Патриарших Местоблюстителей митрополита Кирилла и митрополита Агафангела, но и у назначившего его своим Заместителем и до своей мученической смерти не слогавшего с себя полномочий Патриаршего Местоблюстителя митрополита Петра.

...Заместитель облечен патриаршей властью в том же объеме, как и заменяемый им Местоблюститель, да и существом дела это требуется, иначе не было бы ответственного кормчего у церковного корабля, и тогда не было бы и цели вообще кому бы то ни было передавать власть. Различие между Местоблюстителем и его Заместителем не в объеме патриаршей власти, а только в том, что Заместитель является как бы спутником Местоблюстителя: сохраняет свои полномочия до тех пор, пока Местоблюститель остается в своей должности. Ушел Местоблюститель от должности (за смертью, отказом и пр.), в тот же момент прекращаются полномочия Заместителя. Само собою понятно, что с возвращением Местоблюстителя к управлению Заместитель перестает управлять.

За распоряжения своего Заместителя Местоблюститель ни в какой мере не может быть ответственным, и потому нельзя ожидать и требовать, чтобы Местоблюститель вмешивался в управление и своими распоряжениями исправлял ошибки Заместителя. Такое вмешательство повело бы только к еще большему расстройству церковных дел и к анархии, как и всякое двоевластие. Как самостоятельный правитель, Заместитель сам и отвечает за свое правление перед Поместным Собором¹.

Через год, 12 апреля 1932 года, манифестированная в ЖМП административно-каноническая самодостаточность Заместителя Патриаршего Местоблюстителя Сергея была подтверждена постановлением Временного Патриаршего Синода о награждении митрополита Сергея правом совершать богослужение с предношением Креста. Это постановление торжественно зачитал митрополиту Сергию старейший среди остававшихся на церковном служении архиереев семидесятишестилетний митрополит Серафим (Чичагов), которого через полгода митрополит Сергей отправил на покой, заменив его на Ленинградской кафедре митрополитом Алексием (Симанским).

Первенствующие члены Святейшего Синода: Петроградские митрополиты, а также митрополиты Киевский и Московский — награждались подобающим отличием при совершении богослужений — предносимым крестом. Ныне Ваше Высокопреосвященство — первый иерарх по управлению Русской Православной Церковью, по своему значению и положению, а также по своей деятельности и ответственности превосходите прежних наших митрополитов, но не имеете никаких внешних отличий при совершении богослужений. Предносимый крест присвоен всем Первоиерархам отдельных и автономных Церквей, не могущих сравниться по своим размерам и по своему значению с Всероссийской Православной Церковью. <...> Поэтому исходя из такого сознания, мы, нижеподписавшиеся иерархи Русской Православной Церкви, в единомысленном желании положили просить Ваше Высокопреосвященство установить предношение креста при всех ваших богослужениях, согласно Вашему Высокому положению Первоиерарха в нашей Церкви².

¹ Акты святейшего Тихона, Патриарха Московского и всея России... С. 695–696.

² Мазырин А., свящ. Указ. соч. С. 357.

Из года в год нарастали гонения, из года в год нарастала пропагандистская антирелигиозная истерия, постепенно концентрировавшаяся в деятельности возникшего 15 мая 1932 года Союза воинствующих безбожников, в котором уже к концу 1932 года состояло пять с половиной миллионов членов. В стране именно в это время возникло около пятидесяти антирелигиозных музеев, которые и впоследствии будут потрясать весь мир своим изощренным кощунством. Показательно, что эта так называемая общественная организация была призвана объявлять о далеко идущих планах советского партийно-государственного руководства в отношении Церкви. Именно в 1932 году в изданиях этого союза появился злобещий пятилетний план уничтожения Церкви. Вторая пятилетка объявлялась пятилеткой безбожия, и на каждый год Союз воинствующих безбожников предусматривал определенные меры, направленные против Церкви. Пятилетка, которая началась в 1932 году, предполагала, что в первый год произойдет закрытие всех духовных школ, хотя в это время духовная школа оставалась только у обновленцев, и эта школа была закрыта. Во втором году должно было произойти массовое закрытие храмов, а также вынесено запрещение изготовления предметов религиозного культа где бы то ни было. Третий год предполагал высылку всего духовенства, как было сказано, за границу. Конечно же, имелась в виду не государственная граница, а вполне конкретные репрессии духовенства, когда бы они оказались высланными за границу официально признанной свободной жизни советских граждан, то есть в лагеря и ссылки. Наконец, на четвертый год планировалось закрытие всех храмов у всех религиозных конфессий, а в пятый год пятилетки достигнутые успехи должны были закрепляться. Действительно, пятый год пятилетки безбожия, 1937-й, стал годом закрепления успехов, связанных с тем, что в первые годы пятилетки многие тысячи священнослужителей были арестованы и отправлены в тюрьмы и лагеря, а в 1937 году — расстреляны, ибо большая часть их к тому времени продолжали находиться в заключении.

Если бы речь шла о замыслах общественной организации, какой формально являлся Союз воинствующих безбожников, можно было бы не придавать им особого значения, но для митрополита Сергия было ясно, что подобного рода организация, конечно же, несла в массы идеи, которые к тому времени вынашивало и партийно-политическое руководство СССР. А между тем критика действий митрополита Сергия продолжалась, и он чувствовал себя достаточно неуверенно в это время даже в спорах со своими

оппонентами внутри церковной иерархии. Ему легко было полемизировать с теми, кто критиковал его из-за границы, ибо его положение здесь было несравнимо с положением эмигрировавших иерархов, защищенных от репрессий коммунистического режима государственными границами европейских стран. Но митрополиту Сергию мучительно было отвечать на критику тех, кто находился в СССР и кто своей кровью часто свидетельствовал о справедливости своей критики его церковной деятельности. Впрочем, запретив в священнослужении своих оппонентов из числа епископов, находившихся в России, еще в 1928—1930 годах, митрополит Сергей своих обличителей из числа клира Русской Православной Церкви Заграницей запретил в священнослужении лишь 22 июня 1934 года.

Однако и в это время митрополит Сергей продолжал связывать надежды на сохранение церковной жизни с укреплением своей власти. 27 апреля 1934 года организованный им Временный Патриарший Синод назначил его на вдовствующую Московскую кафедру, хотя до этого времени он по-прежнему занимал Нижегородскую кафедру. При этом митрополиту Сергию был присвоен титул «Блаженнейший», который присваивался лишь возглавителям церковной иерархии в автокефальных Церквях, в то время как митрополит Сергей продолжал оставаться Заместителем Патриаршего Местоблюстителя, все полномочия которого, даже по его собственному признанию, вытекали из занятия должности арестованного Патриаршего Местоблюстителя митрополита Петра.

Всеблагову Промыслу Божию угодно было судьбы Русской Православной Церкви вручить Вашему мудрому отеческому окормлению, — говорилось в Указе Временного Патриаршего Синода № 804. — Уже девятый год, подчиняясь нелицемерно этой Божественной воле, Вы несете ответственное послушание по управлению Русской Православной Церковью. И это ответственное послушание Вы несете как истинный и верный сын Матери-Церкви, как истинный христианин, являя всем образец христианской любви и смирения. И это мудрое руководство кораблем церковным — безграничная любовь Ваша к Матери-Церкви, братское любовное отношение к соепископам-братьям и отеческое ко всем чадам Церкви сделали Вас в общецерковном сознании фактически Первым епископом страны (Апостольское правило 34). Такому особому и исключительному положению Вашего Высокопреосвященства в нашей Церкви, по нашему

глубокому, единомысленному и единодушному суждению, должно соответствовать и особое Ваше иерархическое титулование не по святительской кафедре рядового епархиального города Русской Церкви, но по общеизвестному имени столичного града Москвы, олицетворяющего собою всю страну. Посему, приняв во внимание вышеизложенное и продолжающееся вдовство кафедры Первого епископа страны, мы, митрополиты Русской Православной Церкви и члены Патриаршего Священного Синода, в безграничной преданности Вашему Высокопреосвященству, как к своему правящему Первоиерарху, единогласным решением своим положили: усвоить Вашему Высокопреосвященству, в соответствии Вашему высокому и особому положению правящего Первоиерарха Русской Церкви, титул Блаженнейшего митрополита Московского и Коломенского¹.

Впрочем, еще за месяц до этого решения Временного Патриаршего Синода ожидавшие своих арестов сторонники митрополита Кирилла прозревали в грядущем событии безысходную перспективу дальнейшего развития русской церковной жизни. Так, епископ Дамаскин (Цедрик) в своем письме архиепископу Серафиму (Самойловичу) констатировал:

Вам еще неизвестно, вероятно, о готовящемся в Москве преподавании титула «блаженнейшего» и «митрополита Московского». Как видите, они сами себя топят. Что же можем сделать мы при настоящих условиях? Добиваться удаления митрополита Сергия? Поздно, да и бесполезно. Уйдет митрополит Сергей — остается сергианство, т. е. то сознательное попрание идеала Святой церкви ради сохранения внешнего декорума и личного благополучия, которое необходимо является в результате так называемой легализации².

А через несколько месяцев после увенчания митрополита Сергия титулом «Блаженнейший», не подозревавший, конечно же, о том, что именно в это время митрополит Петр был переведен в одну из самых закрытых в СССР верхнеуральскую тюрьму в режим полной изоляции, епископ Макарий (Кармазин) решился на допросе высказать поистине убийственную для митрополита Сергия мысль: «Я отдельным своим единомышленникам... высказывал свой взгляд об акте присвоения митр[ополиту] Сергию титула “блаженнейше-

¹ Акты святейшего Тихона, Патриарха Московского и всея России... С. 702–703.

² Мазырин А., свящ. Указ. соч. С. 361.

го". Я высказывал, что этот акт является мероприятием, подготовляющим безболезненную замену Петра Крутицкого Сергием»¹.

Конец коллективизации означал не только значительное уменьшение числа православных храмов. Их число в середине 30-х годов сократилось до десяти тысяч, то есть более чем в два раза. Тогда же произошло и закрытие последних православных монастырей. После 1934 года на территории Советского Союза больше не действовал ни один православный монастырь. Оказавшиеся вне стен своих монастырей монахи и монахини пытались организовывать подпольные общины, подчас даже в городских коммунальных квартирах, в которых жили на первый взгляд обыкновенные советские граждане, а на самом деле — продолжавшие следовать монашескому уставу насельники и насельницы разогнанных монастырей. Органы НКВД с легкостью находили подобного рода общины, и перспективы существования у катакомбного монашества в Русской Церкви практически отсутствовали.

Год 1935-й знаменовал собой и прекращение выхода «Журнала Московской Патриархии». 18 мая 1935 года Временный Патриарший Синод при митрополите Сергии принял решение о прекращении своих заседаний и своем роспуске. Вся власть сконцентрировалась в руках митрополита Сергия, рядом с которым был его викарный епископ Бронницкий Сергей (Воскресенский), одна из самых противоречивых личностей в русской церковной иерархии XX века. Уже тогда об этом довольно поздно принявшем монашеский и священный сан иерархе ходили слухи, что он был тесно связан с органами НКВД. Эти слухи в дальнейшем нашли свое документальное подтверждение, но вся деятельность митрополита Сергия (Воскресенского) — митрополичий сан он получил незадолго до начала Второй мировой войны — свидетельствовала, что, пойдя на особенно тесные контакты с органами госбезопасности, он, подобно митрополиту Сергию (Страгородскому), видел в этом решении единственную возможность сохранить в ходе коммунистических гонений Русскую Православную Церковь.

Положение самого митрополита Сергия, который в это время стал испытывать первые признаки начинавшейся у него болезни Паркинсона и который с каждым годом терял слух, также было достаточно уязвимым. Выразительным свидетельством того, как постоянно шедший на уступки митрополит Сергей не мог добиться каких-либо гарантий даже для самого себя, явились события

¹ Мазырин А., свящ. Указ. соч. С. 360.

1935 года, когда после присвоения ему титула «Блаженнейший» он получил поздравительную телеграмму по этому поводу от митрополита Сергия (Тихомирова), возглавлявшего церковные приходы Русской Православной Церкви в Японии. Положение православных христиан в Японии было весьма своеобразным прежде всего потому, что почти все они, принадлежа к Русской Церкви, были этническими японцами. В Японии же в это время установился тоталитарный режим, связанный с чисто религиозным почитанием микадо, японского императора, и с установлением достаточно непримиримой ко всему не японскому националистической идеологии. Тем не менее положение христиан в Японии было неизмеримо легче, чем положение христиан в СССР. Митрополит Сергий (Тихомиров), поздравляя митрополита Сергия (Страгородского) с присвоением ему титула «Блаженнейший», выполнял свой долг подведомственного Русской Православной Церкви иерарха. Но телеграмма его стала основанием для фабрикации дела митрополита Сергия (Страгородского) по поводу его причастности к шпионажу в пользу Японии. Фабриковать подобное дело в тех условиях было тем более легко, что митрополит Сергий дважды с 1890 по 1893 год и с 1897 по 1899 год проживал в Японии в качестве миссионера и даже владел японским языком. В это время японскими шпионами объявляли себя на пыточных допросах в НКВД подчас простые колхозники Хабаровского края, плохо представлявшие себе страну восходящего Солнца. Поэтому разоблачить митрополита Сергия с его прошлыми посещениями Японии как японского шпиона было вполне возможно. Это дело не получило дальнейшего развития, но сам факт его появления свидетельствовал о том, насколько уязвим был даже сам митрополит Сергий.

Характер репрессий, направленных против Церкви, можно проследить, проанализировав судьбу епископской иерархии в это время. Не прекращавшиеся все 1920-е годы репрессии требовали восполнения епископата, ибо без епископата церковная жизнь в стране не могла существовать. В 1929 году произошло две хиротонии, но шесть епископов было арестовано, в 1930 году — три хиротонии, но восемь епископов было арестовано, в 1931 году — семь хиротоний, шестнадцать епископов было арестовано. Этот процесс продолжался и в последующие годы, достигнув своего апогея уже в середине 1930-х годов. За период с 1935 по 1936 год было осуществлено пять новых епископских хиротоний, но за это же время было арестовано тридцать четыре епископа. А в страшном 1937 году уже не было ни одной епископской хиротонии, но было арестовано

пятьдесят епископов и большинство расстреляно. Эта целенаправленно проводившаяся политика уничтожения православного епископата действительно вызывала ощущение, что вторая объявленная безбожной пятилетка может осуществить свои направленные против Церкви планы.

Митрополиту Сергию 11 сентября 1936 года сообщили, что Патриарший Местоблюститель митрополит Петр скончался в заключении, хотя в действительности ему предстояло погибнуть в декабре 1937 года во время массовых расстрелов находившегося в заключении духовенства. Несмотря на то что запрещенный в священнослужении митрополитом Сергием в 1930 году Патриарший Местоблюститель митрополит Кирилл был еще жив, 27 декабря 1936 года появился акт о переходе прав и обязанностей Местоблюстителя Патриаршего Престола Православной Российской Церкви к Заместителю Патриаршего Местоблюстителя блаженнейшему митрополиту Московскому и Коломенскому Сергию.

Завершавший первую пятилетку безбожия, 1937 год был ознаменован также и тем, что в это время проводили перепись населения. Данные переписи были весьма разнообразны и во многом не удовлетворили советское руководство, но показательно, что при разработке анкет с вопросами, на которые должны были отвечать советские граждане, по инициативе Сталина был предложен вопрос об отношении к религии. Во время переписи на вопрос об отношении к религии ответили 97 миллионов 521 тысяча советских граждан, хотя многие из опрашиваемых предпочли уклониться от ответа на этот вопрос. Из этого количества опрошенных по данному вопросу 55 миллионов 278 тысяч, то есть почти 57%, признали себя верующими. Причем две трети положительно ответивших на данный вопрос были представителями сельского населения и треть — представителями городского населения. То, что после многолетних гонений на Церковь, достигших апогея к 1937 году, такое значительное количество людей называли себя верующими, хотя большинство из них к тому времени уже не посещали регулярно храмы, свидетельствовало для властей о недостаточной эффективности тех методов борьбы с Церковью, которые использовались уже двадцать лет. В то же время с церковной точки зрения ситуация, при которой после двадцати лет в том числе и кровавых гонений на Церковь в стране оставалось 57% верующих, но при этом крупнейшая Поместная Церковь православного мира была почти полностью уничтожена, побуждала поставить вопрос о содержании веры этих людей. Была ли эта вера подлинно христианской, если эти, как

они сказали во время переписи, верующие в Бога люди позволили в своей стране своим соотечественникам, а значит, вчерашним своим единоверцам уничтожать Церковь в лице духовенства и активных мирян? Нуждалась ли их вера в Бога в существовании в стране Церкви Христовой? Впрочем, эти данные переписи не могли не стимулировать обрушившиеся на страну репрессии периода Большого террора в том числе и по отношению к духовенству и многочисленным продолжавшим участвовать в церковно-приходской жизни мирянам.

Почти всех арестовывавшихся в это время священнослужителей расстреливали, как расстреливали практически всех находившихся тогда в лагерях представителей духовенства. Не касаясь уже упомянутых погибших в это время представителей церковной оппозиции митрополиту Сергию, следует упомянуть трех наиболее выдающихся членов Временного Патриаршего Синода, впоследствии канонизованных как священномучеников, которых не спасла от гибели даже их близость к митрополиту Сергию. Митрополит Одесский Анатолий (Грисюк) был арестован 10 августа 1936 года и в январе 1938 года умер в лагерной больнице, 73-летний митрополит Киевский Константин (Дьяков) был арестован 29 октября 1937 года и 10 ноября 1937 года убит во время допроса, 82-летний митрополит Серафим (Чичагов) был арестован в ноябре 1937 года и расстрелян 11 декабря 1937 года.

Для того чтобы лучше представить себе масштаб гонений, обрушившийся на Церковь к концу 1930-х годов, следует вновь обратиться к страшной статистике той эпохи, вспомнить, как менее чем за четверть века самая крупная, самая богатая, самая интеллектуально активная, имевшая среди своего духовенства немало подлинных подвижников благочестия Русская Православная Церковь была превращена в насчитывающую всего несколько сотен представителей духовенства религиозную группу. Уже за первые двадцать лет большевистского режима с 1917 по 1936 год по данным, которые вряд ли когда-нибудь будет возможно окончательно уточнить, репрессиям подверглось не менее 50 000 священнослужителей, в число которых входят епископы, священники, диакона, штатные псаломщики, монахи и монахини, церковные старосты. При этом убито среди них было не менее 10 000—12 000 человек. По данным Комиссии по реабилитации жертв политических репрессий при Президенте РФ, которые также не могут считаться окончательными, только в 1937 году было убито 85 300 священнослужителей, а с 1938 по 1941 год — еще 25 400. Таким образом,

с 1917 по 1941 год было убито не менее 120 000 священнослужителей. Надо при этом помнить, что к 1916 году в Русской Православной Церкви насчитывалось 140 епископов, 112 629 священников, дьяконов, штатных псаломщиков, 29 128 монахов и монахинь, то есть в общей сложности 141 757 служителей и служительниц Церкви. Конечно, кто-то принимал священный сан и монашеский постриг и в советское время, кто-то умирал естественной смертью. В 1941 году на территории страны, в границах до 1939 года, действующих храмов оставалось от 100 до 200, в них служило не более 300 священнослужителей, а на свободе оставались всего лишь четыре правящих архиерея во главе с митрополитом Сергием. Монастырское монашество, которое к 1916 году насчитывало в своих рядах 29 128 монахов и монахинь и 1025 монастырей, было ликвидировано в середине 1930-х годов полностью. Точно так же полностью была ликвидирована к началу 1920-х годов вся система богословского образования, которая насчитывала четыре академии, около шестидесяти семинарий, 185 духовных училищ, более 42 000 церковно-приходских школ.

Объявленная второй пятилеткой безбожия третья пятилетка, которая начиналась в 1938 году и должна была завершиться в 1942-м и которая должна была окончательно покончить с религией в Советском Союзе, в 1941 году, казалось, была близка к достижению своей цели. В это время не только немногочисленным оставшимся в живых священнослужителям, но, возможно, и самому митрополиту Сергию казалось, что его политика компромиссов не только не сохранила Церковь, но, по существу, привела ее к полному крушению. Но именно в 1941 году ситуация в русской церковной жизни неожиданным и кардинальным образом начала меняться.

Русская Православная Церковь в начале Второй мировой войны. 1939–1941 годы

Вторая мировая война началась в Европе в сентябре 1939 года нападением фашистской Германии и Советского Союза на Польшу. Вступление советских войск на территорию Польши привело к тому, что Западная Белоруссия и Западная Украина вошли в состав Советского Союза, и вскоре, летом 1940 года, в соответствии с секретными протоколами пакта Молотова-Риббентропа СССР аннексировал страны Прибалтики и входившие в состав Румынии Бессарабию и Северную Буковину. Вступление Советского Союза во Вторую мировую войну неожиданно изменило религиозную ситуацию в стране, ибо на захваченных советскими войсками территориях продолжалась православная церковная жизнь, не прекращавшаяся в 1920–1930-е годы, несмотря на то что положение Православной Церкви в захваченных СССР государствах как административно, так и юрисдикционно было весьма различно.

На территории Западной Украины и Западной Белоруссии находилась Польская Православная Церковь, возникшая на основе бывших епархий Русской Православной Церкви, которые оказались в составе Польского государства и которые в сентябре 1925 года получили статус Автокефальной Польской Церкви от Константинопольского Патриарха при поддержке польского правительства. Предстоятелем Польской Автокефальной Церкви был митрополит Дионисий (Валединский), который, будучи русским по происхождению, служил епархиальным архиереем на этих территориях с начала XX века. Несмотря на постоянное давление польских властей, Православная Церковь в Польше не испытала и малой толики тех бедствий, которые обрушились на Православную Церковь в СССР.

В Эстонии Православная Церковь с июля 1923 года была автономной митрополией в составе Константинопольского Патриархата и

возглавлялась митрополитом Александром (Паулусом), в прошлом пресвитером Русской Православной Церкви, а в Латвии во главе Православной Церкви, вошедшей в состав Вселенского Патриархата, с 1936 года стоял митрополит Августин (Петерсон), также бывший клирик Русской Православной Церкви. В Литве располагалась Виленская и Литовская епархия, которая все это время оставалась в юрисдикции Московской Патриархии и которую с 1921 года бес­сменно возглавлял митрополит Елевферий (Богоявленский). Православные епархии на территории Бессарабии и Северной Буковины входили в это время в состав Румынской Православной Церкви.

На занятых Красной армией территориях в это время действовало 3 342 приходских храма и 64 монастыря. Во всех странах Прибалтики, в Польше, Бессарабии имелись богословские факультеты или духовные семинарии, которые готовили кадры православного духовенства. Конечно, приход советских войск ознаменовал собой перенесение репрессивной политики советского государства на территорию этих стран. Но в первую очередь органы НКВД и НКГБ расправлялись с деятелями прежней государственной власти, помещиками, представителями буржуазии, офицерства, интеллигенции, сотрудниками полицейских служб. Первые полтора-два года присутствия советских властей на этих территориях не привели к столь кровавым репрессиям в отношении Церкви, какие имели место в Советском Союзе, и к моменту нападения фашистской Германии на Советский Союз в июне 1941 года на этих территориях было закрыто лишь несколько десятков храмов, арестовано не более двухсот священнослужителей. Конечно, на этих территориях в школах было запрещено преподавание Закона Божьего, была ликвидирована вся система богословского образования, но основная часть храмов и монастырей, подавляющее число духовенства продолжали совершать свое служение. Осуществлявшие свое служение почти двадцать лет в государствах, где более или менее добросовестно соблюдались нормы закона, представители православной церковной иерархии на территории Западной Украины и Западной Белоруссии, Прибалтики и Молдавии рассчитывали сохранить свои позиции, перейдя в юрисдикцию митрополита Сергия. Им казалось, что официально признанный в Советском Союзе Местоблюститель Патриаршего Престола Московской Патриархии сумеет стать гарантом сохранения церковной жизни. Им трудно было представить себе ту страшную реальность, в которой проходила жизнь Церкви в СССР и которая заключалась в том, что даже официально признанная Церковь на советской территории могла подвергаться репрессиям, как какое-то

запрещенное или вообще поставленное вне закона подпольное политическое сообщество. Однако переход в юрисдикцию митрополита Сергия всех православных церковных иерархов, находившихся на территориях, занятых Красной армией, в это время одобрялся и советским руководством.

В результате 28 октября 1940 года митрополит Сергей издал указ об образовании под его омофором на территории Западной Украины и Западной Белоруссии Западного экзархата в составе всех существовавших на этих территориях шести епархий и назначении в Волыноско-Луцкую епархию в качестве правящего архиерея и экзарха архиепископа Николая (Ярушевича) с оставлением на епархиальных кафедрах всех перешедших в Московскую Патриархию епископов. Точно так же 24 февраля 1941 года митрополит Сергей назначил теперь уже архиепископа Сергия (Воскресенского) на Виленскую и Литовскую кафедру (митрополит Елевферий скончался 31 декабря 1940 года) в качестве экзарха Прибалтики с оставлением на Таллинской кафедре митрополита Александра (Паулуса).

Кратковременный опыт осуществления религиозной политики на территориях Западной Украины и Западной Белоруссии, Прибалтики и Молдавии, занятых СССР в начале Второй мировой войны, выразительно показал весьма парадоксальное положение Московской Патриархии. С одной стороны, к 1939 году внутри СССР Русская Православная Церковь была поставлена репрессивной политикой коммунистического режима на грань полного уничтожения уже в ближайшие годы. С другой стороны, на территориях, только что включенных в состав СССР, формальное присоединение к юрисдикции Русской Православной Церкви местных Православных Церквей независимо от их предыдущей юрисдикции давало возможность епископату этих Церквей на какое-то время продлить свое пусть теперь и во многом стесненное, сопровождающееся правовыми ограничениями и периодическими репрессиями отдельных представителей духовенства существование.

В данном случае религиозная политика коммунистического режима следовала той тенденции, которая в конечном итоге окончательно возобладали в ней в годы Второй мировой войны и которая сводилась к сочетанию в ней деятельности, направленной на полное уничтожение церковной жизни, с деятельностью, направленной на использование еще недоуничтоженной Церкви для решения конкретных тактических задач как внутренней, так и, преимущественно, внешней политики. В качестве выразительной иллюстрации этой политики следует привести два исторических документа, связанных с собы-

тиями в церковной жизни на территориях, которые оказались в составе СССР в начале Второй мировой войны.

Из записки Л. П. Берии, наркома внутренних дел СССР, И. В. Сталину и В. М. Молотову «О церковных епархиях в западных областях УССР и БССР» 20 сентября 1940 года:

Разослано: Тов. Сталину. Тов. Молотову.

На территории западных областей УССР и БССР в настоящее время существует три епархии из числа пяти епархий Автокефальной православной церкви на территории бывшей Польши:

1) Гродненско-Новогрудская (356 приходов), во главе уже 18 лет Пантелеймон Рожновский, сторонник Московской патриархии. 2) Полесская епархия (320 приходов), возглавляемая Александром Иноземцевым... 3) Волынская епархия во главе с Алексеем Громадским, также автокефалистом и сторонником полонизации. В связи с ликвидацией Синода польской автокефальной православной церкви, возглавляемым Дионисием Валединским, руководство этими епархиями обратилось к митрополиту Сергию Старгородскому, главе староцерковников в СССР, с просьбой о принятии этих епархий в юрисдикцию Московской патриархии.

Пользуясь этим, НКВД СССР с целью выявления намерений руководителей церковных епархий в западных областях Украины и Белоруссии через агентуру по староцерковникам были организованы их вызовы в Московскую патриархию с отчетами о состоянии этих епархий. К предложению приехать в Москву руководители церковников в западных областях отнеслись негативно. Высказывалась боязнь, что по приезде в Москву начальники епархий будут арестованы. В связи с этим были попытки отклонения от поездки в Москву. <...>

В целях установления контроля за деятельностью руководителей православной церкви в западных областях УССР и БССР и предотвращения с их стороны вражеских действий, а также противодействия стремлениям немцев использовать эту церковь в антисоветских целях, НКВД СССР считает необходимым провести в первую очередь следующие мероприятия:

Через агентуру НКВД СССР в Московской Патриархии староцерковников провести решение патриархии о назначении в западные области УССР и БССР своего экзарха (представителя) с подчинением ему в административном отношении Гродненско-Новогрудской, Полесской и Волынской епархий.

В качестве такого представителя может быть назначен агент НКВД Ярушевич Б. Д., архиепископ Ленинградской епархии, под прикрытием которого целесообразно создать нелегальную резидентуру НКВД СССР для организации агентурной работы среди церковников как в западных областях, так и на территории немецкого генерал-губернаторства.

В качестве резиденции экзарха Московской патриархии определить г. Луцк, являющийся своеобразным центром православной церкви в западных областях.

Прошу Ваших указаний.

Народный комиссар внутренних дел Союза ССР Л. Берия

Из информационной записки наркома государственной безопасности СССР В. Н. Меркулова И. В. Сталину и В. М. Молотову об автокефалистах в Прибалтике 29 апреля 1941 г.:

Разослано т. Сталину, т. Молотову.

В целях установления оперативного контроля за деятельностью руководства православной церкви в Прибалтийских республиках и предотвращения попыток использования иностранными разведками и их агентурой церковных организаций для борьбы против советской власти, — НКГБ СССР подготавливает осуществление следующих мероприятий:

1. Через агентуру НКГБ СССР вынести решение Московской патриархии о подчинении ей православных церквей Латвии, Эстонии и Литвы, для чего использовать имеющиеся заявления от местного руководящего духовенства и верующих. Решением предусмотреть необходимость роспуска епархий в Латвии, Эстонии и Литве и создание вместо них обычных епархий, подконтрольных Московской патриархии.

2. Для управления епархиями Прибалтийских республик решением Московской патриархии назначить в качестве экзарха (управляющего) архиепископа Воскресенского Дмитрия Николаевича (агента НКГБ СССР), воспользовавшись для этого имеющимися в Московской патриархии соответствующими просьбами со стороны местного духовенства.

*Народный комиссар Государственной безопасности СССР
Меркулов¹*

Два вышеприведенных документа позволяют представить себе те зловещие результаты, к которым привела политика митрополита

¹ Курляндский И. А. Сталин, власть, религия. С. 542–543.

Сергия, уже в конце 1920-х годов перешедшего от политики безусловной лояльности Русской Православной Церкви по отношению к коммунистическому государству к политике безусловного сотрудничества Церкви с государством, никогда не отказывавшимся от провозглашенной им на заре своей истории идеи уничтожения христианства. Прошло лишь десять лет, и два документа, написанные руководителями главных преступных ведомств коммунистического государства — НКВД и НКГБ — Л. П. Берией и В. Н. Меркуловым, обыденно, как о само собой разумеющемся, говорили о двух из трех оставшихся на свободе рядом с митрополитом Сергием правящих архиереях — об архиепископе Николае (Ярушевиче) и архиепископе Сергии (Воскресенском) — как об агентах соответственно НКВД и НКГБ, выполнявших агентурные задания по взятию под контроль советских спецслужб церковной жизни миллионов православных христиан на только что занятых Красной армией территориях. Так политика безусловного сотрудничества Московской Патриархии и советского государства преобразовывалась в политику безусловной интеграции руководства Московской Патриархии в структуры советских спецслужб, при этом отнюдь не гарантировавшей Русской Православной Церкви в СССР дальнейшего сколько-нибудь стабильного существования.

Переживавшаяся на протяжении почти четверти века Русской Православной Церковью трагедия гонений в коммунистической России и трагедия изгнания в русском зарубежье не могли не обусловить очень сложное и противоречивое отношение представителей русской церковной иерархии как в СССР, так и в русском зарубежье к началу 22 июня 1941 года войны между нацистской Германией и Советским Союзом. Выразительным свидетельством этого стали выступления трех выдающихся священнослужителей, представлявших три основные юрисдикции Русской Православной Церкви, которые существовали тогда в коммунистической России и русской диаспоре, за границей, тем более что проживали они либо в нацистской Германии, либо в СССР и выступили практически одновременно в течение нескольких дней после нападения Германии на Советский Союз.

Митрополит Серафим (Ляде), стяжавший себе глубокое уважение даже в консервативных кругах Русской Зарубежной Церкви, несмотря на свое пятилетнее служение обновленческим епископом, был назначен Архиерейским Синодом на Берлинскую кафедру под давлением нацистских властей как этнический немец, но в годы войны проявлял себя как активный покровитель русских бе-

женцев и советских военнопленных. Его воззвание появилось почти сразу после начала войны.

Во Христе возлюбленные братья и сестры!

Карающий меч Божественного правосудия обрушился на советскую власть, на ее приспешников и единомышленников. Христолюбивый Вождь германского народа призвал свое победоносное войско к новой борьбе, к той борьбе, которой мы давно жаждали, — к освященной борьбе против богоборцев, палачей и насильников, засевших в Московском Кремле... Воистину начался новый крестовый поход во имя спасения народов от антихристовой силы... Наконец-то наша вера оправдана! Поэтому, как первоиерарх Православной Церкви в Германии, я обращаюсь к вам с призывом. Будьте участниками в новой борьбе, ибо эта борьба и ваша борьба; это — продолжение той борьбы, которая была начата еще в 1917 г., — но увы! — окончилась трагически, главным образом, вследствие предательства ваших лжесоюзников, которые в наши дни подняли оружие против германского народа. Каждый из вас сможет найти свое место на новом антибольшевицком фронте. «Спасение всех», о котором Адольф Гитлер говорил в своем обращении к германскому народу, есть и ваше спасение, — исполнение ваших долголетних стремлений и надежд. Настал последний решительный бой. Да благословит Господь новый ратный подвиг всех антибольшевицких бойцов и даст им на врагов победу и одоление. Аминь!¹

Архимандрит Иоанн (Шаховской) был клириком Западноевропейского экзархата митрополита Евлогия, находившегося под подозрением у нацистских властей не только на территории оккупированной Франции, но и еще раньше в самой Германии как ориентирующийся в своей политике на западные демократии. После нескольких лет противостояния германскому Министерству культов, угроз быть высланным из страны за отказ перейти в юрисдикцию Русской Православной Церкви Заграницей архимандрит Иоанн отстоял за своим приходским храмом святого князя Владимира в Берлине право оставаться в юрисдикции митрополита Евлогия. Начав свою борьбу с большевизмом в семнадцать лет в рядах армии генерала А. И. Деникина и продолжив ее почти через двадцать лет в Испании в качестве военного священника в подразделении русских белоэмигрантов в армии генерала Франко, архимандрит Иоанн неоднократно ощущал на собственном опыте

¹ Листовка, отпечатанная отдельным оттиском в июне 1941 г.

антихристианскую политику нацистских властей в Германии, но одновременно мучительно переживал гораздо более трагическую судьбу Церкви в России. 29 июня 1941 года в выходящей в Германии газете «Новое слово» появилось обращение архимандрита Иоанна «Близок час».

Кровь, начавшая проливаться на русских полях 22 июня 1941 г., есть кровь, льющаяся вместо крови многих тысяч русских людей, которые будут скоро выпущены из всех тюрем, застенков и концлагерей Советской России. Одно это уже исполняет сердце радостью. Лучшие русские люди будут скоро отданы России. Лучшие пастыри будут отданы Церкви, лучшие ученые — русской науке, лучшие писатели — народу, отцы — детям своим и дети — родителям, к женам вернутся с далекого севера любимые мужья; сколько друзей разсланных вновь соединятся... Промысел избавляет русских людей от новой гражданской войны, призывая иноземную силу исполнить свое предназначение.

Кровавая операция свержения третьего интернационала поручается искусному, опытному в науке своей германскому хирургу. Лечь под этот хирургический нож тому, кто болен, не зазорно. У каждого народа есть свои качества и дары. Операция началась, неизбежны страдания ею вызываемые интернационала рукою созданных и связанных на всех своих местах русских людей. Невозможно было долее ждать, что за эту задачу возьмутся те так называемые «христианские» правительства, которые в недавней испанской борьбе были и материально, и идеологически не на стороне защитников христианской веры и культуры. Обессиленные и закрепощенные по лагерям, заводам и колхозам русские люди были бессильны подняться против международной атеистической силы, засевавшей в Кремле. Понадобилась железноточная рука германской армии. Ей ныне поручено сбить красные звезды со стен русского Кремля.

Новая страница русской истории открылась 22 июня, в день празднования русской церковью памяти «Всех святых, в земле русской просиявших». Не ясное ли это даже для самых слепых знамение того, что событиями руководит Высшая Воля. В этот чисто русский (и только русский) праздник, соединенный с днем воскресения, началось исчезновение демонских криков «Интернационала» с земли Русской. Скоро, скоро русское пламя взвоется над огромными складами безбожной литературы. Мученики веры Христовой, и мученики любви к ближнему, и муче-

ники правды человеческой выйдут из своих застенков. Откроются оскверненные храмы и освялятся молитвой. Священники, родители и педагоги будут вновь открыто учить детей истине Евангелия. Иван Великий заговорит своим голосом над Москвой, и ему ответят бесчисленные русские колокола.

Это будет «Пасха среди лета», о которой 100 лет тому назад в прозрении радостного духа пророчествовал великий святой Русской земли преподобный Серафим. Лето пришло. Близка русская Пасха...¹

Находившиеся в это время в Берлине митрополит Серафим и архимандрит Иоанн проявили себя в своих выступлениях как типичные для среды белой эмиграции традиционные русские патриоты, а значит, и как последовательные антикоммунисты, и проявили совершенно искренне и естественно. Конечно, никакая национальная приверженность или политическая убежденность в мировоззрении христианского пастыря не должны становиться самодевулирующими стихиями. Однако, пребывая в стране с тоталитарным режимом, навязывавшим своим подданным постулаты нацистской идеологии, оба они сознательно или неосознанно привнесли в свои выступления один из важнейших элементов государственной пропаганды нацистской Германии — обличение в тот момент уже находившихся в состоянии войны с Германией западных демократий. И все же лейтмотивом посланий обоих священнослужителей была надежда на то, что, может быть, хотя бы германская армия окажется способной сокрушить коммунистический режим, который уже более двадцати лет на глазах у всего мира уничтожал Русскую Православную Церковь и историческую Россию.

Однако нападение Гитлера на Советский Союз отнюдь не преследовало цели освобождения России от коммунизма. Опасаясь нападения Сталина, Гитлер начал эту войну раньше, чем предполагал, без достаточной подготовки и не завершив войну с западными странами. Главной целью Гитлера всегда оставался захват нового жизненного пространства, и политика геноцида по отношению ко многим народам Советского Союза представлялась нацистскому руководству единственно возможной и оправданной. Конечно, о замыслах нацистского руководства могли не знать жившие за железным занавесом советские граждане, но политически активные русские эмигранты, в том числе выступавшие на политические

¹ *Иоанн (Шаховской)*. Близок час // Церковно-исторический вестник. 1998. № 1. С. 81–82.

темы представители Церкви, не должны были обольщаться надеждами на такого рода освобождение.

Сообщение о нападении Германии на Советский Союз прозвучало утром 22 июня 1941 года, в воскресный день, когда отмечался праздник Всех святых в земле Российской просиявших, и митрополит Сергей, вернувшись после Божественной литургии в свою скромную резиденцию, стал составлять послание пастырям и пасомым, в котором была сформулирована его позиция по отношению к почти полностью уничтожившему Русскую Православную Церковь коммунистическому государству в момент, когда самому этому государству стала угрожать опасность быть уничтоженным в войне с внешним врагом. Как и многие другие его сограждане, митрополит Сергей с трудом мог представить себе реальную сущность нацистского режима. Он знал лишь только то, что этот режим активно боролся с коммунистами и не допустил их прихода к власти в Германии, что преследования христиан в нацистской Германии не могли идти ни в какое сравнение с политикой, направленной на уничтожение Церкви в СССР, что советское руководство сначала обличало фашистский режим, а затем заключило с ним пакт о ненападении и до последнего времени находилось с ним в союзных отношениях. Но теперь этот диктаторский режим обрушился на Советский Союз. Что могла означать для Русской Православной Церкви победа нацистского режима в войне с режимом коммунистическим? И митрополит Сергей очередной раз сделал выбор.

Формулируя свою позицию от имени Русской Православной Церкви, испытавшей в предшествующие двадцать лет невиданные в своей истории гонения от коммунистического государства, митрополит Сергей ни разу не упомянул в своем послании ни об этих гонениях, ни о самом существовании в России богоборческого государства, но в то же время весьма двусмысленно отождествил это государство, уничтожавшее его отечество и его народ, с этим отечеством и этим народом.

Фашиствующие разбойники напали на нашу родину. Попирая всякие договоры и обещания, они внезапно обрушились на нас, и вот кровь мирных граждан уже орошает родную землю. Повторяются времена Батюга, немецких рыцарей, Карла шведского, Наполеона. Жалкие потомки врагов православного христианства хотят еще раз попытаться поставить народ наш на колени перед неправдой, голым насилием принудить его пожертвовать благом и целостностью родины, кровными заветами любви к своему отечеству. Но

не первый раз приходится русскому народу выдерживать такие испытания. С Божьей помощью и на сей раз он развеет в прах фашистскую вражескую силу. Отечество защищается оружием и общим народным подвигом, общей готовностью послужить отечеству в тяжкий час испытания всем, чем каждый может. Тут есть дело рабочим, крестьянам, ученым, женщинам и мужчинам, юношам и старикам. Всякий может и должен внести в общий подвиг свою долю труда, заботы и искусства. Вспомним святых вождей русского народа, например Александра Невского, Дмитрия Донского, полагавших свои души за народ и родину. Да и не только вожди это делали. Вспомним неисчислимы тысячи простых православных воинов, безвестные имена которых русский народ увековечил в своей славной легенде о богатырях Илье Муромце, Добрыне Никитиче и Алеше Поповиче, разбивших наголову Соловья Разбойника. Православная наша церковь всегда разделяла судьбу народа. Вместе с ним она и испытания несла, и утешалась его успехами. Не оставит она народа своего и теперь. Благословляет она небесным благословением и предстоящий всенародный подвиг.

Отдавая себе отчет в том, что для оставшихся на свободе представителей духовенства, бывших свидетелями коммунистических гонений, крушение богоборческого государства даже в условиях войны с внешним врагом будет представляться весьма желанной перспективой, митрополит Сергей постарался подчеркнуть нерасторжимость союза Русской Православной Церкви и коммунистического режима, вновь подменив понятие «государство» понятием «отечество» и поставив в один ряд понятие «измена родине» с изменой «пастырскому долгу».

Нам, пастырям Церкви, в такое время, когда отечество призывает всех на подвиг, недостойно будет лишь молчаливо посматривать на то, что кругом делается, малодушного не ободрить, огорченного не утешить, колеблющемуся не напомнить о долге и воле Божией. А если, сверх того молчаливость пастыря, его некасаемость к переживаемому паствой объясняется еще лукавыми соображениями насчет возможных выгод на той стороне границы, то это будет прямая измена родине и своему пастырскому долгу¹.

Определяющая это послание идеологема была сформулирована митрополитом Сергием уже в его декларации 29 июля 1927 года,

¹ Правда о религии в России. М., 1942. С. 15–16.

в которой как единственно возможная позиция Русской Православной Церкви рассматривалось утверждение о том, что «мы, церковные деятели, не с врагами нашего Советского государства и не с безумными орудиями их интриг, а с нашим народом и с нашим правительством», что «мы хотим быть православными и в то же время сознать Советский Союз нашей гражданской Родиной, радости и успехи которой — наши радости и успехи, а неудачи — наши неудачи», что «всякий удар, направленный в Союз, будь то война, бойкот, какое-нибудь общественное бедствие или просто убийство из-за угла, подобное варшавскому, сознается нами, как удар, направленный в нас», что «оставаясь православными, мы помним свой долг быть гражданами Союза»¹. Уже тогда митрополитом Сергием была обозначена мировоззренческая линия, следуя которой, можно было прийти к отождествлению Церкви сначала с народом, потом со страной, потом с государством. Чтобы поставить окончательный знак равенства между этой версией православного национал-большевизма и неоязыческим национал-социализмом недоставало только вождя, крови и почвы. Впрочем, кровь и почва уже присутствовали в послании митрополита Сергия от 22 июня 1941 года в лице исторических деятелей из еще недавно предававшегося интернациональной анафеме русского прошлого и эпических героев в лице былинных богатырей, вождю же суждено было появиться вскоре в последующих посланиях митрополита Сергия. Однако мера искренности суждений, высказанных в послании митрополита Сергия, вряд ли может быть сопоставима с мерой искренности митрополита Серафима и архимандрита Иоанна, проживших в условиях пронизанного ложью тоталитарного режима значительно меньшее количество лет, чем митрополит Сергий.

Не получавший в течение двух недель согласия властей на оглашение своего послания в немногочисленных еще действовавших на территории СССР храмах, митрополит Сергий решился 26 июня 1941 года в Богоявленском соборе на не имевшее ранее прецедентов служение молебна о победе Красной армии. Во время молебна в проповеди он попытался придать войне СССР с нацистской Германией образ войны православного русского народа с язычниками-германцами². В вышедших в годы войны еще двадцати шести посланиях тенденция придания войне между СССР и на-

¹ Акты святейшего Тихона, Патриарха Московского и всея России... С. 510, 512.

² Правда о религии в России. С. 83–86.

цистской Германией образа священной войны между православной и богоборческой странами, участие в которой есть исполнение религиозного долга для каждого православного христианина, будет проводиться митрополитом Сергием весьма последовательно и настойчиво.

Перспектива утверждения нацистского режима на территории Советского Союза на самом деле не могла сулить Русской Православной Церкви освобождения в той мере, в какой надеялись на это те, кто видел в нападении Германии на Советский Союз возможность освободить ее от большевистского плена. Но то, что в одно и то же время находившиеся в столь разных условиях, удивительно не похожие друг на друга архипастыри, такие как митрополит Серафим (Ляде), архимандрит Иоанн (Шаховской) и митрополит Сергей (Страгородский), столь по-разному осмыслили происшедшее, свидетельствовало о том, что Русская Православная Церковь вступила в новый исторический этап, прохождение которого открывало Церкви пока окутанную кровавым мраком перспективу либо окончательной гибели, либо трудно представимого возрождения.

Русская Православная Церковь на оккупированной территории в период Второй мировой войны

Насколько противоречили друг другу послания трех выдающихся архипастырей Русской Православной Церкви XX века митрополита Серафима (Ляде), будущего архиепископа Иоанна (Шаховского) и митрополита Сергия (Страгородского), настолько же противоречиво было то положение, в котором оказалась Русская Православная Церковь в это время. Подвергнувшаяся практически полному уничтожению на территории Советского Союза, Русская Православная Церковь оказалась перед неизвестной перспективой своего пребывания на территории, оккупированной войсками фашистской Германии.

Нападение Германии на Советский Союз не привело к ожидавшемуся Зарубежным Синодом началу миссионерской, пастырской деятельности духовенства Русской Православной Церкви Заграницей на лишенных религиозной жизни территориях СССР. Практически вплоть до окончания войны с Германией ни один священнослужитель синодальной юрисдикции не получил возможности осуществлять свою деятельность на оккупированной территории Советского Союза. Однако это не означало, что религиозная жизнь на этих территориях не начала возрождаться. Имея в качестве стратегической перспективы уничтожение в Третьем рейхе всех форм христианской церковной жизни, подвергая периодическим репрессиям католиков и лютеран в Германии, на территории Советского Союза нацистское руководство проводило иную политику.

К концу 1942 года германскими вооруженными силами была оккупирована территория СССР, на которой находилось около 75 миллионов советских граждан. Оккупационный режим на обширной территории СССР, занятой германскими войсками, первоначально находился под контролем военной администрации, ко-

торая по мере дальнейшего продвижения линии фронта передавала управление представителям Министерства восточных территорий, действовавшим в тесном сотрудничестве с Имперской службой безопасности.

Именно военная администрация, состоявшая из офицеров Вермахта, нередко благожелательно настроенных к перспективе религиозного возрождения на оккупированных территориях, оказывала наибольшее содействие стихийно и широко проявлявшемуся среди населения стремлению восстанавливать церковную жизнь прежде всего посредством открытия приходских храмов. Так, например, уже через две недели после взятия в июле 1941 года германскими войсками Смоленска был ликвидирован атеистический музей, располагавшийся в смоленском Успенском соборе. А 10 августа в возвращенном Русской Православной Церкви соборе в день памяти Смоленской иконы Божией Матери, именуемой «Одигитрия», был отслужен молебен перед найденным накануне немецкими солдатами и установленным в соборе чудотворным списком этой иконы, перед которым в 1812 году молился на Бородинском поле генерал-фельдмаршал М. И. Кутузов¹.

Точно так же в июле 1941 года во Пскове после ликвидации немецкими оккупационными властями религиозного музея, находившегося в Троицком соборе Псковского кремля, этот древний храм был передан Русской Православной Церкви, а 22 мая 1942 года в соборе была торжественно установлена привезенная немецкими солдатами из закрытого и оскверненного коммунистами Тихвинского монастыря чудотворная Тихвинская икона Божией Матери².

Всего на территории, занятой германскими войсками, за период оккупации было открыто около восьми тысяч храмов. Так, например, только на территории Ленинградской, Новгородской и Псковской областей было открыто 470 храмов, Курской области — 332 храма, Ростовской области — 243 храма, Краснодарского края — 229 храмов³.

В своем обращении к пастве 17 октября 1942 года по случаю годовщины вступления германских войск в Таганрог епископ Иосиф (Чернов) сказал:

¹ Ковалев Б. Н. Нацистская оккупация и коллаборационизм в России. 1941–1944. М., 2004. С. 453.

² Там же. С. 437.

³ Шкаровский М. В. Русская Православная Церковь при Сталине и Хрущеве. (Государственно-церковные отношения в СССР в 1939–1964 годах). М., 1999. С. 170, 182.

Год тому назад, под грохот германской артиллерии... палачи русского народа навсегда бежали из Таганрога, в город вступили рыцари германской армии. Под их защитой мы, христиане, подняли поверженный крест, стали восстанавливать разрушенные храмы. Возродилось прежнее чувство веры, ободрились пастыри Церкви и снова понесли людям живую проповедь о Христе. Все это стало возможным только под защитой германской армии. Слава доблестной и победоносной германской армии¹.

При этом прежде всего военная администрация, как это показывает, например, деятельность Псковской духовной миссии, решала русскому православному духовенству такие формы просветительско-миссионерского и социального служения, как преподавание Закона Божия в приходских и общеобразовательных школах, создание детских садов и детских приютов, катехизацию взрослых, просветительскую работу духовенства с учителями, предоставление духовенству возможности осуществлять свою миссионерскую деятельность на радио и в газетах. Ничего подобного не допускалось коммунистическим режимом в СССР не только в довоенный, но и в течение всего послевоенного периода вплоть до 1989 года.

Определявшаяся директивами Министерства восточных территорий и Имперской службы безопасности религиозная политика гражданской администрации предполагала по крайней мере временное продолжение деятельности открывавшихся храмов, хотя и оказывалась более сдержанной по сравнению с политикой военной администрации. Так, в циркуляре 2 июля 1941 года начальника Имперской службы безопасности Р. Гейдриха подчеркивалось: «Против стремления Православной Церкви утвердить свое влияние в массах ничего предпринимать не следует. Напротив, его необходимо, насколько возможно, поощрять, при этом с самого начала следует настаивать на принципе отделения Церкви от государства и препятствовать возникновению единой Церкви». Впрочем, в перспективе нацистское руководство предполагало возможность осуществления идеологического контроля над деятельностью православного духовенства. «Несомненно то, что стремящимся к религии массам оккупированных бывших советских областей надлежит снова дать какую-то форму религии, — писал в секретной директиве о религиозной политике на Востоке от 31 ок-

¹ Корнилов А. А. Преображение России. О православном возрождении на оккупированных территориях СССР (1941–1944 гг.). Нижний Новгород, 2000. С. 19–20.

тября 1941 года Р. Гейдрих. — ...Крайне необходимо воспретить всем попам вносить в свою проповедь оттенок вероисповедания и одновременно позаботиться о том, чтобы возможно скорее создать новый класс проповедников, который будет в состоянии после соответствующего, хотя и короткого обучения толковать народу свободную от еврейского влияния религию. Ясно, что заключение “избранного Богом народа” в гетто и искоренение этого народа <...> не должно нарушаться духовенством, которое, исходя из установки Православной Церкви, проповедует, будто исцеление мира ведет свое начало от еврейства»¹. В этом документе поражает, с одной стороны, вопиющая некомпетентность Гейдриха в вопросах религиозного характера, впрочем, напоминающая аналогичную некомпетентность руководителей ГПУ-НКВД, а с другой стороны, стремление поставить под жесткий идеологический контроль деятельность Русской Православной Церкви, привнести в ее вероучение принципы национал-социализма. По существу, перед нами еще один вариант возможного обновленчества, только не красного, а коричневого.

Такая позиция не меняла стихийно сложившуюся политику оккупационных властей. Храмы продолжали открываться и в рамках чисто религиозной деятельности действовали достаточно свободно. Более того, в возрождавшихся на оккупированных территориях школах вводилось преподавание Закона Божия, что было особенно необходимо в областях, где уже почти четверть века не существовало какой бы то ни было религиозно-просветительской деятельности. Однако такая ситуация не могла продолжаться долго. Безусловно, дальнейшие успехи Германии в войне против Советского Союза, разгром основных сил Красной армии, заключение какого-то временного перемирия или даже вытеснения советского государства за Уральский хребет, о чем всерьез размышлял руководитель Министерства восточных территорий А. Розенберг, могли изменить политику Германии. И дело было не только в том, что основная часть славянского населения должна была покинуть европейскую часть территории бывшего Советского Союза, но еще и в том, что, сохраняя религиозную жизнь, нацистское государство, как государство тоталитарное, стремилось взять эту религиозную жизнь под свой контроль. Если посмотреть на эту директиву с точки зрения перспектив русской церковной жизни, то несомненным становится одно: допущение достаточно свободной церковной

¹ Шкаровский М. В. Русская Православная Церковь при Сталине и Хрущеве. С. 140.

жизни немцами было лишь временным этапом. Появившийся 13 мая 1942 года указ А. Розенберга о принципах религиозной политики в рейхскомиссариатах — так назывались административные управления на оккупированных территориях Украины, Белоруссии и западных областей России — лишь фиксировал существование русских церковных приходов в условиях отделения Церкви от нацистского государства. В дальнейшем религиозная жизнь русских православных христиан должна была либо оказаться под жестким тоталитарным контролем нацистской идеологии, либо постепенно прекратиться. Таким образом, перспектива ее была не менее плачевна, чем та, которая встала перед Русской Православной Церковью в условиях коммунистического режима.

Отступление Красной армии из Киева привело к тому, что занимавший должность экзарха Украинской Церкви митрополит Николай (Ярушевич) был вывезен отступающими советскими войсками. В результате на Украине сложилась ситуация, при которой украинские епископы лишились своего, к тому времени уже признанного канонического главы. 18 августа 1941 года на епископском совещании в Почаевской лавре полномочия митрополита Николая были упразднены и участвовавшие в этом совещании пять архиереев заявили о восстановлении автономии Украинской Церкви в составе Московской патриархии. Права митрополита данной Церкви были переданы старейшему по хиротонии архиепископу Волынскому Алексию (Громадскому). В дальнейшем это решение было подтверждено 25 ноября 1941 года на епископском совещании в Почаевской лавре, и девять архиереев избрали экзархом автономной Украинской Православной Церкви архиепископа Алексия. Все последующее время вплоть до своего убийства 7 мая 1943 года митрополит Алексей продолжал возносить имя митрополита Сергия, и находившиеся в его юрисдикции почти 55% приходов Православной Церкви на Украине оставались в юрисдикции Московской Патриархии, несмотря на то что митрополит Сергий занимал, в отличие от митрополита Алексия, подчеркнуто антифашистскую и просоветскую позицию в условиях войны Советского Союза и Германии.

Продолжавший свою деятельность на территории оккупированной Польши, митрополит Варшавский Дионисий (Валединский) 24 декабря 1941 года назначил епископа Поликарпа (Сикорского), викария Волынской епархии, администратором Православной Церкви на Украине. Вскоре эта церковная группировка объявила себя автокефальной Украинской Православной Церковью и стала

осуществлять свою деятельность в западных районах Украины. Таким образом, в течение всего периода войны на Украине действовало две церковные юрисдикции — юрисдикция Московской Патриархии, которую возглавлял митрополит Алексей, и Украинская Автокефальная Церковь под руководством епископа Поликарпа. Она контролировала порядка 45% всех приходов на Украине. Отношения этих двух юрисдикционных группировок были довольно напряженными, тем более что и общественно-политическая ситуация на Украине складывалась весьма противоречиво. Достаточно напомнить, что наряду с довольно жестоким режимом оккупации на Украине имела место и жестокая партизанская борьба, в которой участвовали несколько политических группировок, воевавших как с немцами, так и одновременно между собой. В результате этой жестокой междоусобной войны, которая происходила на Украине, митрополит Алексей 7 мая 1943 года был убит, как считают, членами Организации украинских националистов, что свидетельствовало о том, что для украинских националистов юрисдикция Московской Патриархии рассматривалась как предательство интересов Украины. К моменту занятия Украины Красной армией к концу 1944 года на Украине действовало 6 072 храма, из которых во время войны были открыты 5 400 храмов, то есть практически лишенная храмов восточная и центральная Украина пережила религиозное возрождение. Большинство этих храмов находилось в юрисдикции Московской Патриархии.

В Белоруссии также происходило возрождение церковной жизни под руководством архиепископа Гродненского Пантелеймона (Рожновского), назначенного указом митрополита Сергия от 15 июля 1941 года. Немецкие власти предпринимали попытки создать Автокефальную Церковь Белоруссии, но они не увенчались успехом. Церковный Собор в Минске в сентябре 1942 года принял довольно расплывчатую формулировку, согласно которой каноническое объявление автокефалии Белорусской Церкви может наступить после признания ее всеми Автокефальными Церквями. Однако, несмотря на то что немецкие власти не смогли навязать белорусской церковной иерархии автокефалию, церковная жизнь на территории Белоруссии значительно активизировалась, и к концу 1944 года в Белоруссии действовало около 1 250 храмов, из которых за годы войны было открыто более шестисот.

Церковная ситуация на территории Прибалтики оказалась несколько сложнее. Следуя директивам нацистского руководства о создании на территориях, оккупированных Германией, как можно

большого числа юрисдикций и стремясь связать эти юрисдикции с этническим принципом, немецкие оккупационные власти поставили перед собой задачу создания в Прибалтике Эстонской Православной Церкви и Латышской Православной Церкви, в то же время допуская существование церковной жизни для русского и русскоязычного населения этих областей, но уже в православной юрисдикционной структуре, а именно в подчинявшемся Московской Патриархии экзархате Прибалтики во главе с митрополитом Виленским Сергием (Воскресенским).

Оставшись, вероятно, вопреки желанию советских военных властей и с согласия митрополита Сергия (Страгородского) в захваченной немецкими войсками Риге, митрополит Сергий (Воскресенский) после четырехдневного ареста не только вернулся к своей архипастырской деятельности, но и в ноябре 1941 года был признан немецкими властями главой Русской Православной Церкви в Прибалтике и на Северо-Западе, сохранив при этом формальное каноническое подчинение митрополиту Сергию (Страгородскому). Причиной столь благожелательного отношения немецких военных властей к митрополиту Сергию (Воскресенскому), еще недавно воспринимавшемуся даже многими представителями прибалтийского духовенства в качестве агента НКВД, стали как его заявления о безоговорочной лояльности немецкому оккупационному режиму, так и составленная им записка «Церковь в СССР перед войной». Эта записка, представившая исчерпывающую картину состояния церковной жизни в СССР к началу 1940-х годов, стала уникальным свидетельством о положении Церкви в условиях коммунистических гонений, сравнимым по глубине анализа и обоснованности своих выводов лишь с «Посланием соловецких епископов» 1926 года. Однако если «Послание соловецких епископов» предлагало программу развития церковной жизни в рамках тех экклезиологических и церковно-политических принципов, которых придерживались церковные иерархи, в дальнейшем находившиеся в оппозиции политике митрополита Сергия (Страгородского), то записка митрополита Сергия (Воскресенского) подводила объективные и далеко не утешительные итоги результатов именно той политики, которая проводилась обоими митрополитами Сергиями на протяжении предшествующих лет.

Большевики поставили себе целью уничтожить христианство... — писал митрополит Сергий (Воскресенский). — Это ясно всякому, кто отдает себе отчет в сатанинской сущности больше-

визма... Свои удары большевизм направил на все стороны церковной жизни. Он разогнал, сослал, истребил почти все духовенство и выделявшихся своей церковной работой мирян; закрыл все монастыри и почти все храмы; ликвидировал все учебные и благотворительные учреждения Церкви; экспроприировал церковные имущества; запретил церковную печать; лишил верующих права вести религиозную пропаганду, т. е. права защищать и распространять свою веру; организовал и повел неистовую пропаганду безбожия... Посильно замедлить, затормозить предпринятое большевиками разрушение Церкви всегда было главной задачей Патриархии. Она стремилась оградить догматическую чистоту и каноническую верность Православия, одолеть схизмы, сохранить канонически законное преемство высшей церковной власти, удержать канонически законное положение Российской Церкви среди прочих автокефальных Церквей и довести, таким образом, Церковь до лучшего будущего, когда после крушения большевизма Церковь могла бы вновь воспрянуть. Чтобы работать над выполнением этой задачи, Патриархии, прежде всего, надлежало сохранить собственное существование, которому грозила большая опасность... Ценой политической декларации митрополита Сергия была куплена легализация Патриархии и освобождение Церкви от обновленческого засилия. По этому типу строились и в дальнейшем отношения между Патриархией и Советской властью. Когда большевики требовали от митрополита Сергия каких-либо политических шагов, то он принимал их требования лишь под условием тех или иных послаблений Церкви... Согласившись на компромисс, на какие-либо уступки Церкви, большевики затем обманывали Патриархию, делая эти уступки иллюзорными... Нужно сказать, что и самая легализация Патриархии не оправдала на практике тех ожиданий, которые первоначально на нее возлагались. Легализована была не Православная Церковь как целое, а именно лишь Патриархия... Работая в Патриархии, мы сравнивали свое положение с положением кур в садке, из которого повар выхватывает свою очередную жертву — одну сегодня, другую завтра, но не всех сразу. Мы прекрасно сознавали, что большевики терпят существование Патриархии только ради собственных выгод, преимущественно пропагандных, и что нам приходится быть почти бессильными зрителями постепенного удушения Церкви большевиками. Но ради Церкви мы все же мирились со своим униженным положением, веря в ее конечную непобедимость и стараясь посильно сохранить ее до

лучших времен, до крушения большевизма... Но все наши усилия, страдания и унижения окажутся, конечно, напрасными, если безбожный большевизм не падет. С его падением связаны все надежды православных русских людей. Верю, что Господь этих надежд наших не посрамит¹.

Митрополиту Сергию (Воскресенскому) уже в первые месяцы немецкой оккупации удалось добиться того, что военная администрация разрешила русскому православному духовенству не только беспрепятственное и повсеместное открытие храмов, но и такие формы просветительско-миссионерского и социального служения, какие не допускались коммунистическим режимом в СССР не только в довоенный, но и в течение всего послевоенного периода. Подведомственное митрополиту Сергию (Воскресенскому) духовенство, как показал прежде всего пример Псковской духовной миссии, восстановившей за годы оккупации более 400 храмов, осуществляло преподавание Закона Божия в приходских и общеобразовательных школах, создавало детские сады и детские приюты, вело катехизацию взрослых и просветительскую работу с учителями, проводило свою миссионерскую деятельность на радио и в газетах. Предложение митрополита Сергия (Воскресенского) организовать силами подведомственного ему духовенства систематическое пастырское окормление советских военнопленных в лагерях, находившихся как на территории Прибалтики и Северо-Запада, так и на других территориях, в конечном итоге не получило поддержки военного командования, руководствовавшегося в течение всего периода войны оперативным приказом начальника имперской службы безопасности Р. Гейдриха от 16 августа 1941 года. Однако исполнение данного приказа представителями лагерной администрации далеко не всегда было безусловным, и уже с первых месяцев войны имели место неоднократные случаи разрешения комендантами отдельных лагерей пастырской деятельности русского православного духовенства среди военнопленных.

Для митрополита Сергия (Воскресенского) первые два года войны стали временем, когда последовательно, хотя и безуспешно проводившаяся им вместе с митрополитом Сергием (Страгородским) в СССР политика, основывавшаяся на идее возможности союза церковной иерархии с любым государством и на любых

¹ Шкаровский М. В., Соловьев И., свящ. Церковь против большинства [Митрополит Сергий (Воскресенский) и экзархат в Прибалтике]. М., 2013. С. 164–165, 173–177.

условиях, стала приносить громадные плоды на территории, оккупированной войсками нацистской Германии. Привычно отдавая политическую дань теперь уже не коммунистическому, а значительно более благосклонно относившемуся к его церковной деятельности нацистскому режиму, митрополит Сергей (Воскресенский) 23 июля 1942 года на архиерейском совещании в Риге не только благословил направление приветственной телеграммы Гитлеру, но и одобрил заявление совещания с критикой политической позиции Московской Патриархии, в юрисдикции которой продолжали находиться он и подведомственное ему духовенство. Не получив от коммунистического режима в течение пятнадцати лет своей безоговорочно лояльной политики даже малой толики тех возможностей развития церковной жизни, которые за несколько месяцев столь же лояльной политики добился от нацистского режима митрополит Сергей (Воскресенский), митрополит Сергей (Страгородский) выпустил 22 сентября 1942 года унизительное для них обоих послание «Возлюбленным во Христе всем верным чадам нашей Святой Православной Русской Церкви, в особенности обитающим в Литве, Латвии и Эстонии».

В Риге в начале августа объявились православные наши архиереи... — писал митрополит Сергей (Страгородский), — во главе с присланным из Москвы митрополитом Литовским Сергием Воскресенским, которые «не пожелали страдать с народом Божиим», а предпочли «имети временную греха сладость» (Евр. 11:25), пожить благополучно, питаясь от крупниц фашистского стола (да и долго ли еще фашисты будут засиживать нашу землю?), пусть другие жертвуют собой за Отечество. Волосы встают дыбом при чтении об истязании фашистами женщин, детей и раненых. А митрополит Сергей Воскресенский со своими «сподвижниками»-архиереями телеграфирует Гитлеру, что они «восхищаются ведущейся (Гитлером) героической борьбой» (с беззащитными?) и «молят всевышнего, да благословит он (фашистское) оружие скорой и полной победой»... Чем же объяснить, что православно-русские архиереи, не только не помышляющие об измене вере, но и подтверждающие свою верность канонам Церкви, вдруг торжественно объявляют себя за фашизм? У нас у всех перед глазами происходящее в странах Европы, захваченных фашистами. Происходящее подсказывает один только ответ на наш вопрос: прибалтийские наши архиереи подверглись воздействию по тем же методам, какие применяются фашистами всюду.

Чтобы загородиться от такого вывода, прибалтийские архиереи (или те, кто водил их руками) пытаются набросить тень на меня: я-де пишу свои послания против фашистов и призываю народ на борьбу против них, принуждаемый к тому Соввластью. Не буду напоминать, что наша Патриаршая церковь, начиная с покойного святейшего патриарха Тихона и доселе, неизменно признает Соввласть Богоустановленной в СССР. Лично же для меня достаточно и одной любви к Родине и моему народу, чтобы без чьих-либо просьб и тем паче принуждений всячески противиться фашизму и порабощению им нашей страны. Да будет же стыдно пытающемуся свое малодушие спрятать под клеветническими выпадами против Родной Церкви и меня — ее возглавителя¹.

К этому посланию митрополит Сергей (Страгородский) присокупил определение, требовавшее объяснений от митрополита Сергея (Воскресенского) по поводу Рижского совещания.

1) Теперь же потребовать от митр. Сергея (Воскресенского) и прочих вышеназванных преосвященных объяснения (с опубликованием его в печати), соответствуют ли действительности дошедшие до Патриархии сведения об архиерейском совещании в Риге; 2) В случае, если сведения будут признаны соответствующими действительности, предложить правящим архиереям немедленно принять все меры к исправлению допущенного ими уклонения от линии поведения, обязательной для архиереев, состоящих в юрисдикции Московской Патриархии².

Опубликованный в журнале «Православный христианин» «Ответ экзарха-митрополита Сергея на заявление Московского митрополита» прозвучал столь же политически ангажированно, но в гораздо большем соответствии с происходившими тогда событиями, чем многие послания митрополита Сергея (Страгородского).

Нам стало известно, что лондонский радиотелефон недавно сообщил о новом политическом заявлении митрополита Московского. В этом заявлении якобы говорится, что германцы на занятой ими территории разрушают Православную церковь, уничтожают православные святыни и преследуют православный народ. Отсюда митрополит Московский якобы делает вывод, что право-

¹ Русская Православная Церковь в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Сб. документов. М., 2009. С. 47–49.

² Там же. С. 50–51.

славию и вообще христианство могут быть спасены во всем мире только победой большевистского оружия. В ответ на это чудовищное послание мы считаем своим долгом сказать следующее: за время своего владычества большевики непрерывно подвергали Православную церковь и всякую вообще религию жесточайшему гонению. Об этом мы знаем по собственному опыту, ибо в течение многих лет несли мы в советской России бремя церковного служения, подвергаясь неоднократно, как и другие, тяжким унижениям, тюремным заключениям и всяческим насилиям, тайным и открытым. Об истребительности большевистского гонения на церковь неопровержимо свидетельствуют сотни тысяч казненных, умученных, заточенных и сосланных страдальцев за веру. Ничего подобного большевистскому надругательству над святынями еще не видел мир. <...> Германские власти отнюдь не посягают на нарушение канонического порядка, обеспечивают полную возможность развития Церкви и даже облегчают Ее служение... германские власти возвращают нам церкви, отобранные у нас большевиками... в этих церквях были склады, клубы, театры — теперь они вновь освящены и в них раздается слово Божие... а народ, религиозность которого никакой большевизм не был в силах истребить, валом валит в церкви, исповедуется и причащается, тысячами крестит детей... и вновь утешается возможностью свободно молиться в свободной церкви. <...> Нам не препятствуют ни в обучении школьников Закону Божию, ни в учреждении духовного училища, ни в издании церковной газеты и книг¹.

За годы войны на оккупированных территориях было открыто около 8 000 приходов, в то время как на территории, не подвергшейся оккупации Германии за этот же период, было открыто 716 приходов. Ставший сейчас весьма популярным миф о том, что массовое открытие храмов на территории СССР явилось результатом новой религиозной политики Сталина, конечно же, не соответствует действительности, и «новизна» религиозной политики Сталина в сфере возрождения храмовой жизни в Русской Православной Церкви проявилась лишь в том, что большая часть храмов, открывшихся на оккупированных во время войны территориях, не была им закрыта.

¹ Православный Христианин. Псков, 1942, ноябрь.

Русская Православная Церковь и советские военнопленные в годы Второй мировой войны

Судьба советских военнопленных в годы Второй мировой войны — одна из самых трагических, не имеющих аналогов в мировой военной истории страниц нашего недавнего прошлого. Сопровождавшееся многочисленными случаями попадания частей Красной армии в окружение стремительное наступление германских вооруженных сил привело уже в конце 1941 года к ситуации, когда в ближнем и дальнем тылу немецко-фашистских войск оказалось около 3,5 миллионов советских военнопленных, к которым в 1942 году прибавилось еще более миллиона. Всего же за период войны количество советских военнопленных достигло около шести миллионов человек (5 734 538)¹. Столь массовое пленение советских военнослужащих, превратившееся уже в первые месяцы войны в беспрецедентную в мировой военной истории гуманитарную катастрофу, делало практически невозможным создание для них условий содержания, соответствующих требованиям международных соглашений о военнопленных, даже если бы фашистская Германия и СССР готовы были соблюдать подобные соглашения. Однако тоталитарные режимы, существовавшие в это время в обеих странах, с самого начала войны фактически отказались от исполнения требований не только Женевской, но и Гаагской конвенций о военнопленных.

Уже 16 июня 1941 года генерал Г. Рейнеке, начальник Службы общего управления армии при Верховном командовании Вооруженными силами Германии, которая определяла политику армии по отношению к военнопленным, издал директиву об обращении с попавшими в плен советскими военнослужащими. «Большевицкий солдат потерял право на то, чтобы с ним обращались, как с честным противником, в соответствии с правилами Женевской

¹ Дугас И. А., Черон Ф. Я. Вычеркнутые из памяти. Советские военнопленные между Гитлером и Сталиным. Париж, 1994. С. 409.

конвенции... — писал генерал Г. Рейнеке в директиве от 8 сентября 1941 года. — При малейшем намеке на неподчинение... должен быть отдан приказ о безжалостном и энергичном действии... Каждый, кто при проведении этого приказа не прибегнет к своему оружию или сделает это недостаточно энергично, подлежит наказанию... Использование оружия против советских военнопленных вполне законно»¹. Необходимо подчеркнуть, что, несмотря на некоторые изменения, которые произошли в германской политике по отношению к советским военнопленным после 1942 года, основные принципы этой политики, основывавшейся на постулатах нацистской идеологии, последовательно проводились в жизнь на протяжении всей войны.

Не менее жестокой по отношению к советским военнопленным оказалась политика советского руководства, исходившая из принципов столь же человеконенавистнической, как и нацистская, коммунистической идеологии. Отказываясь на протяжении всего периода войны от каких бы то ни было переговоров с германским руководством об оказании помощи советским военнопленным при посредничестве Международного Красного Креста, сталинский режим уже в первые месяцы войны объявил своих военнопленных изменниками Родины. В приказе народного комиссара обороны СССР № 270 от 16 августа 1941 года говорилось:

Командиров и политработников, во время боя срывающих знаки различия и дезертирующих в тыл или сдающихся в плен врагу, считать злостными дезертирами, семьи которых подлежат аресту как семьи нарушивших присягу и предавших свою родину дезертиров... Обязать каждого военнослужащего независимо от его служебного положения потребовать от вышестоящего начальника, если часть его находится в окружении, драться до последней возможности, чтобы пробиться к своим, и если такой начальник или часть красноармейцев вместо организации отпора врагу предпочтут сдать ему в плен, — уничтожать их всеми средствами, как наземными, так и воздушными, а семьи сдавшихся в плен красноармейцев лишать государственного пособия и помощи².

На протяжении всей войны коммунистическое руководство не только не предпринимало никаких попыток облегчить поистине отчаянное положение советских военнопленных, но всячески насаждало пропагандистское представление о них как о государ-

¹ Дугас И. А., Черон Ф. Я. Вычеркнутые из памяти. С. 119–120.

² Там же. С. 409.

ственных преступниках, судьба которых не может иметь никакого значения для СССР.

Результатом столь преступной политики двух тоталитарных режимов по отношению к почти шести миллионам советских военнопленных стала гибель в годы войны более чем трех с половиной миллионов советских военнопленных, смертность которых в этот период составляла в среднем 57%. (Иной была судьба русских военнопленных в годы Первой мировой войны, когда правительства России и Германии старались придерживаться принципов международного права по отношению к военнопленным, благодаря чему смертность среди русских военнопленных составляла в среднем 5,4%).

Оставленные собственным правительством на полный произвол германской военной администрации, выполнявшей человеконенавистнические директивы нацистского партийно-государственного руководства, советские военнопленные были лишены оккупационными властями возможности получать какую-либо помощь и со стороны, впрочем, также находившегося в бедственном положении гражданского населения оккупированной территории СССР. При этом уже с 1942 года большинство оставшихся в живых военнопленных после самой страшной для них зимы 1941/42 года было переведено в лагеря, находившиеся за бывшей границей СССР.

В этих трагических условиях единственным общественным институтом, способным отозваться на нужды советских военнопленных, оказалась Русская Православная Церковь, которая попыталась в этой поистине беспрецедентной в мировой военной истории ситуации последовательно и бескорыстно оказывать помощь хотя бы немногим из миллионов страдальцев, оказавшихся в немецко-фашистских лагерях для военнопленных. И это несмотря на то, что охвативший всю оккупированную территорию процесс восстановления церковной жизни, когда на месте практически полностью уничтоженных во время коммунистических гонений десятков епархий и десятков тысяч закрытых приходов за два года было открыто около восьми тысяч храмов, ставил духовенство на данной территории перед необходимостью осуществлять на возрождавшихся приходах деятельность, направленную прежде всего на пастырское окормление гражданского населения.

Однако уже в ноябре 1941 года Псковская духовная миссия по благословению митрополита Сергия (Воскресенского) выпустила обращение к населению, призывавшее оказывать материальную помощь советским военнопленным, которую члены Миссии готовы были доставлять в лагерь, несмотря на весьма сдержанное отно-

шение немецких военных властей к перспективе посещения лагерей для военнопленных православными миссионерами.

Тронутые любовью к нашим в плену находящимся братьям, мы желаем им помочь и удовлетворить их нужды... — говорилось в обращении. — Мы знаем, что русский человек не будет стоять в стороне, когда надо помочь ближнему... Дайте, что можете: одежду, обувь, белье, одеяла и т. д. Все будет принято с благодарностью и будет роздано военнопленным: «Рука дающего да не оскудеет»¹.

Периодически предпринимавшиеся, часто вопреки противодействию немецких властей, попытки духовенства оккупированных территорий оказывать пастырскую и гуманитарную помощь советским военнопленным не могли существенно повлиять на общее положение советских военнопленных и достигали успеха лишь в период, когда большинство военнопленных находилось за пределами территории СССР.

Представители русской церковной иерархии, находившиеся в странах Европы и прежде всего в Германии, где церковно-приходская жизнь продолжала развиваться достаточно стабильно даже в годы войны и куда уже в первые месяцы войны стало пребывать значительное число советских военнопленных, сразу же откликнулись на их столь многочисленные духовные и материальные нужды. Уже 21 июля 1941 года возглавлявший Германскую епархию Русской Православной Церкви Заграницей архиепископ Серафим (Ляде) обратился с письмом в отдел военнопленных Службы общего управления армии при Верховном командовании Вооруженными силами Германии. В этом письме архиепископ Серафим просил предоставить русскому духовенству возможность «организовать православное душепопечение пленных красноармейцев» и «посылать священников с целью совершения богослужений в лагерях военнопленных»². Предложение архиепископа Серафима организовать силами подведомственного ему духовенства систематическое пастырское окормление советских военнопленных в лагерях, находившихся как на территории Германской епархии, так и на других территориях, в конечном счете не получило поддержки Верховного командования Вооруженными силами Германии, руководствовавшегося в течение всей войны оперативным приказом начальника Имперской службы безопасности

¹ Шкаровский М. В. Нацистская Германия и Православная Церковь. Нацистская политика в отношении Православной Церкви и религиозное возрождение на оккупированной территории СССР. М., 2002. С. 380.

² Там же. С. 288.

Р. Гейдриха от 16 августа 1941 года. Однако исполнение данного приказа представителями лагерной администрации далеко не всегда было безусловным, и уже с первых месяцев войны коменданты отдельных лагерей нередко допускали пастырскую деятельность русского православного духовенства среди военнопленных. Так, например, уже в сентябре—октябре 1941 года в лагере города Судауена в Восточной Пруссии священник Владимир Жеромский провел несколько богослужений, на которых присутствовало до полутора тысяч военнопленных, из которых удалось составить хор в пятьдесят человек, сумевших по памяти пропеть необходимые для этих богослужений церковные песнопения. Подобные случаи неоднократно имели место в это время не только в лагерях Германии, но и на территории Генерал-губернаторства. Эти прецеденты сподвигли собрание духовенства Германской епархии в январе 1942 года уполномочить архиепископа Серафима вновь обратиться к Верховному командованию Вооруженных сил Германии с просьбой о разрешении осуществлять систематическую пастырскую деятельность в лагерях для военнопленных. Однако весной 1942 года со стороны германского военного руководства последовал очередной отказ.

Аналогичная реакция со стороны Верховного командования Вооруженных сил Германии последовала и на инициативы представителей церковной иерархии Московской Патриархии, действовавших на оккупированной территории СССР и стремившихся систематически осуществлять духовное окормление военнопленных, остававшихся на данной территории. Последнее из подобных обращений, поступившее со стороны экзарха Московской Патриархии в Прибалтике митрополита Сергия (Воскресенского) и даже поддержанное комендантом лагерей для военнопленных при командующем частями вермахта в рейхскомиссариате «Остланд», было отклонено в конце 1943 года.

Наряду с представителями духовенства Русской Православной Церкви Заграницей осуществлять пастырскую деятельность среди советских военнопленных, находившихся в лагерях европейских стран, стремились и находившиеся под особым подозрением у немецких властей священнослужители Западноевропейского экзархата Вселенской Патриархии. Архимандрит Иоанн (Шаховской) впоследствии так описывал свое посещение в 1942 году офицерского лагеря в окрестностях Бад-Киссингена:

В нем содержалось около 3 тыс. советских командиров, главным образом молодых лейтенантов; но были и штаб-офицеры —

в особом здании... Можно представить мое удивление, когда среди этих советских офицеров, родившихся после Октября, сразу же организовался церковный хор, спевший без нот всю литургию. Приблизительно половина пленных захотели принять участие в церковной службе, общей исповеди и причастились Святых Таин. В этой поездке меня сопровождал о. Александр Киселев... Мы остались под огромным впечатлением от этой встречи с несчастными, раздавленными и войной, и лишениями, и унижениями русскими людьми¹.

Следует отметить, что упомянутый архимандритом Иоанном священник Александр Киселев, служивший под омофором митрополита Серафима, весьма успешно, по мнению своего митрополита, начал в это время «окормлять все виды имевшихся под Берлином лагерей»².

Регулярно предпринимавшиеся на основе частных договоренностей с отдельными представителями лагерной администрации попытки православного духовенства осуществлять церковную деятельность среди военнопленных подчас приводили к весьма значительным результатам, как, например, в лагере для военнопленных в Луккенвальде, где 2 августа 1943 года в специально отведенном для этого бараке епископом Потсдамским Филиппом было совершено освящение храма во имя святого равноапостольного князя Владимира. Еженедельные воскресные богослужения в этом храме стал совершать священник Михаил Попов, который входил в число узников этого лагеря.

Опыт с созданием лагерного храма в Луккенвальде способствовал активизации попыток со стороны митрополита Серафима добиваться разрешения германских властей на рукоположения священнослужителей для окормления военнопленных из числа самих узников лагерей. И несмотря на то что Верховное командование Вооруженных сил Германии не давало принципиального согласия на совершение подобного рода хиротоний, в ряде случаев митрополиту Серафиму удавалось добиваться успеха, как, например, это имело место в случае с рукоположением 20 ноября 1944 года священника Дмитрия Константинова. Впрочем, священнику Дмитрию Константинову вскоре пришлось организовывать в Дабендорфе походный храм во имя святого апостола Андрея Первозванного, в назначение которого входило пастырское окормление прежде

¹ *Иоанн (Шаховской), архиеп.* Избранное. Петрозаводск, 1992. С. 367.

² *Константинов Дмитрий, прот.* Через туннель XX столетия. М., 1997. С. 328.

всего тех военнопленных, которые вступили в вооруженные силы Комитета освобождения народов России¹.

Необходимо подчеркнуть, что проводившиеся с большими трудностями и не отличавшиеся регулярностью богослужения в лагерях для военнопленных часто сопровождались оказанием их узникам материальной помощи в виде передачи продовольствия и одежды, которые собирались среди прихожан православных храмов. Однако даже попытки Русской Православной Церкви оказать советским военнопленным помощь подобного рода не получали поддержки со стороны высшего военного командования и осуществлялись в основном благодаря согласию отдельных представителей лагерной администрации.

Последний эпизод деятельности Русской Православной Церкви по оказанию помощи советским военнопленным был связан с попытками ее иерархов повлиять на политику англо-американских союзников, осуществлявших насильственную выдачу бывших советских военнопленных в СССР. Обоснованно опасавшиеся, что жестокая политика коммунистического режима по отношению к собственным военнопленным может быть продолжена и после возвращения их в СССР, представители православного духовенства пытались добиться от оккупационных властей союзников прекращения насильственной выдачи бывших военнопленных и оstarбайтеров в советскую оккупационную зону. Кульминационным событием в этих попытках стало письмо председателя Синода Русской Православной Церкви Заграницей митрополита Анастасия (Грибановского) главнокомандующему войсками США за границей генералу Д. Эйзенхауэру:

Русские, конечно, любят свою родину не менее, чем французы, бельгийцы или итальянцы любят свою. Русские тоскуют по родине. Если, несмотря на это, они все же предпочитают оставаться на чужбине, не имея жилища, часто будучи голодными и не имея юридической защиты, то это только по одной причине: они хотят сохранить самую большую драгоценность на этой земле — свободу: свободу совести, свободу слова, право на собственность и личную безопасность. Многие из них уже состарились и хотели бы умереть на родине, но это невозможно, покуда там господствует власть, которая основана на терроре и подавлении человеческой личности. Я должен со скорбью свидетельствовать, что это продолжается и сейчас, после окончания войны. Этот факт

¹ Константинов Дмитрий, *прот.* Через туннель XX столетия. С. 331.

засвидетельствован теми из наших соотечественников, которые поехали туда по своей собственной воле или же в результате пропаганды — и в ужасе вновь бежали оттуда. Замечателен тот факт, что не только интеллигенция, но и крестьяне, и простые рабочие, которые покинули Россию после 1941 г., когда она вступила в войну, и которые были воспитаны в условиях советской жизни, — не желают возвращаться в Советскую Россию. Когда пробовали их депортировать силой, они зывали в отчаянии и молили о милосердии. Они даже иногда кончают самоубийством, предпочитая смерть на чужой земле, чем возвращение на родину, где их ожидают одни страдания. Надежда на защиту доблестной Американской армии и побудила так многих русских стремиться попасть в американскую зону оккупации... они надеются, что им, как и раньше, будет оказана благожелательная помощь. Они уверены, что победоносная Американская армия, армия страны, которая славится своей любовью к свободе и человечеству, поймет их желание отстаивать свои наилучшие национальные и религиозные идеалы, ради которых они страдают уже более 25 лет ¹.

Однако это письмо не смогло повлиять в целом на политику союзников в вопросе о выдаче бывших советских военнопленных. Поэтому помощь представителей православного духовенства тем или иным советским военнопленным и в данном случае осуществлялась лишь посредством переговоров с отдельными представителями теперь уже не администрации немецких лагерей для военнопленных, а администрации англо-американских лагерей для перемещенных лиц.

И все же следует подчеркнуть, что в беспрецедентной для русской истории ситуации, когда четверть века проводивший политику геноцида русского народа богоборческий коммунистический режим предал миллионы русских военнопленных на расправу антихристианскому национал-социалистическому режиму, поддержавшему с 1941 года эту политику геноцида, представители всех юрисдикций Русской Православной Церкви обрели первый уникальный опыт преодоления юрисдикционно-политических разделений в совместном служении сострадания и любви к пребывавшим в узах русским воинам, которых всегда почитали на Руси как праведников, полагавших «душу свою за други своя».

¹ *Киселев Александр, прот.* Облик генерала А. А. Власова: Записки военного священника. Нью-Йорк. Б.г. С. 209–211.

Русская Православная Церковь на территории СССР, не подвергавшейся немецко-фашистской оккупации в 1941–1943 годах

Положение Русской Православной Церкви на территории, оставшейся под контролем коммунистического режима, в первые полгода после нападения нацистской Германии на СССР оставалось без каких-либо существенных изменений. Впрочем, в сентябре 1941 года на страницах газеты «Правда» появилась санкционированная Сталиным статья «Почему религиозные люди против Гитлера», в которой христиане, до этого времени изображавшиеся как контрреволюционеры и злодеи, были представлены чуть ли не как союзники свободолюбивых народов в борьбе против Гитлера. Статья была подписана псевдонимом Каций Адамиани, но автором ее был бывший председатель Антирелигиозной комиссии при ЦК ВКП(б) Емельян Ярославский. Эта статья свидетельствовала о возможном намерении Сталина использовать в политической пропагандистской игре религиозную тематику. Никаких реальных изменений, однако, в церковной жизни не происходило, и перспектива оставления Москвы обусловила решение советского руководства об эвакуации митрополита Сергия в город Чкалов (нынешний Оренбург), куда 14 октября 1941 года митрополит Сергей и отправился в сопровождении митрополита Николая (Ярушевича) и небольшой группы духовенства. 12 октября 1941 года, накануне отъезда, чувствуя резкое ухудшение своего здоровья, митрополит Сергей написал завещание, в котором передавал свои полномочия в случае своей смерти митрополиту Ленинградскому Алексию (Симанскому), находившемуся в это время в блокадном Ленинграде. В связи с ухудшением состояния здоровья он по его же просьбе был направлен в эвакуацию в Ульяновск, где вместе с ним оказал-

ся и глава обновленческой церкви митрополит Александр Введенский. В Ульяновск митрополиту Сергию пришлось ехать в одном вагоне с Александром Введенским и руководителями некоторых других религиозных конфессий, для них всех хватило одного вагона. Приехав туда, митрополит Сергей столкнулся с перспективой невозможности совершать богослужения, ибо в городе не только не было ни одного действующего храма, но даже большинство закрытых храмов было разрушено. Митрополиту Сергию пришлось служить в бывшем католическом костеле, который 30 ноября 1941 года был освящен им в честь праздника Казанской иконы Божией Матери.

Следуя обозначенной им уже в Послании от 22 июня 1941 года линии религиозно-мировоззренчески обосновывать советскую военно-патриотическую пропаганду, митрополит Сергей уже в своем послании от 24 ноября 1941 г. писал:

Гитлеровский молох продолжает вещать миру, будто бы он поднял меч «на защиту религии» и «спасение» якобы поруганной веры. Но всему миру ведомо, что это исчадие ада лживой личной благочестия только прикрывает свои злодеяния. Во всех поработанных им странах он творит гнусные надругательства над свободой совести, издевается над святынями, бомбами разрушает храмы Божии, бросает в тюрьмы и казнит христианских пастырей, гноит в тюрьмах верующих, восставших против его безумной гордыни, против его замыслов утвердить свою сатанинскую власть над всей землей. Православные, бежавшие из фашистского плена, поведали нам о глумлении фашистов над храмами.¹

Вменяя в вину нацистскому режиму то, что в гораздо большей степени следовало инкриминировать режиму коммунистическому, митрополит Сергей даже не смутился сослаться на свидетельства каких-то православных беженцев, якобы сумевших переместиться с оккупированных нацистами территорий в глубокий советский тыл, где в одном из самых закрытых городов СССР — Ульяновске — они якобы имели возможность беседовать с митрополитом Сергием о преступлениях нацистов по отношению к Православной Церкви.

В ноябре 1941 года в Москву из эвакуации был вызван митрополит Николай (Ярушевич). Какое-то время он ожидал распоряже-

¹ Русская Православная Церковь и Великая Отечественная война. Сб. документов. М., 1943. С. 8–10.

ний советского правительства и вскоре был включен в международный Всеславянский комитет. Эта организация, состоявшая из представителей советской общественности и интеллигенции, своей целью ставила сплотить славянские народы в борьбе с фашизмом. То, что для этой организации, ориентированной на международную пропагандистскую работу, оказался полезным православный митрополит, свидетельствовало о готовности государства на данном этапе использовать представителя Церкви в подобного рода международных пропагандистских акциях. В ноябре 1942 года митрополит Николай был включен в Чрезвычайную государственную комиссию по расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков. Хотя эти злодеяния были неизмеримо велики, деятельность этой комиссии стремилась не только расследовать их, но и использовать их в пропагандистских целях, подчас инкриминируя немцам преступления, совершенные сталинским режимом. Достаточно вспомнить убийство в Катыни тысяч польских офицеров, которых именно эта комиссия рассматривала как жертв немецкой оккупации. Митрополиту Николаю приходилось, работая в этой комиссии, брать на себя бремя пропагандистской лжи советского режима, подобно тому как это делали первый секретарь Ленинградского обкома и горкома ВКП(б) А. А. Жданов, писатель А. Н. Толстой, врач академик Н. Н. Бурденко, историк академик Е. В. Тарле, биолог академик Т. Д. Лысенко, летчица Герой Советского Союза В. С. Гризодубова и другие. Но его участие в комиссии могло свидетельствовать о том, что государство намерено и впредь обращаться к пропагандистской помощи Церкви. Таким образом, видевшаяся неизбежной перспектива уничтожения церковной жизни, как казалось, отодвигалась в будущее.

Однако к началу 1942 года религиозная политика советского государства продолжала оставаться репрессивной, что особенно выразительно проявилось в конце 1941 года при первом советском контрнаступлении под Москвой в полностью занятых Красной армией Московской, Тульской и Рязанской областях. На освобожденных территориях открывшиеся там за короткое время оккупации храмы закрывались, а духовенство, не успевшее отступить с немцами, подвергалось репрессиям. Казалось, что политика советского правительства будет оставаться прежней, хотя в это время накал антирелигиозной пропаганды в советской печати стал спадать.

Показательной деталью стало появление в феврале 1942 года книги «Правда о религии в СССР». Она была издана на очень хо-

рошей, особенно для условий войны, бумаге, пятидесятитысячным тиражом, содержала в себе выступления еще остававшихся на свободе деятелей Церкви, сообщения о разрушении храмов и других святынь Русской Православной Церкви немецко-фашистскими захватчиками и стремилась создать ощущение того, что все невзгоды Русской Православной Церкви начались после нападения Германии на СССР. Важно было, что эта, пусть и лживая, пропагандистская книга оказалась нужна власти. Делая вид, что Русская Православная Церковь стала жертвой войны, жертвой немецкой оккупации, власть тем самым говорила, что религиозная жизнь в СССР в принципе может существовать. Показательно, что часть экземпляров этой книги, которая печаталась таким большим тиражом и предназначалась главным образом для заграницы, была выпущена в антирелигиозном издательстве, гриф которого на многих экземплярах так и сохранился. Это свидетельствовало о пропагандистском характере данного издания.

Вновь продолжая демонстрировать готовность Московской Патриархии обеспечивать начавшей одерживать свои первые победы Красной армии пропагандистское прикрытие, митрополит Сергей даже большую часть своего Пасхального послания от 2 апреля 1942 года, также написанного в Ульяновске, посвятил своему религиозно-политическому истолкованию советско-нацистской войны:

Не победить фашистам, возымевшим дерзость вместо Креста Христова признать своим знаком языческую свастику. Не забудем слов: «Сим победиши». Не свастика, крест призван возгласить христианскую нашу культуру, наше христианское «жительство». В фашистской Германии утверждают, что христианство не удалось и для будущего мирового прогресса не годится. Значит, Германия, предназначенная владеть миром будущего, должна забыть Христа и идти своим новым путем. За эти безумные слова да поразит праведный Судия и Гитлера и всех соумышленников его... Что-нибудь одно — или свободное и мирное существование народов с их верой во Христа, с их стремлениями к истине, ко всему светлому, что есть в этом мире, или Гитлер с его фашизмом, мраком, насилием над всем лучшим, существующим в человечестве. <...> Да довершит же Устроитель мира свое дело у нас и да сохранит нас от соблазна изменить Христу и оказаться вне его «светлого чертога». «Воскресе Христос — и падоша демони. Воскресе Христос — и радуются ангели». Да возрадуемся и мы с ними, празднуя победу Христову над адом и смертью во

веки и во временной жизни здесь на земле — победу креста Христова над свастикой¹.

Поддержка митрополитом Сергием коммунистического государства, сохранение и защиту которого он постоянно отождествлял в своих посланиях с сохранением и защитой православного отечества и православного русского народа, не ограничивалась пропагандистской риторикой его выступлений. В немногочисленных оставшихся действующими на неоккупированной территории СССР храмах с первых месяцев войны начался сбор пожертвований для Красной армии, в том числе почти не имевший аналогов в русской церковной истории сбор денежных средств на приобретение вооружений. За годы войны количество православных приходов в Русской Православной Церкви возросло (в основном, впрочем, за счет их открытия на оккупированных территориях), и Церковь действительно сумела собрать очень значительные средства для поддержки обороноспособности советского государства. К лету 1945 года было собрано триста миллионов рублей, не считая драгоценностей, вещей и продуктов, которые направлялись в фонд Красной армии. Достаточно сказать, что только Ленинградская епархия в условиях блокады города за годы войны передала советскому государству почти семнадцать с половиной миллионов рублей. Именно на средства Церкви были построены в 1944 году эскадрилья «Александр Невский» из шести самолетов и танковая колонна «Дмитрий Донской» из сорока танков.

В 1942 году начали освобождать из лагерей некоторых немногочисленных оставшихся в живых священнослужителей даже до истечения срока их заключения. И хотя любой освободившийся советский политический заключенный, отбывавший срок по 58-й статье, должен был направиться в место пребывания, которое определялось соответствующими органами, некоторые из освобожденных из заключения сосланных священнослужителей получали разрешение приехать в Ульяновск к митрополиту Сергию, где он уже в конце 1942 года начал совершать хиротонии, в том числе и епископские, на что было получено согласие власти. Все это свидетельствовало о том, что власть предполагала необходимость увеличения количества епархиальных архиереев. 14 октября 1942 года в сан архиепископа Саратовского был рукоположен овдовевший протоиерей Николай Чуков, 26 февраля 1943 года в сан епископа Можайского — архимандрит Варфоломей (Городцов), а затем

¹ Правда о религии в России. С. 449—450.

в епископа Ульяновского вдовый протоиерей Димитрий Градусов. Все это было первыми признаками перемены религиозной политики Сталина по отношению к Русской Православной Церкви.

В 1943 году практически была свернута активная антирелигиозная пропаганда, был распущен многочисленный Союз воинствующих безбожников. С этого времени приходы, открытые при немцах, продолжали в подавляющем большинстве оставаться действующими после прихода на эти территории Красной армии. Репрессиям со стороны органов НКВД подвергалось теперь не все духовенство, служившее на оккупированных территориях и не покинувшее свои приходы с отступавшими немецкими войсками, а лишь меньшая его часть. В то же время не подвергавшиеся репрессиям представители духовенства оккупированных территорий, как правило, беспрепятственно и в сущем сане принимались в штат духовенства Московской Патриархии. Налицо было стремление Сталина продемонстрировать свою готовность признать факт существования Церкви в Советском Союзе. 5 февраля 1943 года Сталин согласился удовлетворить просьбу митрополита Сергия об открытии банковского счета для внесения средств на нужды обороны, собираемых Церковью. Это было символическое решение, потому что до этого времени лишенная права собственности, права юридического лица Русская Православная Церковь не могла иметь даже собственного банковского счета.

Возрождение церковной жизни на территории, оккупированной германскими войсками, не только свидетельствовало о сохранившейся у многих советских граждан потребности в религиозной жизни, но и активно использовалось немецко-фашистской пропагандой. Подобная ситуация требовала от коммунистического режима ответных мер пропагандистского характера в религиозной сфере. В то же время последовательная политическая лояльность, проявленная руководством Московской Патриархии по отношению к коммунистическому режиму даже в период жесточайших гонений на Церковь и в первые годы войны, убедила Сталина в готовности митрополита Сергия осуществлять свою деятельность именно в тех рамках, которые определит для Русской Православной Церкви возглавлявшийся им тоталитарный режим. Именно эти обстоятельства, как, впрочем, и необходимость иметь в войне с нацистской Германией союзников из числа западных демократий, общественное мнение в которых традиционно исходило из признания определяющего значения христианских ценностей, вынуждали Сталина очеловечивать политический облик СССР допуще-

нием в стране хотя бы в ограниченных рамках религиозной жизни ведущей христианской конфессии.

Результатом этих прагматичных тактических перемен в принципиально антихристианской стратегии государственной политики коммунистического режима стала встреча Сталина с митрополитами Сергием (Страгородским), приехавшим в Москву в конце августа, Алексием (Симанским), прилетевшим из блокадного Ленинграда накануне, и Николаем (Ярушевичем) в ночь с 3 на 4 сентября 1943 года.

В распоряжении современной исторической науки уже более тридцати лет имеется в высшей степени объективный источник, который дает исчерпывающее представление об этой встрече: стенограмма беседы Сталина с митрополитами, составленная одним из ее участников, бывшим начальником отдела по борьбе с церковно-сектантской контрреволюцией НКГБ полковником госбезопасности Г. Г. Карповым. Несмотря на то что Г. Г. Карпов не был профессиональным стенографистом и, как следователь, обладал лишь опытом составления протоколов, он был крайне заинтересован в максимально адекватной фиксации данной беседы, от которой зависела не только судьба Русской Православной Церкви, но и судьба самого Г. Г. Карпова, ибо после этой беседы он должен был преобразиться из начальника подразделения НКГБ по борьбе с Церковью в руководителя совнаркомовского органа по руководству и управлению деятельностью Русской Православной Церкви.

Важность этого документа делает целесообразным приведение его текста почти полностью с комментированием его отдельных, наиболее значимых фрагментов.

4.09.43 г. я был вызван к товарищу Сталину, где мне были заданы следующие вопросы:

- а) что из себя представляет митрополит Сергей (возраст, физическое состояние, его авторитет в церкви, его отношение к властям),
- б) краткая характеристика митрополитов Алексия и Николая,
- в) когда и как был избран в патриархи Тихон,
- г) какие связи Русская православная церковь имеет с заграницей,
- д) кто являются патриархами Вселенским, Иерусалимским и другими,
- е) что я знаю о руководстве православных церквей Болгарии, Югославии, Румынии,

ж) в каких материальных условиях находятся сейчас митрополиты Сергей, Алексий и Николай,

з) количество приходов православной церкви в СССР и количество епископата.

После того когда мною были даны ответы на вышеуказанные вопросы, мне было задано три вопроса личного порядка:

а) русский ли я,

б) с какого года в партии,

в) какое образование имею и почему знаком с церковными вопросами.

После этого т. Сталин сказал:

«Нужно создать специальный орган, который бы осуществлял связь с руководством церкви. Какие у вас есть предложения?»

Оговорившись, что к этому вопросу не совсем готов, я внес предложение организовать при Верховном Совете СССР отдел по делам культов и исходил при этом из факта существования при ВЦИКе постоянно действующей Комиссии по делам культов.

Тов. Сталин, поправив меня, сказал, что организовывать комиссию или отдел по делам культов при Верховном Совете Союза ССР не следует, что речь идет об организации специального органа при Правительстве Союза и речь может идти об образовании или комитета, или совета. Спросил мое мнение.

Когда я сказал, что затрудняюсь ответить на этот вопрос, т. Сталин, несколько подумав, сказал:

1) надо организовать при Правительстве Союза, т. е. при Совнарком, Совет, который назовем Советом по делам Русской православной церкви;

2) на Совет будет возложено осуществление связей между Правительством Союза и патриархом;

3) Совет самостоятельных решений не принимает, докладывает и получает указания от Правительства.

После этого т. Сталин обменялся мнениями с гг. Маленковым, Берия по вопросу, следует ли принимать ему митрополитов Сергия, Алексия, Николая, а также спросил меня, как я смотрю на то, что Правительство примет их.

Все трое сказали, что они считают это положительным фактом.

После этого тут же, на даче т. Сталина, я получил указание позвонить митрополиту Сергию и от имени Правительства передать следующее:

«Говорит с Вами представитель Совнаркома Союза. Правительство имеет желание принять Вас, а также митрополитов Алексия и Николая, выслушать Ваши нужды и разрешить имеющиеся у Вас вопросы. Правительство может Вас принять или сегодня же, через час-полтора, или если это время Вам не подходит, то прием может быть организован завтра (в воскресенье) или в любой день последующей недели».

Тут же, в присутствии т. Сталина, созвонившись с Сергием и отрекомендовавшись представителем Совнаркома, я передал вышеуказанное и попросил обменяться мнениями с митрополитами Алексием и Николаем, если они находятся в данное время у митрополита Сергия.

После этого доложил т. Сталину, что митрополиты Сергей, Алексей и Николай благодарят за такое внимание со стороны Правительства и хотели бы, чтобы их приняли сегодня.

Двумя часами позднее митрополиты Сергей, Алексей и Николай прибыли в Кремль, где были приняты т. Сталиным в кабинете Председателя Совнаркома Союза ССР. На приеме присутствовали т. Молотов и я.

Преамбула к стенограмме встречи свидетельствовала о том, что представление о положении и состоянии почти полностью уничтоженной коммунистическим режимом Русской Православной Церкви в СССР было весьма поверхностным, что мысль о целесообразности использования Церкви в политических интересах государства уже не под исключительным контролем органов НКВД и НКГБ, а под контролем правительства, но с использованием сотрудников органов госбезопасности, уже утвердилась у Сталина, и наконец, что необходимость личной встречи с митрополитами не была для Сталина очевидна.

Беседа т. Сталина с митрополитами продолжалась 1 час 55 минут.

Тов. Сталин сказал, что Правительство Союза знает о проводимой ими патриотической работе в церквях с первого дня войны, что Правительство получило очень много писем с фронта и из тыла, одобряющих позицию, занятую церковью по отношению к государству.

Тов. Сталин, коротко отметив положительное значение патриотической деятельности церкви за время войны, просил митрополитов Сергия, Алексия и Николая высказаться об имеющихся у патриархии и у них лично назревших, но неразрешенных вопросах.

Митрополит Сергей сказал т. Сталину, что самым главным и наиболее назревшим вопросом является вопрос о центральном руководстве церкви, т. к. почти 18 лет [он] является патриаршим местоблюстителем и лично думает, что вряд ли где есть столь продолжительные вреды [трудности], что Синода в Советском Союзе нет с 1935 г., а потому он считает желательным, что[бы] Правительство разрешило собрать архиерейский Собор, который и изберет патриарха, а также образует орган в составе 5—6 архиереев.

Митрополиты Алексей и Николай также высказались за образование Синода и обосновали это предложение об образовании как наиболее желаемую и приемлемую форму, сказав также, что избрание патриарха на архиерейском Соборе они считают вполне каноничным, т. к. фактически церковь возглавляет бесценно в течение 18 лет патриарший местоблюститель митрополит Сергей».

Представляется вполне объяснимым и даже отчасти извинительным, что митрополит Сергей не стал с самого начала отягощать судьбоносный разговор со Сталиным историей о своем столь сложном пути к титулу Патриаршего Местоблюстителя и уточнять, что этим титулом он самочинно увенчал себя менее семи лет назад. Но очевидное пренебрежение как митрополитом Сергием, так и двумя сопровождавшими его архиереями определениями Поместного Собора 1917—1918 годов, согласно которым только Поместный Собор может избирать Патриарха и избирать, а не образовывать Синод в составе не пяти-шести, а тринадцати архиереев свидетельствовало об уже укоренившемся в их сознании убеждении о нецелесообразности осуществлять высшее церковное управление, следуя установленным Поместным Собором принципам, и о предпочтительности для них управлять Церковью исходя из ведомым прежде всего им самим представлениям о «церковном благе».

Одобрив предложения митрополита Сергея, т. Сталин спросил:

- а) как будет называться патриарх,
- б) когда может быть собран архиерейский Собор,
- в) нужна ли какая помощь со стороны Правительства для успешного проведения Собора (имеется ли помещение, нужен ли транспорт, нужны ли деньги и т. д.).

Сергий ответил, что эти вопросы предварительно ими между собой обсуждались и они считали бы желательным и правильным, если бы Правительство разрешило принять для патриарха

титул патриарха Московского и всея Руси, хотя патриарх Тихон, избранный в 1917 г., при Временном правительстве, назывался «патриархом Московским и всея России».

Тов. Сталин согласился, сказав, что это правильно.

Одобрение Сталиным невиданного ранее титула «Патриарх Московский и всея Руси» представлялось вполне закономерным. Термин «Россия» еще продолжал восприниматься тогда как наименование царской России, в которой царили нищета, голод и несправедливость и сокрушителями которой выступили именно большевики. В то же время архаичное наименование страны «Русь» не должно было вызывать каких-либо ассоциаций, кроме былинно-сказочных, и более всего подходило к такому рудиментарно сохранившемуся институту, как Церковь, который в прошлом существовал на Руси, но которого в будущем не должно было сохраниться в Советском Союзе. Надо полагать, что в данном случае митрополит Сергей правильно уловил умонастроение вождя.

На второй вопрос митрополит Сергей ответил, что архиерейский Собор можно будет собрать через месяц, и тогда т. Сталин, улыбнувшись, сказал: «А нельзя ли проявить большевистские темпы?» Обратившись ко мне, спросил мое мнение, я высказался, что если мы поможем митрополиту Сергию соответствующим транспортом для быстрейшей доставки епископата в Москву (самолетами), то Собор мог бы быть собран и через 3–4 дня.

После короткого обмена мнениями договорились, что архиерейский Собор соберется в Москве 8 сентября.

Отвечая на вопрос о сроках созыва Архиерейского Собора, митрополит Сергей явно смутился, ведь в распоряжении митрополита Сергия в это время находилось не более двух десятков правящих архиереев и собирать Архиерейский Собор было практически не из кого. Сталин заметил это, ободряюще улыбнулся и полушутливо упомянул о большевистских темпах. А полковник госбезопасности Г. Г. Карпов, оторвавшись от ведения стенограммы, сразу предложил способ доставки участников Собора из лагерей и ссылок, даже не представляя реального числа архиереев, остававшихся в живых в местах заключения.

На третий вопрос митрополит Сергей ответил, что для проведения Собора никаких субсидий от государства они не просят.

Вторым вопросом митрополит Сергей поднял, а митрополит Алексей развил вопрос о подготовке кадров духовенства, причем оба просили т. Сталина, чтобы им было разрешено организовать богословские курсы при некоторых епархиях.

Тов. Сталин, согласившись с этим, в то же время спросил, почему они ставят вопрос о богословских курсах, тогда как Правительство может разрешить организацию духовной академии и открытие духовных семинарий во всех епархиях, где это нужно.

Митрополит Сергей, а затем еще больше митрополит Алексей сказали, что для открытия духовной академии у них еще очень мало сил и нужна соответствующая подготовка, а в отношении семинарий — принимать в них лиц не моложе 18 лет они считают неподходящим по времени и прошлому опыту, зная, что, пока у человека не сложилось определенное мировоззрение, готовить их в качестве пастырей весьма опасно, т. к. получается большой отсев, и, может быть, в последующем, когда церковь будет иметь соответствующий опыт работы с богословскими курсами, встанет этот вопрос, но и то организационная и программная сторона семинарий и академий должна быть резко видоизменена.

Тов. Сталин сказал: «Ну, как хотите, это дело ваше, а если хотите богословские курсы, начинайте с них, но Правительство не будет иметь возражений и против открытия семинарий и академий».

Видимо, в тот момент Сталин вспомнил годы своего пребывания в так и не законченной им Тифлисской духовной семинарии и упустил из виду, что вся система богословского образования в России была уничтожена им и его соратниками еще в годы Гражданской войны, а большая часть профессорско-преподавательского состава духовных школ либо погибла, либо была изгнана из СССР.

Третьим вопросом Сергей поднял вопрос об организации издания журнала Московской патриархии, который бы выходил один раз в месяц и в котором освещались бы как хроника церкви, так и статьи и речи богословского и патриотического характера.

Тов. Сталин ответил: «Журнал можно и следует выпускать». Затем митрополит Сергей затронул вопрос об открытии церквей в ряде епархий, сказав, что об этом перед ним ставят [вопросы] почти все епархиальные архиереи, что церквей мало и что уж очень много лет церкви не открываются.

При этом митрополит Сергей сказал, что он считает необходимым предоставить право епархиальному архиерею входить в переговоры с гражданской властью по вопросу открытия церквей.

Митрополиты Алексей и Николай поддержали Сергея, отметив при этом неравномерность распределения церквей в Советском Союзе и высказав пожелание в первую очередь открывать церкви в областях и краях, где нет совсем церквей или где их мало.

Тов. Сталин ответил, что этому вопросу никаких препятствий со стороны Правительства не будет.

Обещание Сталина исполнено не было. Получив с 1944 по 1945 год 12 688 заявлений об открытии 4 292 храмов, советское правительство допустило открытие лишь 716 храмов. При этом общее число действующих храмов к июню 1945 года за счет храмов, открытых в период немецко-фашистской оккупации, будет составлять 10 243. В результате, если на территории, которая подверглась оккупации, количество действующих храмов в одной епархии могло достигать нескольких сотен, то в епархиях Поволжья, Сибири и Дальнего Востока действующие храмы будут исчисляться единицами и десятками.

Затем митрополит Алексей поднял вопрос перед т. Сталиным об освобождении некоторых архиереев, находящихся в ссылке, в лагерях, в тюрьмах и т. д.

Тов. Сталин сказал им: «Представьте такой список, его рассмотрим».

Такой список был представлен 27 октября 1943 года ставшим к тому времени Патриархом Сергием ставшему к тому времени Председателем Совета по делам Русской Православной Церкви при Совнаркоме Г. Г. Карпову. В этом списке были перечислены двадцать четыре архиерея, один архимандрит и один протоиерей, о которых имелись сведения, что они находятся в тюрьмах или лагерях, и о которых не было сведений, что они погибли. Однако все упомянутые в списке священнослужители, кроме епископа Николая (Могилевского), к этому времени либо были расстреляны, либо умерли в местах заключения.

Сергий поднял тут же вопрос о предоставлении права свободного проживания и передвижения внутри Союза и права испол-

нять церковные службы бывшим священнослужителям, отбывшим по суду срок своего заключения, т. е. вопрос был поднят о снятии запретов, вернее, ограничений, связанных с паспортным режимом. Тов. Сталин предложил мне этот вопрос изучить.

Митрополит Алексей, попросив разрешения у т. Сталина, специально остановился на вопросах, имеющих отношение к церковной кассе, а именно:

а) митрополит Алексей сказал, что он считает необходимым предоставление епархиям права отчислять некоторые суммы из касс церквей и из касс епархий в кассу центрального церковного аппарата для его содержания (патриархия, Синод), и в связи с этим же митрополит Алексей привел пример, что инспектор по административному надзору Ленсовета Татаринцева такие отчисления делать не разрешила;

б) что в связи с этим же вопросом он, а также митрополиты Сергей и Николай считают необходимым, чтобы было видоизменено Положение о церковном управлении, а именно чтобы священнослужителям было дано право быть членами исполнительного органа церкви.

Тов. Сталин сказал, что против этого возражений нет.

Митрополит Николай в беседе затронул вопрос о свечных заводах, заявив, что в данное время церковные свечи изготавливаются кустарями, продажная цена свечей в церквях весьма высокая и что он, митрополит Николай, считает лучшим предоставить право иметь свечные заводы при епархиях.

Тов. Сталин сказал, что церковь может рассчитывать на всестороннюю поддержку Правительства во всех вопросах, связанных с ее организационным укреплением и развитием внутри СССР, и что, как он говорил об организации духовных учебных заведений, не возражая против открытия семинарий в епархиях, так не может быть препятствий и к открытию при епархиальных управлениях свечных заводов и других производств.

Затем, обращаясь ко мне, т. Сталин сказал: «Надо обеспечить право архиерея распоряжаться церковными суммами. Не надо делать препятствий к организации семинарий, свечных заводов и т. д.».

Затем т. Сталин, обращаясь к трем митрополитам, сказал: «Если нужно сейчас или если нужно будет в дальнейшем, государство может отпустить соответствующие субсидии церковному центру».

После этого т. Сталин, обращаясь к митрополитам Сергию, Алексию и Николаю, сказал им:

«Вот мне доложил т. Карпов, что вы очень плохо живете: тесная квартирка, покупаете продукты на рынке, нет у вас никакого транспорта. Поэтому Правительство хотело бы знать, какие у вас есть нужды и что вы хотели бы получить от Правительства».

В ответ на вопрос т. Сталина митрополит Сергей сказал, что в качестве помещений для патриархии и для патриарха он просил бы принять внесенные митрополитом Алексием предложения о предоставлении в распоряжение патриархии бывшего игуменского корпуса в Новодевичьем монастыре, а что касается обеспечения продуктами, то эти продукты они покупают на рынке, но в части транспорта просил бы помочь, если можно, выделением машины.

Тов. Сталин сказал митрополиту Сергию:

«Помещения в Новодевичьем монастыре т. Карпов посмотрел: они совершенно неблагоустроены, требуют капитального ремонта, и, чтобы занять их, надо еще много времени. Там сыро и холодно. Ведь надо учесть, что эти здания построены в XVI в. Правительство вам может предоставить завтра же вполне благоустроенное и подготовленное помещение, предоставив вам 3-этажный особняк в Чистом переулке, который занимался ранее бывшим немецким послом Шуленбургом. Но это здание советское, не немецкое, так что вы можете совершенно спокойно в нем жить. При этом особняк мы вам предоставляем со всем имуществом, мебелью, которая имеется в этом особняке, а для того, чтобы лучше иметь представление об этом здании, мы сейчас вам покажем план его».

Через несколько минут представленный т. Сталину т. Поскребышевым план особняка по Чистому переулку, дом 5, с его подворными постройками и садом был показан для ознакомления митрополитам, причем было условлено, что на другой день, 4 сентября, т. Карпов предоставит возможность митрополитам лично осмотреть указанное выше помещение.

Митрополитам, естественно, ничего не оставалось, как принять предложение Сталина о размещении резиденции Московской Патриархии в бывшей резиденции германского посла Шуленбурга, которая именно благодаря своему прежнему назначению была наполнена не только советской мебелью, но и советской прослушивающей аппаратурой.

Вновь затронув вопрос о продовольственном снабжении, т. Сталин сказал митрополитам:

«На рынке продукты покупать вам неудобно и дорого, и сейчас продуктов на рынок колхозник выбрасывает мало. Поэтому государство может обеспечить продуктами вас по государственным ценам. Кроме того, мы завтра-послезавтра предоставим в ваше распоряжение 2–3 легковые автомашины с горючим».

Тов. Сталин спросил митрополита Сергия и других митрополитов, нет ли у них еще каких-либо вопросов к нему, нет ли других нужд у церкви, причем об этом т. Сталин спросил несколько раз.

Все трое заявили, что особых просьб больше они не имеют, но иногда на местах бывает переобложение духовенства подходящим налогом, на что т. Сталин обратил внимание и предложил мне в каждом отдельном случае принимать соответствующие меры проверки и исправления.

После этого т. Сталин сказал митрополитам:

«Ну, если у вас больше нет к Правительству вопросов, то, может быть, будут потом. Правительство предполагает образовать специальный государственный аппарат, который будет называться Совет по делам Русской православной церкви, и председателем Совета предполагается назначить т. Карпова. Как вы смотрите на это?»

Все трое заявили, что они весьма благожелательно принимают назначение на этот пост т. Карпова.

Как и в случае с резиденцией, выбирать митрополитам не приходилось, и с этого времени один из главных чекистских палачей Русской Православной Церкви становился ее главным «помощником и покровителем».

Тов. Сталин сказал, что Совет будет представлять собою место связи между Правительством и церковью и председатель его должен [докладывать] Правительству о жизни церкви и возникающих у нее вопросах.

Затем, обращаясь ко мне, т. Сталин сказал: «Подберите себе 2–3 помощников, которые будут членами вашего Совета, образуйте аппарат, но только помните: во-первых, что вы не обер-прокурор; во-вторых, своей деятельностью больше подчеркивайте самостоятельность церкви».

Вероятно, спонтанно возникшая у еще не ставшего генералиссимусом, но уже являвшегося коммунистическим самодержцем

Сталина историческая аллюзия к обер-прокурору не помешала ему обратить внимание Г. Г. Карпова на необходимость подчеркивать его деятельностью самостоятельность Церкви, которой в действительности у нее не может и не должно быть никогда.

После этого т. Сталин, обращаясь к т. Молотову, сказал: «Надо довести об этом до сведения населения, так же как потом надо будет сообщить населению и об избрании патриарха».

В связи с этим Вячеслав Михайлович Молотов тут же стал составлять проект коммюнике для радио и газет, при составлении которого вносились соответствующие замечания, поправки и дополнения как со стороны т. Сталина, так и отдельные со стороны митрополитов Сергия и Алексия.

Текст извещения был принят в следующей редакции:

«4 сентября с. г. у Председателя Совета Народных Комиссаров СССР т. И. В. Сталина состоялся прием, во время которого имела место беседа с патриаршим местоблюстителем митрополитом Сергием, Ленинградским митрополитом Алексием и экзархом Украины Киевским и Галицким митрополитом Николаем.

Во время беседы митрополит Сергей довел до сведения Председателя Совнаркома, что в руководящих кругах православной церкви имеется намерение созвать Собор епископов для избрания патриарха Московского и всея Руси и образования при патриархе Священного Синода.

Глава Правительства т. И. В. Сталин сочувственно отнесся к этим предложениям и заявил, что со стороны Правительства не будет к этому препятствий.

При беседе присутствовал Заместитель Председателя Совнаркома СССР т. В. М. Молотов».

Это извещение было опубликовано в газете «Известия» от 5 сентября 1943 г.

Коммюнике было передано т. Поскребышеву для передачи в этот же день по радио и в ТАСС для напечатания в газетах.

После этого т. Молотов обратился к Сергию с вопросом: когда лучше принять делегацию Англиканской церкви, желающую приехать в Москву, во главе с архиепископом Йоркским?

Сергий ответил, что, поскольку Собор епископов будет собран через 4 дня, значит, и будут проведены выборы патриарха, англиканская делегация может быть принята в любое время.

Тов. Молотов сказал, что, по его мнению, лучше будет принять эту делегацию месяцем позднее.

Краткий разговор Молотова с митрополитом Сергием обозначил еще одну важную тему во взаимоотношениях Русской Православной Церкви и коммунистического государства, связанную с пропагандистским использованием Церкви во внешней политике, и подчеркнул определяющую роль государства.

В заключение этого приема у т. Сталина выступил митрополит Сергей с кратким благодарственным словом к Правительству и лично к т. Сталину.

Тов. Молотов спросил т. Сталина: «Может, следует вызвать фотографа?»

Тов. Сталин сказал: «Нет, сейчас уже поздно, второй час ночи, поэтому мы сделаем это в другой раз».

Тов. Сталин, попрощавшись с митрополитами, проводил их до дверей своего кабинета¹.

На другой день участвовавшие во встрече со Сталиным митрополиты направили Сталину благодарственное письмо, которое после прочтения его Сталиным не было опубликовано в советской печати, а было отправлено в его личный архив.

Дорогой Иосиф Виссарионович!

Исторический день свидания нашего с великим для всей Русской земли Вождем нашего народа, ведущим Родину к славе и процветанию, навсегда останется в глубине сердца нас, служителей церкви. Мы почувствовали в каждом слове, в каждом обращении, в каждом предложении сердце, горящее отеческой любовью ко всем своим детям. Русской православной церкви особенно дорого то, что Вы своим сердцем почувствовали, что она действительно живет вместе со всем русским народом общей волей к победе и священной готовностью ко всякой жертве ради спасения Родины.

Русская церковь никогда не забудет того, что признанный всем миром Вождь, — не только Сталинской Конституцией, но и личным участием в судьбах Церкви поднял дух всех церковных людей к еще более успешной работе на благо дорогого отечества.

¹ ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 1. Л. 1–10. Подлинник. Цит. по: Одинцов М. И. Русские патриархи XX века. М.: Изд-во РАГС, 1994. С. 283–291.

От лица Русской церкви приносим Вам великую благодарность.

Да сохранит Вас Бог на многие лета, дорогой Иосиф Виссарионович!

*Патриарший Местоблюститель Сергей,
митрополит Московский и Коломенский,
Алексий, [митрополит] Ленинградский, Николай,
митрополит Киевский и Галицкий¹*

¹ РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 806. Л. 140. Цит. по: Родина, 2018, октябрь. № 9 (918).

Архиерейский Собор 1943 года. Патриарх Сергей (Страгородский) и митрополит Сергей (Воскресенский)

Архиерейский Собор, собиравшийся действительно в «большевистских темпах», когда некоторых архиереев доставляли в Москву на военных самолетах, открылся 8 сентября 1943 года в стенах особняка в Чистом переулке, спешно превращенного из резиденции германского посла Шуленбурга в резиденцию Московской Патриархии. На Собор были собраны все архиереи, которые занимали реальные или номинальные кафедры, сохранившиеся или вновь возникшие в Русской Православной Церкви в 1943 году, кроме епископа Кубанского и Краснодарского Фотия (Топиро), принятого полтора месяца назад через покаяние из обновленчества в статусе монаха и через три дня после этого возведенного в сан епископа. Единственным пресвитером, участвовавшим в Соборе был Управляющий делами Московской Патриархии протоиерей Николай Колчицкий.

Краткий доклад митрополита Сергея (Страгородского) на этом однодневном Соборе, собранном после четвертьвекового методично-кровавого разрушения Церкви в России, был посвящен не путям возрождения церковной жизни, но «деятельности Православной Церкви за два года Отечественной войны».

О том, какую позицию должна занять наша Церковь во время войны, — сказал митрополит Сергей (Страгородский), — нам не приходилось задумываться, потому что, прежде чем мы успели определить как-нибудь свое положение, оно уже определилось, — фашисты напали на нашу страну, ее опустошали, уводили в плен наших соотечественников, всячески их там мучили, грабили и т. д. Так что уже простое приличие не позволило бы нам занять какую-нибудь другую позицию, кроме той, какую мы заняли, то есть безусловно отрицательную ко всему, что носит на себе печать фашизма, печать враждебности к нашей стране.

Архипастыри сочли своим долгом не только сами встать на эту позицию, но и свою паству призвать к этому. Наш народ охотно откликнулся на наш призыв. Призывали мы его к жертвам на нужды войны. Пожертвования шли непрерывным потоком и составили очень значительную сумму. <...> Я, между прочим, в свое время обратился к нашему церковному обществу с предложением собрать средства на устройство танковой колонны имени Димитрия Донского. Мною руководило желание повторить пример Преподобного Сергия, который на поле брани выслал своих двух схимников. Конечно, это были слабые воины, если смотреть на них с физической стороны, но они несли на себе благословение Троицкой Лавры и Преподобного Сергия и поэтому появление их в рядах русского воинства, несомненно, подняло дух последнего и способствовало поражению Мамаю. Так и наши танки, думал я, не Бог знает, какая это могла быть помощь нашему русскому воину и воинству, но это было наше благословение, это был знак того, что Церковь не оставляет воинов и на поле брани, что она их благословляет и готова участвовать с ними в самых боях, чтобы добиться освобождения нашей Святой Руси от нашествия иноплемеников.

Постоянная готовность народа, наших богомольцев, и постоянный призыв пастырей к этим жертвованиям обратили на себя внимание и правительства. И вы лично имели возможность убедиться, с каким сочувствием глава нашего правительства Иосиф Виссарионович Сталин отнесся к патриотической деятельности нашего духовенства и к нашим просьбам, касающимся дальнейшего устройства нашей Церкви. И конечно, оказывая нам это внимание, он может быть уверен, что мы и впредь с еще большим усердием будем продолжать вместе со всем русским народом служить общему делу освобождения нашей родины от фашистского нашествия¹.

Следующий за этим доклад Ленинградского митрополита Алексия «Долг христианина перед Церковью и Родиной в переживаемую эпоху Отечественной войны» прозвучал как импровизация на уже заданную митрополитом Сергием не столько церковную, сколько военно-патриотическую тему.

Следующее наиболее важное для митрополита Сергия событие Архиерейского Собора «Журнал Московской Патриархии» представил следующим образом:

¹ ЖМП. 1943, сентябрь № 1. С. 7–8.

Преосвященный Алексий, митрополит Ленинградский, доложил Собору следующее: «Уже давно среди нас, епископов, зрел вопрос о том, что необходимо доверить строительство церковное настоящим возглавлением нашей Православной Русской церкви Святейшим патриархом.

Владыка митрополит Сергей в течение 17 лет фактически несет обязанности патриарха. В настоящее время мы здесь собрались Собором епископов, чтобы избрать Святейшего патриарха. Я думаю, что этот вопрос бесконечно облегчается для нас тем, что у нас имеется уже носитель патриарших полномочий, поэтому я полагаю, что избрание со всеми подробностями, которые обычно сопровождают его, для нас является как будто бы и не нужным. Я считаю, что никто из нас, епископов, не мыслит себе другого кандидата, кроме того, который положил столько трудов для церкви в звании патриаршего местоблюстителя. Думаю, что все Преосвященные будут со мной согласны. У нас уже имеется определенный, единственный кандидат на патриаршее место».

Обращение митрополита Ленинградского было встречено с восторгом и искренней радостью. Раздались возгласы: «Просим, просим!», «Аксиос, аксиос, аксиос!»

Митрополит Сергей обратился к Собору с вопросом: «Может быть, есть какое другое мнение?» На это последовали возгласы: «Полное единодушие всего епископата!» Все встают и поют трижды «Аксиос».

В ответ на единогласное решение Собора епископов митрополит Сергей выразил благодарность в следующих словах: «Это избрание меня патриархом будет продолжением того служения, которое пало на меня много лет назад; но теперь оно делается только более ответственным, потому что сопровождается такой необычайной почетностью, которая требует и необычайного исполнения этого служения. Я благодарю за то, что вы остановились на мне и вручаете мне продолжение служения в новом звании. Прошу у всех молитв и всяческого содействия».

Митрополит Алексий объявляет формулу поминования Святейшего патриарха: «Святейшего Отца нашего Сергия, патриарха Московского и всея Руси». Собор поет тропарь Святой Троице: «Благословен еси, Христе Боже наш». Протодиакон произносит многолетие Блаженнейшему Сергию, митрополиту Московскому и Коломенскому, избранному патриарху Московскому и всея Руси.

Столь же далекой от предусмотренных определениями Поместного Собора 1917–1918 годов, как процедура избрания Патриарха, оказалась и процедура не избрания, а назначения членов Священного Синода.

Митрополит Сергей объявляет следующее: «При патриархе предполагается Священный синод. Мы определили шесть членов Синода, в том числе трое постоянных и трое временных. Составлен список архиереев по старшинству хиротоний и разделен на три группы: северо-восточная группа, центральная и южная. Из каждой группы будут вызываться Преосвященные в порядке старшинства. Постоянными членами Синода будут два митрополита и третий — Преосвященный архиепископ Горьковский»¹.

Но все же важнейшим уже не только для митрополита Сергея, но и для коммунистического режима решением Архиерейского Собора наряду со столь своеобразным избранием Патриарха стало постановление, которое на соборном уровне должно было закрепить проводившуюся в посланиях митрополита Сергея мысль о том, что защита богоборческого коммунистического государства в условиях войны является религиозным долгом каждого русского православного священнослужителя и мирянина.

Среди духовенства и мирян находятся такие, которые, позабыв страх Божий, дерзают на общей беде строить свое благополучие: встречают немцев, как желанных гостей, устраиваются к ним на службу и иногда доходят до прямого предательства, выдавая врагу своих собратьев, например, партизан и других, жертвующих собою за родину. <...> Фашисты понесут справедливую кару за свои грабежи, убийства и прочие злодеяния. Не могут ожидать себе пощады и эти приспешники фашистов, думавшие поживиться за их спиной на счет своих братьев. Святая Православная Церковь, как русская, так и восточная, уже вынесла свое осуждение изменникам христианскому делу и предателям Церкви. И мы, сегодня, собравшиеся во имя Отца, Сына и Святаго Духа, подтверждаем это осуждение и постановляем: всякий виновный в измене общецерковному делу и перешедший на сторону фашизма, как противник Креста Господня, да числится отлученным, а епископ или клирик — лишенным сана².

¹ ЖМП. 1943, сентябрь № 1. С. 10.

² Там же. С. 16.

Этим постановлением отлучались от Церкви миллионы русских православных христиан, окормлявшихся в почти десяти тысячах храмов, которые действовали на оккупированной территории на основе официального разрешения немецко-фашистских властей. Этим постановлением извергались из сана тысячи клириков, которые самоотверженно возрождали разрушенную большевиками русскую церковную жизнь, искренне или вынужденно служа молебны о победе германской армии. Этим постановлением извергся из сана весь русский епископат, получивший от немецко-фашистских властей право на легализацию своей деятельности на условиях канонически более приемлемых, чем те условия, на которых получил свою легализацию от богоборческого коммунистического государства в 1927 году сам митрополит Сергей (Страгородский). Наконец, этим постановлением извергся из сана ближайший сподвижник новопоставленного Патриарха Сергея митрополит Сергей (Воскресенский), который проводил точно такую же, как митрополит Сергей (Страгородский), хотя по своим церковным результатам более успешную, политику безусловного сотрудничества с тоталитарным богоборческим режимом.

А 12 сентября в Богоявленском соборе состоялась патриаршая интронизация митрополита Сергея, сопровождавшаяся киносъёмкой, в присутствии иностранных дипломатов и журналистов. Уже через два дня Сталин подписал Постановление СНК СССР № 993 «Об организации Совета по делам Русской православной церкви» во главе с полковником госбезопасности Г. Г. Карповым, которому суждено было дослужиться на этом посту до звания генерал-майора госбезопасности.

А еще через несколько дней наркомам государственной безопасности союзных и автономных республик, начальникам УНГБ краев и областей Наркомом госбезопасности В. Меркуловым была направлена секретная директива:

8-го сентября с. г. в Москве состоялся собор епископов русской православной церкви (тихоновско-сергиевской ориентации), который избрал митрополита Сергея (Страгородского) «патриархом московским и всея Руси» и образовал при нем Священный Синод в составе 6 человек, в который вошли: митрополит Ленинградский Алексей (Симанский), митрополит Киевский и Галицкий Николай (Ярушевич), архиепископ Горьковский и Арзамасский Сергей (Гришин), архиепископ Красноярский Лука (Войно-Ясенецкий), архиепископ Ярославский Иоанн (Соко-

лов) и архиепископ Куйбышевский Алексей (Палицын). <...> Для осуществления связи между правительством СССР и «патриархом московским и всея Руси» по вопросам русской православной церкви, требующим разрешения правительства СССР Совет Народных Комиссаров постановил организовать при СНК СССР совет по делам Православной Русской Церкви...

В соответствии с вышеизложенным, в дальнейшей работе по церковникам, органам НКГБ необходимо руководствоваться следующим:

1. Не препятствовать духовенству проводить в жизнь официальные решения Патриарха Сергия и Синода, касающиеся назначений и перемещений священников по епархиям, открытия богословских курсов, свечных заводов, распространения печатных изданий Патриарха и Синода.

2. Наряду с этим обеспечить неослабное агентурное наблюдение за деятельностью епископов и остального духовенства православной церкви, пресекая возможные попытки с их стороны, превышения предоставленных им прав или использования этих прав в антисоветских целях.

3. Каждую вновь открываемую церковь обеспечивать проверенной агентурой из числа духовенства или церковного актива.

4. До особых указаний НКГБ СССР не допускать распада обновленческой церкви и перехода обновленческого духовенства в ведение московской патриархии, путем дачи соответствующих указаний нашей агентуре из числа руководящего состава духовенства. Не допускать также со стороны обновленцев каких-либо нападков или активных враждебных действий против Сергиевской церкви.

5. Усилить агентурную работу среди других церковных течений и сектантов, особенно по нелегальным церковным организациям и группам, пресекая возможные провокации и попытки активизировать антисоветскую работу с их стороны в связи с принятыми решениями в отношении сергиевской православной церкви.

С настоящим указанием ознакомить первых секретарей ЦК компартий Союзных Республик, краевых и областных комитетов ВКП(б)¹.

Так теперь уже в 1943 году митрополиту Сергию удалось вновь удержать в своих руках кормило высшей церковной власти, увенчав себя патриаршим саном. Только в 1943 году, в отличие от кон-

¹ <http://www.belrussia.ru/page-id-9770.html> (дата обращения: 30.06.2020).

ца 1920-х годов, гарантами его успеха оказались не Е. Ярославский, П. Г. Смидович и Е. А. Тучков, а И. В. Сталин, В. Н. Меркулов и Г. Г. Карпов, впрочем, пребывавшие в той же самой партии и служившие тому же самому государству.

Избрав для себя в 1927 году в качестве единственно возможной политику нескончаемых компромиссов как с богоборческим большевистским режимом, так и с собственной совестью, митрополит Сергей (Страгородский) сопровождал свой выбор наложением канонически безосновательных прещений на отвергавших его политику церковных иерархов, среди которых были и два Патриарших Местоблюстителя священномученик митрополит Кирилл (Смирнов) и священноисповедник Агафангел (Преображенский). Пожиная главный плод этой политики в виде признанного Сталиным первого советского Патриаршества, митрополит Сергей (Страгородский) вынужден был обрушить столь же канонически безосновательные прещения на своего самого преданного ученика и сподвижника митрополита Сергея (Воскресенского) и все подведомственное ему духовенство, осуществлявших свою деятельность в рамках той политики, которую сам митрополит Сергей (Страгородский) все эти годы навязывал Русской Православной Церкви. Но мог ли этот новый компромисс с богоборческим коммунистическим режимом и собственной совестью даровать теперь уже Патриарху Сергию и поддерживавшей его тогда весьма немногочисленной церковной иерархии подлинную победу в условиях сохранения в России коммунистического государства?

Ответ на этот вопрос содержался в одной из последних статей митрополита Сергея (Воскресенского) «Большевизм надо сокрушить», ставшей своеобразным завещанием погибшего через год после ее написания митрополита, решившегося, наконец, свободно и честно высказать правду о тех, кто пытался превратить его из митрополита Сергея (Воскресенского) в агента НКГБ СССР Воскресенского Дмитрия Николаевича:

В мире много зла и горя, но нет ничего страшнее и губительнее большевизма. Большевизм восстал на Бога и попрали человека. Большевизм не только умерщвляет, он растлевает. Он разрушает святости и ценности, которыми жива душа человека. Свободных людей он превращает в безличных рабов. Он отравляет их своею ложью и терзает их своим насилием. Страной большевизма правит страх, скрытый под маской предписанной преданности и продиктованного восторга. Страх за себя и своих; страх перед

арестом, ссылкой, пыткой, казнью; страх перед нищетой и голодом; страх перед доносом; страх перед ГПУ и друг перед другом. В стране большевизма все вынуждены притворяться и лгать, чтобы избежать немедленной расправы. <...> Рабам приказано кричать о том, что свободнее их нет людей на свете, что нет ничего радостнее их страдальческой жизни, что они любят своих ненавистных вождей, что большевистское одичание есть наивысшая форма культуры, что большевистское издевательство над человеческой личностью поднимает достоинство ее на недостижимую высоту. И они кричат, бахвалятся, поют и пляшут, чтобы только сохранить свою жизнь, эту жалкую жизнь, опозоренную страхом и ложью, и получить свой кусок хлеба, этот отравленный муками жалкий кусок.

Но они ненавидят! О, как они ненавидят своих палачей! Они не забывают, не прощают своих унижений, своих страданий. И разве можно простить, можно забыть? Никогда! Россия вызывает к возмездию, ждет страшного часа расплаты. Для победы над большевизмом мы, русские, готовы на все. И потому Россия ждала войны, хотела войны. В войне она видела единственную возможность сокрушить большевизм, выйти на простор новой, свободной жизни, вновь приняться за пряжу своей национальной истории — за эту священную пряжу, разорванную большевистской революцией.

Хотела этого также и наша Церковь, потому что только в военном крушении большевизма видела она путь к своему освобождению. Она едва не захлебнулась в воздвигнутом на нее гонении и уцелела, решусь сказать, чудом, чудом той простой, сердечной, неученой веры, которую русский народ сумел сохранить в своем сердце, несмотря на все усилия большевистских погромщиков и марксистских дрессировщиков. И если бы большевикам удалось теперь выиграть войну, то Церковь Российская была бы обречена на уничтожение.

Прижатые к стене германским оружием, большевики увидели, что они не могут гнать своих рабов в бой одними лишь пулеметами и горячить их одними лишь лозунгами коммунизма. В эти лозунги давно в России никто не верит. И вот большевики принялись говорить о защите Родины и Веры, взывать к чувствам русского патриотизма и православной церковности.

А чтобы этот обман удался лучше, большевики заставляют Церковь стать его соучастницей. Они принуждают Церковь звать на борьбу против тех, кто борется с большевиками, лютейшими

ее гонителями. Это насилие столь чудовишно, что некоторые не способны вообразить его возможности и потому склоняются к мысли, будто и в самом деле Церковь в Советском Союзе теперь свободна, будто она по собственному почину и убеждению призывает верующих людей в России и за ее пределами подняться на защиту безбожного большевизма. Но поймите же, что это предположение совершенно нелепо, что своей волей поддерживать безбожие никакая Церковь не может.

Поймите, что раздающийся из России голос Церкви фальсифицирован. Это вовсе не ее голос. Это голос большевиков, говорящих от ее имени. Они выдавливают из горла Церкви нужные им слова. А те слова, которые Церковь сама хотела бы сказать, она сказать не может. Но я слышу эти ее невысказанные слова. Вот они: «Кто в Бога верует — помогите! Не верьте большевикам никогда ни в чем! Мы в плену, мы замучены! Нас заставляют говорить ложь! Простите нас вы, не испытавшие того, что мы испытываем! Не заколачивайте Церковь в гроб! Не заколачивайте Россию в гроб! Победите большевиков! Господь наградит вас за это! Если большевики победят, то гибель и вам, и нам!»

Не думайте, что этот подлинный голос Церкви существует только в моем воображении, что я говорю о том, чего не знаю. Нет, я знаю, что творится в Советском Союзе, знаю, что там терпит и о чем думает Церковь, потому что я сам оттуда. До 1941 года, до моего назначения в Ригу, я жил в Москве и принимал самое близкое участие в трудах Патриархии, неся общий крест с моими братьями-архиереями. Я знаю тамошний ужас до самого дна, и все, что я здесь говорю, основано на личном моем опыте, накопленном и у алтаря, и в келье, и в тюрьме, и в многолетнем дружеском общении с архипастырями, пастырями и мирянами во многих городах и селах России. Я вправе свидетельствовать о тамошней жизни и тамошних чаяниях, народных и церковных, и я обязан делать это, чтобы безмолвием своим не оказать косвенного содействия распространению большевистской лжи и увековечению большевистского насилия.

И кто, имея возможность участвовать в борьбе против большевиков, под каким бы то ни было предлогом уклоняется от этого, тот косвенно поддерживает большевизм и, хочет того или не хочет, но помогает распинателям Церкви Христовой, нашим мучителям.

Мы, все мы, молимся о победе над большевизмом, об освобождении Церкви и Родины от коммунистического ига, о даро-

вании сил на борьбу с ним, о благословении тем, кто на эту борьбу идет. И мы верим в нашу победу, верим, что Господь смилостивится над народом российским и над народами, идущими на помощь ему, верим, что большевизм будет сокрушен, человечество будет от него спасено и Церковь Божия восстанет в России к новой, свободной и радостной жизни¹.

Почти пятнадцать лет пытавшийся совместить свое служение Русской Православной Церкви с сотрудничеством сначала с богорборческим коммунистическим, а затем с антихристианским нацистским режимом митрополит Сергей (Воскресенский) был обречен стать жертвой одного из них. В высшей степени символично, что его гибель 29 апреля 1944 года на одной из прибалтийских дорог до сего времени приписывается агентам как коммунистического, так и нацистского режима, ибо для каждого из них митрополит Сергей (Воскресенский), не перестававший мечтать о свободной Русской Православной Церкви в освобожденной от большевизма России, оставался лишь случайным союзником, со временем обреченным на физическое уничтожение или нравственное перерождение. Однако лукаво торжественные похороны митрополита Сергея (Воскресенского), организованные немецкими оккупационными властями в Риге 4 мая 1944 года, в чем-то напоминали столь же лукаво торжественную патриаршую интронизацию митрополита Сергея (Страгородского), организованную советскими властями прежде всего для иностранных дипломатов и журналистов 12 сентября 1943 года в Москве. Но проживший после этой интронизации более полугода Патриарх Сергей был обречен оставаться заложником той же самой «сергианской» политики, которая оказалась исполненной двоедушия и двоемыслия даже по отношению к его многолетнему ученику и сподвижнику митрополиту Сергию (Воскресенскому). Поэтому в высшей степени закономерно, что одним из первых после его патриаршей интронизации и одним из последних перед его кончиной обращений к пастве стало послание Патриарха Сергея к 26-й годовщине Советского государства, которое все эти годы пыталось уничтожить взрастившую Патриарха Сергея Русскую Православную Церковь.

Сегодня весь наш народ празднует двадцать шестую годовщину Советского государства. Помня завет Апостола, мы за каждой церковной службой возносим моления «о властях». Но сегодня

¹ Шкаровский М. В., Соловьев И., свящ. Церковь против большинства... С. 224–228.

нам нужно усилить наши молитвы, чтобы Господь и на будущее время не удалил Своего благого промысла от нашей страны, чтобы Он даровал нашим правителям мудрость к устройению государственных дел и прежде всего к скорейшему изгнанию врага из пределов нашей страны; чтобы и мы, советские граждане, могли возвратиться к мирному труду на общее благо и чтобы прочие угнетенные фашизмом народы, с надеждой на нас взирающие, могли вскоре в нашем лице приветствовать своих освободителей.

В настоящее время предметом всеобщего, можно сказать, всемирного удивления является тот единодушный подъем, которым многоплеменное и разноязычное население нашей страны ответило на фашистское нашествие. Наше правительство поощряло культурное развитие каждого племени и народности в национальном духе. У нас каждый даже самый маленький народец свободен строить свою жизнь и развиваться сообразно своим особенным национальным традициям и привычкам. На посторонний поверхностный взгляд такая свобода как будто должна вести к ослаблению внутренних связей между частями государства, грозить ему распадением. Несомненно, наши враги и рассчитывали на эту vulnerable непрочность Советского Союза и всячески старались ее использовать. И вдруг вместо плохо сплоченной массы разных племен наш Союз встретил врагов до неразрывности спаянный беззаветной любовью всех племен к своей общей Родине, готовностью их на всякую жертву, лишь бы Родина была свободна от фашистского ярма. Откуда же взялось такое единодушие? Какая сила могла так спаять наши как будто разрозненные племена? Конечно, многое здесь объясняется мудрой национальной политикой правительства, которая каждому племени дает возможность чувствовать себя дома на советской земле. Но вера не колеблясь указывает нам и высшую причину, от которой исходит и сама мудрая политика. «Это — перст Божий», говорит нам вера. «Сие знамение десницы Вышнего» (Пс. 76:11).

Итак, пред началом нового государственного года поусерднее помолимся о Богохранимой стране нашей и о властях ее во главе с нашим Богоданным Вождем. Да дарует им Господь силы и крепость еще много лет совершать их великое служение во благо вверенных им народов¹.

¹ ЖМП. 1943, ноябрь № 3. С. 3—4.

В отличие от митрополита Сергия (Воскресенского), убитого пулями неизвестных то ли красных, то ли коричневых палачей, Патриарх Сергий мирно скончался в большевистской Москве 15 мая 1944 года и был погребен под сводами Елоховского Богоявленского собора, который многие годы был основным местом его церковного служения. Однако, несмотря на различные обстоятельства кончин двух церковных иерархов, именно им суждено было запечатлеться в анналах русской церковной истории XX века как двум отцам-основателям не только совершенно особого направления церковной политики, но и совершенно особого типа восприятия церковной жизни, который в устах его оппонентов получил наименование «сергианства». Совершая свое архиерейское служение в условиях невиданных по своей масштабности и жестокости коммунистических гонений на Русскую Православную Церковь, митрополиты Сергий (Страгородский) и Сергий (Воскресенский), будучи лишь одними из многих земных архиереев, дерзнули взять на себя бремя спасения Церкви Христовой. «Я спасаю Церковь» — эти слова, сказанные митрополитом Сергием (Страгородским) в декабре 1927 года своим оппонентам из числа «иосифлянского» духовенства, так же как и их ответ митрополиту Сергию: «Церковь спасает Христос», стали словами, проведшими черту, которая уже не на политическом, а на экклезиологическом уровне разделила русскую церковную иерархию на рубеже 1920—1930-х годов. Пытаясь своими немощными человеческими усилиями сохранять Церковь Христову, митрополиты Сергий (Страгородский) и Сергий (Воскресенский) главной целью своего служения сделали достижение политического соглашения с коммунистическими и нацистскими предтечами Антихриста, не скрывавшими своего намерения уничтожить Церковь Христову. Идя по пути достижения этой призрачной цели, они готовы были жертвовать сначала теми из своих собратьев из церковной иерархии, кто отвергал духовную подлинность поставленной ими цели, затем теми, кто доверчиво или лукаво шел за ними по указанному ими пути, и, наконец, друг другом, когда жизнь поставила обоих митрополитов перед очередным «сергианским» выбором между богоборческим коммунизмом и антихристианским нацизмом.

Кончины обоих владык Сергиев весной 1944 года, отделенные одна от другой всего лишь пятнадцатью днями, как будто обозначили «сергианскую» перспективу развития жизни в Русской Православной Церкви как единственно возможную, и теперь уже от Патриаршего Местоблюстителя митрополита Ленинградского

Алексия (Симанского) в каком-то смысле зависело, насколько подтвердит или опровергнет дальнейшая жизнь Русской Православной Церкви исполненные глубокой скорби слова священномученика епископа Дамаскина (Цедрика), который еще весной 1934 года писал священномученику архиепископу Серафиму (Самойловичу): «Уйдет митрополит Сергей — останется сергианство, т. е. то сознательное попрание идеала Святой церкви ради сохранения внешнего декорума и личного благополучия, которое необходимо является в результате так называемой легализации»¹.

¹ Мазырин А., свящ. Указ. соч. С. 361.

Патриарх Алексий I.

Жизнь и труды до вступления на Патриарший Престол

Патриарх Алексий (в миру Сергей Владимирович Симанский) родился 27 октября 1877 года в Москве в семье чиновника канцелярии московского генерал-губернатора Владимира Андреевича Симанского, по выходе в отставку получившего звание камергера Императорского двора и пожизненно прикомандированного к канцелярии Святейшего Синода. Это была довольно благополучная дворянская семья, в которой не прерывались традиции церковного благочестия, связывавшие семью с их предками, когда-то, еще в допетровские времена, жившими во внешней гармонии с православной церковной традицией, основанной на том самом бытовом исповедничестве веры, которая когда-то объединяла в нашей стране аристократов и мужиков. Двоюродная бабушка будущего Патриарха игуменя Леонида (Озерова) была настоятельницей Новодевичьего монастыря.

Сергей Симанский, как многие отроки в дворянских семьях, получил сначала весьма основательное домашнее образование, позволившее ему уже в одиннадцать лет поступить в привилегированный Лазаревский институт восточных языков, а затем продолжить свое образование в Катковском лицее имени цесаревича Николая, который он закончил в 1896 году с серебряной медалью. Это было хорошее, как мы бы сказали сейчас, среднее специальное образование, после которого будущий Патриарх поступил на юридический факультет Московского университета. Семья видела его чиновником, который пойдет по стопам отца и сделает успешную гражданскую карьеру. Сергей послушно следовал воле родителей и, обучаясь на юридическом факультете, не мыслил себя, на первый взгляд, священнослужителем, хотя, конечно, личное церковное благочестие было ему присуще с самых ранних лет жизни. Итогом его обучения на юридическом факуль-

тете Московского университета, которое он завершил за три года, стала диссертация на получение степени кандидата права на тему «Комбатанты и не комбатанты во время войны», хотя и далекая от канонического права, но ставившая проблемы как правовые, так и этические.

Выпускники высших учебных заведений проходили в течение года воинскую повинность в качестве вольноопределяющихся и, получив чин прапорщика, уходили в запас. Пройдя в 1899 году подобную службу в 7-м Самогитском гренадерском полку, Сергей Симанский решил поступить в Московскую Духовную Академию. Такого рода решение не было для него случайным, ибо для него к этому времени все более привлекательным стало представляться монашеское, а значит, в перспективе и архиерейское служение. Трудно было предположить, что выпускника Духовной Академии с таким происхождением и с таким образованием стали бы долго держать на каких-то второстепенных должностях в нашей церковной иерархии. И если порыв будущего Патриарха Сергия (Страгородского) после окончания Духовной Академии и принятия монашеского сана отправиться миссионером в Японию, безусловно, свидетельствовал о страстной, ищущей натуре, то Сергей Владимирович Симанский был ориентирован на достаточно спокойную и стабильную карьеру, впрочем, соответствующую его очевидно незаурядным способностям. Он поступил в Духовную Академию в 1900 году, 9 февраля 1902 года принял монашеский постриг от руки ректора Академии епископа Арсения (Стадницкого) и 21 декабря 1903 года был посвящен им в пресвитерский сан. С этим архиереем Сергей Владимирович Симанский будет связан многими годами своей жизни и во многом сформируется под его влиянием.

Иеромонах Алексей закончил Академию в 1904 году со степенью кандидата богословия, полученной за написание сочинения на совершенно беспроягрешную в стенах Московской Духовной Академии тему: «Господствующие в современно-нравственном правовом сознании понятия перед судом митрополита Филарета Дроздова». При написании своего сочинения, находившегося на стыке права и нравственного богословия, иеромонах Алексей опирался на свою эрудицию правоведа и одновременно апеллировал к непререкаемому для Московской Духовной Академии авторитету — святителю Филарету Дроздову.

По окончании Академии двадцати семи лет от роду иеромонах Алексей стал инспектором Псковской духовной семинарии, ибо Псковским архиереем в это время был епископ Арсений, который

видел в иеромонахе Алексии своего ближайшего ученика. 16 сентября 1906 года последовало новое назначение — ректором Тульской духовной семинарии с возведением в сан архимандрита. Типичная карьера ученого монаха, казалось бы, не предполагала никаких катаклизмов, исканий, метаний, все шло достаточно предсказуемо и стабильно. При этом архимандрит Алексей строго соблюдал свое общественно-политическое реноме верноподданного монархиста и даже стал председателем Тульского отделения Союза русского народа, хотя для него, как для настоящего аристократа, провинциальные черносотенцы, конечно, не могли казаться достойным обществом.

Архимандрит Алексей всегда стремился быть рядом с архиепископом Арсением, и 6 октября 1911 года по его, уже Новгородского архиерея, ходатайству архимандрита Алексия назначили ректором Новгородской духовной семинарии и настоятелем монастыря преподобного Антония Римлянина, и именно здесь ему довелось стать епископом. Хиротония его была совершена 28 апреля 1913 года в Софийском соборе и оказалась в некотором смысле промыслительной. В это время в России после длительного двухвекового перерыва появился Антиохийский патриарх Григорий IV. Его визит был пышно обставлен, и как раз на богослужении в Софийском соборе, когда собор духовенства возглавлял именно патриарх Антиохийский Григорий IV, архимандрит Алексей был рукоположен в сан епископа Тихвинского. Это был для него чрезвычайно важный эпизод, потому что он оказался викарным епископом при архиерее, которого хорошо знал, который его хорошо знал и который мог способствовать не только его карьере, но и формированию его в дальнейшем как церковного иерарха. Все в его жизни и деятельности свидетельствовало об успехе, спокойном, стабильном и безусловном. Подобно многим, он жил в ощущении незыблемости той православной Российской империи, в которой ему суждено было сделать столь же успешную, как и его родителю, но уже не светскую, а духовную карьеру.

1917 год стал страшным и неожиданным потрясением для епископа Алексия, как и для очень многих. Читая его письма периода Гражданской войны, поражаешься тому, насколько этот уже сформировавшийся, как князь Церкви, иерарх, образованный и умный, был дезориентирован происходящими событиями, как он подчас почти по-детски не знал, как реагировать на то, что происходило кругом, и тем более не мог размышлять над причинами происшедшего. Епископ Алексей по-прежнему склонен был ориентировать-

ся на своего духовного наставника, с ноября 1917 года уже митрополита Арсения и очень болезненно переживал его избрание в Патриархи на Поместном Соборе, в своих письмах удивлялся тому, что иерарх, годный разве на то, чтобы быть кутейником, как он тогда воспринимал Патриарха Тихона, оказался во главе Русской Церкви. При этом его снисходительный взгляд на Патриарха Тихона сочетался с почти благоговейным взглядом на митрополита Арсения.

События Гражданской войны во многом в силу отсутствия боевых действий на территории Новгородской губернии не отразились на судьбе епископа Алексея особенно драматично. После кратковременного ареста вместе с митрополитом Арсением в январе 1920 года ему пришлось пережить в ноябре 1920 того же года новый арест и даже получить условный срок заключения по обвинению в самовольном освидетельствовании мощей святых, когда во время кампании по вскрытию мощей во исполнение указа Патриарха Тихона епископ Алексей попытался до вскрытия мощей представителями большевистских властей вскрыть их сам, чтобы упразднить поводы для глумления.

Указом Патриарха Тихона 21 февраля 1921 года епископ Алексей был назначен в Петроградскую епархию первым викарием епископом Ямбургским. В его жизни начался исполненный больших внутренних терзаний и противоречий период, которому суждено было длиться почти полвека. Епископ Алексей оказался в качестве викарного епископа рядом со столь непохожим на митрополита Арсения правящим архиереем, будущим священномучеником митрополитом Вениамином (Казанским), который воспринимал своего викария не как послушного ученика, а как ответственного соратника, а уже менее чем через полгода после ареста митрополита Вениамина 1 июня 1922 года ему пришлось встать во главе Петроградской епархии. Именно эта епархия тогда не в меньшей степени, чем Москва превратилась в поле битвы между обезглавленными после ареста Патриарха Тихона православными священнослужителями и рвавшимися к высшей церковной власти при поддержке ГПУ представителями обновленческого духовенства.

Церковно-канонически полностью дезавуировавший главных обновленческих лидеров, своим отлучением их митрополит Вениамин поставил на грань срыва разработанный в ГПУ план захвата власти в Русской Православной Церкви их рясофорной агентурой и именно поэтому, а не по причине воспрепятствования изъятию церковных ценностей был арестован органами ГПУ. Отказ митро-

полита Вениамина снять прещение с обновленческих лидеров побудил власти вызвать в ГПУ принявшего управление епархией епископа Алексея и предъявить ему ультиматум. От него требовали снять прещение с обновленческих священников в обмен на предоставление возможности подать прошение об освобождении митрополита Вениамина на поруки, обещая в противном случае провести над митрополитом Вениамином быстрый процесс с расстрельным приговором. По иронии судьбы бывший не только знатоком церковных канонов, но и дипломированным гражданским юристом епископ Алексей прекрасно понимал каноническую недопустимость снятия прещения с обновленческих священников, наложенного на них другим, тем более его же правящим архиереем. Но в то же время угроза жизни митрополита Вениамина была столь велика и очевидна, что, не решаясь принять самостоятельное решение, епископ Алексей собрал епархиальный совет, на котором лишь после резких дискуссий большинство членов высказались в поддержку идеи снятия прещения с обновленцев. После этого епископ Алексей решился снять наложенное прещение и отправил в органы власти прошение епархиального совета об освобождении митрополита Вениамина на поруки. Митрополит Вениамин освобожден не был, суд над ним состоялся, и он был расстрелян, а обновленцы возобновили свою активную деятельность как в Петрограде, так и в Москве.

Не желая формально подчиниться обновленческому ВЦУ, епископ Алексей в конце июня 1922 года сложил с себя обязанности управляющего Петроградской епархией. Однако через два месяца вместе с другим викарием Петроградской епархии епископом Петроградским Николаем (Ярушевичем) он провозгласил автокефальное управление епархией, в храмах которой было запрещено помянуть как Патриарха Тихона, так и обновленческое ВЦУ. Двойственная позиция епископа Алексея вызывала критику со стороны сторонников Патриарха Тихона, отчаянно сопротивлявшихся наступлению обновленцев в Петрограде, но также она не устраивала и органы ГПУ. И если, как казалось, близкие епископу Алексею собратья по пастырскому служению в своих обличениях в его адрес были склонны даже обвинять его в том, что он, пусть и невольно, своим снятием прещения с обновленцев обрек на смерть митрополита Вениамина, который мог церковно-канонически дезавуировать указ своего викарного епископа и поэтому был обречен на устранение его властями, то органы ГПУ выразили свое отношение к епископу Алексею в октябре 1922 года, арестовав его

и отправив в трехлетнюю ссылку в Казахстан, где в г. Каркарапинске он служил в местном храме как простой священник до весны 1926 года.

Вернувшись из ссылки весной 1926 года, епископ Алексей поселился в Ленинграде в квартире своих родителей на Большой Дворянской улице, тогда уже называвшейся 1-й улицей Деревенской бедноты, которая к тому времени выразительно изменила не только внешний, но прежде всего внутренний облик. Осенью 1926 года митрополит Сергей назначил епископа Алексея управляющим Новгородской епархией с возведением в сан архиепископа с последующем переименованием в архиепископа Хутынского. Такое назначение казалось вполне естественным как в связи с тем, что архиепископ Алексей некогда пребывал в статусе vikария Новгородской епархии и многие годы был ближайшим учеником по-прежнему находившегося в это время в среднеазиатской ссылке митрополита Новгородского Арсения, так и в связи с тем, что многие авторитетные представители ленинградского духовенства выражали явное недоверие архиепископу Алексею после его кратковременной деятельности в Петрограде в 1921–1922 годах. Архиепископ Алексей, подобно многим епископам, поддерживал в это время митрополита Сергея как наиболее предпочтительного кандидата на роль возглавителя русской церковной иерархии. Не случайно после освобождения митрополита Сергея и после создания им Временного Патриаршего Синода архиепископ Алексей наряду с митрополитом Серафимом (Александровым) вошел в число его пусть и пререкаемых в церковных кругах членов. При этом митрополит Сергей включил в состав Синода в качестве его самого авторитетного члена и митрополита Арсения, которому органы ГПУ позволили лишь один раз участвовать в зимней 1934/35 сессии Временного Патриаршего Синода, оказавшейся последней.

Архиепископу Алексею довелось быть среди пяти членов Временного Патриаршего Синода, подписавших текст зловещего интервью советским журналистам, и вместе с митрополитом Сергием не быть расстрелянным, подобно трем другим синодальным подписантам. В августе 1933 года после формального назначения на Ташкентскую кафедру так и обреченного до своей кончины пребывать в Средней Азии митрополита Арсения, когда в Ташкенте не оставалось уже ни одного действующего храма, архиепископ Алексей с возведением его в сан митрополита Старорусского, затем уже Новгородского, был назначен на Новгородскую кафедру,

на которой он, впрочем, пребывал недолго. 5 октября 1933 года митрополит Сергей, рассматривавший митрополита Алексея как одного из еще молодых по возрасту, активных и в то же время готовых беспрекословно исполнять его указания архиереев, назначил его вместо отправленного на покой митрополита Серафима (Чичагова) на митрополичью кафедру Ленинградской епархии, в состав которой в это время вошли Новгородская, Псковская, Боровичская и Череповецкая области.

В пятьдесят шесть лет митрополит Алексей, будучи вторым после Заместителя Патриаршего Местоблюстителя митрополита Сергея иерархом в русском епископате, оказался на кафедре, которая во времена его начинавшегося епископского служения воспринималась как первенствующая кафедра Русской Православной Церкви. Конечно, даже с момента его перевода в Новгород осенью 1926 года количество храмов в епархии значительно сократилось, как, впрочем, и полностью исчезли, подвергнувшись репрессиям или уйдя в церковное подполье, обличители митрополита Алексея из числа иосифлянского духовенства, но сам он еще мог разместиться в игуменских покоях Новодевичьего монастыря, с которыми так гармонировал весь его аристократический облик, все его административно-богослужебные правила и житейско-бытовые привычки, явно контрастировавшие с этим нелепым титулом — митрополит Ленинградский.

Митрополит Алексей последовательно шел по тому пути, по которому вел Церковь митрополит Сергей. Он был безупречно корректен с властями и ничего не предпринимал без указаний своего предстоятеля, который к этому времени уже объявил себя Патриаршим Местоблюстителем. Конечно, переселение в 1937 году из игуменских покоев Новодевичьего монастыря в колокольню Князь-Владимирского собора, а затем, в годы войны, на хоры Николо-Богоявленского монастыря вызвали недовольство всегда склонного к сибаритству митрополита Алексея, но кровавые репрессии 1937—1938 годов не могли не отзываться в его душе не только величайшей скорбью, но и беспросветным отчаянием, оттого что он был бессилён выступить даже в защиту священнослужителей своей огромной епархии, около 800 из которых были расстреляны в эти годы, несмотря на то что пошли вслед за ним и митрополитом Сергием. В отличие от своих оппонентов из среды церковной оппозиции митрополиту Сергию, не шедших на компромиссы и умиравших с ощущением исполненного долга, многим представителям сергианского духовенства приходилось поги-

бать с ощущением того, что они согрешили перед Христом и грех их вряд ли не вменится им во осуждение. И тем тяжелее должны были ощущаться висевшие на груди митрополита Алексия две панагии, право на ношение которых он получил в 1938 году, оставаясь одним из четырех пребывавших на свободе и исполнявших свое епископское служение иерархов Русской Православной Церкви.

После нападения нацистской Германии на СССР митрополит Алексей, находившийся в Ленинграде почти непрерывно до окончания блокады города, через месяц после митрополита Сергия, 26 июля 1941 года, выступил с обращением к верующим «Церковь зовет к защите Родины», аналогичным по своему содержанию посланию митрополита Сергия от 22 июня 1941 года. Регулярное совершение богослужений преимущественно в Николо-Богоявленском соборе, на хорах которого митрополит Алексей прожил все блокадные годы, и периодическое написание посланий более военно-патриотического, нежели духовно-нравственного содержания (и здесь он опять следовал примеру митрополита Сергия) были единственными формами его церковно-административной и церковно-пастырской деятельности в блокадном Ленинграде. Конечно, митрополит Алексей был наслышан о том, что за линией фронта Ленинградская, Новгородская и Псковская области, территории которых входили в состав его огромной епархии, теперь окормлялись Прибалтийским экзархом митрополитом Сергием (Воскресенским) — впрочем, подобно митрополиту Алексею, возглашавшим на своих богослужениях имя Патриаршего Местоблюстителя митрополита Московского Сергия как своего предстоятеля, — и его быстро увеличивающимся духовенством. В храмах же Ленинграда за полтора блокадных года число действующих священнослужителей сократилось с восемнадцати до двенадцати человек. Конечно, служа в шести действующих храмах Ленинграда молебны о победе Красной армии, митрополит Алексей знал об открытии сотен храмов на оккупированной части территории его епархии, в которых духовенство служило молебны о победе германской армии, и продолжал в листовках, распространявшихся на оккупированной территории, называть немецко-фашистскую администрацию главным гонителем Русской Православной Церкви.

Митрополит Алексей призывал духовенство и православных христиан Ленинграда не только участвовать в военных займах, но и делать дополнительные пожертвования деньгами и ценными вещами на нужды обороны уже в первые месяцы войны. После обраще-

ния митрополита Сергия от 30 декабря 1942 года с призывом начать сбор средств на танковую колонну имени Дмитрия Донского сбор средств продолжился в еще большем масштабе, что позволило митрополиту Алексею еще до прорыва блокады в телеграмме на имя Сталина от 12 января 1943 года написать:

Руководимая мною Ленинградская епархия, находящаяся в условиях блокады, до сего времени внесла в Фонд обороны страны 3 682 143 рубля наличными деньгами, а также пожертвования ценными вещами. Руководствуясь призывом Патриаршего Местоблюстителя митрополита Московского Сергия, епархия вносит на постройку колонны танков имени Дмитрия Донского 500 000 рублей. Сбор средств продолжается с непобедимой верой в близкую победу нашего правого дела над кровавым безумием фашизма, усердно молим Бога о помощи Вам в Вашем великом историческом призвании отстоять честь, свободу и славу родной страны.

Алексий, митрополит Ленинградский

По прошествии четырех месяцев, 13 мая 1943 года, митрополит Алексей отправил еще одну телеграмму советскому вождю следующего содержания:

Ленинградская епархия, выполняя данное Вам обещание всемерно продолжать свою помощь нашей доблестной Красной Армии и осуществляя Ваш призыв всячески содействовать укреплению обороноспособности нашей Родины, собрала и внесла дополнительно ранее перечисленным 3 682 143 рублям еще 1 769 200 рублей и продолжает сбор средств на танковую колонну имени Дмитрия Донского. Духовенство и верующие преисполнены твердой веры в близкую победу нашу над злым фашизмом, и все мы уповаем на помощь Божию Вам и русскому воинству под вашим верховным водительством, защищающему правое дело и несущему свободу нашим братьям и сестрам, попавшим временно под тяжкое иго врага. Молю Бога ниспослать Отечеству нашему и Вам свою победительную силу.

Алексий, митрополит Ленинградский

На эту телеграмму 17 мая последовал ответ Сталина:

Прошу передать православному духовенству и верующим Ленинградской Епархии, собравшим кроме внесенных ранее 3 млн. 682 тыс. 143 рублей дополнительно 1 млн. 769 тыс. 200 рублей на

строительство танковой колонны им. Дмитрия Донского, мой искренний привет и благодарность Красной Армии.

И. Сталин¹

Награжденный 4 июля 1943 года в Ульяновске митрополитом Сергием за свою столь активную деятельность правом преднесения креста за богослужением митрополит Алексей во время возвращения в Ленинград был приглашен представителями властей в Москву, где ему была вручена медаль «За оборону Ленинграда».

На исторической кремлевской встрече со Сталины в ночь с 3 на 4 сентября 1943 года митрополит Алексей со свойственной ему деликатной твердостью и располагающим к себе (в тех случаях, когда он этого хотел) обаянием не мог не вызвать у Сталина ощущение того, что именно митрополит Алексей, а не митрополит Николай, может более подойти на роль преемника Патриаршего Местоблюстителя митрополита Сергия. Выступив скромным содокладчиком митрополита Сергия на Архиерейском Соборе 8 сентября 1943 года, митрополит Алексей прекрасно справился с проведением на этом условном соборе совершенно неканоничной процедуры выборов Патриарха без выбора и даже без какого-либо формального голосования, чем не мог не вызвать у нового куратора Церкви председателя Совета по делам Русской Православной Церкви Г. Г. Карпова доверия к себе как директивно-послушному бюрократу, умеющему облекать в церковно-пристойные формы произвольные решения партийно-гепешных надзирателей за церковными делами.

Поэтому, объявляя 15 мая 1944 года о своем вступлении в должность Патриаршего Местоблюстителя, митрополит Алексей отдавал себе отчет в том, что он не только исполнял посмертную волю только что почившего Патриарха Сергия, но и принимал на себя обязательства верности и преданности по отношению к казавшемуся тогда многим почти бессмертным коммунистическому вождю. Именно поэтому 19 мая 1944 года митрополит Алексей передал Сталину свое письмо, которое должно было стать его первой декларацией о намерениях последовательно проводить курс своего предшественника.

Дорогой Иосиф Виссарионович!

Нашу Православную Церковь внезапно постигло тяжелое испытание: скончался Патриарх Сергий, 18 лет управлявший Церковью.

¹ Шкаровский М. В. Церковь зовет к защите Родины. Религиозная жизнь Ленинграда и Северо-Запада в годы Великой Отечественной войны. СПб., 2005. С. 538, 541–542.

Вам хорошо известно, с какой мудростью он нес это трудное послушание; вам известна и его любовь к Родине, его патриотизм, который воодушевлял его в переживаемую эпоху военных испытаний. А нам, его ближайшим помощникам, близко известно и его чувство самой искренней любви к Вам и преданности Вам, как мудрому, Богопоставленному Вождю (это его постоянное выражение) народов нашего великого Союза.

Это чувство проявлялось в нем с особой силой после личного его знакомства с Вами, после нашего незабвенного для нас свидания с Вами 4 сентября минувшего года. Не раз приходилось мне слышать от него, с каким теплым чувством он вспоминал об этом свидании и какое высокое, историческое значение он придавал Вашему, ценнейшему для нас, вниманию к церковным нуждам.

С его кончиною Церковь наша осиротела. По завещанию почившего Патриарха мне судил Бог принять на себя должность Патриаршего Местоблюстителя.

В этот ответственный для меня момент жизни и служения Церкви я ощущаю потребность выразить Вам, дорогой Иосиф Виссарионович, и мои личные чувства.

В предстоящей мне деятельности я буду неизменно и неуклонно руководиться теми принципами, которыми отмечена была церковная деятельность почившего Патриарха: следование канонам и установлениям церковным — с одной стороны — и неизменная верность Родине и возглавляемому Вами Правительству нашему — с другой.

Действуя в полном единении с Советом по делам Русской Православной Церкви, я вместе с учрежденным покойным Патриархом Священным Синодом буду гарантирован от ошибок и неверных шагов.

Прошу Вас, глубокочтимый и дорогой Иосиф Виссарионович, принять эти мои заверения с такою же доверенностью, с какою они от меня исходят, и верить чувствам глубокой к Вам любви и благодарности, какими одушевлены все, отныне мною руководимые, церковные работники¹.

О чем мог думать, что мог чувствовать митрополит Алексий, человек, которому вообще не предполагалось оставаться в живых в советском государстве и обществе, когда не подписывал от имени Временного Патриаршего Синода, а писал от собственного имени

¹ ЖМП. 1944, сентябрь № 6. С. 16.

подобного рода слова человеку, на руках которого была кровь многих из тех, кого он когда-то уважал и любил? Это навсегда останется тайной, которую Патриарх Алексей унес с собой. Но, предваряя будущее прочтение нескольких наиболее значимых посланий и обращений будущего Патриарха Алексея от имени всей Русской Православной Церкви, следует подчеркнуть, что лишь надежда на то, что, подписывая их, Патриарх Алексей шел по пути сознательной и очевидной лжи, может смягчить его вину за эти послания, хотя сознательная и очевидная ложь первоиерарха Церкви может искушить или даже отторгнуть от Церкви многих верных христиан и воспрепятствовать приходу в Церковь многих ищущих Христа людей. Но если, подписывая эти послания, Патриарх Алексей был искренен, значит, он в этот момент переставал быть христианином и в Русской Православной Церкви не было Патриарха.

В своем первом письме, написанном Сталину уже в качестве потенциального Патриарха, митрополит Алексей с самого начала подчеркнул тот духовно-государственный статус Сталина, которым наделил его именно Патриарх Сергей в своем последнем церковно-государственно значимом послании к 26-й годовщине советского государства в ноябре 1943 года. Впрочем, Патриарх Сергей назвал Сталина «Богоданным Вождем», а митрополит Алексей счел необходимым усилить эту формулировку, написав «Богопоставленный Вождь» и тем самым как будто намеренно подчеркнул, что в своей деятельности он будет следовать тем же принципам, что и почивший Патриарх, исполнять церковные каноны и хранить неизменную верность родине и возглавляемому Сталиным правительству, но в еще большей степени. Подчеркивая, что в своей политике он будет «действовать в единении с Советом по делам Русской Православной Церкви», который тогда возглавлял полковник госбезопасности Г. Г. Карпов, и потому будет «гарантирован от ошибок и неверных шагов», митрополит Алексей как будто апеллировал к известному тезису Ленина о том, что «хороший коммунист в то же время есть и хороший чекист», применявшемуся во времена Сталина уже ко всем категориям советских граждан, в том числе и к «церковным работникам», как назвал митрополит Алексей в конце письма духовенство Русской Православной Церкви.

Поместный Собор 1945 года

Избавленные от необходимости созывать очередной Архиерейский Собор в большевистских темпах, митрополит Алексей и заметно численно увеличившийся епископат Русской Православной Церкви (за время местоблюстительства митрополита Алексея с мая 1944 по январь 1945 года было совершено десять епископских хиротоний) в течение полугода готовились к проведению этого Собора. При этом для митрополита Алексея и наиболее приближенных к нему архиереев была очевидна необходимость не допустить второй раз подряд тех вопиющих канонических нарушений, которые сопровождали созыв Архиерейского Собора в 1943 году. Прежде всего Архиерейский Собор должен был в ближайшее после завершения его работы время подготовить созыв Поместного Собора, на котором в соответствии с формально продолжавшими действовать в Русской Православной Церкви определениями Поместного Собора 1917–1918 годов только и могло происходить избрание Патриарха. Именно на Поместном Соборе могли быть изменены принятые Поместным Собором 1917–1918 годов определения, касавшиеся высшего церковного, епархиального и приходского управления, во многом неосуществимые в ситуации пребывания Церкви в условиях политики перманентных гонений со стороны коммунистического режима. Поэтому именно Архиерейский Собор и должен был предварительно обсудить и принять новый Устав Русской Православной Церкви, учитывавший изменения, происшедшие в положении Церкви в СССР. Наконец, Архиерейский Собор должен был принципиально решить вопрос о приглашении на Поместный Собор представителей автокефальных Поместных Церквей, дабы они своим участием в Соборе обеспечили рецепцию решений Поместного Собора Русской Православной Церкви в Поместных Церквах православного мира.

Конечно же, созыв как Архиерейского, так и Поместного Соборов зависел не только и не столько от воли и желания митрополита Алексея, сколько от позиции государственной власти, с которой в

лице Председателя Совета по делам Русской Православной Церкви Г. Г. Карпова происходил в это время постоянный диалог, в ходе которого, в частности, было дано разрешение на беспрецедентную публикацию 24 октября 1944 года сразу в двух советских центральных газетах «Известия» и «Красная звезда» письма Патриаршего Местоблюстителя митрополита Алексия Сталину и лаконичный ответ коммунистического вождя.

Дорогой Иосиф Виссарионович! В порыве патриотического воодушевления, по призыву покойного Патриарха Сергия, клир и верующие Русской Православной Церкви в течение всего военного периода собирали средства и жертвовали их на военные нужды, в частности — на танковую колонну имени Дмитрия Донского, внося этим свою долю участия в великое дело борьбы, которую под Вашим верховным водительством так победоносно ведет весь русский народ. Ваши сердечные ответы на наши сообщения об этих патриотических взносах вдохновляли жертвователей, и число их умножалось. К настоящему времени общая цифра этих взносов доходит до 150 миллионов рублей, не считая пожертвований ценными вещами всякого рода.

Несомненный близкий конец войны уже виден: блестящие победы и стремительное продвижение нашей победоносной Красной Армии громко свидетельствуют о скором разгроме германского фашизма; и на этом последнем этапе войны новые задачи встают пред нами. Я нашел благовременным призвать духовенство и верующих нашей Православной Церкви ознаменовать приближение победного конца войны всецерковным сбором щедрых пожертвований в фонд помощи детям и семьям бойцов доблестной Красной Армии. Эта забота со стороны всех верующих нашего Союза о детях и семьях наших родных воинов и защитников да облегчит великий их подвиг, а нас да соединит еще более тесными духовными узами с теми, кто не щадит и крови своей ради свободы и благоденствия нашей Родины! Для начала дела Патриархия вносит один миллион рублей.

Докладывая, дорогой Иосиф Виссарионович, Вам, чья постоянная забота простирается на все стороны жизни русского народа, об этом новом патриотическом начинании, к которому я призываю Русскую Церковь, я не сомневаюсь, что оно встретит с Вашей стороны одобрение. И это еще более побудит всех нас

приложить все усилия к тому, чтобы оказаться достойными великой чести быть участниками в том общем связанном с войной всенародном подвиге, который возглавлен Вами, нашим любимым, Богом данным Верховным Вождем. Примите, глубоко чтимый и дорогой Иосиф Виссарионович, уверение в моем искреннем и глубоком уважении.

*АЛЕКСИЙ, Митрополит Ленинградский и Новгородский,
Патриарший Местоблюститель. 1944, октября 10,
Москва, Патриархия*

Алексию, Митрополиту Ленинградскому и Новгородскому, Патриаршему Местоблюстителю:

Благодарю Вас за заботу о детях и семьях бойцов Краской Армии. Примите мой привет и благодарность Красной Армии.

И. СТАЛИН¹

Публичная демонстрация переписки между «Богом данным Верховным Вождем» и еще не избранным в Патриархи Патриаршим Местоблюстителем не только свидетельствовала стране о переменах в религиозной политике Советского государства, но и указывала на неизбежную для митрополита Алексия перспективу стать следующим Патриархом наступавшей эпохи «полной и окончательной победы социализма».

Архиерейский Собор под председательством Патриаршего Местоблюстителя митрополита Ленинградского Алексия в составе пятидесяти архиереев 21–23 ноября 1944 года провел свои заседания в патриаршей резиденции в Чистом переулке в Москве. Во вступительном слове митрополит Алексей, благодаря советское правительство за благоприятные условия, созданные для развития церковной жизни в стране, и за открытие более двухсот храмов, подчеркнул, что главным вопросом в работе будущего Поместного Собора следует считать избрание Патриарха. На вечернем заседании 22 ноября были заслушаны доклад архиепископа Псковского Григория (Чукова) по проекту «Положения об управлении Русской Православной Церковью» и доклад митрополита Алексия о патриотическом служении Церкви в время войны. С сообщениями о деятельности Богословского института и Богословско-пастырских курсов и Издательского отдела выступили протоиереи Тихон Попов и Александр Смирнов.

¹ Известия. 1944. 24 октября.

На третий день заседания члены Собора утвердили программу предстоящего Поместного Собора, после чего управляющий делами Патриархии протоиерей Николай Колчицкий выступил с докладом о порядке избрания Патриарха на Поместном Соборе. В докладе предлагалась кардинально отличная как по форме, так и по существу от процедуры избрания Патриарха на Поместном Соборе 1917–1918 годов процедура избрания: каждый архиерей, начиная с младшего по хиротонии, на вопрос, кого он с клиром и паствой своей епархии избирает Патриархом, будет отвечать: «Патриархом Московским и всея Руси мы избираем преосвященнейшего (титул, епархия, имя)». После окончания опроса председатель Собора объявит имя архиерея, избранного Патриархом. Предложение архиепископа Тамбовского Луки (Войно-Ясенецкого) избирать Патриарха по процедуре Поместного Собора 1917–1918 годов без каких-либо дискуссий было отвергнуто. Архиерейский Собор утвердил порядок избрания Патриарха, предложенный протоиереем Николаем Колчицким, и принял решение пригласить на Поместный Собор Патриархов Константинопольского, Александрийского, Антиохийского, Иерусалимского. На Поместный Собор был также приглашен и католикос-патриарх Грузинский Каллистрат, молитвенно-евхаристическое общение с которым было восстановлено митрополитом Сергием 19 ноября 1943 года по предложению советских властей.

Все участники Архиерейского Собора были приглашены 24 ноября 1944 года на прием к Г. Г. Карпову, и только архиепископ Тамбовский Лука (Войно-Ясенецкий) не счел возможным для себя присутствовать на этом приеме, чем еще больше привлек к себе внимание этого полковника госбезопасности.

Подготовка Поместного Собора должна была осуществляться не только членами Архиерейского Собора, но и сотрудниками Г. Г. Карпова, как работавшими в Совете по делам Русской Православной Церкви, так и служившими вместе с ним в 5-м отделе 2-го управления Народного Комиссариата Государственной Безопасности. Столь нестандартное для деятельности их ведомства мероприятие, как созыв Поместного Собора Русской Православной Церкви, должно было пройти не только под их жестким контролем, но и на высоком идейно-организационном уровне, ибо речь для них шла не о восстановлении разрушенной их коллегами административно-иерархической структуры Русской Православной Церкви, а о мировом престиже воюющей страны, вождь которой преобра-

жался перед лицом всего человечества из «лучшего друга писателей, авиаторов и физкультурников» еще и в «лучшего друга церковников».

Совершенно секретно
«Утверждаю»

Нарком госбезопасности Союза СССР

Комиссар Госбезопасности 1 ранга В. Меркулов

Наркомам госбезопасности союзных и автономных республик
Начальникам УНГБ Краев и Областей

Во второй половине января месяца 1945 года в Москве состоится поместный собор (съезд) русской православной церкви для избрания «патриарха Московского и всея Руси».

Поместный собор будет состоять из выборных делегатов от духовенства и мирян.

Избирательных собраний в церковных приходах, благочиниях и епархиях проводиться не будет, а делегаты от духовенства и мирян будут определены в епархиях по усмотрению правящего епископа...

В связи с изложенным НКГБ СССР предлагает:

1. Приступить к подбору кандидатов для участия на соборе из числа духовенства и мирян, наметив с этой целью лиц, имеющих религиозный авторитет среди духовенства и верующих и в то же время проверенных на агентурной или патриотической работе. Важно обеспечить, чтобы в числе намеченных кандидатов преобладали агенты НКГБ, способные провести на соборе нужную нам линию.

2. На всех намеченных кандидатов (за исключением епископов) представить к 1 декабря с. г. справки, в которых, наряду с изложением краткой биографии, деловых качеств и политической характеристики, указать, насколько данная кандидатура авторитетна в церковных кругах. Порядок продвижения кандидатур, намеченных Вами для участия в соборе, будет сообщен Вам после ноябрьского совещания епископов. Для получения дополнительных указаний, вступать в переговоры с агентурой о кандидатурах, намечаемых для участия на соборе и вообще поместном соборе, не следует.

3. Обязать агентов из числа епископов, участников предсоборного ноябрьского совещания, по прибытии в Москву, связаться с работниками 5 Отдела 2 управления НКГБ СССР по телефонам: К-4-24-00, спросить Алексея Ивановича, или К-4-59-07,

спросить Александра Степановича. О выезде их заблаговременно телеграфировать.

*Начальник 2 управления НКГБ СССР
Комиссар Государств. Безопасности 3 ранга Федотов*

*Начальник 5 отдела 2 управления
Комиссар Государств. Безопасности Карпов
№ 122 28 сентября 1944 года гор. Москва¹*

Однако участие коллег Г. Г. Карпова в подготовке Поместного Собора могло приобретать значительно более экзотические и, что самое печальное, зловещие формы. Единственный публично выступивший на Архиерейском Соборе с предложением о проведении выборов Патриарха на Поместном Соборе по процедуре выборов Поместного Собора 1917–1918 годов архиепископ Тамбовский Лука (Войно-Ясенецкий) неожиданно для себя не сумел выехать в Москву. Накануне его отъезда в Москву после обеда в здании епархии у архиепископа Луки началось тяжелейшее отравление, на долгое время приковавшее его к постели. Природу этого отравления знаменитый врач, каким являлся архиепископ Лука, определить так и не смог. Когда уже терявший сознание архиепископ Лука подходил к своему дому, который находился рядом со зданием епархии, где он только что пообедал, он увидел у дверей дома уполномоченного Совета по делам Русской Православной Церкви по Тамбовской области и приехавшего с ним врача.

Примечательным также явился тот факт, что в ноябре 1944 года по указанию Г. Г. Карпова в Тамбовскую епархию был направлен только что освобожденный из заключения епископ Мануил (Лемешевский). Свое очередное заключение он отбывал по делу «Истинно-православной церкви», когда после своего ареста 1 мая 1939 года выдал на следствии многих членов известной в среде «непоминающих» общины будущего новомученика священника Сергия Мечева, в которую был приглашен для совершения хиротоний нескольких катакомбных священников. Эта была уже не первая операция по внедрению в среду «непоминающих» общин являвшегося с 1928 года секретным сотрудником ГПУ епископа Мануила. Оказавшись в очередной «командировке», епископ Мануил не только собирал информацию об архиепископе Луке, но и ездил в отдаленные районы области, где в условиях глубокого подполья еще сохранялись немногочисленные общины «Истинно-православной церкви».

¹ <https://afanasiy.net/dyrektyvy-nkgb-sssr-o-sozdanyy-moskovskoi-patryarhyy-yz-arhyvasbu> (дата обращения: 30.06.2020).

В день отравления архиепископа Луки он находился в Тамбове и уже имел билеты на поезд в Москву для поездки на Поместный Собор, но так в Москву и не уехал. На Поместном Соборе мандатная комиссия, подтверждавшая полномочия всех членов Собора, отметила, что епископ Мануил (Лемешевский), вызванный на Собор, не смог прибыть к назначенному сроку из-за снежных заносов, задержавших поезд, в котором он ехал из Тамбова в Москву.

Поместный Собор открылся 31 января 1945 года в храме Воскресения в Сокольниках. В деяниях Собора участвовало сорок шесть архиереев, и среди них Местоблюститель Патриаршего Престола митрополит Алексей и еще три митрополита — Крутицкий Николай (Ярушевич), Киевский Иоанн (Соколов) и митрополит Североамериканский и Аляскинский Вениамин (Федченков), тринадцать архиепископов и двадцать семь епископов. Восемьдесят семь клириков и тридцать восемь мирян, назначенные правящими архиереями, представляли епархии Русской Церкви и экзархат Московской Патриархии в Америке. На Соборе 1945 года присутствовали Патриархи Александрийский Христофор, Антиохийский Александр III, Грузинский Каллистрат, представители Вселенского и Иерусалимского Патриархатов, делегации Сербской и Румынской Церквей. На открытии Поместного Собора присутствовали и иностранные гости из посольств и военных миссий, журналисты, фоторепортеры. Правительство СССР представлял Г. Г. Карпов.

Выступивший после торжественного молебна Местоблюститель Патриаршего Престола митрополит Алексей сделал доклад, посвященный патриотической деятельности Русской Православной Церкви во время Великой Отечественной войны. Доклад архиепископа Псковского Григория (Чукова) был посвящен проекту «Положения об управлении Русской Православной Церковью», который после непродолжительных прений был единогласно принят членами Поместного Собора. Дезавуировав пространные и детально разработанные определения Собора 1917–1918 годов, касавшиеся органов всех уровней церковного управления, новое «Положение» значительно расширило полномочия Патриарха и епархиальных архиереев и свело к минимуму элементы выборности и коллегиальности в области церковного управления.

На другой день, 1 февраля 1945 года, после выступления восьмидесятилетнего протоиерея Алексия Станиславского от лица нескольких членов Поместного Собора 1917–1918 годов, приглашенных на Собор 1945 года, и доклада ректора Богословского института и Богословско-пастырских курсов протоиерея Тихона

Попова о духовных учебных заведениях Поместный Собор приступил к важнейшему своему делу — избранию Патриарха. Избрание по утвержденному Архиерейским Собором порядку началось с младшего по хиротонии епископа. На вопрос, с которым обращался к архиереям протоиерей Н. Колчицкий, все епископы дали один и тот же ответ: «Избираем Патриархом Московским и всея Руси высокопреосвященнейшего Алексия, митрополита Ленинградского и Новгородского»¹. Сам митрополит Алексей был освобожден от участия в голосовании, как объявил об этом на Соборе митрополит Крутицкий Николай, «ввиду единодушия, проявленного всеми преосвященными при избрании Патриарха Московского и всея Руси». Когда голосование завершилось, в храме раздалось многоголосое «Аксиос», и хор пропел гимн «Тебе, Бога, хвалим», и митрополит Крутицкий Николай огласил грамоту об избрании Патриарха.

Интронизация Патриарха состоялась 4 февраля 1945 года в Богоявленском кафедральном соборе Москвы. Митрополит Киевский Иоанн, вручая Патриарху куколь, сказал: «Быть кормчим Русской Церкви в переживаемое нами время... это подвиг исключительного значения. Дай Бог, чтобы дух Святейшего Сергия, витающий в этом святом храме, почил на тебе обильно и помогал бы тебе быть истинным хранителем апостольских преданий и вести неуклонно корабль нашей Церкви по избранному почившим пути во славу Божию и во благо нашей дорогой Родины»².

Почти одновременно с интронизацией произошло и награждение теперь уже Патриарха Алексия второй правительственной наградой, медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне», которая символизировала собой важнейшее теперь значение военно-патриотической темы в наметившемся в это время и казавшемся совершенно эфемерным альянсе Русской Православной Церкви и антирусского богоборческого коммунистического режима.

¹ ЖМП. 1945, сентябрь № 2. С. 51.

² Там же. С. 60.

Патриарх Алексей I в 1945–1948 годах

Вторая мировая война завершилась, но еще до ее окончания, 10 апреля 1945 года, произошла вторая и последняя встреча Патриарха Алексея и Сталина с участием митрополита Николая, протопресвитера Николая Колчицкого и В. М. Молотова. Перед Русской Православной Церковью была поставлена новая задача, которая до революции могла показаться чем-то фантазмагорическим, а сразу после революции чем-то просто контрреволюционным. Речь шла о необходимости развертывания активной международной деятельности Русской Православной Церкви в качестве составной части собиравшейся быть широкомасштабной и наступательной внешней политики коммунистического государства. В ходе разговора Сталин подчеркивал необходимость придания Русской Православной Церкви статуса ведущей Поместной Церкви православного мира, говорил о готовности государства предоставить помощь для создания в Москве некоего православного центра с дворцом для приемов, резиденциями представителей Поместных Церквей, с типографией, с помещениями для церковных учебных заведений. Подобного рода замысел Сталина, впервые высказанный на этой встрече, дал впоследствии основание историкам говорить о существовании у Сталина идеи православного Ватикана, который бы действовал в Москве под жестким контролем государственной власти. Но главный вывод, который мог сделать Патриарх Алексей на основе этой встречи, заключался в том, что активная международная деятельность православной церковной иерархии в интересах советского государства может стать своеобразной гарантией более или менее стабильного существования Церкви в Советском Союзе.

Уже в мае–июне 1945 года Патриарх Алексей вместе с митрополитом Николаем и протопресвитером Николаем Колчицким направился в паломническую поездку в Святую Землю, целью которой было не только вновь обозначить активное присутствие Русской Православной Церкви в Палестине и провести встречи с

Александрийским Патриархом Христофором, Антиохийским Патриархом Александром и Иерусалимским Патриархом Тимофеем, но и установить контакты с представителями христианских этнических общин, довольно влиятельных на Ближнем Востоке. Затем митрополит Николай и протопресвитер Николай Колчицкий отправились в Западную Европу, где провели в Париже переговоры с митрополитом Евлогием о восстановлении церковно-юрисдикционного единства с духовенством Западноевропейского экзархата и в Лондоне с архиепископом Кентерберийским Джефри Фишером о перспективах взаимодействия с Англиканской Церковью в международной политике. Через год, в апреле 1946 года, для более упорядоченного и эффективного осуществления международной деятельности Московской Патриархии в ней был создан Отдел внешних церковных сношений, который в течение почти пятнадцати лет возглавлял митрополит Крутицкий Николай, в 1947 году за успешную международную деятельность награжденный более величественным титулом «Крутицкий и Коломенский».

В качестве не очень заметного, но весьма красноречивого шага навстречу Русской Православной Церкви следовало рассматривать появившееся 22 августа 1945 года постановление Совнаркома, предоставлявшее Патриархии, епархиям и приходам ограниченное право юридического лица и возможность открытия финансовых счетов, заключения сделок, покупки имущества. По существу, подобного рода постановление Совнаркома противоречило постановлению о религиозных организациях, принятому ВЦИКом и Совнаркомом в 1929 году и продолжавшему формально определять финансово-правовое положение Церкви в Советском Союзе. Но реально это постановление позволяло Церкви хотя бы частично начать осуществлять хозяйственную деятельность. Подобного рода противоречие не может казаться странным для тех, кто знаком с историей советского государства, для которого его собственное законодательство не имело никакого отношения к реальной политике. При этом следует подчеркнуть, что до середины 1950-х годов подобного рода право было предоставлено только Русской Православной Церкви, другие же конфессии оставались в жестких рамках, предусмотренных законом 1929 года.

Своеобразной репетицией возможности осуществления совместной деятельности представителей коммунистического государства и Русской Православной Церкви в области решения задач, связанных не только с внутренней, но и с внешней политикой СССР, стала ликвидация Греко-Католической Церкви в западных облас-

тях Украины. Вступление Красной армии на территорию Западной Украины, Западной Белоруссии, Молдавии до нападения Гитлера на Советский Союз было лишь кратковременным эпизодом в их истории Второй мировой войны, и антирелигиозная политика Советского государства на этих территориях еще не успела себя проявить в полной мере. После войны эти территории вновь стали частью Советского Союза. на них по-прежнему оставалось множество действующих храмов и монастырей не только православных, но и униатских, а уровень религиозности населения был значительно выше, чем на остальной территории СССР. За годы войны религиозная политика в Москве существенно изменилась, но опробированную на этих территориях еще в 1939–1940-х годах политику юрисдикционного поглощения местного православного духовенства Московской Патриархией советские власти уже в 1945 году попытались применить по отношению к Греко-Католической Церкви, находившейся на территории Львовской и Закарпатской областей. Однако в апреле 1945 года весь епископат Украинской Греко-Католической Церкви, состоявший из пяти архиереев во главе с митрополитом Иосифом Слепым, пришлось арестовать за отказ перейти в юрисдикцию Московской Патриархии.

Следует напомнить, что Брест-Литовская уния, то есть соглашение, предполагавшее переход под омофор папы Римского православных епархий на территории Польского государства, была заключена в конце XVI века. На территории Галиции, отчасти Волыни и Закарпатья на протяжении уже нескольких веков православная церковная жизнь была практически ликвидирована. Православные во многих поколениях были униатами, и хотя не только среди мирян, но и среди части священнослужителей встречались антиуниатские настроения, подавляющее большинство населения и духовенства на этих территориях стояли на жестких униатских позициях. Необходим был сложный, долговременный диалог между представителями духовенства Русской Православной Церкви и духовенством и мирянами этих территорий, чтобы еще не ставшие определяющими настроения на возвращение многих униатов в лоно Православной Церкви сделать главенствующими в их религиозной жизни. Еще пребывание русских войск на территории Галиции в годы Первой мировой войны показало, что просветительско-миссионерская политика русского православного духовенства на этих территориях должна быть последовательной, но осторожной. К сожалению, Русская Православная Церковь была несвобод-

на в своих действиях, а власти рассматривали униатов как агентов Ватикана на территории Советского Союза, и перед Русской Православной Церковью была поставлена задача как можно быстрее принять в свою юрисдикцию действующие униатские приходы прежде всего Львовской области. Конечно, деятельностью в этом направлении занималась не столько Московская Патриархия, сколько Совет по делам Русской православной церкви во главе с Г. Г. Карповым и, конечно же, органы госбезопасности.

Не сумев привлечь на свою сторону ни одного униатского епископа, представители советских властей попытались осуществить ликвидацию Украинской Греко-Католической Церкви, опираясь лишь на представителей приходского духовенства. Уже 28 мая 1945 года во Львове была образована инициативная группа во главе с довольно известным и авторитетным протоиереем Гавриилом Костельником и священниками Михаилом Мельником и Антонием Пельвецким, представлявшими три епархии Галиции — соответственно Львовскую, Самборско-Дрогобычскую и Станиславскую. Эта группа должна была обеспечить переход основной массы униатского духовенства в юрисдикцию Московской Патриархии.

В своем докладе Сталину в июне 1945 года Председатель Совнаркома УССР Н. С. Хрущев сообщал:

Будучи в Москве, я Вас информировал о проведенной работе по разложению униатской церкви и переходу униатского духовенства в православную церковь. В результате проведенной работы из числа униатского духовенства образовалась «инициативная группа». Эта группа прислала в адрес Совнаркома УССР следующие документы:

1. Письмо в Совет Народных Комиссаров о положении греко-католической церкви в Западной Украине.
2. Письмо «инициативной группы» ко всему духовенству греко-католической церкви. Этот документ они разошлют духовенству после того, как мы разрешим существование «инициативной группы».

При вручении документов работнику НКВД, который называется референтом по делам вероисповеданий при СНК УССР Даниленко, они просили при положительном решении вопроса «Письмо в СНК» не публиковать, пока они второй документ не разошлют всему духовенству по епархиям. Все документы составлены церковниками, в редактировании их наши люди никакого участия не принимали.

Прошу Ваших указаний. Если у Вас будут какие-либо замечания по тексту униатских документов, мы сумеем через нашего представителя эти замечания внести¹.

Протоиерей Гавриил Костельник, один из наиболее образованных и авторитетных униатских священников, еще до Второй мировой войны вынашивал идею выхода Украинской Греко-Католической Церкви из юрисдикции Рима и преобразования ее в Украинскую Народную Церковь, преимущественно опирающуюся на православную традицию. Вынужденно пошедший на сотрудничество с НКВД еще в 1941 году, протоиерей Гавриил по окончании войны оказался не столько перед возможностью создания так и оставшейся в его мечтах Украинской Народной Церкви, сколько перед необходимостью сохранения религиозной жизни на территории Западной Украины как таковой. Созданная под его руководством сотрудниками НКВД инициативная группа с самого начала была обречена выступать в качестве агентурно-пропагандистского орудия советских властей. Вместе с органами НКВД, вероятно, даже тяготясь этой миссией, группа протоиерея Гавриила Костельника должна была поставить греко-католическое духовенство Западной Украины перед выбором между сохранением своих приходских храмов, самих себя в качестве настоятелей этих храмов и, наконец, своей паствы в качестве прихожан под омофором Патриарха Московского и всея Руси Алексия или прекращением на территории Западной Украины какой-либо церковно-приходской жизни вообще.

Конечно, Патриарх Алексий не мог не понимать, что планировавшийся в Кремле перевод униатских храмов в его юрисдикцию — это своего рода данайский дар. Ведь уния существовала на этой территории более трехсот пятидесяти лет, и ликвидировать ее таким образом, да еще в условиях, когда местное население вело партизанскую войну против советских властей, было, конечно, совершенно недопустимо ни с моральной, ни с канонической точки зрения. Перейти в Московскую Патриархию, прекратив каноническое пребывание униатской Церкви на Украине в юрисдикции Рима, могли лишь епископы, а таковых среди епископов Украинской Греко-Католической Церкви не оказалось. В то же время возвращение священников должно было означать всего лишь их личный переход в Московскую Патриархию. Но точно так же

¹ *Васильева О. Ю.* Русская Православная Церковь и II Ватиканский Собор. М., 2004. С. 72–74.

Патриарх Алексий понимал, что, в случае его несогласия принять эти приходы в свою юрисдикцию, более трех тысяч приходов будет закрыто, а он будет наказан за неповиновение властям какими-нибудь новыми репрессивными мерами в отношении остальной части Церкви в СССР.

После формального перехода в Православную Церковь двух главных соратников протоиерея Гавриила Костельника священников Михаила Мельника и Антония Пельвецкого митрополит Киевский Иоанн (Соколов) 23 февраля 1946 года рукоположил их обоих соответственно в епископов Самборско-Дрогобычского и Станиславского. А 8–10 марта во Львове под их председательством и под жестким контролем со стороны сотрудников НКВД прошел Собор, на котором председательствовал представлявший Львовскую епархию протоиерей Гавриил Костельник. Несмотря на давление советских властей, в Соборе приняли участие лишь 216 униатских священников, 204 из которых отреклись на Соборе от униатства и перешли в клир Московской Патриархии, и девятнадцать мирян. Собор заявил о ликвидации унии и о переходе всех униатских приходов в юрисдикцию Русской Православной Церкви. Возглавлявший на Соборе архиерейскую делегацию Русской Православной Церкви митрополит Киевский Иоанн (Соколов) зачитал грамоту Патриарха Алексия о принятии в лоно Русской Православной Церкви своих новых чад. 5 апреля 1946 года делегация львовского Собора была принята в Москве Патриархом Алексием, который возвел протоиерея Гавриила Костельника в сан протопресвитера. 20 сентября 1948 года протопресвитер Гавриил Костельник был убит на паперти львовского Преображенского собора после совершения им литургии. Его убийца тут же покончил с собой.

Ликвидация унии в Закарпатье, где униатские настроения были гораздо менее сильны, чем на Львовщине, произошла столь же жесткими методами. После ареста двух епископов, отказавшихся присоединиться к Московской Патриархии, в августе 1949 года на собрании униатского духовенства в Мукачевском Успенском монастыре было объявлено о ликвидации Ужгородской унии 1649 года.

В эти и последующие годы на территории Галиции и Закарпатья были арестованы 344 униатских священника и монаха из числа отказавшихся перейти в Московскую Патриархию, 3222 униатских приходских храма были зарегистрированы как православные, 230 храмов и 48 монастырей были ликвидированы.

Международная деятельность Русской Православной Церкви прежде всего должна была проявить себя по отношению к православным народам Европы, которые по окончании войны в своем подавляющем большинстве, за исключением греков, оказались включенными или, правильнее сказать, заключенными в социалистический лагерь. Православная Румыния, переметнувшаяся в конце войны от своего старого союзника Гитлера к новому союзнику Сталину, не смогла сохранить ни свою монархию, ни свою независимость от СССР. В течение нескольких лет в Румынии должен был утвердиться коммунистический режим. Сохранявшая все годы войны нейтралитет по отношению к СССР православная Болгария была занята Красной армией, и в ней монархия уступила место коммунистическому правительству. Руководивший коммунистическими государствами Югославии хорват по рождению и безбожник по убеждениям Иосиф Броз Тито, устанавливая одну из самых кровавых диктатур в Европе, готов был обрушить на Сербскую Православную Церковь очень жестокое гонение. Положение Православных Церквей в Польше и Чехословакии по мере становления в них коммунистических режимов становилось весьма неопределенным. Стремясь закрепить коммунистов у власти в странах Восточной Европы, Сталин впервые обратился к Русской Православной Церкви за помощью. В период 1945–1946 годов представители Московской Патриархии начали в лице епископа Кишиневского Иеронима (Захарова) вести переговоры с румынским Патриархом Никодимом, в лице епископа Кировоградского Сергея (Ларина) — с руководством Сербской Православной Церкви, в лице архиепископа Псковского Григория (Чукова) — с Болгарским экзархом митрополитом Софийским Стефаном, так или иначе призывая их не выступать активно против устанавливавшихся в этих странах коммунистических режимов.

Следует признать, что, несмотря на то что репрессии коммунистических режимов против православного духовенства в странах социалистического лагеря, особенно в Румынии, были сначала весьма значительны, гонений, подобных тем, которые были воздвигнуты на Русскую Православную Церковь в 1920–1930-е годы, Церкви этих стран, за исключением Албании, все же не испытали. Не случайно вплоть до 1980-х годов положение Православных Церквей в Румынии, Болгарии, Польше и Югославии представлялось русским православным христианам предметом мечтаний, хотя присутствие в церковной жизни этих стран представителей коммунистических спецслужб было столь же ощутимо, как и в СССР.

Утверждение у власти коммунистических режимов в Восточной Европе не вызвало сопротивления Поместных Православных Церквей, и Сталин мог быть доволен деятельностью Московской Патриархии на этом важном участке внешней политики. Но довольными могли быть отчасти и православные христиане этих стран, ибо знание печального опыта Русской Православной Церкви позволило их церковным иерархам избавить свои Церкви от многих испытаний, которые обрушились в свое время на Русскую Православную Церковь. Впрочем, одна православная страна Европы, Греция, оставалась вне рамок социалистического лагеря. В дальнейшем это привело к тому, что и руководство Элладской Церкви, так же как и руководство Константинопольского Патриархата, находившиеся на территории стран, не попавших в сферу влияния СССР, стали осуществлять в отличие от Православных Церквей стран Восточной Европы более независимую от СССР деятельность в международной сфере.

Используя авторитет Русской Православной Церкви для нейтрализации православной иерархии в странах Восточной Европы и для ликвидации униатской Церкви, на недавно вошедших в состав СССР западноукраинских территориях, Советское государство поставило задачу использовать Русскую Православную Церковь для усиления своего влияния в странах Ближнего Востока. В связи с начинавшимся после окончания Второй мировой войны распадом Британской империи влияние Англии на Ближнем Востоке все более ослабевало, к уже ставшим независимыми от Франции Ливану и Сирии должны были присоединиться новые еврейское и арабское государства в Палестине, в появлявшихся в это время и уже существовавших государствах Ближнего Востока наряду с мусульманами и иудеями, а также православными христианами Восточных Патриархатов, преимущественно греческого и арабского происхождения, проживали довольно значительные и влиятельные общины древних христианских народов, окормлявшиеся в лоне дохалкидонских Церквей — Армяно-Григорианской, Коптской, Ассирийской Церкви Востока, Сиро-Яковитской. Именно в это время во внешнеполитических планах советского руководства стал формироваться проект использования Русской Православной Церкви в глобальном наступлении СССР сразу на двух внешнеполитических фронтах. Во-первых, перед Патриархом Алексием и митрополитом Николаем была поставлена задача сплочения под руководством Русской Православной Церкви всех христианских диаспор Ближнего Востока, не связанных церковными узами с

Римско-Католической Церковью, для превращения их в агентов влияния СССР на Ближнем Востоке не только и не столько в религиозной жизни этого стратегически важного региона, сколько прежде всего в жизни общественно-политической и культурной. Во-вторых, руководящая роль Русской Православной Церкви должна быть обозначена как общепризнанная во всех отношениях всеми Поместными Православными Церквями и получить официальное закрепление в решениях Всеправославного или Вселенского Собора, провести который по программе, разработанной в Совете по делам Русской православной церкви, следовало бы в ближайшее время в Москве.

Патриарх Алексей 13 января 1947 года согласовал с Г. Г. Карповым вопрос о возможном проведении 1–10 октября в Москве Собора всех существовавших в мире автокефальных Православных Церквей, которых должны будут представлять их Предстоятели. При этом участие в Соборе делегаций Сиро-Халдейской, Армяно-Григорианской, Коптской Церквей должно было предполагать перспективу их соединения с Православной Церковью. 23 января 1947 года началась работа подготовительной комиссии Всеправославного Собора, и показательно, что обсуждение повестки дня этого Собора, выработка программы, основных резолюций осуществлялась в Совете по делам Русской православной церкви, который предложил включить в программу Собора девять вопросов, главные из которых имели откровенно политический характер. В качестве средства «мягкого» давления на некоторых участников Собора при действенной государственной поддержке предусматривались передача подворий Александрийской, Антиохийской, Иерусалимской, Сербской Церквям в Москве, Ленинграде и Киеве, вручение денежных подарков в валюте главам Константинопольской, Кипрской, Элладской, Албанской, Сербской Церквей. Активность руководства Русской Православной Церкви была простимулирована решением о передаче ей всех зданий Троице-Сергиевой Лавры (что в полной мере не было выполнено) и собора Новодевичьего монастыря, столь значимого лично для Патриарха Алексия.

Участие Русской Православной Церкви в международной деятельности не перестававшего по своей сути быть богоборческим коммунистического режима, изначально как будто призванное стабилизировать и даже облегчить положение Церкви в СССР, на самом деле погружало ее в предельно искусительную атмосферу дьявольской фантазмагии. Полковник госбезопасности

Г. Г. Карпов, еще в 1939 году чудом избежавший ареста за особо жестокое обращение с подследственными, запечатлевший себя в недавнем прошлом как кровавый гонитель Церкви, выступал не просто как чиновник, осуществлявший контакт между советским правительством и Русской Православной Церковью. Чуть ли не как новый император Константин, преугодивший более тысячи лет не созывавшийся Вселенский Собор, он возвещал эту благую весть в докладе по поводу подготовки предсоборного совещания, который как председатель Совета по делам Русской православной церкви делал в Центральном комитете ВКП(б) 14 февраля 1947 года.

Проведенная значительная подготовительная работа за границей позволяет использовать Московскую Патриархию для осуществления в 1947–1948 гг. ряда новых мероприятий, имеющих принципиальное и политическое значение.

К числу их Совет относит следующие:

1. Подготовка созыва в Москве предсоборного совещания и Вселенского Собора всех православных церквей мира.

Как известно, Русская православная церковь, получившая самостоятельность (автокефальность) в 1448 году, занимает среди всех автокефальных православных церквей мира лишь пятое место (в порядке очередности получения прав автокефалии).

Между тем ее удельный вес в православном мире и возросший в последнее время авторитет дают основания к тому, чтобы она заняла первое место, хотя и не без некоторой борьбы.

Разрешенное еще ранее Правительством и намечаемое патриархом Алексием на сентябрь 1947 года предсоборное совещание в Москве глав или их представителей всех автокефальных православных церквей и преследует в качестве основной цели подготовку созыва в 1948 году (500-летие самостоятельности Русской православной церкви) не собиравшегося уже несколько веков Вселенского Собора (всемирного съезда) для решения вопроса о присвоении Московской Патриархии титула вселенской.

2. Борьба с Ватиканом.

Как уже отмечалось выше, на Поместном Соборе Русской православной церкви в 1945 году и при обмене мнениями во время поездок делегации Московской Патриархии за границу, вопрос о необходимости сплочения православных церквей для борьбы с Ватиканом встретил одобрение со стороны почти всех автокефальных православных церквей.

Русская православная церковь занимает в этом вопросе ведущую организационную роль и уже провела в 1945–1946 гг. большую работу по ликвидации в западных областях Украины греко-католической (униатской) церкви, добившись перехода в православие 1997 бывших униатских церквей.

Учитывая в то же время, что... Ватикан в последнее время превратился в антидемократическую, политическую организацию, Совет считает, что православные церкви должны и имеют возможности к более активной борьбе против Ватикана.

В этом плане можно провести следующие мероприятия:

а) окончательно ликвидировать униатскую церковь в СССР...

в) на предсоборном совещании 1947 года сделать более сильное осуждение папизма с догматической точки зрения...

д) создать альянс христианских церквей в виде международного движения, во главе с Русской православной церковью, для борьбы с Ватиканом, пригласив участвовать в нем все другие вероисповедания.

4. Об участии в «экуменическом движении».

Вполне возможно, что во время пребывания в Москве архиепископ Кентерберийский поднимет вопрос об участии Русской православной церкви в так называемом «экуменическом движении», которое возглавляется Англиканской церковью и формально ставит своей целью объединение всех церквей для разрешения чисто церковных вопросов, а фактически прежде всего занимается политикой.

По мнению Совета, Московская Патриархия должна в этом вопросе дать Англиканской церкви четкий ответ и предъявить свои условия, на которых она может принять участие в «экуменическом движении». Дело в том, что согласно действующему положению православным церквям вообще в руководящих органах «экуменического движения» предоставлено всего лишь 17 мест из общего количества 90, а в совещаниях 85 из 450 мест.

Естественно, что при таком положении ни Русская, ни какая другая православная церковь не сможет сколько-нибудь серьезно влиять на линию деятельности этого движения.

...Московская Патриархия должна предъявить Англиканской церкви два условия, на которых она примет участие в «экуменическом движении»:

а) отказ «экуменистов» от политических выступлений и обеспечение чисто церковной деятельности этого движения;

б) значительное расширение представительских мест для православных церквей во главе с Русской церковью.

Принимая во внимание, что Московская Патриархия получила заверения от многих автокефальных церквей о единой линии отношения к «экуменическому движению», удовлетворение приведенных выше условий Московской патриархии позволит ей обеспечить влияние на «экуменическое движение» в нужном нам направлении.

В том же случае, если эти требования неприемлемы для Англиканской церкви, Московская патриархия должна по-прежнему занимать роль наблюдателя.

Председатель Совета по делам русской православной церкви при Совете Министров СССР Карпов¹

В своем докладе Г. Г. Карпов не ограничивался только темами созыва в Москве Всеправославного или даже Вселенского Собора и утверждения на нем приоритетного положения Русской Православной Церкви. Большое значение в докладе уделялось и необходимости активизировать борьбу всех Православных Церквей с Ватиканом. Подчеркивалось положительное значение ликвидации Украинской Греко-Католической Церкви. Ватикан объявлялся антидемократической, политической организацией, против которой должны активно выступать все Православные Церкви. При отрицательной характеристике, которая давалась в этом докладе и Англиканской Церкви, допускалось ее использование в целях международной политики. Показательно, что сложный прежде всего с богословской точки зрения вопрос об экуменическом движении рассматривался Г. Г. Карповым лишь с точки зрения политических интересов советской дипломатии, но при этом его позиция декларировалась как резко антиэкуменическая. И показательно, что самостоятельные позиции по всем перечисленным им вопросам самой Московской Патриархии Карповым даже не принимались в расчет. Он говорил о Московской Патриархии лишь только как об инструменте внешней политики советского государства. Вся дальнейшая международная деятельность Церкви, которая внешне должна была казаться совершенно независимой от государственной власти, продолжала жестко контролироваться и направляться представителями советского правительства. Всячески подталкиваемая к активной международной деятельности Русская Православ-

¹ *Шкаровский М. В.* Русская Православная Церковь и советское государство в 1943—1964 годы. От «перемирия» к новой войне. СПб. 1995. С.124—128.

ная Церковь оказывалась совершенно несвободной в этой деятельности даже когда речь заходила о важных богословских вопросах. Православной Церкви не было дано в этот период возможности самостоятельно выработать как богословскую, так и политическую линию поведения как в отношении Ватикана, так и в отношении экуменического движения. Участие в международной деятельности, в том числе и церковной, таким образом, каким это требовало от Церкви государство, было обусловлено необходимостью сохранить хрупкое и очень пока еще кратковременное стабильное положение Русской Православной Церкви в СССР. Страшный период многолетних гонений был еще у всех в памяти, и казалось, что, идя на уступки в сфере международной деятельности, принимая на себя бремя проведения внешней политики в том плане, в каком это было необходимо для советского государства, русская церковная иерархия получала возможность если и не преумножить, то, по крайней мере, не потерять те весьма еще незначительные достижения, которых ей удалось достичь в деле восстановления церковной православной жизни в послевоенном СССР.

Однако уже весной 1947 года ситуация во взаимоотношениях потенциальных участников Вселенского Собора стала меняться после кончины Константинопольского Патриарха Максима и вступления на его кафедру сначала в качестве Местоблюстителя, а затем Патриарха Афинагора, не склонного смиренно принимать к исполнению программу Собора, предлагавшуюся кремлевскими ктиторами Московской Патриархии. Его позиция была поддержана предстоятелями Кипрской и Элладской Церквей, и вместо VIII Вселенского Собора в июле 1948 года в Москве собралось лишь Всеправославное совещание, посвященное 500-летию автокефалии Русской Православной Церкви. На совещании не присутствовал ни один из восточных Патриархов, отсутствовали делегации Иерусалимского Патриархата и Кипрской Церкви, участие «греческих» делегаций ограничивалось богослужениями и разного рода торжественными мероприятиями при полном игнорировании заседаний самого Всеправославного совещания, на котором все наиболее значимые для советского руководства постановления «Ватикан и Православная Церковь», «Экуменическое движение и Православная Церковь», «Обращение к христианам всего мира» принимались в основном представителями Православных Церквей из стран социалистического лагеря.

Несмотря на официальный отказ митрополита Николая от участия представителей Русской Православной Церкви в Первой

ассамблее Всемирного Совета Церквей, в письме секретарю ВСЦ Виссерту Хуфту, три Поместные Православные Церкви вопреки противодействию Московской Патриархии вступили в эту крупнейшую экуменическую организацию в августе–сентябре 1948 года. Проект «Православного Ватикана» в третьеримской Москве, порожденный третьинтернациональным воображением недоучившегося семинариста с погонами генералиссимуса, был похоронен на многие десятилетия.

Нечто подобное уже произошло пятью годами ранее, когда вскоре после Архиерейского Собора 1943 года решено было предать забвению похожий проект. ГПУ, породившее в 1922 году в своих оперативно-агентурных недрах обновленческое движение, уже обозначаясь одним из своих очередных названий «НКГБ», в 1943 году вынесло смертный приговор еще одному своему секретно-агентурному «детищу». Секретная директива, направленная наркомом госбезопасности В. Меркуловым наркомом государственной безопасности союзных и автономных республик, начальникам УНГБ краев и областей гласила:

В НКГБ поступают сведения о намерении и попытках некоторых обновленческих епископов и священников перейти из обновленческой церкви в патриаршую сергиевскую церковь.

В дополнение к директиве НКГБ СССР № 84 от 22-го сентября с. г., разъясняется, что в случае желания обновленческого духовенства перейти в патриаршую сергиевскую церковь препятствовать этому переходу не следует.

Также не следует препятствовать переходу групп верующих или в целом приходов по желанию верующих из обновленческой в сергиевскую церковь.

Условия приема митрополитов, епископов и священников обновленческой ориентации устанавливает патриарх Сергей и на месте его епископат.

В случае обращения к Вам за советом агентов из обновленческого духовенства Вам следует рекомендовать подавать заявления на имя патриарха Сергия.

*Народный комиссар государственной безопасности СССР
Комиссар государственной безопасности 1 ранга В. Меркулов
№ 116 25.XI-43¹*

После воссоединения с Православной Церковью 2 марта 1944 года бывшего главы обновленческого синода митрополита

¹ <http://www.belrussia.ru/page-id-9770.html> (дата обращения: 30.06.2020).

Виталия Введенского, уже через два месяца ставшего в Московской Патриархии епископом Тульским и Белевским, а еще через два месяца — архиепископом, а еще через четыре месяца — членом Архиерейского Собора, почти все обновленческие епископы и священники принесли покаяние, и последним оплотом обновленчества в Москве остался храм святого Пимена Великого, в котором продолжал служить митрополит Александр Введенский. Предприняв в июне 1945 года неудачную попытку вернуться в Московскую Патриархию либо в сане епископа, либо хотя бы в качестве профессора Духовной Академии и не удостоившись даже личной встречи с Патриархом Алексием, Александр Введенский прекратил дальнейшие переговоры, а 26 июля 1946 года скорпостижно скончался. После его отпевания в храме святого Пимена Великого обновленческими митрополитом Филаретом и епископом Алексием в сослужении двенадцати обновленческих священников и четырех обновленческих диаконов формальное обновленчество исчезло из Русской Православной Церкви. Все обновленческое духовенство, отпевавшее Александра Введенского, через несколько дней формально принесло покаяние, перешло в Московскую Патриархию.

Начиная с 1920-х годов и на протяжении всего довоенного и военного периода истории Русской Православной Церкви основной и единственной формой церковной жизни и деятельности было совершение храмового богослужения для духовенства и посещение богослужений в храмах для мирян. Даже совершение треб в домах прихожан и на кладбищах было в это время весьма нечастым и нередко опасным видом церковной деятельности. Любые формы катехизаторской, просветительской, миссионерской, социальной деятельности не допускались государством не только за пределами храмовых стен, но и внутри их. Поэтому количество храмов и служащих в них клириков, образовательный уровень и возраст духовенства были главными показателями состояния церковной жизни.

Находясь практически на грани уничтожения, имевшая накануне Второй мировой войны в своем составе около 150 действующих храмов и около 300 служащих клириков, Русская Православная Церковь уже в первые полтора года после начала войны почувствовала возможность продолжения своего существования, когда после присоединения к СССР территорий Западной Белоруссии и Западной Украины, Молдавии и прибалтийских государств под омофором митрополита Сергия оказалось более трех тысяч действующих храмов, более шестидесяти действующих монастырей и даже не-

сколько духовных школ. В последующие четыре года войны, когда на оккупированной нацистской Германией территории было открыто около восьми тысяч храмов, а на территории, не подвергавшейся оккупации, в дополнение к 150 действовавшим храмам было открыто 716, Русская Православная Церковь стала располагать к лету 1945 года 10 243 действующими храмами.

В послевоенные годы начатая с 1943 года довольно вялая передача храмов продолжилась, и в 1945–1947 годах Церкви были переданы 1270 ранее закрытых храмов и около трех тысяч действующих бывших униатских храмов, что привело к тому, что к 1 января 1948 года Русская Православная Церковь стала иметь 14 329 храмов. При этом передача храмов осуществлялась на основании постановления Совнаркома № 1325 от 28 ноября 1943 года, согласно которому местные власти могли лишь отклонить ходатайство верующих об открытии прихода и о передаче храма, а положительное решение принимал Совнарком, действовавший через Совет по делам Русской православной церкви. Причем отказы в регистрации приходских общин направлялись на основании директивного письма Совета от 31 января 1945 года без указания на причину отказа, в виде краткой справки. В течение 1948 года было открыто 148 новых храмов, и на 1 января 1949 года Русская Православная Церковь имела уже 14 477 действующих храмов, что составило максимальное количество действующих храмов за все последующие сорок лет ее существования. Серьезной, так и оставшейся неразрешимой до конца 1980-х годов проблемой, мешавшей полноценному развитию храмовой жизни, была очевидная диспропорция в расположении действующих храмов на территории СССР, когда основная часть этих храмов оказывалась сконцентрированной на территории шести западных союзных республик и пятнадцати западных и центральных областей РСФСР.

На 1 апреля 1946 года в клире Русской Православной Церкви состояли шестьдесят один архиерей, семнадцать из которых подверглись репрессиям в довоенный период, и 9254 священнослужителя. Главные проблемы нашего приходского духовенства были связаны с его возрастом (75% священнослужителей были старше пятидесяти лет, при этом средний возраст духовенства составлял почти шестьдесят лет) и с недостаточным уровнем богословского образования или полным его отсутствием у многих из них. Следует признать, что наиболее образованными оказывались священнослужители, рукоположенные до революции и составлявшие в это время почти половину клира, но почти всем им было более шестидесяти

лет, и их служение не могло продлиться длительное время. Около 40% священнослужителей были рукоположены между революцией и началом Второй мировой войны, и те из них, кто был рукоположен за пределами СССР, были, как правило, хорошо образованны, но не представляли себе жизни в советском обществе. Те же, кто был рукоположен в это время на территории СССР в границах 1939 года, богословского образования не имели, как и почти 10% клириков, рукоположенных во время войны.

Для того чтобы священноначалие Русской Православной Церкви имело возможность поднять образовательный уровень православного духовенства и пополнить его более молодыми клириками, необходимо было воссоздать систему богословского образования и попытаться не допустить хотя бы на несколько лет возобновления государственных репрессий по отношению к Церкви. Уже в 1946 году были открыты Духовные Академии и семинарии в Москве и Ленинграде, духовные семинарии в Одессе, Ставрополе и Луцке, а в 1947 году — духовные семинарии в Киеве, Минске и Саратове, которые начали осуществлять свою деятельность при большом недостатке не столько студенческих, сколько преподавательских кадров, ибо за четверть века отсутствия каких-либо богословских учебных заведений на территории СССР почти все представители профессорско-преподавательской корпорации духовных школ дореволюционной России либо погибли, либо были вынуждены покинуть страну, либо умерли естественной смертью, очень часто в лагерях и ссылках. Но, несмотря на эти объективные трудности, благодаря восстановлению деятельности нескольких духовных школ с 1 апреля 1946 по 1 января 1948 года количество священнослужителей увеличилось до 11 846 священников и 1 258 диаконов.

Последним перед новым периодом гонений годом стал 1948-й, когда Русская Православная Церковь смогла увеличить количество своего духовенства с 13 104 священников и диаконов на 1 января 1948 года до 13 483 к июлю 1949 года. В двух Духовных Академиях и семи семинариях обучалось 562 человека. Количество монастырей за 1946–1947 гг. сократилось со 104 до 85, в них находилось 4 632 насельника.

В имевшем место в 1927 году вполне выгодном для коммунистического режима и губительном для Русской Православной Церкви «конкордате» между митрополитом Сергием и начальником 6-го отделения секретного отдела секретно-оперативного управления ОГПУ Е. А. Тучковым была заложена перспективная двуединая

стратегия, применявшаяся впоследствии Советским государством по отношению к Русской Православной Церкви на протяжении шестидесяти лет. Эта стратегия предполагала сочетание в религиозной политике государства чередующихся между собой во времени или использующихся одновременно методов административно-репрессивного подавления Церкви и методов ее пропагандистско-политического использования в интересах коммунистического режима. С этой точки зрения если период 1937–1942 годов следует считать периодом административно-репрессивного подавления Церкви, то период 1943–1948 годов можно назвать временем пропагандистско-политического использования Церкви. На рубеже 1948–1949 годов Русская Православная Церковь вступила в период, когда оба эти метода борьбы коммунистического режима с Церковью стали одновременно применяться к ней на протяжении более чем пяти лет.

Русская Православная Церковь в период позднесталинских гонений 1948–1953 годов

Последовательно проводившаяся в последние пятнадцать лет жизни Патриарха Сергия и в первые пять лет первосвятительского служения Патриарха Алексия политика не просто безусловной лояльности, но безусловного сотрудничества с коммунистическим режимом, конечно же, не могла стать причиной ужесточения религиозной политики Советского государства. Активное участие в ликвидации Украинской Греко-Католической Церкви, возвращение в юрисдикцию Московской Патриархии значительной части приходов и духовенства Русской Православной Церкви Заграницей, обеспечение нейтральной позиции Поместных Православных Церквей в период утверждения коммунистических режимов в странах социалистического лагеря стали зримыми проявлениями готовности и возможностей Русской Православной Церкви исполнять роль административно-канонического и идейно-политического эмиссара Советского государства в его внутренней и внешней политике. Неудачи с созданием единого просоветского фронта Поместных Православных и дохалкидонских Церквей на Ближнем Востоке и в Европе, невозможность созвать в Москве политически ангажированный Вселенский Собор показали лишь то, что возможности Русской Православной Церкви не безграничны. При этом во внутривластных отношениях Русская Православная Церковь всегда принимала от государства только то, что государство было готово отдать, не вспоминая, например, о так и оставшемся невыполненным обещании Сталина на встрече с митрополитами 1943 года не чинить «никаких препятствий со стороны Правительства» открытию приходских храмов.

Усиление в религиозной политике советского государства элементов административно-репрессивного подавления Церкви по сравнению с преобладавшими в период 1943–1948 годов элемен-

тами ее пропагандистско-политического использования, конечно же, было predetermined так и не изменившейся антихристианской природой коммунистического режима. Успешное использование Русскую Православную Церковь в решении ряда прежде всего внешнеполитических задач и не видя перспектив ее дальнейшего использования в этой сфере, стабилизировав положение послевоенного политического режима внутри страны и переходя к политике «холодной войны» за ее границами, Сталин в привычном для себя стиле стал проводить политическую мобилизацию государства и общества, развернув очередную репрессивную кампанию. Эта кампания должна была касаться всех «нарастивших политический жирок» партийных работников и не справляющихся со сдачей госпоставок председателей колхозов, возомнивших себя победителями военачальников и забывших о своем предательстве Родины бывших военнопленных, ученых-космополитов и врачей-убийц и, конечно, так и остававшихся неизжитым пережитком прошлого, несмотря на всю свою патриотическую лояльность, ментально и идеологически чуждых коммунистическому режиму церковников.

Новая или, правильнее будет сказать, совсем еще не забытая старая репрессивная политика властей стала проявлять себя практически сразу после не оправдавшего главных ожиданий властей Всеправославного совещания июля 1948 года. Уже 25 августа под давлением Совета по делам Русской православной церкви Синод был вынужден принять постановление, запрещающее крестные ходы из села в село, духовные концерты в храмах вне богослужений, разъезды архиереев в период сельскохозяйственных работ, совершение молебствий на полях. Несмотря на то что 10 августа 1948 года Совет Министров принял распоряжение об открытии 28 православных храмов, тот же Совет Министров 28 октября постановил отменить собственное распоряжение на том основании, что оно было подписано не председателем Совета Министров И. В. Сталиным, а его заместителем К. Е. Ворошиловым, и вскоре все открывшиеся в соответствии с этим распоряжением храмы были закрыты. В течение всей последующей жизни Сталина в СССР не будет открыто ни одного нового храма.

Главным партийным документом, призванным утвердить новую религиозную политику, стало разработанное с санкции Сталина секретарем ЦК ВКП(б), ответственным за идеологическую работу, М. А. Суловым и принятое в сентябре 1948 года постановление «О мерах по усилению антирелигиозной пропаганды». В этом

постановлении говорилось, что «некоторые члены партии из факта победы социализма и господства социалистической идеологии в нашей стране сделали ошибочный вывод, что теперь можно не вести антирелигиозную пропаганду и что религия будет отмирать сама собой... Нельзя успешно решать задачу коммунистического воспитания трудящихся, не ведя борьбы против религиозной идеологии. Задача преодоления религиозных предрассудков и суеверий имеет в период перехода от социализма к коммунизму важное значение»¹.

Резко усилившееся как на уровне Совета по делам Русской православной церкви, так и на уровне местных властей административное давление привело уже в 1949 году к закрытию 133 храмов. В ряду других мер административного давления на Церковь следует назвать запрещение всех, кроме пасхальных, крестных ходов, введение практики призыва в армию учащихся духовных учебных заведений, не имевших священного сана, значительное увеличение налогообложения духовенства.

Но уже в 1948 году на представителей русского православного духовенства вновь начали обрушиваться репрессии многим из них печально знакомого ведомства, в 1946 году очередной раз поменявшего свое название на новую, не менее зловеще звучащую аббревиатуру МГБ. При этом под каток репрессий попадали священнослужители, пережившие очень различные судьбы и менее всего походившие на каких бы то ни было «врагов народа». Еще в июле 1948 года в аэропорту Харбина перед самым вылетом в Москву на Всеправославное совещание был арестован и передан сотрудникам советского МГБ митрополит Нестор (Анисимов), никогда не живший в СССР и лишь 26 октября 1945 года принятый в юрисдикцию Московской Патриархии. 4 сентября 1948 года в четвертый раз арестовали архиепископа Оренбургского Мануила (Лемешевского), более двадцати лет сотрудничавшего с органами госбезопасности. 10 февраля 1949 года был арестован инспектор Московской Духовной Академии архимандрит Вениамин (Милов), монах-аскет, уже побывавший в заключении. В апреле 1950 года арест обрушился на заканчивавшего Московскую Духовную Академию клирика московского храма Рождества Христова в Измайлове священника Иоанна Крестьянкина, выдающегося пастыря Русской Православной Церкви XX века. Почти все арестовывавшиеся тогда священнослужители получали сроки от пяти до

¹ Цыпин В., прот. История Русской Церкви. 1917–1997. М., 1997. С. 357.

десяти лет заключения в лагерях или ссылке. В 1948—1949 годах к уголовной ответственности по так называемым делам церковников было привлечено 9 752 человека, в их числе 928 священнослужителей.

Созданная под руководством Патриарха Сергия система отношений с коммунистическим режимом не предполагала каких-либо действенных и гласных способов защиты от государственных репрессий. Поэтому два оставшихся в это время в живых главных сподвижника Патриарха Сергия Патриарх Алексей и митрополит Николай, действуя в жестких рамках мнимого конкордата между Московской Патриархией и ВКП(б), могли надеяться хотя бы как-то ослабить вновь начавшиеся преследования Церкви, лишь, как всегда, демонстрируя советскому государству и его вождю безграничную преданность Московской Патриархии и политическую полезность деятельности ее руководителей.

Как событие поистине планетарного масштаба 21 декабря 1949 года в СССР отмечалось семидесятилетие Сталина. К общему хору поздравлений и приветствий должна была присоединиться и Русская Православная Церковь, направив вождю приветственный адрес, подписанный всем ее епископатом.

Приветственный адрес от духовенства и мирян Русской Православной Церкви

вождю народов СССР генералиссимусу Иосифу Виссарионовичу Сталину

в день семидесятилетия со дня рождения 21 декабря 1949 года
**ГЛУБОКОЧТИМЫЙ И ДОРОГОЙ
 ИОСИФ ВИССАРИОНОВИЧ!**

В день Вашего семидесятилетия, когда всенародное чувство любви и благодарности к Вам — Вождю, Учителю и Другу трудящихся — достигло особой силы и подъема, мы, церковные люди, ощущаем нравственную потребность присоединить свой голос к мощному хору поздравлений и выразить Вам те мысли и пожелания, которые составляют особенно драгоценную часть нашего духовного достояния.

Как граждане великой Советской страны и верные чада своего народа, мы прежде всего глубоко чтим подвиг Вашей многоплодной жизни, без остатка отданной борьбе за свободу и счастье людей, и усматриваем в этом подвиге исключительную силу и самоотверженность Вашего духа. Нам особенно дорого то, что в деяниях Ваших, направленных к осуществлению общего блага

и справедливости, весь мир видит торжество нравственных начал в противовес злобе, жестокости и угнетению, господствующим в отживающей системе общественных отношений.

Ощущая на каждом шагу Ваши благородные усилия, направленные к тому, чтобы сделать жизнь людей мирной и счастливой, мы видим в Вашем лице не только великого государственного человека и Вождя, направляющего жизнь народов в новое русло истории, но и отечески заботливого попечителя всех сторон нашего человеческого существования со всеми его разнообразными нуждами. Близость последних Вашему сердцу сделала Ваше имя близким и дорогим всем простым людям на свете, всему передовому человечеству.

Как и все вообще интересы трудящихся, близки Вам и нужды верующих русских людей, составляющих Русскую Православную Церковь. Свидетельствуя о Вашем отношении к этим нуждам, мы прежде всего с чувством глубокого удовлетворения воздаем должное правам и обязанностям граждан Советского Государства, закрепленным Сталинской Конституцией. В ряду этих прав нам, церковным людям, особенно дорога ничем не стесняемая свобода и возможность исповедовать свою православную веру, как и полное гражданское равноправие нашего православного духовенства. Благодаря Сталинской Конституции церковные люди нашей страны могут не только свободно осуществлять свои церковные идеалы, но и принимать участие в общественной и государственной жизни.

Обязанные Вашей государственной мудрости полнотой и свободой своей церковной жизнедеятельности, русские православные люди еще тверже встали на страже интересов своей великой Родины и тем самым заслужили еще большее внимание с Вашей стороны к нуждам Православной Церкви. Когда для нее созрел вопрос о каноническом возглавлении Патриаршей властью, Вы, несмотря на бесчисленные заботы и тревоги военного времени, лично приняли в сентябре 1943 года трех высших иерархов нашей Церкви и благосклонно отнеслись к их планам благоустройства церковной жизни. Благожелательным содействием встретили Вы и их намерение созвать Собор епископов в 1943 году, на котором состоялось избрание Митрополита Сергия Патриархом Московским и всея Руси.

В 1948 году Русская Православная Церковь вновь ощутила Ваше содействие в деле проведения церковных торжеств по случаю 500-летия ее автокефалии и приуроченного к ним совеща-

ния Глав и Представителей Автокефальных Православных Церквей. Это событие, ставшее достоянием мирового общественного мнения, показало всему миру, какие отношения возможны между Церковью и Государством, когда они построены на началах взаимного уважения и свободы.

И теперь, ощущая на каждом шагу своей церковной и гражданской жизни благие результаты Вашего мудрого государственного руководства, мы не можем таить своих чувств, и от лица Русской Православной Церкви приносим Вам, дорогой Иосиф Виссарионович, в день Вашего семидесятилетия, глубокую признательность и, горячо приветствуя Вас с этим знаменательным для всех нас, любящих Вас, днем, молимся об укреплении Ваших сил и шлем Вам молитвенное пожелание многих лет жизни на радость и счастье нашей великой Родины, благословляя Ваш подвиг служения ей и сами вдохновляясь этим подвигом Вашим¹.

Этот приветственный адрес наряду с Патриархом Алексием был подписан всеми действующими архиереями Русской Православной Церкви с указанием занимаемых ими кафедр: пятью митрополитами, двадцать одним архиепископом и сорока семью епископами, среди которых были исповедники, пережившие страшные коммунистические гонения в недавнем прошлом, и даже ныне канонизованные святые архиепископ Николай (Могилевский) и архиепископ Лука (Войно-Ясенецкий).

В таком же духе в этот день Патриарх Алексий произнес свое слово в Елохово-Богоявленском патриаршем соборе перед молебном в день празднования 70-летия председателя Совета Министров СССР, генерального секретаря ЦК КПСС И. В. Сталина.

Отдавая себе отчет, что в это время коммунистический режим был совершенно не заинтересован не только в развитии, но даже в сохранении церковной жизни в СССР, руководство Московской Патриархии исходя, как казалось, из успешного опыта Патриарха Сергия периода Второй мировой войны попыталось продемонстрировать свою внешнеполитическую полезность для советского государства в условиях начавшейся в Европе «холодной войны». 25 марта 1949 года в газете «Известия» было напечатано обращение Патриарха Алексия, в котором он поддержал инициативу Международного комитета деятелей культуры созвать Всемирный конгресс сторонников мира. Полностью поддерживая важнейший

¹ ЖМП. 1949, декабрь № 12. С. 5–11.

тезис советской пропаганды о том, что именно политика Запада при активной поддержке Ватикана способствовала началу «холодной войны», руководство Московской Патриархии в лице митрополита Николая приняло активное участие в проведении в Париже в апреле 1949 года Всемирного конгресса сторонников мира, демонстративно состоявшегося через две недели после подписания пакта о создании НАТО. На этом конгрессе митрополит Николай был избран в Постоянный комитет Всемирного конгресса мира.

В августе 1949 года в Москве состоялась I Всесоюзная конференция сторонников мира с участием представителей духовенства. Патриарх Алексий был избран членом учрежденного на конференции Советского комитета защиты мира. С тех пор всемирные и всесоюзные форумы сторонников мира стали проводиться регулярно, и представители Русской Православной Церкви в них неизменно участвовали. В 1950 году Патриарх Алексий выступил в печати с призывом подписываться под Стокгольмским воззванием Постоянного комитета Всемирного конгресса сторонников мира о запрещении ядерного оружия. Впрочем, главную роль в миротворческом движении продолжал играть являвшийся председателем Отдела внешних церковных сношений митрополит Николай, которому власти даже разрешили издать в Московской Патриархии сборник его речей и статей в защиту мира на русском, немецком, французском, английском и арабском языках тиражом по 1500 экземпляров. О том, что в речах и статьях достойный архипастырь и выдающийся проповедник обречен был превращаться в исполненного лжи и человеконенавистничества советского пропагандиста, выразительно свидетельствуют хотя бы два его выступления, сделанные в 1952 году в течение одной недели и опубликованные в советской и церковной прессе.

Обращаясь к своей отнюдь не безупречной с точки зрения исторической и нравственной правды деятельности в Чрезвычайной государственной комиссии по расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков, в которой ему не раз приходилось брать на совесть грех лжи «во спасение Церкви», митрополит Николай 6 марта 1952 года выступил на страницах «Литературной газеты» со статьей «Голос свидетеля».

Правящие круги США в своем безудержном стремлении клеветать на мою Родину выступили с новой чудовищной провокацией. Своей акцией по поводу так называемого «Катынского

дела» они хотят — как это правильно понял весь наш народ — реабилитировать гитлеровских преступников, организовавших убийство в Катыни тысяч польских офицеров и солдат.

Катынское злодеяние — одно из самых подлых, самых омерзительных преступлений, совершенных немецко-фашистскими изуверами в их походе против человечества, рожденным мечтаниями о мировом господстве над всем земным шаром. На вечные времена вошло это злодеяние в историю как обвинительный акт против тех, кто поведение свое строил на лжи, ненависти, высокомерии, расчетливом, «научно обоснованном» человекоистреблении. И грозные страницы этого акта не смыть никакими химическими реактивами, не выжечь никаким металлом, даже золотом.

Поистине, в том черном мире, где жизнь построена на лжи, насилии, обмане, корысти, где для достижения любой цели разрешены все средства, злобная ненависть к странам, люди которых начали жить по правде, перешла все границы разума. Ненависть омрачает разум! Провокаторам не удастся опорочить великую миролюбивую державу, мою Родину, знаменосца мира во всем мире! Правда сильнее лжи!¹

Через неделю митрополит Николай получил разрешение выступить на общегородском митинге трудящихся в Москве по поводу войны в Корее:

Ветхозаветный пророк, живший за 800 лет до нашей эры, говорил об одном из кровожадных народов своего времени: «Так как они распространяли ужас на земле живых, то и несут на себе позор» (Иез. 32:25).

На вечные времена покрыли себя позором американские агрессоры в Корее! Чудовищные действия, совершаемые ими, вызывают в каждом честном человеке ужас, потрясают сердца и умы!

Этим «претендентам на мировое господство» не дали покоя «лавры» Гитлера. Истязать и истреблять всеми способами мирное население Кореи, разрушать памятники культуры и искусства, храмы и жилые дома, варварски пытаться и уничтожать военнопленных — все это, оказывается, не насытило утробу подражателей Гитлера и его подручных.

Грубо и бесстыдно попирая элементарные нормы международного права и принципы гуманности, морали, справедливо-

¹ Литературная газета. 1952. № 29 (2902). 6 марта.

сти, американские агрессоры, как это мы узнали из заявлений правительств Корейской Народно-Демократической Республики и Китая, выступили с бесчеловечной акцией, начав в Корее и в Северо-Восточном Китае бактериологическую войну, объявленную вне закона международными конвенциями, сбрасывая бациллы чумы, холеры, тифа с самолетов на мирное население Кореи и на позиции доблестной Корейской Народной Армии и китайских народных добровольцев.

Русская Православная Церковь через меня и я лично, как один из ее служителей, всецело, вседушно присоединяем свой голос, свое сердце к взволнованному голосу всего нашего народа, голосу протестующей против злодеяния совести всего миролюбивого и прогрессивного человечества! Для каждого истинного последователя христианского учения величайшим кошунством является тот факт, что те, кто развязал бактериологическую войну в Корее и в Северо-Восточном Китае, в выступлениях в своей стране часто ссылаются на Библию, заявляют о намерениях якобы «защищать христианскую цивилизацию», называют себя христианами! Эти лицемеры — не христиане! В них нет ни совести, ни основ человечности, ни сознания ответственности за свои злые преступления!

Положить конец этим злодеяниям, прекратить применение этого гнусного, бесчеловечного оружия массового уничтожения людей! Прекратить войну в Корее!

Да торжествуют мир и человечность!¹

В мае 1952 года власти разрешили провести в Троице-Сергиевой лавре Конференцию представителей всех Церквей и религиозных объединений СССР, тематика которой носила не столько миротворческий, сколько обличающий войну в Корее характер в полном соответствии с шаблонами советской пропаганды. Конференция выступила с «Обращением к Церквам, религиозным объединениям, духовенству и верующим всех религий», в котором призывала их осознать нравственную природу «нападения на мирных соседей и заранее осудить как преступление против человечества и морали». За богослужением во всех храмах Русской Православной Церкви была введена молитва о мире.

Однако, несмотря на все усилия митрополита Николая доказать коммунистическому режиму пропагандистскую полезность Русской Православной Церкви, она продолжала оставаться объектом

¹ ЖМП. 1952, апрель № 4.

преследования властей внутри СССР, теряя не только еще недавно открывшиеся храмы, но и столь недостающих ей пастырей. Количество храмов к началу 1953 года сократилось до 13 555, количество действующих священнослужителей — до 12 089. Количество учащихся на дневном отделении Духовных Академий и семинарий по сравнению с 1948 годом почти не увеличилось, составив 633 человека. В полтора раза сократилось число подававших заявления о приеме на первый курс духовных школ, многих из которых представители Совета по делам Русской православной церкви энергично отсеивали по политическим мотивам. Но самое страшное заключалось в том, что вновь, как и в 1920–1930-е годы, ставшие нормой повседневной церковной жизни аресты в период с 1948 по 1953 год вырвали из церковной жизни 26 488 православных христиан, среди которых было 1 786 священнослужителей. Только в духовных школах Русской Православной Церкви было арестовано 189 преподавателей и студентов.

В августе 1952 года из отдела пропаганды и агитации ЦК к заместителю Председателя Совета министров Г. М. Маленкову поступила записка с критикой деятельности даже митрополита Николая, все больше превращавшегося из православного проповедника в советского пропагандиста. «Николай публикует в “ЖМП” свои богословские проповеди, которые сеют среди верующих пессимизм, мракобесие, не содержат призывов к бодрости, к самоотверженному труду на пользу родине и на укрепление мира», — подчеркивалось в записке. В своей беседе с митрополитом Г. Г. Карпов поднял этот вопрос. Реакция Владыки была крайне резкой. В его письменном ответе в Совет заявлялось, что произведенное внушение «недалеко от замысла сделать меня врагом своего народа... лишить меня свободы церковного слова». В знак протеста митрополит Николай ликвидировал в журнале отдел проповедей, хотя продолжал ежедневно произносить их в храмах Москвы. Видимо, тяготясь некоторыми своими функциями, он неоднократно ставил вопрос об освобождении его от участия в работе Всемирного совета мира¹.

Однако и личность самого Патриарха Алексия стала вызывать к себе пристальное и все более недоуменное внимание у руководителей партийно-государственной бюрократии в Москве. В связи с этим обстоятельством 26 января 1952 года Г. Г. Карпов представил Сталину записку о Патриархе Алексии, текст которой был распространен среди главных коммунистических функционеров:

¹ Шкаровский М.В. Русская Православная Церковь при Сталине и Хрущеве. С. 345–346.

СОВЕТ ПО ДЕЛАМ РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ при Совете Министров СССР

26 января 1952 г.

Товарищу Сталину И. В.

В соответствии с Положением о Совете докладываю о патриархе Алексии.

Патриарх Алексей (Симанский) — внук сенатора и сын камергера — родился в Москве в 1877 году. Он окончил гимназические классы Московского лицея, в 1899 г. — юридический факультет Московского университета и в 1904 г. — Московскую духовную академию. Монашество принял в 1902 году. Был ректором Тульской, Новгородской духовных семинарий, позже — епископом. В 1923 г. был осужден на три года ссылки. С 1926 г. был архиепископом, а с 1932 г. до февраля 1945 г. — митрополитом Ленинградским и Новгородским. В 1946 году награжден орденом Трудового Красного Знамени за патриотическую деятельность в период войны.

Осуществляя руководство церковью, патриарх больше сосредоточивает свое внимание на вопросах жизни и деятельности церкви внутри СССР и мало проявляет инициативы по вопросам деятельности церкви за границей.

Это объясняется тем, что для него как архиерея старой формации, когда Русская церковь не вела почти никакой деятельности за границей, эти вопросы являются непривычными. Однако он понимает, что в настоящих условиях такая работа необходима и поэтому все рекомендации Совета по вопросам внешней деятельности церкви принимает и проводит в жизнь.

Следует отметить, что Алексей, благодаря своей образованности, культурности и умению в обращении с людьми, пользуется авторитетом за границей у лиц, когда-либо соприкасавшихся с ним. <...> Патриарх пользуется большим авторитетом среди верующих и духовенства в СССР. Однако за последние 4 года его авторитет среди епископов и некоторых других церковных работников, стоящих близко к Патриархии, стал ослабевать. Это объясняется тем, что Алексей приблизил к себе своего бывшего келейника Остапова (60-ти лет).

На приемах в Совете мною несколько раз перед патриархом затрагивался вопрос об Остапове, но он каждый раз реагировал болезненно и во всех случаях объясняет недовольство Остаповым со стороны своего окружения, в том числе и со стороны митрополита Николая, являющегося заместителем патриарха,

тем, что все они пользовались свободой расходования денег Патриархии, а Остапов, введенный патриархом в состав членов хозяйственного управления Патриархии, в этом им сейчас сильно препятствует. Во время моей беседы с патриархом 30 июля 1948 года он об Остапове, например, сказал:

«Я не знаю, почему на него жалуются, в мою деятельность он никак не вмешивается, но является большим экономом и в этой части он мне помогает беречь расходы. Что касается грубости и нетактичности, я допускаю, т. к. он в этом отношении мужик и угловатость при обращении с другими бывает заметной... Но я предупрежу его в части необходимости более тактичного обращения с другими, а с архиереями он вообще не должен иметь дела. В политическом отношении — я за него отвечаю».

Нахождение около патриарха Остапова Совет считает нежелательным, но не видит путей к удалению Остапова от патриарха.

Будучи человеком в достаточной мере культурным и очень общительным, заметно, что Алексей очень тяготится вынужденным одиночеством, в котором ему приходится быть в силу своего положения, когда он лишен возможности где-либо бывать и принимать у себя светских лиц, не связанных с церковью.

За последнее время, как заявляет сам патриарх, он «нашел некоторый интерес в жизни» в том, что регулярно, но несколько скрытно от духовенства, смотрит дома телевизионные передачи. В разговорах с лицами из своего окружения и на приемах в Совете восхищается главным образом пьесами советских авторов, как «Платон Кречет», «Крепость на Волге», «Директор» и др., а также игрой артистов.

Следует отметить как положительную черту, характеризующую Алексея, — это его искренность, чем он резко выделяется из всех архиереев и в первую очередь от митрополита Николая. Алексей твердо стоит на последовательных, более чем лояльных позициях в отношении внешней и внутренней политики советской власти, что подтверждается многочисленными его заявлениями и всей деятельностью руководимой им церкви. Об этом убедительно говорят также заявления и поведение патриарха во время его заграничной поездки в Палестину, Сирию, Ливан, Египет и другие страны.

Кроме того, в отличие от многих других архиереев, патриарх не является консерватором, строго придерживающимся установившихся традиций. Так, например, после опубликования в «Правде» фельетона «Саратовская купель» (1949 г.) он без како-

го-либо воздействия пошел на отмену веками существовавшего обычая хождения «на иордань», а вообще провел много других реформ по ограничению деятельности церкви. В то же время патриарх реагирует на те случаи грубого администрирования по отношению к церкви, которые иногда проявляются на местах, а также на то обстоятельство, что с марта 1948 года по всему Союзу не было открыто ни одной церкви. Необходимо отметить, что, будучи дважды принят товарищем Сталиным, патриарх все последующие годы многократно вспоминал эти приемы, оказавшие на него в высшей степени воодушевляющее действие, и когда его обращение о приеме в 1949 году осталось без ответа, он отнес это к тому отрицательному впечатлению, которое было вызвано действиями церкви в Саратове, изложенными в вышеуказанном фельетоне.

Алексий иногда задумывается над судьбами церкви, например, в разговоре с митрополитом Николаем, по словам последнего, он спросил его: «Вы не сможете сказать: сколько лет исчисляют до наступления коммунистической жизни у нас? Говорят, что 3–5 лет. Если мы с Вами доживем до этого, разрешат ли нам жить на пенсии в Москве? Пожалуй, нет, так как мы своим пребыванием здесь будем напоминать о бывшей церкви».

В быту патриарх Алексий ведет скромный образ жизни, соответствующий его положению.

Связь с патриархом осуществляется только путем официальных приемов его мною в Совете, а во время моего отсутствия патриарха принимает заместитель.

Патриарх принимается в Совете 1–2 раза в месяц и во всех случаях по его просьбе.

За последнее время патриарх никаких принципиальных вопросов перед Советом не ставит, ограничиваясь лишь текущими вопросами внешней и внутренней деятельности церкви. Все рекомендации Совета патриархом всегда принимаются и проводятся в жизнь.

В силу известного своеобразия работы Совета, в смысле установления форм связи с патриархом и для усиления влияния на него в нужном направлении в противовес постоянным, односторонним, а иногда и вредным влияниям, оказываемым на него в Патриархии, по мнению Совета, одних только официальных приемов недостаточно.

Было бы целесообразным в этих целях разрешить Совету 1–2 раза в год проводить узкие приемы в составе членов Совета и

3—4 руководящих церковных деятелей во главе с патриархом. Эти приемы могли бы быть приурочены к годовщине Октябрьской революции, к 1-му Мая или к годовщине организации Совета, на которых в неофициальной обстановке можно было бы проводить нужную нам обработку мнения патриарха и других руководящих деятелей церкви.

Кроме того, 9 ноября текущего года исполняется 75 лет со дня рождения патриарха и, по мнению Совета, было бы целесообразно в данном случае отметить эту дату.

*Председатель Совета по делам русской православной церкви
при Совете Министров СССР
(КАРПОВ)*

*Копии разосланы: товарищу Молотову В. М.,
товарищу Маленкову Г. М., товарищу Берия Л. П.,
товарищу Микояну А. И., товарищу Булганину Н. А.,
товарищу Хрущеву Н. С., товарищу Суслову М. А.¹*

Накануне дня рождения, 8 ноября 1952 года, когда предстоятелю вновь преследуемой в СССР Русской Православной Церкви Патриарху Алексию исполнялось 75 лет, ему был вручен второй орден Трудового Красного Знамени. Следует обратить внимание, что, будучи самым «советско-орденоносным» Патриархом Русской Православной Церкви, Святейший Алексей не мог не ощущать глубокого психологического, эстетического и, надо надеяться, нравственного диссонанса с периодически появлявшимися у него на груди четыремя орденами Трудового Красного Знамени. Скромно удостоенный на своих одиннадцатилетнем пресвитерском и четырехлетнем епископском служениях до революции всего лишь ордена Св. Владимира IV степени, он, будучи священнослужителем, провел четырнадцать лет своей жизни в период действия советской Конституции 1918 года в качестве ограниченного в правах нетрудового элемента. А затем, начиная с 23 августа 1946 года, когда за успешную ликвидацию УГКЦ на Западной Украине Патриарх Алексей получил свой первый орден Трудового Красного Знамени, он, так и оставаясь внуком сенатора и сыном камергера, как определял его классовое происхождение в своей записке Сталину Г. Г. Карпов, регулярно награждался орденами Трудового Красного Знамени накануне дней своего рождения и в

¹ Курляндский И. А. Сталин, власть, религия. М., 2011. С. 634—636.

исторические моменты, не сулившие церковной жизни в СССР благоприятных перспектив для ее развития. Получив свой второй орден Трудового Красного Знамени в ноябре 1952 года, когда уже четыре года продолжался первый период послевоенных церковных гонений, Патриарх Алексий был награжден третьим орденом Трудового Красного Знамени 8 ноября 1962 года, когда так называемые «хрущевские» гонения на Церковь достигли своего апогея, а четвертый орден Трудового Красного Знамени он получил в связи со своим 90-летием 6 ноября 1967 года накануне празднования 50-летней годовщины Великой Октябрьской социалистической революции, о которой вскоре стали служить благодарственные молебны в храмах Московской Патриархии.

На рубеже 1952–1953 годов атмосфера начинающегося в стране массового террора ощущалась отнюдь не только Русской Православной Церковью, для которой закрытие храмов и аресты духовенства вновь стали обыденными явлениями ее жизни. И только неожиданная смерть Сталина 5 марта 1953 года, резко изменившая конфигурацию партийно-государственной власти в СССР, обусловила приостановку многих активных мероприятий репрессивно-террористического характера, уже предусмотренных скоропостижно умершим вождем. Однако Патриарх Алексий счел необходимым в этой неопределенной не только для Церкви, но и для всей страны ситуации не покидать русло политики отнюдь не собиравшихся уходить от власти представителей партийного руководства, в этот момент погрузивших страну в атмосферу истероидно-испуганной скорби.

В день похорон Сталина, 9 марта 1953 года, в Елохово-Богоявленском патриаршем соборе перед совершением по нему панихиды Патриарх Алексий произнес слово об умершем вожде:

Великого Вождя нашего народа, Иосифа Виссарионовича Сталина, не стало. Упразднилась сила великая, нравственная, общественная: сила, в которой народ наш ощущал собственную силу, которою он руководился в своих созидательных трудах и предприятиях, которою он утешался в течение многих лет. Нет области, куда бы не проникал глубокий взор великого Вождя. Люди науки изумлялись его глубокой научной осведомленности в самых разнообразных областях, его гениальным научным обобщениям; военные — его военному гению; люди самого различного труда неизменно получали от него мощную поддержку и ценные указания. Как человек гениальный, он в каждом деле открывал то, что было невидимо и недоступно для обыкновенного ума.

Мы же, собравшись для молитвы о нем, не можем пройти молчанием его всегда благожелательного, участливого отношения к нашим церковным нуждам. Ни один вопрос, с которым бы мы к нему ни обращались, не был им отвергнут; он удовлетворял все наши просьбы. И много доброго и полезного, благодаря его высокому авторитету, сделано для нашей Церкви нашим Правительством.

Память о нем для нас незабвенна, и наша Русская Православная Церковь, оплакивая его уход от нас, провожает его в последний путь, «в путь всяя земли», горячей молитвой.

Мы молились о нем, когда пришла весть об его тяжелой болезни. И теперь, когда его не стало, мы молимся о мире его бессмертной души.

Вчера наша особая делегация в составе Высокопреосвященного митрополита Николая; представителя епископата, духовенства и верующих Сибири архиепископа Палладия; представителя епископата, духовенства и верующих Украины архиепископа Никона и протопресвитера о. Николая, возложила венок к его гробу и поклонилась от лица Русской Православной Церкви его дорогому праху.

Молитва, преисполненная любви христианской, доходит до Бога. Мы веруем, что и наша молитва о почившем будет услышана Господом. И нашему возлюбленному и незабвенному Иосифу Виссарионовичу мы молитвенно, с глубокой, горячей любовью возглашаем вечную память¹.

Очередной раз оставаясь в парадигме сергианской политики, Патриарх Алексий вынужден был лгать, и ответ на вопрос о том, спасал ли он этой ложью гонимую Русскую Православную Церковь или предавал ее, оставался на его совести, возможно, в полной мере неразрешенным.

¹ ЖМП. 1953, № 4. С. 3.

Русская Православная Церковь и «церковная оттепель» 1954–1957 годов

Развернувшаяся в советском партийно-государственном руководстве борьба за власть на какое-то время отодвинула на второй план мероприятия, направленные на дальнейшее разрушение церковной жизни. Конечно, карательная машина коммунистического режима по инерции продолжала в течение двух лет политику подавления Русской Православной Церкви, и в 1953–1954 годах количество действующих храмов сократилось еще на 133, а количество священнослужителей уменьшилось на 96 клириков, хотя новые аресты их прекратились. Стремясь прояснить ситуацию относительно своего, оказавшегося в двусмысленном положении ведомства, Председатель Совета по делам Русской православной церкви Г. Г. Карпов в июне 1953 года обратился в ЦК КПСС с заявлением, в котором просил объяснить ему, «какой линии следует придерживаться, какие принципы и методы работы допустимы» в связи с происшедшими в стране переменами. В надежде укрепить позиции и увеличить административный вес Совета его председатель предлагал дать его ведомству право открывать не более 25 храмов в год без санкции правительства, решать вопросы, связанные с издательской и хозяйственной деятельностью Московской Патриархии, уравнивать православное духовенство в сфере налогообложения с лицами свободных профессий. Предложения Г. Г. Карпова были в ЦК отклонены. Но 7 июля 1954 года в качестве асимметричного ответа со стороны сторонников жесткой линии последовало принятое 7 июля 1954 года постановление ЦК КПСС «О крупных недостатках в научно-атеистической пропаганде и мерах ее улучшения», подготовленное М. А. Сусловым, Д. Т. Шепиловым и А. Н. Шелепиным, по существу предлагавшее вернуться в религиозной политике государства к довоенным методам борьбы с Церковью. Первым результатом этого постановления стала резкая активизация атеистической пропаганды, но к политике возобновления массовых открытых репрессий власти предпочли пока не переходить.

В сентябре 1954 года состоялся визит в СССР Антиохийского Патриарха Александра III, которого советская дипломатия рассматривала как своего возможного агента влияния на Ближнем Востоке, в связи с чем ему были переданы в качестве материальной помощи 220 тысяч рублей и 35 тысяч долларов. Во время переговоров Патриарх подчеркивал необходимость для успешного осуществления его просоветской деятельности прекратить «перегибы в отношении церкви, так как это выбивает у нас все козыри и затрудняет нашу работу по сближению между нашими церквями и народами»¹. Таким образом наиболее активно проявившие себя в попытках не допустить наметившееся ужесточение религиозной политики коммунистического режима митрополиты Николай (Ярушевич) и Григорий (Чуков) вновь попытались задействовать внешнеполитический ресурс Русской Православной Церкви.

Новое постановление ЦК КПСС под названием «Об ошибках в проведении научно-атеистической пропаганды среди населения» было принято 10 ноября 1954 года. Оно перечеркнуло постановление от 7 июля 1954 года и сделало возможным относительную стабилизацию церковно-государственных отношений в рамках кратковременной десталинизации некоторых аспектов государственной политики в 1955–1957 годах, когда на свободу из мест заключения вышли практически все остававшиеся в живых священнослужители. Среди освобожденных узников оказались митрополит Нестор (Анисимов), архиепископ Мануил (Лемешевский), епископ Вениамин (Новицкий) и будущий священноисповедник епископ Афанасий (Сахаров), архиереи, жизненные пути которых выразительно символизировали исполненную искушений и праведности, грехов и подвижничества историю Русской Православной Церкви XX века.

Митрополит Нестор (Анисимов), родившийся в 1885 году в семье военного чиновника и ставший свидетелем исцеления святым Иоанном Кронштадтским его умиравшей матери, принял решение по окончании Казанского реального училища поступить на миссионерские курсы при Казанской духовной академии. В 1907 году принявший монашеский постриг и рукоположенный в иеромонаха отец Нестор отправился миссионером на Камчатку, где в тяжелейших условиях в течение трех лет осуществлял свое миссионерское служение среди камчадалов на их родном карякском языке, на который вскоре перевел текст Божественной

¹ Шкаровский М. В. Русская Православная Церковь при Сталине и Хрущеве. С. 351.

литургии. Организовав в 1910 году Камчатское братство под покровительством цесаревича Алексея Николаевича, иеромонах Нестор на его средства сумел в течение семи лет построить храмы, часовни, школы, приюты, больницы, лепрозорий и амбулатории, постепенно начавшие преобразовать жизнь одного из самых отсталых и бедных народов Российской империи.

В 1914–1915 годах в качестве священника лейб-гвардии Драгунского полка игумен Нестор организовал на фронте санитарный отряд «Первая помощь под огнем врага», за самоотверженную деятельность в котором был награжден наперсным крестом на Георгиевской ленте, орденами Св. Владимира III степени с мечами, Св. Анны II и III степеней с мечами. Отозванный с фронта для продолжения миссионерского служения на Камчатке, уже архимандрит Нестор 16 августа 1916 года был рукоположен во Владивостоке во епископа Камчатского и Петропавловского.

В 1917–1918 годах епископ Нестор участвовал в работе Поместного Собора. Во время боев в Москве между большевиками и юнкерами оказывал помощь раненым на московских улицах. Написал брошюру «Расстрел Московского Кремля» и на короткое время был арестован большевиками. Прибыв летом 1919 года в Омск, епископ Нестор активно поддержал Белое движение и призывал православных христиан вступать в его ряды. В 1921 году он создал Камчатское подворье в Харбине и организовал там Дом милосердия и трудолюбия. В 1922 году он ненадолго вернулся во Владивосток и после участия в работе Приамурского Земского Собора был вынужден эмигрировать в Китай, где по решению Архиерейского Синода Русской Православной Церкви Заграницей осуществлял служение правящего епископа Камчатского.

Находясь многие годы за пределами своей епархии с 1933 года, уже будучи архиепископом, Нестор осуществлял активную и многогранную социально-благотворительную деятельность, организуя приюты для детей-сирот русской и китайской национальностей, приют для старцев-хроников, слепых и больных калек, приют для юношей-наркоманов, приют глухонемых, дом для душевнобольных, при Доме милосердия и трудолюбия были созданы бесплатные столовые для бедняков, бесплатная амбулатория и зубоучебный кабинет.

После вступления в Харбин Красной армии архиепископ Нестор вместе с четырьмя другими архиереями Русской Православной Церкви Заграницей в октябре 1945 года обратился в Московскую Патриархию с просьбой о воссоединении, и 27 декабря 1945 года

это воссоединение состоялось. 11 июня 1946 года архиепископ Нестор был назначен Патриаршим Экзархом Восточно-Азиатского экзархата с возведением в сан митрополита Харбинского и Маньчжурского.

Накануне отъезда в Москву на Всеправославное совещание, 14 июня 1948 года, митрополит Нестор был арестован и вскоре депортирован в СССР, где после полугода тяжелейшего следствия в Хабаровске Особым совещанием при МГБ СССР был приговорен к десяти годам исправительно-трудовых лагерей. Находился в заключении преимущественно в лагерях Мордовии, был освобожден в январе 1956 года.

Не допущенный Г. Г. Карповым занять Одесскую кафедру, митрополит Нестор был назначен 18 июля 1956 года на Новосибирскую и Барнаульскую кафедру, где активно принимал в штат епархии переживших лагерное заключение клириков и монашествующих из общин непоминающих. Уволенный на покой 8 сентября 1958 года, митрополит Нестор был 9 декабря 1958 года назначен на Кировоградскую и Николаевскую кафедру, где старался уже в условиях «хрущевских» гонений сопротивляться закрытию храмов. До своей кончины 4 ноября 1962 года состоял в переписке со своим другом и собратом по заключению в мордовских лагерях епископом Афанасием (Сахаровым).

Архиепископ Мануил (Лемешевский) родился в 1884 году в обедневшей дворянской семье. В 1910 году, оставив Петербургский университет и два года проучившись в Петроградской Духовной Академии, поступил в Николо-Столпенскую пустынь Тверской епархии, где в июне 1911 года был пострижен в монашество и через год рукоположен в сан иеромонаха. С 1912 по 1916 год иеромонах Мануил исполнял послушание помощника начальника Киргизской духовной миссии.

Вернувшись в Петроград и будучи скорее книжным затворником, нежели активным миссионером или монастырским монахом, иеромонах Мануил работал помощником библиотекаря в Петроградской Духовной Академии, а затем в 1921–1923 годах преподавал Священное Писание Ветхого Завета на богословских пастырских курсах. 23 сентября иеромонах Мануил был спешно рукоположен Патриархом Тихоном в сан епископа Лужского, викария Петроградской епархии и направлен в Петроград, церковная жизнь которого находилась во власти обновленцев. «Посылаю тебя на страдания, ибо кресты и скорби ждут тебя на новом поприще твоего служения, но мужайся и верни мне епархию» —

таковы были напутственные слова Патриарха. Через несколько месяцев после самоотверженного труда епископа Мануила 83 из 115 обновленческих храмов вернулись под омофор Патриарха Тихона. В феврале 1924 года епископ Мануил был арестован, приговорен к трем годам лишения свободы, но пробыл в Соловецком лагере до 1928 года, так как, работая над книгами по истории Соловецкого монастыря, пытался вывезти после завершения первого срока некоторые материалы. Тогда же епископ Мануил был заарестован ОГПУ.

Назначенный в октябре 1929 года епископом Серпуховским, викарием Московской епархии, епископ Мануил вскоре престал почитать митрополита Сергия и с 1931 по 1932 год вновь находился в тюрьме, а в 1933–1936 годах отбывал заключение в Мариинских лагерях. После освобождения епископ Мануил жил в поселке Завидово Калининской области и был вновь арестован в мае 1939 года по делу «Истинно-православной церкви». На следствии дал подробные показания, в результате которых рукоположенные им священники были арестованы, а по катакомбной общине отца Сергия Мечева был нанесен сильнейший удар.

После освобождения осенью 1944 года епископ Мануил был прикомандирован Г. Г. Карповым с ноября 1944 года по февраль 1945 года к архиепископу Луке (Войно-Ясенецкому) в Тамбовскую епархию, вероятно, в качестве осведомителя. После назначения в феврале 1945 года на Чкаловскую кафедру епископ Мануил был возведен в сан архиепископа. 4 сентября 1948 года вновь был арестован и приговорен к десяти годам лишения свободы, которые провел в Потьминских лагерях Мордовии, откуда он досрочно был освобожден в 1955 году.

Пробыв около пяти лет в Чебоксарско-Чувашской епархии, архиепископ Мануил в марте 1960 года был назначен на Куйбышевскую и Сызранскую кафедру с возведением в сан митрополита, откуда 25 ноября 1965 года был уволен на покой по болезни.

В течение многих лет своей исполненной страшных испытаний и страданий жизни митрополит Мануил не переставал систематически заниматься исследованиями источниковедческого и историко-биографического характера. Он составил первое фундаментальное собрание биографических сведений обо всех архиереях Русской Православной Церкви от Крещения Руси до 1965 года включительно. Одна часть этого капитального труда — шеститомный «Каталог русских архиереев», посвященный иерархам конца XIX — начала XX в. — включала в себя более 2 200 кратких биогра-

фий российских архиереев с указанием их научных трудов. В 1967 году митрополит Мануил представил это фундаментальное исследование в качестве диссертации на соискание степени магистра богословия, и впоследствии «Каталог русских архиереев» был издан в шести томах в Эрлангене (Германия). Митрополитом Мануилом был также составлен «Каталог русских архиереев-обновленцев», содержащий биографические данные об обновленческом епископате.

Многие труды и сочинения митрополита Мануила оказались утрачены из-за его периодических арестов или погибли во время войны. Составивший «Чин архиерейского погребения», утвержденный Священным Синодом, сам митрополит Мануил скончался 12 августа 1968 года в Куйбышеве.

Архиепископ Вениамин (Новицкий), родившийся в 1900 году в многодетной семье сельского протоиерея, по окончании в 1924 году Виленской духовной семинарии поступил на богословский факультет Варшавского университета и в конце 1928 года был пострижен в монашество в Успенской Почаевской лавре и принял сан иеромонаха.

С 15 июля 1929 года иеромонах Вениамин стал правителем дел и членом Духовного собора Почаевской лавры и в мае 1934 года был возведен в сан архимандрита, преподавал в лаврской монашеской школе. В декабре 1937 года в Варшавском университете он защитил магистерскую диссертацию на тему «Об изменяемости канонов Православной Церкви».

После присоединения Западной Украины к СССР архимандрит Вениамин перешел в юрисдикцию Московского Патриархата и с 15 июня 1941 года стал епископом Пинским и Полесским, викарием Волынской епархии.

Во время оккупации Украины немецкими войсками епископ Вениамин вошел состав Украинской Автономной Церкви, канонически связанной с Московским Патриархатом, и в августе 1941 года был секретарем Собора епископов, прошедшего в Почаевской лавре. В августе 1942 года епископ Вениамин был назначен епископом Полтавским и Лубненским.

После вступления на территорию Украины советских войск в мае 1944 года епископ Вениамин был арестован в Почаевской лавре по обвинению в сотрудничестве с оккупантами и приговорен к пятнадцати годам лишения свободы, несмотря на то что виновным себя не признал. Он провел десять лет в самых страшных лагерях на Колыме, где после перелома позвоночника превратился в инва-

лида. В 1955 году срок заключения был снижен до десяти лет, и епископ Вениамин поступил работать бухгалтером, оставшись в Магаданской области.

В ноябре 1956 года епископ Вениамин получил назначение на Омскую и Тюменскую кафедру и в феврале 1958 года был возведен в сан архиепископа. С 21 февраля 1958 года архиепископ Вениамин занимал Иркутскую и Читинскую кафедру и был временным управляющим Хабаровской епархией. В 1970 году, в преддверии Поместного Собора 1971 года, внес предложение об отмене принятого под давлением властей Архиерейским Собором 1961 года Устава, лишавшего настоятелей права управления хозяйственными делами прихода. 31 мая 1973 года архиепископ Вениамин был переведен на Чебоксарскую и Чувашскую кафедру, где за короткий период времени заслужил уважение прихожан как своей духовной жизнью, так и административными способностями, проявлявшимися, несмотря на тяжелую болезнь. Скончался архиепископ Вениамин 14 октября 1976 года.

Священноисповедник епископ Афанасий (Сахаров), родившийся в 1887 году в семье чиновника, получил классическое образование русского православного священнослужителя, окончив в 1902 году Шуйское духовное училище, в 1908 — Владимирскую духовную семинарию и завершив свое образование в Московской Духовной Академии в 1912 году со степенью кандидата богословия за защиту кандидатского сочинения «Настроение верующей души по Триоди Постной».

В октябре 1912 года, приняв монашеский постриг и священный сан, иеромонах Афанасий стал преподавать пастырские дисциплины в Полтавской духовной семинарии. После восьми лет административно-преподавательской деятельности он был удостоен сана архимандрита и должности наместника Владимирского Рождественского монастыря.

Будучи участником Поместного Собора 1917–1918 годов от монашества, тогда еще игумен Афанасий плодотворно работал в трех отделах и получил признание как выдающийся литургист, агиограф и гимнограф, что позволило ему удостоиться чести вместе с академиком Б. А. Тураевым составить службу Всех Святых, в Русской земле просиявших.

Хиротония архимандрита Афанасия во епископа Ковровского, vicария Владимирской епархии, которую возглавлял митрополит Владимирский Сергей (Страгородский), состоялась 17 июня 1921 года.

Епископ Афанасий активно выступал против обновленцев, которых поддержал его правящий архиерей митрополит Сергей, и был в сентябре 1922 года арестован и приговорен к двум годам ссылки в Зырянский край. Вернувшись из ссылки в 1925 году, епископ Афанасий продолжил борьбу с обновленцами и григорианами во Владимирской епархии. В январе 1927 года он вновь был арестован и приговорен к трем годам лишения свободы, которые провел в Соловецком лагере особого назначения.

В феврале 1930 года епископ Афанасий был выслан на три года в Туруханский край, где в первой половине 1932 года жил у ссыльно-го митрополита Кирилла (Смирнова). Вернувшись в 1933 году во Владимирскую область, он вышел из юрисдикции митрополита Сергия. При этом позиция епископа Афанасия по отношению к митрополиту Сергию была близка к точке зрения митрополита Кирилла. 18 апреля 1936 года епископа Афанасия арестовали по обвинению «в связи с Ватиканом» и «с белогвардейцами на Украине», но на допросах пытались выяснить причины отказа сотрудничать с митрополитом Сергием. Епископ Афанасий был приговорен к пяти годам лишения свободы в Беломорско-Балтийских лагерях. В июне 1942 года он был освобожден и выслан в Омскую область, где проживал в городе Ишиме. 7 ноября 1943 года в ссылке епископ Афанасий в очередной раз был арестован, на этот раз по обвинению «в проведении профашистской агитации и распространении провокационных слухов и участии в антисоветской агитации». После полугодового следствия в 1944 году его приговорили к восьми годам лишения свободы, которые он провел в Сибирских, затем с декабря 1946 по июль 1947 года в Темниковских лагерях, с июля 1947 года в Дубравлаге, где сначала работал ассенизатором, занимался плетением лаптей, но в 1947 году оказался на инвалидности по возрасту. Не признававший митрополита Сергия законным Патриархом, епископ Афанасий счел возможным после Поместного Собора 1945 года признать законность Патриаршества Алексия. В одном из своих писем он следующим образом обрисовал мотивы и обстоятельства своего решения:

Ереси, отцами осужденные, Патриарх Алексий и его сподвижники не проповедают... никакой законной высшей иерархической властью Патриарх Алексий не осужден, и я не могу, не имею права сказать, что он безблагодатный и что таинства, совершаемые им и его духовенством, не действительны. Поэтому, когда в 1945 году, будучи в заключении, я и бывшие со мною иереи, не

поминавшие Митрополита Сергия, узнали об избрании и назначении Патриарха Алексия, мы, обсудивши создавшееся положение, согласно решили, что так как, кроме Патриарха Алексия, признанного всеми Вселенскими Патриархами, теперь нет иного законного первоиерарха русской поместной Церкви, то нам должно возносить на наших молитвах имя Патриарха Алексия, как Патриарха нашего, что я и делаю неукоснительно с того дня¹.

После двадцати одного года пребывания в заключении епископ Афанасий был освобожден из лагеря и почти год содержался в Зубово-Полянском доме инвалидов, где одновременно с ним находился и его духовник иеромонах Иеракс (Бочаров). Лишь в марте 1955 года ему было разрешено выехать в город Тутаев, откуда в октябре того же года епископ Афанасий переехал в город Петушки. Однако кафедры он так и не получил, а в 1955 году был назначен председателем Богослужебно-календарной комиссии при Издательском отделе. Епископ Афанасий исследовал жития русских святых, готовил «Дополнительные Минеи», содержащие службы русским святым, которые не вошли в стандартные дореволюционные Минеи, составил обстоятельный труд «О поминании усопших по уставу Православной Церкви», несколько молебных последований, в том числе «О хотящих по воздуху шествовати», «О сущих в различных обстоятельствах», «Благодарение о получении милостыни», «О мире всего мира и о прекращении войн» и др.

Епископ Афанасий скончался 28 октября 1962 года в городе Петушки и был канонизован как священноисповедник Архиерейским Собором Русской Православной Церкви в августе 2000 года в лике новомучеников и исповедников Российских. Мощи священноисповедника Афанасия 29 октября 2000 года были перенесены крестным ходом из Князь-Владимирского кладбищенского храма во владимирский Богородице-Рождественский монастырь, где он некогда нес послушание наместника.

Этим церковным иерархам, подобно подавляющему большинству русских православных священнослужителей, не довелось запечатлеть себя в истории Русской Православной Церкви XX века какими-либо выдающимися деяниями, но меру страданий и искушений той страшной поры они приняли полностью. Размышляя над судьбами этих очень разных, в чем-то одаренных талантами, а в чем-то весьма обычных людей, удается гораздо лучше

¹ Молитва всех вас спасет. Материалы к жизнеописанию святителя Афанасия епископа Ковровского. М., 2000. С. 418.

представить себе судьбы обыкновенных православных, даже не архиереев, а именно пастырей, которым выпало несчастье родиться тогда в России, чтобы пережить вместе с Русской Церковью выпавшие на ее долю несчастья и искушения.

Лишь один из четырех будущих епископов, епископ Вениамин (Новицкий), происходил из семьи потомственного духовенства, что во многом определяло тогда выбор человеком клерикального служения. Трое остальных, происходя из семей среднего чиновничества и обедневшего дворянства, сделали выбор своего будущего пастырского и монашеского служения вполне свободно и осознанно. Поразительный и, к сожалению, весьма редкий в Русской Православной Церкви талант миссионерского и социального служения митрополита Нестора (Анисимова), более традиционный и всегда востребованный в русской церковной жизни дар гимнографического и агиографического творчества епископа Афанасия (Сахарова), всегда необходимый для церковно-исторической науки труд источниковеда и библиографа, к которому была устремлена душа архиепископа Мануила (Лемешевского), и, наконец, способность к неустанным, столь необходимым тогда просветительским трудам среди православного монастырского монашества епископа Вениамина могли бы во многом способствовать развитию и преобразению Русской Церкви, сохранившей надежду на жизнь, а не обреченной, как вскоре случилось, на выживание. И это притом что, согласно свидетельству современников, все эти епископы обладали замечательными дарами пастырства и душепопечения. Однако богоборческий коммунистический режим при равнодушии или даже соучастии значительной части нашего народа не только не позволил реализоваться в полной мере талантам четырех архиереев в жизни России, но превратил их жизнь в их родной стране в подобие ада на земле. Никогда не покидавшие большевистской России митрополит Мануил и епископ Афанасий, проведя более двадцати лет в местах заключения, лишь на склоне лет получили возможность послужить своими творческими талантами Церкви. При этом митрополит Мануил, сломленный почти до безумия своим сотрудничеством с чекистами, стал соучастником страданий и гибели немало числа своих ближних, а епископ Афанасий, с поразительной последовательностью и твердостью отстаивавший свое право остаться христианином и подлинным архиереем, так и не дождался утверждения Русской Православной Церкви в своих свободе и достоинстве перед богоборческим коммунистическим режимом, хотя и был канонизован в сонме священных

поведников после распада этого режима. Почти на пятнадцать лет лишенный России митрополит Нестор воссоединился с Московской Патриархией в 1945 году, чтобы через три года вернуться на Родину в наручниках и провести восемь из двенадцати лет, которые ему оставалось жить на родной земле, в мордовских исправительно-трудовых лагерях. Прослужив пятнадцать лет иеромонахом и епископом в притеснявшейся, но отнюдь не гонимой Православной Церкви на Западной Украине в период ее нахождения в составе Польши и в военной оккупации, епископ Вениамин после десяти лет заключения в колымских лагерях, сделавших его инвалидом, сумел последние двадцать лет своей жизни посвятить архиерейскому служению в если и не уничтожавшейся, то преследуемой Православной Церкви в СССР.

Период подлинной «церковной оттепели» 1954—1957 годов стал не только периодом спасения жизней и возвращения к церковному служению оставшихся живыми в советских лагерях и ссылках священнослужителей, но и в некотором роде уникальным периодом в истории Русской Православной Церкви после 1949 года вообще, ибо только в эти три года из почти сорока лет, оставшихся до празднования Тысячелетия Крещения Руси, количество приходских храмов в СССР не уменьшалось, а увеличилось с 13 422 до 13 478, а число священнослужителей также возросло с 11 993 до 12 288. Именно в 1956 году впервые Русской Православной Церкви было разрешено издать Библию и Евангелие тиражом пятьдесят тысяч экземпляров.

Русская Православная Церковь накануне хрущевских гонений в 1957–1958 годах

Период «церковной оттепели» оказался непродолжительным, как непродолжительной по времени оказался период «схватки бульдогов под кремлевским ковром», когда, довольно быстро физически ликвидировав Л. П. Берию, Н. С. Хрущев стал постепенно отодвигать от власти своих сподвижников по «антибериевской коалиции» Н. А. Булганина, Г. М. Маленкова, Л. М. Кагановича, В. М. Молотова, так же как через десять лет это будет делать, политически ликвидировав самого Н. С. Хрущева, Л. И. Брежнев, оттеснив от власти своих сподвижников по «антихрущевской коалиции». В 1957 году на смену «церковной оттепели» приходила «хрущевская оттепель», принеся Русской Православной Церкви «суровые заморозки». Два эпизода, имевшие место в 1957 году, обозначили событийно-временную границу между двумя этими периодами. В июне 1957 года на Пленуме ЦК КПСС Н. С. Хрущев, окончательно оттеснив своих конкурентов, прочно утвердился на посту лидера партийно-государственной иерархии, а в сентябре 1957 года митрополит Ленинградский Елевферий (Воронцов) освятил возвращенный Русской Православной Церкви в 1956 году Троицкий собор Александро-Невской лавры.

Вступая в 1958 год, руководство Московской Патриархии надеялось компенсировать свой международный внешнеполитический провал десятилетней давности, когда вместо проведения в Москве VIII Вселенского Собора, призванного утвердить лидерство в православном мире Московского Патриарха, а значит, и лидерство во внешнеполитической жизни православных стран и народов Богоданного Вождя, пришлось ограничиться проведением скромного Всеправославного совещания, посвященного 500-летию провозглашения автокефалии Русской Православной Церкви. Теперь подготовка к проведению в Москве встречи представителей Пра-

вославных Поместных Церквей по случаю 40-летия восстановления в Русской Церкви Патриаршества происходила не в условиях холодной войны, а в ситуации, когда СССР стремился показать миру свой новый, жизнерадостно миролюбивый фасад, когда в августе 1957 года в Москве даже на VI Всемирном фестивале молодежи и студентов в рядах тщательно отобранной соответствующими органами советской молодежи мелькали рясы еще более тщательно отобранных молодых православных священников.

При этом представители как Совета по делам Русской православной церкви, так и МИДа ставили перед митрополитом Николаем задачу встать во главе диалога между Поместными Православными Церквями и Всемирным Советом Церквей, который в предшествующие годы медленно развивался без участия в нем Русской Православной Церкви. Так, в письме председателя Комитета информации при МИД СССР А. А. Громыко председателю Совета по делам Русской православной церкви Г. Г. Карпову еще 17 октября 1955 года предлагалось: «...в целях оказания влияния на характер и направление деятельности Всемирного Совета Церквей можно было бы рассмотреть вопрос об участии в этой организации русской православной церкви...»¹.

Для митрополита Николая переданные Г. Г. Карповым предложения МИДа открывали перспективу не только вновь продемонстрировать полезность международной деятельности Церкви советскому правительству, но и попытаться продлить период пока еще очень краткой и поверхностной «церковной оттепели». Председатель ОВЦС был готов дополнить миротворческую деятельность Русской Православной Церкви деятельностью теперь уже не анти-, а проэкуменической, и встреча представителей Православных Поместных Церквей по случаю 40-летия восстановления в Русской Православной Церкви Патриаршества давала еще одну возможность для Московской Патриархии выступить в качестве лидера православного мира в этом, конечно же, частном, но ставшем вызывать интерес советской дипломатии вопросе. В течение почти двух лет между руководством Русской Православной Церкви в лице прежде всего митрополита Николая и руководством Поместных Православных Церквей велись переговоры о выработке новой,

¹ Комитет информации МИД СССР Г. Г. Карпову. 17 октября 1955 г. // ГАРФ. Ф. -6991. Оп. 1. Д. 1333. Л. 23. Цит. по: Чумаченко Т. А. 40-летие восстановления патриаршества в Русской Православной Церкви: церковный праздник или исполнение (К вопросу об отношении Православных церквей к экуменическому движению в 1950-е гг.) // Вестник Челябинского государственного университета. 2007. С. 101.

отличной от содержащейся в документах Всеправославного совещания позиции относительно экуменического движения и участия в нем православных христиан.

Празднование 40-летия восстановления Патриаршества в Русской Православной Церкви состоялось в Москве в мае 1958 года. В СССР прибыли делегации тринадцати из пятнадцати Православных Церквей, исключение составили Иерусалимская и Кипрская Церкви. Несмотря на двухнедельное пребывание участников праздничных мероприятий в Москве, выработать единую позицию по всем обсуждавшимся вопросам не удалось.

Именно в момент проведения праздничных торжеств Патриарху Алексию удалось добиться своей первой и, впрочем, последней встречи с Н. С. Хрущевым, которая произошла 17 мая 1958 года. Подчеркнув важность происходившей в Москве встречи представителей Православных Поместных Церквей для поддержки «миролюбивой» внешней политики СССР, Патриарх Алексей гарантировал принятие на этой встрече документа, в котором все участники так или иначе поддержат новый, еще более миролюбивый курс внешней политики, предложенный Н. С. Хрущевым. При этом Патриарх Алексей дерзнул напомнить только что ставшему Председателем Совета Министров Н. С. Хрущеву о необходимости оказывать Русской Православной Церкви помощь в финансировании братских Православных Церквей на Востоке, которые должны были поддерживать советскую политику. На этот раз его просьба сводилась к тому, чтобы государство выплатило сорок тысяч долларов Александрийскому Патриарху Христофору II вместо двадцати тысяч долларов, первоначально обещанных, и о выплате трехсот тысяч левов Болгарскому Патриарху Кириллу. Вдохновленный согласием Н. С. Хрущева удовлетворить эту просьбу, Патриарх поставил вопросы о возможности увеличения числа открывающихся новых храмов, о создании Патриаршей типографии, о смягчении антирелигиозной пропаганды, на что получил от Н. С. Хрущева, ожидавшего обещанных результатов праздничных мероприятий, весьма уклончивые ответы.

Однако встреча представителей Православных Поместных Церквей дала весьма скромные результаты. Даже при обсуждении привычных миротворческих документов единой позиции всех участников дискуссий выработать не удавалось. Основной миротворческий документ «Голос глав Православных Церквей в защиту мира» отказались подписывать глава Элладской Церкви архиепископ Феоклит II, представители Константинопольской, Сербской

и Финляндской Церквей. А еще более в тот момент важный с точки зрения советских властей вопрос об активном участии Поместных Православных Церквей под руководством Московской Патриархии в экуменическом движении предпочли в общих дискуссиях вообще не поднимать. Это решение, вероятно, приняли, исходя из весьма сдержанной реакции многих представителей Поместных Православных Церквей на ставший для них пробным камнем доклад митрополита Николая «Православие и современность» на торжественном акте в Московской Духовной Академии, несмотря на то что главный вывод доклада не выходил за рамки той позиции, которая была заявлена на Русской Православной Церковью еще на Всеправославном совещании в 1948 году и сводилась к следующей формулировке, осторожно высказанной митрополитом Николаем: «Русская Православная Церковь считает возможным пойти навстречу желанию Всемирного Совета Церквей и встретиться с его руководителями — пока с единственной целью взаимного ознакомления со взглядами на целесообразность и формы дальнейших отношений»¹.

Очередная, менее масштабная, чем в 1948 году, внешнеполитическая неудача Русской Православной Церкви вновь поставила под сомнение необходимость терпеть существование Православной Церкви в стране, строящей коммунизм, во имя призрачной перспективы использования возможностей Русской Церкви в глобальной политике. И точно так же, как в 1948 году, сторонники жесткой по отношению к Русской Православной Церкви линии в партийно-государственном аппарате готовы были использовать сложившуюся ситуацию, чтобы вновь продолжить реализацию перманентно присущей коммунистам всех времен и народов потребности преследовать христиан и уничтожать христианство.

В 1958 году Н. С. Хрущев сделал свой окончательный выбор относительно дальнейшей религиозной политики. В лице казавшегося некоторым современникам чуть ли не новым доморожденным социал-демократом Н. С. Хрущева у власти в СССР оказался невежественный коммунистический догматик, после нескольких десятилетий простого физического выживания в высших слоях коммунистической номенклатуры сталинского периода примитивно возмечтавший построить коммунизм в отдельно взятой стране, чтобы потом осчастливить им все человечество. Для отсталой и местечковой, с точки зрения Н. С. Хрущева, Русской Православной

¹ ЖМП. 1958. № 6. С. 71.

Церкви, к тому же не сумевшей очередной раз доказать свою полезность коммунистическому режиму в решении его внешнеполитических пропагандистских задач, во всемирной коммунистической утопии и в закладывающем фундамент этой утопии СССР не оставалось места.

Смещение Н. С. Хрущева произошло в октябре 1964 года, а в январе 1965 года появилось постановление Верховного Совета «О некоторых фактах нарушения социалистической законности в отношении верующих». Такое деликатное определение было дано почти семилетним государственным гонениям на Русскую Православную Церковь, в результате которых к лету 1963 года в стране оставалось 8 314 действующих храмов вместо 13 413 действовавших в 1958 году и 18 действующих монастырей вместо 47 действовавших в 1958 году, а к осени 1964 года из восьми семинарий пять было закрыто, количество учащихся духовных школ по сравнению с 1958 годом сократилось более чем вдвое и составляло 745 человек.

Для Патриарха Алексия брежневские годы стали временем его постепенного угасания, он умирал в эпоху застоя, когда политика коммунистического режима по отношению к Церкви по существу не изменилась, но активность власти, безусловно, пошла на убыль.

Заключение

Патриарх Алексей так или иначе оставил после себя ту систему церковной власти, основы которой были заложены, конечно же, митрополитом Сергием в конце 1920-х годов, но которая во многом воплощала в себе черты церковного управления, сложившегося в Русской Православной Церкви как в синодальный, так и в до-синодальный периоды. Эта система церковного управления, реально перечеркнувшая определения Поместного Собора 1917–1918 годов в 1927 году стараниями узурпировавшего высшую церковную власть митрополита Сергия и формально отрекшаяся от них в 1945 году на заседаниях Поместного Собора, оказалась неспособна сохранить Церковь в нашей стране, давая ей возможность свободного внутреннего развития и достойного отстаивания своей чести перед властью предрержащими. Тот путь, который предлагали для церковного развития Поместный Собор 1917–1918 годов и некоторые новомученики, прежде всего священномученик митрополит Кирилл (Смирнов), окончательно был отвергнут не только митрополитом Сергием, но и всем последующим ходом развития нашей церковной жизни. Поэтому, когда мы то ли размышляем, то ли скорбим о тех проблемах, которые существуют в нашей церковной жизни сейчас, мы должны отдавать себе отчет в том, что многие из этих проблем коренятся в выборе, который сделал митрополит Сергий и которому сохранял верность до своего смертного часа Патриарх Алексей.

А между тем много потрудившийся в 1917 году в качестве министра исповеданий Временного правительства для открытия столь значимого для Православной Российской Церкви тогда Поместного Собора и многое размышлявший в эмиграции относительно будущих судеб Русской Православной Церкви в качестве ведущего профессора Свято-Сергиевского богословского института в Париже А. В. Карташев надеялся именно на то, что в будущей, освободившейся от коммунизма России православные христиане «не будут иметь склонности верить судьбу Церкви неверному другу — государству, могущему в любую минуту обернуться злейшим

врагом». «Такую измену, — писал А. В. Карташев, — можно претерпеть только раз в жизни, чтобы потерять доверие к устойчивости государственной дружбы. Не государство, катастрофически меняющее свой лик, а верующее общество — вот гарантия прочного устройства Церкви, которую уже нашла Русская Церковь и от которой она не имеет оснований отказываться в дни будущего освобождения России от коммунистического рабства. Мы будем бороться при построении будущей России за полную независимость Церкви от государства, за положение ее как автономного самоуправляющегося общества. <...> Но если государственная власть, особенно в первое переходное время, примет форму грубой диктатуры, может быть, даже демагогически православной, т. е. псевдо-православной, то мы всячески будем бороться против вредного для Церкви протекционизма такой власти, грозящего попранием ее выстраданной в муках гонения свободы. Мы предпочитаем для нее положение совершенно частного общества, без малейших публично-правовых функций, чтобы охранить ее свободу от некультурной власти, ибо в свободе Церкви вся сила и ценность ее роли среди современного неверующего человечества»¹.

Мы часто гордимся своим прошлым, делаем вид, что не хотим знать нашего настоящего, и все устремляемся в светлое будущее. Но живем мы в настоящем, и, чтобы его понять, надо должным образом представлять себе наше прошлое, чтобы не принести из нашего ущербного настоящего черты нашего несовершенного прошлого в будущее, которое во многом остается нам еще неизвестным.

¹ *Карташев А. В.* Церковь и государство. Что было и что должно быть в России. Церковь, История, Россия. Статьи и выступления. М., 1996. С. 236–237.